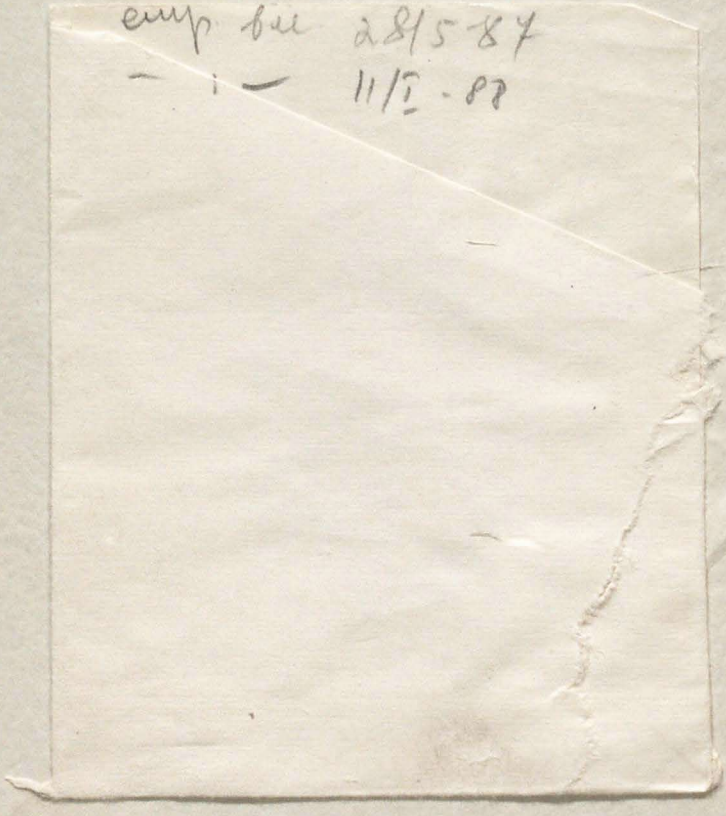
W 66
449
cs. 2



стр. вл 28/5-87
— і — 11/I-88

P 21/276
N 66/449
W 66/449
801-83/17902-4

ОЧЕРКИ И РѢЧИ

ВТОРОЙ СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

В. Ключевскаго.

Всѣ авторскія права удерживаются.

2019373361

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
Ф. 5452-34

МОСКВА,
Типографія П. П. РЯБУШИНСКА
1913

Изданіе «Очерковъ и Рѣчей» было задумано самимъ авторомъ. Подъ этимъ заглавіемъ собирался онъ объединить второй, такъ сказать, публицистическій циклъ печатныхъ статей своихъ, изъ которыхъ иныя были произнесены какъ рѣчи. Имѣвъ обыкновеніе пересматривать свои работы въ печатномъ видѣ, авторъ не оставилъ и нынѣ печатаемыхъ статей безъ нѣкоторыхъ измѣненій и дополнительныхъ вставокъ, которыя всюду и введены въ настоящее изданіе.

Критическія изслѣдованія В. О. Ключевскаго, составляющія третій циклъ его статей, войдутъ въ особый сборникъ, который въ настоящее время готовится къ печати. Въ сборникъ этомъ, какъ заключительномъ, предполагается напечатать въ качествѣ приложеній работы, оставшіяся незаконченными, и другія извлеченія изъ рукописей покойнаго автора, примыкающія по содержанію къ тому или другому циклу его статей.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ *).

(† 4 октября 1879 г.).

С. М. Соловьевъ родился 5 мая 1820 г. въ Москвѣ. Отецъ его, протоіерей Михаилъ Васильевичъ, былъ законоучителемъ въ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ. Первоначальное образованіе С. М. получилъ дома и только уже на 14-мъ году поступилъ въ 1-ю Московскую гимназію прямо въ третій классъ. Окончивъ гимназическій курсъ въ 1838 г. съ отличнымъ успѣхомъ (имя его осталось на золотой доскѣ 1-й гимназіи), онъ перешелъ въ Московскій университетъ на первое отдѣленіе философскаго факультета, какъ тогда назывался историко-филологическій факультетъ. Изъ гимназіи онъ вынесъ основательное знаніе древнихъ классическихъ языковъ и имъ посвященъ былъ первый литературный опытъ, явившійся въ печати съ именемъ Соловьева: это была произнесенная имъ на гимназическомъ актѣ при выпускѣ рѣчь «О значеніи древнихъ классическихъ языковъ при изученіи языка отечественнаго». Изученіе древнихъ языковъ продолжалось въ университетѣ, гдѣ въ то время сильно дѣйствовалъ на умы слушателей своими блестящими и полными новизны лекціями о древней исторіи профессоръ римской словесности Д. Л. Крюковъ. По разсказу самого Соловьева, Крюковъ даже предлагалъ ему спеціально готовиться подъ его руководствомъ къ занятію каѳедры рим-

*) Некрологъ, составленный для офиціальнаго ежегодника Московскаго Университета (Рѣчь и Отчетъ 1880, стр. 51—73).

ской словесности. Но Соловьевъ уже рѣшилъ выборъ ученой спеціальности, посвятивъ себя изученію исторіи, преимущественно отечественной. Въ это же время, когда Соловьевъ былъ на второмъ курсѣ (1839 г.), началъ свою столь памятную въ исторіи Московскаго университета ученую дѣятельность только-что вернувшійся изъ-за границы преподаватель всеобщей исторіи Т. Н. Грановскій. Вмѣстѣ со многими товарищами Соловьевъ подчинился обаятельному дѣйствію сильнаго таланта; впослѣдствіи историческія занятія сблизили его съ Грановскимъ. Соловьевъ сталъ потомъ его ближайшимъ товарищемъ и до конца его жизни остался связанъ съ нимъ самой тѣсной дружбой.

Въ студенческіе годы Соловьева русскую исторію преподавалъ въ Московскомъ университетѣ извѣстный М. П. Погодинъ. Тогда уже близилась къ концу его профессорская дѣятельность, прекратившаяся неожиданно для него самого въ 1844 г., когда онъ по нѣкоторымъ причинамъ покинулъ службу въ университетѣ въ надеждѣ вернуться туда года черезъ два, — и уже не возвращался. Погодинъ замѣтилъ даровитаго студента, прилежно и съ успѣхомъ занимавшагося изученіемъ отечественной исторіи. Задумавъ оставить университетъ на время, Погодинъ, года за два до своей отставки предувѣдомляя совѣтъ объ этомъ намѣреніи, указалъ ему въ числѣ другихъ кандидатовъ для замѣщенія своей каѳедры (гг. Григорьева и Бычкова) и на студента Соловьева, бывшаго тогда на послѣднемъ курсѣ.

Тотчасъ по окончаніи университетскаго курса новому кандидату 1-го отдѣленія философскаго факультета представился случай побывать за границей и тамъ довершить свое историческое образованіе. Онъ отправился туда съ семействомъ гр. А. Г. Строганова, которому рекомендовалъ молодого кандидата тогдашній попечитель Московскаго учебнаго округа гр. С. Г. Строгановъ. Соловьевъ пробылъ за границей два года (1842—1844 г.). Проѣздомъ онъ посѣщалъ Берлинскій университетъ, бывалъ между прочимъ въ ауди-

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплетной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	197 г.
31	1-2-1							

торіи Неандера; въ Прагѣ познакомился и много бесѣдовалъ объ исторіи славянства и Россіи съ Шафарикомъ и другими чешскими учеными. Но главнымъ мѣстомъ его заграничныхъ занятій былъ Парижъ. Здѣсь онъ много читалъ и много слушалъ, посѣщая усердно лекціи Ампера, Кинэ, Ленормана, Мишле, Рауль-Рошетта, Ж. Симона, Ф. Шаля, также Фр. Араго и Мицкевича. Къ изученію исторіи Россіи онъ старался подготовить себя основательнымъ знакомствомъ съ исторіей всеобщей, особенно съ тѣми ея явленіями, которыя имѣютъ прямую или косвенную связь съ фактами нашего прошедшаго. Впрочемъ и на чужой сторонѣ не прекращались занятія отечественной исторіей: въ Парижѣ Соловьевъ если не написалъ, то обдумалъ и подготовилъ свою магистерскую диссертацію, которую представилъ факультету вскорѣ по возвращеніи въ Москву, въ началѣ 1845 г., выдержавъ передъ тѣмъ экзаменъ на степень магистра русской исторіи.

Возвратившись изъ-за границы, Соловьевъ чрезвычайно быстро прошелъ рядъ испытаній, обязательныхъ для ученаго, ищущаго профессуры, хотя эти испытанія въ то время были несравненно сложнѣе и труднѣе, чѣмъ стали теперь: такъ публичной защитѣ диссертаціи въ то время предшествовалъ диспутъ въ закрытомъ засѣданіи факультета, чѣмъ пріобрѣталось право и на словесный экзаменъ и на публичную защиту диссертаціи. Выдержавъ магистерскій экзаменъ въ началѣ 1845 г., онъ дважды напечаталъ и въ октябрѣ того же года защитилъ магистерскую диссертацію: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». Черезъ годъ факультету была уже представлена имъ докторская диссертація: «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома»—объемистая книга въ 700 страницъ. Такая скорость тѣмъ удивительнѣе, что она не отразилась замѣтно на качествѣ ученой работы и что въ то время, какъ писалась эта книга, автору ея пришлось работать надъ дру-

гимъ дѣломъ, самымъ труднымъ въ ученой жизни профессора, — читать свой первый курсъ въ университетѣ: въ іюлѣ 1845 г., по предложенію попечителя, онъ былъ избранъ въ преподаватели русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, а послѣ защиты магистерской диссертаціи утвержденъ былъ на каѳедрѣ русской исторіи, впрочемъ только въ званіи исправляющаго должность адъюнкта, хотя уже имѣлъ степень магистра. Опредѣленіе совѣта Московскаго университета, дозволявшее печатать представленную Соловьевымъ на степень доктора диссертацію, состоялось 18 декабря 1846 г., въ іюнѣ слѣдующаго года диссертація была защищена, а въ промежуткѣ 27-лѣтній магистръ русской исторіи успѣлъ сдать экзаменъ на степень доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики, — экзаменъ, на которомъ ему предложено было 11 вопросовъ изъ этихъ наукъ, а также изъ древней и новой географіи. Въ три года со времени возращенія изъ-за границы—два экзамена и двѣ диссертаціи съ четырьмя диспутами, не считая перваго курса русской исторіи, читаннаго студентамъ въ 1845—1846 академическомъ году, не считая и ряда статей, написанныхъ въ то же время: русскіе ученые рѣдко поднимались по лѣстницѣ ученыхъ степеней такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ. Уже въ тѣ годы Соловьевъ въ совершенствѣ обладалъ тѣмъ умѣньемъ беречь время, которое дало ему возможность сдѣлать такъ много впослѣдствіи.

Обѣ диссертаціи создали автору громкую извѣстность не только въ тѣсномъ кругу ученыхъ, но и во всемъ читающемъ обществѣ. Первое его изслѣдованіе, выпущенное въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, разошлось такъ быстро и такъ настойчиво спрашивалось публикой, что въ 1846 г. авторъ принужденъ былъ съ нѣкоторыми пополненіями перепечатать его въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1846 г. № 1, I, стр. 1—162). По свидѣтельству одного тогдашняго

московскаго литератора-наблюдателя, первую диссертацію Соловьева «всѣ литературныя партіи встрѣтили самымъ рѣшительнымъ одобреніемъ безъ различія мнѣній» *). Вторую диссертацію встрѣтили съ такимъ же, если не съ бо́льшимъ сочувствіемъ, которое сказалось и на диспутѣ (9 іюня 1847 г.), и въ печати. «Диспутъ блестящій!»—такъ началъ упомянутый наблюдатель свой отчетъ о немъ: «несмотря на лѣтнее время, продолжаетъ онъ, когда Москва пустѣетъ, большая университетская аудиторія была полна; кромѣ профессоровъ и студентовъ было много лицъ постороннихъ; нѣкоторые посѣтители и посѣтительницы не задумались для ученаго торжества пріѣхать съ дачъ; публика живо заинтересовалась и слѣдила съ участіемъ за діалектикой и доводами говорившихъ», а говорили, возражая Соловьеву, Грановскій, Бодянскій, Кавелинъ и студентъ Клевановъ. Незадолго до диспута ученый изъ другого литературнаго лагеря, враждебнаго тому, къ которому примкнулъ Соловьевъ, извѣстный И. Д. Бѣляевъ въ «Моск. Городск. Листкѣ» (№№ 102 и 103) помѣстилъ о его книгѣ небольшую, но бойкую статейку, подобныя которой ему рѣдко удавалось писать потомъ: здѣсь рецензентъ называлъ трудъ Соловьева «книгой, по своему превосходному содержанію долженствующей быть настольною у каждаго занимающагося русскою исторіей», — книгой, которую «можно прочесть съ удовольствіемъ десять разъ и больше»; строгая логическая послѣдовательность въ выводахъ, по признанію критика, царитъ надъ всѣмъ сочиненіемъ; выводы и факты являются въ книгѣ чѣмъ-то неразрывнымъ, роднымъ другъ другу; иногда даже дивишься, прибавляетъ Бѣляевъ, отчего прежніе историки не замѣчали того, что такъ естественно и просто открылъ Соловьевъ.

Успѣхъ обѣихъ диссертацій, не устарѣвшихъ и доселѣ, объясняется не однимъ талантомъ автора, но и его серьезной

*) Московск. Городск. Листокъ 1847 г., № 130 (стр. 521).

подготовкой: въ этихъ первыхъ ученыхъ опытахъ своихъ начинавшій историкъ выступилъ уже съ обдуманными историческими понятіями, съ опредѣленнымъ взглядомъ на задачи и пріемы историческаго изученія. Этотъ взглядъ опредѣлился съ помощью ранняго и близкаго знакомства Соловьева съ современнымъ состояніемъ исторической науки на Западѣ; знакомство это началось еще на студенческой скамьѣ въ Москвѣ и потомъ ему преимущественно посвящены были двухлѣтнія заграничныя занятія. Въ «Москвитянинѣ» 1843 г. напечатана была чрезвычайно живая, съ юношескимъ одушевленіемъ написанная статья о Парижскомъ университетѣ, подъ которой стоитъ помѣтка: «Прага Чешская, 23 іюня 1843 г.». Съ большимъ увлеченіемъ, которое сообщается и читателю, передаетъ здѣсь московскій слушатель французскихъ профессоровъ впечатлѣнія, накопившіяся въ немъ въ продолженіе академическаго года, когда онъ усердно посѣщалъ Сорбонну. Это рядъ мѣткихъ характеристикъ преподавателей, которыхъ онъ слушалъ въ Парижѣ, съ остроумными замѣчаніями о характерѣ и манерахъ французскаго университетскаго преподаванія. Мишле, напримѣръ, выступаетъ въ статьѣ какъ на картинѣ, двумя тремя выдержками изъ его лекцій очерченъ во весь ростъ съ его отвращеніемъ къ системѣ, съ внѣшней безпорядочностью и болтливостью изложенія и съ блестящей, ловкозаостренной и иногда очень мѣткой отдѣльной фразой. Но Соловьевъ не увлекался восторженной импровизаціей французскихъ профессоровъ; отдавая должное внѣшнимъ качествамъ ихъ преподаванія, онъ хорошо видитъ его внутренніе недостатки, превращающіе университетскую лекцію въ публичную ораторскую рѣчь. Очевидно, не подъ вліяніемъ этихъ болѣе ораторскихъ, чѣмъ ученыхъ чтеній складывался взглядъ Соловьева на задачи и пріемы научнаго историческаго изслѣдованія. Притомъ курсы, слушанные имъ въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ тѣ, о которыхъ онъ отдаетъ отчетъ въ своей пражской статьѣ, и по содержанію своему

были слишкомъ далеки отъ того порядка историческихъ явленій, на которомъ онъ потомъ останавливалъ преимущественное вниманіе въ своихъ изслѣдованіяхъ, а въ краткой автобіографической статьѣ, составленной имъ для «Словаря профессоровъ Московскаго университета“ (1855 г.), онъ самъ замѣтилъ, что за границей „онъ продолжалъ историческія занятія, разрабатывая преимущественно тѣ предметы, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его главному предмету — отечественной исторіи“. Въ Парижѣ онъ слушалъ въ 1842—1843 г. чтенія С.-Марка Жирардэна о французской драмѣ, Филар. Шаля по исторіи нѣмецкой литературы, Кинэ по исторіи древней нѣмецкой итальянской и испанской литературы, Ампера о французской литературѣ XVII в., Россье С.-Илера о состояніи Италіи до основанія Рима, филолога Патэна о комедіяхъ Теренція, Ж. Симона о философіи, Ленормана, преемника Гизо по каѳедрѣ новой исторіи, о Евангеліи и христіанствѣ, наконецъ, Мишле, курсъ котораго, называвшійся философіей исторіи, повидимому, мало соотвѣтствовалъ своему названію. Разнообразіе этихъ курсовъ свидѣтельствуетъ о широкой любознательности молодого кандидата, посвятившаго себя изученію отечественной исторіи; но его историческіе взгляды вырабатывались больше путемъ обширнаго чтенія, чѣмъ подъ вліяніемъ заграничной университетской каѳедры. Въ то время изучена была Соловьевымъ большая часть важнѣйшихъ произведеній западно-европейской исторической литературы, многочисленныя выписки изъ которыхъ онъ хранилъ въ своихъ бумагахъ. Изъ всѣхъ представителей европейской исторіографіи XIX в. никого не ставилъ онъ такъ высоко, какъ Гизо, а изъ историческихъ произведеній прошлаго столѣтія великое научное значеніе придавалъ онъ философіи исторіи Вико (Scienza nuova). Эти имена бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на источникъ и характеръ общихъ историческихъ воззрѣній, которыя легли въ основаніе трудовъ Соловьева по русской исторіи.

Съ начала нынѣшняго вѣка европейская историческая литература стала замѣтно принимать иное направленіе, какое лишь изрѣдка появлялось въ ней прежде отдѣльными робкими попытками безъ взаимной связи и послѣдовательнаго развитія. Философски, a priori построенныя схемы въ исторіи стали терять прежнюю цѣну, какъ еще раньше потеряли ее разныя историко-дидактическія построенія судебъ человѣчества. Историческій опытъ, тяжелыя и быстрыя перемѣны, часто совершенно непредвидѣнныя, какія были испытаны европейскими обществами съ конца прошедшаго столѣтія, привели къ мысли, что въ исторіи помимо той пищи, какую она доставляетъ философскому и эстетическому созерцанію, есть еще сторона болѣе важная для изученія и болѣе нужная для практическихъ потребностей настоящаго и будущаго: это — природа и дѣйствіе силъ и условій, участвующихъ въ построеніи человѣческихъ обществъ. Историческая мысль стала внимательнѣе всматриваться въ то, что можно назвать механизмомъ человѣческаго общежитія. Въ этомъ наблюденіи она пошла двумя путями, направляемая различными впечатлѣніями, какія вынесены были изъ недавняго опыта. Этотъ опытъ состоялъ изъ ряда потрясеній, совершившихся въ политической жизни обществъ и вызванныхъ борьбою и смѣной разныхъ государственныхъ порядковъ, — и чтобы найти причины столь великихъ и неожиданныхъ крушеній, одни наблюдатели обратились къ разсмотрѣнію политической конструкціи, кладки разныхъ обществъ и изученію процесса, какимъ они складывались. Но одинъ и тотъ же политическій порядокъ имѣлъ не одинаковую судьбу въ разныхъ мѣстахъ, приводилъ къ различнымъ послѣдствіямъ; порядокъ, повидимому, наиболѣе разумно проектированный и обѣщавшій прочно обезпечить человѣческое благополучіе, на иной почвѣ не принимался, портился, разрушалъ спокойствіе и благосостояніе цѣлаго общества, и уступалъ мѣсто другому, казавшемуся худшимъ, какъ будто въ дѣлѣ политическихъ

учрежденій кладка технически лучшая можетъ быть негодной на иной исторической почвѣ. И потому другіе наблюдатели сосредоточивали свое вниманіе на свойствахъ этой почвы и того матеріала, который изъ нея извлекался для построенія общества. Такъ задача историческаго изслѣдованія раздвоилась: для однихъ предметомъ его сдѣлались преимущественно генезисъ и развитіе политическихъ формъ и соціальныхъ отношеній, политика и право, для другихъ — ростъ національныхъ преданій и обычаевъ, духъ и бытъ народа. Это раздвоеніе по существу своему не давало повода къ антагонизму обоихъ направленій въ исторической наукѣ: оно собственно было не болѣе какъ простымъ раздѣленіемъ труда въ работѣ надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ; однакожъ это раздѣленіе иногда принималось за различіе самыхъ воззрѣній, принциповъ и вызывало борьбу.

Соловьевъ присоединился къ первой изъ этихъ школъ, если можно такъ назвать указанныя направленія, господствовавшія въ исторической литературѣ. Преемство политическихъ формъ, происхожденіе и развитіе сословнаго расчлененія общества и т. п. — таковы были предметы, на которыхъ онъ прежде и больше всего сосредоточилъ свое вниманіе, какъ только принялся за самостоятельную обработку отечественной исторіи по окончаніи приготовительныхъ занятій. Съ такимъ взглядомъ на задачи историческаго изученія возвратился онъ въ 1844 г. изъ-за границы, и присутствіе программы, построенной на такомъ взглядѣ, замѣтно уже въ содержаніи перваго университетскаго курса, читаннаго имъ въ 1845—1846 академическомъ году. Въ подробномъ „Отчетѣ о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета“ за этотъ годъ читаемъ, что исправляющій должность адъюнкта магистръ Соловьевъ преподавалъ по собственнымъ запискамъ Русскую исторію студентамъ 3-го курса 1 отд. философскаго факультета и 2-го курса юридическаго по 4 часа въ недѣлю, предполагая довести свой

курсъ до новѣйшихъ временъ: „преподаватель особенно обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на родовой бытъ, господствовавшій въ древней Руси, и постепенный переходъ его въ бытъ государственный; равно обращаетъ особенное вниманіе на отношеніе между Русью московской и Русью литовской и на исторію сословій". Сверхъ того студентамъ 4-го курса философскаго факультета онъ преподавалъ по 2 часа въ недѣлю спеціальный курсъ, предметомъ котораго была „исторія междуцарствія". Въ отчетахъ ближайшихъ слѣдующихъ лѣтъ находимъ указанія только на содержаніе этихъ спеціальныхъ курсовъ: въ 1846—7 г. читана была исторія царствованія трехъ первыхъ государей изъ дома Романовыхъ, въ 1847—8 г. исторія Петра В. и т. д. Но уже изъ отчета за первый годъ преподавательской дѣятельности Соловьева достаточно видны содержаніе и характеръ его другого курса, который студенты слушали прежде спеціальнаго: это былъ общій обзоръ исторіи Россіи, столь памятный всѣмъ его слушавшимъ, который останавливался тамъ, откуда профессоръ въ слѣдующемъ году предполагалъ вести болѣе подробное его продолженіе. Такъ уже въ первые годы Соловьевъ установилъ тотъ порядокъ преподаванія, котораго онъ долго держался потомъ: начавъ спеціальное изложеніе съ эпохи, на которой прервалась „Исторія Государства Россійскаго" Карамзина, Соловьевъ съ каждымъ годомъ понемногу подвигался все дальше впередъ; но студентъ спеціально знакомился съ доставшейся ему эпохой, уже подготовленный къ тому общимъ курсомъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ. Содержаніемъ этого курса была именно смѣна политическихъ формъ съ объясненіемъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ одна изъ нихъ зарождалась, падала и переходила въ другую, и съ указаніемъ перемѣнъ, какія при господствѣ той или другой изъ нихъ происходили въ составѣ общества и во взаимныхъ отношеніяхъ его частей. Съ теченіемъ времени фактическія подроб-

ности въ этомъ курсѣ сглаживались все болѣе, такъ что онъ превратился наконецъ въ непрерывную цѣпь обобщеній, въ историко-философскую формулу политическаго и соціальнаго развитія Россіи.

Тотъ же самый взглядъ на задачи историческаго изученія проходитъ и по обѣимъ диссертаціямъ Соловьева и послѣдовательное проведеніе въ нихъ этого взгляда было главной причиной сильнаго впечатлѣнія, какое онѣ произвели на читающее общество. Такое генетическое изученіе формъ и отношеній государственнаго и общественнаго быта Россіи было тогда если не совершенной новостью въ нашей исторіографіи, то во всякомъ случаѣ явленіемъ, къ которому еще не привыкли, которому предшествовали слабыя попытки въ этомъ родѣ. А въ обѣихъ первыхъ книгахъ Соловьева, даже въ ихъ заглавіяхъ, какъ въ устномъ изложеніи съ университетской каѳедры, какъ потомъ въ «Исторіи Россіи»— на первомъ планѣ именно отношенія. Въ диссертаціи объ отношеніяхъ Новгорода къ князьямъ сдѣлана попытка объяснить соціальное происхожденіе и первоначальное устройство русскаго города древнѣйшаго времени; здѣсь же впервые высказана была мысль, которой потомъ историкъ далъ такую важную роль въ ходѣ политической исторіи Россіи—мысль о политическомъ значеніи новыхъ городовъ, возникшихъ въ сѣверной Руси XII в., среди которыхъ сложилось понятіе объ отдѣльной княжеской собственности, объ удѣлѣ, смѣнившее прежній порядокъ владѣльческихъ отношеній между князьями, основанный на понятіи объ общности, нераздѣльности владѣнія*). Задачей изслѣдованія было изученіе «характера новгородскаго народовластія», рѣшеніе вопроса: «былъ ли Новгородъ республикою, въ которой развивался особый бытъ, не имѣвшій ничего общаго съ бытомъ другихъ городовъ русскихъ, отдѣ-

*) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1846 г., № 1, отд. I, стр. 7—9, 16—22.

лился ли онъ своимъ бытомъ при Ярославлѣ I, или отдѣлился отъ новой Руси вмѣстѣ со старой и потомъ, оставшись одинъ представителемъ послѣдней, не могъ удержать старины и преклонился передъ городами юными?»

Тотъ же взглядъ во второй диссертаціи приложенъ къ кругу явленій нашей политической исторіи еще болѣе широкому. Въ нашей исторической литературѣ это былъ первый опытъ, имѣвшій цѣлью вывести изъ одного начала и изобразить въ видѣ непрерывнаго, послѣдовательнаго процесса рядъ формъ политическаго быта, смѣнившихся въ Россіи съ половины IX до конца XVI в. Возстановляя этотъ процессъ, Соловьевъ высказался рѣшительно противъ искусственнаго дѣленія нашей исторіи, противъ названій одного періода удѣльнымъ, другого монгольскимъ, дающихъ невѣрное понятіе о характерѣ времени или разрывающихъ естественную связь событій, «естественное развитіе общества изъ самого себя». Книга объ отношеніяхъ русскихъ князей Рюрикова дома по основной своей мысли имѣетъ тѣсную внутреннюю связь съ изслѣдованіемъ о новгородскихъ отношеніяхъ, развиваетъ положенія, намѣченныя въ послѣднемъ. Въ этой книгѣ получилъ окончательную обработку фактъ, который обозначенъ былъ Соловьевымъ какъ главное содерженіе его перваго университетскаго курса,—фактъ постепеннаго перехода родовыхъ отношеній, служившихъ первоначальнымъ основаніемъ порядка княжескаго владѣнія, въ отношенія государственныя. Посредствующимъ моментомъ, черезъ который совершился этотъ переходъ отъ одного порядка къ другому, служило понятіе о княжествѣ, какъ объ отдѣльной собственности князя,—понятіе, происхожденіе котораго объяснено было авторомъ въ изслѣдованіи о Новгородѣ и которое на его взглядъ возникло изъ отношеній, установившихся между новыми городами сѣверной Руси и княземъ. Что вызвало государственныя отношенія, спрашиваетъ изслѣдователь, и что дало имъ торжество надъ родовыми? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служилъ такой

рядъ историческихъ соображеній: по распаденіи Ярославова княжескаго рода на семьи, часто одна другой враждебныя, семья сѣверныхъ князей не развивается въ родъ, какъ это было на югѣ, гдѣ обособлявшіяся княжескія семьи стремились опять развиться въ роды съ прежними родовыми отношеніями; на сѣверѣ первоначальная княжеская семья, отдѣлившись отъ южныхъ, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ распадается на такія же отдѣльныя семьи, которыя не смыкаются въ родовое цѣлое, между которыми не повторяются прежнія родовыя отношенія: это потому, что нѣтъ условія, при которомъ только они и могли повториться, «нѣтъ болѣе понятія объ общности, нераздѣльности владѣнія»; отсюда «постоянное раздѣленіе и постоянная борьба между княжествами», что̀ «даетъ сильнѣйшему возможность подчинить себѣ слабѣйшія; эта возможность основывается на понятіи объ отдѣльной собственности, которая исключала родовое единство; понятіе же объ отдѣльной собственности явилось на сѣверѣ вслѣдствіе преобладанія тамъ городовъ новыхъ, которые, получивъ свое бытіе отъ князя, были его собственностію». Такимъ образомъ родовой бытъ, господствовавшій въ древней Руси, является началомъ, изъ котораго послѣдовательно развился ея политическій порядокъ, и самый этотъ бытъ, какъ исходная точка развитія древнерусскихъ политическихъ формъ, изслѣдованъ историкомъ болѣе въ явленіяхъ политическаго порядка, чѣмъ въ явленіяхъ гражданскаго общежитія, въ кругу частныхъ гражданскихъ понятій и отношеній.

Со времени возвращенія своего изъ-за границы Соловьевъ удивительно много пишетъ: въ одно время съ обѣими диссертаціями и вслѣдъ за ними составленъ былъ имъ рядъ значительныхъ по объему статей не только по русской, но и по всеобщей исторіи. Въ 1846 и 1847 г., когда писалась и печаталась книга объ отношеніяхъ князей, напечатаны были въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ изслѣдованія о нравахъ и обычаяхъ въ древней Руси отъ временъ Ярослава I

до нашествія монголовъ, о состояніи духовенства въ Россіи до половины XIII в., о мѣстничествѣ, о Мстиславѣ Храбромъ, о Даніилѣ, князѣ галицкомъ; сверхъ того изложена была русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія и составлены два очерка по всеобщей исторіи: «Римъ» и «Варвары» *). Въ 1848 г. приготовлены были къ печати двѣ обширныя статьи, изъ которыхъ одна содержала въ себѣ обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ, другая—очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу. Изслѣдованія, обзоры, очерки, критики и рецензіи идутъ непрерывнымъ рядомъ до 1851 г., продолжаются и далѣе, вливаясь потомъ изъ разныхъ повременныхъ изданій, подобно притокамъ большой рѣки, въ «Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Слѣдуетъ также припомнить, что къ 1850 г. у Соловьева былъ уже готовъ на каѳедрѣ цѣльный общій курсъ древней русской исторіи и спеціально изложена была исторія XVII и начала XVIII в.

Такой усиленной ученой дѣятельностью приготовлялся Соловьевъ къ труду, который сталъ главнымъ дѣломъ его жизни и навсегда связалъ его имя съ успѣхами русской исторической науки и русскаго общественнаго сознанія. Важнѣйшіе источники древней русской исторіи были уже имъ изучены, важнѣйшія ея явленія обдуманы и приведены во взаимную связь, когда 30-лѣтній историкъ, по достиженіи профессорскаго званія (въ іюлѣ 1850 г. утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ), предпринялъ, — какъ онъ самъ замѣчаетъ въ упомянутой выше автобіографиче-

*) Не перечисляемъ многочисленныхъ критическихъ и библіографическихъ статей, появлявшихся съ 1842 г. въ „Москвитянинѣ“ и другихъ изданіяхъ; о нихъ см. въ спискѣ сочиненій С. М. Соловьева, составленномъ Н. А. Поповымъ. Историческіе очерки „Римъ“ и „Варвары“ упомянуты самимъ авторомъ, какъ приготовленные къ печати, въ университетскомъ отчетѣ за 1845—6 г.

ской запискѣ, — „трудъ написать полную отечественную исторію изъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго“. Въ августѣ 1851 г. вышелъ первый томъ этой „Исторіи“ и потомъ въ продолженіе 27 лѣтъ каждый слѣдующій томъ съ неизмѣнной точностью являлся черезъ годъ послѣ предшествующаго.

Появленіе этого капитальнаго труда многими встрѣчено было съ нѣкоторымъ недовѣріемъ: многимъ еще казалось слишкомъ смѣлымъ писать исторію Россіи послѣ Карамзина. Но знаменитая книга Карамзина, прочитанная столь многими, воспитавшая въ обществѣ нашемъ столь живой интересъ къ собственному прошедшему, была отраженіемъ умственнаго состоянія этого общества, которое уже было отжито имъ до половины XIX в.; она не отвѣчала на историческіе вопросы, которые успѣли выступить въ нашемъ общественномъ сознаніи со смерти знаменитаго историографа, не отвѣчала требованіямъ, съ какими стали обращаться къ исторіографіи. Около половины нашего вѣка въ исторіи искали уже не однихъ „удовольствій для сердца и разума“, не пищи для воображенія, не „созерцанія многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность“, но искали и другихъ, болѣе сухихъ и прозаическихъ указаній. Присутствіе этой потребности въ нашей литературѣ за много лѣтъ до выхода перваго тома „Исторіи Россіи“ Соловьева между прочимъ доказывается появленіемъ историческаго труда, отличающагося мыслью и талантомъ, но составленнаго слишкомъ торопливо и безъ достаточной подготовки, — „Исторіи русскаго народа“ Полевого.

Пока историческая критика разберется въ огромномъ трудѣ Соловьева и оцѣнитъ его научные результаты, обновимъ еще разъ въ памяти то, что было нами въ немъ читано въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, тѣ основныя мысли, въ которыхъ выразился взглядъ историка на ходъ нашей исторіи и которыя надолго останутся точкой отпра-

вленія и опоры для дальнѣйшаго изученія русскаго прошедшаго. Этотъ взглядъ, обнимая собою девять вѣковъ жизни русскаго народа, проходитъ чрезъ длинный рядъ томовъ „Исторіи“ цѣльной связующей ихъ нитью, которая,—о чемъ никогда не перестанетъ жалѣть русская историческая наука,—прерывается на послѣдней четверти прошлаго столѣтія, оставляя насъ безъ послѣдняго слова, безъ окончательнаго сужденія историка, которое не только освѣтило бы смыслъ и значеніе этого вѣка въ нашей исторіи, но и бросило бы лучъ историческаго свѣта на времена еще болѣе къ намъ близкія.

Когда Соловьевъ начиналъ писать первый томъ своей „Исторіи Россіи“, процессъ русской исторической жизни, какъ онъ понималъ его, уже представлялся ему вполнѣ ясно и оставалось только изложить его подробности. Взглядъ на этотъ процессъ опредѣлился и установился въ первыхъ трудахъ историка, который остался вѣренъ ему и впослѣдствіи. Въ предисловіи къ первому тому этотъ взглядъ тотъ же, какимъ находимъ его и 13 лѣтъ спустя, когда повѣствователь, дошедши до конца XVII в., на минуту остановился, чтобы оглянуться на оставшееся позади его время. Согласно съ задачей историческаго изученія, рано имъ усвоенной, онъ поставилъ главной цѣлью своего труда воспроизвести послѣдовательный ростъ политической и соціальной жизни Россіи. „Не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ,—вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда“. Преемство именно политическихъ и общественныхъ формъ, въ какія облекалась жизнь русскаго народа, нѣсколько разъ изложено было историкомъ и въ главномъ трудѣ, и въ отдѣльныхъ опытахъ. Такъ въ одной статьѣ

1857 г. это преемство изображено кратко, въ видѣ схемы, отмѣчающей только самыя крупныя явленія, главные моменты историческаго процесса *).

На нашей равнинѣ до Рюрика живетъ нѣсколько рѣдко разбросанныхъ народцевъ славянскихъ и финскихъ. Они живутъ особными, замкнутыми, самостоятельными родами. Въ нѣкоторыхъ племенахъ на сѣверѣ эти роды были приведены къ единству подъ одну общую власть сначала силою, были покорены пришлыми варягами. По изгнаніи послѣднихъ родовая особность высказалась въ усобицахъ, «всталъ родъ на родъ». Тогда обращаются къ недавно испытанному средству, уже добровольно призываютъ общую власть. Пользуясь соединенными силами призвавшихъ племенъ, князья подчиняютъ себѣ всѣ остальныя. Вмѣсто племенъ по соединеніи ихъ являются волости, каждая со своимъ княземъ; но эти князья всѣ — члены одного нераздѣльнаго рода и эта нераздѣльность поддерживаетъ единство земли во время государственнаго младенчества. Потомъ волости соединяются въ государство, ихъ князья исчезаютъ, является единовластіе. По окончаніи медленнаго, вслѣдствіе громадности страны, процесса государственнаго объединенія русское государство получаетъ возможность войти въ систему европейскихъ государствъ съ сильнымъ вліяніемъ.

Въ «Исторіи Россіи» эта историческая формула раскрывается — въ такихъ приблизительно чертахъ.

Нѣкогда какой-то врагъ вытѣснилъ славянъ, именно нашихъ предковъ, съ Дуная, погнавъ ихъ на дѣвственный сѣверо-востокъ, изъ лучшей страны въ худшую. Такъ исторія-мачеха заставляла ихъ населить страну, гдѣ природа является мачехою для человѣка, тогда какъ нѣмцы шли въ обратномъ направленіи на юго-западъ, изъ худшихъ странъ въ лучшія, въ области Римской имперіи, гдѣ природа для

*) Шлецеръ и анти-историческое направленіе въ «Русск. Вѣстн.» 1857 г., т. VIII.

человѣка — мать и гдѣ притомъ была уже цивилизація. Въ этомъ причина различія всей исторіи этихъ двухъ племенъ— братьевъ по происхожденію. Наши славяне со своими родами, съ ихъ князьками разбросались, затерялись на великой русской равнинѣ, въ поселкахъ по Днѣстру, Днѣпру, Окѣ и т. д. Ихъ городки — огороженныя села. Изъ сосѣдней степи налетятъ кочевники: городки падали, и степной хищникъ запрягалъ славянскихъ женщинъ въ свою телѣгу. Промчится буря — и все тихо попрежнему; отъ хищниковъ остается одна пословица: «изгибоша акя Обри»; силы не возбуждаются постояннымъ присутствіемъ врага, какъ у германцевъ въ сосѣдствѣ съ римлянами. Но и для нашихъ славянъ пробилъ часъ исторической жизни. На Днѣпрѣ показываются лодки: плыветъ изъ Новгорода русскій князь съ дружиной. «Платите намъ дань», говорятъ они въ каждомъ встрѣчномъ селеніи. Дѣло не новое: несутъ мѣха, чтобы сбыть гостей поскорѣе. Но гости не уходятъ, усаживаются въ Кіевѣ, рубятъ городки, ходятъ по рѣкамъ и рѣчкамъ за данью. Люди уходятъ изъ селъ, покидая своихъ родовыхъ князьковъ, селятся около городковъ, гдѣ есть льгота и защита, можно много заработать, уходятъ съ княземъ въ походъ на Царьградъ, вступаютъ въ дружину, гдѣ жить хорошо: отъ всѣхъ почетъ и всего вволю. Племенное дѣленіе исчезаетъ: населеніе дѣлится на сословія, — на княжихъ м у ж е й, полныхъ людей, и на полулюдей, м у ж и к о в ъ, послѣдніе — на городскихъ промышленниковъ и на сельчанъ; земля дѣлится не на племенныя области, а на княженія, называющіяся по именамъ главныхъ городовъ, правительственныхъ средоточій.

Такъ измѣнился бытъ населенія подъ вліяніемъ правительственнаго начала; но и послѣднее подпало вліянію туземнаго быта. Въ населеніи равнины господствовалъ родовой бытъ: по смерти Ярослава до конца XII в. и между князьями дѣйствуютъ родовыя отношенія, на нихъ основанъ порядокъ владѣнія землей, которую князья считаютъ не-

раздѣльнымъ достояніемъ всего своего рода: отсюда — сильное, непрерывное движеніе, передвижка князей изъ волости въ волость по старшинству, борьба, споры, усобицы. Но эта безпорядочная бѣготня князей по волостямъ не давала послѣднимъ обособляться, волею-неволею вовлекала ихъ въ общую жизнь, создавала общіе всѣмъ имъ интересы, укореняла въ нихъ сознаніе своей взаимности, нераздѣльности всей земли и такимъ образомъ положила прочное основаніе государственному и народному единству. Отдѣльныя племена съ призваніемъ князей приведены были въ связь, преимущественно внѣшнюю; благодаря родовымъ княжескимъ отношеніямъ, со смерти Ярослава является впервые русскій народъ. Тѣми же отношеніями опредѣлился и складъ общества. Увлеченная вихремъ княжескаго движенія, дружина не пріобрѣла самостоятельнаго положенія ни въ качествѣ осѣдлыхъ землевладѣльцевъ по областямъ, какъ феодальное дворянство на западѣ, ни въ качествѣ наслѣдственныхъ областныхъ правителей, какъ польское вельможество: оставаясь бродячимъ военнымъ братствомъ, съ правомъ служить какому захочетъ князю, она не привыкла дѣйствовать дружно; каждый руководился личными, а не сословными интересами. Но при подвижности князей и ихъ дружинъ получаютъ значеніе главные города областей со своими вѣчами: они — сила постоянная, пользуются ослабленіемъ князей отъ усобицъ; область смотритъ, что̀ скажутъ, какъ рѣшатъ на вѣчѣ въ ея старшемъ городѣ, и привыкаетъ руководиться этимъ рѣшеніемъ. Такъ подлѣ власти князя является власть городского вѣча; но та же подвижность князей мѣшала точно опредѣлить отношенія обѣихъ властей другъ къ другу. Бродячіе князья, не думающіе ни о чемъ прочномъ, постоянномъ, бродячія дружины, городскія вѣча съ первоначальными формами народныхъ собраній безъ всякихъ опредѣленій, безъ крѣпкихъ формъ, способныхъ упрочить мѣстное самоуправленіе, и наконецъ, высшее духовенство во главѣ съ митрополитомъ-грекомъ, чужимъ

человѣкомъ безъ языка передъ народомъ и вліянія—таковы созданные или поддержанные родовыми княжескими отношеніями элементы русскаго общества XI и XII в.

Какъ же вышло это общество изъ такого жидкаго, колеблющагося состоянія?

Пользуясь неурядицей, кочевники стали одолѣвать Русь въ своемъ напорѣ изъ степи. Это заставило часть жителей юго-западной украйны выселиться въ страны болѣе спокойныя, дальше на сѣверо-востокъ, въ область верхней Волги. Но здѣсь уже хозяйничалъ князь; поселенцы садятся на его землѣ, въ его городкахъ, получаютъ отъ него льготы, всѣмъ ему обязаны, отъ него во всемъ зависятъ. Изъ этой зависимости развивается здѣсь сильная княжеская власть, какой не было на юго-западѣ, и вмѣстѣ съ ней осѣдлость князя, привязанность къ своему княжеству, а отсюда — понятіе о моемъ, о княжествѣ, какъ собственности князя. Такъ на сѣверѣ со времени Андрея Боголюбскаго являются основанія новаго политическаго порядка. Понятіе объ отдѣльной собственности развиваетъ въ князьяхъ стремленіе увеличить свое княжество на счетъ другихъ, прекращается передвижка князей изъ волости въ волость, родовыя отношенія рушатся, произшедшее отсюда разъединеніе князей помогаетъ одному изъ нихъ, сильнѣйшему, подчинить другихъ. Такимъ является князь московскій: онъ присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ чужія княжества и низводитъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, удѣльныхъ князей, въ положеніе подданныхъ, отнимая у нихъ одно право за другимъ. Такъ совершается переходъ родовыхъ отношеній между князьями въ государственныя: Русская земля на сѣверѣ собирается и образуется — Московское государство.

Но эти политическіе успѣхи достигнуты были не безъ большихъ національныхъ и нравственныхъ потерь. Юго-западная Русь, обезсиленная съ отливомъ исторической жизни на сѣверо-востокъ, въ конецъ разоренная татарами, отдѣляется отъ сѣверо-восточной, подчиняется Литвѣ, а черезъ

нее Польшѣ и долго тратитъ свои силы въ безплодной для своего народнаго развитія борьбѣ за народность. Съ другой стороны, русскій человѣкъ, одинокій, заброшенный въ міръ варваровъ, затерянный въ сѣверо-восточныхъ пустыняхъ, забытый своими и забывшій о своихъ по отдаленности, вышелъ изъ общенія съ европейско-христіанскими народами, въ какомъ находился, живя на юго-западѣ, и цѣлые вѣка двигался все далѣе въ пустыни востока, живя въ отчужденіи отъ западныхъ собратій. Отсюда слабость матеріальнаго, общественнаго и духовнаго развитія. Общественныя силы растутъ туго. Дворъ московскаго князя въ XIV и XV в. наполняется знатными пришельцами съ родныхъ сторонъ. Но это боярство живетъ еще преданіями отжившей старины, привычками вольныхъ дружинъ XII в., держится за свое право перехода, когда переходить стало уже не къ кому. Запоздалыя притязанія ведутъ къ борьбѣ, которая при Грозномъ принимаетъ кровавый характеръ и кончается не въ пользу знати. И городъ на сѣверѣ не удерживаетъ прежняго значенія. Ростовъ Великій падаетъ, побѣжденный новыми княжескими городами тотчасъ по смерти Андрея Боголюбскаго, и не поднимается болѣе. Падаетъ потомъ и Новгородъ Великій, вслѣдствіе прилива богатствъ неестественно вздувшійся въ государство, но представлявшій собою библейскую статую съ золотою головой и глиняными ногами: низшіе слои общества были противъ своекорыстной знати, немногихъ, правившихъ дѣлами города фамилій, и помогли ихъ гибели. При неразвитости торговли и промышленности въ земледѣльческомъ государствѣ города его бѣдны и слабы, въ нихъ не прививается даже самоуправленіе, какое пытался дать имъ Грозный. При слабости другихъ силъ одна великокняжеская власть развивается на просторѣ; при разбросанности населенія, недостаткѣ сознанія общихъ интересовъ раздробленныя части общества стягиваются сильною правительственною централизаціей, какъ разбитый членъ стягивается хирургическою повязкой. Новыя тяжести, вы-

званныя внѣшнимъ положеніемъ объединившагося государства, постоянною борьбой на востокѣ, югѣ и западѣ, мѣшаютъ подняться общественнымъ силамъ. Сословія закрѣпляются, служилое — обязательною военною службой, городское и сельское—тягломъ; для обезпеченія дохода казны и служилаго помѣщика горожане прикрѣпляются къ городамъ, крестьяне—къ землѣ. Тѣ и другіе бѣгутъ отъ закрѣпленія, куда можно, болѣе всего на Донъ, въ степь, въ козаки. Когда государство начинаетъ сжимать вольное козачество, послѣднее опрокидывается на государство; въ началѣ XVII в., по пресѣченіи старой династіи, оно вмѣшивается въ смуту, начатую людьми, питавшими старинныя притязанія, и потрясшую государство въ самомъ основаніи; неоднократно поднималось и потомъ въ XVII и XVIII вв. Но государство устояло. При первыхъ трехъ царяхъ новой династіи оно готовится вступить въ общую жизнь съ западною Европой, занять мѣсто среди европейскихъ державъ. Начинаются важнѣйшія преобразованія, подъ вліяніемъ которыхъ воспитывается Петръ: онъ доканчиваетъ начатое, рѣшаетъ нерѣшенное. Усвоеніе европейской цивилизаціи, имѣвшее при Петрѣ матеріальныя цѣли, во второй половинѣ XVIII в. рождаетъ потребность въ духовномъ, нравственномъ просвѣщеніи.

Таковъ рядъ мыслей, на основѣ которыхъ развивался разсказъ историка. Большая часть ихъ была новостью, когда ихъ впервые высказывалъ Соловьевъ, и стала теперь достояніемъ нашего общественнаго сознанія.

Въ жизни ученаго и писателя главные біографическіе факты—книги, важнѣйшія событія — мысли. Въ исторіи нашей науки и литературы было немного жизней, столь же обильныхъ фактами и событіями, какъ жизнь Соловьева. Поминать ее не перестанетъ нашъ университетъ, съ которымъ она была связана въ продолженіе 40 лѣтъ. Соловьевъ былъ питомцемъ этого университета, 34 года преподавалъ въ немъ, 6 лѣтъ стоялъ во главѣ его какъ ректоръ; наконецъ

въ его аудиторіи получилъ первую обработку главный трудъ жизни Соловьева. Еще въ 1843 г., въ статьѣ о Парижскомъ университетѣ, онъ писалъ о заключеніи русскимъ обществомъ «святого союза» съ русскимъ университетомъ— «для дружнаго, братскаго прохожденія своего великаго поприща». «Исторія Россіи», ставшая крупнымъ фактомъ въ развитіи нашего общественнаго сознанія, служитъ новою связью, скрѣпляющею этотъ союзъ, — и оба союзника не забудутъ послѣдняго урока, какой самъ собою вытекаетъ изъ историческаго процесса, изображеннаго Соловьевымъ. Обзоръ этого процесса онъ закончилъ словами: «Наконецъ въ наше время просвѣщеніе принесло свой необходимый плодъ: познаніе вообще привело къ самопознанію»; а самопознаніе — прибавилъ бы онъ, если бы довелъ свой разсказъ до нашего времени—должно привести къ самодѣятельности.

С. М. Соловьевъ

какъ преподаватель *).

Сегодня 16-я годовщина смерти С. М. Соловьева. Многіе ли изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, помнятъ его, какъ преподавателя? По крайней мѣрѣ далеко не всѣ. Преподаваніе принадлежитъ къ разряду дѣятельностей, силу которыхъ чувствуютъ только тѣ, на кого обращены онѣ, кто непосредственно испытываетъ на себѣ ихъ дѣйствіе; стороннему трудно растолковать и дать почувствовать впечатлѣніе отъ урока учителя или лекціи профессора. Въ преподавательствѣ много индивидуальнаго, личнаго, что трудно передать и еще труднѣе воспроизвести. Писатель весь переходитъ въ свою книгу, композиторъ въ свои ноты и въ нихъ оба остаются вѣчно живыми. Раскройте книгу, разверните ноты, и кто умѣетъ читать то и другое, передъ тѣмъ воскреснутъ ихъ творцы. Учитель—что проповѣдникъ: можно слово въ слово записать проповѣдь, даже урокъ; читатель прочтетъ записанное, но проповѣди и урока не услышитъ.

Но и въ преподаваніи много, даже очень много значитъ наблюденіе, преданіе, даже подражаніе. Всегда ли знаемъ мы, преподаватели, свои средства, ихъ сравнительную силу и то, какъ, гдѣ и когда ими пользоваться? Въ преподавательствѣ есть своя техника и даже очень сложная. Понятное дѣло: преподавателю прежде всего нужно вниманіе класса или аудиторіи, а въ классѣ и аудиторіи сидятъ существа,

*) Читано въ засѣданіи Историческаго Общества при Московскомъ Университетѣ 4 октября 1895 года, въ годовщину смерти Т. Н. Грановскаго и С. М. Соловьева.

мысль которыхъ не ходитъ, а летаетъ и поддается только добровольно. Въ преподаваніи самое важное и трудное дѣло заставить себя слушать, поймать эту непосѣдную птицу— юношеское вниманіе. Съ удивленіемъ вспоминаешь, какъ и чѣмъ умѣли возбуждать и задерживать это вниманіе иные преподаватели. П. М. Леонтьевъ совсѣмъ не былъ мастеръ говорить. Живо помню его приподнятую надъ каѳедрой правую съ вилкообразно вытянутыми пальцами руку, которая постоянно надобилась въ подмогу медленно двигавшемуся, усиленно искавшему словъ, какъ будто усталому языку, точно она подпирала тяжелый возъ, готовый скатиться подъ гору. Но, бывало, напряженно слѣдишь за развертывавшейся постепенно тканью его ясной, спокойной, неторопливой мысли, и вмѣстѣ съ ударомъ звонка предметъ лекціи, какое-нибудь римское учрежденіе, вырѣзывался въ сознаніи со скульптурной отчетливостью очертаній. Казалось, самъ бы сейчасъ повторилъ всю эту лекцію о предметѣ, о которомъ за 40 минутъ до звонка не имѣлъ понятія. Извѣстно, какъ тяжело слушать чтеніе написанной лекціи. Но когда Ѳ. И. Буслаевъ вступалъ торопливымъ шагомъ на каѳедру и, развернувъ сложенные, какъ складываютъ прошенія, листы, исписанные крупными и кривыми строками, начиналъ читать своимъ громкимъ, какъ бы нападающимъ голосомъ, о скандинавской Эддѣ или какой-нибудь русской легендѣ, сопровождая чтеніе ударами о каѳедру правой руки съ зажатымъ въ немъ карандашемъ, биткомъ набитая б о л ь ш а я с л о в е с н а я, часъ назадъ только что вскочившая съ холодныхъ постелей гдѣ-нибудь на Козихѣ или Бронной (Буслаевъ читалъ рано по утрамъ первокурсникамъ трехъ факультетовъ), — эта аудиторія едва замѣчала, какъ пролетали 40 урочныхъ минутъ. Не безполезно знать, какими средствами достигаются такіе преподавательскіе результаты и какими пріемами, какимъ процессомъ складывается ученическое впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи воспоминаніе объ учителѣ можетъ пригодиться и тому, кто не былъ его ученикомъ.

Я сѣлъ на студенческую скамью въ Московскомъ университетѣ въ пору, не скажу упадка, — объ этомъ грѣшно и подумать, — а въ пору кратковременнаго затишья историческаго преподаванія. Я не засталъ ни Грановскаго, ни Кудрявцева. Единственнымъ преподавателемъ всеобщей исторіи былъ С. В. Ешевскій. В. И. Герье находился еще за-границей и мнѣ пришлось слушать его уже по окончаніи курса. Ешевскій былъ превосходный, строгій, но уже угасавшій профессоръ; мы его и похоронили весной 1865 года при выходѣ нашего курса изъ университета. Онъ читалъ намъ курсы по древней и средней исторіи съ продолжительными перерывами по болѣзни, а послѣдній годъ, когда стояла на очереди новая исторія, не читалъ совсѣмъ. Мы его очень любили, немного побаивались и съ глубокой скорбью шли за его гробомъ. Сколько помнится, Соловьевъ читалъ на третьемъ курсѣ общій обзоръ исторіи древней Руси, на четвертомъ болѣе подробный курсъ русской исторіи XVIII в. Въ 1863 г., когда я началъ его слушать, это былъ цвѣтущій 42-лѣтній человѣкъ. Не помню теперь, почему мнѣ не пришлось послушать его ни разу до третьяго курса; кажется, потому, что его лекціи совпадали съ лекціями Ѳ. И. Буслаева или Г. А. Иванова, которыхъ мы не пропускали. На третьемъ курсѣ студентъ уже перестаетъ блуждать по аудиторіямъ съ бездоннымъ вниманіемъ и вѣчно раскрытымъ ртомъ, вбирающимъ все, что ни попадется ему питательнаго по пути. Онъ уже становится нѣсколько разборчивъ во впечатлѣніяхъ и знаніяхъ, начинаетъ понимать удовольствіе «свое сужденіе имѣть» и даже покритиковать профессора. По аудиторіямъ, театрамъ, засѣданіямъ ученыхъ обществъ онъ уже довольно набрался впечатлѣній; пружина воспріимчивости отъ усиленнаго нажима нѣсколько ноослабла и погнулась, и, пользуясь этимъ, изъ-подъ нея все съ бо̀льшимъ напряженіемъ выступаетъ прижатая дотолѣ другая сила, потребность разобраться въ воспринятомъ, задержать и усвоить набѣгающія впечатлѣнія, про-

питать ихъ собственнымъ духомъ, — словомъ, онъ начинаетъ чувствовать себя хозяиномъ своего я и въ состояніи уже ухватить себя за свои собственные усы.

Въ моментъ этого перелома начали мы слушать Соловьева. Обыкновенно мы уже смирно сидѣли по мѣстамъ, когда торжественной, немного раскачивающейся походкой, съ откинутымъ назадъ корпусомъ вступала въ словесную внизу высокая и полная фигура въ золотыхъ очкахъ, съ необильными бѣлокурыми волосами и крупными пухлыми чертами лица безъ бороды и усовъ, которые выросли послѣ. Съ закрытыми глазами, немного раскачиваясь на каѳедрѣ взадъ и впередъ, не спѣша, низкимъ регистромъ своего немного жирнаго баритона начиналъ онъ говорить свою лекцію и въ продолженіе 40 минутъ рѣдко поднималъ тонъ. Онъ именно говорилъ, а не читалъ, и говорилъ отрывисто точно рѣзалъ свою мысль тонкими удобопріемлемыми ломтиками и его было легко записывать, такъ что я, по порученію курса составлявшій его лекціи, какъ борзописецъ, могъ записывать его чтенія слово въ слово безъ всякихъ стенографическихъ приспособленій. Сначала насъ смущали эти вѣчно закрытые глаза на каѳедрѣ и мы даже не вѣрили своему наблюденію, подозрѣвая въ этихъ опущенныхъ рѣсницахъ только особую манеру смотрѣть; но много послѣ на мой вопросъ объ этомъ онъ признался, что дѣйствительно никогда не видѣлъ студента въ своей аудиторіи.

При отрывистомъ произношеніи рѣчь Соловьева не была отрывиста по своему складу, текла ровно и плавно, пространными періодами съ придаточными предложеніями, обильными эпитетами и пояснительными синонимами. Въ ней не было фразъ; казалось, лекторъ говорилъ первыми словами, ему попадавшимися. Но нельзя сказать, чтобы онъ говорилъ совсѣмъ просто: въ его импровизаціи постоянно слышалась ораторская струнка; тонъ рѣчи всегда былъ нѣсколько приподнятъ. Эта рѣчь не имѣла металлическаго, стальнаго блеска, отличавшаго, напримѣръ, изложеніе Гизо,

котораго Соловьевъ глубоко почиталъ, какъ профессора. Чтеніе Соловьева не трогало и не плѣняло, не било ни на чувство, ни на воображеніе; но оно заставляло размышлять. Съ каѳедры слышался не профессоръ, читающій въ аудиторіи, а ученый, размышляющій вслухъ въ своемъ кабинетѣ. Вслушиваясь въ это, какъ бы сказать, говорящее размышленіе, мы старались ухватиться за нить развиваемыхъ передъ нами мыслей и не замѣчали словъ. Я бы назвалъ такое изложеніе прозрачнымъ. Оттого, вѣроятно, и слушалось такъ легко: лекція Соловьева далеко не была для насъ развлеченіемъ, но мы выходили изъ его аудиторіи безъ чувства утомленія.

Легкое дѣло—тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить—тяжелое дѣло, у кого это не дѣлается какъ-то само собой, какъ бы физіологически. Слово—что походка: иной ступаетъ всей своей ступней, а шаги его едва слышны, другой крадется на цыпочкахъ, а подъ нимъ полъ дрожитъ. У Соловьева легкость рѣчи происходила отъ ясности мысли, умѣвшей находить себѣ подходящее выраженіе въ словѣ. Гармонія мысли и слова—это очень важный и даже нерѣдко роковой вопросъ для нашего брата преподавателя. Мы иногда портимъ свое дѣло нежеланіемъ подумать, какъ надо сказать въ данномъ случаѣ, и корень многихъ тяжкихъ неудачъ нашихъ—въ неумѣніи высказать свою мысль, одѣть ее какъ слѣдуетъ. Иногда бѣдненькую и худенькую мысль мы облечемъ въ такую пышную форму, что она путается и теряется въ ненужныхъ складкахъ собственной оболочки и до нея трудно добраться, а иногда здоровую, свѣжую мысль выразимъ такъ, что она вянетъ и блекнетъ въ нашемъ выраженіи какъ цвѣтокъ, попавшій подъ тяжелую жесткую подошву. Во всемъ, гдѣ слово служитъ посредникомъ между людьми, а въ преподаваніи особенно, неудобно какъ переговорить, такъ и недоговорить. У Соловьева слово было всегда по росту мысли, потому что въ выраженіи своихъ мыслей онъ слѣдовалъ поговоркѣ:

сорокъ разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь. Голосъ, тонъ и складъ рѣчи, манера чтенія,—вся совокупность его преподавательскихъ средствъ и пріемовъ давала понять, что все, что говорилось, было тщательно и давно продумано, взвѣшено и измѣрено, отвѣяно отъ всего лишняго, что обыкновенно пристаетъ къ зрѣющей мысли, и получило свою настоящую форму, окончательную отдѣлку. Вотъ почему его мысль чистымъ и полновѣснымъ зерномъ падала въ умы слушателей.

Гармонія мысли и слова! Какъ легко произнести эти складныя слова и какъ трудно провести ихъ въ преподаваніи! Думаю, что возможность этого находится за предѣлами преподавательской техники, нашей дидактики и методики, и требуетъ чего-то большаго, чего-то такого, что требуется всякому человѣку, а не преподавателю только. Студенты, какъ извѣстно, обладаютъ особымъ чутьемъ профессорской подготовки: они очень быстро угадываютъ, излагаетъ ли имъ преподаватель продуманныя и провѣренныя знанія, хорошо выдержанныя и устоявшіяся воззрѣнія, или только вчерашнія пріобрѣтенія своего ума, сырыя мысли, если можно такъ выразиться. Слушая Соловьева, мы смутно чувствовали, что съ нами бесѣдуетъ человѣкъ, много и очень много знающій и подумавшій обо всемъ, о чемъ слѣдуетъ знать и подумать человѣку, и всѣ свои передуманныя знанія сложившій въ стройный порядокъ, въ цѣльное міросозерцаніе, чувствовали, что до насъ доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы, какая когда-то была исполнена надъ самимъ собой этимъ человѣкомъ и которую должно рано или поздно исполнить надъ собой каждому изъ насъ, если онъ хочетъ стать настоящимъ человѣкомъ. Этимъ особенно и усиливалось впечатлѣніе лекцій Соловьева: его слова представлялись намъ яркими строками на освѣщенномъ изнутри фонарѣ. Оно и понятно: студенту старшихъ семестровъ уже виднѣется жизненный путь, на который ему придется

вступить по окончаніи учебныхъ годовъ, и онъ уже безъ студенческой беззаботности и самоувѣренности начинаетъ раздумывать, какъ-то вступитъ онъ на этотъ скользкій путь и какой походкой пойдетъ по нему. Въ этомъ раздуміи онъ уже съ дѣловымъ, не празднымъ любопытствомъ и съ молчаливымъ уваженіемъ присматривается и прислушивается къ тѣмъ изъ старшихъ, которые идутъ по этому пути твердыми прямыми шагами, съ твердымъ и яснымъ взглядомъ на людей и на вещи. Послѣ, ставъ ближе къ Соловьеву и начавъ готовиться къ профессурѣ подъ его руководствомъ, я получилъ нѣкоторую возможность слѣдить за непрерывной, строго размѣренной и разнообразной работой неутомимаго ума, и я понялъ, какъ вырабатывается и во что обходится эта гармонія мысли и слова. Чего только онъ не зналъ, не читалъ, чѣмъ не интересовался и о чемъ не думалъ! Онъ внимательно и съ удивительной экономіей досуга слѣдилъ за иностранной литературой по географіи, по всему кругу наукъ историческихъ и политическихъ, какъ и за текущими международными отношеніями. Прочитать дѣльную книжку какого-нибудь французскаго, нѣмецкаго или англійскаго путешественника по Индіи или центральной Африкѣ было для него наслажденіемъ, которымъ онъ спѣшилъ подѣлиться съ близкими людьми. Я уже не говорю о русской литературѣ, о русскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Помню, я посѣтилъ его незадолго до смерти, когда приговоръ жизни былъ уже произнесенъ и исходъ болѣзни опредѣлился. Съ третьяго слова онъ спросилъ меня: «а что новенькаго въ литературѣ по нашей части? Давно ничего не читалъ».—Я встрѣчалъ немного такихъ образованныхъ и дѣятельныхъ умовъ, а судьба нерѣдко и незаслуженно дарила меня счастьемъ встрѣчаться съ образованными и мыслящими людьми.

Я не рѣшаюсь сказать, входила ли русская исторія центральной составной частью въ составъ этого цѣльнаго и широкаго міросозерцанія. Я не рѣшаюсь на это потому,

что знаю, какъ много мѣста занимали въ выработкѣ этого міросозерцанія общіе вопросы религіи и науки. Я могу только утверждать, что на русскую исторію онъ положилъ всего больше своего научнаго труда. Но я не говорю объ его „Исторіи Россіи“, о немъ, какъ объ ученомъ: это вопросъ русской исторіографіи, одна изъ страницъ исторіи русскаго просвѣщенія и такихъ страницъ, на которыхъ съ отрадой будетъ всегда останавливаться и раздумываться мыслящій русскій человѣкъ. Вы позволили мнѣ занять теперь ваше благосклонное вниманіе бесѣдой о профессорскомъ преподаваніи Соловьева, объ его университетскомъ курсѣ русской исторіи. Вмѣстѣ съ другими учениками Соловьева, я часто докучалъ ему просьбой издать этотъ курсъ въ какой-либо изъ тѣхъ редакцій, въ какихъ онъ излагалъ его изъ году въ годъ съ университетской каѳедры, и я до сихъ поръ не могу понять, почему онъ не сдѣлалъ этого, даже неохотно велъ разговоръ объ этомъ. Съ нимъ вообще трудно было завести рѣчь объ его сочиненіяхъ; самъ онъ былъ до несправедливости скромнаго объ нихъ мнѣнія и отзываться о нихъ съ похвалой въ его присутствіи—значило сдѣлать ему непріятность. Ему и говорили объ изданіи курса, только какъ объ его профессорской обязанности, даже прибѣгали къ такому изысканному соображенію, что его курсъ вовсе и не принадлежитъ ему одному, не есть его личное дѣло, что это бесѣда профессора со студентами, слѣдовательно, совмѣстная работа профессора и его аудиторіи. Онъ называлъ это плохимъ софизмомъ, не стоющимъ и пятачка, и прекращалъ разговоръ объ этомъ. Прибавлю въ поясненіе, что Соловьевъ очень любилъ остроты и при всякомъ удачномъ словцѣ, при немъ сказанномъ, шарилъ у себя въ карманѣ со словами: „ахъ, жаль, пятачка не случилось!“ Конечно, превосходная первая глава XIII тома его „Исторіи“, содержащая въ себѣ общій обзоръ хода древней русской исторіи, вмѣстѣ со статьями общаго характера, напечатанными въ посмертномъ изданіи нѣкоторыхъ сочиненій

С. М. Соловьева, каковы „Начало Русской земли“, „Древняя Россія“, Историческія письма“ и др., дають нѣкоторую возможность читателю представить себѣ содержаніе и даже характеръ этого общаго курса. Въ этихъ статьяхъ есть все, что проводилось и развивалось въ курсѣ; но для читателя останутся неуловимы концепція содержанія и впечатлѣніе изложенія, а въ преподаваніи—это главное, если не все. Соловьевъ давалъ слушателю удивительно цѣльный, стройной нитью проведенный сквозь цѣпь обобщенныхъ фактовъ взглядъ на ходъ русской исторіи, а извѣстно, какое наслажденіе для молодого ума, начинающаго научное изученіе, чувствовать себя въ обладаніи цѣльнымъ взглядомъ на научный предметъ. Въ курсѣ Соловьева эта концепція и это впечатлѣніе были тѣсно связаны съ однимъ пріемомъ, которымъ легко злоупотребить, но который въ умѣломъ преподаваніи оказываетъ могущественное образовательное вліяніе на слушателя. Обобщая факты, Соловьевъ вводилъ въ ихъ изложеніе осторожной мозаикой общія историческія идеи, ихъ объяснявшія. Онъ не давалъ слушателю ни одного крупнаго факта, не озаривъ его свѣтомъ этихъ идей. Слушатель чувствовалъ ежеминутно, что потокъ изображаемой передъ нимъ жизни катится по руслу исторической логики; ни одно явленіе не смущало его мысли своей неожиданностью или случайностью. Въ его глазахъ историческая жизнь не только двигалась, но и размышляла, сама оправдывала свое движеніе. Благодаря этому курсъ Соловьева, излагая факты мѣстной исторіи, оказывалъ на насъ сильное методологическое вліяніе, будилъ и складывалъ историческое мышленіе: мы сознавали, что не только узнаемъ новое, но и понимаемъ узнаваемое, и вмѣстѣ учились, какъ надо понимать, что узнаемъ. Ученическая мысль наша не только пробуждалась, но и формировалась, не чувствуя на себѣ гнета учительскаго авторитета: думалось, какъ будто мы сами додумались до всего того, что намъ осторожно подсказывалось.

Эти общія идеи, которыми перевивались факты русской исторіи, могутъ показаться элементарными; но ихъ необходимо продумать на университетской скамьѣ и только тогда онѣ становятся такими элементарными. Съ двухъ сторонъ Соловьевъ освѣщалъ излагаемые имъ историческіе факты: одну изъ нихъ можно назвать прагматическою, другую — моралистической. Настойчиво говорилъ и повторялъ онъ, гдѣ нужно, о связи явленій, о послѣдовательности историческаго развитія, объ общихъ его законахъ, о томъ, что называлъ онъ необычнымъ словомъ — историчностью. Вы думаете, легкое дѣло растолковать сидящему на школьной скамьѣ понятіе объ основахъ людского общежитія, объ историческомъ процессѣ, о закономѣрности исторической жизни! Я встрѣчалъ взрослыхъ и по-своему умныхъ людей, которымъ никакъ не удавалось усвоить себѣ самую идею историческаго процесса. У Соловьева сравненія, аналогія жизни народовъ съ жизнью отдѣльнаго человѣка, отвлеченные аргументы и, наконецъ, его столь извѣстная и любимая фраза естественно и необходимо, повторявшаяся при всякомъ случаѣ, какъ припѣвъ,—все врѣзывало въ сознаніе слушателя эту идею исторической закономѣрности. Съ другой стороны, — да не покажется намъ это страннымъ — Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ: онъ видѣлъ въ явленіяхъ людской жизни руку исторической Немезиды или, приближаясь къ языку древнерусскаго лѣтописца, знаменіе правды Божіей. Я не вижу въ этомъ научнаго грѣха: эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная къ сознанію своею нравственною стороной, та же научная связь причинъ и слѣдствій, только приложенная къ явленіямъ добра и зла, преступленія и возмездія. Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ въ томъ простомъ смыслѣ, что не исключалъ изъ сферы своихъ наблюденій мотивовъ и явленій нравственной жизни. Кто изъ слушателей Соловьева не запомнилъ на всю жизнь этихъ нравственныхъ ком-

ментаріевъ, что общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознаютъ обязанность жертвовать частнымъ интересомъ интересу общему, что уже первоначальное, естественное общество человѣческое, семейство, основано на жертвѣ, ибо отецъ и мать перестаютъ жить для самихъ себя, что общество тѣмъ крѣпче, чѣмъ яснѣе между его членами сознаніе, что основа общества есть „жертва“, что „европейское качество всегда торжествовало надъ азіатскимъ количествомъ“ и что это качество состоитъ въ „перевѣсѣ силъ нравственныхъ надъ матеріальными“, что величіе древней Руси заключалось въ сознаніи своихъ несовершенствъ, въ сбереженной ею способности не мириться со зломъ, въ искреннемъ и горячемъ исканіи выхода въ положеніе лучшее посредствомъ просвѣщенія. Все это, повторяю, довольно элементарно, но все это должно быть продумано на студенческой скамьѣ и только на ней можетъ быть продумано, какъ слѣдуетъ.

Въ дѣтствѣ, помню, гдѣ-то я видѣлъ старинныя колонны, обвитыя вьющимся растеніемъ. Свѣжая жизнь бѣжала по холодному мрамору старины и такъ стройно обвивала его, что мнѣ казалось, будто эти вьющіеся побѣги растутъ изъ самого мрамора. Когда я вслушивался, какъ Соловьевъ перевивалъ факты нашей исторіи общими историческими идеями, своею прагматикой и моралистикой, мнѣ не разъ вспоминались эти старыя колонны съ обвивающими ихъ побѣгами вьющагося растенія и мнѣ думалось, что эти идеи органически выростали изъ объясняемыхъ ими фактовъ.

Вотъ что счелъ я небезполезнымъ въ день памяти Соловьева припомнить объ его университетскомъ преподавательствѣ. Сколько знаю, Соловьевъ никогда не былъ учителемъ среднеучебнаго заведенія; онъ вездѣ, гдѣ преподавалъ, былъ профессоромъ. Но его университетскій курсъ помогаетъ уяснить отношеніе гимназическаго преподаванія исторіи къ университетскому. Мы знаемъ разницу между тѣмъ и другимъ; но у того и другого есть и точка соприкосно-

венія. Неудобно профессорствовать, читать лекцію въ классѣ; неудобно и сказывать урокъ въ аудиторіи: въ первомъ случаѣ гимназистъ преждевременно забѣгаетъ въ настроеніе студента, во второмъ студентъ огорчается своимъ невольнымъ возвращеніемъ въ положеніе гимназиста. Учитель исторіи разсказываетъ ученикамъ, что было; профессоръ разсуждаетъ со студентами, что это былое значило. Но Соловьевъ такъ разсуждалъ со студентами о быломъ, что они живо представляли себѣ, какъ это происходило; желательно, чтобы учитель такъ разсказывалъ о быломъ, чтобы ученикамъ хотѣлось разсуждать о томъ, что оно значило. Выражу такъ это отношеніе, не умѣя выразить его удачнѣе*).

---

*) Слушателями сообщенія въ большинствѣ являлись преподаватели гимназій, члены Историческаго Общества при Московскомъ университетѣ. Прим. изд.

Памяти С. М. Соловьева*).

(† 4 октября 1879 года).

Двадцать пять лѣтъ прошло со дня кончины С. М. Соловьева. Смерть застала историка за XXIX томомъ его „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ и прервала его тридцатилѣтній трудъ на полуфразѣ.

Когда стало извѣстно, что работа, столько лѣтъ привлекавшая къ себѣ вниманіе образованнаго русскаго общества, остановилась навсегда, что замерла энергія, ее двигавшая, первымъ побужденіемъ было воздать должное покойному ученому, оцѣнить, что сдѣлалъ онъ своимъ многолѣтнимъ трудомъ для науки, для изученія русской исторіи, для національнаго самопознанія. Время строго провѣряетъ чувства и сужденія. Двадцать пять лѣтъ—достаточно продолжительный срокъ для провѣрки. Пишущій эти строки, которому досталась отвѣтственная честь стать преемникомъ С. М. Соловьева по каѳедрѣ, подъ первымъ впечатлѣніемъ понесенной утраты написалъ нѣсколько внушенныхъ чувствомъ ученика строкъ о характерѣ почившаго историка и значеніи его труда. Перечитавъ написанное четверть вѣка спустя, авторъ не нашелъ преувеличенія, къ какому обыкновенно располагаетъ еще не закрытая могила. Скорѣе напротивъ: черты кажутся блѣдными и неполными, взглядъ недостаточно широкимъ. Этимъ впечатлѣніемъ оправдывается рѣшимость предложить вниманію читателя этотъ

*) Научное Слово, 1904, кн. 8.

спѣшный коротенькій очеркъ, анонимно помѣщенный въ давно прерванномъ изданіи *). По нему можно отчасти судить, какъ значеніе этихъ 29 томовъ „Исторіи Россіи“ уяснялось и росло по смерти историка, разрушая опасенія и его собственныя предсказанія, что громадная книга будетъ скоро снята со стола и забыта.

I.

..... Біографія и историческая критика спокойно и на досугѣ опишутъ его жизнь и характеръ, изобразятъ ходъ и значеніе его учено-литературной дѣятельности, его образъ мыслей и убѣжденія, его взглядъ на историческія судьбы Россіи. Подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ тяжелой утраты попытаемся припомнить хотя только наружныя, самыя поверхностныя черты его, какъ ученаго.

Соловьевъ рано сталъ и до конца жизни остался ученымъ. Онъ умеръ, не доживъ до конца своего 60-го года; но имя его уже 34 года извѣстно въ русской ученой литературѣ. Его дѣятельность въ эти 34 года была раздѣлена между архивами, университетской аудиторіей и письменнымъ столомъ его кабинета. Онъ удивительно много и правильно работалъ и на успѣхи русской исторической науки имѣлъ вліяніе, которое пока трудно еще оцѣнить достаточно. Съ 1845 г., когда появилось его первое изслѣдованіе по русской исторіи, и до послѣдней строки, имъ написанной незадолго до смерти, онъ работалъ въ одномъ направленіи, которое прямо или косвенно отразилось на ходѣ всей русской исторической литературы. Въ движеніи русской исторіографіи это время можно смѣло обозначить именемъ Соловьева: живущіе нынѣ писатели, вмѣстѣ съ нимъ наиболѣе поработавшіе надъ исторіей своего отечества, охотно согласятся съ этимъ. Вооружившись пріемами и задачами, выра-

*) Критическое Обозрѣніе. 1879. № 20, стр. 37—40.

ботанными исторической наукой первой половины нашего вѣка, онъ первый пересмотрѣлъ всю массу историческаго матеріала, оставшагося отъ жизни русскаго народа съ половины IX до послѣдней четверти XVIII в., связалъ одной мыслью разорванные лоскуты историческихъ памятниковъ и вынесъ на свѣтъ наличность уцѣлѣвшихъ фактовъ нашей исторіи. Есть и будутъ десятки трудолюбивыхъ изслѣдователей русскаго прошедшаго, которые останавливаются и будутъ останавливаться на томъ или другомъ фактѣ дольше Соловьева, изучаютъ и будутъ изучать то или другое явленіе подробнѣе, чѣмъ изучалъ онъ; но каждый изъ нихъ, чтобы идти прямо и твердо въ своей работѣ, долженъ начинать съ того, чѣмъ кончилъ Соловьевъ свою рѣчь о томъ же, и онъ, какъ маякъ, еще долго будетъ служить первымъ указателемъ пути даже для тѣхъ, кто далеко разойдется съ нимъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ. Въ 1851 г. вышелъ первый томъ его „Исторіи Россіи“, и съ тѣхъ поръ каждый годъ читатель получалъ новый томъ въ урочное время съ точностью, которой не могла побѣдить даже предсмертная болѣзнь автора: умирая, онъ сдалъ XXIX томъ въ типографію почти законченнымъ; перо выпало изъ руки недалеко отъ предположеннаго конца книги—описанія казни Пугачева. Никогда прежде въ продолженіе почти трехъ десятилѣтій въ нашу историческую литературу не вливалось такъ послѣдовательно, такой непрерывной струей столько свѣжихъ знаній. Послѣ продолжительнаго и труднаго пути, повѣствователь подходилъ уже къ порогу нашего вѣка; жизнь одного поколѣнія отдѣляла его отъ времени нашихъ отцовъ, когда оборвалась нить его повѣсти и его жизни. Онъ напоминаетъ своей дѣятельностью нашего древняго колонизатора, который, отыскавъ протоптанную тропу по опушкѣ дремучаго лѣса, первый отважился продолжить ее въ непройденную никѣмъ глубь и упалъ, когда уже сталъ показываться просвѣтъ съ другой стороны чащи.

Самъ историкъ очень спокойно смотрѣлъ на значеніе труда, которому онъ отдалъ 30 лучшихъ лѣтъ своей жизни. Задолго до смерти онъ высказывалъ увѣренность, что въ недалекомъ будущемъ напишутъ исторію Россіи лучше его; за собой онъ удерживалъ только заслугу первой тяжелой расчистки пути, первой обработки сырого матеріала. Но по многимъ причинамъ 29 томовъ его „Исторіи“ не скоро послѣдуютъ въ могилу за своимъ авторомъ. Даже при успѣшномъ ходѣ русской исторической критики въ нашемъ ученомъ оборотѣ надолго удержится значительный запасъ историческихъ фактовъ и положеній въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ впервые обработалъ и высказалъ Соловьевъ: изслѣдователи долго будутъ ихъ черпать прямо изъ его книги, прежде чѣмъ успѣютъ провѣрить ихъ сами по первымъ источникамъ. Еще важнѣе то, что Соловьевъ вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ прочно поставленныхъ фактовъ внесъ въ нашу историческую литературу очень мало ученыхъ предположеній. Трезвый взглядъ рѣдко позволялъ ему переступать рубежъ, за которымъ начинается широкое поле гаданій, столь удобное для игры ученаго воображенія. При недостаткѣ твердыхъ основаній Соловьевъ скорѣе готовъ былъ обойти вопросъ, подвергаясь упрекамъ критики, чѣмъ рѣшить его какой-либо остроумной догадкой, которая поселила бы самодовольную увѣренность, что вопросъ покончень, или легла бы лишнимъ камнемъ на пути для другихъ изслѣдователей. Вотъ почему отъ такой продолжительной и быстрой работы надъ неопрятнымъ, неочищеннымъ матеріаломъ у Соловьева осталось такъ мало ученаго сора. Найдутъ разные недостатки въ его огромномъ трудѣ; но нельзя упрекнуть его въ одномъ, отъ котораго всего труднѣе освободиться историку: никто меньше Соловьева не злоупотреблялъ довѣріемъ читателя во имя авторитета знатока.

Это былъ ученый со строгой, хорошо воспитанной мыслью. Черствой правды дѣйствительности онъ не смягчалъ въ

угоду патологическимъ наклонностямъ времени. Навстрѣчу фельетоннымъ вкусамъ читателя онъ выходилъ съ живымъ, но серьезнымъ, подъ часъ жесткимъ разсказомъ, въ которомъ сухой, хорошо обдуманный фактъ не приносился въ жертву хорошо разсказанному анекдоту. Это создало ему извѣстность сухого историка. Какъ относился онъ къ публикѣ, для которой писалъ, такъ же точно относился онъ и къ народу, исторію котораго писалъ. Русскій до мозга костей, онъ никогда не закрывалъ глазъ, чтобы не видѣть темныхъ сторонъ въ прошедшемъ и настоящемъ русскаго народа. Живѣе многихъ и многихъ патріотовъ чувствовалъ онъ великія силы родного народа, крѣпче многихъ вѣрилъ въ его будущее; но онъ не творилъ изъ него кумира. Какъ нельзя больше былъ онъ чуждъ того грубаго пренебреженія къ народу, какое часто скрывается подъ неумѣреннымъ и ненужнымъ воспѣваніемъ его доблестей или подъ высокомѣрнымъ и равнодушнымъ снисхожденіемъ къ его недостаткамъ. Онъ слишкомъ глубоко любилъ и уважалъ русскій народъ, чтобы льстить ему, и считалъ его слишкомъ взрослымъ, чтобы подъ видомъ народной исторіи сказывать ему дѣтскія сказки о народномъ богатырствѣ.

Исторіи Соловьевъ не ронялъ до памфлета. Онъ умѣлъ разсматривать историческія явленія даннаго мѣста и времени независимо отъ временныхъ и мѣстныхъ увлеченій и пристрастій. Его научный историческій кругозоръ не ограничивался извѣстными градусами географической широты и долготы. Изучая крупныя и мелкія явленія исторіи одного народа, онъ не терялъ изъ вида общихъ законовъ, правящихъ жизнью человѣчества, коренныхъ основаній, на которыхъ строятся людскія общества. Мыслитель скрывался въ немъ за повѣствователемъ: его разсказъ развивался на историко-философской основѣ, безъ которой исторія становится забавой празднаго любопытства. Оттого историческія явленія стоятъ у него на своихъ мѣстахъ, освѣщены естественнымъ, а не искусственнымъ свѣтомъ; оттого въ

его разсказѣ есть внутренняя гармонія, историческая логика, заставляющая забывать о внѣшней беллетристической стройности изложенія.

Широта историческаго взгляда была отраженіемъ широты его историческаго образованія. Въ области русской исторіи трудно быть спеціалистомъ болѣе Соловьева. Немного будетъ послѣ него ученыхъ, которымъ удастся такъ послѣдовательно и полно изучить источники нашей исторіи. Но Соловьевъ не закапывался въ свою спеціальность. Въ этомъ отношеніи онъ—поучительный образецъ, особенно для занимающихся отечественной исторіей, между которыми часто проявляется наклонность уединяться въ своей цеховой кельѣ. Первый мастеръ своего дѣла, Соловьевъ хранилъ въ себѣ хорошія свойства ученыхъ стараго времени, когда научныя спеціальности еще не расходились между собою такъ далеко, какъ разошлись они теперь. Образцовыя произведенія исторической и политической литературы Европы со временъ Геродота и до нашихъ дней онъ изучалъ въ подлинникахъ и зналъ превосходно. Библейскія книги были ему знакомы, какъ древнія русскія лѣтописи. Знатоки поражались внимательностью, съ какой онъ слѣдилъ за текущей иностранной литературой по исторіи, географіи, этнографіи и другимъ смежнымъ отраслямъ знанія; для нихъ остается неразрѣшимой загадкой, гдѣ находилъ время для этого человѣкъ, съ такой педантической точностью исполнявшій свои служебныя обязанности, постоянно писавшій въ періодическихъ изданіяхъ и ежегодно издававшій новый томъ „Исторіи Россіи“. Въ минуты отдыха онъ особенно охотно говорилъ о какой-нибудь замѣчательной литературной новости, иностранной или русской, часто очень далекой отъ предмета его текущихъ спеціальныхъ занятій. Феноменально-счастливая память помогала этой безустанной работѣ. Казалось, эта память не умѣла забывать, какъ мысль, которой она служила, не умѣла уставать. Наблюдатель, изучивъ свойства его таланта, образъ его мыслей, кругъ

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА имени

его интересовъ, наконецъ съ недоумѣніемъ останавливался передъ самымъ устройствомъ его ума: оно поражало его, какъ рѣдкій ученый механизмъ, способный работать одинаково спокойно и правильно безконечное число часовъ, перерабатывая самый разнообразный матеріалъ. Онъ зналъ тайну искусства удвоять время и возстановлять силы простой перемѣной занятій. Ни годы, ни житейскія тревоги, ни физическій недугъ не могли ослабить живости его умственныхъ интересовъ. Прошедшимъ лѣтомъ, прикованный болѣзнью къ креслу, онъ не могъ оторваться отъ только что изданной переписки Погодина со славянскими учеными и знакомымъ, пришедшимъ навѣстить больного и напрасно усиливавшимся сдержать его участіе въ разговорѣ, передавалъ свои воспоминанія о Шафарикѣ и народно-литературномъ движеніи среди чеховъ сороковыхъ годовъ съ живостью недавняго впечатлѣнія, хотя прошло уже 37 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ въ Прагѣ. Вслѣдъ затѣмъ показалъ онъ только что полученный выпускъ географическаго труда Реклю, гдѣ помѣщенъ рисунокъ стариннаго деревяннаго храма въ Норвегіи, близко напоминающаго своей архитектурой московскій храмъ Василія Блаженнаго, готовъ былъ безъ конца разсуждать о происхожденіи и значеніи этого сходства. Недѣли за три до смерти, голосомъ, котораго уже не хватало на окончанія словъ, онъ еще спрашивалъ посѣтителя, не вышло ли чего новенькаго по нашей части? Интересъ знанія еще живо горѣлъ, когда гасла физическая жизнь.

Эта энергія умственныхъ интересовъ поддерживалась единственно нравственной бодростью и не знала тѣхъ искусственныхъ возбужденій, которыя приходятъ со стороны на помощь писателю. Соловьевъ никогда не заблуждался насчетъ количества читателей своей книги; онъ даже преувеличивалъ равнодушіе къ ней публики. Говоря объ увеличивающемся спросѣ на книгу, о необходимости новыхъ изданій разныхъ ея томовъ, онъ объяснялъ это исключи-

тельно заглавіемъ своего труда и размноженіемъ казенныхъ и общественныхъ библіотекъ, которымъ надобно же имѣть на полкахъ „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Но онъ принадлежалъ къ числу людей, готовыхъ проповѣдывать въ пустынѣ. Для Соловьева книга его была задачей жизни, а для такихъ людей задача жизни имѣетъ значеніе иноческаго обѣта.

Его нравственный характеръ очень поучителенъ. Готовый поступиться многимъ въ своей теоріи родовыхъ княжескихъ отношеній на Руси въ виду достаточныхъ основаній, Соловьевъ не допускалъ сдѣлокъ въ нравственныхъ отношеніяхъ; осторожный въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ, онъ былъ рѣшителенъ въ вопросахъ нравственныхъ, потому что основныя правила, которыми онъ руководился при рѣшеніи этихъ послѣднихъ вопросовъ, имѣли въ его сознаніи значеніе не теоріи, а простой математической аксіомы. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые вырубаются изъ цѣльнаго камня; они долго стоятъ прямо и твердо, и обыкновенно падаютъ вдругъ, подточенные не столько временемъ, сколько непогодой.

II.

Все это блѣдно, неполно, поверхностно. Сказать это теперь значитъ сказать слишкомъ мало. Къ двадцать пятой годовщинѣ смерти историка стало ясно и общепризнано многое, что лишь смутно предчувствовалось или чаялось при гробѣ. Большое компактное изданіе „Исторіи“, въ шести полновѣсныхъ книгахъ, начатое въ 1893 г., стало быстро расходиться, и три года спустя, когда явился подробный указатель къ этимъ книгамъ, первыя три книги вышли уже вторымъ изданіемъ. Трудъ жилъ, продолжалъ свою работу и по смерти автора. Къ нему обращался образованный читатель, желавшій расширить, упорядочить и освѣжить

идеями и конкретными впечатлѣніями свои познанія по русской исторіи. Работой надъ неисчерпаемымъ запасомъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ первыхъ, часто нетронутыхъ источниковъ, фактовъ, обдуманно подобранныхъ и прагматически истолкованныхъ, начинало пробу своей мысли уже не одно поколѣніе молодыхъ ученыхъ, приступившихъ къ научному изученію нашего прошлаго. Цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ ученой разработкѣ отдѣльныхъ фактовъ, эпизодовъ, учрежденій, источниковъ нашей исторіи, шелъ отъ положеній, изложенныхъ въ „Исторіи Россіи“, въ ней искалъ первыхъ руководительныхъ указаній и ею же провѣрялъ свои выводы и открытія, даже когда частично пополнялъ и поправлялъ ее. Въ популярныхъ изложеніяхъ русской исторіи нерѣдко сквозятъ матеріалъ, фонъ, мысли и краски, данные тѣмъ же произведеніемъ. Широкія обобщенія и сопоставленія, стереотипныя положенія о естественности и необходимости историческихъ явленій, о закономѣрности въ исторіи, параллели между личной, индивидуальной и массовой народной жизнью,— такія общія историческія идеи, которыми Соловьевъ любилъ, какъ свѣтовыми полосками, прокладывать въ своемъ изложеніи фонъ исторической жизни, оказывали формирующее дѣйствіе на мышленіе русскаго читателя, еще не отвыкшаго мѣшать исторію съ анекдотомъ, мирили его съ мыслью, что и въ исторіи есть своя таблица умноженія, свое непререкаемое дважды два, безъ котораго немыслимо никакое историческое мышленіе, невозможно даже никакое людское общежитіе.

Все это было признано и цѣнилось еще при жизни историка. Теперь, отдаленные отъ него такимъ пространствомъ времени, можемъ ввести въ его оцѣнку еще одинъ мотивъ: къ признанію того, что имъ сдѣлано для русской исторіи, можно присоединить сожалѣніе о томъ, что преждевременная смерть помѣшала ему сдѣлать. Въ минуту смерти рѣчь объ этомъ могла показаться неумѣстной жалобой; черезъ

25 лѣтъ такое сожалѣніе—спокойно-грустное воспоминаніе о научной потерѣ, которая для русской исторіографіи осталась доселѣ не вознагражденной.

Эта утрата ближайшимъ образомъ касалась русской исторіи XVIII в. Въ „Исторіи Россіи“ этотъ вѣкъ впервые вскрывался во всей полнотѣ своего нетронутаго наукой содержанія и въ непрерывной, тщательно выясненной преемственной связи съ его девятью предшественниками. Уже три четверти столѣтія были пройдены историкомъ, перомъ и словомъ котораго болѣе 30 лѣтъ возбуждалось и поддерживалось вниманіе русскаго читающаго общества и учащагося юношества къ своему прошлому. Тогда уже привыкли думать: еще нѣсколько лѣтъ, еще немного усилій неутомимаго труда, и этотъ вѣкъ, русскій XVIII вѣкъ, столь важный въ судьбахъ нашего отечества, исполненный столь громкихъ дѣлъ, вызвавшій столько шумныхъ и разнорѣчивыхъ толковъ своими грѣхами и успѣхами, наконецъ предстанетъ передъ читателемъ въ цѣльномъ научномъ изображеніи.

Въ XIII томѣ „Исторіи Россіи“, гдѣ изложены царствованіе Ѳедора Алексѣевича и слѣдовавшая за смертью этого царя московская смута 1682 года, авторъ поставилъ рядомъ съ общимъ заглавіемъ своего труда другое, частное, повторенное и въ дальнѣйшихъ пяти томахъ до смерти Петра Великаго: „Исторія Россіи въ эпоху преобразованія“. Большую половину XIII тома занимаетъ предпосланная царствованію Ѳедора вводная глава, въ которой за общимъ обзоромъ хода древней русской исторіи слѣдуетъ превосходное изображеніе состоянія Россіи передъ эпохою преобразованія. Такимъ образомъ на 1676 году, когда началось царствованіе Ѳедора, самъ историкъ провелъ раздѣльную черту между древней и новой Россіей. Этотъ XIII томъ появился въ 1863 г. Семнадцать лѣтъ писалъ Соловьевъ новую русскую исторію. Быстро развившаяся болѣзнь остановила работу, которая по возрасту ав-

тора могла бы продолжаться еще немало лѣтъ. Неоконченный XXIX томъ, изданный по смерти историка въ 1879 году, доводитъ обзоръ внѣшней политики до 1774 года, когда былъ заключенъ миръ съ Турціей въ Кучукъ-Кайнарджи, а въ описаніи внутренняго состоянія Россіи прерывается на дѣлахъ 1772 года, передъ самымъ мятежомъ Пугачева, казнью котораго (въ январѣ 1775 г.) предположено было закончить этотъ томъ. Соловьевъ признавался, что не разсчитываетъ вести свой трудъ дальше царствованія Екатерины II. Разсказъ о немъ начатъ въ XXV томѣ. Если первыя 12 лѣтъ дѣятельности этой императрицы потребовали пяти томовъ, то на остальныя 22 года необходимо было не менѣе шести. И если бы плану историка суждено было осуществиться, читатель получилъ бы громадный историческій трудъ въ 35 томахъ, изъ конхъ 23 были бы посвящены изображенію всего 120 лѣтъ нашей новой исторіи съ послѣдней четверти XVII до послѣднихъ лѣтъ XVIII вѣка. Такъ „Исторія Россіи“ по замыслу автора—собственно исторія новой Россіи, подготовляемой къ преобразованію, преобразуемой и преобразованной, и первые 12 томовъ труда—только пространное введеніе въ это обширное повѣствованіе о петровской реформѣ.

Дѣло біографіи разсказать о рѣдко удающемся совмѣщеніи въ одномъ лицѣ качествъ, которымъ удивлялись въ Соловьевѣ, такой научной подготовки, широты историческаго взгляда, любви и способности къ непрерывной умственной работѣ, умѣнья беречь время, силы воли, наконецъ такого запаса физическихъ силъ,—личныхъ условій, встрѣча которыхъ сдѣлала возможнымъ созданіе „Исторіи Россіи“. Оглядываясь на этотъ трудъ на разстояніи 25 лѣтъ отъ минуты, навсегда его прервавшей, невольно останавливаешься мыслью на его отношеніи къ своему времени, спрашиваешь себя, что онъ давалъ своему времени и что воспринималъ отъ него. Это довольно сложный вопросъ, относящійся къ исторіи нашего общества, просвѣщенія, нашего

общественнаго самосознанія. Было бы опрометчиво входить въ разборъ такого вопроса въ воспоминаніи по случаю; но позволительно сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія.

Первые томы „Исторіи Россіи“ появлялись въ то время, когда въ русскомъ литературномъ мірѣ, не въ литературѣ и не въ обществѣ, а именно въ кругу людей, близко стоявшихъ къ литературѣ, но въ ней вполнѣ не высказывавшихся, боролись два взгляда на нашъ XVIII вѣкъ, собственно на петровскую реформу, наполнявшую его собой и своими разносторонними послѣдствіями. Это очень извѣстные взгляды сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Люди, смотрѣвшіе однимъ изъ этихъ взглядовъ, видѣли въ реформѣ Петра пробужденіе Россіи, поднятой на ноги толчкомъ могучей руки преобразователя, который, призвавъ на помощь средства западно-европейской цивилизаціи, вывелъ Россію изъ ея вѣкового культурнаго застоя и безсильнаго одиночества и заставилъ развивать свои мощныя, но дремавшія силы въ общечеловѣческой жизни, въ прямомъ общеніи съ образованнымъ европейскимъ міромъ. Другіе находили, что въ послѣдовательномъ и самобытномъ движеніи нашей народной жизни реформа Петра произвела насильственный перерывъ, сбившій ее съ прямой исторической дороги въ чужую сторону, убившій зачатки ея самобытнаго развитія чуждыми формами и началами, навязанными ей геніальнымъ капризомъ. Смотря на дѣло съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, пользуясь для нагляднаго выраженія своихъ взглядовъ образами, взятыми изъ различныхъ порядковъ явленій, обѣ стороны сходились въ одномъ основномъ положеніи: обѣ признавали, что реформа Петра была глубокимъ переворотомъ въ нашей жизни, измѣнившимъ русское общество съ верху до низу, до самыхъ его корней и основъ; только одна сторона считала этотъ переворотъ великой заслугой Петра передъ человѣчествомъ, а другая великимъ несчастіемъ для Россіи.

Читающее русское общество относилось къ борьбѣ обѣихъ

сторонъ не безучастно, но довольно эклектично, выбирая изъ боровшихся мнѣній, что кому нравилось, охотно слушало рѣчи однихъ о самобытномъ развитіи скрытыхъ силъ народнаго духа, одобряло и сужденія другихъ о пріобщеніи къ жизни культурнаго человѣчества. Притомъ новое время наступало, принося новыя потребности и заботы, поворачивая прошедшее другими сторонами, съ которыхъ не смотрѣли на него ветераны обоихъ лагерей, возбуждая вопросы, не входившіе въ программу стараго спора о древней и новой Россіи. Начиналась генеральная переверстка мнѣній и интересовъ, предвидѣлся общій пересмотръ застоявшихся отношеній. Среди дѣловыхъ людей крѣпла мысль, что все равно, пошла ли русская жизнь съ начала XVIII в. прямой или кривой дорогой, что это вопросъ академическій: существенно важно лишь то, что полтораста лѣтъ спустя она шла очень вяло, нуждалась въ обновленіи и поощреніи. Умы стали практичнѣе относиться къ вопросу о мѣсторожденіи формъ и началъ жизни; многіе становились на ту точку зрѣнія, что пусть извѣстныя формы и начала и не совсѣмъ самородны по происхожденію, лишь бы они вызвали къ дѣйствію дремлющія или опустившіяся народныя силы, помогли справедливо развязать запутавшіеся узлы общественныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ можно безобидно сказать, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ нашемъ обществѣ не существовало прочно установившагося, господствующаго взгляда на ходъ и значеніе нашей исторіи въ послѣдніе полтора вѣка. Въ это время, въ пору сильнѣйшаго общественнаго возбужденія и самыхъ напряженныхъ ожиданій, въ самый разгаръ величайшихъ реформъ, когда-либо испытанныхъ однимъ поколѣніемъ, въ годъ изданія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и Судебныхъ уставовъ 20 ноября, Соловьевъ издалъ XIV томъ своей Исторіи Россіи, въ которомъ началъ разсказъ о царствованіи Петра послѣ паденія царевны Софіи и описалъ первые годы XVIII в.

Казалось, рѣдко работа историка такъ совпадала съ текущими дѣлами его времени, такъ прямо шла навстрѣчу нуждамъ и запросамъ современниковъ. Соловьеву пришлось описывать одинъ изъ крутыхъ и глубокихъ переломовъ русской жизни въ тѣ именно годы, когда русское общество переживало другой такой же переломъ, даже еще болѣе крутой и глубокій во многихъ отношеніяхъ. И однако то время нельзя признать особенно благопріятнымъ для развитія въ обществѣ интереса къ отечественной исторіи. Общій подъемъ настроенія, конечно, давалъ историку много сильныхъ возбужденій, много наблюденій, пригодныхъ для историческаго изученія, а начавшаяся многосторонняя перестройка быта располагала къ историческимъ справкамъ, задавала вопросы, усиленно побуждавшіе искать указаній въ опытѣ прошедшаго. Это сказалось въ сильномъ оживленіи русской исторической литературы, въ появленіи ряда монографій, имѣвшихъ прямую связь съ текущими вопросами, съ готовившимися или совершавшимися перемѣнами въ положеніи крестьянъ, въ судоустройствѣ и мѣстномъ управленіи. Но самому обществу было повидимому не до опытовъ прошедшаго: вниманіе всѣхъ было слишкомъ поглощено важностью настоящаго и надеждами на ближайшее будущее. При первыхъ успѣхахъ преобразовательнаго движенія въ обществѣ возобладало немного благодушное настроеніе, покоившееся на увѣренности, что дѣло рѣшено безповоротно и пойдетъ само собой, лишь бы не мѣшали его естественному ходу, силѣ вещей. При такомъ настроеніи не любятъ оглядываться. Чего можно искать въ темномъ прошедшемъ, когда въ приближавшейся дали виднѣлось такое свѣтлое будущее? При видѣ желаннаго берега охотнѣе считаютъ, сколько узловъ осталось сдѣлать, чѣмъ сколько сдѣлано. Оптимизмъ такъ же мало расположенъ къ историческому размышленію, какъ и фатализмъ.

И дѣла пошли своимъ естественнымъ ходомъ: порывы смѣнялись колебаніями, увѣренность уступала мѣсто уны-

нію. Стороннему наблюдателю Россія представлялась большимъ кораблемъ, который несется на всѣхъ парусахъ, но безъ картъ и компаса. Отъ появленія случайностей, недостаточно предусмотрѣнныхъ, отъ преемственной смѣны подъемовъ и пониженій духа въ общественномъ сознаніи, наконецъ, отложилось одно нѣсколько выяснившееся историческое представленіе, что русская жизнь безвозвратно сошла со своихъ прежнихъ основъ и пробуетъ стать на новыя. Тогда русская исторія опять раздѣлилась на двѣ неравныя половины: дореформенную и реформированную, какъ прежде дѣлилась она на допетровкую и петровскую, или древнюю и новую. Рѣшивъ, что Россія сошла со старыхъ основъ своей жизни, въ обществѣ по этому рѣшенію настроили свое историческое мышленіе. Такъ явилась новая опора для равнодушія къ отечественному прошлому. Еще недавно думали: зачѣмъ оглядываться назадъ, когда впереди такъ много дѣла и такъ свѣтло? Теперь стали думать: чему можетъ научить насъ наше прошлое, когда мы порвали съ нимъ всякія связи, когда наша жизнь безповоротно перешла на новыя основы?

Но при этомъ былъ допущенъ одинъ немаловажный недосмотръ. Любуясь, какъ реформа преображала русскую старину, не доглядѣли, какъ русская старина преображала реформу. Эту встрѣчную работу прошлаго замѣчали, негодовали на нее, но еще недостаточно строго учитывали, считали только временнымъ неудобствомъ или слѣдствіемъ несовершенства человѣческой природы. Скорбѣли, видя, какъ исполнительные органы, подобно старымъ дьякамъ московскихъ приказовъ, клавшимъ въ долгій ящикъ указы самого царя Алексѣя Михайловича, замедляли исполненіе или измѣняли смыслъ и направленіе актовъ верховной власти, внушенныхъ довѣріемъ къ разуму и нравственному чувству народа. Негодовали на консервативную пугливость людей, которые въ неосторожной вспышкѣ незрѣлой политической мысли или въ мужественномъ презрѣніи противозаконныхъ, но обычныхъ околичностей видѣли под-

копъ подъ вѣковыя основы государственнаго порядка и испуганно обращались по принадлежности со стеоретипнымъ предостереженіемъ, caveant consules, а это значило въ переводѣ, чтобы опасность была предотвращена соотвѣтственнымъ испугу градусомъ восточной долготы. Образованные и состоятельные классы, обязанные показать своимъ поведеніемъ, какъ слѣдуетъ переходить со старыхъ основъ жизни на новыя, выставляли изъ своей среды дѣятелей, являвшихся въ уголовныхъ отдѣленіяхъ новообразованныхъ окружныхъ судовъ печально-убѣдительными показателями уровня, на какомъ покоились ихъ нравы. При такихъ примѣрахъ слишкомъ взыскательное отношеніе къ тому, какъ только что вышедшіе на волю крестьяне понимали и практиковали дарованное имъ сословное самоуправленіе, было бы общественной несправедливостью.

При своей замкнутой жизни и строго размѣренной работѣ Соловьевъ внимательно и чутко слѣдилъ за важными событіями того тревожнаго времени, волнуясь и негодуя на все, что мѣшало успѣхамъ преобразовательнаго движенія. Въ журнальныхъ статьяхъ онъ по временамъ отзывался на текущіе вопросы, занимавшіе русское общество. Достаточно вспомнить хотя бы его «Историческія письма» 1858 года, начинающіяся указаніемъ на то, какъ много жизнь требуетъ отъ науки, какъ много объясненій требуетъ настоящее отъ прошедшаго. Здѣсь же онъ высказалъ и свой взглядъ на отношеніе науки къ жизни. «Жизнь,— писалъ онъ, — имѣетъ полное право предлагать вопросы наукѣ; наука имѣетъ обязанность отвѣчать на вопросы жизни; но польза отъ этого рѣшенія для жизни будетъ только тогда, когда, во-первыхъ, жизнь не будетъ торопить науку рѣшить дѣло какъ можно скорѣе, ибо у науки сборы долгіе, и бѣда, если она ускоритъ эти сборы, и во-вторыхъ, когда жизнь не будетъ навязывать наукѣ рѣшеніе вопроса, заранѣе уже составленное, вслѣдствіе господства того или другого взгляда; жизнь своими движеніями и требованіями

должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нея».

Всѣ знали, что историкъ — сторонникъ одного изъ указанныхъ выше взглядовъ, что онъ даже одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и сильныхъ его защитниковъ въ нашей исторической литературѣ. Но съ каждымъ дальнѣйшимъ томомъ читателю становилось все яснѣе, что изображеніе реформы дѣлается не подъ исключительнымъ угломъ зрѣнія, какой установленъ былъ взглядомъ его стороны, что, не измѣняя основнымъ ея воззрѣніямъ, онъ значительно преломляетъ ихъ, исправляя и углубляя привычныя сужденія. Въ пяти томахъ, посвященныхъ собственно дѣятельности Петра, и потомъ во всѣхъ дальнѣйшихъ читатель встрѣчаетъ полное изображеніе реформы съ многообразными послѣдствіями и связями, какія соединяли съ ней всѣ явленія нашей внѣшней и внутренней жизни какъ при самомъ преобразователѣ, такъ и при его преемникахъ и преемницахъ до послѣдней четверти того вѣка — и все это на основаніи изученія обширнѣйшаго, большею частью нетронутаго историческаго матеріала, изученія, какого не предпринималъ еще ни одинъ русскій ученый до Соловьева. Историкъ остался вѣренъ благоговѣйному удивленію передъ дѣяніями Петра, который въ его повѣствованіи вырастаетъ въ величавый, колоссальный образъ, во всю свою историческую величину. Но исторія не превращалась въ эпосъ: самый процессъ реформы при Петрѣ и послѣ него описанъ удивительно просто или, какъ говорится, объективно, со всѣми колебаніями и ошибками, съ намѣренными и нечаянными уклоненіями въ сторону и съ тревожными, какъ бы инстинктивными поворотами на прежній путь. Читатель, переживавшій реформы императора Александра II, могъ по книгѣ Соловьева съ большимъ для себя назиданіемъ наблюдать, во что обходился, какихъ усилій и жертвъ стоилъ Петру каждый успѣхъ въ общемъ улучшеніи народной жизни, какъ при каждомъ шагѣ могучаго двигателя старина силилась отбросить его

назадъ, какъ по печально-удачному выраженію Посошкова „нашъ монархъ на гору самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ“,—короче, сколько условности метафоры въ нашихъ словахъ, когда мы, изъ своей обобщающей дали оглядываясь на прошлое, говоримъ о переходахъ народной жизни со старыхъ основъ на новыя.

Но самое сильное и поучительное впечатлѣніе, какое выносилъ изъ книги читатель, заключалось во взглядѣ на происхожденіе реформы, на ея отношеніе къ древней Руси. „Никогда, — писалъ историкъ въ заключительной оцѣнкѣ дѣятельности Петра, — ни одинъ народъ не совершалъ такого подвига, какой былъ совершенъ русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка“. Исторія ни одного народа не представляетъ намъ такого великаго, многосторонняго преобразованія, сопровождавшагося такими великими послѣдствіями какъ для внутренней жизни народа, такъ и для его значенія въ общей жизни народовъ, во всемірной исторіи“. И рядомъ съ этимъ читаемъ сужденіе о реформѣ Петра, какъ о переворотѣ, необходимо вытекшемъ со всѣми своими послѣдствіями изъ условій предшествовавшаго положенія русскаго народа, что дѣятельность Петра была подготовлена всей предшествовавшей исторіей, необходимо изъ нея вытекала, требовалась народомъ. Итакъ, ни личнаго произвола, ни насильственнаго, хотя бы творческаго перерыва въ естественномъ движеніи народной жизни, ничего чудеснаго не понадобилось для научнаго объясненія единственнаго въ своемъ родѣ историческаго дѣла, совершоннаго „величайшимъ изъ историческихъ дѣятелей“, какъ назвалъ Соловьевъ Петра I: достаточно было простой мысли, что народная жизнь никогда не порываетъ со своимъ прошедшимъ, что такой разрывъ—только новая метафора.

Въ повѣствованіи о времени, слѣдовавшемъ за смертью Петра, по мѣрѣ того какъ оскудѣвалъ запасъ подготовительныхъ трудовъ въ русской исторической литературѣ и историкъ оставался одинъ передъ громаднымъ сырымъ

матеріаломъ, передъ мемуарами, журналами Сената, бумагами Государственнаго совѣта, дѣлами польскими, шведскими, турецкими, австрійскими и т. д., „Исторія Россіи“ все болѣе переходила къ лѣтописному, погодному порядку изложенія, изрѣдка прерываемому главами о внутреннемъ состояніи Россіи съ очерками просвѣщенія за извѣстный рядъ лѣтъ. Но мысль о реформѣ, какъ связующая основа въ ткани, проходитъ въ повѣствованіи изъ года въ годъ, изъ тома въ томъ. Читая эти 11 томовъ, иногда какъ будто забываешь, что постепенно удаляешься отъ времени Петра. Мѣняются лица и обстановка, а преобразователь какъ будто продолжаетъ жить, наблюдаетъ за своими преемниками и преемницами, одобряетъ или порицаетъ ихъ дѣятельность: такъ живо чувствуется дѣйствіе его идей и начинаній либо непониманіе тѣхъ и другихъ въ мѣрахъ и намѣреніяхъ его продолжателей и такъ часто напоминаетъ объ этомъ самъ историкъ, для котораго реформа Петра—неизмѣнный критерій при оцѣнкѣ всѣхъ развивающихся изъ нея или послѣ нея явленій.

Такъ читатель приближается къ концу третьей четверти вѣка, — и тутъ прерывается разсказъ, покидая его наканунѣ пугачевщины, передъ эпохой усиленной внутренней дѣятельности правительства, передъ обществомъ, которому этотъ мятежъ впервые такъ ярко и такъ грозно освѣтилъ его положеніе. Но было бы въ высшей степени желательно, чтобы именно эту эпоху, конецъ вѣка, изобразилъ историкъ, описавшій его начало и продолженіе. То было время житейской провѣрки того, чѣмъ жило русское общество дотолѣ; тогда и въ самомъ обществѣ появляются первыя попытки спокойно, безъ вражды и безъ обожанія взглянуть на дѣло Петра. Съ наступленіемъ новаго вѣка возникнутъ такія внутреннія потребности, придутъ такія сторонніе вліянія, которыя поставятъ правительству и обществу задачи, не стоявшія передъ Петромъ. Но до той поры дѣла бѣжали, еще движимыя толчкомъ, полученнымъ отъ Петра.

Оставалось подвести итоги, подсчитать результаты и объяснить неожиданности. Одинъ изъ питомцевъ Петра выразился о преобразователѣ: „на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“. Но къ исходу вѣка откуда-то почерпались дѣла, не сродныя сему источнику. Петръ ограничилъ пытку, и если сраженіе при Лѣсной, гдѣ преобразованная русская армія въ 1708 г. впервые побѣдила шведовъ, не имѣя численнаго превосходства, было, говоря словами Петра, „первой солдатской пробой“ его дѣла, то распространеніе тѣлесныхъ наказаній на привилегированныя сословія три четверти вѣка спустя послѣ указа о пыткѣ можно признать послѣдней законодательной пробой того же дѣла, только съ другой стороны. Одна изъ любопытнѣйшихъ частей нашей исторіи — судьба петровскихъ преобразованій послѣ преобразователя—осталась недосказанной въ книгѣ Соловьева. Долгимъ трудомъ воспроизведенное, глубоко продуманное историческое строеніе силлогизма русской жизни въ продолженіе столѣтія роковымъ образомъ перервалось передъ моментомъ, котораго читатель давно ждалъ съ напряженнымъ вниманіемъ,—передъ завершительнымъ *итакъ*. Этотъ перерывъ оставилъ и, можетъ быть, надолго, въ научной полутьмѣ нашъ XVIII вѣкъ. Вотъ чего жаль и вотъ въ чемъ потеря. Никто ближе Соловьева не стоялъ къ источникамъ исторіи этого вѣка, никто глубже его не проникалъ въ наиболѣе сокрытыя ея теченія; ничье сужденіе не помогло бы больше успѣшному разрѣшенію трудныхъ вопросовъ, какіе она ставитъ. Объ историческомъ трудѣ Карамзина Соловьевъ писалъ, что остановка его на Смутномъ времени, отсутствіе подробной исторіи XVII вѣка, этого моста между древней и новой Россіей, надолго должны были способствовать распространенію мнѣнія, что новая русская исторія есть слѣдствіе произвольнаго уклоненія отъ прежняго правильнаго пути. Соловьевъ перекинулъ этотъ мостъ, возстановилъ историческую связь

между древней и новой Россіей, разрушилъ предразсудокъ о произвольномъ уклоненіи; но и у него остался недостроеннымъ путь между началомъ и концомъ XVIII вѣка. Отсюда рядъ недоумѣній. Вѣкъ, начавшійся усиленными правительственными заботами о народномъ просвѣщеніи, заведеніемъ русской книгопечатни за границей, завершился закрытіемъ частныхъ топографій въ самой Россіи. Правнукъ преобразователя, впервые заговорившаго объ о т е ч е с т вѣ въ высокомъ народно-нравственномъ, а не въ узкомъ мѣстническомъ смыслѣ этого слова, о служеніи отечеству, какъ о долгѣ всѣхъ и каждаго, запретилъ употребленіе самаго этого слова. Если никогда ни одинъ народъ не совершалъ такого подвига, какой былъ совершенъ русскимъ народомъ въ первой четверти XVIII вѣка, то рѣдко когда идея исторической закономѣрности подвергалась такому искушенію, какъ въ послѣдней его четверти.

Повторяю: въ двадцать пятую годовщину смерти Соловьева вспоминая, что сдѣлала эта трудовая жизнь для русскаго историческаго сознанія, сожалѣешь невольно о томъ, что смерть помѣшала ей сдѣлать.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 6 іюня 1880 г., въ день открытія памятника Пушкину *).

Значеніе Пушкина не ограничивается его мѣстомъ въ исторіи того, что онъ самъ считалъ собственно литературой, т.-е. въ исторіи литературы художественной. У него есть мѣсто и въ болѣе тѣсной литературной области; въ его творчествѣ есть сторона спеціальная, но близкая всякому, для кого русское слово—родное. Его творенія представляютъ интересъ и для русскаго историка.

Я разумѣю здѣсь не тотъ интересъ, какой имѣетъ для историка всякій памятникъ поэзіи. Въ этомъ смыслѣ вся поэтическая дѣятельность Пушкина принадлежитъ нашей исторіи. Пушкинъ отдѣленъ отъ насъ цѣлымъ поколѣніемъ. Новый слой понятій и заботъ, ему неизвѣстныхъ и чуждыхъ его времени, образовался надъ его могилой. Онъ былъ свидѣтелемъ стремленій и отношеній, отъ которыхъ уже далеко отодвинулись мы. Художественная красота его произведеній пріучила насъ съ любовью повторять то, чего мы уже не раздѣляемъ, эстетически любоваться даже тѣмъ, чему мы не сочувствуемъ нравственно; въ стихѣ, лучше котораго мы не знаемъ доселѣ, подчасъ звучатъ воззрѣнія, которыя для насъ — общественная или нравственная археологія. Съ этой стороны, все написанное Пушкинымъ—историческій документъ, длинный рядъ его произведеній—поэтическая лѣтопись его времени.

*) Напечатано впервые въ „Русской Мысли“. 1880, VI.

И самъ Пушкинъ — уже вполнѣ историческое явленіе, представитель исчезнувшаго порядка идей, хотя исполненія нѣкоторыхъ его благихъ чаяній мы ждемъ доселѣ. Мы изучаемъ его такъ же, какъ изучаемъ людей XVIII и XVII вѣковъ. Независимо отъ своего таланта, для насъ онъ—наиболѣе выразительный образъ извѣстной эпохи. Самые недостатки его имѣютъ для насъ не столько біографическій, сколько историческій интересъ. Мы ошибемся въ цѣнѣ его современниковъ, если забудемъ, сколько силъ этого великолѣпнаго таланта потрачено было на вѣтеръ, на дѣтскія игрушки для взрослыхъ. Пушкинъ имѣлъ печальное право болѣе всѣхъ, говоря словами другого поэта, благодарить свое время

За жаръ души, растраченный въ пустынѣ.

Безъ Пушкина нельзя представить себѣ эпохи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, какъ нельзя безъ его произведеній написать исторіи первой половины нашего вѣка. При какомъ угодно взглядѣ на Пушкина, на значеніе его поэзіи, за нимъ останется страница въ нашей исторіи.

Но его нельзя обойти и въ нашей исторіографіи, хотя онъ не былъ историкомъ по ремеслу, — ни по призванію, прибавятъ, можетъ-быть, иные. Вѣрнѣе, онъ только мало зналъ отечественную исторію, хотя и не меньше большинства образованныхъ русскихъ своего времени. Но онъ живѣе ихъ чувствовалъ этотъ недостатокъ и гораздо болѣе ихъ размышлялъ о томъ, что зналъ. Изъ его замѣтокъ и журнальныхъ статей видимъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на него историческій трудъ Карамзина, какъ онъ слѣдилъ за современной исторической письменностью. По мѣрѣ созрѣванія его мысли и таланта усиливалась и его историческая любознательность. Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, онъ много занимался родной стариной даже въ архивахъ. Онъ иногда обращался къ русскому прошедшему, чтобы найти матеріалъ для поэтическаго творчества, взять фабулу для поэтическаго созданія. Но я хочу сказать не объ этихъ пьесахъ. Борисъ Годуновъ, Полтава, Мѣдный

Всадникъ—читая ихъ, мы готовы забыть, что это—историческіе сюжеты: эстетическое наслажденіе оставляетъ здѣсь слишкомъ мало мѣста для исторической критики.

Иное значеніе имѣло для Пушкина ближайшее къ нему столѣтіе. Онъ выросъ среди живыхъ преданій и свѣжихъ легендъ XVIII в. Екатерининскіе люди и дѣла стояли къ нему ближе, чѣмъ онъ самъ стоитъ къ намъ. Тамъ онъ угадывалъ зарожденіе понятій, интересовъ и типовъ, которыми дорожилъ особенно или которые встрѣчалъ постоянно вокругъ себя. Объ этомъ вѣкѣ онъ заботливо собиралъ свѣдѣнія и зналъ много. Онъ могъ разсказать о немъ гораздо больше того, что занесъ въ свои записки, замѣтки, анекдоты и т. п. Иногда онъ облекалъ явленія этого времени въ художественную форму повѣсти или романа. Во всемъ этомъ нѣтъ слѣдовъ продолжительнаго и систематическаго изученія. Но здѣсь рядомъ съ поспѣшными сужденіями встрѣчаемъ замѣчанія, которыя сдѣлали бы честь любому ученому историку. Наша исторіографія ничего не выиграла ни въ правдивости, ни въ занимательности, долго развивая взглядъ на нашъ XVIII в., противоположный высказанному Пушкинымъ въ одной кишиневской замѣткѣ 1821 г. Самъ поэтъ не придавалъ серьезнаго значенія этимъ отрывочнымъ, мимоходомъ набросаннымъ или неоконченнымъ вещамъ. Но эти-то вещи и имѣютъ серьезную цѣну для исторіографіи. Пушкинъ былъ историкомъ тамъ, гдѣ не думалъ быть имъ и гдѣ часто не удается стать имъ настоящему историку. Капитанская Дочка была написана между дѣломъ, среди работъ надъ пугачевщиной; но въ ней больше исторіи чѣмъ въ Исторіи Пугачевскаго бунта, которая кажется длиннымъ объяснительнымъ примѣчаніемъ къ роману. Я хочу напомнить объ историческомъ интересѣ, который заставляетъ читать и перечитывать эти второстепенныя пьесы Пушкина.

Нашъ XVIII в. гораздо труднѣе своихъ предшественниковъ для изученія. Главная причина тому—бо́льшая сложность жизни. Общество замѣтно пестрѣетъ. Вмѣстѣ съ со-

ціальнымъ раздѣленіемъ увеличивается въ немъ и разнообразіе культурныхъ слоевъ, типовъ. Люди становятся менѣе похожи другъ на друга по мѣрѣ того, какъ дѣлаются неравноправнѣе. Воспроизвести процессъ этого нравственнаго раздѣленія гораздо труднѣе, чѣмъ раздѣленія политическаго. Съ половины вѣка выступаютъ рядомъ образчики типовъ разнохарактернаго и разновременнаго происхожденія. Чѣмъ далѣе, тѣмъ классификація ихъ становится труднѣе. Часто недоумѣваешь, къ какой эпохѣ пріурочить зарожденіе того или другаго изъ нихъ, въ какомъ порядкѣ разложить ихъ по историческимъ витринамъ.

Между этими типами есть одинъ, — можетъ быть, самое своеобразное явленіе общественной физіологіи. Онъ зародился лѣтъ 200 назадъ и, вѣроятно, долго проживетъ послѣ насъ. Ему трудно дать простое и точное названіе: въ разныя поколѣнія онъ являлся въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ. Достаточно указать на два имени въ его генеалогіи, чтобы видѣть степень его измѣнчивости. Едва ли не первымъ блестящимъ образчикомъ этого типа былъ администраторъ и дипломатъ XVII в. А. Л. Ординъ-Нащокинъ. Но скучающій отъ бездѣлья Евгеній Онѣгинъ былъ въ прямой нисходящей поэтическимъ потомкомъ этого историческаго дѣльца. Дадимъ этому типу имя сложное, какъ и онъ самъ. Это— русскій человѣкъ, который выросъ въ убѣжденіи, что онъ родился не европейцемъ, но обязанъ стать имъ. Вотъ уже 200 лѣтъ этотъ типъ господствуетъ надъ остальными и по вліянію на наше общество, и по своему интересу для историка. Безъ его біографіи пустѣетъ исторія нашего общества послѣднихъ двухъ столѣтій. Около него сосредоточиваются, иногда отъ него исходятъ самыя важныя умственныя, а подчасъ и политическія движенія.

При всей видимой измѣнчивости основныя черты типа остаются однѣ и тѣ же во всѣхъ фазахъ его развитія. Слѣдя за ними, удивляешься не тому, что отцы и дѣти выходятъ такъ не похожи другъ на друга, а тому, что столь непохожіе

другъ на друга люди — все-таки отцы и дѣти. Разнообразіе видовъ одного типа происходитъ отъ различныхъ способовъ рѣшенія культурнаго вопроса, который лежитъ въ самой его сущности: родившись русскимъ и рѣшивъ, что русскій—не-европеецъ, какъ сдѣлаться европейцемъ? Первое поколѣніе этого типа вообще склонялось къ той мысли, что все русское надобно дѣлать по западно-европейски. Второе—уже думало, что все русское хорошо было бы передѣлать въ западно-европейское. Чувствуя свое невѣжество, иногда находили, что надобно заимствовать съ запада свѣтъ знанія, но безъ огня, которымъ можно обжечься; а въ другое время брала верхъ увѣренность, что можно взять этотъ свѣтъ цѣликомъ, только не слѣдуетъ подносить его близко къ глазамъ, чтобы не обжечься. Далѣе, одни думали, что можно стать европейцемъ, оставаясь русскимъ; другіе настаивали, что необходимо для этого перестать быть русскимъ, что вся тайна европеизаціи для насъ заключается въ совлеченіи съ себя всего національнаго. Существовало даже убѣжденіе, не лишенное остроумія и, можетъ быть, существуетъ доселѣ, что если человѣчность нашла себѣ высшее выраженіе въ европеизмѣ, то надобно имѣть въ себѣ возможно меньше западно-европейскаго, чтобы стать европейцемъ. Что еще замѣчательнѣе,—это убѣжденіе едва ли не первые начали высказывать у насъ русскіе съ западно-европейскими фамиліями.

Вы видите, м. м. г. г., что этотъ типъ нельзя упрекнуть въ упрямствѣ и застоѣ: въ немъ, напротивъ, слишкомъ много нравственной гибкости и умственнаго движенія. Все это затрудняетъ его историческое изученіе, научную классификацію его разновидностей. Пушкинъ интересовался этимъ типомъ и любилъ нѣкоторыя его явленія. Онъ и самъ представлялъ одну изъ его разновидностей, даровитую, воспріимчивую, блестящую. Его наблюдалъ онъ вокругъ себя и изъ этихъ наблюденій создалъ свою эпопею Евгенія Онѣгина. Сознательно или нѣтъ, на разновременныхъ варіантахъ того же типа съ особенной любовью останавливался онъ и въ

преданіяхъ прошедшаго. Этимъ онъ и помогъ много историку въ изученіи любопытнаго типа. Въ длинномъ рядѣ эскизовъ и повѣстей, оконченныхъ и неоконченныхъ: въ Арапѣ Петра Великаго, въ Дубровскомъ, въ Капитанской Дочкѣ и др., передъ читателемъ проходятъ разнохарактерныя фигуры этого типа, появлявшіяся на пространствѣ слишкомъ ста лѣтъ. Надѣюсь, вы охотно позволите мнѣ ограничиться простымъ хронологическимъ каталогомъ этихъ не лишенныхъ занимательности физіономій.

Позади ихъ всѣхъ стоитъ чопорный Гаврила Аѳанасьевичъ Р. въ Арапѣ Петра Великаго. Это — невольный, зачисленный въ европейцы по указу русскій. Всѣ его понятія и симпатіи принадлежатъ еще старой неевропейской Россіи, хотя онъ не прочь послужить на новой службѣ и сдѣлать карьеру. Это еще не типъ европеизованнаго русскаго, а скорѣе русская гримаса европеизаціи, первая и кислая. Вкусъ новой культуры еще не привился; но это вопросъ недолгаго времени. Самъ Арапъ Ибрагимъ, къ сожалѣнію, остался недорисованнымъ въ неоконченной повѣсти. Можно только догадываться по нѣкоторымъ штрихамъ, что изъ него имѣлъ выйти одинъ изъ петровскихъ дѣльцовъ, — людей хорошо намъ знакомыхъ по Нартовымъ, Неплюевымъ и др. Это— характеры рѣзкіе и жесткіе, но хрупкіе по недостатку гибкости и потому неживучіе: они вымирали уже при Екатеринѣ II. Зато живучъ былъ общественно-физіологическій видъ, представленный въ лицѣ молодого К., Ибрагимова товарища по курсу высшей европеизаціи въ парижскихъ салонахъ. Это—русскій петиметръ XVIII в., великосвѣтскій русскій шалопай на европейскую ногу, „скоморохъ“, по выраженію стараго кн. Лыкова въ Арапѣ, или „обезьяна, да не здѣшняя“, какъ названъ онъ въ одной комедіи Сумарокова. Въ Арапѣ Петра В. онъ еще не на своемъ мѣстѣ, не въ пору вернулся изъ-за моря и испытываетъ неудобства рано прилетѣвшей ласточки. Полная весна наступитъ для него въ женскія эпохи, при двухъ Аннахъ, двухъ Екатери-

нахъ и одной Елизаветѣ. При Петрѣ ему холодно и неловко въ его нарядномъ кафтанѣ среди дѣловыхъ людей, которые скидали рабочія куртки только по праздникамъ. Со временемъ онъ будетъ нужнымъ и важнымъ человѣкомъ въ праздномъ обществѣ; теперь онъ—шутъ поневолѣ, и Петръ колетъ ему глаза его бархатными штанами, какихъ не носитъ и царь. Троекуровъ въ Дубровскомъ—постарѣвшій петиметръ въ отставкѣ, пріѣхавшій въ деревню дурить на досугѣ. У младшихъ петровскихъ дѣльцовъ часто бывали такія дѣти Живя въ болѣе распущенное время, они теряли знанія и выдержку отцовъ, не теряя ихъ аппетитовъ и вкусовъ. Невѣжественный и грубый Троекуровъ однако старается дать дочери модное воспитаніе съ гувернеромъ французомъ и выдаетъ замужъ за самаго моднаго барина. Троекуровы родились при Елизаветѣ, процвѣтали въ столицѣ, дурили по захолустьямъ при Екатеринѣ II, но посѣяны они еще при Аннахъ. Это—миніатюрныя провинціальныя пародіи временщиковъ столицы, которыхъ превосходно характеризовалъ гр. Н. Панинъ, назвавъ „припадочными людьми“. „Какъ увидишь его, Троекурова, говорилъ мѣстный дьячокъ,—страхъ и ужасъ! а спина-то сама такъ и гнется, такъ и гнется“... Особенно удался Пушкину въ Дубровскомъ кн. Верейскій, достойный зять Троекурова. Это—настоящее созданіе Екатерининской эпохи, цвѣтокъ, выросшій на почвѣ закона о вольности дворянства и обрызганный каплями росы вольтерьянскаго просвѣщенія. Кн. Верейскій—едва ли не самый ранній экземпляръ новой разновидности нашего типа, которая развилась очень быстро. Подобными ему людьми до скуки переполняется высшее русское общество съ конца царствованія Екатерины. За границей они растрачивали богатый дѣдовскій и отцовскій запасъ нервовъ и звонкой наличности и возвращались въ Россію лѣчиться и платить долги. Кн. Верейскій жилъ за моремъ и, пріѣхавъ умирать въ Россію, напрасно пытался оживить угасшія силы и затѣями сельской роскоши, и расцвѣтшей на сельскомъ

привольѣ дочерью Троекурова. Онъ—иначе, тоньше редижированный Троекуровъ: его европеизованное варварство изъ остраго и буйнаго Троекуровскаго переродилось въ тихое, меланхолическое, не подъ гуманизирующимъ вліяніемъ Монтескьё или Вольтера, а просто потому, что тесть привезъ въ деревню изъ Петербурга мускулы и нервы, чего зять уже не привезъ изъ Парижа. Отсюда „непрестанная“ скука кн. Верейскаго, которая съ его легкой руки стала непремѣнной особенностью дальнѣйшихъ видовъ этого типа. Дубровскій отецъ — лицо любопытное по своей литературной судьбѣ. Это — любимое некомическое лицо нашей комедіи XVIII в., ея Правдинъ, Стародумъ или какъ тамъ еще оно называлось. Но оно никогда не удавалось ей. Это потому, что екатерининская комедія хотѣла изобразить въ немъ человѣка стараго петровскаго покроя, а при Екатеринѣ II-й такой покрой уже выводился. Пушкинъ отмѣтилъ его вскользь, двумя-тремя чертами, и однако онъ вышелъ у него живѣе и правдивѣе, чѣмъ въ комедіи XVIII в. Дубровскій сынъ— другой полюсъ вѣка и вмѣстѣ его отрицаніе. Въ немъ замѣтны уже черты мягкаго, благороднаго, романтически протестующаго и горько обманутаго судьбой александровца, члена Союза Благоденствія. — Среди образовъ XVIII в. не могъ Пушкинъ не отмѣтить и недоросля и отмѣтилъ его безпристрастнѣе и правдивѣе Фоннвизина. У послѣдняго Митрофанъ сбивается въ каррикатуру, въ комическій анекдотъ. Въ исторической дѣйствительности недоросль—не каррикатура и не анекдотъ, а самое простое и вседневное явленіе, къ тому же не лишенное довольно почтенныхъ качествъ. Это—самый обыкновенный, нормальный русскій дворянинъ средней руки. Высшее дворянство находило себѣ пріютъ въ гвардіи, у которой была своя политическая исторія въ XVIII в., впрочемъ, болѣе шумная, чѣмъ плодотворная. Скромнѣе была судьба нашихъ Митрофановъ. Они всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петрѣ I, со скукой при Екатеринѣ II, не дѣлали правительствъ, но рѣшительно

сдѣлали нашу военную исторію XVIII в. Это — пѣхотные армейскіе офицеры и въ этомъ чинѣ они протоптали славный путь отъ Кунерсдорфа до Рымника и до Нови. Они съ русскими солдатами вынесли на своихъ плечахъ дорогіе лавры Миниховъ, Румянцовыхъ и Суворовыхъ. Пушкинъ отмѣтилъ два вида недоросля или, точнѣе, два момента его исторіи: одинъ является въ Петрѣ Андреевичѣ Гриневѣ, невольномъ пріятелѣ Пугачева, другой въ наивномъ беллетристѣ и лѣтописцѣ села Горохина Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ, уже человѣкѣ XIX в., „временъ новѣйшихъ Митрофанѣ". Къ обоимъ Пушкинъ отнесся съ сочувствіемъ. Не даромъ и капитанская дочь М. И. Миронова предпочла добродушнаго армейца Гринева остроумному и знакомому съ французской литературой гвардейцу Швабрину. Историку XVIII в. остается одобрить и сочувствіе Пушкина, и вкусъ Марьи Ивановны.

Такова у Пушкина коллекція художественно-историческихъ портретовъ, которые всѣ изображаютъ одинъ и тотъ же типъ въ его видоизмѣненіяхъ. Рядъ ихъ замыкается современникомъ поэта—Е. Онѣгинымъ. Герой особаго рода, онъ однако сродни своимъ предшественникамъ: и Троекуровъ, и Верейскій, и Митрофаны всѣхъ сортовъ—всѣ они прямые или боковые его предки. Онѣгинъ—лицо столько же историческое, сколько поэтическое. Мы всѣ читали сочиненія и записки людей, чаявшихъ обновленія Россіи послѣ войнъ за освобожденіе Европы. Припоминая читанное, мы знаемъ, чѣмъ б ы л и Онѣгины послѣ 1815 года. Поэма Пушкина разсказываетъ, чѣмъ с т а л и они послѣ 1825 г. Это—Чацкіе, уставшіе говорить и съ разбитыми надеждами, а поэтому скучающіе. Позже, у Лермонтова, они являются страдающими отъ скуки на горахъ Кавказа, какъ другіе въ то время страдали, хотя и не отъ одной скуки, за горами Урала.

Такъ, у Пушкина находимъ довольно связную лѣтопись нашего общества въ лицахъ за 100 л. слишкомъ. Когда эти лица рисовались, масса мемуаровъ XVIII в. и начала XIX в. лежала подъ спудомъ. Въ наши дни они выходятъ на свѣтъ.

Читая ихъ, можно дивиться вѣрности глаза Пушкина. Мы узнаемъ здѣсь ближе людей того времени; но эти люди— знакомыя уже намъ фигуры. „Вотъ Гаврила Аѳанасьевичъ!“ восклицаемъ мы, перелистывая эти мемуары: „а вотъ Троекуровъ, кн. Верейскій!“ и т. д. до Онѣгина включительно. Пушкинъ — не мемуаристъ и не историкъ; но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристомъ онъ встрѣчаетъ — художника. Въ этомъ значеніе Пушкина для нашей исторіографіи, по крайней мѣрѣ, главное и ближайшее значеніе.

Евгеній Онѣгинъ и его предки *).

День памяти Пушкина—день воспоминаній. Я начну съ воспоминаній о себѣ самомъ.

Я родился немного лѣтъ спустя по смерти Пушкина. Но пока я и мои сверстники, получившіе одинаковое со мною воспитаніе,—пока мы были юны, Пушкинъ не переставалъ быть нашимъ современникомъ. Мы не спрашивали, живъ ли Пушкинъ. Мы знали, что онъ живетъ и будетъ жить, и это было для насъ такъ же ясно и просто, какъ то, что небо синѣетъ и будетъ синѣть. Когда намъ говорили, что онъ умеръ, что его давно ужъ нѣтъ, въ этихъ словахъ намъ чуялось что-то нескладное, похожее на неудачную риторическую фигуру.

Въ тѣ годы мы читали и перечитывали Евгенія Онѣгина. Теперь, послѣ столькихъ лѣтъ и столькихъ житейскихъ впечатлѣній, свѣявшихъ ощущеніе молодости, трудно припомнить и еще труднѣе разсказать, чѣмъ былъ для насъ этотъ романъ лѣтъ 30 назадъ. Одно можно сказать съ увѣренностью, что мы отнеслись къ нему, какъ не относились современники Пушкина и какъ едва ли относится къ нему молодое поколѣніе, нѣсколько лѣтъ назадъ тѣснившееся при открытіи московскаго памятника Пушкину. При жизни Пушкина Е. Онѣгинъ былъ предметомъ критики или удивленія, какъ крупная литературная новость. Теперь онъ—просто предметъ изученія, какъ историко-литературный памят-

*) Читано съ сокращеніями въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 1 февраля 1887 г. (Напечатано въ „Русской Мысли“. 1887, II).

никъ. Для насъ онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ: мы не разбирали его, какъ разбирали тогда новыя повѣсти Тургенева; но мы и не комментировали его, какъ Слово о полку Игоревѣ или Недоросля. Онъ не былъ для насъ только романъ въ стихахъ, случайное и мимолетное литературное впечатлѣніе: это было событіе нашей молодости, наша біографическая черта, переломъ развитія, какъ выходъ изъ школы или первая любовь. При первомъ чтеніи мы беззащитно отдавались обаянію стиха, описаній природы, задушевности лирическихъ отступленій, любовались подробностями, составлявшими декораціи драмы, разыгранной въ романѣ, не обращая особеннаго вниманія на самую драму. Потомъ, перечитывая романъ, мы стали вдумываться и въ эту драму, въ ея несложную фабулу и трагическую развязку, задавать себѣ вопросы и изъ отвѣтовъ на нихъ извлекать житейскія правила. Мы горько упрекали Онѣгина, зачѣмъ онъ убилъ Ленскаго, хотя не вполнѣ понимали, изъ-за чего Ленскій вызвалъ Онѣгина. Каждый изъ насъ давалъ себѣ слово не отвергать такъ холодно любви дѣвушки, которая его такъ полюбитъ, какъ Татьяна любила Онѣгина, и особенно если напишетъ ему такое же хорошее письмо. Читая Онѣгина, мы впервые учились наблюдать и понимать житейскія явленія, формулировать свои неясныя чувства, разбираться въ безпорядочныхъ порывахъ и стремленіяхъ. Это былъ для насъ первый житейскій учебникъ, который мы робкою рукой начинали листовать, доучивая свои школьные учебники; онъ послужилъ намъ „дрожащимъ, гибельнымъ мосткомъ“, по которому мы переходили черезъ кипучій темный потокъ, отдѣлявшій наши школьные уроки отъ первыхъ житейскихъ опытовъ. Можетъ быть, такое отношеніе къ роману было педагогическимъ недосмотромъ нашихъ воспитателей или нашимъ эстетическимъ порокомъ; можетъ быть, это было только преждевременнымъ и излишнимъ напряженіемъ эстетическаго чувства, предохранившимъ насъ отъ многихъ дѣйствительныхъ пороковъ. Я этого не знаю;

я только отмѣчаю фактъ, не цѣня его, не произнося приговора надъ своею молодостью. Судите вы и, если угодно, осуждайте за это насъ или нашихъ воспитателей. А фактъ тотъ, что послѣ 1837 года воспиталось поколѣніе, которое уже не застало Пушкина въ живыхъ и на нравственную физіономію котораго его романъ болѣе, чѣмъ другія его произведенія, положилъ особую, немножко сантиментальную складку. Было ли это нашимъ несчастіемъ или даромъ, незаслуженно намъ доставшимся,—на этотъ вопросъ можно отвѣчать и такъ, и этакъ; но въ томъ и другомъ случаѣ будетъ виновата случайность нашего рожденія. Людямъ, родившимся годами 10—15 раньше насъ, приходилось читать этотъ романъ среди неумолкнувшихъ еще споровъ о Пушкинѣ. Молодежь, которая принималась за Онѣгина немного лѣтъ позднѣе насъ, читала его подъ дѣйствіемъ иныхъ, нелитературныхъ вѣяній, которыя были принесены новымъ теченіемъ, обнаружившимся въ нашемъ обществѣ съ половины 1850-хъ годовъ. Мы попали, такъ сказать, въ литературное затишье, начали читать Онѣгина, когда о Пушкинѣ вспоминали, но уже не спорили, а новыя вліянія еще не успѣли донестись до школьныхъ скамеекъ, на которыхъ мы сидѣли.

Все это я счелъ не лишнимъ припомнить и нѣкоторымъ изъ присутствующихъ напомнить по поводу годовщины смерти Пушкина. Вѣдь, мы собрались, чтобъ оглянуться на полстолѣтіе, протекшее съ того времени, и вспомнить, чѣмъ былъ для насъ поэтъ въ это полстолѣтіе. Жизнь поэта—только первая часть его біографіи; другую и болѣе важную часть составляетъ посмертная исторія его поэзіи. Нѣкто изъ людей, начавшихъ сознавать себя раньше, чѣмъ многіе и многія изъ васъ начали дышать, и рѣшился занести свою строчку въ эту посмертную часть, отважился выступить изъ рѣдѣющаго уже ряда своихъ сверстниковъ, чтобы сказать, чѣмъ былъ для него и для нихъ Пушкинъ со своимъ романомъ.

Помню еще, что изъ дѣйствующихъ лицъ романа всего менѣе задумывались мы въ первое время надъ его героемъ. Мы не задавали себѣ вопроса, кто онъ, хорошій или дурной человѣкъ, дѣльный или пустой малый. Онъ оставался для насъ на какомъ-то туманномъ возвышеніи, съ котораго мы не сводили его въ ряды простыхъ людей, чтобы разглядѣть, благовоспитанный ли онъ человѣкъ, удобный ли товарищъ. Мы едва ли любили его, а наши сверстницы, навѣрное, не влюблялись въ него, какъ влюбилась Татьяна. Но и мы, и онѣ любовались имъ; онъ оставался для насъ поэтическимъ образомъ, въ которомъ намъ нравились самые недостатки, какъ становятся милы отдѣльныя некрасивыя черты на миломъ лицѣ. Еще менѣе приходило намъ въ голову доискиваться, откуда и какъ попалъ онъ въ русское общество. Этотъ „чудакъ печальный и опасный“ проходилъ въ нашемъ воображеніи пріятнымъ и таинственнымъ незнакомцемъ, котораго мы не догадывались спросить объ адресѣ. Мы не настолько знали тогдашнее общество, чтобъ угадать, на кого онъ похожъ. Притомъ мы такъ мало задумывались надъ отношеніемъ поэтическаго творчества къ дѣйствительности, что намъ не легко было растолковать самый смыслъ вопроса, что это такое: поэтическая ли грёза, переложенная въ великолѣпные стихи, или портретъ, срисованный съ живаго человѣка. Мы видѣли, что это не современная намъ быль: вокругъ себя мы не замѣчали и не предполагали ничего подобнаго. Но мы чувствовали, что это и не сказка, что герои этого романа существовали на Руси гдѣ-то и когда-то и даже въ очень близкое къ намъ время.

Не успѣли миновать наши школьные годы, мы только что затвердили Онѣгина, какъ на насъ легли два новыя литературныя впечатлѣнія, и такія глубокія, какихъ не оставляли въ насъ дальнѣйшія произведенія русской литературы. Эти впечатлѣнія впервые и направили наши мысли на вопросъ, что такое Онѣгинъ. Мы прочитали Дворянское гнѣздо и Обломова. Вы, можетъ быть, съ уди-

вленіемъ спросите: что общаго между этими пьесами, кромѣ таланта? Я не помню, что говорила тогда литературная критика объ этихъ произведеніяхъ, и не могу угадать, что думали и думаютъ, читая ихъ, молодые люди, здѣсь присутствующіе. Но намъ они показались двумя частями одной книги объ умирающихъ. Обѣ пьесы—похоронныя пѣсни: въ одной отпѣвался извѣстный житейскій порядокъ, въ другой—общественный типъ. Съ Лизой Калитиной, уходившей въ монастырь, отрекались отъ міра чувства и отношенія извѣстной дворянской среды, жертвой которыхъ была отшельница; а въ лицѣ Обломова, кашляя и кряхтя, лѣзъ умирать на печку послѣдній наиболѣе безпомощный питомецъ и представитель этихъ же чувствъ и отношеній. Въ обоихъ произведеніяхъ, совсѣмъ не какъ въ Е. Онѣгинѣ, наше вниманіе приковали къ себѣ гораздо болѣе главныя лица, чѣмъ ихъ драматическія положенія. Мы спрашивали себя, почему эти лица, способныя внести много добра въ общество, не ужились въ немъ; намъ было прискорбно чувствовать, что это—лица исчезающія, что мы уже не встрѣтимъ ихъ двойниковъ. Мы вспоминали своего стараго незнакомца Онѣгина, и намъ почему-то казалось, что и онъ, лицо менѣе пріятное и менѣе обѣщавшее, принадлежитъ къ тому же порядку явленій. Это сходство возбуждало въ насъ недоумѣніе. Послѣ уже, слушая, читая и изучая, мы узнали, что нашъ вѣкъ—время ускоренной смѣны разнохарактерныхъ, совсѣмъ не похожихъ другъ на друга типовъ. Тогда, сопоставляя названныя произведенія съ Е. Онѣгинымъ, мы начали внимательнѣе разбирать его. Это не была критика романа. У насъ, попрежнему, не поднималась на него критическая рука: онъ не ветшалъ для насъ, не отставалъ отъ насъ, а шелъ вровень съ нами или, лучше сказать, время безслѣдно шло мимо него, какъ оно идетъ мимо не старѣющихъ античныхъ статуй. Мы разбирали не романъ, а только его героя, и съ удивленіемъ замѣтили, что это вовсе не герой своего времени, и самъ поэтъ не думалъ изобразить его такимъ.

Онъ былъ чужой для общества, въ которомъ ему пришлось вращаться, и все у него выходило какъ-то нескладно, не во-время и не кстати. „Забавъ и роскоши дитя“ и сынъ промотавшагося отца, 18-лѣтній философъ съ охлажденнымъ умомъ и угасшимъ сердцемъ, онъ началъ жить, т.-е. жечь жизнь, когда слѣдовало учиться; принимался учиться, когда другіе начинали дѣйствовать; усталъ прежде, чѣмъ принялся за работу; суетливо бездѣльничалъ въ столицѣ, лѣниво бездѣльничалъ и въ деревнѣ; изъ чванства не умѣлъ влюбиться, когда это было нужно, изъ чванства же поспѣшилъ влюбиться, когда это стало преступно; мимоходомъ, безъ цѣли и даже безъ злости убилъ своего пріятеля; безъ цѣли поѣздилъ по Россіи; отъ дѣлать-нечего вернулся въ столицу донашивать истощенныя разнообразнымъ бездѣльемъ силы. И здѣсь, наконецъ, самъ поэтъ, не кончивъ повѣсти, бросилъ его на одной изъ его житейскихъ глупостей, недоумѣвая, какъ поступить дальше съ такимъ безтолковымъ существованіемъ. Добрые люди въ деревенской глуши смирно сидѣли по мѣстамъ, досиживая или только еще насиживая свои гнѣзда; налетѣлъ праздный пришлецъ изъ столицы, возмутилъ ихъ покой, сбилъ ихъ съ гнѣздъ и потомъ съ отвращеніемъ и досадой на самого себя отвернулся отъ того, что надѣлалъ. Словомъ, изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа самое лишнее, это—его герой. Тогда мы начали задумываться надъ вопросомъ, который поставилъ поэтъ не то отъ себя, не то отъ лица Татьяны:

Что-жъ онъ, ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ...

Мы начали изучать его. Методъ изученія былъ намъ подсказанъ самой Татьяной. Мы старались пробраться украдкой въ кабинеты людей того времени, разобрать книги, которыя они читали и которыя читали ихъ отцы, съ оста-

вленными на поляхъ отмѣтками, крестами и вопросительными крючками. Изучая такъ Онѣгина, мы все болѣе убѣждались, что это очень любопытное явленіе и прежде всего— явленіе вымирающее. Припомните, что онъ „наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ", а такой наслѣдникъ обыкновенно послѣдній въ родѣ. У него есть и черты подражанія въ манерахъ, и Гарольдовъ плащъ на плечахъ, и полный лексиконъ модныхъ словъ на языкѣ; но все это не существенныя черты, а накладныя прикрасы, бѣлила и румяна, которыми прикрывались и замазывались значки безпотомственной смерти. Далѣе, мы увидѣли, что это не столько типъ, сколько гримаса, не столько характеръ, сколько поза, и, притомъ, чрезвычайно неловкая и фальшивая, созданная цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ позъ, все такихъ же неловкихъ и фальшивыхъ. Да, Онѣгинъ не былъ печальною случайностью, нечаянною ошибкой: у него была своя генеалогія, свои предки, которые наслѣдственно изъ рода въ родъ передавали пріобрѣтаемые ими умственные и нравственные вывихи и искривленія. Если вы не боитесь скуки, если печальная годовщина, насъ собравшая, располагаетъ васъ къ терпѣливымъ воспоминаніямъ о нашемъ прошломъ, вы позволите неумѣлою рукой перелистовать передъ вами эту родословную Онѣгина.

Всего усерднѣе прошу васъ объ одномъ: преемственно смѣнявшіяся положенія, которыя я отмѣчу, не принимайте за моменты нашей жизни, соотвѣтствующіе извѣстнымъ поколѣніямъ. Нѣтъ, я разумѣю болѣе исключительныя явленія. Это были неестественныя позы, нервные, судорожные жесты, вызывавшіеся мѣстными неловкостями общихъ положеній. Эти неловкости чувствовались далеко не всѣми; но жесты и мины тѣхъ, кто ихъ чувствовалъ, были всѣмъ замѣтны, бросались всѣмъ въ глаза, запоминались надолго, становились предметомъ художественнаго воспроизведенія. Люди, которые испытывали эти неловкости, не были какіе-либо особые люди,—были какъ и всѣ; но ихъ физіономіи и ма-

неры не были похожи на общепринятыя. Это были не герои времени, а только сильно подчеркнутые отдѣльные нумера, стоявшіе въ ряду другихъ,—общія мѣста, напечатанныя курсивомъ. Такъ какъ масса современниковъ, усѣвшихся болѣе или менѣе удобно, рѣдко догадывалась о причинѣ этихъ ненормальностей и считала ихъ капризами отдѣльныхъ лицъ, не хотѣвшихъ сидѣть, какъ сидѣли всѣ, то эти несчастныя жертвы неудобныхъ позицій слыли за чудаковъ, даже иногда „печальныхъ и опасныхъ“. Между тѣмъ, жизнь текла своимъ чередомъ; среда, изъ которой выдѣлялись эти чудаки, сидѣла прямо и спокойно, какъ ее усаживала исторія. Поэтому я не введу васъ въ недоумѣніе, когда буду говорить объ отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Онѣгина. Онѣгинъ—образъ, въ которомъ художественно воспроизведена мѣстная неловкость одного изъ положеній русскаго общества. Это не общій или господствующій типъ времени, а типическое исключеніе. Разумѣется, у такого образа могутъ быть только историко-генетическіе, а не генеалогическіе предки.

Явленія, которыя я отмѣчу, были всѣ однороднаго сословнаго происхожденія: предки Онѣгина всѣ принадлежали къ старинному русскому дворянству. Неловкости общихъ положеній, заставлявшія нѣкоторыхъ людей принимать ненормальныя позы и необычную жестикуляцію, обыкновенно происходили отъ недосмотровъ и увлеченій, какіе допускались при постановкѣ новаго образованія, водворявшагося у насъ приблизительно съ половины XVII в. Это новое образованіе шло къ намъ съ Запада, какъ прежнее пришло изъ Византіи. Первымъ воспріемникомъ и проводникомъ этого новаго образованія стало дворянство, какъ носителемъ и проводникомъ стараго было духовенство. Поспѣшность и нетерпѣливость, съ какими вводилось это образованіе, и были причинами нѣкоторыхъ неловкостей въ преемственно смѣнявшихся общихъ положеніяхъ сословія. Но, повторю, это были мѣстныя неловкости, и ненормальныя явленія, ими вызванныя, не могутъ войти въ общую исторію этого почтеннаго и много послужившаго отечеству сословія.

Прадѣда нашего героя надобно искать во второй половинѣ XVII вѣка, около конца Алексѣева царствованія, въ томъ промежуточномъ слоѣ дворянскихъ фамилій, который вѣчно колебался между столичною знатью и провинціальнымъ рядовымъ дворянствомъ. Отецъ этого прадѣда, какой-нибудь Нелюбъ-Злобинъ, сынъ такой-то, былъ еще нетронутый служака вполнѣ стараго покроя: онъ изъ года въ годъ ходилъ въ походы посторожить какую-нибудь границу отечества съ пяткомъ вооруженныхъ холоповъ, по временамъ получалъ неважныя воеводства, чтобъ умѣреннымъ кормомъ пополнить оскудавшіе отъ походовъ животы, а на частныхъ дѣловыхъ его бумагахъ вмѣсто его подписи ставилась помѣта, что отецъ его духовный, попъ Иванъ, въ его, Нелюбово, мѣсто руку приложилъ, затѣмъ, что онъ, Нелюбъ, грамотѣ не умѣетъ. Его сына ждала менѣе торная дорога. За бойкость его съ 15-ти лѣтъ зачислили въ солдатскій полкъ новаго иноземнаго строя, подъ команду нѣмецкихъ офицеровъ, за понятливость взяли въ подъячіе, за любознательность отдали въ Спасскій монастырь, на Никольской, въ Москвѣ, къ ученому кіевскому старцу „учиться по латинямъ“. Съ кислою гримасой принимался онъ за „граматичное ученье“ и то твердилъ по ходячимъ въ то время словарькамъ исковерканныя и вавилонски перемѣшанныя греческія и польско-латинскія вокабулы, написанныя русскими литерами: ликосъ волкъ, луппа волчица, спириды лапти, офира молебенъ, препоситъ боляринъ, нектаръ пиво; то въ ужасѣ отъ мысли, что все это—ляхо-латинская ересь, неистово рвалъ свою грамматику и бѣжалъ къ туземнымъ благочестивымъ старцамъ каяться въ соблазнѣ, но, успокоенный батогами, снова принимался твердить: онагръ дикій оселъ, преторъ губная изба, фулцгуръ молнія, скандализи ме соблажняютъ мя. Кіевскій старецъ заставлялъ молодого подъячаго читать переводныя космографіи, внушалъ ему католическія мнѣнія о пресуществленіи св. даровъ и объ исхожденіи Св. Духа, обучалъ его польской рѣчи и искусству слагать хитрыя вирши.

Набожный выученикъ, успѣшно пробѣгая служебный путь, старался сдѣлать благочестивое употребленіе изъ усвоеннаго иноземнаго искусства и на досугѣ перелагалъ въ неуклюжія вирши акаѳистъ Пресв. Богородицѣ или церковныя пѣснопѣнія о страстяхъ Христовыхъ. Но время шло, разгоралась Петровская реформа, и чиновнаго латиниста съ его виршами и всею граматичною мудростью назначили коммиссаромъ для пріема и отправки въ армію солдатскихъ сапогъ. Тутъ-то, разглядывая сапожные швы и подошвы и помня государеву дубинку, онъ впервые почувствовалъ себя неловко со своимъ грузомъ кіевской учености и со вздохомъ спрашивалъ: зачѣмъ этотъ кіевскій нехай, учившій меня строчить вирши, не показалъ мнѣ, какъ шьютъ кожаныя солдатскія спириды?

Дѣти этого меланхолическаго коммиссара уже подпадали подъ дѣйствіе закона 1714 г. объ обязательномъ обученіи дворянства, учились въ цифирной школѣ мѣстнаго архіерейскаго дома, женились, отцами семействъ являлись на царскіе смотры дворянскихъ недорослей и по разбору компаніями, покидая женъ, отправлялись за море для науки подъ наблюденіемъ коммиссара съ инструкціей, въ которой за нерадѣніе „рукою самого монарха писанъ престрашный гнѣвъ и безо всякія пощады превеликое бѣдство“. Эти компаніи разсѣивались по всѣмъ важнымъ приморскимъ городамъ Западной Европы: Амстердаму, Венеціи, Марсели, Кадиксу и проч. Въ „заграничныхъ академіяхъ“ ихъ обучали математикѣ, „экипажеству“ и механикѣ, наукамъ „филозофскимъ и дохтурскимъ“, но особенно „мореходскимъ и сухопутскимъ“, навигаціи, инженерству, артиллеріи, „черченію мачтаповъ“, боцманству, артикулу солдатскому, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить. За границей русскіе навигаторы бѣгали съ учебной службы, спасаясь въ монастыри на Аѳонской горѣ, должали, посѣщали австеріи и „редуты“, т.-е. игорные дома, дрались тамъ и убивали одинъ другого, а къ роднымъ въ Россію слали письма, жалуясь на нищету и разлуку, на то, что наука опредѣлена имъ самая премудрая и

хотя бы пришлось имъ всѣ дни живота своего на тѣхъ наукахъ себя трудить, а все-таки имъ не выучиться; что они на разныя науки ходятъ, да безъ дѣла сидятъ, потому что языковъ иноземныхъ не разумѣютъ и „незнамо учиться языка, незнамо — науки“. Навигаторы молили родныхъ походатайствовать за нихъ у кабинетъ-секретаря Макарова или у самого генералъ-адмирала Апраксина взять ихъ къ Москвѣ и опредѣлить хотя бы послѣдними рядовыми солдатами или хотя бы въ тѣхъ же европейскихъ краяхъ быть, но обучаться какой-нибудь наукѣ сухопутской, только бы не мореходству. Въ числѣ этихъ навигаторовъ оказался, и даже не одинъ, прямой наслѣдникъ неудачи нашего сапожнаго коммиссара, его собственный сынъ, или чужой—это все равно. Поступивъ солдатомъ въ гвардейскій Преображенскій полкъ, онъ учился въ военной академіи въ Петербургѣ и во время второй беременности жены, въ концѣ царствованія преобразователя, былъ посланъ въ Голландію, забѣжалъ передъ отъѣздомъ къ доброй императрицѣ, которая „на всякую нужду“ дала ему 5 червонныхъ, около 100 р. на наши деньги; въ Амстердамѣ учился лучше многихъ и преимущественно дѣльнымъ наукамъ, которыя наиболѣе цѣнилъ преобразователь, даже рапортовалъ мѣстному русскому послу, что отказывается отъ шпажнаго и танцовальнаго ученья, „понеже оно къ службѣ Его Величества угодно быть не можетъ“; вернувшись въ Петербургъ, успѣшно сдалъ экзаменъ членамъ адмиралтейской коллегіи, опредѣлился къ дѣламъ, служилъ усердно, чая воздаянія, и тутъ впервые замѣтилъ, что времена перемѣнились. Великаго императора уже не было въ живыхъ. Навигацкія науки уступили мѣсто инымъ вкусамъ. Въ Петербургѣ высшее общество дорого платило нѣмцу за то, что „въ барабаны билъ и на головѣ стоялъ“, и нашъ навигаторъ, попавъ въ общество своихъ сверстниковъ, очутился между двухъ огней. Одни, послѣ Петра заболѣвшіе тоской по родной старинѣ, встрѣтили его насмѣшками и ругательствами за „европейскій обычай“, привезенный имъ изъ Голландіи; другіе, одержи-

мые вожделѣніемъ къ новизнѣ, преслѣдовали его кличками неуча, деревенскаго мужика, за недостаточный запасъ европейскаго обычая, имъ привезенный, за незнаніе моднаго катехизиса, которымъ вмѣнялось благородному шляхтичу въ обязанность то самое шпажное и танцовальное искусство, которое онъ считалъ безполезнымъ; предписывалось намѣренія свои скрывать, губъ рукой не утирать, въ сапогахъ не танцовать, встрѣчному знакомому пріятнымъ образомъ шляпу снимать за три шага, ни ближе, ни дальше, и глядѣть на него весело и пріятно, съ благообразнымъ постоянствомъ. Къ тому же ближайшіе сотрудники Петра скоро перегрызлись. На ихъ мѣста явились невѣдомые люди изъ Митавы и Германіи, алчные, подозрительные и жестокіе. Отъ нихъ пострадалъ и нашъ навигаторъ. Разъ на Святкахъ онъ отказался нарядиться и вымазаться сажей. За это его на льду Невы раздѣли до-нага, нарядили чортомъ и въ очень прохладномъ костюмѣ заставили простоять на часахъ нѣсколько часовъ; онъ захворалъ горячкой и чуть не умеръ. Въ другой разъ, за неосторожное слово про Бирона, его послали въ Тайную канцелярію къ Ушакову, который его пыталъ, билъ кнутомъ, вывертывалъ ему лопатки, гладилъ по спинѣ горячимъ утюгомъ, забивалъ подъ ногти раскаленныя иглы и калѣкой отпустилъ въ деревню, гдѣ онъ при малѣйшемъ промахѣ дворовыхъ выходилъ изъ себя и, топоча ногами, безконечно повторялъ: „ахъ вы растрепоганые, растреокаянные, не пытанные, не мученные и не наказанные!“ Впрочемъ, онъ былъ добрый баринъ, рѣдко наказывалъ своихъ крѣпостныхъ, читалъ вслухъ себѣ самому Квинта Курція Жизнь Александра Македонскаго въ подлинникѣ, занимался астрономіей, водилъ комнатную прислугу въ красныхъ ливреяхъ и напудренныхъ волосахъ; страдая безсонницей, съ гусинымъ крыломъ въ рукѣ самъ изгонялъ по ночамъ сатану изъ своего дома, окуривая ладаномъ и кропя святою водой нечистыя мѣста, гдѣ онъ могъ пріютиться, пѣлъ и читалъ въ церкви на клиросѣ, дома еже-

дневно держалъ монашеское келейное правило, но дружно жилъ съ женой, которая подарила ему 18 человѣкъ дѣтей, и, наконецъ, на 86 году умеръ отъ апоплексическаго удара. Однако привезенныя имъ изъ Голландіи математическія и навигацкія познанія остались безъ употребленія. Къ русской дѣйствительности этотъ ученый русскій служака сталъ какъ-то криво, нечаянно и больно ушибся головой объ ея уголъ и безъ особенной пользы, хотя и безъ вреда, всю остальную жизнь коптилъ небо, созерцая звѣзды.

Отцы Онѣгиныхъ начинали свое воспитаніе при императрицѣ Елизаветѣ, кончали его при Екатеринѣ II и доживали свой вѣкъ при Александрѣ I. Ихъ дѣтство протекало подъ впечатлѣніями веселой свѣтской жизни, получившей „свое основаніе“ подъ покровомъ доброй и умной дочери Петра. То было время отдыха отъ ужасовъ бироновщины; тогда началъ развиваться въ обществѣ „тонкій вкусъ во всемъ и самая нѣжная любовь, подкрѣпляемая нѣжными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получила первое надъ молодыми людьми свое господствіе“. Молодые дворяне, хорошо пристроенные въ столицѣ, 5 — 6-ти лѣтъ записанные въ гвардейскій полкъ рядовыми, лѣтъ 15-ти производились въ офицеры, допускались на французскія комедіи, дважды въ недѣлю дававшіяся на придворномъ театрѣ, бывали на дѣтскихъ балахъ, гдѣ въ присутствіи императрицы танцовало паръ по 50 дѣтей, строго выдерживая всѣ attitudes взрослыхъ господъ и госпожъ, участвовали въ вельможескихъ балъ-маскарадахъ, длившихся по 48 часовъ сряду, привѣтствовали русскихъ барышень, которыя привозили изъ Лондона невиданные въ Петербургѣ англійскіе контрадансы и за то на много дней становились героинями столичнаго свѣта. Изъ сферы веселыхъ лицъ и рѣчей они нечувствительно переносились въ сферу пріятныхъ книгъ и идей. Законъ 1714 г. не прошелъ безслѣдно. Правда, теперь уже не требовалась петровская военно-техническая выучка; любимая навигацкая наука преобразователя упала при его дочери, не любившей

моря, кадетовъ Шляхетскаго корпуса на цѣлыя недѣли отрывали отъ учебныхъ занятій, заставляя ихъ разучивать и играть новую трагедію Сумарокова. Но обязательное обученіе, не давая значительнаго запаса научныхъ свѣдѣній, пріучало къ процессу выучки, дѣлало ее привычною сословною повинностью, а потомъ свѣтскимъ приличіемъ, и даже возбуждало нѣкоторый аппетитъ къ знанію. Дворянинъ рѣдко учился съ охотой тому, что требовалось по узаконенной программѣ; но онъ привыкалъ учиться чему-нибудь, хотя обыкновенно выучивался не тому, что требовалось по программѣ. Къ 6-ти лѣтнему гвардейцу выписывали сперва изъ Берлина m-me Ruinau, потомъ изъ Парижа m-lle Berger подороже, наконецъ, m-r Raoult еще дороже, потому что онъ не только могъ преподавать le français, „но и въ томъ, что называется belles lettres, былъ гораздо свѣдущъ“. Отецъ выписывалъ для сына изъ Голландіи, пріюта французскихъ мыслителей, библіотеку assez bien choisie изъ лучшихъ французскихъ поэтовъ и историковъ, и лѣтъ съ 12-ти гвардейскій сержантъ уже освоивался съ Расинымъ, Корнелемъ, Буало и даже съ самимъ Вольтеромъ. Въ царствованіе Екатерины онъ подходилъ къ самымъ источникамъ свѣта. По желанію самой императрицы онъ посѣщалъ фернейскій скитъ Вольтера съ толпою другихъ молодыхъ офицеровъ, „жадничавшихъ“ видѣть философа и слушать его разговоры, не миновалъ и „ада молодыхъ людей“, какъ тогда звали Парижъ питомцы петровской школы, бывалъ на ужинахъ, гдѣ два философа, три dames d'esprit, одинъ еврей, одинъ капелланъ съ православнымъ секретаремъ русскаго посла и съ швейцарскимъ капитаномъ-кальвинистомъ часа по четыре сыпали bons mots, разсказывая анекдоты, разсуждая о безсмертіи души, о предразсудкахъ, о всевозможныхъ вопросахъ науки, морали и эстетики. По возвращеніи въ Россію, покинувъ службу въ гвардіи, онъ занялъ административную должность, но не могъ привыкнуть къ дѣламъ, переѣхалъ въ свою губернію; задумавъ служить по выборамъ, былъ выбранъ въ дворян-

скіе засѣдатели Совѣстнаго суда, но соскучился, дожидаясь дѣлъ, которыхъ въ три года поступило ровно три и не было рѣшено ни одного, пробовалъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, но только сбилъ съ толку управляющаго и старосту, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, пожить весело, окружилъ себя шутами и шутихами, составилъ себѣ выѣздную свиту изъ арабовъ, башкиръ и калмыковъ, потчевалъ гостей частыми обѣдами, балами и псовою охотой съ дворовою музыкой и цыганскою пляской и, наконецъ, уставъ и заглянувъ въ долговую книгу, махнулъ на все рукой и окончательно переселился въ деревню доканчивать давно начатую и сложную работу изолированія себя отъ русской дѣйствительности. Здѣсь онъ вѣчно пасмурнымъ брюзгой уединился въ своемъ кабинетѣ

Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

Съ этою книжкой въ рукахъ гдѣ-нибудь въ глуши Тульской или Пензенской губерніи онъ представлялъ собою очень странное явленіе. Усвоенныя имъ манеры, привычки, симпатіи, понятія, самый языкъ,—все было чужое, привозное, все влекло его въ заграничную даль, а дома у него не было живой органической связи съ окружающимъ, не было никакого житейскаго дѣла, которое онъ считалъ бы серьезнымъ. Онъ принадлежалъ къ сословію, которое, держа въ своихъ рукахъ огромное количество главныхъ производительныхъ силъ страны, земли и крестьянскаго труда, было могущественнымъ рычагомъ народнаго хозяйства; онъ входилъ въ составъ мѣстной сословной корпораціи, которой предоставлено было широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Но свое сельское хозяйство онъ отдавалъ въ руки крѣпостного приказчика или наемнаго управляющаго-нѣмца, а о дѣлахъ мѣстнаго управленія не считалъ нужнымъ и думать; вѣдь, на то есть выборные предводители и исправники. Такъ ни сочувствія, ни интересы, ни воспоминанія дѣтства, ни даже сознаніе долга не привязывали его къ средѣ, его окружавшей.

Съ дѣтства, какъ только онъ сталъ себя помнить, онъ дышалъ атмосферою, пропитанною развлеченіемъ, изъ которой обаяніями забавы и приличія былъ выкуренъ самый запахъ труда и долга. Всю жизнь помышляя о „европейскомъ обычаѣ“, о просвѣщенномъ обществѣ, онъ старался стать своимъ между чужими и только становился чужимъ между своими. Въ Европѣ видѣли въ немъ переодѣтаго по-европейски татарина, а въ глазахъ своихъ онъ казался родившимся въ Россіи французомъ. Въ этомъ положеніи культурнаго межеумка, исторической ненужности было много трагизма, и мы готовы жалѣть о немъ, предполагая, что ему самому подчасъ становилось невыразимо тяжело чувствовать себя въ такомъ положеніи. Нѣкоторые, дѣйствительно, не выносили его и пускали себѣ пулю въ лобъ; но это были рѣдкіе люди, которымъ не удавалось вполнѣ уединить себя отъ дѣйствительности, которые не умѣли заживо бальзамировать себя, чтобы защитить свое мертворожденное міросозерцаніе отъ разрушительнаго дѣйствія времени и свѣжаго воздуха. Большинству людей этого рода удавалась операція такого бальзамированія довольно легко, безъ мучительныхъ кризисовъ, безъ потугъ тоски и даже скуки. Заурядный екатерининскій вольнодумецъ оставался добръ и веселъ; не скучалъ и не тосковалъ. Тосковать будетъ его сынъ при Александрѣ I въ лицѣ Чацкаго, а скучать—его внукъ въ лицѣ Печорина при Николаѣ I. Когда наступала пора серьезно подумать объ окружающемъ, они начинали размышлять о немъ на чужомъ языкѣ, переводя туземныя русскія понятія на иностранныя рѣченія, съ оговоркой, что хоть это не то же самое, но похоже на то, нѣчто въ томъ же родѣ. Когда всѣ русскія понятія съ такою оговоркой и съ большею или меньшею филологическою удачей были переложены на иностранныя рѣченія, въ головѣ переводчика получался кругъ представленій, не соотвѣтствовавшихъ ни русскимъ, ни иностраннымъ явленіямъ. Русскій мыслитель не только не достигалъ пониманія родной дѣйствительности, но и терялъ самую способность понимать ее.

Ни на что не могъ онъ взглянуть прямо и просто, никакого житейскаго явленія не умѣлъ ни назвать его настоящимъ именемъ, ни представить его въ настоящемъ видѣ и не умѣлъ представить его, какъ оно есть, именно потому, что не умѣлъ назвать его, какъ слѣдуетъ. Въ суммѣ такихъ представленій русскій житейскій порядокъ являлся такою безотрадною безсмыслицей, наборомъ такихъ вопіющихъ нелѣпостей, что наиболѣе впечатлительные изъ людей этого рода, желавшіе поработать для своего отечества, проникались „отвращеніемъ къ нашей русской жизни“, ихъ собственное будущее становилось имъ противно по своей безцѣльности, и они предпочитали „бытію переходъ въ ничто“. Но это были рѣдкіе случаи. Большинство, болѣе разсудительное и менѣе нервное, умѣло обходить этотъ критическій моментъ и отъ непониманія переходило прямо къ равнодушію. Очутившись при помощи своеобразнаго метода изученія родной земли между двумя житейскими порядками, въ какомъ-то пустомъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ исторіи, русскій мыслитель удобно устроялся на этой центральной полосѣ между двумя мірами, пользуясь благами обоихъ, получая крѣпостные доходы съ одной стороны, умственныя и эстетическія подаянія— съ другой. Поселившись въ этой уютной пустынѣ, природный сынъ Россіи, подкинутый Франціи, а въ дѣйствительности человѣкъ безъ отечества, какъ называли его жившіе тогда въ Россіи французы, онъ холодно и просто рѣшалъ, что порядокъ въ Россіи есть assez immoral, потому что въ ней il n' y a presqu' aucune opinion publique, и думалъ, что этого вполнѣ достаточно, чтобъ игнорировать все, что дѣлалось въ Россіи. Такъ незнаніе вело къ равнодушію, а равнодушіе приводило къ пренебреженію. Чтобъ оправдать это пренебреженіе къ отечеству, онъ загримировывался миной міроваго безстрастія, мыслилъ себя гражданиномъ вселенной, космополитизируя такимъ образомъ очень и очень доморощенный продуктъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Такъ, онъ создавалъ себѣ „своевольное и пріятное существованіе“.

Вольныя мысли, которыя онъ черпалъ изъ привозныхъ книгъ, разсѣивали его житейскія огорченія, сообщали блескъ его уму, украшали его рѣчь, даже порой потрясали его нервы: космополитическій индиферентизмъ не мѣшалъ литературной впечатлительности, не подавлялъ воспитанной чувствительными романсами временъ Сумарокова наклонности къ отвлеченнымъ, безпредметнымъ восторгамъ. Быть можетъ, никогда культурный русскій человѣкъ не плакалъ такъ легко и охотно даже отъ хорошихъ словъ, какъ во второй половинѣ прошлаго вѣка,—плакалъ и только. Эстетическіе восторги и стереотипныя философическія слезы были только патологическими развлеченіями, нервнымъ моціономъ, но не отражались на волѣ, не становились нравственными мотивами. Вольномыслящій тульскій космополитъ съ увлеченіемъ читалъ и перечитывалъ страницы о правахъ человѣка рядомъ съ русскою крѣпостною дѣвичьей и, оставаясь гуманистомъ въ душѣ, шелъ въ конюшню расправляться съ досадившимъ ему холопомъ. Культурно-психологическій курьезъ, онъ ждетъ руки художника; но, какъ передаточный пунктъ идей и преданій, какъ посредникъ „двухъ вѣковъ“, готовыхъ поссориться, онъ занимаетъ видное мѣсто и въ исторіи нашего общества.

Дѣти людей этого рода воспитывались въ ихъ преданіяхъ, но не подъ ихъ вліяніемъ. Они наслѣдовали многія изъ идей, убѣжденій, взглядовъ, привычекъ своихъ отцовъ, но не наслѣдовали ихъ вкусовъ, чувствъ и отношеній къ окружающему и не наслѣдовали потому, что выросли и начали дѣйствовать подъ другими впечатлѣніями. Къ тому времени, когда они начали учиться, въ воспитаніи знатнаго русскаго юношества произошелъ рѣшительный переломъ. Со времени французской революціи въ Россію наѣхало множество французскихъ эмигрантовъ, кавалеровъ, графовъ, маркизовъ, аббатовъ, роялистовъ и католиковъ, даже іезуитовъ, которые, принявшись за воспитаніе молодыхъ русскихъ дворянъ, начали вытѣснять гувернеровъ философскаго чекана, демократовъ, республиканцевъ и атеистовъ, дотолѣ господ-

ствовавшихъ въ знатныхъ русскихъ домахъ. Новые педагоги принесли съ собою свою особую атмосферу, новыя чувства и интересы. Они поворотили мысль воспитываемаго ими юношества къ предметамъ, которыми пренебрегали ихъ вольнодумные предшественники, къ вопросамъ вѣры и нравственности; еще важнѣе было то, что они не ограничивались украшеніемъ и развитіемъ ума своихъ питомцевъ, но вліяли и на ихъ волю, пробуждали позывъ къ дѣлу, къ согласованію поступковъ съ понятіями. Они не только поддержали, но и усилили въ питомцахъ интересъ къ политическимъ вопросамъ, возставая противъ демократическихъ понятій, какія распространяли педагоги стараго дореволюціоннаго привоза. Несомнѣнно, при ихъ участіи въ молодомъ поколѣніи праздныя эстетическія влеченія и отвлеченныя идеи отцовъ стали смѣняться нравственными побужденіями и практическими идеалами съ политическою окраской, обростать живою плотью. Наполеонъ довершилъ дѣло, начатое французскими эмигрантами. Политическія событія указали направленіе и цѣль пробужденнымъ стремленіямъ. Дѣти людей Екатерининa вѣка, защищая отечество, на австрійскихъ, прусскихъ и, наконецъ, родныхъ поляхъ должны были съ оружіемъ въ рукахъ стать противъ той самой Франціи, которая для отцовъ многихъ изъ нихъ была „отечествомъ сердца и воображенія“. Эта борьба приподняла ихъ духъ. Передъ ихъ глазами пронеслись великія событія, которыя рѣшали судьбы народовъ и въ которыхъ они сами участвовали. Воротившись изъ похода домой, они чувствовали, что ушли отъ своихъ стариковъ „на сто лѣтъ впередъ“. Толкуя объ отечествѣ вокругъ бивачныхъ костровъ на поляхъ Прейсишъ-Эйлау, Бородина, Лейпцига и подъ стѣнами Парижа, они сдѣлали два важныя открытія. Они съ прискорбіемъ узнали, что Россія—единственная страна, въ которой образованнѣйшій и руководящій классъ пренебрегаетъ роднымъ языкомъ и всѣмъ, что касается родины. Потомъ еще съ бо́льшею скорбью они убѣдились, что въ русскомъ народѣ таятся могучія силы, лишен-

ныя простора и дѣятельности, скрыты умственныя и нравственныя сокровища, нуждающіяся въ разработкѣ, безъ чего все это вянетъ, портится и можетъ скоро пропасть, не принесши никакого плода въ нравственномъ мірѣ. Съ этой минуты они круто и прямо повернулись лицомъ къ русской дѣйствительности, къ которой отцы старались поставить ихъ спиной, какъ стояли сами. Отцы не знали ея и игнорировали; дѣти продолжали не знать ея, но перестали игнорировать.

Но съ минуты этого поворота люди, его сдѣлавшіе, разошлись и пошли различными путями. Одни пошли прямо впередъ съ нервною отвагой. Мысль „о злѣ существующаго порядка и о возможности его измѣненія“ стала исходною точкой всѣхъ ихъ думъ и размышленій. Но они смотрѣли на окружающее сквозь призму патріотической скорби, смѣнившей космополитическое равнодушіе отцовъ, а въ этой призмѣ явленія отражались подъ значительнымъ угломъ преломленія. Это мѣшало разглядѣть достижимыя цѣли, взвѣсить наличныя средства, предусмотрѣть послѣдствія. Они надѣялись однимъ порывистымъ натискомъ сдвинуть съ мѣста скалу, которая стояла на дорогѣ и которую они называли существующимъ порядкомъ, разбѣжались и ударились объ нее. Послѣдствіемъ удара было собственное крушеніе.

Другіе пошли стороной, осторожно вглядываясь въ даль и озираясь вокругъ. Они также питали много надеждъ и иллюзій, желали дѣятельности и готовились къ ней, запасаясь идеями и иноземными образцами, которые можно было бы примѣнить въ отечествѣ. Но еще до 1812 г. они стали замѣчать, что преобразовательное движеніе, смѣло начатое правительствомъ, тормозится чѣмъ-то такимъ, что не зависитъ ни отъ Сперанскаго, ни отъ Аракчеева, ни отъ чьей личной воли. Вглядываясь ближе, они увидѣли, что это была та же скала или „грубая толща“, какъ называлъ Сперанскій русскую дѣйствительность, которая никакъ не хотѣла сдвинуться съ мѣста, какъ ее ни толкали. Они такъ же знали и понимали ее, какъ и другіе; но они живѣе другихъ по-

чувствовали ея размѣры и устойчивость, чувствовали и то, что они ничего съ ней не могутъ сдѣлать, что для этого нужны не та подготовка, не такіе знанія и навыки, какими обладали они и ихъ отцы, что надобно переучиваться и перевоспитываться. Это было то же крушеніе, только не силы, плохо разсчитавшей свое дѣйствіе, а вѣры, поддерживавшей дѣятельность. Причиной крушенія было открытіе, что не во всемъ можно извернуться чужимъ умомъ и опытомъ, что если глупо вновь изобрѣтать машину, уже изобрѣтенную, то еще глупѣе жителю сѣвера заимствовать костюмъ южанина, что нужно примѣниться къ средѣ, а для этого необходимо изучать ее и потомъ уже преобразовывать, если она въ чемъ окажется неудобной. Этимъ открытіемъ разрушалось цѣлое міросозерцаніе, воспитанное рядомъ поколѣній, привыкшихъ сибаритски смотрѣть на Западную Европу, какъ на русскую мастерскую, обязательную поставщицу машинъ, модъ, увеселеній, вкусовъ, приличій, знаній, идей, нужныхъ Россіи, и даже отвѣтовъ на политическіе вопросы, въ ней возникающіе. Тогда люди, сдѣлавшіе это открытіе, впали въ уныніе или нравственное оцѣпенѣніе и опустили руки. Послѣ, оправившись отъ столбняка, одни изъ нихъ стали кое-какъ прилаживаться къ русской дѣйствительности и даже явились дѣльцами въ царствованіе Николая, другіе произнесли надъ ней отлученіе отъ цивилизованнаго міра за то, что она не давалась ихъ пониманію безъ изученія, третьи просто принялись изучать ее въ подробностяхъ.

Совершенно особеннымъ образомъ подѣйствовала патріотическая скорбь однихъ и уныніе другихъ на ихъ младшихъ братьевъ, которые, по молодости лѣтъ, не принимали участія въ военныхъ дѣлахъ 1812 — 1814 гг. и не были вовлечены въ движеніе, кончившееся катастрофой 14 декабря. Они проходили школу тогдашняго столичнаго свѣта съ его показнымъ умомъ, заученными приличіями, замѣнявшими нравственныя правила, и съ любезными словами, прикрывавшими пустоту общежитія, какъ описала его въ 1812 г. г-жа Сталь.

Эта школа давала много пищи злословію, вырабатывала „насмѣшку съ желчью пополамъ“, но не пріучала ни къ умственному труду, ни къ практической дѣятельности,—напротивъ, отучала отъ того и другого, всего же болѣе располагала къ скукѣ. На наклонности, воспитанныя такою школой, ложились чувства старшихъ братьевъ, патріотическая скорбь однихъ, унынiе другихъ. Но то были накладная скорбь, наносное унынiе; то и другое чувство въ младшихъ рядахъ поколѣнія не было непосредственнымъ житейскимъ впечатлѣніемъ, получалось изъ вторыхъ рукъ. Изъ смѣшенія столь разнородныхъ вліяній и составилось сложное настроеніе, которое тогда стали звать разочарованіемъ. Поэзія часто рисовала его байроновскими чертами, и сами разочарованные любили кутаться въ Гарольдовъ плащъ. Но въ составъ этого настроенія входило гораздо болѣе туземныхъ ингредіентовъ. Здѣсь были и запасъ схваченныхъ на-лету идей съ приправой мысли объ ихъ ненужности, и унаслѣдованное отъ вольнодумныхъ отцовъ брюзжанье съ примѣсью скуки жизнью, преждевременно и безтолково отвѣданной, и презрѣніе къ большому свѣту съ неумѣніемъ обойтись безъ него, и стыдъ бездѣлья съ непривычкой къ труду и недостаткомъ подготовки къ дѣлу, и скорбь о родинѣ, и досада на себя, и лѣнь, и унынiе,—весь умственный и нравственный скарбъ, унаслѣдованный отъ отцовъ и дѣдовъ и прикрытый слоемъ острыхъ или гнетущихъ чувствъ, внушенныхъ старшими братьями. Это была полная нравственная растерянность, выражавшаяся въ одномъ правилѣ: ничего сдѣлать нельзя и не нужно дѣлать. Поэтическимъ олицетвореніемъ этой растерянности и явился Е. Онѣгинъ. Такъ я понимаю его,—правильно ли, судите сами. Прибавлю только, что Пушкинъ одинъ изъ первыхъ подмѣтилъ эту новую разновидность русскихъ чудаковъ. Въ 1822 году, когда онъ началъ писать свой романъ, было много и рѣшившихся на все, и нерѣшительныхъ патріотовъ, но разочарованные еще не бросались въ глаза, какъ послѣ 1825 г.

Такова родословная Онѣгина. Его предки—люди изъ дворянства, служившаго проводникомъ свѣтскаго образованія и органомъ управленія. Это—исключительные люди, которыхъ слишкомъ быстрая смѣна направленій образованія и не всегда удачная его постановка ставили въ неправильное положеніе. Сперва потребовалось школьное латинское образованіе, но подъ церковнымъ руководствомъ, съ цѣлью оградить правомысліе. Но многимъ, получившимъ такое образованіе, приходилось дѣйствовать тамъ, гдѣ требовалась уже военно-техническая выучка, которой усиленно и подвергалась дворянская молодежь въ царствованіе Петра I. Многимъ, получившимъ и такую выучку, пришлось дѣйствовать въ обществѣ, въ которомъ служебные успѣхи много зависѣли отъ степени свѣтской выправки и литературнаго образованія служащаго лица. Но эта выправка и это образованіе скоро получили такое ненормальное развитіе, которое прививало идеи и вкусы, непригодные для государственной и земской дѣятельности дворянства, расширенной реформами Екатерины II. Тогда и образованіе высшаго дворянства стало получать политическое направленіе и становилось ближе къ русской дѣйствительности, къ положенію управляемаго общества. Но такое образованіе при содѣйствіи унаслѣдованныхъ преданій и наклонностей и новыхъ вліяній сдѣлало однихъ нетерпѣливыми новаторами, хотѣвшими все перестроить разомъ, другихъ нерѣшительными пессимистами, не знавшими, что дѣлать, а третьихъ повергло въ настроеніе, лишавшее ихъ способности и охоты дѣлать что-либо. Это послѣдніе наши Онѣгины. Съ этими людьми, мелькавшими въ русскомъ обществѣ въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ, такое настроеніе и умерло.

Но я слишкомъ долго задержалъ ваше вниманіе на личныхъ и историческихъ воспоминаніяхъ. О Пушкинѣ всегда хочется сказать слишкомъ много, всегда наговоришь много лишняго и никогда не скажешь всего, что слѣдуетъ.

Содѣйствіе Церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка *).

Очередь бесѣды съ почтившими своимъ присутствіемъ годичный праздникъ нашей академіи дошла до меня въ такой годъ, который самъ настойчиво подсказываетъ мнѣ предметъ этой бесѣды. Въ нынѣшнемъ году, слѣдуя показанію нашей древней лѣтописи, русскій народъ праздновалъ 900-лѣтіе своего крещенія. О чемъ вспоминали мы, празднуя годовщину этого событія? О томъ, какъ св. Владиміръ, блюститель гражданскаго порядка въ Русской землѣ, положилъ въ ней основанія порядка церковнаго. Историкъ отечественной Церкви, начиная съ этого событія, повѣствуетъ, какъ съ той поры гражданская, государственная власть на Руси содѣйствовала успѣхамъ Русской Церкви. Я имѣю честь преподавать съ духовно-академической кафедры гражданскую исторію Россіи, какъ вспомогательный предметъ къ изученію исторіи Русской Церкви. О чемъ всего лучше обратиться мнѣ къ вамъ съ бесѣдой, какъ не о томъ, чѣмъ платила Русская Церковь за это содѣйствіе, что сдѣлала она для устроенія гражданскаго порядка въ Русской землѣ?

Надѣюсь, я никого не введу въ недоумѣніе этимъ вопросомъ, не заставлю думать, будто я хочу говорить о вмѣшательствѣ церкви въ гражданскія, политическія дѣла. Извѣстно, что воздержаніе отъ такого вмѣшательства—историческая особенность и политическое правило православной церкви: Божія Богови, Кесарево Кесареви.

*) Рѣчь, произнесенная на публичномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1 октября 1888 г. (Напечатано въ „Твореніяхъ св. Отцевъ". 1888 г., IV).

Церковь дѣйствуетъ на особомъ поприщѣ, отличномъ отъ поля дѣятельности государства. У нея своя территорія—это вѣрующая совѣсть, своя политика—оборона этой совѣсти отъ грѣховныхъ влеченій. Но, воспитывая вѣрующаго для грядущаго града, она постепенно обновляетъ и перестроиваетъ и градъ, здѣ пребывающій. Эта перестройка гражданскаго общежитія подъ дѣйствіемъ церкви—таинственный и поучительный процессъ въ жизни христіанскихъ обществъ. Церковный историкъ рѣдко находитъ случай и поводъ бросить взглядъ на эту работу, глубоко сокрытую подъ покровомъ явленій, далекихъ отъ главнаго предмета его наблюденій. Онъ наблюдаетъ вѣрующаго въ кругу его религіозныхъ обязанностей и отношеній и выпускаетъ его изъ вида, какъ скоро онъ выходитъ изъ непосредственнаго дѣйствія церкви и, какъ гражданинъ, погружается въ бурливый потокъ гражданскихъ интересовъ и отношеній. Наблюдателю этихъ интересовъ и отношеній не разъ и приходится встрѣчаться съ явленіями, передъ которыми онъ останавливается въ раздумьи. Онъ видитъ источники этихъ интересовъ, пружины, коими движется механизмъ гражданскаго общежитія. То обыкновенно мутные источники, жесткіе, желѣзные рычаги: черствый эгоизмъ, слѣпой инстинктъ, суровый законъ, обуздывающій порывы того и другого. И среди стукотни этого механизма вдругъ послышится наблюдателю звукъ совсѣмъ иного порядка, запавшій въ житейскую разноголосицу откуда-то сверху, точно звонъ колокола, раздавшійся среди рыночной суматохи. Въ ветхомъ и пыльномъ свиткѣ самаго сухого содержанія, въ купчей, закладной, заемной, мѣновой или духовной, подъ юридической формальностью иногда прозвучитъ нравственный мотивъ, изъ-подъ хозяйственной мелочи блеснетъ искра религіознаго чувства, — и вы видите, какъ темная хозяйственная сдѣлка озаряется извнутри теплымъ свѣтомъ, мертвая норма права оживаетъ и перерождается въ доброе житейское отношеніе, не соотвѣтствующее ея первоначальной природѣ. Вотъ передъ нами духовная одной

древне-русской завѣщательницы, именитой и богатой госпожи. Все она припомнила и записала въ завѣщаніи, кому сколько должна, кто ей сколько долженъ и кому что должно достаться изъ ея имущества. Это, очевидно, заботливая и памятливая хозяйка, и предчувствіе смерти не помутило ея скопидомной памяти. Угасающимъ взглядомъ окинула она весь свой житейскій багажъ, припомнила и свои сундуки съ платьемъ и свою кухню и дошла до своей многолюдной крѣпостной дворни. Юридически это для нея такія же вещи, какъ и ея тѣлогрѣйка, съ тою развѣ разницей, что послѣдняя ближе къ сердцу и потому дороже, бережнѣе хранилась. Читая духовную, ждешь, кому она откажетъ своихъ „робъ и холоповъ". „А людей моихъ, пишетъ завѣщательница, послѣ моего живота всѣхъ отпустить на свободу, всѣ божіи и царевы государевы люди, и изъ остаточныхъ денегъ дать моимъ людемъ, мужичкамъ и женочкамъ, почему пригоже дати, а не оскорбити, чтобы людцы мои послѣ меня не пошли съ моего двора и не заплакали". Или вотъ бѣдный человѣкъ занялъ деньги у капиталиста отъ Николина дня вешняго такого-то года до того же Николина дня слѣдующаго года и въ заемной кабалѣ пишетъ, что занялъ ихъ безъ росту, что заимодавецъ, помня евангельскую заповѣдь и имѣя въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, росту съ него не взялъ ничего. Легко понять, чье вліяніе дѣлало изъ предсмертнаго завѣщанія владѣлицы крѣпостныхъ душъ трактатъ о равенствѣ людей передъ Богомъ и государемъ и долговое обязательство превращало въ благотворительный актъ, заставляя ростовщика отказываться отъ своихъ узаконенныхъ тогда 20% годовыхъ. Личный интересъ часто побуждалъ древнерусскаго человѣка протягивать руку на то, чего не признавало за нимъ право, а евангельская заповѣдь внушала ему добровольный отказъ и отъ признаннаго за нимъ права, и этой борьбой евангельской заповѣди съ личнымъ интересомъ строилось сносное гражданское общежитіе, въ которомъ право, стражъ законнаго личнаго интереса, часто становилось послушнымъ орудіемъ евангельскаго самопожертвованія.

Всякій, кто изучалъ исторію нашего гражданскаго порядка, знакомъ съ чувствомъ того высокаго нравственнаго удовлетворенія, какое испытываешь, наблюдая, какъ Церковь дѣлала смерть строительницей человѣколюбиваго людского общежитія и нотаріальную контору превращала въ притворъ храма Божія. Въ то время, какъ русскій народъ праздновалъ память своего просвѣтителя кн. Владиміра, и у насъ, скудныхъ числомъ и скромныхъ изслѣдователей русской гражданской старины, былъ свой молчаливый товарищескій праздникъ: мы вспоминали перваго виновника этихъ свѣтлыхъ минутъ, какія выпадаютъ на нашу долю, когда мы, всматриваясь въ старинные памятники нашихъ гражданскихъ учрежденій, замѣчаемъ на нихъ иногда неожиданно и всегда съ отрадой слѣдъ благотворнаго вліянія церкви, въ строѣ матеріальныхъ отношеній чувствуемъ присутствіе нравственнаго начала. Это начало принесъ онъ, князь Владиміръ, какъ онъ же завелъ и первую аудиторію на Руси, когда велѣлъ отбирать у знатныхъ людей „молодыя дѣти“ и отдавать ихъ „на ученіе книжное“. Эти „молодыя дѣти“, отданныя учиться грамотѣ, были ваши, господа студенты, предшественники, первые студенты духовно-учебныхъ заведеній и первые ученые въ русской землѣ, ибо лѣтопись прямо замѣчаетъ о нихъ: „и навыкаху скоро по Божію строю, и бысть отъ сихъ множество мудрыхъ философовъ“ *). Эти мудрые философы стали потомъ русскими пастырями и наставниками русскаго юношества, какими со временемъ станете и вы.

Одинъ изъ упомянутыхъ скромныхъ изслѣдователей проситъ теперь вашего благосклоннаго вниманія. Онъ не думаетъ изложить передъ вами ученое изслѣдованіе о многообразной дѣятельности русской Церкви: эту дѣятельность здѣсь, въ этомъ высшемъ богословскомъ учебномъ заведеніи, знаютъ несравненно лучше, чѣмъ знаетъ онъ. Нѣтъ, онъ проситъ позволенія только передать нѣсколько впечатлѣній,—

*) Никон. лѣт. I, 94.

ничего больше, кромѣ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ изученія нашего древняго гражданскаго порядка, напомнить, чѣмъ этотъ порядокъ обязанъ Церкви, какими путями проникало въ него и куда направляло его принесенное ею нравственное начало. Это воспоминаніе будетъ нашей поздней академической данью первому христіанскому государю Русской земли, память котораго мы праздновали въ нынѣшнемъ году.

Историку гражданскаго порядка въ Россіи часто приходится обращаться къ историку церковному за совѣтомъ и указаніями. Къ этому вынуждаетъ перваго своеобразное положеніе Церкви въ русскомъ государствѣ въ первые вѣка христіанской жизни Руси. Тогда Церковь русская вѣдала многое, что потомъ вошло въ непосредственное вѣдомство государства. Церковь и тогда не вмѣшивалась въ дѣла государства; но само государство вовлекало ее въ свои дѣла, еще не умѣя справиться со многими изъ нихъ. Церковная іерархія и въ Византіи не была замкнута въ кругу дѣлъ чисто-духовныхъ: сверхъ участія въ управленіи и судѣ, она помогала государству въ устройствѣ благотворительности, въ защитѣ слабыхъ и угнетаемыхъ, въ поддержаніи общественнаго благочинія и семейнаго благонравія. Духовенство принесло въ Россію первыя понятія о такихъ учрежденіяхъ и отношеніяхъ; ни правительство, ни общество въ ново-просвѣщенной странѣ не умѣло взяться за нихъ; но, судя по лѣтописному разсказу о благотворительной дѣятельности князя Владиміра, можно думать, что, по крайней мѣрѣ, правительство очень скоро поняло ихъ важность для общественнаго порядка. Основанія и правила для устройства такихъ дѣлъ и отношеній духовенство указывало въ принесенныхъ имъ уставахъ, которые въ глазахъ всѣхъ русскихъ христіанъ имѣли непреложную каноническую силу или нравственную обязательность. Мѣстному законодательству предстояло только примѣнять эти основанія и правила къ уровню развитія и къ потребностямъ мѣстнаго общества. Эту работу съ необхо-

димыми для нея законодательными полномочіями мѣстная государственная власть и возложила на церковную іерархію, заранѣе давъ ей согласіе на тѣ учредительныя мѣры, принять которыя она найдетъ необходимымъ. Такъ церковная іерархія явилась ближайшей сотрудницей правительства въ устроеніи государственнаго порядка и вмѣстѣ съ широкой юрисдикціей получила законодательную власть въ установленіи нѣкоторыхъ гражданскихъ отношеній. Эта законодательная дѣятельность іерархіи по государственному порученію должна была состоять въ переработкѣ и примѣненіи къ условіямъ русской жизни византійскихъ узаконеній, принесенныхъ на Русь духовенствомъ вмѣстѣ съ Номоканономъ. Въ древнихъ памятникахъ русскаго права сохранилось любопытное указаніе на побужденія и самую форму такого законодательнаго порученія. Въ тридцатыхъ годахъ XII в. внукъ Мономаха, Всеволодъ, Мстиславичъ, княжившій въ Новгородѣ, далъ ему церковный уставъ, который представляетъ собою повтореніе и нѣкоторое развитіе стараго церковнаго устава св. Владиміра. Въ припискѣ къ уставу князь затрогиваетъ важный тогда вопросъ объ отношеніи къ наслѣдству отца дѣтей отъ запрещеннаго третьяго и четвертаго брака. Уставодатель пишетъ, что онъ самъ разбиралъ тяжбы о наслѣдствѣ дѣтей отъ первой жены съ ихъ мачехой, третьей или четвертой женой ихъ отца, и ея дѣтьми, и рѣшалъ такія тяжбы „заповѣдми по преданію св. отецъ“, т.-е. по узаконеніямъ, содержащимся въ Номоканонѣ. Изъ словъ князя видно, что онъ рѣшалъ такія тяжбы согласно съ духомъ, но не вполнѣ съ буквой византійскаго императорскаго законодательства, примѣняясь къ русскимъ понятіямъ и нравамъ. Князь, однако, думалъ, что не его дѣло рѣшать такія тяжбы, и прибавилъ въ припискѣ заявленіе о всѣхъ судебныхъ дѣлахъ такого рода: „а то все приказахъ епископу управливати, смотря въ Номоканонъ, а мы сіе съ своей души сводимъ“. Совѣсть князя тяготилась сомнѣніемъ, въ правѣ ли онъ рѣшать такія дѣла, требующія каноническаго разумѣнія, и онъ обращается

къ церковной власти съ рѣшительнымъ призывомъ: снимите съ моей души нравственную отвѣтственность за такія дѣла, которыя вы разумѣете лучше меня, и дѣлайте ихъ сами по своему разумѣнію, соображаясь съ Номоканономъ и съ нашими нравами. Но соображать византійскій законъ съ русской дѣйствительностью значило переработывать тотъ и другую, внося заимствованное юридическое начало въ туземное отношеніе, т.-е. значило создавать новый законъ: такая законодательная работа и возлагалась на церковную іерархію.

Какъ іерархія исполнила возложенное на нее порученіе и какія средства призвала она на помощь для его исполненія? Это—вопросъ объ источникахъ права, изъ которыхъ она черпала, и о способѣ ихъ практической разработки, о пріемахъ ихъ примѣненія къ русской дѣйствительности. Чтобъ отвѣтить на вопросъ объ источникахъ, надобно узнать, что было пригоднаго для этой работы подъ руками первыхъ русскихъ іерарховъ, которымъ пришлось за нее приняться. Отвѣчая на вопросъ о пріемахъ, слѣдуетъ обратиться къ памятникамъ дальнѣйшаго времени, несомнѣнно отразившимъ въ себѣ русскую дѣйствительность, и поискать въ нихъ слѣдовъ вліянія тѣхъ источниковъ права, изъ которыхъ черпали пригодный матеріалъ первые церковные устроители русскаго гражданскаго порядка.

Профессоръ А. С. Павловъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ каноническаго права въ современной Европѣ, путемъ усиленныхъ разысканій и остроумныхъ соображеній распуталъ самый трудный узелъ вопроса о первоначальномъ славяно-русскомъ Номоканонѣ, которымъ руководствовалась Церковь, устроясь на Руси. Оказалось, что у насъ издавна былъ извѣстенъ Номоканонъ константинопольскаго патріарха VI в. Іоанна Схоластика въ болгарской редакціи и въ переводѣ, приписываемомъ славянскому первоучителю св. Меѳодію, но что въ первые вѣка христіанской жизни Руси въ нашей церковной практикѣ гораздо употребительнѣе былъ Номоканонъ другого состава (въ XIV титулахъ),—тотъ Номо-

канонъ, который въ IX в. былъ дополненъ патріархомъ Фотіемъ и получилъ названіе Фотіева. Еще въ XVI в. нашимъ книжникамъ были извѣстны списки этого Номоканона, писанные одинъ при вел. кн. Изяславѣ Ярославичѣ во второй половинѣ XI вѣка, а другой еще раньше, при самомъ Ярославѣ и новгородскомъ епископѣ Іоакимѣ, по всей вѣроятности, въ Новгородѣ, когда тамъ сидѣлъ Ярославъ намѣстникомъ своего отца, значитъ—не болѣе 30 лѣтъ спустя послѣ крещенія св. Владиміра. Профессоръ Павловъ допускаетъ даже не лишенную вѣроятности догадку, что содержавшійся въ этомъ спискѣ Номоканонъ и переведенъ былъ по волѣ того же Ярослава, ревнителя церковныхъ уставовъ, который далъ монастырямъ и святителямъ „оправданія судомъ съ греческаго Номоканона". Можетъ быть, потому и Номоканону этого состава въ древней Руси усвояли иногда названіе Ярославова. Названному ученому удалось найти въ московской синодальной библіотекѣ списокъ Кормчей XII—XIII вѣка того же состава, еще безъ Фотіевыхъ дополненій, и въ томъ самомъ переводѣ, какой наши книжники XVI в. встрѣчали въ русскихъ спискахъ Номоканона XI вѣка *). Такъ намъ открывается возможность подойти къ основному церковно-юридическому источнику, изъ котораго преимущественно черпали пригодный матеріалъ первые устроители русскаго порядка церковнаго и тѣхъ частей гражданскаго, устроеніе которыхъ было возложено на церковную іерархію.

Въ составѣ этой Кормчей для насъ всего важнѣе то, что среди дополнительныхъ статей къ своду церковныхъ правилъ помѣщались цѣликомъ или въ отрывкахъ два византійскіе кодекса: Эклога, т. е. Выборка законовъ, сдѣланная въ VIII в. при императорѣ - иконоборцѣ Львѣ Исаврянинѣ, и Прохиронъ Василія Македонянина, православнаго императора IX вѣка; а по болгарской редакціи Номоканона патріарха Іоанна Схоластика Русь познакомилась съ болгар-

*) *А. Павлова*, Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ. Казань. 1869.

ской компиляціей, составленной по различнымъ источникамъ византійскаго права, преимущественно по той же Эклогѣ, и носящей названіе Закона суднаго людемъ или Судебника царя Константина. Эти три пришлые памятника и принимали наиболѣе замѣтное участіе въ переработкѣ туземнаго русскаго права и гражданскаго порядка, къ которой приступила церковная іерархія по порученію государства.

Эклога и Прохиронъ—типическіе образчики византійской кодификаціи, воспитанной на образцовыхъ произведеніяхъ римскихъ юристовъ Гая, Ульпіана и друг. Не думайте, что это—кодексы или своды законовъ въ современномъ значеніи этихъ терминовъ. Это—скорѣе произведенія законовѣдѣнія, чѣмъ произведенія законодательства, болѣе юридическіе учебники, чѣмъ уложенія. Они разсчитаны не столько на судебную камеру, сколько на юридическую аудиторію. Я не знаю, удобно ли было по нимъ производить судъ; но несомнѣнно, по нимъ очень легко преподавать право. Самое заглавіе одного изъ нихъ Ὁ πρόχειρος νόμος буквально значитъ ручной законъ, руководство, приспособленное къ легчайшему познанію законовъ. Читая тотъ или другой титулъ этихъ кодексовъ, разбитый на извѣстное количество главъ или параграфовъ, чувствуешь, какъ будто читаешь конспектъ лекціи изъ курса гражданскаго правовѣдѣнія. Съ такимъ характеромъ обоихъ кодексовъ тѣсно связанъ и самый планъ, по которому они построены. Это, собственно, своды гражданскаго права; одинокіе титулы, излагающіе постановленія права уголовнаго, являются въ нихъ механическими приставками. Титулы гражданскаго права расположены въ кодексахъ въ порядкѣ житейской послѣдовательности юридическихъ отношеній: это, если можно такъ выразиться, юридическая біографія человѣка, какъ гражданина, носителя гражданскаго права. Наше юридическое бытіе начинается раньше физическаго: оно начинается первымъ узломъ того союза, который произвелъ каждаго изъ насъ, т. е. брачнымъ сговоромъ родителей. Такой планъ особенно явственно вы-

ступаетъ въ порядкѣ титуловъ Прохирона; онъ прямо и обозначенъ въ этомъ кодексѣ, вступленіе къ которому оканчивается словами: „настоящая книга начинается съ того, чѣмъ и естество наше пріемлетъ свое начало“ *). Начавъ титулами о брачномъ сговорѣ, о заключеніи и расторженіи брака, Прохиронъ продолжаетъ изложеніемъ многообразныхъ имущественныхъ сдѣлокъ, входящихъ въ составъ гражданскаго оборота, титулами о дареніяхъ, о куплѣ и продажѣ, о займѣ, наймѣ и проч. и заканчиваетъ изложеніемъ порядка наслѣдованія со всѣми примыкающими къ нему отношеніями, въ которыхъ прямо или косвенно выражается послѣдняя воля человѣка на землѣ.

Теперь представьте себѣ впечатлѣнія, какія долженъ былъ выносить изъ изученія такихъ кодексовъ и потомъ вносить въ свою дѣятельность русскій духовный пастырь, призванный въ мѣру своихъ іерархическихъ полномочій содѣйствовать устроенію гражданскаго порядка въ новопросвѣщенномъ отечествѣ. Очень вѣроятно, что онъ съ трудомъ усвоялъ себѣ установленія греко-римскаго права, чуждыя русскому, не сразу могъ понять юридическое существо сговорнаго задатка и предбрачныхъ даровъ, эмфитевзиса или депозита и постигнуть разницу между подвластнымъ и эманципированнымъ сыномъ, между завѣщаніемъ и отказомъ (legatum) или между кодицилломъ и завѣщаніемъ. Но безъ особеннаго напряженія можно было освоиться съ формой и духомъ византійской кодификаціи. До тѣхъ поръ на Руси понимали законъ, какъ стародавній обычай, и едва начинали понимать его, какъ распоряженіе власти, вызванное частнымъ случаемъ. Кормчая принесла на Русь первые образцы связнаго уложенія, построеннаго не на пережившемъ себя обычаѣ или случайномъ усмотрѣніи власти, а на послѣдовательномъ развитіи извѣстныхъ юридическихъ началъ, отвѣчающихъ насущнымъ потребностямъ общества. Съ тѣхъ поръ начались и у

*) Τῆς μέντοιγε παρούσης πραγματείας ἀρχὴ τέθειται, ὁπόθεν καὶ ἡ καθ' ἡμᾶς φύσις τὴν ἀρχὴν ἔλαβεν.

насъ опыты составленія по разнымъ отраслямъ дѣйствовавшаго права краткихъ сводовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе такъ любила и такъ умѣла составлять греко-римская юриспруденція. Разныя редакціи Русской Правды и церковныхъ уставовъ св. Владиміра и Ярослава, церковные уставы ихъ потомковъ, князей XII вѣка,—все это были раннія подражанія синоптической византійской кодификаціи, или прямо вышедшія изъ среды духовенства, или предпринятыя подъ вліяніемъ и при содѣйствіи церковныхъ законовѣдовъ. Разумѣется, эти опыты далеко отставали отъ своихъ образцовъ какъ въ кодификаціонной техникѣ, такъ и въ выработкѣ юридическихъ началъ. Но они будили юридическую мысль, отрывая ее отъ непосредственныхъ явленій, пріучая подбирать однородные юридическіе случаи и изъ нихъ извлекать общія правила, юридическія нормы. Не ускользнула отъ русскихъ законовѣдовъ и одна внутренняя особенность византійскаго законодательства. Оно стояло подъ двойнымъ вліяніемъ римской юриспруденціи и христіанской проповѣди: первая внесла въ нее пріемъ юридическаго трактата: вторая—пріемъ религіозно-нравственнаго назиданія. Оба пріема сливаются у византійскаго законодателя въ наклонность оправдывать, мотивировать законъ. Мотивы очень разнообразны: ими служатъ какъ психологическія и нравственныя побужденія, такъ и практическія цѣли, житейскіе разсчеты; иногда прямо цитуется Св. Писаніе *). Въ титулѣ о дареніяхъ между мужемъ и женой Прохиронъ гласитъ, что такія даренія не имѣютъ юридической силы, и спѣшитъ обозначить причины этого: связующую мужа и жену любовь, устраненіе повода къ разводу съ той или другой стороны, не получающей даренія, и предупрежденіе обогащенія одной стороны на счетъ другой. Ни крестный отецъ, ни его сынъ не могутъ жениться—первый—на своей крестницѣ, второй—на отцовой, ни на ея матери, ни на ея дочери. Почему? Крестница, по-

*) См. наприм. въ Эклогѣ тит. II, гл. 6 и 7. Zachariae Coll. libr. juris. graeco-romani inedit. 18.

ясняетъ тотъ же кодексъ, становится какъ бы настоящей дочерью своего воспріемника (ὡς θῆθεν θυγατέρα αὐτοῦ γενομένην), „ибо ничто такъ не можетъ вызвать отеческое расположеніе и слѣдовательно создать законное препятствіе къ браку, какъ союзъ, въ которомъ души связуются Божіимъ посредствомъ". Иная статья Прохирона вся содержитъ въ себѣ не самый законъ, а только основаніе закона. Такъ, перечню запрещенныхъ браковъ между лицами, не состоящими въ кровномъ родствѣ, онъ предпосылаетъ общее правило: „при заключеніи брака мы должны соображать не только то, дозволенъ ли онъ, но и то, благопристоенъ ли онъ" *). А иногда законодатель, объясняя законъ, простымъ и остроумнымъ соображеніемъ закрѣпляетъ какую-нибудь очень тонкую и трудноуловимую связь государственнаго порядка. Въ числѣ случаевъ, дѣлающихъ завѣщаніе недѣйствительнымъ, Прохиронъ ставитъ и тотъ, когда завѣщатель, ведя съ кѣмъ-либо тяжбу, назначитъ царя своимъ наслѣдникомъ, если только наслѣдство не слѣдуетъ царю и помимо завѣщанія на какомъ-либо законномъ основаніи: хотя цари, поясняетъ законодатель, не подчинены законамъ наравнѣ съ подданными, они все-таки живутъ по законамъ **). Такая наклонность мотивировать законъ способна произвести впечатлѣніе и на современнаго человѣка, привыкшаго ко вразумительному, хотя и неразговорчивому закону, который повелѣваетъ не разсуждая, хотя и даетъ понять, почему онъ такъ повелѣваетъ. Тѣмъ сильнѣе должна была подѣйствовать эта особенность византійскаго законодательства на русскаго человѣка XI—XII вѣка, видѣвшаго въ законѣ не обдуманную необходимость, а не допускающую разсужденія угрозу. Это дѣйствіе усиливалось еще самой композиціей доступныхъ Руси византійскихъ кодексовъ, которая дѣлала ихъ болѣе способными воспитывать и исправлять понятія о правѣ, чѣмъ указывать способы возстано-

*) Proch. t. X, c. 1; t. VII, c. 28 и 16.

**) Ibid. t. XXV, c. 4: εἰ γὰρ καί νόμοις οἱ βασιλεῖς οὐχ ὑποκεινται ἀλλ' οὖν κατά νόμους πολιτεύονται.

вленія нарушенныхъ правъ. Въ раннихъ опытахъ русской кодификаціи можно найти слѣды такого мотивированнаго закона, иногда очень простодушно вскрывающаго свои основанія. Одна статья Русской Правды гласитъ, что холопы за кражу не подлежатъ пенѣ въ пользу князя, „зане суть несвободни“. По другой статьѣ заимодавецъ, давшій взаймы болѣе 3 гривенъ безъ свидѣтелей, терялъ право иска. Судья обязанъ былъ объяснить истцу отказъ въ искѣ резолюціей, смыслъ которой, придерживаясь ея драматической формы, можно передать такъ: „ну, братъ, извини, самъ виноватъ, что такъ раздобрился, повѣрилъ въ долгъ столько денегъ безъ свидѣтелей“ *). Нетрудно угадать, кто былъ проводникомъ этого пріема изъ византійскаго законодательства въ русскую кодификацію. Древне-русскіе церковные законодатели и толкователи каноновъ въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ и отвѣтахъ на каноническіе вопросы, обращенные къ нимъ со стороны подчиненныхъ имъ пастырей, не могутъ шагу ступить, повелительнаго слова вымолвить, не объяснивъ, почему они такъ говорятъ и поступаютъ. И вотъ что особенно неожиданно и вмѣстѣ отрадно: вооружившись пріемомъ, заимствованнымъ изъ византійскаго законодательства, они, греки и византійскіе законовѣды, идутъ противъ этого византійскаго законодательства и идутъ во имя христіанской любви и пастырскаго снисхожденія къ пасомымъ. Эклога и Прохиронъ назначаютъ смертную казнь и жестокія членовредительныя наказанія за разныя преступленія. Между прочимъ они грозятъ смертью за возвратъ къ язычеству и языческія жертвоприношенія, за призываніе бѣсовъ во вредъ людямъ, за колдовство и волшебство, даже за невыдачу пойманнаго волхва. Митрополитъ Іоаннъ II, грекъ и высшій іерархъ русской церкви XI вѣка, за упорное жертвенное служеніе бѣсамъ и уклоненіе отъ христіанскаго причащенія полагаетъ отлученіе отъ церкви, а за упорство въ чародѣя-

*) «Промиловался (вар. провиновался) еси, оже еси не ставилъ послуховъ».

ніи и волхвованіи, если не подѣйствуетъ словесное вразумленіе, опредѣляетъ тѣлесное наказаніе, но рѣшительно запрещаетъ при этомъ уродовать тѣло и убивать до смерти, прибавляя въ оправданіе запрета: это противно церковной дисциплинѣ и доктринѣ *). Введеніе мотивированнаго закона въ русское законодательство было смѣлой попыткой подъ угрозу силой подставить убѣжденіе разсудка, страхъ передъ имущественнымъ ущербомъ или физической болью замѣнить чувствомъ порядка или сознаніемъ долга.

Внося мотивированный законъ въ гражданское законодательство, Церковь этимъ путемъ проникала въ глубь гражданскаго общежитія, чтобы самыя его отношенія поставить на нравственномъ основаніи. Это было второе, дальнѣйшее дѣло Церкви, тѣсно связанное съ первымъ. На такомъ основаніи она стремилась поставить преимущественно тѣ гражданскія отношенія, сферой которыхъ служитъ семья, первичный, основной узелъ гражданскаго общежитія.

Я не думаю разсказывать о томъ, какъ Церковь строила русскую семью; такой разсказъ составилъ бы обширный, для меня непосильный трактатъ, и жаль, что до сихъ поръ въ нашей литературѣ нѣтъ такого трактата. Я очень поверхностно коснусь только нѣкоторыхъ частей этой сложной и важной постройки. Христіанская семья,—позвольте мнѣ для порядка высказать эту слишкомъ извѣстную истину,—есть двойственный, церковно-гражданскій союзъ: она завязывается гражданскимъ договоромъ и закрѣпляется церковнымъ таинствомъ. Я отмѣчу только основныя связи, какія внесла Церковь въ этотъ союзъ, какъ въ гражданскую сдѣлку.

Древне-русская языческая семья отличалась отъ греко-римской христіанской столько же своимъ нравственнымъ характеромъ, какъ и юридическимъ составомъ. Въ ней при многоженствѣ различались жены двухъ родовъ, какъ бы сказать примѣнительно къ позднѣйшему русско-христіанскому семейному

*) Русск. Ист. Библ. VI, 4: „не бо пріимаетъ сего церковное наказанье и ученье".

языку — вѣнчанныя и невѣнчанныя: первыя, настоящія, или штатныя, назывались водимыми; вторыя, добавочныя — хотями или меньшицами. Далѣе, въ русской семьѣ челядь, наравнѣ съ дѣтьми, повидимому, причислялась къ домочадцамъ; но въ ея составѣ незамѣтно пріемышей. Въ составъ греко-римской христіанской семьи входили и усыновленныя дѣти наравнѣ съ родными; зато принадлежность рабовъ къ семьѣ господина, переставъ быть юридическимъ институтомъ, превратилась въ простое юридическое преданіе, оставалась обычаемъ. Обѣ семьи не были похожи другъ на друга и по своему нравственному складу. Съ этой стороны отличіе русской семьи отъ христіанской составляли поглощеніе ея родовымъ союзомъ, безличіе и безгласіе жены и домочадцевъ предъ мужемъ, отцомъ и домовладыкой.

Въ эту семью Церковь внесла рядъ перемѣнъ, которыя были глубокими переворотами въ нашемъ семейномъ правѣ и гражданскомъ порядкѣ. Прежде всего она старалась возможно болѣе высвободить семью изъ-подъ гнета родового союза и съ этой цѣлью спѣшила докончить разрушеніе послѣдняго. Говорю докончить разрушеніе, ибо оно началось еще до нея. Христіанство застало на Руси живые остатки родового союза, напримѣръ, кровомщеніе; но оно не застало уже цѣльности этого союза. Успѣхи гражданскаго общежитія и особенно постоянное торговое общеніе Руси съ Византіей уже разорвали нѣкоторыя основныя связи этого союза. Однимъ изъ существенныхъ признаковъ его цѣльности служитъ отсутствіе наслѣдованія по завѣщанію, а изъ одной статьи Олегова договора видимъ, что уже за три четверти вѣка до крещенія Владимірова письменное обряженіе (διαθήκη—завѣщаніе) было господствующей формой наслѣдованія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ классахъ русскаго общества, которые стояли въ прямыхъ сношеніяхъ съ Византіей. Построенный на языческихъ основаніяхъ родовой союзъ былъ противенъ христіанской Церкви, и она съ первой минуты своего водворенія на Руси стала разбивать его, строя изъ его обломковъ

союзъ семейный, ею освящаемый. Главнымъ средствомъ для этого служило ей принесенное ею на Русь законодательство о бракѣ, въ которомъ она сдѣлала соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ измѣненія. По мысли христіанскаго брака, онъ не допускается между с в о и м и, т. е. между родственниками, не настолько отдаленными другъ отъ друга генеалогически, чтобы перестала чувствоваться родственная связь между ними. Значитъ, допуская браки между болѣе отдаленными родственниками, Церковь пріучала ихъ смотрѣть другъ на друга, какъ на ч у ж и х ъ. Правда, въ первое время русская церковная власть очертила очень широкій кругъ родства, въ предѣлахъ котораго были запрещены брачные союзы. По правилу митрополита Іоанна II, во второй половинѣ XI в., дѣти четвероюродныхъ братьевъ или сестеръ, вступившія въ бракъ между собою, наказывались эпитиміей, хотя византійское законодательство допускало такіе браки. Можетъ быть, такая строгость русскаго церковнаго законодательства была уступкой туземному быту, еще не разставшемуся съ чувствами и отношеніями широкаго языческаго родства. Впрочемъ и митрополитъ Іоаннъ преслѣдовалъ браки четвероюродныхъ братьевъ и сестеръ церковнымъ наказаніемъ, но не предписывалъ ихъ расторгать, какъ повелѣвалъ поступать съ браками троюродныхъ. Вѣка два спустя встрѣчаемъ указанія на то, что такіе браки допускались безусловно, а еще позднѣе не разводили и троюродныхъ *). Такъ Церковь укорочивала языческое родство, обрубая слишкомъ широко раскидывавшіяся его вѣтви.

Разбивая родовой союзъ на его составныя части, на семьи, Церковь и между членами семьи устанавливала новыя нравственныя и юридическія отношенія. Съ многоженствомъ она справилась, кажется, сравнительно легко, и оно, какъ обычай, исчезло довольно скоро: при домашнемъ очагѣ и законной колыбели изъ всѣхъ в о д и м ы х ъ осталась только одна,

*) Proch. t. VII, c. 4. Р. Ист. Библ. VI, 12 и 143.

а хотя всѣ были выведены за ограду семьи и удалились въ темную область грѣха. Труднѣе было пріучить соединявшіяся четы къ церковному вѣнчанію. Изъ правилъ митроп. Іоанна II узнаемъ, что еще 100 лѣтъ спустя послѣ Владимірова крещенія только князья и бояре при заключеніи браковъ вѣнчались въ церкви, а простонародье обходилось безъ церковнаго вѣнчанія и благословенія, довольствуясь „плясаніемъ и гуденіемъ“, т. е. обрядами языческой свадьбы. Благодаря тому, на Руси, какъ это ни странно, очень долго существовали жены двухъ родовъ: однѣ назывались вѣнчальными, другія—невѣнчальными. Церковь, разумѣется, не могла признавать законными браки, заключенные внѣ ея, и противъ такихъ браковъ, называвшихся тайными, одинаково строго вооружались митрополитъ Іоаннъ II, его предшественникъ Георгій въ приписываемомъ ему уставѣ и позднѣйшіе митрополиты; епархіальные архіереи грозили запрещеніемъ служенія тѣмъ священникамъ, у которыхъ въ приходахъ окажутся невѣнчальныя жены *). Но, не признавая такихъ браковъ законными, за ними однако признавали нѣкоторыя послѣдствія, если не дозволенныхъ, то, по крайней мѣрѣ, терпимыхъ союзовъ. На вопросъ сарайскаго епископа Ѳеогноста о томъ, можетъ ли быть просвирней невѣнчальная жена, оставшаяся вдовой и пристойно жившая во вдовствѣ, константинопольскій патріаршій соборъ въ 1276 г. отвѣчалъ, что можетъ, если она покаялась и имѣетъ требуемый званіемъ преклонный возрастъ. Еще выразительнѣе постановленіе Ярославова устава, которое одинаково преслѣдуетъ расторженіе по произволу мужа какъ вѣнчаннаго, такъ и невѣнчаннаго брака. Разница только въ томъ, что невѣнчальная жена цѣнилась вдвое дешевле: за самовольный разводъ съ невѣнчанной женой мужъ платилъ пеню вдвое меньше, чѣмъ за разводъ съ законной.

Всего труднѣе было поставить въ семьѣ женщину, жену

*) Р. Ист. Библ. VI, 919.

и мать, согласно съ духомъ христіанской семьи. Здѣсь предстояло внести право и дисциплину въ неуловимыя отношенія, надъ которыми царили инстинктъ и произволъ. Языческій пренебрежительный взглядъ на женщину былъ главной помѣхой для устроителей христіанской семьи на Руси, тѣмъ болѣе, что онъ подчасъ прикрывался видомъ церковно-дисциплинарнаго ригоризма. Одинъ священникъ въ XII в. спрашивалъ своего епископа: можетъ ли священникъ служить въ одеждѣ, въ которую вшитъ платъ женскій? За это онъ былъ наказанъ ироническимъ встрѣчнымъ вопросомъ: развѣ женщина погана? Въ этомъ короткомъ діалогѣ — вся исторія борьбы церковной іерархіи съ русскимъ обществомъ за женщину. Послѣднее, помня приниженіе женщины въ языческой семьѣ, съ сомнѣніемъ спрашивало: не погана ли женщина? Первая, проводя христіанскій взглядъ на семью, правилами и поученіями отвѣчала: нѣтъ, не погана. Не мнѣ доказывать, что христіанская семья, какъ союзъ гражданскій, завязывается обоюднымъ согласіемъ жениха и невѣсты и держится на юридическомъ равенствѣ и нравственномъ взаимодѣйствіи мужа и жены. Настойчивое проведеніе такого взгляда на семью въ законодательство и въ бытъ я назову великимъ дѣломъ русской іерархіи. Прежде всего она рѣшительно вооружилась противъ языческаго обычая Руси заключать браки посредствомъ похищенія невѣстъ. Въ Прохиронѣ есть статья, которая гласитъ, что похититель дѣвицы или вдовы не можетъ жениться на похищенной, хотя бы отецъ ея на то былъ согласенъ *). На Руси съ первой поры ея христіанской жизни у м ы ч к и были подсудны духовенству, и въ нашемъ древнемъ законодательствѣ полагалось тяжелое взысканіе на похитителя. Надобно думать, что духовенство отказывалось вѣнчать похитителя съ похищенной: если похищеніе покрывалось бракомъ, за что было и наказывать похитителя? Умычку Церковь вытѣсняла, согласно съ византійскимъ за-

*) Proch. t. VI, c. 27.

конодательствомъ, сговоромъ (μνηστεία), который закрѣплялся обрученіемъ. По византійскимъ законамъ сговоръ — очень сложный юридическій актъ, состоявшій въ тонкомъ сочетаніи воли жениха и невѣсты съ волей ихъ родителей и сопровождавшійся разнообразными личными и имущественными обязательствами. Не всѣ эти тонкости привились къ нашему быту; но церковное законодательство настояло на одномъ — на неразрывности сговора по произволу жениха. Въ древне-русскихъ каноническихъ руководствахъ повторялось катехизически изложенное правило: можно ли вѣнчать жениха, который, обручившись съ одной, женится на другой?— нѣтъ, нельзя вѣнчать, какъ нарушителя 7-ой заповѣди *). Противодѣйствуя насильственному заключенію брака по односторонней волѣ жениха, Церковь не дозволяла и насильственно разрывать его по произволу мужа. Пренебрежительное отношеніе къ женщинѣ выражалось между прочимъ въ обычаѣ древнерусскихъ мужей освобождаться отъ наскучившихъ имъ женъ, принуждая ихъ постригаться въ монашество. Многіе вѣка церковное законодательство повторяло правило, что разводъ въ такомъ случаѣ допускается только подъ условіемъ обоюднаго согласія разлучающихся,—все равно, мужъ или жена отрекается отъ міра и супружества. Самую выразительную и лаконическую формулу этого правила я нахожу въ уставѣ, приписываемомъ русскому митрополиту Георгію XI вѣка: „не постригать мужа, если жена не дастъ ему ножницъ; такъ же поступать и съ женой“ **). Обратите вниманіе на предусмотрительность церковныхъ законодателей: запрещая жениху разрывать сговоръ безъ согласія невѣсты, они защищаютъ невѣсту отъ жениха; запрещая мужу и женѣ разрывать бракъ безъ взаимнаго согласія, они защищаютъ ихъ другъ отъ друга. Отчего такая разница?—Когда женихъ бросаетъ невѣсту, гибнетъ честь невѣсты; когда мужъ бросаетъ жену, гибнетъ счастье обоихъ.

*) Русск. Ист. Библ. VI, 858.

**) *Е. Голубинскаго,* Ист. Р. Церкви, I, 515.

Вообще въ пастырскихъ поученіяхъ древней Руси проводилась мысль, что въ семьѣ все должно дѣлаться по взаимному согласію мужа и жены, „по волѣ обою“, какъ выразилось одно изъ нихъ.

Но чтобы превратить жену изъ рабы мужа въ его совѣтницу, надобно было вооружить ее гражданской равноправностью. Это достигалось усвоеніемъ ей права собственности имущественная самостоятельность—необходимое юридическое послѣдствіе личной свободы. Памятники византійскаго права, съ которыми знакома была древняя Русь черезъ Кормчую, довольно ясно раздѣляютъ имущество жены и мужа. Женино имущество составлялось изъ предсвадебныхъ даровъ, приданаго и того, что Прохиронъ называетъ „прочимъ состояніемъ“ жены (ἡ ἄλλη περιουσία); къ этому присоединилось по смерти мужа то, что онъ завѣщалъ ей или что выдѣлялось ей изъ его имущества, какъ ея законная часть. На эти составныя части своего имущества жена имѣла неодинаковое право, притомъ измѣнявшееся вслѣдствіе перемѣнъ въ ея семейномъ положеніи. Такъ законная доля, выдѣлявшаяся вдовѣ, принадлежала ей только на правѣ пользованія, если у нея были дѣти, и становилась ея полной собственностью, если она оставалась послѣ мужа бездѣтной. Древнее русское право не было въ состояніи усвоить всѣхъ тонкостей византійскаго; но оно уловило основныя начала послѣдняго, пользуясь содѣйствіемъ посредника, какимъ служило русское церковное правительство. Мы, изслѣдователи русской старины, еще споримъ о томъ, когда и подъ какимъ вліяніемъ появились въ нашемъ семейномъ правѣ раздѣльность имущества супруговъ и приданое, находимъ слѣды того и другаго установленія еще до христіанства или не замѣчаемъ ихъ и долго послѣ. Но несомнѣнно, что Церковь если не принесла на Русь, то укрѣпила здѣсь оба эти института, сообщивъ имъ бо̀льшую юридическую опредѣленность и нравственный смыслъ. Въ Русской Правдѣ не находимъ ясныхъ указаній на приданое; но извѣстное Слово Даніила Заточника, па-

мятникъ XIII вѣка, отразившій въ себѣ время, очень близкое къ Правдѣ, конечно, не вводитъ въ русское семейное право никакой новости однимъ изъ своихъ афоризмовъ, который гласитъ, что позоръ изъ позоровъ—женитьба на злообразной женѣ придатка ради. Приданое—одинъ изъ признаковъ раздѣльности имущества супруговъ; поддержаніе и укрѣпленіе этой раздѣльности было дѣломъ Церкви, ибо она по уставамъ первыхъ князей разбирала тяжбы между мужемъ и женой „о животѣ", т. е. объ имуществѣ. По крайней мѣрѣ, она заботливо отстаивала имущественныя права женщины. Сохранилось древнее пастырское посланіе, приписываемое русскому митрополиту XV в. Іонѣ, къ какимъ-то князьямъ, обижавшимъ свою мать-вдову, присвоявшимъ себѣ ея опричнину, т. е. долю, какую выдѣлилъ ей мужъ изъ своего имущества. Строго напомнивъ обидчикамъ сыновній долгъ повиноваться матери, владыка грозитъ имъ, въ случаѣ дальнѣйшаго непослушанія, призвать ихъ епархіальнаго архіерея со многими священниками и, разсудивъ съ ними вину ослушниковъ по божественнымъ правиламъ, покарать непокорныхъ соборнымъ неблагословеніемъ и духовною тягостью церковной, т. е. епитиміей *). Созывать церковный соборъ, чтобы оградить вдовьину опричнину отъ незаконныхъ притязаній, значитъ признавать ее важнымъ установленіемъ не только гражданскимъ, но и церковнымъ. Права вдовы на законную долю имущества, оставшагося послѣ мужа, какъ и на надѣлъ, данный ей послѣднимъ при жизни, настойчиво выражены уже въ Русской Правдѣ и выражены совершенно согласно съ византійскимъ законодательствомъ; даже языкъ Правды въ статьяхъ объ этомъ замѣтно приближается къ техническимъ выраженіямъ византійскихъ кодексовъ. Еще строже ограждалась неприкосновенность приданаго. Это было преимущественно заботою духовниковъ, дѣйствовавшихъ здѣсь нравственными средствами исповѣди. Сохранились древнія духов-

*) Русск. Ист. Библ. VI, № 130.

ныя завѣщанія, въ которыхъ мужья, растратившіе при жизни приданое своихъ женъ, спѣшатъ возмѣстить имъ эту растрату, чтобъ не отвѣчать за то предъ Богомъ на послѣднемъ судѣ.

Такъ старалась Церковь упрочить семейное положеніе жены. Дѣйствіе ея усилій обнаруживалось, когда жена теряла свою житейскую опору, вдовѣла. Унося съ собой эту опору, мужъ взамѣнъ ея оставлялъ женѣ свой отеческій авторитетъ: совѣтница мужа становилась преемницей его семейной власти. Занимая независимое отъ дѣтей имущественное положеніе, она получала опеку надъ малолѣтними дѣтьми, пока оставалась вдовой, согласно съ византійскимъ законодательствомъ, по которому мать и бабушка призывались къ опекѣ предпочтительно передъ всѣми лицами, на которыя возлагалось это дѣло по закону *). Вообще ни въ какой отрасли древнерусскаго права не отразилось такъ явственно вліяніе византійскаго законодательства, какъ въ правѣ семейномъ. Этому вліянію приписываю я и введеніе въ наше право института усыновленія. Не знаю, удастся ли доказать, что это—самобытное русское юридическое установленіе. Пока можно только сказать, какъ его регулировала Церковь. Въ 1404 г. одна вдова обратилась къ митрополиту Кипріану съ вопросомъ: какъ ей быть съ пріемышемъ, котораго они съ мужемъ приняли, не имѣя дѣтей, а теперь мужъ умеръ безъ завѣщанія. Митрополитъ отвѣчалъ, что, посмотрѣвъ въ Номоканонъ, онъ нашелъ тамъ два правила, изъ коихъ по одному мужъ наслѣдуетъ женѣ, а жена мужу при отсутствіи родственниковъ въ восходящей или нисходящей линіи, а по другому пріемышъ наслѣдуетъ усыновившимъ его даже при родныхъ дѣтяхъ и въ равной съ ними долѣ. На основаніи этихъ правилъ митрополитъ „разсудилъ и управилъ“ такъ: вольна бездѣтная вдова во всемъ имуществѣ своего мужа, и какъ она хочетъ, такъ и распорядится въ духовной грамотѣ своимъ мужнимъ имуществомъ; никто не можетъ вмѣшиваться въ ея распоряженіе вопреки приведеннымъ законамъ Номо-

*) Proch. t. XXXVI, c. 8.

канона и нашему опредѣленію, прибавляетъ владыка въ заключеніе своего властнаго рѣшенія. Оба закона, выписанные Кипріаномъ изъ Номоканона, суть постановленія византійскаго законодательства, и одинъ изъ нихъ приведенъ почти въ дословномъ переводѣ одной статьи Прохирона *). Изложенный случай—одинъ изъ рѣдкихъ и выразительнѣйшихъ образчиковъ той законодательной дѣятельности, посредствомъ которой церковная іерархія, помимо государственнаго законодательства, хотя и по порученію государственной власти, достроивала или перестроивала русскій гражданскій порядокъ съ византійскимъ Номоканономъ въ рукѣ, пополняя и исправляя туземное право путемъ практическаго разрѣшенія частныхъ житейскихъ случаевъ, подобно тому, какъ древній набожный художникъ терпѣливымъ и обдуманнымъ подборомъ мелкихъ камешковъ выкладывалъ мозаическое изображеніе священнаго лица или событія.

Но, обезпечивая положеніе жены и вдовы, Церковь требовала, чтобы она и по смерти мужа оставалась его другомъ и доброй матерью его и своихъ дѣтей. Вотъ почему въ древней Руси, какъ и въ Византіи, неблагосклонно смотрѣли на второе замужство, если оставались дѣти отъ перваго. Нравственно-семейный долгъ вдовы — строить, поминать душу мужа, и заботиться объ оставленныхъ имъ сиротахъ. Византійское законодательство лишало значительной доли имущественныхъ правъ вдову за вторичное замужство, видя въ немъ неуваженіе къ памяти перваго мужа и пренебреженіе къ оставшимся послѣ него дѣтямъ. И наше древнее право предоставляло вдовѣ извѣстныя имущественныя выгоды подъ условіемъ, если она сядетъ по мужѣ, останется вдовой: по Русской Правдѣ только подъ этимъ условіемъ ей выдѣлялась законная часть изъ имущества, оставшагося послѣ мужа, и предоставлялось право полной собственности на то, чѣмъ самъ мужъ надѣлялъ ее при жизни (опричнина).

*) Р. Ист. Библ. № 31. Ср. Proch. t. XXX, c. 19.

Лишеніе этихъ выгодъ за вступленіе вдовы во второй бракъ оправдывалось такимъ энергическимъ выраженіемъ: „обругала убо перваго мужа вторымъ бракомъ“ *). Въ древней Руси не былъ господствующимъ взглядъ на вдовъ, высказанный волынскимъ княземъ XIII в. Владиміромъ Васильковичемъ. Заботливо устроивъ матеріальное положеніе княгини-жены на случай своей смерти, назначивъ ей нескудную опричнину, завѣщатель прибавилъ въ заключеніе духовной: „Захочетъ моя княгиня послѣ меня пойти въ монастырь, пусть идетъ, а не захочетъ — ея воля: не вставать же мнѣ изъ могилы, чтобы смотрѣть, кто что будетъ дѣлать послѣ моей смерти“ **). Зато на добрую вдову цѣликомъ переносился отеческій авторитетъ ея мужа. Читая духовныя грамоты древнихъ московскихъ великихъ князей, мы видимъ, какъ это значеніе вдовы-матери изъ частнаго общежитія проникало въ политическій порядокъ. Въ завѣщаніи Димитрія Донского читаемъ такое наставленіе отца дѣтямъ: „вы, дѣти мои, матери своей слушайте во всемъ, изъ воли ея не выступайте ни въ чемъ“. Преемникъ Димитрія, вел. кн. Василій въ свою очередь пишетъ въ духовной своему преемнику: „приказываю своего сына, кн. Василья, своей княгинѣ, а ты, сынъ мой, чти матерь свою и слушай своей матери въ мое мѣсто своего отца“. Гражданскую правоспособность и материнскій авторитетъ женщины Церковь строила на ея нравственномъ совершенствѣ и высотѣ ея семейнаго долга, и если русская женщина разберется въ своемъ юридическомъ и нравственномъ имуществѣ, которымъ она живетъ, какъ жена, какъ мать и гражданка,—она увидитъ, что всѣмъ, чѣмъ наиболѣе дорожитъ въ ней общество и что въ ней наиболѣе

*) Это довольно близкій переводъ выраженія Прохирона (VI, 2), встрѣчаемый въ одной древне-русской компиляціи византійскихъ законовъ, въ статьѣ, составленной по византійскимъ источникамъ, но приноровленной къ русскимъ понятіямъ и отношеніямъ. *А. С. Павлова*, «Книги законныя», стр. 26 и 70.

**) Ипат. Лѣт., по изд. 1871 г. стр. 595.

дорого ей самой,—всей своей исторической о п р и ч н и н о й она обязана преимущественно Церкви, ея проповѣди, ея законодательству. Это — мое историческое убѣжденіе, а не удастся оправдать его историческими документами, оно превратится въ мое вѣрованіе.

Я успѣлъ ужъ утомить васъ, не сумѣвъ указать многаго, что сдѣлала Церковь для гражданскаго порядка въ Россіи. Вы позволите мнѣ, по крайней мѣрѣ, вскользь напомнить еще объ одномъ ея дѣлѣ. Исполняя порученіе государства, она своимъ законодательствомъ преимущественно пополняла пробѣлы государственнаго закона. Но въ русскомъ правѣ были установленія чрезвычайно прочныя, тщательно разработанныя если не законодательствомъ, то практикой житейскихъ отношеній и чрезвычайно противныя Церкви. Таковы были ростовщичество и холопство. Не имѣя законодательнаго оружія противъ этихъ признанныхъ закономъ установленій, легко превращавшихся въ злоупотребленія и разрушавшихъ гражданское общежитіе, Церковь направила противъ нихъ косвенныя средства, находившіяся въ ея распоряженіи: проповѣдь и исповѣдь. Трудно найти древнерусское церковное поученіе, въ которомъ не было бы рѣзкаго порицанія ростовщика и рабовладѣльца. Ростовщикъ — кровопійца, рабовладѣлецъ жестокій—разбойникъ, не достойны св. причастія ни тотъ, ни другой—вотъ къ чему сводилась церковная проповѣдь, боровшаяся съ этими недугами русскаго общества. Наперекоръ гражданскому закону, который предоставлялъ господину полную власть надъ холопомъ, дозволялъ даже убить его, Церковь карала строгими духовными наказаніями за жестокое обращеніе съ челядью и даже нарушала въ ея пользу равенство нравственной отвѣтственности за грѣхъ, уменьшая для рабовъ церковныя наказанія или даже прощая имъ ихъ духовныя вины. Церковная проповѣдь гласная, какъ и тайная, оставила замѣтные слѣды въ древнерусскомъ правѣ, въ законодательствѣ о ростѣ и холопствѣ. Отмѣчу немногіе изъ нихъ.

Въ Русской Правдѣ есть статья, которая устанавливаетъ законный размѣръ годового роста—на два третій, т. е. 50%. При Владимірѣ Мономахѣ дѣйствіе этой статьи было ограничено: постановлено было допускать взиманіе такого роста только дважды, т. е. въ теченіе двухъ лѣтъ, пока взятый ростъ не сравнится съ долгомъ, послѣ чего заимодавецъ сохранялъ право только на занятой капиталъ; если онъ бралъ такой ростъ въ третій разъ, онъ терялъ право требовать уплаты самаго долга. Чѣмъ и откуда внушено было такое постановленіе? Я думаю, что его прямымъ или косвеннымъ источникомъ служили статьи Прохирона, который, съ отвращеніемъ отвергая ростъ, какъ установленіе, противное божественному праву, узаконяетъ, что плоды, полученные заимодавцемъ отъ заложеннаго ему должникомъ имущества, зачитываются въ уплату долга и когда возрастутъ до размѣра послѣдняго, обязательство должника уничтожается и заимодавецъ обязанъ возвратить ему залогъ *). Отношеніе древнерусской Церкви къ холопству—одна изъ наиболѣе свѣтлыхъ чертъ ея дѣятельности. Явившись на Русь съ греко-римскимъ законодательствомъ, въ которомъ рабство отлилось въ тяжелый и жесткій институтъ, она безустаннымъ дѣйствіемъ на нравы и понятія, а черезъ нихъ и на мѣстное законодательство, разрушила самое юридическое начало, на которомъ оно тамъ было построено. По греко-римскому, праву рабство недѣлимо **), однообразно, не допускаетъ никакихъ степеней и различеній. Древнерусское рабовладѣльческое право отличалось особенностью, какой, если не ошибаюсь, не было замѣтно въ другихъ рабовладѣльческихъ обществахъ Европы: древнерусское холопство, первоначально такъ же однообразное и безусловное, постепенно разложилось на многообразные виды ограниченной неволи, и каждый дальнѣйшій видъ былъ юридическимъ смягченіемъ предыдущаго. Главной виновницей этого разложенія, облегчившаго уничтоженіе холопства,

*) Proch. t. XVI, c. 1 и 14.

**) Ibid. t. XXXIV, c. 3: ἔστιν ἄτομος ἡ δουλεία.

я признаю Церковь: холопская неволя таяла подъ дѣйствіемъ церковной исповѣди и духовнаго завѣщанія. Рабовладѣлецъ добровольно ради спасенія души смягчалъ свои права или даже поступался ими въ пользу холопа; личныя проявленія человѣколюбія входили въ привычки и нравы, которые потомъ облекались въ юридическія нормы *). Здѣсь воля частныхъ лицъ подъ дѣйствіемъ Церкви становилась орудіемъ исправленія закона, побуждая его отказываться отъ поддержки людскихъ правъ, которыми добровольно жертвовали или гнушались сами люди.

Такъ сдѣлать гражданскій законъ проводникомъ нравственнаго начала, построить гражданскій союзъ, въ которомъ законъ опирался бы на нравственное чувство и даже имъ замѣнялся, наконецъ, настроить личную волю къ отреченію отъ своихъ законныхъ правъ во имя нравственнаго чувства— вотъ три дѣла, которыя прежде всего вспомнились мнѣ при воспоминаніи о дѣятельности Церкви въ устроеніи русскаго гражданскаго права и порядка. Эти три дѣла по существу своему были работой надъ правомъ; однако, недостаточно назвать эту работу юридической. Церковь—не школа правовѣдѣнія и не кодификаціонная или законодательная палата. Задачи Церкви и права соприкасаются, но не совпадаютъ. Право охраняетъ правду въ обществѣ, въ отношеніяхъ между людьми; Церковь насаждаетъ ее въ личной совѣсти, воспитывая въ людяхъ чувство долга, превращая право въ нравственную привычку. Ея цѣль—замѣнить принудительныя т р е б о в а н і я права свободной п о т р е б н о с т ь ю въ правдѣ, и когда эта цѣль будетъ достигнута, когда эта потребность станетъ достаточно сильной и общей, тогда исчезнетъ и нужда въ самомъ правѣ.

---

*) Попытка прослѣдить вліяніе Церкви на древнерусское холопство сдѣлана авторомъ въ статьѣ: „*Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи*“ („*Русская Мысль*“ 1886 г., кн. VII).

[„Опыты и изслѣдованія“, I Сборникъ статей В. Ключевскаго. Москва. 1912].

ГРУСТЬ *).

(Пямяти М. Ю. Лермонтова † 15 іюля 1841 г.).

Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Лермонтовъ. Воспоминаніе о смерти поэта, безъ сомнѣнія, напомнитъ намъ и его поэзію. Да, напомнитъ, потому что мы успѣли уже забыть ее. Образцовыя стихотворенія Лермонтова съ разрѣшенія учебнаго начальства держатся еще въ педагогическомъ оборотѣ, и благодаря тому многіе знаютъ наизусть и Бородино, и Вѣтку Палестины, и даже Пророка. Но поэзія Лермонтова—только наше школьное воспоминаніе: въ нашемъ текущемъ житейскомъ настроеніи, кажется, не уцѣлѣло ни одной лермонтовской струны, ни одного лермонтовскаго аккорда. Жалѣть ли объ этомъ? Можетъ быть—да, а можетъ быть—и нѣтъ. Отвѣтъ зависитъ отъ оцѣнки этой давно затихшей пѣсни и оттого, запалъ ли въ насъ отъ нея какой-нибудь отзвукъ,—лучше сказать, была ли она сама отзвукомъ какого-нибудь цѣннаго общечеловѣческаго или, по крайней мѣрѣ, національнаго мотива, или въ ней прозвучало чисто-индивидуальное настроеніе, которое сложилось подъ вліяніемъ капризныхъ случайностей личной жизни и вмѣстѣ съ ней замерло, обогативъ только запасъ рѣдкихъ психологическихъ возможностей. Въ послѣднемъ случаѣ поэзію Лермонтова едва ли стоитъ вызывать съ тихаго кладбища учебной христоматіи.

Педагогическій успѣхъ поэзіи Лермонтова можетъ показаться неожиданнымъ. Принято думать, что Лермонтовъ—

*) *Русская мысль*, 1891 г., кн. VII.

поэтъ байроновскаго направленія, пѣвецъ разочарованія, а разочарованіе—настроеніе мало приличествующее школьному возрасту и совсѣмъ неудобное для педагога, какъ воспитательное средство. Между тѣмъ, послѣ старика Крылова, кажется никто изъ русскихъ поэтовъ не оставилъ послѣ себя столько превосходныхъ вещей, доступныхъ воображенію и сердцу учебнаго возраста безъ преждевременныхъ возбужденій, и притомъ, не въ наивной формѣ басни, а въ видѣ баллады, легенды, историческаго разсказа, молитвы или простого лирическаго момента. Неожиданно и то, что русскій поэтъ первой половины нашего вѣка сталъ пѣвцомъ разочарованія. Настроеніе, которое въ поэзіи обозначается именемъ великаго англійскаго поэта, сложилось изъ идеаловъ, съ какими западно-европейское общество переступило чрезъ рубежъ XVIII вѣка, и изъ фактовъ, какіе оно пережило въ началѣ XIX вѣка,—изъ идеаловъ, подававшихъ надежду на невозможность подобныхъ фактовъ, и изъ фактовъ, показавшихъ полную несбыточность этихъ идеаловъ. Байронизмъ—это поэзія развалинъ, пѣснь о кораблекрушеніи. На какихъ развалинахъ сидѣлъ Лермонтовъ? Какой разрушенный Іерусалимъ онъ оплакивалъ? Ни на какихъ и никакого. Въ тѣ годы у насъ бывали несчастія и потрясенія, но ни одного изъ нихъ нельзя назвать крушеніемъ идеаловъ. Старыя вѣрованія, исторически сложившіяся и укрѣпившіяся въ общественномъ сознаніи, уцѣлѣли, а новыя идеи еще не успѣли дозрѣть до общественныхъ идеаловъ и свѣялись, какъ мечты отдѣльныхъ умовъ, неосторожно отважившихся забѣжать впередъ своего общества. Намъ не приходилось сидѣть на рѣкахъ вавилонскихъ, оплакивая родныя разрушенныя святыни, и даже о пожарѣ Москвы мы вспоминали неохотно, когда вѣжливою и сострадательною рукой брали Парижъ.

Поэзія Лермонтова развивалась довольно своеобразно. Поэтъ не сразу понялъ себя; его настроеніе долго оставалось для него самого загадкой. Это отчасти потому, что

Лермонтовъ получилъ очень раннее и одностороннее развитіе, ускорявшееся излишнимъ количествомъ внѣшнихъ возбужденій. Рано пробудившаяся мысль питалась не столько непосредственнымъ наблюденіемъ, сколько усиленнымъ и однообразнымъ чтеніемъ, впечатлѣніями, какія навѣвались поэзіей Пушкина, Гейне, Ламартина и особенно „огромнаго Байрона“, съ которымъ онъ уже на 16 году былъ неразлученъ, по свидѣтельству Е. А. Хвостовой. Этимъ нарушена была естественная очередь предметовъ размышленія. То, чѣмъ усиленно возбуждалась ранняя мысль Лермонтова, это были преимущественно предметы, изъ которыхъ слагается жизнь сердца, притомъ, тревожнаго и притязательнаго. Можетъ быть, хорошо начинать жизнь такими предметами; но едва ли правильно начинать ими изученіе жизни. Съ трудомъ разбираясь въ воспринимаемыхъ впечатлѣніяхъ, Лермонтовъ вдумывался въ безпокойное и хаотическое настроеніе, ими навѣвавшееся, рядился въ чужіе костюмы, примѣрялъ къ себѣ героическія позы, вычитанныя у любимыхъ поэтовъ, подбиралъ гримасы, чтобы угадать, которыя ему къ лицу, и такимъ образомъ стать на себя похожимъ. Для этой работы особенно много образовъ и пріемовъ дала ему манерная и своенравно-печальная поэзія Байрона и въ этомъ отношеніи ей трудно отказать въ сильномъ вліяніи на нашего поэта. Отъ этихъ театральныхъ ужимокъ осталось на поэтической физіономіи Лермонтова нѣсколько складокъ, слѣдовъ безпорядочнаго литературнаго воспитанія, поддержаннаго дурно воспитаннымъ общественнымъ вкусомъ. До конца своего недолгаго поприща не могъ онъ освободиться отъ привычки кутаться въ свою нарядную печаль, выставлять гной своихъ душевныхъ ранъ, притомъ, напускныхъ или декоративныхъ, трагически демонизировать свою личность,—словомъ, казаться лейбъ-гвардіи гусарскимъ Мефистофелемъ. Было бы большою ошибкой видѣть во всемъ этомъ одинъ бутафорскій приборъ, только чуждыя накладныя краски, которыя съ лѣтами должны были свалиться ветхою чешуей съ поэтическаго подлинника,

не оставивъ на немъ своего слѣда. Эти изысканные пріемы поэтическаго творчества появляются у Лермонтова въ такіе ранніе годы, когда усвоенная манера не столько отражаетъ, сколько направляетъ настроеніе души. Поэту уже не вернуть своихъ юныхъ гордыхъ дней; жизнь его пасмурна, какъ солнце осени суровой; онъ умеръ, душа его скорбитъ о годахъ развратныхъ: все это пишетъ не болѣе какъ 15-ти лѣтній мальчикъ, посвящая друзьямъ свою поэму, свои „печальныя мечты, плоды душевной пустоты". Когда успѣлъ пережить всѣ эти нравственные ужасы благовоспитанный и прекрасно учившійся гимназистъ университетскаго благороднаго пансіона? Вторя этому настроенію, въ Корсарѣ, Преступникѣ, Смерти и другихъ пьесахъ тѣхъ лѣтъ (1828—1830 гг.) являются все мрачные образы, печальные или ожесточенные; въ юношескихъ тетрадяхъ поэта уцѣлѣли наброски задуманныхъ драмъ все съ ужасными сюжетами, съ трагическими положеніями. Изъ этихъ образовъ и положеній постепенно складывается типъ, который такъ долго владѣлъ воображеніемъ поэта. Сначала, напримѣръ, въ Портретѣ, Моемъ демонѣ и первомъ очеркѣ Демона (1829 г.) онъ выступаетъ въ неясныхъ общихъ очертаніяхъ и потомъ получаетъ опредѣленный обликъ, даже нѣсколько обликовъ въ цѣломъ рядѣ поэмъ, драмъ и повѣстей, конченныхъ и неконченныхъ. Поэтъ лелѣялъ этотъ типъ, какъ свое любимое поэтическое дѣтище, всматривался въ него, ставилъ его въ разнообразныя позы и обстановки, изображалъ то печальнымъ и влюбленнымъ демономъ, то мстительнымъ русскимъ дворовымъ холопомъ-пугачевцемъ, то дикимъ кавказскимъ горцемъ, то великосвѣтскимъ игрокомъ, то ипохондрикомъ - художникомъ, то, наконецъ, кавказскимъ офицеромъ-баричемъ изъ высшаго столичнаго свѣта, не знающимъ, куда дѣвать себя отъ скуки. На всѣхъ этихъ изображеніяхъ положена печать той „горькой поэзіи", которую по выраженію самого поэта, нашъ бѣдный вѣкъ выжималъ изъ сердца ея первыхъ проповѣдниковъ; во всѣхъ нихъ

сказывается то чувство житейской нескладицы, противорѣчій людской жизни, которое проходитъ основнымъ мотивомъ въ раннихъ произведеніяхъ Лермонтова. Онъ съ любовью искалъ этихъ противорѣчій и съ наслажденіемъ любовался ими, не отворачиваясь даже отъ самыхъ пошлыхъ, съ такимъ мефистофельскимъ злорадствомъ изображенныхъ имъ въ стихотвореніи Что толку жить. Не даромъ самъ поэтъ сопоставлялъ себя съ своимъ „хладнымъ и суровымъ“ демономъ, называя себя зла избранникомъ, который въ жизни зло лишь испыталъ и зломъ веселился; припомнимъ, что первоначально поэтъ думалъ изобразить демона торжествующимъ и жертву его страсти превратить въ духа ада, какъ будто торжество зла тогда болѣе гармонировало съ его эстетическимъ настроеніемъ. Изъ всѣхъ этихъ несродныхъ поэту усилій воображенія и сердца онъ вынесъ, по его словамъ, усталую душу, объятую тьмой и холодомъ, еще далеко не достигнувъ рубежа молодости. Лермонтовъ быстро развивался. Согласно съ привычнымъ направленіемъ своей мысли, онъ и этой небезпримѣрной особенности своего роста придавалъ трагическое значеніе. У него сложился взглядъ на себя, какъ на человѣка, рано отцвѣтшаго и преждевремено созрѣвшаго, успѣвшаго отжить, когда обыкновенно только начинаютъ жить. Любимымъ образомъ, къ которому онъ обращается для своей характеристики, былъ тощій плодъ, до времени созрѣвшій, который сиротой виситъ между цвѣтовъ, не радуя ни глазъ, ни вкуса.

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ.

Въ 1832 г., 18-ти лѣтъ отъ роду, Лермонтовъ писалъ въ одномъ дружескомъ письмѣ: „все кончено; я отжилъ, я слишкомъ рано созрѣлъ; далѣе пойдетъ жизнь, въ которой нѣтъ мѣста для чувствъ“. Онъ сталъ думать, что пора мечтаній для него миновала, что онъ утратилъ вѣру, отцвѣлъ для наслажденій и потерялъ вкусъ въ нихъ; по крайней мѣрѣ, за годъ до выхода изъ юнкерской школы (1833 г.), мечтая

объ офицерскихъ эполетахъ и рисуя планъ своей жизни по окончаніи школьнаго курса, онъ писалъ, что сохранилъ потребность только въ чувственныхъ удовольствіяхъ, въ счастіи осязательномъ, въ такомъ, какое покупается золотомъ и которое можно носить съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало его чувства, оставляя въ бездѣйствіи его усталую душу. Въ этой печальной повѣсти поэта о своемъ нравственномъ разореніи, конечно, не все дѣйствительный житейскій опытъ, а есть и доля поэтической мечты, есть даже не мало заимствованныхъ со стороны, вычитанныхъ образовъ, принятыхъ за свою собственную мечту. Но мысль, рано и долго питавшаяся такими образами и чувствами, должна была покрыть въ глазахъ поэта людей и вещи тусклымъ свѣтомъ; настроеніе унынія и печали, первоначально навѣвавшееся случайными, хотя бы даже призрачными впечатлѣніями, незамѣтно превращалось въ потребность или въ „печальную привычку сердца“, говоря словами поэта. Это настроеніе, столь неблагопріятное для нравственнаго роста поэта, имѣло, однако, благотворное дѣйствіе въ другомъ отношеніи. Утомляемый или возбуждаемый впечатлѣніями, приносимыми со стороны, онъ рано началъ искать пищи для ума въ себѣ самомъ, много передумалъ, о чемъ рѣдко думается въ тѣ годы, выработалъ то умѣнье наблюдать и по наружнымъ примѣтамъ угадывать душевныя состоянія, которое такъ ярко уже блеститъ мѣстами въ его ранней и наивной, но необыкновенно живой и бойкой Повѣсти. Исторію этихъ раннихъ и любимыхъ думъ своихъ, смутныхъ, тревожныхъ и настойчивыхъ, онъ самъ разсказалъ въ стихотвореніи, помѣченномъ 11 іюня 1831 г. (Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ). Эта пьеса, которую можно назвать одной изъ первыхъ главъ поэтической автобіографіи Лермонтова, показываетъ, какъ рано выработалась въ немъ та неугомонная, вдумчивая, привычная къ постоянной дѣятельности мысль, участіе которой въ поэтическомъ творчествѣ вмѣстѣ съ удивительно послуш-

нымъ воображеніемъ придаетъ такую своеобразную энергію его поэзіи.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ...

Было бы очень жаль, если бы чувства и манеры ихъ выраженія, рано усвоенныя поэтомъ, дали окончательное направленіе его поэзіи. Эти чувства и манеры были особенностью его поэтитескаго воспитанія, а не свойствами его поэтической природы, и послужили только средствомъ для него глубже понять свой талантъ. Ранніе поэтическіе опыты Лермонтова были пробой пера, предварительною черною работой надъ своимъ талантомъ. Странное дѣло! Чѣмъ настойчивѣе готовился поэтъ къ собственнымъ похоронамъ, чѣмъ больше накоплялся въ его умѣ запасъ мрачныхъ и печальныхъ думъ, тѣмъ чаще прорывались въ его пѣснѣ свѣтлыя ноты, тѣмъ выше поднимался ея тонъ. Это настроеніе довольно рано начинаетъ пробиваться изъ-подъ прежняго и становится особенно замѣтно по выходѣ поэта изъ юнкерской школы (въ 1834 г.), когда онъ вступилъ въ третье десятилѣтіе своей жизни. Лермонтовъ иногда возвращался къ прежнимъ темамъ, перепѣвалъ свои старыя пѣсни подъ ладъ новаго настроенія. Сравните его пьесу 1830 г. Я не люблю тебя съ пьесой 1837 г. Разстались мы. Тема обѣихъ пьесъ одна и та же—слѣдъ, оставленный въ воспоминаніи исчезнувшею сильною привязанностью, но мотивы различны. Въ первой пьесѣ ея образъ, оставшійся въ его душѣ, служитъ ему только безсильнымъ напоминаніемъ умчавшагося сна страстей и мукъ; во второй пьесѣ этотъ образъ сохраняетъ еще часть силы своего подлинника надъ своимъ носителемъ, который не можетъ разлюбить его, какъ призракъ своихъ лучшихъ дней; самый моментъ, схваченный поэтомъ, оттѣненъ нѣсколько различно въ обѣихъ пьесахъ: въ первой это разрывъ, во второй—какъ будто только разлука. Эта перемѣна настроенія сказалась и въ новой развязкѣ, какую далъ поэтъ Демону въ окончательной редакціи поэмы:

Тамара не достается навсегда духу-искусителю; ей все прощается за то, что она много страдала и любила. Новое настроеніе выразилось въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ образовъ, которые каждый изъ насъ такъ хорошо помнитъ смолоду. Мятежный парусъ, просящій бури, какъ будто въ буряхъ есть покой, пустынныя пальмы, наскучившія своимъ спокойнымъ одиночествомъ и поплатившіяся жизнью за удовлетворенное желаніе порадовать чей-нибудь благосклонный взоръ, дубовый листокъ, оторвавшійся отъ родной вѣтви и на далекой чужбинѣ напрасно просящій пріюта у молодой избалованной чинары, одинокій старый утесъ, тихонько плачущій въ пустынѣ послѣ разлуки съ погостившей у него золотой тучкой, наконецъ, этотъ двойной Сонъ, поражающій красотой скрытой въ немъ печали, въ которомъ онъ, одиноко лежа въ знойной долинѣ Дагестана съ пулей въ груди, видитъ во снѣ, какъ ей среди веселаго пира грезится его трупъ, истекающій кровью въ долинѣ Дагестана, — какъ непохожи эти образы на прежде ласкавшую воображеніе поэта дикую картину бурнаго океана, замерзшаго съ поднятыми волнами, въ театральномъ видѣ мертвеннаго движенія и безпокойства! Въ этихъ образахъ и жажда тревогъ и волненій безъ цѣли, безъ мысли о счастьѣ, просто какъ привычная потребность безпокойнаго сердца, и грустная иронія жизни надъ горделивымъ и самолюбивымъ желаніемъ стать источникомъ счастья и радостей для другихъ, и уединенная грусть о мимолетно скользнувшемъ счастьѣ, и упрекъ безсердечному самодовольству счастливыхъ людей, и безмолвная безъ жалобъ обоюдусторонняя заочная скорбь разрываемаго смертью взаимнаго счастья безъ возможности утѣшить другъ друга въ минуту разлуки,—все мотивы, мало отвѣчающіе эпопеѣ бурныхъ страстей, самодовольной тоски и гордаго страданія, которыми проникнуты раннія произведенія поэта. Наконецъ, рядъ надменныхъ и себялюбивыхъ героевъ, все пережившихъ и передумавшихъ, брезгливыхъ носителей скуки и презрѣнія къ людямъ и жизни, у кото-

рой они взяли все, что хотѣли взять, и которой не дали ничего, что должны были дать, завершается спокойно-грустнымъ библейскимъ образомъ пророка, съ беззлобною скорбью ушедшаго отъ людей, которымъ онъ напрасно проповѣдывалъ любви и правды чистыя ученья. Демоническіе призраки, прежде владѣвшіе воображеніемъ поэта, потомъ стали казаться ему „безумнымъ, страстнымъ, дѣтскимъ бредомъ“. То былъ не переломъ въ развитіи поэтическаго творчества, а его очищеніе отъ наносныхъ примѣсей, углубленіе таланта въ самого себя. Новые образы постепенно выступали изъ безпорядочныхъ и смутныхъ юношескихъ видѣній, новые мотивы складывались изъ нестройныхъ порывистыхъ впечатлѣній по мѣрѣ того, какъ зрѣвшая мысль очищала ихъ отъ тяжелаго бреда неустановившейся фантазіи. Лермонтовъ не выращивалъ своей поэзіи изъ поэтическаго зерна, скрытаго въ глубинѣ его духа, а какъ скульпторъ вырѣзывалъ ее изъ безформенной массы своихъ представленій и ощущеній, отбрасывая все лишнее. У него не ищите того поэтическаго свѣта, какой бросаетъ поэтъ-философъ на мірозданіе, чтобы по-своему освѣтить соотношеніе его частей, ихъ стройность или нескладицу, у него нѣтъ поисковъ смысла жизни; но въ ея явленіяхъ онъ искалъ своего собственнаго отраженія, которое помогло бы ему понять самого себя, какъ смотрятся въ зеркало, чтобы уловить выраженіе своего лица. Онъ высматривалъ себя въ разнообразныхъ явленіяхъ природы, подслушивалъ себя въ нестройной разноголосицѣ жизни, перебиралъ одинъ поэтическій мотивъ за другимъ, чтобы угадать, который изъ нихъ есть его собственный, его природная поэтическая гамма, и, подбирая сродные звуки, поэтъ слилъ ихъ въ одно поэтическое созвучіе, которое было отзвукомъ его поэтическаго духа. Это созвучіе, эта лермонтовская поэтическая гамма—грусть, какъ выраженіе не общаго смысла жизни, а только характера личнаго существованія, настроенія единичнаго духа. Лермонтовъ—поэтъ не міросозерцанія, а настроенія, пѣвецъ личной грусти, а не міровой скорби.

Міровая скорбь и личная грусть—между этими настроеніями больше разницы, чѣмъ между словами, ихъ выражающими. Въ лексиконѣ это синонимы, въ психологіи—почти антитезы. Психологическій процессъ, который вводитъ въ состояніе міровой скорби, чаще всего называютъ разочарованіемъ. Разочароваться значитъ утратить вѣру въ свой идеалъ, не самый идеалъ, а только вѣру въ него, выйти изъ его обаянія. Идеалъ, какъ мыслимый и желаемый порядокъ или поэтическій образъ, остается, только исчезаетъ вѣра въ его дѣйствительность или осуществимость. Можно сохранять убѣжденіе въ пригодности извѣстнаго идеала для людей вообще и при этомъ потерять увѣренность, годятся ли эти люди для такого идеала. Когда разрушается самый идеалъ, т.-е. сознается его нелѣпость, тогда наступаетъ не разочарованіе, а отрезвленіе. Но послѣднее состояніе не можетъ быть источникомъ никакой скорби. Отрезвленный радуется торжеству здраваго смысла надъ нелѣпою мечтой; разочарованный скорбитъ о торжествѣ нелѣпой дѣйствительности надъ разумнымъ стремленіемъ. Грусть ни то, ни другое; ея источникъ—не торжество разсудка и не пораженіе идеала. Грусть—чувство довольно простое само по себѣ; но, какъ всѣ такія чувства, она тѣмъ труднѣе поддается анализу. Ее понимаешь, пока чувствуешь, и перестаешь чувствовать, какъ только начнешь разбирать. По крайней мѣрѣ, что такое грусть Лермонтова? Онъ былъ поэтомъ грусти въ полномъ художественномъ смыслѣ этого слова: онъ создалъ грусть, какъ поэтическое настроеніе, изъ тѣхъ разрозненныхъ ея элементовъ, какіе нашелъ въ себѣ самомъ и въ доступномъ его наблюденію житейскомъ оборотѣ. Потому не психологію надобно призывать для объясненія его поэзіи, а его поэзія можетъ пригодиться для психологическаго изученія того настроенія, которое служило ей источникомъ.

Грусть стала звучать въ пѣснѣ Лермонтова, какъ только онъ началъ пѣть:

И грусти ранняя на мнѣ печать.

Она проходитъ непрерывающимся мотивомъ по всей его поэзіи; сначала заглушаемая звуками, взятыми съ чужого голоса, она потомъ становится господствующею нотой, хотя и не освобождается вполнѣ отъ этихъ чуждыхъ звуковъ. Нѣкоторыми наружными признаками и переходными моментами своей поэзіи Лермонтовъ близко подходилъ къ разнымъ скорбнымъ міросозерцаніямъ, философскимъ или поэтическимъ, и къ разочарованному презрѣнію жизни и людей, и къ пессимизму, который относится къ міровому порядку, какъ брюзгливый учитель къ торопливому экспромту разсѣяннаго школьника, и къ желчной спазматической тоскѣ Гейне, для которой міръ—досадно-разстроенный музыкальный инструментъ, а жизнь—раздражающая логика противорѣчій. Но все это—цѣлыя міросозерцанія, создающія скорбное настроеніе. Поэзія Лермонтова—только настроеніе безъ притязанія освѣтить міръ какимъ-либо философскимъ или поэтическимъ свѣтомъ, расшириться въ цѣльное міросозерцаніе. Притомъ, нѣкоторыми частями своего психологическаго состава это настроеніе существенно отличается отъ всѣхъ видовъ скорби. Скорбь есть грусть, обостренная досадой на свою причину и охлажденная снисходительнымъ сожалѣніемъ о ней. Грусть есть скорбь, смягченная состраданіемъ къ своей причинѣ, если эта причина—лицо, и согрѣтая любовью къ ней. Скорбѣть значитъ прощать того, кого готовъ обвинять. Грустить значитъ любить того, кому сострадаешь. Еще дальше грусть отъ міровой скорби. Эта послѣдняя вызывается общею причиной, которая всѣхъ равно касается и если не во всѣхъ возбуждаетъ скорбь, то носителей скорби заставляетъ скорбѣть за всѣхъ. Грусть всегда индивидуальна, вызывается отраженіемъ житейскихъ явленій въ личномъ сознаніи и настроеніи. Но простое по своему психологическому составу, это настроеніе довольно сложно по мотивамъ, его вызывающимъ, и по процессу своего образованія. Люди живутъ счастьемъ или надеждой на счастье. Грусть лишена счастья, не ждетъ, даже не ищетъ его и не жалуется.

У неба счастья не прошу
И молча зло переношу.

Однако, это не есть состояніе равнодушія, наступающее, когда простятся со счастьемъ и всѣми надеждами на него. Это равнодушіе достигается тѣмъ, что перестаютъ любить, чего не удалось добиться, заставляютъ себя думать, что не стоитъ желать, на что напрасно надѣялись. И въ грусти теряютъ надежду достигнуть желаемаго и любимаго и даже мирятся съ этою безнадежностью, но не теряютъ ни любви, ни желанія. Что же любятъ и зачѣмъ желаютъ? А желаютъ, чтобы было что любить, и любятъ самое это желаніе. Потребность любить создаетъ любимые предметы; жизнь можетъ уничтожить ихъ, но потребность остается, какъ „печальная привычка сердца“. Человѣкъ не легко поддается ударамъ судьбы или капризамъ случая; бороться съ ними—его нравственная гордость. Его любовь можно заставить отказаться отъ всего любимаго и даже примириться съ утратой, съ своимъ горемъ, но нельзя заставить отказаться отъ самой себя, совершить самоубійство; когда ничего не останется любить, она обратится на самоё себя, будетъ любить свое собственное горе. Странное и, можетъ быть, не совсѣмъ нормальное состояніе, но довольно обыкновенное въ дѣйствительности. Такъ мужъ продолжаетъ любить жену, покинувшую его для другаго; такъ вдова ходитъ на кладбище на свиданіе со своимъ покойникомъ. Что̀ продолжаютъ они любить? Конечно, не чужую любовницу и не скелетъ, засыпанный землей. Оба они продолжаютъ любить свое прежнее чувство, которымъ жили и которымъ не хотятъ поступиться: одна—въ угоду произволу смерти, другой—въ угоду произволу чужого сердца. Въ сильномъ и негибкомъ характерѣ это чувство можетъ такъ исключительно сосредоточиться на одномъ впечатлѣніи, что дальнѣйшія только напоминаютъ и освѣжаютъ его, не вытѣсняя, хотя бы давно уже не существовало предмета, его произведшаго. Эта мономанія сердца съ поэтическою силой выражена Лермонтовымъ

въ стихотвореніи Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю:

Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія.
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя.

Наконецъ, какъ часто плачутъ, чтобы не тосковать, и грустятъ, чтобы не злиться! Значитъ, въ грусти, какъ и въ слезахъ, есть что-то примиряющее и утѣшающее. Вызываемая потребностью продолжить погибшее счастье или замѣнить не сбывшееся, она сама становится нравственною потребностью, какъ средство борьбы съ невзгодами и обманами жизни.

... Сладость есть
Во всемъ, что не сбылось.

Усиліями сердца можно усладить и горечь обманутыхъ надеждъ. Правда, все это напоминаетъ медвѣдя, который съ голода сосетъ собственную лапу. Но чѣмъ ненормальнѣе такой діэты настроеніе печальнаго поэта, влюбляющагося въ собственную печаль? Человѣкъ, пережившій опустошеніе своей нравственной жизни, не умѣя вновь населить ее, старается наполнить ее печалью объ этомъ запустѣніи, чтобы какимъ-нибудь стимуломъ поддержать въ себѣ падающую энергію. Никто изъ насъ никогда не забудетъ одной изъ послѣднихъ пьесъ Лермонтова, которая всегда останется единственной по неподражаемому сочетанію энергическаго чувства жизни съ глубокою, скрытою грустью,—пьесы, которая своимъ стихомъ почти освобождаетъ композитора отъ труда подбирать мотивы и звуки при ея переложеніи на ноты: это стихотвореніе Выхожу одинъ я на дорогу. Трудно найти въ поэзіи болѣе поэтическое изображеніе духа, утратившаго все, чѣмъ возбуждалась его дѣятельность, но сохранившаго жажду самой дѣятельности, одной дѣятельности, простой, безпредметной. Не уцѣлѣло ни надеждъ, ни даже сожалѣній; усталая душа ищетъ только покоя, но не мертваго; въ вѣчномъ снѣ ей хотѣлось бы сохранить біеніе сердца и воспріимчивость любимыхъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Грусть и есть такое состояніе чувства, когда оно, утративъ свой предметъ, но сохранивъ свою энергію и отъ того страдая, не ищетъ новаго предмета и не только примиряется съ утратой, но и находитъ себѣ пищу въ самомъ этомъ страданіи. Примиреніе достигается мыслью о неизбѣжности утраты и внутреннимъ удовлетвореніемъ, какое доставляетъ стойкое чувство. Въ этомъ моментѣ грусть встрѣчается и расходится съ радостью: послѣдняя есть чувство удовольствія отъ достиженія желаемаго; первая есть ощущеніе удовольствія отъ мысли, что необходимо лишеніе и что его должно перенести. И такъ, источникъ грусти—не торжество нелѣпой дѣйствительности надъ разумомъ и не протестъ послѣдняго противъ первой, а торжество печальнаго сердца надъ своею печалью, примиряющее съ грустною дѣйствительностью. Такова, по крайней мѣрѣ, грусть въ поэтической обработкѣ Лермонтова.

Какъ и подъ какими вліяніями сложилось такое настроеніе поэта? Своимъ происхожденіемъ оно тѣсно соприкасается съ нравственною исторіей нашего общества. Поэзія Лермонтова всегда останется любопытнымъ психологическимъ явленіемъ и никогда не утратитъ своихъ художественныхъ красотъ; но она имѣетъ еще значеніе важнаго историческаго симптома. Лермонтовъ—поэтъ по преимуществу лирическій; его творчество воспроизводило почти исключительно жизнь сердца и касалось трудно-уловимыхъ ея мотивовъ. Господствующее мѣсто среди мотивовъ этой жизни занимаетъ личное счастье. Вопросъ объ этомъ счастьѣ, о томъ, въ чемъ оно состоитъ и какъ достигается, всегда составлялъ важную и тревожную задачу для человѣческаго сердца. Поэзія Лермонтова подходила къ этому вопросу съ обратной его стороны, съ изнанки, если можно такъ выразиться: она пыталась указать, въ чемъ не слѣдуетъ искать счастья и какъ можно безъ него обойтись. Нынѣ вопросъ о счастьѣ не любятъ ставить во всемъ его объемѣ. Составъ счастья такъ осложнился, что не выдержалъ прежней своей цѣльности и распался на разно-

образные свои элементы, на спеціальности. Въ обществѣ говорятъ о богатствѣ, гигіенѣ, гражданскихъ добродѣтеляхъ, талантахъ, успѣхахъ по службѣ или среди женщинъ; говорить о счастьѣ вообще позволяется только очень молодымъ дѣвицамъ, притомъ, лишь монологически, подобно профессору, при общемъ молчаніи аудиторіи, да и это допускается лишь потому, что за однѣми дѣвицами оставлено пока право быть наивными въ обществѣ. Въ составъ счастья вошло столько разнообразныхъ благъ, что самый смѣлый эвдемоническій аппетитъ не надѣется сладить со всѣми. Каждый, смотря по напряженію и растяжимости своихъ желаній, выбираетъ себѣ какое-либо одно благо или подбираетъ нѣсколько сподручныхъ благъ и на ихъ достиженіи вырабатываетъ силы своего ума и сердца, разучивая болѣе или менѣе высокую октаву счастья. Поверхностный и всеобъемлющій, т.-е. за все хватающійся дилеттантизмъ признанъ неудобнымъ и въ сердечной жизни, какъ во всякой другой; въ интересѣ техническаго успѣха, рядомъ съ раздѣленіемъ труда усиливается и спеціализація наслажденій. Такъ, стремленіе къ счастью раздробилось на отдѣльныя житейскія о х о т ы, своего рода спорты сердца. Самое слово с ч а с т ь е стало непопулярно, потеряло свое прежнее обаяніе и пріобрѣло специфическій, немного приторный запахъ женскаго института. Это потому, что надъ счастьемъ много смѣялись легкомысленные люди, а люди серьезные перестали ясно понимать значеніе этого слова. Но если пострадали ясность пониманія и цѣльность вкуса счастья, то культъ его сохранилъ прежнюю силу. Не всѣ отчетливо понимаютъ, что̀ такое счастье вообще; но то конкретное, что̀ разумѣютъ подъ этимъ словомъ, тѣ спеціальныя блага, которыя выбираетъ себѣ каждый изъ общаго запаса счастья, составляютъ смыслъ, цѣль и сильнѣйшій стимулъ личнаго существованія. Идею счастья мы прививаемъ къ своему сознанію воспитаніемъ, оправдываемъ общимъ мнѣніемъ людей, наконецъ, извиняемъ всѣми инстинктами своей природы. Разрушьте эту идею, и мы перестанемъ

понимать, для чего родимся и живемъ на свѣтѣ. Мы менѣе огорчаемся, когда безуспѣшно ищемъ счастья, чѣмъ когда не находимъ его тамъ, гдѣ искали. Такъ жаждущіе въ знойной пустынѣ болѣе удовлетворяются раздражающимъ призракомъ воды, чѣмъ простою мыслью, что воды нѣтъ. Отсутствіе счастья дѣлаетъ насъ менѣе несчастными, чѣмъ его невозможность.

Были, однако, сострадательныя попытки освободить людей отъ идолослуженія этой идеѣ, заставить ихъ усиліями ума и сердца, напряженною работой надъ своею волей отказаться отъ личнаго земного счастья, какъ отъ обязательной цѣли жизни, священной заповѣди блаженства. Одинъ изъ процессовъ этой эмансипаціи отъ ига счастья особенно знакомъ каждому изъ насъ. Съ наименьшимъ трудомъ удается эта работа простымъ вѣрующимъ христіанамъ. Они не знаютъ ни философскихъ, ни физіологическихъ оправданій ученія объ эвдемонизмѣ, о житейскомъ благополучіи, а воспитаніе въ духѣ долга и смиренія регулируетъ у нихъ дѣятельность инстинктовъ. Такъ создается очень простой и ясный взглядъ на жизнь. Правило жизни—самоотверженіе. Не міръ своими благами обязанъ служить притязаніямъ лица, а лицо своими дѣлами обязано оправдать свое появленіе въ мірѣ. Страданіе признается благодатнымъ призывомъ къ этому оправданію, а житейская радость—напоминаніемъ о ея незаслуженности. Христіанинъ растворяетъ горечь страданія отрадною мыслью о подвигѣ терпѣнія и сдерживаетъ радость чувствомъ благодарности за незаслуженную милость. Эта радость сквозь слезы и есть христіанская грусть, замѣняющая личное счастье Христіанская грусть слагается изъ мысли, что личное существованіе должно служить цѣлямъ мірового порядка, слѣдовать путямъ Провидѣнія, и изъ чувства, что м о е личное существованіе не оправдываетъ этого назначенія; значитъ, она слагается изъ идеи долга и чувства смиренія. Говоримъ о христіанской грусти не по нравственному христіанскому вѣроученію, которое учитъ не грустить, а надѣяться и

любить; разумѣемъ грусть, какою она является въ домашней практикѣ христіанской жизни, терпимой христіанскимъ нравоученіемъ. Неподражаемо-просто и ясно выразилъ эту практическую христіанскую грусть истовый древнерусскій христіанинъ царь Алексѣй Михайловичъ, когда писалъ, утѣшая одного своего боярина въ его семейномъ горѣ: „И тебѣ, боярину нашему и слугѣ, и дѣтямъ твоимъ черезмѣру не скорбѣть, а нельзя, чтобъ не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать“.

Поэтическая грусть Лермонтова была художественнымъ отголоскомъ этой практической русско-христіанской грусти, хотя и не близкимъ къ своему источнику. Она и достигалась болѣе извилистымъ и труднымъ путемъ. Лермонтовъ родился и выросъ въ средѣ, въ которой житейскія условія воспитали неумѣренную жажду личнаго счастья. Лучи образованія, искусственно и не всегда толково проведенные въ эту среду, возбудили, но не направили ея сонной мысли, не научили ее человѣчнѣе понимать людскія отношенія. Напротивъ, они сдѣлали ее самоувѣреннѣе и притязательнѣе и развили въ ней гастрономію личнаго счастья изысканными приправами; его стали искать не въ однихъ матеріальныхъ благахъ, не въ одной безцѣльной власти надъ ближнимъ: науки и искусства, міровой порядокъ и само Провидѣніе обязаны были служить ему подъ опасеніемъ быть наказанными за ослушаніе сердитымъ пессимизмомъ и невѣріемъ со стороны такого прихотливаго и раздражительнаго міросозерцанія. Среди искусственной юридической и хозяйственной обстановки, доставлявшей много досуга, но мало побужденій къ размышленію, цѣлыя поколѣнія образованныхъ господъ и госпожъ питались такимъ міросозерцаніемъ, жертвуя прямыми своими интересами и обязанностями усиліямъ воспитать въ своей средѣ безукоризненные образцы тонкаго вкуса и изысканнаго общежитія. Эти поколѣнія и создали ту удивительную культуру сердца, которая утонченностью и ненужностью

воспитанныхъ ею чувствъ, соединенныхъ съ крайне-неустойчивою нервною и моральною системой, такъ напоминаетъ старинную барскую теплицу съ ея дорогою и прихотливою флорой, способною занять ботаника только развѣ тѣмъ, что она служила удачнымъ опытомъ борьбы съ климатомъ и хозяйственнымъ смысломъ. По лучшимъ произведеніямъ нашей беллетристики пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ еще памятны превосходно изображенные обращики этой тепличной, нервной, сантиментально-вялой и нравственно-уступчивой культуры.

Сильному уму не много нужно было усилій, чтобы понять противорѣчія столь искусственно сложившейся и хрупкой среды. Лермонтовъ сталъ къ ней въ двусмысленное отношеніе. Родившись въ ней и привыкнувъ дышать ея воздухомъ, онъ не возставалъ противъ коренныхъ ея недостатковъ; напротивъ, онъ усвоилъ много дурныхъ ея привычекъ и понятій, что дѣлало столь непріятнымъ его характеръ, какъ и его обращеніе съ людьми. Рѣдко платятъ такую тяжелую дань предразсудкамъ и порокамъ своей среды, какую заплатилъ Лермонтовъ. Онъ былъ блестящею иллюстраціей и печальнымъ оправданіемъ пушкинскаго П о э т а, въ минуты бездѣлья, пока божественный глаголъ не касался его слуха, умѣлъ быть ничтожнѣй всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра или, по крайней мѣрѣ, любилъ такимъ казаться. Но при такомъ практическомъ примиреніи съ воспитавшею его средой тѣмъ неодолимѣе было его нравственное отчужденіе отъ нея. Онъ какъ будто мстилъ ей за противныя жертвы, какія принужденъ былъ ей принести, и при каждой оглядкѣ на себя въ немъ вспыхивала горькая досада на это общество, подобная той, какую въ увѣчномъ человѣкѣ вызываетъ причина его увѣчья при каждомъ ощущеніи причиняемой имъ неловкости. Поэтъ

... по праву мести
Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести.

По его признанію, общество всегда казалось ему собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени

и полныхъ зависти, къ которымъ онъ съ безграничнымъ презрѣніемъ обращалъ свою ненависть. При видѣ этого „надменнаго, глупаго свѣта съ его красивой пустотой“ какъ ему хотѣлось дерзко бросить этому свѣту въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью! Но Лермонтову не изъ чего было выковать такой стихъ и онъ не сталъ сатирикомъ. Въ его стихѣ иногда звучала сатирическая нота, онъ былъ способенъ на злую и горькую остроту, но былъ лишенъ той острой горечи и злости, какою необходимо полить сатирическій стихъ. У Лермонтова было слишкомъ много лиризма, подъ дѣйствіемъ котораго сатирическій мотивъ растворялся въ элегическую жалобу, какъ это случилось съ его Думой. Очень рано и выразительно сказалась эта связь сатирическаго негодованія съ ослаблявшею его грустью въ одной мимолетной замѣткѣ 16-ти лѣтняго поэта, уцѣлѣвшей въ его тетради 1830 года: „въ слѣдующей сатирѣ всѣхъ разругать и одну грустную строфу“. А потомъ, во имя чего возсталъ бы Лермонтовъ противъ порядковъ, нравовъ и понятій современнаго общества, во имя какихъ правилъ и идеаловъ? Ни вокругъ себя, ни въ себѣ самомъ не находилъ онъ элементовъ, изъ которыхъ можно было бы составить такіе правила и идеалы; ни наблюденіе, ни собственное міросозерцаніе не давали ему положительной сатирической темы, безъ которой сатира превращается въ досужее зубоскальство. Лучшее что онъ могъ заимствовать у своего общества, была все та же эстетическая культура сердца, замѣнявшая нравственныя правила тонкими чувствами, общественные и другіе идеалы— мечтами о личномъ счастьѣ. Онъ возмущался противъ общества, среди котораго вращался, но мирился съ общежитіемъ, къ которому привыкъ.

Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ.

Однако, онъ чувствовалъ, что этими обольщеніями онъ нравственно связанъ и съ самимъ нелюбимымъ свѣтомъ, и не могъ порвать этой связи, хотя порой и стыдился ея. Отъ

этого свѣта вмѣстѣ съ понятіями и привычками унаслѣдовалъ онъ и раннюю возбужденность чувствъ, которой самъ дивился и которой любилъ надѣлять своихъ героевъ: трехъ лѣтъ онъ плакалъ, растроганный пѣснью матери, десяти лѣтъ былъ уже влюбленъ. Ему тяжело было поднимать сатирическій бичъ на это общежитіе, хотя порой онъ и хлесталъ имъ самое общество и даже страдалъ за это. Ему пришлось бы бить по собственнымъ больнымъ мѣстамъ, до которыхъ и безъ того было больно дотронуться. Не имѣя силъ бичевать испорченное общежитіе, съ которымъ онъ такъ тѣсно соприкасался, онъ обратилъ печальную мысль на болѣзни, которыми самъ заразился чрезъ это соприкосновеніе. Эта печаль прошла двѣ фазы въ своемъ развитіи. Первая была порой бурнаго и ожесточеннаго разочарованія. Прежде всего, своею тревожною мыслью и тонкимъ чутьемъ поэтъ постигъ пустоту и призрачность тѣхъ благъ, изъ которыхъ люди его общества строили свое личное счастье и въ которыхъ онъ самъ искалъ его.

И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный,
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ.

Это зрѣлище развѣяло его собственныя юношескія мечты и отравило ему вкусъ жизни. Бывало, и онъ молилъ о счастьѣ Теперь

... тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ.

Послѣ, незадолго до смерти, въ Валерикѣ, поражающемъ сосредоточенною и жесткою печалью, которую такъ рѣдко выдерживалъ Лермонтовъ, онъ въ сжатой, какъ бы схематической исповѣди изложилъ ходъ своего разочарованія, послѣдовательными моментами котораго были: любовь, страданіе, безплодное раскаяніе и, наконецъ, холодное размышленіе, убившее послѣдній цвѣтъ жизни. Невозможно счастье, такъ и не нужно его,—таковъ былъ нѣсколько надменный

и дѣтски-капризный выводъ, вынесенный поэтомъ изъ первыхъ житейскихъ испытаній. Но эти самыя утраты и пораженія „сердца, обманутаго жизнью“, помогли поэту одержать важную побѣду надъ своимъ самомнѣніемъ. Вѣрный духу и міросозерцанію своей среды, онъ началъ сознательную жизнь мыслью, что онъ—центръ и душа мірового порядка. Въ одномъ письмѣ 18-ти лѣтній философъ, размышляя о своемъ „я“, писалъ, что ему страшно подумать о томъ днѣ, когда онъ не будетъ въ состояніи сказать: я, и что при этой мысли весь міръ превращается для него въ комъ грязи. Теперь онъ сталъ скромнѣе и въ Думѣ пропѣлъ похоронную пѣсню ничтожному поколѣнію, къ которому принадлежалъ самъ. Эта побѣда облегчила ему переходъ въ новую фазу его печальнаго настроенія, въ состояніе примиренія съ своею печалью. Онъ переставалъ волноваться и скорбѣть о своей „пустынной душѣ“, опустошенной „бурями рока“, и понемногу населялъ ее мирными желаніями и чувствами. Наскучивъ бурями природы и страстей, онъ начиналъ любить

Поутру ясную погоду,
Подъ-вечеръ тихій разговоръ.

Присматриваясь къ этимъ мирнымъ явленіямъ природы и къ тихимъ разговорамъ людей, онъ сталъ чувствовать, что и счастье можетъ онъ постигнуть на землѣ, и въ небесахъ видитъ Бога. Счастье возможно, только надобно сберечь способность быть счастливымъ, а если она утрачена, слѣдуетъ довольствоваться пониманіемъ счастья: такъ переиначился теперь прежній взглядъ поэта. Изъ этого признанія возможности счастья и изъ сознанія своей личной неспособности къ нему и слагалась грусть Лермонтова, какой проникнуты стихотворенія послѣднихъ шести-семи лѣтъ его жизни.

Теперь можетъ показаться страннымъ и непонятнымъ процессъ, которымъ развивалось поэтическое настроеніе Лермонтова. Это развитіе, конечно, направлялось особенностями личнаго характера и воспитанія поэта и характеромъ

среды, изъ которой онъ вышелъ и которая его воспитала. Изысканно-тонкія чувства и мечтательныя страданія, черезъ которыя прошла поэзія Лермонтова, прежде чѣмъ нашла и усвоила свое настоящее настроеніе, теперь на многихъ, пожалуй, произведутъ впечатлѣніе досужихъ затѣй стараго барства, и нужно уже историческое изученіе, чтобы понять ихъ смыслъ и происхожденіе. Но самое настроеніе этой поэзіи совершенно понятно и безъ историческаго комментарія. Основная струна его звучитъ и теперь въ нашей жизни, какъ звучала вокругъ Лермонтова. Она слышна въ господствующемъ тонѣ русской пѣсни—не веселомъ и не печальномъ, а грустномъ. Ея тону отвѣчаетъ и обстановка, въ какой она поется. Всмотритесь въ какой угодно пейзажъ русской природы: веселъ онъ или печаленъ? Ни то, ни другое: онъ грустенъ. Пройдите любую галлерею русской живописи и вдумайтесь въ то впечатлѣніе, какое изъ нея выносите: весело оно или печально? Какъ будто немного весело и немного печально: это значитъ, что оно грустно. Вы усиливаетесь припомнить, что гдѣ-то было уже выражено это впечатлѣніе, что русская кисть на этихъ полотнахъ только иллюстрировала и воспроизводила въ подробностяхъ какую-то знакомую вамъ общую картину русской природы и жизни, произведшую на васъ то же самое впечатлѣніе, немного веселое и немного печальное, — и вспомните Родину Лермонтова. Личное чувство поэта само по себѣ, независимо отъ его поэтической обработки, не болѣе какъ психологическое явленіе. Но если оно отвѣчаетъ настроенію народа, то поэзія, согрѣтая этимъ чувствомъ, становится явленіемъ народной жизни, историческимъ фактомъ. Религіозное воспитаніе нашего народа придало этому настроенію особую окраску, вывело его изъ области чувства и превратило въ нравственное правило, въ преданность судьбѣ, т.-е. волѣ Божіей. Это—русское настроеніе, не восточное, не азіатское, а національное русское. На Западѣ знаютъ и понимаютъ эту резиньяцію; но тамъ она—спорадическое явленіе личной

жизни и не переживалась, какъ народное настроеніе. На Востокѣ къ такому настроенію примѣшивается вялая, безнадежная опущенность мысли и изъ этой смѣси образуется грубый психологическій составъ, называемый фатализмомъ. Народу, которому пришлось стоять между безнадежнымъ Востокомъ и самоувѣреннымъ Западомъ, досталось на долю выработать настроеніе, проникнутое надеждой, но безъ самоувѣренности, а только съ вѣрой. Поэзія Лермонтова, освобождаясь отъ разочарованія, навѣяннаго жизнью свѣтскаго общества, на послѣдней ступени своего развитія близко подошла къ этому національно-религіозному настроенію, и его грусть начала пріобрѣтать оттѣнокъ поэтической резиньяціи, становилась художественнымъ выраженіемъ того стиха молитвы, который служитъ формулой русскаго религіознаго настроенія: да будетъ воля Твоя. Никакой христіанскій народъ своимъ бытомъ, всею своею исторіей не прочувствовалъ этого стиха такъ глубоко, какъ русскій, и ни одинъ русскій поэтъ доселѣ не былъ такъ способенъ глубоко проникнуться этимъ народнымъ чувствомъ и дать ему художественное выраженіе, какъ Лермонтовъ.

К. *)

---

*) [Грусть не была подписана авторомъ, а лишь помѣчена начальною буквою его фамиліи].

Добрые люди древней Руси *).

Благотворительность — вотъ слово съ очень спорнымъ значеніемъ и съ очень простымъ смысломъ. Его многіе различно толкуютъ и всѣ одинаково понимаютъ. Спросите, что значитъ дѣлать добро ближнему, и возможно, что получите столько же отвѣтовъ, сколько у васъ собесѣдниковъ. Но поставьте ихъ прямо предъ несчастнымъ случаемъ, предъ страдающимъ человѣкомъ съ вопросомъ, что дѣлать — и всѣ будутъ готовы помочь, кто чѣмъ можетъ. Чувство сострадания такъ просто и непосредственно, что хочется помочь даже тогда, когда страдающій не проситъ о помощи, даже тогда, когда помощь ему вредна или опасна, когда онъ можетъ злоупотребить ею. На досугѣ можно размышлять и спорить объ условіяхъ правительственныхъ ссудъ нуждающимся, объ организаціи и сравнительномъ значеніи государственной и общественной помощи, объ отношеніи той и другой къ частной благотворительности, о доставленіи заработковъ нуждающимся, о деморализующемъ вліяніи дароваго пособія; на досугѣ, когда минуетъ бѣда, и мы обо всемъ этомъ подумаемъ и поспоримъ. Но когда видишь, что человѣкъ тонетъ, первое движеніе — броситься къ нему на помощь, не спрашивая, какъ и зачѣмъ онъ попалъ въ воду и какое нравственное впечатлѣніе произведетъ на него наша помощь. При обсужденіи участія, какое могутъ принять въ дѣлѣ помощи народу правительство, земство и общество, надобно

*) Публичная лекція, читанная въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Напечатана впервые въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* 1892 г., I.

раздѣлять различные элементы и мотивы: экономическую политику, принимающую мѣры, чтобы вывести трудъ и хозяйство народа изъ неблагопріятныхъ условій, и слѣдствія помощи, могущія оказаться невыгодными съ точки зрѣнія полиціи и общественной дисциплины, и возможность всякихъ злоупотребленій. Все это соображенія, которыя относятся къ компетенціи подлежащихъ вѣдомствъ, но которыхъ можно не примѣшивать къ благотворительности въ собственномъ смыслѣ. Намъ, частнымъ лицамъ, открыта только такая благотворительность, а она можетъ руководиться лишь нравственнымъ побужденіемъ, чувствомъ состраданія къ страдающему. Лишь бы помочь ему остаться живымъ и здоровымъ, а если онъ дурно воспользуется нашей помощью, это его вина, которую, по миновaніи нужды, позаботятся исправить подлежащія власти и вліянія.

Такъ понимали у насъ частную благотворительность въ старину; такъ, безъ сомнѣнія, понимаемъ ее и мы, унаслѣдовавъ путемъ историческаго воспитанія добрыя понятія и навыки старины.

Древнерусское общество подъ руководствомъ Церкви въ продолженіе вѣковъ прилежно училось понимать и исполнять и вторую изъ двухъ основныхъ заповѣдей, въ которыхъ заключаются весь законъ и пророки,—заповѣдь о любви къ ближнему. При общественной безурядицѣ, при недостаткѣ безопасности для слабаго и защиты для обижаемаго, практика этой заповѣди направлялась преимущественно въ одну сторону: любовь къ ближнему полагали прежде всего въ подвигѣ состраданія къ страждущему, ея первымъ требованіемъ признавали личную милостыню. Идея этой милостыни полагалась въ основаніе практическаго нравоученія; потребность въ этомъ подвигѣ воспитывалась всѣми тогдашними средствами духовно-нравственной педагогики. Любить ближняго — это прежде всего накормить голоднаго, напоить жаждущаго, посѣтить заключеннаго въ темницѣ. Человѣколюбіе на дѣлѣ значило н и щ е л ю б і е. Благотворительность была

не столько вспомогательнымъ средствомъ общественнаго благоустройства, сколько необходимымъ условіемъ личнаго нравственнаго здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чѣмъ нищему. Цѣлительная сила милостыни полагалась не столько въ томъ, чтобы утереть слезы страждущему, удѣляя ему часть своего имущества, сколько въ томъ, чтобы, смотря на его слезы и страданія, самому пострадать съ нимъ, пережить то чувство, которое называется человѣколюбіемъ. Древнерусскій благотворитель, „христолюбецъ“, менѣе помышлялъ о томъ, чтобы добрымъ дѣломъ поднять уровень общественнаго благосостоянія, чѣмъ о томъ, чтобы возвысить уровень собственнаго духовнаго совершенствованія. Когда встрѣчались двѣ древнерусскія руки, одна съ просьбой Христа ради, другая съ подаяніемъ во-имя Христово, трудно было сказать, которая изъ нихъ больше подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодѣйствіи братской любви обѣихъ. Вотъ почему древняя Русь понимала и цѣнила только личную, непосредственную, благотворительность, милостыню, подаваемую изъ руки въ руку, притомъ „отай“, тайкомъ не только отъ сторонняго глаза, но и отъ собственной „шуйцы“. Нищій былъ для благотворителя лучшій богомолецъ, молитвенный ходатай, душевный благодѣтель. „Въ рай входятъ святой милостыней, говорили въ старину: нищій богатымъ питается, а богатый нищаго молитвой спасается“. Благотворителю нужно было воочію видѣть людскую нужду, которую онъ облегчалъ, чтобы получить душевную пользу; нуждающійся долженъ былъ видѣть своего милостивца, чтобы знать, за кого молиться. Древнерусскіе цари наканунѣ большихъ праздниковъ, рано по утрамъ, дѣлали тайные выходы въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавали милостыню арестантамъ и призрѣваемымъ, также посѣщали и отдѣльно жившихъ убогихъ людей. Какъ трудно изучить и лѣчить болѣзнь по рисунку или манекену больного организма, такъ казалась малодѣйствительной заочная милостыня. Въ силу того же взгляда

на значеніе благотворительнаго дѣла нищенство считалось въ древней Руси не экономическимъ бременемъ для народа, не язвой общественнаго порядка, а однимъ изъ главныхъ средствъ нравственнаго воспитанія народа, состоящимъ при Церкви практическимъ институтомъ общественнаго благонравія. Какъ въ клиникѣ необходимъ больной, чтобы научиться лѣчить болѣзни, такъ въ древнерусскомъ обществѣ необходимъ былъ сирый и убогій, чтобы воспитать умѣнье и навыкъ любить человѣка. Милостыня была дополнительнымъ актомъ церковнаго богослуженія, практическимъ требованіемъ правила, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Какъ живое орудіе душевнаго спасенія, нищій нуженъ былъ древнерусскому человѣку во всѣ важныя минуты его личной и семейной жизни, особенно въ минуты печальныя. Изъ него онъ создалъ идеальный образъ, который онъ любилъ носить въ мысли, какъ олицетвореніе своихъ лучшихъ чувствъ и помышленій. Если бы чудодѣйственнымъ актомъ законодательства или экономическаго прогресса и медицинскаго знанія вдругъ исчезли въ древней Руси всѣ нищіе и убогіе, кто знаетъ, можетъ быть, древне-русскій милостивецъ почувствовалъ бы нѣкоторую нравственную неловкость, подобно человѣку, оставшемуся безъ посоха, на который онъ привыкъ опираться; у него оказался бы недочетъ въ запасѣ средствъ его душевнаго домостроительства.

Трудно сказать, въ какой степени такой взглядъ на благотворительность содѣйствовалъ улучшенію древнерусскаго общежитія. Никакими методами соціологическаго изученія нельзя вычислить, какое количество добра вливала въ людскія отношенія эта ежедневная, молчаливая, тысячерукая милостыня, насколько она пріучала людей любить человѣка и отучала бѣдняка ненавидѣть богатаго. Явственнѣе и осязательнѣе обнаруживалось значеніе такой личной милостыни, когда нужда въ благотворительной помощи вызывалась не горемъ отдѣльныхъ несчастливыхъ жизней, а народнымъ физическимъ бѣдствіемъ. Природа нашей страны издавна

была доброй, но иногда бывала своенравной матерью своего народа, который, можетъ быть, самъ же и вызывалъ ея своенравіе своимъ неумѣньемъ обращаться съ ней. Недороды и неурожаи были нерѣдки въ древней Руси. Недостатокъ экономическаго общенія и административной распорядительности превращалъ мѣстные недоборы продовольствія въ голодныя бѣдствія.

Такое бѣдствіе случилось въ началѣ XVII в., при царѣ Борисѣ. Въ 1601 году, едва кончился весенній сѣвъ, полили страшные дожди и лили все лѣто. Полевыя работы прекратились. Хлѣбъ не вызрѣлъ, до августа нельзя было начать жатву, а на Успеньевъ день неожиданно ударилъ крѣпкій морозъ и побилъ недозрѣвшій хлѣбъ, который почти весь остался въ полѣ. Люди кормились остатками стараго хлѣба, а на слѣдующій годъ посѣялись кое-какъ собраннымъ зяблымъ зерномъ новаго урожая; но ничего не взошло, все осталось въ землѣ и наступилъ трехлѣтній голодъ. Царь не жалѣлъ казны, щедро раздавалъ въ Москвѣ милостыню, предпринялъ обширныя постройки, чтобы доставить заработокъ нуждающимся. Прослышавъ объ этомъ, народъ толпами повалилъ въ Москву изъ неурожайныхъ провинцій, чѣмъ усилилъ нужду въ столицѣ. Началась сильная смертность: только въ трехъ казенныхъ столичныхъ скудельницахъ, куда царь велѣлъ подбирать безпріютныя жертвы, за два года 4 мѣсяца ихъ насчитали 127 тыс. Но бѣда создана была въ значительной мѣрѣ искусственно. Хлѣба оставалось довольно отъ прежнихъ урожаевъ. Послѣ, когда самозванцы наводнили Русь шайками поляковъ и казаковъ, которые своими опустошеніями прекратили посѣвы на обширныхъ пространствахъ, этого запаснаго хлѣба много лѣтъ хватало не только на своихъ, но и на враговъ. При первыхъ признакахъ неурожая начала разыгрываться хлѣбная спекуляція. Крупные землевладѣльцы заперли свои склады. Скупщики пустили все въ оборотъ, деньги, утварь, дорогое платье, чтобы забрать продажный хлѣбъ. Тѣ и другіе не пускали ни зерна

на рынокъ, выжидая высокихъ цѣнъ, радуясь, по выраженію современника, барышамъ, „конца же вещи не разумѣюще, сплетены смуты слагающе и народъ смущающе“. Хлѣбныя цѣны были взбиты на страшную высоту: четверть ржи съ 20 тогдашнихъ копѣекъ скоро поднялась до 6 р., равнявшихся нашимъ 60 р., т.-е. вздорожала въ 30 разъ! Царь принималъ строгія и рѣшительныя мѣры противъ зла, запретилъ винокуреніе и пивовареніе, велѣлъ сыскивать скупщиковъ и бить кнутомъ на рынкахъ нещадно, переписывать ихъ запасы и продавать въ розницу понемногу, предписывалъ обязательныя цѣны и каралъ тяжкими штрафами тѣхъ, кто таилъ свои запасы.

Сохранившійся памятникъ вскрылъ намъ одну изъ частныхъ благотворительныхъ дѣятельностей, которыя въ то время работали внизу, на мѣстахъ, когда царь боролся съ народнымъ бѣдствіемъ наверху. Жила тогда въ своемъ имѣніи вдова-помѣщица, жена зажиточнаго провинціальнаго дворянина, Ульяна Устиновна Осорьина. Это была простая, обыкновенная добрая женщина древней Руси, скромная, боявшаяся чѣмъ-нибудь стать выше окружающихъ. Она отличалась отъ другихъ развѣ только тѣмъ, что жалость къ бѣдному и убогому,—чувство, съ которымъ русская женщина на свѣтъ родится,—въ ней было тоньше и глубже, обнаруживалась напряженнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ и, развиваясь отъ непрерывной практики, постепенно наполнила все ея существо, стала основнымъ стимуломъ ея нравственной жизни, ежеминутнымъ влеченіемъ ея вѣчно дѣятельнаго сердца. Еще до замужества, живя у тетки по смерти родителей, она обшивала всѣхъ сиротъ и немощныхъ вдовъ въ ея деревнѣ, и часто до разсвѣта не гасла свѣча въ ея свѣтлицѣ. По выходѣ ея замужъ свекровь поручила ей веденіе домашняго хозяйства, и невѣстка оказалась умной и распорядительной хозяйкой. Но привычная мысль о бѣдномъ и убогомъ не покидала ея среди домашнихъ и семейныхъ хлопотъ. Она глубоко усвоила себѣ христіанскую заповѣдь о

тайной милостынѣ. Бывало ушлютъ ея мужа на царскую службу куда-нибудь въ Астрахань года на два или на три. Оставшись дома и коротая одинокіе вечера, она шила и пряла, рукодѣлье свое продавала и выручку тайкомъ раздавала нищимъ, которые приходили къ ней по ночамъ. Не считая себя въ правѣ брать что-нибудь изъ домашнихъ запасовъ безъ спроса у свекрови, она однажды прибѣгла даже къ маленькому лукавству съ благотворительной цѣлью, о которомъ позволительно разсказать, потому что его не скрылъ ея почтительный сынъ въ біографіи матери. Ульяна была очень умѣренна въ пищѣ, только обѣдала, не завтракала и не полдничала, что очень тревожило свекровь, боявшуюся за здоровье молодой невѣстки. Случился на Руси одинъ изъ нерѣдкихъ неурожаевъ, и въ муромскомъ краю наступилъ голодъ. Ульяна усилила обычную свою тайную милостыню и, нуждаясь въ новыхъ средствахъ, вдругъ стала требовать себѣ полностью завтраковъ и полдниковъ, которые, разумѣется, шли въ раздачу голодающимъ. Свекровь полушутливо замѣтила ей: что это подѣялось съ тобой, дочь моя? когда хлѣба было вдоволь, тебя, бывало, не дозовешься ни къ завтраку, ни къ полднику, а теперь, когда всѣмъ стало ѣсть нечего, у тебя какая охота къ ѣдѣ припала.—Пока не было у меня дѣтей, —отвѣчала невѣстка, мнѣ ѣда и на умъ не шла, а какъ пошли ребята родиться, я отощала и никакъ не могу наѣсться, не только что днемъ, но часто и ночью такъ и тянетъ къ ѣдѣ; только мнѣ стыдно, матушка, просить у тебя. Свекровь осталась довольна объясненіемъ своей доброй лгуньи и позволила ей брать себѣ пищи, сколько захочется, и днемъ и ночью.

Эта постоянно возбужденная сострадательная любовь къ ближнему, обижаемому жизнью, помогла Ульянѣ легко переступить черезъ самые закоренѣлые общественные предразсудки древней Руси. Глубокая юридическая и нравственная пропасть лежала между древнерусскимъ бариномъ и его холопомъ: послѣдній былъ для перваго по закону не лицомъ,

а простою вещью. Слѣдуя исконному туземному обычаю, а можетъ быть, и греко-римскому праву, не вмѣнявшему въ преступленіе смерти раба отъ побой господина, русское законодательство еще въ XIV в. провозглашало, что если господинъ „огрѣшится“, неудачнымъ ударомъ убьетъ своего холопа или холопку, за это его не подвергать суду и отвѣтственности. Церковь долго и напрасно вопіяла противъ такого отношенія къ крѣпостнымъ людямъ. Десятками наполняя дворы зажиточныхъ землевладѣльцевъ, плохо одѣваемая и всегда содержимая впроголодь, челядь составляла толпу домашнихъ нищихъ, болѣе жалкихъ сравнительно съ вольными публичными нищими. Древнерусская церковная проповѣдь такъ и указывала на нихъ господамъ, какъ на ближайшій предметъ ихъ состраданія, призывая ихъ позаботиться о своихъ челядинцахъ прежде, чѣмъ протягивать руку съ благотворительной копейкой нищему, стоящему на церковной паперти. Въ усадьбѣ Ульяны было много челяди. Она ее хорошо кормила и одѣвала, не баловала, но щадила, не оставляла безъ дѣла, но задавала каждому работу по силамъ и не требовала отъ нея личныхъ услугъ, что могла, все дѣлала для себя сама, не допускала даже разувать себя и подавать воды умыться. При этомъ она не позволяла себѣ обращаться къ крѣпостнымъ съ кличками, какими душевладѣльческая Русь вплоть до самаго 19 февраля 1861 года окрикивала своихъ л ю д е й: Ванька, Машка, но каждаго и каждую называла настоящимъ именемъ. Кто, какія соціальныя теоріи научили ее, простую сельскую барыню XVI вѣка, стать въ такія прямыя и обдуманныя отношенія къ низшей подвластной братіи?

Она была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда ее постигло послѣднее и самое тяжкое благотворительное испытаніе. Лукавый бѣсъ, добра ненавистникъ, давно уже суетившійся около этой досадной ему женщины и всегда ею посрамляемый, разъ со злости пригрозилъ ей: погоди же! будешь ты у меня чужихъ кормить, когда я тебя самое на старости лѣтъ заставлю околѣвать съ голоду. Такой добродушно-на-

божной комбинаціей объяснено въ біографіи происхожденіе постигшей добрую женщину бѣды. Похоронивъ мужа, выростивъ сыновей и поставивъ ихъ на царскую службу, она уже помышляла о вѣчномъ устроеніи собственной души, но все еще тлѣла передъ Богомъ любовью къ ближнему, какъ тлѣетъ передъ образомъ догорающая восковая свѣчка. Нищелюбіе не позволяло ей быть запасливой хозяйкой. Домовое продовольствіе она разсчитывала только на годъ, раздавая остальное нуждающимся. Бѣдный былъ для нея какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она съ ненасыщаемымъ скопидомствомъ все прятала да прятала всѣ свои сбереженія и излишки. Порой у нея въ дому не оставалось ни копейки отъ милостыни, и она занимала у сыновей деньги, на которыя шила зимнюю одежду для нищихъ, а сама, имѣя уже подъ 60 лѣтъ, ходила всю зиму безъ шубы. Начало страшнаго голоднаго трехлѣтія при царѣ Борисѣ застало ее въ нижегородской вотчинѣ совсѣмъ неприготовленной. Съ полей своихъ она не собрала ни зерна, запасовъ не было, скотъ палъ почти весь отъ безкормицы. Но она не упала духомъ, а бодро принялась за дѣло, распродала остатокъ скота, платье, посуду, все цѣнное въ домѣ и на вырученныя деньги покупала хлѣбъ, который и раздавала голодающимъ, ни одного просящаго не отпускала съ пустыми руками и особенно заботилась о прокормленіи своей челяди. Тогда многіе расчетливые господа просто прогоняли съ дворовъ своихъ холоповъ, чтобы не кормить ихъ, но не давали имъ отпускныхъ, чтобы послѣ воротить ихъ въ неволю. Брошенные на произволъ судьбы среди всеобщей паники, холопы принимались воровать и грабить. Ульяна больше всего старалась не допустить до этого своихъ челядинцевъ и удерживала ихъ при себѣ, сколько было у ней силы. Наконецъ, она дошла до послѣдней степени нищеты, обобрала себя дочиста, такъ что не въ чемъ стало выйти въ церковь. Выбившись изъ силъ, израсходовавъ весь хлѣбъ до послѣдняго зерна, она объявила своей крѣпостной дворнѣ, что кормить

ее больше она не можетъ, кто желаетъ, пусть беретъ свои крѣпости или отпускныя и идетъ съ Богомъ на волю. Нѣкоторые ушли отъ нея, и она проводила ихъ съ молитвой и благословеніемъ; но другіе отказались отъ воли, объявили, что не пойдутъ, скорѣе умрутъ съ своей госпожой, чѣмъ покинутъ ее. Она разослала своихъ вѣрныхъ слугъ по лѣсамъ и полямъ собирать древесную кору и лебеду и принялась печь хлѣбъ изъ этихъ суррогатовъ, которыми кормилась съ дѣтьми и холопами, даже ухитрялась дѣлиться съ нищими, „потому что въ то время нищихъ было безъ числа“, лаконически замѣчаетъ ея біографъ. Окрестные помѣщики съ упрекомъ говорили этимъ нищимъ: зачѣмъ это вы заходите къ ней? чего взять съ нея? она и сама помираетъ съ голоду. — А мы вотъ что скажемъ, говорили нищіе: много обошли мы селъ, гдѣ намъ подавали настоящій хлѣбъ, да и онъ не ѣлся намъ такъ власть, какъ хлѣбъ этой вдовы— какъ бишь ее? Многіе нищіе не умѣли и назвать ее по-имени. Тогда сосѣди-помѣщики начали подсылать къ Ульянѣ за ея диковиннымъ хлѣбомъ; отвѣдавъ его, они находили, что нищіе были правы, и съ удивленіемъ говорили межъ себя: мастера же ея холопы хлѣбы печь! Съ какой любовью надобно было подавать нищему ломоть хлѣба, не безукоризненнаго въ химическомъ отношеніи, чтобы этотъ ломоть становился предметомъ поэтической легенды тотчасъ, какъ былъ съѣдаемъ! Два года терпѣла она такую нищету и не опечалилась, не пороптала, не дала безумія Богу, не изнемогла отъ нищеты, напротивъ, была весела, какъ никогда прежде. Такъ заканчиваетъ біографъ свой разсказъ о послѣднемъ подвигѣ матери. Она и умерла вскорѣ по окончаніи голода, въ началѣ 1604 г. Преданія нашего прошлаго не сохранили намъ болѣе возвышеннаго и болѣе трогательнаго образца благотворительной любви къ ближнему.

Никто не сосчиталъ, ни одинъ историческій памятникъ не записалъ, сколько было тогда Ульянъ въ Русской землѣ и какое количество голодныхъ слезъ утерли онѣ своими

добрыми руками. Надобно полагать, что было достаточно тѣхъ и другихъ, потому что Русская земля пережила тѣ страшные годы, обманувъ ожиданія своихъ враговъ. Здѣсь частная благотворительность шла навстрѣчу усиліямъ государственной власти. Но не всегда такъ бываетъ. Частная благотворительность страдаетъ нѣкоторыми неудобствами. Обыкновенно она оказываетъ случайную и мимолетную помощь и часто не настоящей нуждѣ. Она легко доступна злоупотребленію: вызываемая однимъ изъ самыхъ глубокихъ и самыхъ нерасчетливыхъ чувствъ, какія только есть въ нравственномъ запасѣ человѣческаго сердца, она не можетъ слѣдить за своими собственными слѣдствіями. Она чиста въ своемъ источникѣ, но легко поддается порчѣ въ своемъ теченіи. Здѣсь она противъ воли благотворителей и можетъ разойтись съ требованіями общественнаго блага и порядка. Петръ Великій, усиливавшійся привести въ производительное движеніе весь наличный запасъ рабочихъ силъ своего народа, вооружился противъ празднаго нищенства, питаемаго частной милостыней. Въ 1705 г. онъ указалъ разсылать по Москвѣ подьячихъ съ солдатами и приставами ловить бродячихъ нищихъ и наказывать, деньги у нихъ отбирать, милостыни имъ не подавать, а подающихъ хватать и подвергать штрафу; благотворители должны были доставлять свои подаянія въ богадѣльни, существовавшія при церквахъ. Петръ вооружился противъ частной милостыни во имя общественной благотворительности, какъ учрежденія, какъ системы богоугодныхъ заведеній. Общественная благотворительность имѣетъ свои преимущества: уступая частной милостынѣ въ энергіи и качествѣ побужденій, въ нравственно-воспитательномъ дѣйствіи на обѣ стороны, она разборчивѣе и дѣйствительнѣе по своимъ практическимъ результатамъ оказываетъ нуждающемуся болѣе надежную помощь, даетъ ему постоянный пріютъ.

Мысль объ общественной благотворительности, разумѣется, съ особенной силой возбуждалась во времена народныхъ

бѣдствій, когда количество добра требуется прежде, чѣмъ спрашиваютъ о качествѣ побужденій добродѣянія. Такъ было въ Смутное время. Въ 1609 г. второй самозванецъ осаждалъ Москву. Повторились явленія Борисова времени. Въ столицѣ наступилъ страшный голодъ. Хлѣботорговцы устроили стачку, начали всюду скупать запасы и ничего не пускали на рынокъ выжидая наибольшаго подъема цѣнъ. За четверть ржи стали спрашивать 9 тогдашнихъ рублей, т.-е. свыше 100 р. на наши деньги. Царь Василій Шуйскій приказалъ продавать хлѣбъ по указной цѣнѣ — торговцы не слушались. Онъ пустилъ въ дѣйствіе строгость законовъ—торговцы прекратили рискованный подвозъ закупленнаго ими по провинціямъ хлѣба въ осажденную столицу. Мало того, по московскимъ улицамъ и рынкамъ полилась изъ тысячъ устъ оппозиціонная публицистика, начали говорить, что всѣ бѣды, и вражій мечъ, и голодъ падаютъ на народъ потому, что царь несчастливъ. Тогда въ московскій Успенскій соборъ созвано было небывалое народное собраніе. Патріархъ Гермогенъ сказалъ сильную проповѣдь о любви и милосердіи; за нимъ самъ царь произнесъ рѣчь, умоляя кулаковъ не скупать хлѣба, не поднимать цѣнъ. Но борьба обѣихъ высшихъ властей, церковной и государственной, съ народной психологіей и политической экономіей была безуспѣшна. Тогда свѣтлая мысль, одна изъ тѣхъ, какія часто приходятъ въ голову добрымъ людямъ, осѣнила царя и патріарха. Древнерусскій монастырь всегда былъ запасной житницей для нуждающихся, ибо церковное богатство, какъ говорили пастыри нашей церкви, нищихъ богатство. Жилъ тогда на Троицкомъ подворьѣ въ Москвѣ келарь Троицкаго Сергіева монастыря, отецъ Авраамій, обладавшій значительными запасами хлѣба. Царь и патріархъ уговорили его выслать нѣсколько сотъ четвертей на московскій рынокъ по 2 р. за четверть. Это была больше психологическая, чѣмъ политико-экономическая операція: келарь выбросилъ на рынокъ многолюдной столицы всего только 200 мѣръ ржи; но цѣль была достигнута. Тор-

говцы испугались, когда пошелъ слухъ, что на рынокъ тронулись всѣ хлѣбные запасы этого богача-монастыря, считавшіеся неисчерпаемыми, и цѣна хлѣба надолго упала до 2 рублей. Черезъ нѣсколько времени Авраамій повторилъ эту операцію съ такимъ же количествомъ хлѣба и съ прежнимъ успѣхомъ.

На долю XVII-го вѣка выпало печальное преимущество тяжелымъ опытомъ понять и оцѣнить всю важность поставленнаго еще на Стоглавомъ соборѣ вопроса объ общественной благотворительности, какъ вопроса законодательства и управленія, и перенести его изъ круга дѣйствія личнаго нравственнаго чувства въ область общественнаго благоустройства. Тяжелыя испытанія привели къ мысли, что государственная власть своевременными мѣрами можетъ ослабить или предотвратить бѣдствія нуждающихся массъ и даже направить частную благотворительность. Въ 1654 г. началась и при очень неблагопріятныхъ условіяхъ продолжалась война съ Польшей за Малороссію. Эпидемія опустошила деревни и села и уменьшила производство хлѣба. Паденіе курса выпущенныхъ въ 1656 г. кредитныхъ мѣдныхъ денегъ съ номинальной стоимостью серебряныхъ усилило дороговизну: цѣна хлѣба, съ начала войны удвоившаяся, къ началу 1660-хъ годовъ въ иныхъ мѣстахъ поднялась до 30—40 руб. за четверть ржи на наши деньги. Въ 1660 г. свѣдущіе люди изъ московскаго купечества, призванные для совѣщанія съ боярами о причинахъ дороговизны и о средствахъ ея устраненія, между прочимъ указали на чрезвычайное развитіе винокуренія и пивоваренія и предложили прекратить продажу вина въ питейныхъ заведеніяхъ, закрыть винные заводы, также принять мѣры противъ скупки хлѣба и не допускать скупщиковъ и кулаковъ на хлѣбные рынки раньше полудня, наконецъ, переписать запасы хлѣба, заготовленные скупщиками, перевезти ихъ въ Москву на казенный счетъ и продавать здѣсь бѣднымъ людямъ, а скупщикамъ заплатить изъ казны по ихъ цѣнѣ деньгами. Какъ только тяжесть положенія

заставила вдуматься въ механизмъ народно-хозяйственнаго оборота, тотчасъ живо почувствовалось, что можетъ сдѣлать государственная власть для устраненія возникающихъ въ немъ замѣшательствъ.

Въ эти тяжелые годы стоялъ близко къ царю человѣкъ, который добрымъ примѣромъ показалъ, какъ можно соединить частную благотворительность съ общественной и на чувствѣ личнаго состраданія построить устойчивую систему благотворительныхъ учрежденій. Это былъ Ѳ. М. Ртищевъ, ближній постельничій, какъ бы сказать оберъ-гофмейстеръ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, а потомъ его дворецкій, т.-е. министръ двора. Этотъ человѣкъ—одно изъ лучшихъ воспоминаній, завѣщанныхъ намъ древнерусской стариной. Одинъ изъ первыхъ насадителей научнаго образованія въ Москвѣ XVII вѣка, онъ принадлежалъ къ числу крупныхъ государственныхъ умовъ Алексѣева времени, столь обильнаго крупными умами. Ему приписывали и мысль упомянутой кредитной операціи съ мѣдными деньгами, представлявшей небывалую новость въ тогдашней финансовой политикѣ, и не его вина, если опытъ кончился неблагополучно. Много занятый по службѣ, пользуясь полнымъ довѣріемъ царя и царицы и большимъ уваженіемъ придворнаго общества, воспитатель царевича Алексѣя, Ртищевъ поставилъ задачей своей частной жизни служеніе страждущему и нуждающемуся человѣчеству. Помощь ближнему была постоянной потребностью его сердца, а его взглядъ на себя и на ближняго сообщалъ этой потребности характеръ отвѣтственнаго, но непритязательнаго нравственнаго долга. Ртищевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ и немного странныхъ людей, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ самолюбія, по крайней мѣрѣ, въ простомъ ходячемъ смыслѣ этого слова. Наперекоръ природнымъ инстинктамъ и исконнымъ людскимъ привычкамъ въ заповѣди Христовой любить ближняго своего, какъ самого себя, онъ считалъ себя способнымъ исполнять только первую часть: онъ и самого себя любилъ только для ближняго, счи-

тая себя самымъ послѣднимъ изъ своихъ ближнихъ, о которомъ не грѣшно подумать развѣ только тогда, когда уже не о комъ больше думать—совершенно евангельскій человѣкъ, правая щека котораго сама собою безъ хвастовства и расчета подставлялась ударившему по лѣвой, какъ-будто это было требованіемъ физическаго закона или свѣтскаго приличія, а не подвигомъ смиренія. Ртищевъ не понималъ обиды, какъ иные не знаютъ вкуса въ винѣ, не считая этого за воздержаніе, а просто не понимая, какъ это можно пить такую непріятную и безполезную вещь. Своему обидчику онъ первый шелъ навстрѣчу съ просьбой о прощеніи и примиреніи. Съ высоты своего общественнаго положенія онъ не умѣлъ скользить высокомѣрнымъ взглядомъ поверхъ людскихъ головъ, останавливаясь на нихъ лишь для того, чтобы сосчитать ихъ. Человѣкъ не былъ для него только счетной единицей, особенно человѣкъ бѣдный и страждущій. Высокое положеніе только расширило, какъ бы сказать, пространство его человѣколюбія, давъ ему возможность видѣть, сколько живетъ на свѣтѣ людей, которымъ надо помочь, и его сострадательное чувство не довольствовалось помощью первому встрѣчному страданію. Съ высоты древнерусскаго состраданія личному, конкретному горю, вотъ *тому* или *этому* несчастному человѣку, Ртищевъ умѣлъ подняться до способности соболѣзновать людскому несчастью, какъ общему злу, и бороться съ нимъ, какъ съ своимъ личнымъ бѣдствіемъ. Потому случайные и прерывистые вызовы личной благотворительности онъ хотѣлъ превратить въ постоянно дѣйствующую общественную организацію, которая подбирала бы массы труждающихся и обремененныхъ, облегчая имъ несеніе тяжкой повинности жизни. Впечатлѣнія польской войны могли только укрѣпить эту мысль. Самъ царь двинулся въ походъ, и Ртищевъ сопровождалъ его, какъ начальникъ его походной квартиры. Находясь по должности въ тылу арміи, Ртищевъ видѣлъ ужасы, какіе оставляетъ послѣ себя война и которыхъ обыкновенно не замѣчаютъ сами воюющіе—тѣ, кото-

рые становятся ихъ первыми жертвами. Тылъ арміи — тяжкое испытаніе и лучшая школа человѣколюбія: тотъ уже неотступно полюбитъ человѣка, кто съ перевязочной линіи не унесетъ ненависти къ людямъ. Ртищевъ взглянулъ на отвратительную работу войны, какъ на жатву своего сердца, какъ на печально-обильный благотворительный урожай. Онъ страдалъ ногами, и ему трудно было ѣздить верхомъ. По дорогѣ онъ кучами подбиралъ въ свой экипажъ больныхъ, раненыхъ, избитыхъ и разоренныхъ, такъ что иногда и ему не оставалось мѣста и, пересѣвъ на коня, онъ плелся за своимъ импровизованнымъ походнымъ лазаретомъ до ближняго города, гдѣ тотчасъ нанималъ домъ, куда, самъ кряхтя отъ боли, сваливалъ свою охающую и стонущую братію, устроялъ ея содержаніе и уходъ за ней и даже неизвѣстно какимъ образомъ набиралъ врачебный персоналъ, „назиратаевъ и врачевъ имъ и кормителей устрояше, во упокоеніе ихъ и врачеваніе отъ имѣнія своего имъ изнуряя“, какъ вычурно замѣчаетъ его біографъ. Такъ оберъ-гофмейстеръ двора Его Величества самъ собою превратился въ начальника Краснаго Креста, имъ же и устроеннаго на собственныя средства. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ у него была тайная денежная и сердечная пособница, которую выдалъ исторіи тотъ же болтливый біографъ. Въ своемъ молчаливомъ карманѣ Ртищевъ везъ на войну значительную сумму, тихонько сунутую ему царицей Марьей Ильиничной, и біографъ нескромнымъ намекомъ даетъ понять, что передъ походомъ они уговорились принимать въ задуманные ими временные военные госпитали даже плѣнныхъ враговъ, нуждавшихся въ госпитальной помощи. Надобно до земли поклониться памяти этихъ людей, которые безмолвной экзегетикой своихъ дѣлъ учатъ насъ понимать слова Христа: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ: Подобныя дѣла повторились и въ ливонскомъ походѣ царя, когда въ 1656 г. началась война съ Швеціей.

Можно думать, что походныя наблюденія и впечатлѣнія

не остались безъ вліянія на планъ общественной благотворительности, составившійся въ умѣ Ртищева. Этотъ планъ разсчитанъ былъ на самыя больныя язвы тогдашней русской жизни. Прежде всего крымскіе татары въ XVI и XVII вв. сдѣлали себѣ прибыльный промыселъ изъ разбойничьихъ нападеній на Русскую землю, гдѣ они тысячами и десятками тысячъ забирали плѣнныхъ, которыхъ продавали въ Турцію и другія страны. Чтобы спасти и воротить домой этихъ плѣнныхъ, московское правительство устроило ихъ выкупъ на казенный счетъ, для чего ввело особый общій налогъ, полоняничныя деньги. Этотъ выкупъ назывался „общей милостыней“, въ которой всѣ должны были участвовать: и царь, и всѣ „православные христіане“, его подданные. По соглашенію съ разбойниками были установлены порядокъ привоза плѣннаго товара и тарифъ, по которому онъ выкупался, смотря по общественному положенію плѣнниковъ. Выкупныя ставки во времена Ртищева были довольно высоки: за людей, стоявшихъ въ самомъ низу тогдашняго общества, за крестьянъ и холоповъ, назначено было казеннаго окупа около 250 р. на наши деньги за человѣка; за людей высшихъ классовъ платили тысячи. Но государственное воспособленіе выкупу было недостаточно. Насмотрѣвшись во время походовъ на страданія плѣнныхъ, Ртищевъ вошелъ въ соглашеніе съ жившимъ въ Россіи купцомъ грекомъ, который, ведя дѣла съ магометанскимъ востокомъ, на свой счетъ выкупалъ много плѣнныхъ христіанъ. Этому доброму человѣку Ртищевъ передалъ капиталъ въ 17 тыс. рублей на наши деньги, къ которому грекъ, принявшій на себя операцію выкупа, присоединилъ свой вкладъ, и такимъ образомъ составилась своего рода благотворительная компанія для выкупа русскихъ плѣнныхъ у татаръ. Но вѣрный уговору съ царицей, Ртищевъ не забывалъ и иноземцевъ, которыхъ плѣнъ забрасывалъ въ Россію, облегчалъ ихъ тяжелое положеніе своимъ ходатайствомъ и милостыней.

Московская немощеная улица XVII в. была очень не-

опрятна: среди грязи несчастіе, праздность и порокъ сидѣли, ползали и лежали рядомъ; нищіе и калѣки вопили къ прохожимъ о подаяніи, пьяные валялись на землѣ. Ртищевъ составилъ команду разсыльныхъ, которые подбирали этотъ людъ съ улицъ въ особый домъ, устроенный имъ на свой счетъ, гдѣ больныхъ лѣчили, а пьяныхъ вытрезвляли и потомъ, снабдивъ необходимымъ, отпускали, замѣняя ихъ новыми паціентами. Для престарѣлыхъ, слѣпыхъ и другихъ калѣкъ, страдавшихъ неизлѣчимыми недугами, Ртищевъ купилъ другой домъ, тратя на ихъ содержаніе свои послѣдніе доходы. Этотъ домъ подъ именемъ Больницы Ѳедора Ртищева существовалъ и послѣ его смерти, поддерживаемый доброхотными даяніями. Такъ Ртищевъ образовалъ два типа благотворительныхъ заведеній: амбулаторный пріютъ для нуждающихся во временной помощи и постоянное убѣжище—богадѣльню для людей, которыхъ человѣколюбіе должно было взять на свои руки до ихъ смерти. Но онъ прислушивался къ людской нуждѣ и внѣ Москвы и здѣсь продолжалъ дѣло своей предшественницы Іуліаніи Осорьиной: кстати сказать, и его мать звали Ульяной. Случился голодъ въ Вологодскомъ краю. Мѣстный архіепископъ помогалъ голодающимъ, сколько могъ. Ртищевъ, растративъ деньги на свои московскія заведенія, продалъ все свое лишнее платье, всю лишнюю домашнюю утварь, которой у него, богатаго барина, было множество, и послалъ вырученныя деньги вологодскому владыкѣ, который, прибавивъ къ пожертвованію и свою малую толику, прокормилъ много бѣднаго народа.

Съ осторожнымъ и глубоко сострадательнымъ вниманіемъ останавливался Ртищевъ передъ новымъ родомъ людей, нуждавшимся въ сострадательномъ вниманіи, который во времена Іуліаніи только зарождался: въ XVII в. сложилось крѣпостное состояніе крестьянъ. Личная свобода крестьянъ была одною изъ тѣхъ жертвъ, какія наше государство въ XVII в. было вынуждено принести въ борьбѣ за свою цѣлость и внѣшнюю безопасность. Біографъ Ртищева только

двумя-тремя чертами обозначилъ его отношеніе къ этому новому поприщу благотворенія, но чертами, трогающими до глубины души. Будучи крупнымъ землевладѣльцемъ, онъ однажды долженъ былъ, нуждаясь въ деньгахъ, продать свое село Ильинское. Сторговавшись съ покупщикомъ, онъ самъ добровольно уменьшилъ условленную цѣну, но при этомъ подвелъ новаго владѣльца къ образу и заставилъ его побожиться, что онъ не увеличитъ человѣколюбиво разсчитанныхъ повинностей, какія отбывали крестьяне села въ пользу прежняго барина — необычная и немного странная форма словеснаго векселя, взятаго на совѣсть векселедателя. Поддерживая щедрыми ссудами инвентарь своихъ крестьянъ, онъ больше всего боялся разстроить это хозяйство непосильными оброками и барщинными работами и недовольно хмурилъ брови всякій разъ, когда въ отчетахъ управляющихъ замѣчалъ приращеніе барскаго дохода. Извѣстно, какъ заботился древнерусскій человѣкъ о загробномъ устроеніи своей души помощію вкладовъ, посмертной молитвы и поминовенія. Вотчины свои Ртищевъ завѣщалъ своей дочери и зятю кн. Одоевскому. Онъ заказалъ наслѣдникамъ отпустить всѣхъ своихъ дворовыхъ на волю. Тогда законодательство еще не выработало порядка увольненія крѣпостныхъ крестьянъ съ землей цѣлыми обществами. „Вотъ какъ устройте мою душу, говорилъ Ртищевъ передъ смертью зятю и дочери: въ память по мнѣ будьте добры къ моимъ мужикамъ, которыхъ я укрѣпилъ за вами, владѣйте ими льготно, не требуйте отъ нихъ работъ и оброковъ свыше силы—возможности, потому что они намъ братья; это моя послѣдняя и самая большая къ вамъ просьба“. Ртищевъ умѣлъ сострадать положенію цѣлыхъ обществъ или учрежденій, какъ сострадаютъ горю отдѣльныхъ лицъ. Мы всѣ помнимъ прекрасный разсказъ, читанный нами еще на школьной скамьѣ въ учебникѣ. Подъ Арзамасомъ у Ртищева была земля, за которую ему давали частные покупатели до 17 тыс. рублей на наши деньги. Но онъ зналъ, что земля до зарѣзу нужна арзамасцамъ, и пред-

ложилъ городу купить ее хотя бы за пониженную цѣну. Но городское общество было такъ бѣдно, что не могло заплатить сколько-нибудь приличной цѣны, и не знало, что дѣлать. Ртищевъ подарилъ ему землю.

Современники, наблюдавшіе дворъ царя Алексѣя, свои и чужіе, оставили очень мало извѣстій о министрѣ этого двора Ртищевѣ. Одинъ иностранный посолъ, пріѣзжавшій тогда въ Москву, отозвался о немъ, что едва имѣя 40 лѣтъ отъ роду, онъ превосходилъ благоразуміемъ многихъ стариковъ. Ртищевъ не выставлялся впередъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ скромныхъ людей, которые не любятъ идти въ первыхъ рядахъ, но оставаясь назади и высоко поднявъ свѣточи надъ головами, освѣщаютъ путь передовымъ людямъ. Особенно трудно было услѣдить за его благотворительной дѣятельностью. Но его понимали и помнили среди низшей братіи, за которую онъ положилъ свою душу. Его біографъ, описывая его смерть, передаетъ очень наивный разсказъ. Ртищевъ умеръ въ 1673 г. всего 47 лѣтъ отъ роду. За два дня до его смерти жившая у него въ домѣ дѣвочка лѣтъ 12, которую онъ привѣчалъ за ея кроткій нравъ, помолившись, какъ было заведено въ этомъ домѣ, улеглась спать и, задремавъ, видитъ: сидитъ ея больной хозяинъ, такой веселый да нарядный, а на головѣ у него точно вѣнецъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, подходитъ къ нему молодецъ, тоже нарядно одѣтый, и говоритъ: „зоветъ тебя царевичъ Алексѣй“, а этотъ царевичъ, воспитанникъ Ртищева, тогда былъ уже покойникомъ.—Погоди немного, нельзя еще, — отвѣчалъ хозяинъ. Молодецъ ушелъ. Скоро пришли двое другихъ такихъ же и опять говорятъ: „зоветъ тебя царевичъ Алексѣй“. Хозяинъ всталъ и пошелъ, а за ноги его уцѣпились двѣ малютки, дочь его да племянница, и не хотятъ отстать отъ него. Онъ отстранилъ ихъ, сказавъ: „отойдите, не то возьму васъ съ собой“. Вышелъ хозяинъ изъ палаты, а тутъ передъ нимъ очутилась лѣстница отъ земли до самаго неба, и полѣзъ онъ по этой лѣстницѣ, а тамъ на выси небесной объявился юноша

съ золотыми крылышками, протянулъ хозяину руку и подхватилъ его. Въ этомъ снѣ дѣвочки, разсказанномъ въ дѣвичьей Ртищева, отлились всѣ благодарныя слезы бѣдныхъ людей, утертыя хозяиномъ. Много разсказывали и про самую смерть его. Въ послѣднія минуты, уже совсѣмъ приготовившись, онъ позвалъ къ себѣ въ спальню нищихъ, чтобы изъ своихъ рукъ раздать имъ послѣднюю милостыню, потомъ прилегъ и забылся. Вдругъ его угасавшіе глаза засвѣтились, точно озаренные какимъ-то видѣніемъ, лицо оживилось, и онъ весело улыбнулся: съ такимъ видомъ онъ и замеръ. Всю жизнь страдать, благотворить и умереть съ веселой улыбкой—вполнѣ заслуженный конецъ такой жизни.

Не осталось извѣстій о томъ, нашло ли отголосокъ въ землевладѣльческомъ обществѣ отношеніе Ртищева къ крѣпостнымъ крестьянамъ; но его благотворительная дѣятельность, повидимому, не осталась безъ вліянія на законодательство. Добрыя идеи, поддержанныя добрыми проводниками и примѣрами, легко облекаются въ плоть и кровь своего рода, въ обычаи, законы, учрежденія. Нерасчетливая частная благотворительность древней Руси вскормила ремесло нищенства, стала средствомъ питанія праздности и сама нерѣдко превращалась въ холодное исполненіе церковнаго приличія, въ раздачу копеечекъ просящимъ вмѣсто помощи нуждающимся. Милостивцы, подобные Іуліаніи и Ртищеву, возстановляли истинное христіанское значеніе милостыни, источникъ которой—теплое сострадательное чувство, а цѣль—уничтоженіе нужды, нищеты, страданія. Въ этомъ же направленіи послѣ Ртищева начинаетъ дѣйствовать и законодательство. Со времени Алексѣева преемника идетъ длинный рядъ указовъ противъ празднаго ремесленнаго нищенства и частной ручной милостыни. Съ другой стороны, государственная власть подаетъ руку церковной для дружной работы надъ устройствомъ благотворительныхъ заведеній. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ произвели разборку московскихъ нищихъ: дѣйствительно безпомощныхъ велѣно содержать на

казенный счетъ въ особомъ пріютѣ, а здоровымъ лѣнтяямъ дать работу, можетъ быть, въ задуманныхъ тогда же рабочихъ домахъ. Предположено было построить въ Москвѣ два благотворительныхъ заведенія, больницу и богадѣльню для болящихъ, бродящихъ и лежащихъ по улицамъ нищихъ, чтобы они тамъ не бродили и не валялись: повидимому, предполагались заведенія, подобныя тѣмъ, какія устроены были Ртищевымъ. На церковномъ соборѣ 1681 г. царь предложилъ патріарху и архіереямъ устроить такія же убѣжища для нищихъ и въ провинціальныхъ городахъ, и соборъ принялъ предложеніе. Такъ частный починъ добраго и вліятельнаго человѣка далъ прямой или косвенный толчокъ мысли объ устройствѣ цѣлой системы церковно-государственныхъ благотворительныхъ заведеній и не только оживилъ, безъ сомнѣнія, усердіе доброхотныхъ дателей къ доброму дѣлу, но и подсказалъ самую его организацію, желательныя и возможныя формы, въ которыя оно должно было облечься.

Тѣмъ вѣдь и дорога память этихъ добрыхъ людей, что ихъ примѣръ въ трудныя минуты не только ободряетъ къ дѣйствію, но и учитъ, какъ дѣйствовать. Іуліанія и Ртищевъ— это образцы русской благотворительности. Одинаковое чувство подсказывало имъ различные способы дѣйствія, сообразные съ положеніемъ каждаго. Одна благотворила больше дома, въ своемъ тѣсномъ сельскомъ кругу; другой дѣйствовалъ преимущественно на широкой столичной площади и улицѣ. Для одной благодѣяніе было выраженіемъ личнаго состраданія; другой хотѣлъ превратить его въ организованное общественное человѣколюбіе. Но идя различными путями, оба шли къ одной цѣли: не теряя изъ вида нравственно-воспитательнаго значенія благотворительности, они смотрѣли на нее, какъ на непрерывную борьбу съ людской нуждой, съ горемъ безпомощнаго ближняго. Они и имъ подобные воспитатели и пронесли этотъ взглядъ черезъ рядъ вѣковъ, и онъ доселѣ живетъ въ нашемъ обществѣ, дѣятельно обнаруживаясь всякій разъ, когда это нужно. Сколько Ульянъ

незамѣтно и безъ шума ведетъ теперь эту борьбу по захолустьямъ пораженныхъ нуждой мѣстностей! Есть, безъ сомнѣнія, и Ртищевы, и они не переведутся. По завѣту ихъ жизни будутъ дѣйствовать даже тогда, когда ихъ самихъ забудутъ. Изъ своей исторической дали они не перестанутъ свѣтить, подобно маякамъ среди ночной мглы, освѣщая намъ путь и не нуждаясь въ собственномъ свѣтѣ. А завѣтъ ихъ жизни таковъ: жить значитъ любить ближняго, т.-е. помогать ему жить; больше ничего не значитъ жить и больше не для чего жить.

И. Н. Болтинъ *).

(† 6 октября 1792 г.)

Сто лѣтъ прошло со смерти Болтина. Имя этого русскаго историка давно забыто, а его труды по русской исторіи перестали читать, кажется, даже раньше, чѣмъ перестали помнить имя ихъ автора. Его тяжеловѣсные фоліанты давно вышли изъ состава оборотной русской исторической литературы, которой питается русская любознательная публика, и отложены въ запасный фондъ русской исторіографіи, до котораго рѣдко дотрогивается даже рука спеціалиста. Шлецеръ своимъ критическимъ изслѣдованіемъ о Несторѣ, изданнымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отодвинулъ Болтина отъ вниманія изслѣдователей отечественной исторіи, а Карамзинъ своимъ блестящимъ трудомъ закрылъ его отъ глазъ читающей русской публики. Но въ свое время Болтинъ пользовался извѣстностью, какъ знатокъ русской исторіи. Самъ надменный Шлецеръ, съ нѣмецкимъ пренебреженіемъ относившійся ко всѣмъ русскимъ изслѣдователямъ русской исторіи, для Болтина допускалъ исключеніе, признавая его единственнымъ русскимъ историкомъ, кое-что смыслившимъ въ исторіи своего отечества. Пользуясь столѣтнею годовщиной Болтина, можно вспомнить этого историка, и не столько его самого, сколько его время, тѣ условія, при которыхъ вырабатывалась историческая мысль этого писателя, не самаго блестящаго, но одного изъ самыхъ умныхъ и пріятныхъ русскихъ писателей XVIII в. На поминкахъ говорятъ не столько

*) Напечатано въ „*Русской Мысли*“, 1892 г., XI.

о самомъ покойникѣ, сколько о томъ, что любилъ онъ, а Болтинъ больше всего любилъ Россію своего времени.

Онъ былъ самъ виноватъ въ томъ, что его учено-литературная извѣстность была такъ скоротечна. Прежде всего, онъ самъ слишкомъ мало заботился о пріобрѣтеніи и упроченіи такой извѣстности. Онъ не былъ ученымъ историкомъ по профессіи. Его практическая дѣятельность шла вдали отъ лѣтописей и архивовъ: начавъ службу рядовымъ конно-гвардейскаго полка, онъ продолжалъ ее чиновникомъ таможеннаго вѣдомства и кончилъ генералъ-майоромъ и членомъ военной коллегіи. Къ этому надобно прибавить, что Болтинъ былъ дѣловитымъ и добросовѣстнымъ служакой, а потому не располагалъ большимъ досугомъ. Но онъ находилъ время учиться, много читалъ и съ особеннымъ прилежаніемъ собиралъ втихомолку свѣдѣнія по русской исторіи, считая знакомство съ родною стариной нравственною обязанностью образованнаго человѣка. Русскому образованному человѣку того времени было гораздо труднѣе исполнить эту обязанность, чѣмъ теперь; тогда это не значило выслушать курсъ русской исторіи въ высшемъ учебномъ заведеніи или прочитать нѣсколько популярныхъ сочиненій по этому предмету. Тогда надобно было самому кропотливо собирать источники и разбираться въ нихъ, запасаться вспомогательными средствами для ихъ чтенія и истолкованія, наводить мелочныя справки; въ то время, чтобы быть студентомъ русской исторіи, необходимо было стать для самого себя профессоромъ этого предмета.

Правда, тогда существовали уже два важныя пособія, значительно облегчавшія трудъ изученія отечественной исторіи. Одно изъ нихъ состояло въ появленіи любительскихъ собраній отечественныхъ древностей. Въ наше время занимающемуся изученіемъ русской исторіи открыто много казенныхъ и общественныхъ древлехранилищъ, музеевъ и архивовъ, въ которыхъ собраны разнообразные памятники русской старины, письменные и вещественные; есть и частныя

богатыя коллекціи, любезные владѣльцы которыхъ радушно дѣлятся своими сокровищами съ тѣми, кто въ нихъ нуждается. Въ прошедшемъ столѣтіи собранія перваго рода были неизвѣстны или труднодоступны, а послѣднія очень рѣдки. Было богатое собраніе рукописей по русской исторіи у отца русской научной исторіографіи В. Н. Татищева, но оно сгорѣло вскорѣ по смерти владѣльца въ его подмосковномъ имѣніи († 1750 г.). Извѣстный академикъ и исторіографъ Мюллеръ также скопилъ обильный запасъ рукописныхъ матеріаловъ по русской исторіи, который былъ купленъ императрицей Екатериной II и вошелъ въ составъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Много старинныхъ рукописей и бумагъ осталось послѣ коммиссара и подрядчика временъ Петра I Крекшина, пытавшагося описать жизнь преобразователя и долго собиравшаго матеріалы для его исторіи. Эти рукописи и бумаги были потомъ куплены А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ и вошли въ составъ его драгоцѣнной рукописной библіотеки, той библіотеки, гибель которой въ московскій пожаръ 1812 года никогда не перестанетъ вызывать тяжелый вздохъ изъ груди всякаго, кто не считаетъ изученія русской исторіи безполезнымъ дѣломъ. Этотъ самый графъ Мусинъ-Пушкинъ, церемоніймейстеръ двора, а потомъ оберъ-прокуроръ св. синода и президентъ академіи художествъ, былъ типическимъ представителемъ образовавшагося въ царствованіе Екатерины II кружка „любителей отечественной исторіи“, какъ они сами себя называли.

Это коллекціонное любительство и надобно признать вторымъ важнымъ пособіемъ, много содѣйствовавшимъ успѣшному изученію русской исторіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Немного странно ставить наклонность къ собиранію памятниковъ родной старины, спортъ своего рода, въ числѣ научныхъ историческихъ пособій на ряду съ географическими картами, указателями, словарями и т. п. Но эта наклонность у Мусина-Пушкина и его ученыхъ друзей осложнялась такими качествами, соединена была съ такими задачами, бла-

годаря которымъ ее грѣшно было бы назвать простымъ спортомъ. Эта наклонность поддерживалась въ нихъ такимъ взглядомъ на дѣло и такою любовью къ нему, которыми они умѣли до нѣкоторой степени восполнить недостатокъ техническихъ пособій и одолѣвать научныя затрудненія, какія ставилъ этотъ недостатокъ изученію отечественной исторіи. Ихъ антикварскій дилетантизмъ поддерживался побужденіями, непохожими на тѣ, коими руководились Татищевъ и Мюллеръ. Эти послѣдніе имѣли въ виду цѣли практическаго или профессіональнаго свойства. Первый изъ нихъ, дѣловой человѣкъ суровой петровской школы, горный чиновникъ-золотоискатель, а потомъ губернаторъ, приведенъ былъ къ собиранію и ученой обработкѣ матеріаловъ для исторіи и географіи Россіи государственною нуждой, административною потребностью въ историческихъ и географическихъ справкахъ. Для второго эта работа была дѣломъ по долгу службы, какъ русскаго академика и исторіографа по штатной должности съ окладомъ. Въ любителяхъ русской старины, подобныхъ Мусину-Пушкину, можно замѣтить нѣкоторую родственную связь съ практическимъ взглядомъ Татищева на дѣло: и они видѣли въ своемъ занятіи служеніе на пользу отечества. Но, какъ занятіе добровольное, не положенное въ число штатныхъ обязанностей русскаго гражданина, оно соединено было съ непріятностями и требовало нѣкоторой доли самоотверженія, гражданскаго мужества. Не говоримъ о томъ, что такой любитель-коллекціонеръ на каждомъ шагу подвергался опасности потратить даромъ время и деньги, впасть въ забавную погрѣшность по самой новости дѣла, по недостатку техническихъ пособій. Въ образованномъ русскомъ обществѣ того времени оставалось еще немало людей, не умѣвшихъ растолковать себѣ смысла этого патріотическо-археологическаго донъ-кихотства. Они видѣли въ этомъ занятіи досужую затѣю, привлекательную развѣ только по своей безспорной ненужности, и, слыша о жертвахъ, приносимыхъ этому странному дѣлу, разводили руками съ такимъ же ко-

мичнымъ удивленіемъ, съ какимъ встрѣтили бы мы газетное извѣстіе о спортсменѣ, рѣшившемся проползти ничкомъ отъ Москвы до Петербурга. За то и наши спортсмены „родной старины“ мстили своимъ насмѣшникамъ самымъ безпощаднымъ христіанскимъ великодушіемъ: они не только весело, безъ ненависти и злости шли по саркастическому терновнику, которымъ усыпали ихъ плохо протоптанный путь, но даже находили досугъ выражать сожалѣніе о людяхъ, которые принимали на себя неблагодарный и непосильный трудъ смѣяться надъ ними. Такъ, Мусинъ-Пушкинъ, говоря въ одномъ изъ своихъ ученыхъ изданій о людяхъ моднаго французскаго воспитанія, тѣхъ самыхъ людяхъ, которые особенно ядовито глумились надъ любителями старины и болѣе всего отечественной старины, съ непритворною жалостью скорбитъ о томъ, что, привыкши просыпаться за полдень, никогда не видали они красоты солнечнаго восхода и не испытывали удовольствія слушать утреннее Божіе славословіе. Это были превосходные живые сюжеты для тогдашняго водевиля; но они нисколько не боялись опасности увидѣть въ театрѣ самихъ себя изъ партера на сценѣ. Такой счастливый характеръ, надобно думать, вырабатывался въ нихъ при помощи ихъ своеобразнаго отношенія къ предмету своей охоты; въ свою возню съ манускриптами они вносили такой взглядъ на дѣло или, выражаясь ихъ любимымъ словечкомъ ихъ же собственнаго издѣлія, такое „умоначертаніе“, которое помогало имъ не только побѣждать техническія трудности чтенія и разумѣнія древнихъ лѣтописей и актовъ, но даже понимать и цѣнить столь обветшалое и отсталое нравственное и политическое міросозерцаніе, какое свѣтится сквозь неуклюжія и неразборчивыя строки этихъ незанимательныхъ для тогдашняго философскаго ума и сердца произведеній отжившаго суевѣрія и произвола. Эти археологическіе Плюшкины были не простые любители-собиратели отъ скуки или по дурной привычкѣ, а набожные поклонники отечественной старины; собираніе древняго письменнаго тряпья и металли-

ческаго хлама было для нихъ не развлеченіемъ отъ нечего дѣлать, а дѣломъ піетета, нравственно-патріотическаго влеченія, однимъ изъ способовъ служенія человѣчеству, какъ тогда любили говорить. Среди пыльной ветоши, уцѣлѣвшей отъ родной старины наперекоръ времени и на зло тогдашнимъ абстрактнымъ инженерамъ будущаго, для нашихъ наивныхъ и конкретныхъ любителей старины не было вещей нужныхъ и ненужныхъ, памятниковъ болѣе важныхъ и менѣе важныхъ: всякая древняя русская рукопись, всякая древняя монета, найденная въ предѣлахъ Россіи, еще прежде, чѣмъ они успѣвали ее прочесть и обслѣдовать, самымъ своимъ видомъ, каждая по-своему, вѣщала имъ о родной старинѣ, была наглядным и осязательнымъ выраженіемъ ея духа. На ихъ благоговѣйный археофильскій взглядъ эти ветхіе хартіи и свитки въ своихъ таинственныхъ складкахъ хранили то, что вывѣтрилось изъ легкомысленныхъ современныхъ умовъ и сердецъ, добрые обычаи старины, „отцовъ нашихъ почтенные нравы“, черты самобытнаго національнаго характера. Это не могильные памятники съ печальными надписями объ угасшей жизни; это молчаливые сторожа, оставленные при народномъ сокровищѣ на время иноземнаго нашествія и ждущіе возврата хозяина, русскаго національнаго самосознанія. Наши любители, кажется, и на самихъ себя начинали смотрѣть тоже какъ на сторожей, приставленныхъ оберегать собираемые ими памятники до появленія исторіографа, который бы по нимъ достойно возсоздалъ исторію отечества. Не считая себя призванными къ такому дѣлу, они относились довольно платонически къ вещамъ, которыми они такъ дорожили. Внимательно разсматривая скопидомно собираемыя ими рукописи, „извлекая изъ-подъ спуда кроющіеся въ нихъ и свѣту неизвѣстные древности нашей отрывки“, они обогащали свои историческія познанія и при этомъ на каждомъ шагу встрѣчали любопытныя новости, иногда дѣлали и капитальныя открытія, отъ которыхъ затуманились бы глаза у современнаго спеціалиста. Находка Мусинымъ-Пуш-

кинымъ Слова о полку Игоревѣ, изданнаго имъ въ 1800 году, была блестящимъ завершеніемъ патріотическихъ усилій нашихъ антикваріевъ-любителей XVIII в. Но это были сдержанные открыватели, не спѣшившіе выставлять на-показъ свои архивныя Америки; они вообще мало и осторожно издавали, особенно подъ своими именами, еще меньше печатали ученыхъ изслѣдованій, довольствуясь комментаріями издаваемыхъ памятниковъ. Это не уменьшаетъ огромной услуги, оказанной ими русской исторіографіи: они сберегли много драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей старины, возбуждали интересъ къ ней въ равнодушномъ къ предметамъ подобнаго рода обществѣ, и какимъ бы досужимъ бездѣльемъ ни казались еще многимъ въ этомъ обществѣ ихъ археологическія хлопоты, они своимъ вліятельнымъ положеніемъ въ свѣтѣ ободряли болѣе робкихъ и не такъ благопріятно поставленныхъ работниковъ. Вспомнить о нихъ значитъ пожалѣть, что ихъ ужъ нѣтъ.

Такое отношеніе къ памятникамъ старины не могло не оказать дѣйствія на направленіе и задачи историческаго ихъ изученія; говоря точнѣе, это отношеніе само устанавливалось тѣми же задачами, какія ставили себѣ патріоты-любители при этомъ изученіи. Отечественная исторія не была для нихъ только предметомъ научной любознательности: они искали въ ней отвѣтовъ на живые практическіе запросы и нужды текущей жизни, надѣялись найти въ ней восполненіе того, чего, по ихъ мнѣнію, недоставало современному русскому обществу. Такимъ образомъ, ихъ любопытство вполнѣ органическимъ стимуломъ входило въ составъ цѣльнаго общаго взгляда, какой къ концу XVIII вѣка установился въ тѣсномъ кругу русскихъ образованныхъ людей на русскую исторію, на задачи и пріемы изученія русскаго прошедшаго и на отношеніе этого прошедшаго къ современному положенію вещей.

Обдуманное и своеобразное выраженіе этого взгляда находимъ въ сочиненіяхъ Болтина. Онъ самъ принадлежалъ

къ числу описанныхъ любителей и былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ по уму и образованію людей въ ихъ кругу. Довольно трудно разсказать, какимъ процессомъ мысли и изученія выработался у него этотъ взглядъ. У него замѣтно еще меньше писательскаго нетерпѣнія, чѣмъ у другихъ подобныхъ ему любителей того времени. Онъ не былъ охотникомъ выставлять свои ученыя занятія на показъ, предпочитая вести ихъ втихомолку, хотя и любилъ вмѣстѣ съ другими провозглашать, что извлечь изъ-подъ спуда неизвѣстные свѣту остатки русской древности значитъ „услужить отечеству“. До преклонныхъ лѣтъ онъ, повидимому, все еще считалъ себя ученикомъ, все готовился. Нѣкоторые вскрывшіеся потомъ слѣды этой подготовки показываютъ, какъ онъ тяжело вооружался. Объѣздивъ чуть не всю Россію, вездѣ ко всему прислушиваясь и присматриваясь, изучая нравы, обычаи, костюмы, говоры, промыслы и общественныя отношенія, онъ, въ то же время, „чрезъ многія лѣта въ отечественной исторіи упражняясь“, дѣлалъ выписки изъ русскихъ лѣтописей, грамотъ и другихъ сочиненій, составлялъ общій географическій словарь Россіи, изучалъ языкъ памятниковъ древнерусской письменности и началъ составлять толковый славяно-русскій словарь. Вмѣстѣ со свѣтскими людьми моднаго французскаго воспитанія онъ усердно читалъ наиболѣе популярныхъ писателей новой французской литературы: Бэйля, Вольтера, Монтескьё, Мерсье, Рейналя, Руссо и другихъ, и, въ то же время, изучалъ болѣе старыхъ и даже средневѣковыхъ западныхъ историковъ и публицистовъ: Лорьера, Конринга, Шопена, Буше, Клеманжи, Бомануара, не исключая и писавшихъ по латыни Бодена съ его Методомъ и Потгизера (De conditione et statu servorum apud Germanos). По усвоенной смолоду привычкѣ дѣлать выписки изъ читаемой книги, рукописи, документа, Болтинъ накопилъ себѣ путемъ разнообразнаго и усидчиваго многолѣтняго чтенія огромный запасъ бумажнаго матеріала; послѣ него осталось до ста связокъ разныхъ его рукописей,

которыя куплены были Екатериной II. Въ числѣ этихъ бумагъ оказался даже сдѣланный Болтинымъ и собственноручно перебѣленный переводъ французской энциклопедіи. Что цѣльнаго могло выработаться изъ такого разнообразнаго изученія и какое научное или практическое употребленіе надѣялся Болтинъ сдѣлать изъ своего запаса цитатъ, переводовъ, замѣтокъ, записокъ, житейскихъ наблюденій, историческихъ анекдотовъ? Онъ велъ эти работы для себя, „для собственнаго моего удовольствія“, по его признанію, руководясь своею личною любознательностью и не ставя себѣ никакой опредѣленной учено-литературной цѣли. Но онъ былъ слишкомъ уменъ, разсудителенъ и практиченъ, притомъ, до самой смерти слишкомъ занятъ по службѣ, чтобы стать безцѣльнымъ кабинетнымъ мѣшкомъ книжной всякой всячины, уличнымъ коробейникомъ своего настольнаго любимца Бэйлева словаря или праднымъ салоннымъ разносчикомъ пикантныхъ идей французскихъ энциклопедистовъ. Эти разностороннія изученія и наблюденія должны были объединяться какою-нибудь болѣе серьезною цѣлью или, по крайней мѣрѣ, разумнымъ побужденіемъ, которое и вскрылось случайно. Когда Болтину неожиданно для него самого пришлось мобилизовать для литературной полемики разнообразныя историческія, географическія, этнографическія и другія познанія, они у него оказались въ готовности и обдуманно и искусно направлены были къ одной цѣли, къ возможно многостороннему и глубокому уясненію памятниковъ и смысла отечественной старины и ея связи съ настоящимъ состояніемъ Россіи. Стало быть, эти свѣдѣнія заготовлялись и обрабатывались съ тою же цѣлью, хотя при этомъ и не имѣлось въ виду, что какой-нибудь иностранецъ Леклеркъ заставитъ взяться за перо и привести весь заготовленный арсеналъ въ боевое печатное движеніе. Въ Болтинѣ, по его характеру и „умоначертанію“, при той обстановкѣ, въ какой онъ вращался, и безъ иностранца Леклерка могла родиться потребность въ историческомъ изученіи, направленномъ къ такой цѣли. Въ самомъ

русскомъ обществѣ, какъ и въ русской литературѣ того времени, стоялъ такой хаосъ историческихъ, политическихъ, моралистическихъ и разныхъ другихъ сужденій, увлеченій и недоразумѣній, отъ котораго у размышляющаго и воспріимчиваго человѣка могла закружиться голова и заколебаться почва подъ ногами, и у разсудительнаго патріота само собою рождалось желаніе собственными усиліями пріобрѣсти твердую точку опоры среди этого вавилонскаго столпотворенія и отдать себѣ отчетъ въ томъ, что творится вокругъ, откуда все это пошло и какъ все это привести въ порядокъ. Нравственно-патріотическая потребность пріобрѣсти возможную устойчивость, говоря его словами, „въ защищеніи правды и отечества“ отъ кривыхъ или спутанныхъ толковъ, раздававшихся вокругъ, заставила Болтина приняться за разностороннее историческое изученіе „для собственнаго удовольствія“, не помышляя объ ученомъ авторитетѣ. Онъ хотѣлъ освоиться съ прошедшимъ и настоящимъ Россіи, съ прошедшимъ и настоящимъ Западной Европы; какъ военный человѣкъ, онъ считалъ необходимымъ для усиленія своей боевой готовности привести себя въ состояніе становиться фронтомъ на всѣ четыре стороны, но главный его фронтъ былъ обращенъ въ сторону отечественной старины, наименѣе укрѣпленную и подвергавшуюся наиболѣе отважнымъ нападкамъ со стороны „напоенныхъ сенскимъ воздухомъ гг. нашихъ полуфранцузовъ“, какъ выразился Н. И. Новиковъ. На этой оборонительной линіи Болтинъ хотѣлъ пріобрѣсти полную самостоятельность черпать научныя средства изъ самыхъ источниковъ и не боялся неопрятной работы ихъ очистки, собиралъ и сличалъ лѣтописи, провѣрялъ и возстановлялъ тексты, толковалъ темныя слова и обороты древняго языка. При сходствѣ интересовъ и понятій, онъ сблизился съ Мусинымъ-Пушкинымъ, „крайнимъ древностей нашихъ любителемъ“, какъ онъ его называлъ, и засиживался въ богатой рукописной библіотекѣ своего пріятеля, торопливо просматривая надписи и почеркъ рукописей. Скрытая грусть зву-

читъ въ его словахъ, когда онъ за три года до своей смерти писалъ, полемизируя съ кн. Щербатовымъ, что не имѣлъ еще времени прочесть всѣ эти заманчивыя рѣдкости, обѣщающія много важныхъ открытій, какъ бы предчувствуя, что онъ уже не успѣетъ это сдѣлать *).

Болтинъ пользовался авторитетомъ глубокаго знатока русской исторіи среди людей, его знавшихъ и интересовавшихся этимъ предметомъ. Къ нему обращались за указаніями, спрашивали о его мнѣніяхъ; сама императрица пользовалась его содѣйствіемъ въ своихъ занятіяхъ русскою исторіей и даже отдавала на его суровый судъ то, что она, по ея выраженію, „марала по исторіи“ (que je griffonnais sur l'histoire). Но ему было уже 50 лѣтъ, а въ русской литературѣ еще не появлялось прямыхъ слѣдовъ, накопленныхъ его многолѣтними трудами историческихъ знаній. Вѣроятно, эти знанія вмѣстѣ съ нимъ и умерли бы, если бы съ 1783 года не начала издаваться въ Парижѣ подъ пышнымъ заглавіемъ Исторія древней и новой Россіи нѣкоего Леклерка. Не случилось ничего особеннаго: французскій врачъ по профессіи и русскій педагогъ, даже почетный членъ русской академіи наукъ, по игрѣ случая, по авантюрѣ, чувствительный поэтъ и аферистъ, немножко Донъ-Кихотъ и немножко Хлестаковъ, Леклеркъ перехватилъ наскоро нѣсколько извѣстій у своего соотечественника Левека и нѣсколько у русскихъ своихъ корреспондентовъ, въ томъ числѣ у кн. Щербатова, и, исказивъ, какъ умѣлъ, сообщенное ему и имъ прочитанное, смастерилъ изъ всего этого многотомную книгу, въ которой обѣщалъ изложить всестороннюю исторію Россіи, т.-е. далъ читателю кучу „всякой всячины“, какъ выразился Болтинъ. Между прочимъ, новый историкъ наговорилъ немало обидныхъ вещей для русскаго національнаго самолюбія и надѣлалъ много новыхъ ошибокъ, которыхъ не успѣли еще сдѣлать другіе историки Россіи. Все это было въ порядкѣ

*) Примѣч. на кн. Щербатова, I, 252.

вещей: къ иностраннымъ щипкамъ національнаго самолюбія давно уже привыкло русское общество, а въ сферѣ новыхъ ошибокъ за иностранными повѣствователями о Россіи и тогда признавалось, какъ признается теперь, право на безконечныя новизны и открытія. Это право еще до Леклерка было конфирмовано Вольтеромъ, который на запросъ, зачѣмъ онъ въ своей книжкѣ о Петрѣ Великомъ исказилъ доставленные ему изъ Россіи матеріалы, отвѣчалъ, что онъ не привыкъ слѣпо списывать со всего, что ему присылаютъ, что у него есть свой взглядъ. Однако, ворчливый старикъ Болтинъ, читая „лжи и клеветы“ Леклерка на Россію, вскипятился не хуже набожнаго старообрядца, у котораго въ моленной накурили табакомъ, и онъ вознегодовалъ не столько на французскаго курильщика, сколько на нечестивый смрадъ, имъ напущенный. Онъ принялся писать критическія примѣчанія и писалъ ихъ для себя, для удовлетворенія своего возмущеннаго чувства, не помышляя объ ихъ изданіи; но, говорятъ, кн. Потемкинъ и другіе пріятели критика уговорили его приготовить разборъ книги Леклерка къ печати, а императрица въ 1788 г. на свой счетъ издала этотъ трудъ въ двухъ томахъ. Одинъ изъ корреспондентовъ Леклерка, кн. Щербатовъ, самъ авторъ обширной исторіи Россіи, почувствовалъ себя задѣтымъ критикой Болтина и возражалъ. Болтинъ отвѣчалъ и загорѣлась полемика, слѣдствіемъ которой были новые два тома критическихъ примѣчаній Болтина на первые томы исторіи кн. Щербатова.

Остается поблагодарить „дерзкаго клеветника и сущаго враля“, какъ не совсѣмъ учтиво величаетъ сердитый генералъ-майоръ своего противника: своею легкомысленною болтовней заносный историографъ заставилъ туземнаго знатока выйти изъ его любительскаго молчанія и выступить съ готовымъ цѣльнымъ и стройнымъ взглядомъ на прошедшее и настоящее Россіи, т.-е. съ такою новостью, которая едва ли не впервые появлялась въ нашей литературѣ съ выходомъ толстыхъ книгъ Болтина въ четвертую долю листа. Но этому

взгляду, по самому характеру своего труда, критикъ не могъ придать цѣльнаго изложенія, высказывалъ его по частямъ, осколками, когда разбираемая книга давала къ тому поводъ. Только собирая и склеивая эти разбросанные въ разныхъ мѣстахъ осколки, можно возстановить цѣльность и стройность историческихъ воззрѣній Болтина, впрочемъ, со значительными недомолвками и пробѣлами, которые можно восполнить только догадками.

Этотъ взглядъ имѣлъ самую тѣсную связь съ ходомъ просвѣщенія въ Россіи XVIII в. и разсматриваемый отдѣльно отъ него покажется совершенно неожиданнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, имѣвшій европейское образованіе, черпавшій знанія и идеи изъ тѣхъ же источниковъ, которыми питались тогдашніе русскіе вольтерьянцы, — этотъ самый человѣкъ высказывалъ воззрѣнія очень близкія ко взглядамъ его противника кн. Щербатова, только безъ сантиментальности послѣдняго. Болтинъ нерѣдко выступаетъ однимъ изъ тогдашнихъ стародумовъ до-петровскаго закала, своего рода боковымъ предкомъ славянофильства,—и это со своимъ любимымъ словаремъ Бэйля въ рукахъ!

Такія кажущіяся несообразности въ явленіяхъ русскаго просвѣщенія XVIII в. происходили отъ того, что русскій просвѣщенный человѣкъ того вѣка, при видимой своей педагогической простотѣ и элементарности, былъ очень сложнымъ умственнымъ и нравственнымъ составомъ, въ который входили разные культурные элементы, притомъ, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, иногда очень досуже и замысловато придуманныхъ. Прежде всего, надъ этимъ составомъ много поработало законодательство, примѣняя его то къ текущимъ практическимъ и, притомъ, матеріальнымъ нуждамъ государства, то къ отвлеченнымъ воззрѣніямъ законодателей, руководившихся лишь снисходительнымъ вниманіемъ къ потребностямъ общества, а иногда вступавшимъ даже въ открытую полемику съ его понятіями и вкусами. Достаточно припомнить превосходный въ своемъ родѣ Уставъ шля-

хетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса для воспитанія и обученія благороднаго россійскаго юношества 1766 г. съ сопровождающими его педагогическими трактатами, чтобы видѣть, какимъ сложнымъ санитарно-морально-дидактическимъ процессомъ надѣялись тогдашніе руководители воспитанія „вкоренить въ нѣжныя сердца добронравіе и любовь къ трудамъ, словомъ, новымъ воспитаніемъ новое бытіе намъ даровать и новый родъ подданныхъ произвести“. Съ своей стороны и русское общество приложило стараніе, чтобы еще болѣе осложнить составъ русскаго просвѣщенія, вводя въ воспитаніе юношества если не прямо антилегальные, то внѣлегальные и большею частью рѣшительно антипедагогическіе элементы и мотивы, напр., знакомя 12--13-ти-лѣтнихъ недорослковъ съ пикантными произведеніями тогдашней французской литературы. Благодаря этому участію общества въ воспитаніи своего юношества, предписанныя педагогическія программы иногда получали такое практическое исполненіе и приводили къ такимъ наглядымъ результатамъ, къ такимъ нравственнымъ и умственнымъ формаціямъ, какихъ и не предвидѣлъ законодатель, и онъ ужъ, конечно, не начерталъ бы такой программы, если бы ихъ предвидѣлъ. Законодательству не привыкать терпѣть такія неудачи. Извѣстно, какое трудное и великое дѣло составить удачный законъ. „Не такъ легко писать законы, какъ для больныхъ рецепты“, — ядовито замѣчаетъ Болтинъ въ одномъ мѣстѣ Леклерку, коля ему глаза его ремесломъ. Но двусторонняя рецептура русскаго просвѣщенія XVIII вѣка не прошла легко и безслѣдно. Трудно объяснить, какъ это случилось, но можно замѣтить, что это просвѣщеніе начало плескать въ противоположныя стороны, подобно безпорядочно взболтанной водѣ въ мелкомъ сосудѣ. Въ русскомъ просвѣщенномъ обществѣ все замѣтнѣе выступали рѣзкія крайности, несговорчивые контрасты, вытѣсняя переходныя, уживчивыя и житейски-удобныя комбинаціи; происходила своего рода поляризація просвѣщенія. Взгляды обращались въ противоположныя сто-

роны, потому что, какъ выразился одинъ русскій писатель начала XVII в. о своихъ современникахъ, каждый повертывался спиной къ другому, и одни смотрѣли на востокъ, а другіе на западъ. Одни, познавъ просвѣщеніе, ничего уже не хотѣли знать, кромѣ просвѣщенныхъ странъ, и отворачивались отъ своего отечества, подобно сумароковскому петиметру, который и своего русскаго языка знать не хотѣлъ и жаловался, зачѣмъ онъ родился русскимъ. Другіе, наблюдая печальные плоды просвѣщенія въ современной дѣйствительности, отворачивались отъ нея и отъ самого просвѣщенія и переселялись помыслами и чувствами въ до-петровскую старину, гдѣ искали добрыхъ нравовъ и самобытныхъ понятій и находили все это, находили и много такого, чего тамъ не было, но чего искали. Русскіе полуфранцузы, ослѣпленные свѣтомъ европейскаго просвѣщенія, не видѣли уже ничего свѣтлаго въ родной средѣ, и она въ ихъ глазахъ наполнялась непроглядною тьмой, а архирусскіе старовѣры мысли, насмотрѣвшись на эти темныя пятна современнаго просвѣщенія, боязливо или брезгливо закрывали глаза и мысленно переносились въ прошедшее; но свѣтъ билъ и на ихъ опущенныя вѣки, и подъ его болѣзненнымъ дѣйствіемъ ихъ историческія воспоминанія превращались въ фантастическіе миражи. Такъ и западное просвѣщеніе, и русская дѣйствительность съ обѣихъ сторонъ терпѣли напраслину и становились безъ вины виноваты: первое—въ томъ, что имъ не умѣли пользоваться и, вмѣсто того, чтобы освѣщать темные предметы, слѣпили ихъ собственные глаза, а вторая—въ томъ, что въ ней искали того, чего не находили, или находили то, чего не желали.

Зрѣлище страннаго движенія представило бы русское просвѣщенное общество, если бы составилось только изъ чистыхъ западниковъ и восточниковъ, повернувшихся спинами другъ къ другу, среди многаго множества людей непросвѣщенныхъ, но тоже кое о чемъ размышлявшихъ—это общество лебедя, щуки и рака. Къ счастью, приблизительно

съ половины вѣка, съ того времени, когда сверстники Болтина выходили изъ дѣтства, въ это общество стали проникать или въ немъ самомъ пробивались новыя теченія, подъ вліяніемъ которыхъ оба господствовавшіе въ немъ непримиримые типа просвѣщенныхъ людей начали разлагаться и перерождаться, образуя новые культурные составы, между которыми стали возможны мирныя встрѣчи и обоюдныя уступки. Прежде всего господство Бирона и нѣмцевъ, нашествіе „сатаны и аггеловъ его“, по выраженію елизаветинскихъ церковныхъ ораторовъ, вмѣстѣ съ внѣшними успѣхами Россіи пробудили патріотическое одушевленіе, чувство народной гордости. Потомъ подъ накладные французскіе парики стали проникать новыя заносныя идеи, и ихъ встрѣчали тамъ тѣмъ гостепріимнѣе, что онѣ были землячки этихъ париковъ, приходили съ тѣхъ же сенскихъ береговъ, на которыхъ еще до ихъ прихода поселились сердцемъ ихъ новые послушные адепты. Съ одной стороны, „молодые кощуны, ненавидящіе свое отечество“, какъ ихъ характеризовалъ потомъ Новиковъ, привыкшіе пересмѣхать самыя добродѣтели предковъ нашихъ, подъ давленіемъ патріотической возбужденности окружающихъ стали поджимать губы и внимательнѣе присматриваться къ столь неожиданно для нихъ ободрившейся отечественной дѣйствительности, а новыя просвѣтительныя идеи, упавшія на бригадирскихъ Иванушекъ, какъ новая повинность свѣтскаго приличія, вообще приневоливали ихъ серьезнѣе смотрѣть на вещи. Передъ этимъ болѣе серьезнымъ взглядомъ все замѣтнѣе выступали пятна и въ западномъ вліяніи, и въ проводившей его у насъ реформѣ Петра, съ которой западные вели бытіе Россіи и свое собственное. Скептическое отношеніе къ Западной Европѣ овладѣвало даже такими людьми, которые по своему образованію не могли быть суевѣрными европоѣдами и сами много черпали изъ европейскаго культурнаго запаса для своего просвѣщенія: подобно Фонъ-Визину они только и замѣчали въ Европѣ, что тамъ-то „во всемъ генерально хуже

нашего", а тамъ-то „весьма много свинства" и т. п. Съ своей стороны, и идиллики родной старины стали благосклоннѣе относиться къ людямъ моднаго воспитанія, замѣчая въ нихъ зачатки серьезнаго мышленія; начали трезвѣе смотрѣть на отечественную старину и на Западную Европу, а что было всего важнѣе, пришли, наконецъ, къ той простой, но всегда трудно усвояемой мысли, что великіе предки не могли совершенно выродиться въ негодныхъ потомковъ, не оставивъ достойныхъ продолжателей своего дѣла; что старина живетъ въ современной дѣйствительности. Такъ обѣ стороны сдѣлали взаимныя уступки: одни поступились нѣсколько своими западными идеалами, другіе—своими противоевропейскими антипатіями и археологическими иллюзіями, а тѣ и другіе вмѣстѣ—своимъ общимъ равнодушіемъ къ настоящему положенію отечества. Вниманіе къ современной дѣйствительности, расширяясь и осложняясь новыми интересами и чувствами, постепенно выросло въ любовь къ отечеству. Эта любовь и послужила почвой, на которой враждебныя воззрѣнія могли встрѣтиться мирно и понять другъ друга. На страницахъ тогдашнихъ журналовъ разыгрывались любопытныя полемики и высказывались характерныя признанія. Такъ, въ Зрителѣ 1792 г. западникъ изъ Орла, отвѣчая на упреки патріотовъ въ наклонности унижать отечественное, пишетъ: „Вы душевно привязаны къ своему отечеству, и я тоже. Какъ же одна причина могла произвести разныя дѣйствія? А вотъ почему: вы любите его какъ любовницу, а я какъ друга". Когда противники заспорятъ о качествѣ своей привязанности къ одному и тому же предмету, дѣло непремѣнно кончится тѣмъ, что предметъ общей привязанности сблизитъ и помиритъ соперниковъ. Укоренившись на этой питательной почвѣ, самыя воззрѣнія и настроенія нѣсколько переродились: если, съ одной стороны, фетишистское поклоненіе Западной Европѣ стало смѣняться почтительнымъ отношеніемъ къ западноевропейской наукѣ, научною любознательностью, то и съ другой—чувство народной гордости переходило въ чувство

нравственной связи съ роднымъ народомъ, самопрославленіе смѣнялось стремленіемъ къ самопознанію. Эти перемѣны въ воззрѣніяхъ и настроеніяхъ не могли не оказать прямого дѣйствія и на ходъ, задачи и пріемы историческаго изученія, особенно изученія отечественной исторіи. Мысль открыть свѣту древность и славныя дѣла россійскаго народа, въ чемъ видѣлъ задачу русской исторіографіи Ломоносовъ, теперь соединилась съ потребностью уяснить себѣ самимъ ходъ и смыслъ своего прошлаго; потребность написать достойную исторію своего народа осложнилась мыслью о необходимости прежде изучить ее основательно; наконецъ, нападки на русскую жизнь со стороны пробудили желаніе познакомиться для сравненія съ историческою жизнью другихъ странъ.

Историческій взглядъ Болтина выросъ и воспитался на этой почвѣ сближенія и примиренія враждовавшихъ воззрѣній и настроеній и съ этой стороны онъ самъ по себѣ, помимо своихъ научныхъ качествъ, является выразительнымъ признакомъ извѣстнаго перелома въ умахъ или извѣстнаго уровня, до котораго поднялось общественное сознаніе. Важно уже одно то, что это былъ взглядъ, попытка составить себѣ ясное и отчетливое представленіе о цѣломъ предметѣ, которое, легко проникая въ умственный оборотъ общества, незамѣтно направляло и исправляло ходячія мнѣнія, будило общественную мысль, какъ нѣсколько капель хорошаго вина незамѣтно оживляютъ кровообращеніе.

Впрочемъ, мы поступили довольно произвольно, взявшись за опредѣленіе особаго историческаго взгляда Болтина: такого особаго взгляда у него не было. У него были убѣжденія и чувства религіозныя, нравственныя, политическія, гражданскія, въ составъ которыхъ входили и извѣстныя историческія представленія; но эти убѣжденія и чувства такъ органически срослись другъ съ другомъ при помощи единства своихъ основаній, а эти представленія проходили черезъ нихъ такими неуловимыми нервными нитями, что ихъ трудно

разнять и расщипать на отдѣльныя волокна. Его цѣльное „умоначертаніе“ построено было такъ просто и неуютно, что его неудобно разгородить на мелкія клѣтки, по которымъ можно было бы размѣстить его понятія и правила, одни по категоріямъ чистаго мышленія, другія по соображеніямъ житейской мудрости. Потому и историческій взглядъ Болтина трудно выдѣлить изъ общей связи его воззрѣній. Обсуждая современную дѣйствительность, онъ ни на минуту не забывалъ исторіи, какъ, объясняя историческое явленіе, онъ не выпускалъ изъ глазъ своего времени. У него были свои мысли о прошедшемъ и настоящемъ Россіи, какъ и свои чаянія о ея будущихъ судьбахъ. Но прошедшее и настоящее были для него только навязанныя привычкой грамматическія формы выраженія непрерывнаго историческаго процесса или оптическія иллюзіи, подобныя впечатлѣнію движущагося по небесному своду солнца. Трудно припомнить русскаго историческаго писателя, который бы яснѣе сознавалъ, что старина живетъ въ современномъ, и живѣе чувствовалъ въ старинѣ корни современнаго. Иногда онъ совершенно врасплохъ захватываетъ мысль читателя на далекой древности и ставитъ ее прямо передъ какимъ-либо выразительнымъ явленіемъ своего времени, освѣщающимъ эту древность. Оспаривая мнѣніе кн. Щербатова, будто древніе новгородцы, вслѣдствіе своихъ торговыхъ успѣховъ и богатства, привыкли къ сластолюбію, Болтинъ утверждаетъ, что торговля къ сластолюбію не пріучаетъ, при чемъ ссылается на примѣръ торговыхъ и воздержныхъ голландцевъ и тутъ же прибавляетъ: „противное сему въ самихъ себѣ обрѣтаемъ, ни торговли, ни богатства не имѣя, въ роскоши и сластолюбіи всѣхъ богатѣйшихъ народовъ превзошли“. Тотъ же кн. Щербатовъ неловко разсказалъ о томъ, какъ Всеволодъ III, желая подкрѣпить противъ враговъ своего пріятеля и кіевскаго посаженника Рюрика, потребовалъ у него себѣ нѣсколько городовъ изъ его княжества. Вотъ отличный другъ, возражаетъ Болтинъ, и надежное средство къ подкрѣпленію: подобнымъ

образомъ нынѣ (писано въ 1789—90 гг.) прусскій король предлагаетъ Польшѣ, видя ея изнеможеніе, чтобы она для умноженія своихъ силъ уступила ему Данцигъ и Торнъ. Этою цѣльностью взгляда объясняется калейдоскопическое разнообразіе аргументаціи у Болтина; чего-чего только ни встрѣтишь въ его полемическомъ арсеналѣ, начиная элементарною истиной исторической азбуки и кончая послѣднимъ словомъ тогдашней политической и исторической литературы: рядомъ идутъ у него общій историческій законъ и наивный архаическій обычай русскаго захолустья, трактатъ о причинахъ возвышенія цѣнъ въ Россіи XVIII вѣка, замѣчанія о значеніи счастья и свободы и историческая справка о томъ, какъ понимаютъ поцѣлуй у разныхъ народовъ. Такая видимая хаотичность—обычный признакъ міросозерцаній, выработанныхъ путемъ опыта и наблюденія на самомъ толкѣ жизни, а не въ тишинѣ закупореннаго кабинета, гдѣ отвлеченнымъ мышленіемъ отливаются математическія схемы, прозрачныя и кристаллически-правильныя, какъ альпійскіе льды, но за то ломкія и холодныя, какъ они же. У Болтина графическая размѣренность воззрѣній замѣнялась живою подвижностью гибкаго соображенія; у него все было такъ слажено и пригнано одно къ другому, что его сложный научный приборъ легко приводился въ движеніе; житейское наблюденіе влекло за собой рядъ историческихъ соображеній, изъ которыхъ сами собой, безъ видимой нажимки, выпадали научный выводъ или практическое правило.

Можетъ быть, историческія сужденія Болтина въ свое время потому и не произвели заслуженнаго впечатлѣнія, что ихъ нельзя было оторвать отъ всего склада его мыслей и убѣжденій, а тогда такихъ сложныхъ и цѣльныхъ умственныхъ и нравственныхъ складовъ не любили или не понимали въ русскомъ обществѣ. Здѣсь въ тотъ вѣкъ было не мало сильныхъ, даже слишкомъ сильныхъ и прямолинейныхъ характеровъ, подобныхъ однополчанину и пріятелю Болтина кн. Потемкину, но было большою рѣдкостью цѣльное міро-

созерцаніе. Вѣроятно, это происходило отъ того, что сильные характеры создаются какъ-то природой или складомъ обстоятельствъ, а цѣльныя міросозерцанія только внутреннею личною работой человѣка надъ самимъ собой. Пародируя извѣстную фразу Фигаро о гр. Альмавивѣ, можно сказать, что въ русскомъ обществѣ XVIII в. умѣли родиться сильные люди, но не умѣли вырабатываться цѣльные умы. Всего труднѣе было въ этомъ обществѣ, гдѣ давали тонъ „случайные“ люди вѣка, жившіе день-за-день, мыслившіе сами себя только минутными дождевыми пузырями,—всего труднѣе было вкоренить здѣсь мысль, что въ исторіи нѣтъ ничего случайнаго, и міръ не творится вновь каждый день съ восходомъ солнца, что эти постоянно лопавшіеся пузыри возникаютъ и исчезаютъ по точному смыслу законовъ вѣковѣчнаго историческаго процесса, и эти безродныя знаменитости, выкидываемыя капризомъ фортуны на поверхность жизни, могутъ, буде того пожелаютъ, умирать безъ потомства, но не сумѣютъ обойтись безъ предковъ. За то какъ разъ по умственной мѣркѣ и даже по вкусу тогдашнему просвѣщенному русскому обществу приходился другой пріемъ исторической методики Болтина. Это общество привыкло все русское мѣрить западноевропейской мѣркой и такимъ образомъ подготовилось къ сравнительно-историческому взгляду на вещи, а такой взглядъ былъ однимъ изъ принциповъ того умоначертанія, котораго держались русскіе образованные люди болтинскаго образа мыслей. Только у нихъ этотъ взглядъ имѣлъ болѣе сложное происхожденіе. Политическія и историческія идеи просвѣтительной литературы вѣка въ томъ составѣ, какъ онѣ воспринимались просвѣщенными русскими людьми, поселяли въ ихъ сознаніи не мало противорѣчій и недоразумѣній. Раціоналистическая обработка и космополитическая тенденція этихъ идей располагали къ такимъ отвлеченнымъ построеніямъ человѣческаго общежитія, которыя были столь же далеки отъ русской, какъ и отъ европейской дѣйствительности, являлись не выраженіемъ или поправкой, а подчасъ радикаль-

нымъ отрицаніемъ и горькимъ осужденіемъ существующаго исторически-сложившагося порядка. Въ этихъ новыхъ воззрѣніяхъ явственно выступали двѣ мысли: 1) о закономѣрности историческаго процесса и 2) о возможности построить, точнѣе—перестроить жизнь человѣчества по началамъ разума. Охотно усвояли себѣ эти мысли, но считали ихъ несовмѣстимыми и затруднялись ихъ примиреніемъ, потому что въ исторической закономѣрности видѣли нѣчто фаталистическое, слѣдовательно, неразумное, а вѣчныя начала разума не всегда достаточно отличали отъ капризнаго прожектерства разумниковъ. При болѣе углубленномъ обсужденіи предмета находили и внутреннее логическое согласіе между этими видимо непримиримыми тезисами. Неразумная историческая дѣйствительность, если ужъ рѣшено, что она неразумна, есть плодъ злоупотребленія историческими силами, происходящаго отъ непониманія ихъ свойствъ и законовъ ихъ дѣйствія, а, можетъ быть, и самая неразумность ея есть только наше недоразумѣніе, подобное тому, какъ не умѣя предостеречься отъ такъ-называемыхъ возмущеній въ физической природѣ, иногда съ досадой считаемъ ихъ отступленіями отъ физически закономѣрнаго или провиденціально направляемаго порядка. Значитъ, неразумная дѣйствительность есть не болѣе, какъ плодъ нашего собственнаго неразумія или недоразумѣнія, а разумная перестройка ея будетъ только возстановленіемъ либо нормальнаго закономѣрнаго дѣйствія историческихъ силъ, либо правильнаго пониманія дѣйствующаго историческаго порядка.

Боимся взвести напраслину на современныхъ Болтину русскихъ мыслителей, утверждая, что они предвосхитили гегеліанское пониманіе разумности существующаго; но что живущіе люди своимъ неразуміемъ могутъ испортить существованіе себѣ и своимъ ближайшимъ потомкамъ—это, по крайней мѣрѣ, у Болтина высказывается не разъ явственно и даже настойчиво. Эта мысль возможна только при ясномъ представленіи о нормальномъ и разумномъ ходѣ вещей, а

космополитическія теоріи и раціоналистическіе пріемы мышленія, помощію которыхъ составилось это представленіе, сведены были русскими мыслителями къ тому окончательному итогу, что закономѣрное и разумное развитіе общества есть развитіе естественное, непринужденное, согласное съ условіями климата и почвы, слѣдовательно, самобытное, не подгоняемое и не искривляемое искусственно сторонними вліяніями. Такъ, западно-европейская мысль дала нашимъ патріотамъ-мыслителямъ оружіе противъ излишествъ западно-европейскаго вліянія, а когда послѣднее пыталось встать за свою оспариваемую монополію, новые неучтивые толчки, полученные отъ разсерженныхъ завоевателей взбунтовавшеюся русскою мыслью, помогли ей продвинуться еще на шагъ впередъ въ своей мятежной діалектикѣ и захватить новые опорные пункты, сдѣлать дальнѣйшіе выводы изъ похищеннаго украдкой у западно-европейской философіи тезиса. Въ этой самобытности и бѣда ваша, возражали обиженные учители, потому что вы самобытны, какъ варвары, не причастные общей жизни просвѣщеннаго міра: для васъ самихъ и всего человѣчества было бы выгоднѣе, если бы вы въ меньшей мѣрѣ обладали этою доблестью. Это возраженіе вызвало со стороны атакуемыхъ особую тактику самообороны, цѣлое національно-оборонительное мышленіе, оставившее нѣкоторые слѣды въ тогдашней и послѣдующей литературѣ. Діалектическая схема этой апологетики была довольно проста. Заѣзжіе наблюдатели въ литературѣ и гостиныхъ, выписные гувернеры въ учебныхъ комнатахъ возражали: „все у васъ дурно, да ничего хорошаго въ Россіи и не бывало, и вы только обезьяны, способныя перенимать“. Имъ отвѣчали: „а у васъ во всемъ генерально хуже нашего, и мы больше люди, нежели вы“. Такъ или почти такъ формулировалась сущность преній самими русскими полемистами. Въ наиболѣе наивной или запальчивой формѣ эта полемика очень походила на дипломатическій обмѣнъ мыслей, бывающій между поссорившимися дѣтьми, когда одинъ маленькій забіяка уго-

стить другого извѣстнымъ словомъ, на которое, по словамъ Гоголя, такъ щедръ человѣкъ, а обиженный отвѣтитъ ему: „ты самъ такой же“.

Въ этой перебранкѣ русскихъ апологетовъ скрывался несомнѣнный зародышъ сравнительно-историческаго метода. Они становились на любимую космополитическую точку зрѣнія своихъ противниковъ, замѣчали ихъ логическую непослѣдовательность и размышляли: насъ отлучаютъ отъ человѣчества только за то, что мы не во всемъ похожи на западныхъ европейцевъ, не отказывая въ званіи людей даже эскимосамъ, которые ни на что не похожи; стало быть, не умѣютъ ни мыслить правильно, ни судить справедливо, „а если бы взяли на себя трудъ разсматривать вещи добросовѣстно и безпристрастно и сравнивать ихъ философскимъ взглядомъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ остальномъ человѣческомъ родѣ, то увидѣли бы, что русскій народъ стоитъ приблизительно въ уровень съ остальными народами Европы“. Послѣднія слова принадлежатъ автору Антидота, апологетическаго труда, направленнаго противъ соотечественника Леклерка и его товарища по ремеслу издѣлія напраслинъ на Россію. Этотъ безыменный авторъ (Екатерина II) вырабатывалъ свои историко-апологетическіе взгляды изъ одинаковаго матеріала съ патріотами болтинскаго кружка и даже при ихъ прямомъ содѣйствіи. Онъ упрекаетъ своего ученаго противника въ томъ, что, ненавидя народъ русскій, онъ не разсматриваетъ человѣка, какъ жителя вселенной, вездѣ одинаковаго, и чувствуется добрая капля яду въ словахъ автора, когда онъ говоритъ, что иностранцы, не прощая русскимъ желанія оставаться самими собой, негодуютъ на то, что эти русскіе у себя дома смѣютъ казаться имъ иностранцами. Космополитическая точка зрѣнія помогла нашимъ мыслителямъ по-своему разбираться въ историческихъ явленіяхъ, столь тенденціозно запутываемыхъ. „Люди вездѣ люди,—писалъ Фонъ-Визинъ изъ-за границы,—прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ“. Значитъ, послѣдній—мѣстная рѣдкость,

а общечеловѣческое—то, что обыкновенно и что вездѣ встрѣчается. Поэтому темныя пятна, выступающія въ жизни отдѣльныхъ народовъ, русскаго, какъ и другихъ, надобно поставить на счетъ общаго несовершенства человѣческой природы, а подвиги и доблести, какъ злаки, выращиваемые мѣстными силами климата и почвы, должны быть причислены къ качествамъ національнаго характера, ни у кого не заимствуемымъ и никѣмъ не повторяемымъ, имѣющимъ свой корень во „врожденномъ свойствѣ душъ россійскихъ". Стало быть, необходимо изучать мѣстную отечественную исторію, но непремѣнно совмѣстно съ общею исторіей человѣчества, чтобы распознать, какіе страсти и пороки свойственны намъ, какъ людямъ, и какія доблести должны быть усвоены намъ, какъ русскимъ. Такое развитіе космополитической идеи можно признать довольно неожиданнымъ и гибкимъ оборотомъ русской патріотической діалектики прошлаго вѣка: космополитизмъ, обыкновенно враждебный мѣстному, національному, какъ чему-то зоологическому, былъ употребленъ опорой и стимуломъ патріотическаго чувства, и изъ историко-философскаго міросозерцанія, изъ идеальнаго общечеловѣческаго мѣрила превратился въ простой методологическій пріемъ, сталъ чѣмъ-то вродѣ химической кислоты, употребляемой для очистки туземнаго металла отъ общечеловѣческой примѣси. Въ такой діалектикѣ сказалось напряженіе оборонительнаго отпора, вызваннаго усиленнымъ натискомъ, какой во имя человѣчества дѣлали тогда на самобытность русской жизни. Въ этомъ методологическомъ космополитизмѣ не могло быть много того оптимизма, къ какому были наклонны чистые космополиты. Одинъ изъ послѣднихъ, молодой „русскій путешественникъ" по Западной Европѣ, ребромъ поставилъ совершенно обратную формулу космополитизма въ своихъ путевыхъ письмахъ, печатавшихся въ послѣдній годъ жизни Болтина, сказавъ: „все народное ничто предъ человѣческимъ; главное дѣло быть людьми, а не славянами". Такой космополитизмъ, по признанію его проповѣдника, питался созер-

цаніемъ природы, какъ обширнаго сада, въ которомъ зрѣетъ „божественность человѣчества“. Если бы Болтинъ, согласно тогдашнимъ ученіямъ, видѣвшій въ природѣ, прежде всего, извѣстное сочетаніе условій климата и почвы, вліяющихъ на образованіе національныхъ характеровъ, встрѣтилъ эту формулу и это признаніе Карамзина у своего пріятеля Леклерка, можетъ быть, онъ съ своею обычною ироніей записалъ бы въ критическихъ на него примѣчаніяхъ: и мы — граждане міра, сыны человѣчества, поколику міръ во злѣ лежитъ и поколику мы грѣшные люди. Болтину не пришлось встрѣтиться съ Карамзинымъ на учено-литературной аренѣ. Но его друзья, патріоты-апологеты, дожили до печальнаго торжества надъ своими противниками, увидѣвъ, какъ они послѣ революціи сидѣли и плакали на дымившемся еще пожарищѣ своего космополито-оптимистическаго міросозерцанія—и горше всѣхъ плакалъ Карамзинъ. Когда русскому путешественнику по Западной Европѣ привелось самому стать русскимъ историкомъ, онъ написалъ въ предисловіи къ своему монументальному труду: „Истинный космополитизмъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ — граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ; любимъ его, ибо любимъ себя“. Признаніе абиссинскаго гражданства наравнѣ съ европейскимъ со стороны настоящаго русскаго историка, котораго всю жизнь поджидалъ Болтинъ, вполнѣ оправдало его патріотическую апологетику, и покойный генералъ-майоръ, сошедшій въ могилу среди двусторонней борьбы съ невѣжественными хулителями и съ невнимательными почитателями русской исторіи, дождался, наконецъ, хотя посмертнаго права сказать: нынѣ отпущаеши...

Запальчивая полемика, какой подогрѣвалась патріотическая апологетика Болтина, была наноснымъ стимуломъ его критики, навязаннымъ его задорными или самоувѣренными противниками. Если снять этотъ налетъ, подъ нимъ окажутся

здравыя положенія исторической науки, не лишенныя новизны для тогдашней русской исторіографіи. Во-первыхъ, довольно послѣдовательно было выведено изъ тогдашнихъ философскихъ взглядовъ, что національная самобытность сама по себѣ не подлежитъ осужденію съ разумной и общечеловѣческой точки зрѣнія, какъ вещь, терпимая и даже поощряемая общимъ строемъ міровыхъ силъ, который не убиваетъ особей,—напротивъ, поддерживаетъ ихъ, приспособляя ихъ къ мѣстнымъ условіямъ, ибо мірозданіе построено на гармоніи индивидуальностей, а не на однообразіи безличностей. Возражая своему противнику, видѣвшему во всѣхъ отрасляхъ древне-русскаго управленія только звѣрство, политическое невѣжество и наклонность русскихъ грабить сосѣдей, Болтинъ писалъ, что не слѣдуетъ приписывать одному народу пороковъ и страстей, общихъ всему человѣчеству въ извѣстныя времена, на извѣстныхъ ступеняхъ развитія; но онъ не перегибалъ въ противную сторону положенія космополитовъ объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому, какъ тогда дѣлали въ русскихъ патріотическихъ журналахъ и гостиныхъ, не утверждалъ, что человѣчеству свойственны только пороки и страсти, и лишь одинъ русскій національный характеръ слагается только изъ добродѣтелей. Онъ не идеализировалъ ни древней, ни новой Россіи; не говорилъ, что у насъ все было хорошо, не отрицалъ недостатковъ русской жизни: онъ только не любилъ много говорить о нихъ, съ библейскою совѣстливостью страшился вскрыть срамъ матери своей. Зато при каждомъ злостномъ указаніи западно-европейскаго оппонента на политическій, соціальный, домашній или религіозный недостатокъ Россіи онъ приводилъ въ движеніе весь запасъ своей огромной начитанности, собиралъ всѣ средства своего остроумія, чтобы доказать, что на Западѣ было не лучше, если еще не хуже нашего, и доказывалъ это съ жаромъ, подчасъ поднимавшимся выше границъ общепринятаго приличія, съ фактическою изобразительностью, удручающею самое выносливое историческое воображеніе. Конечно, не

надо забывать, что мы имѣемъ дѣло не съ кабинетнымъ ученымъ, составляющимъ научную диссертацію, а съ патріотическимъ бойцомъ, отстаивавшимъ обижаемую чужакомъ родину. Но этой полемикѣ нельзя отказать и кое въ какомъ научномъ, именно методологическомъ значеніи: она пріучала, обороняя свое, пристально всматриваться въ чужое. Въ этомъ состоялъ второй основной научный результатъ исторической критики Болтина: освобождаясь отъ полемической горячки, его патріотическая оборона русской жизни превращалась въ спокойное сравнительное изученіе русской исторіи, а такое изученіе побуждало искать законовъ мѣстной народной исторіи и тѣмъ пріучало понимать закономѣрность общаго историческаго процесса.

Форма подстрочныхъ критическихъ примѣчаній, притомъ съ постоянными полемическими отступленіями, мало помогала стройному выраженію основныхъ историческихъ взглядовъ критика и послѣдовательному приложенію его методики къ явленіямъ русской исторіи. Дѣло спеціальнаго изученія собрать и свести въ нѣчто цѣльное отдѣльныя текстуальныя толкованія и фактическія объясненія Болтина, которыя самъ Шлецеръ признавалъ новыми и превосходными. Поминая Болтина, прежде всего, припоминаешь условія, въ которыхъ стояло у насъ историческое изученіе сто лѣтъ назадъ, интересы, которые возбуждали историческую мысль, средства, какими она располагала, препятствія, съ какими ей приходилось бороться. Только припомнивъ все это, поймешь, чего стоили Болтину иные выводы и соображенія, которые крупными зернами золота блестятъ въ безпорядочной массѣ критическихъ справокъ, фактическихъ подробностей и полемическихъ излишествъ. Всего цѣннѣе въ сочиненіяхъ Болтина самое отношеніе автора къ дѣлу, которому онъ посвящалъ свой досугъ: онъ смотрѣлъ на него, какъ на „служеніе отечеству“, т.-е. какъ на дѣло, которое слѣдуетъ дѣлать серьезно, сосредоточенно. Такое значеніе сообщала въ его глазахъ отечественной исторіи конечная цѣль ея, народное

самопознаніе, которое достигается путемъ сложнаго и разборчиваго изученія. Называя себя не болѣе, какъ трутнемъ въ республикѣ наукъ, поѣдающихъ чужіе труды, Болтинъ не признавалъ себя настоящимъ историкомъ, потому что предъявлялъ „исторіи, пишемой въ настоящій просвѣщенный вѣкъ“, требованія, которыхъ удовлетворить не считалъ себя способнымъ, и даже думалъ, что написать исторію народа едва ли подъ силу одному человѣку при всѣхъ дарованіяхъ, на то потребныхъ. Исторія не лѣтопись: „не все то пристойно для исторіи, что прилично для лѣтописи“. Отсутствіе полной хорошей исторіи Россіи онъ объясняетъ не недостаткомъ историческихъ матеріаловъ, „припасовъ“, а тѣмъ, что нѣтъ „искуснаго художника, который бы умѣлъ тѣ припасы разобрать, очистить, связать, образовать, расположить и украсить“. Что же пристойно для исторіи? Болтинъ отлично усвоилъ себѣ проведенное Вольтеромъ въ его знаменитомъ Опытѣ о нравахъ различіе между преходящими, случайными явленіями, не укладывающимися въ цѣпь историческихъ причинъ и слѣдствій, и коренными, постоянными фактами исторіи, между „приключеніями мимоходящими и обычаями“. Понимая требованія прагматизма не смѣшивать и не разрывать „союза временъ и происшествій“, слѣдить за обстоятельствами, нужными „для исторической связи и объясненія послѣдственныхъ бытій, причинъ ихъ и слѣдствій“, Болтинъ съ особеннымъ вниманіемъ вникалъ въ учрежденія, законы, занятія, нравы, обычаи, понятія, знанія, въ бытовыя мелочи, поговорки, возстановляя, такимъ образомъ, ткань быта, какъ бы сказать, физіологическую клѣтчатку, по которой шла жизнь народа. Ни у кого еще изъ русскихъ историческихъ писателей этотъ новый порядокъ историческихъ фактовъ не выступалъ такъ отчетливо и настойчиво, и никто изъ нихъ до Болтина, кажется, не подходилъ такъ близко къ наиболѣе сокрытымъ пружинамъ народной жизни, не докапывался до такихъ глубокихъ ея теченій. Привычка наблюдать явленія этого порядка сообщила ему чутье послѣдовательности исто-

рическаго процесса. Оспаривая быструю перемѣну въ нравахъ Руси, вдругъ освободившейся отъ своего варварства съ принятіемъ христіанства, Болтинъ возражаетъ кн. Щербатову, что такая перемѣна была бы чудомъ несравненно большимъ, чѣмъ стонъ идола, котораго, по лѣтописи, св. Владиміръ повелѣлъ стащить въ Днѣпръ.

Въ этихъ явленіяхъ, которыми обозначалось послѣдовательное движеніе народной жизни, Болтинъ искалъ постепеннаго проявленія народнаго „умоначертанія“, самобытнаго содержанія національнаго характера. Это помогло ему найти „точку времени“, которую можно было бы принять за начало нашей исторіи: такимъ начальнымъ моментомъ должно быть время, съ котораго стало обнаруживаться это содержаніе. Наша исторія началась съ зачатіемъ нашего народа, а это случилось, когда встрѣтились и породнились его родители, племена, отъ которыхъ онъ произошелъ. Эта встрѣча совершилась съ приходомъ Рюрика и руссовъ къ новгородскимъ славянамъ, что повело къ сліянію встрѣтившихся пришельцевъ и туземцевъ, образовавшихъ русскій народъ. „Слѣдственно Рюриково пришествіе есть эпоха зачатія русскаго народа“, который, можетъ быть, нѣчто заимствовалъ въ своемъ характерѣ отъ родителей, но современемъ заимствованное стало незамѣтно: „возмужало дитя, оказались новыя склонности, особенный нравъ, отъ обстоятельствъ и вещей его окружавшихъ породившіеся“. Соединившіеся славяне и руссы вобрали въ себя много другихъ племенъ и такъ составился цѣльный великій народъ, „который нравы и свойства получилъ сообразные климату, правленію и воспитанію, подъ коими онъ жилъ“.

Не столько важно такое начало исторіи, сколько то методологическое удобство, которое извлекъ изъ него Болтинъ. Показавъ, почему безполезно „далѣе Рюрика возводить нашу исторію и терять время въ тщетныхъ разысканіяхъ“, онъ погубилъ цѣлый пріемъ учености, процвѣтавшій нѣкогда у насъ и у другихъ народовъ, которые старались отыскать

себѣ праотцевъ среди дѣтей и внуковъ Ноя, какъ бы боясь, „чтобы не назвалъ ихъ кто незаконнорожденными“, если они не запасутся библейскою генеалогіей. Правда, и онъ не могъ обойтись безъ „тщетныхъ разысканій“ о невѣдомыхъ народахъ, нѣкогда населявшихъ нашу страну; но онъ поступилъ съ этимъ этнографическимъ столпотвореніемъ больше по-военному, чѣмъ по-ученому. Онъ раздѣлилъ эти народы на 4 дивизіи, на скиѳовъ—татаръ, гунновъ—калмыковъ, сарматовъ—финновъ и славянъ, и между ними распредѣлилъ прочія племена сомнительнаго происхожденія, литву, ятвяговъ и самихъ варяговъ повелъ въ сарматы, киргизовъ зачислилъ въ скиѳы, даже козаръ нашелъ возможнымъ произвести въ славяне. Только передъ русскими онъ остановился было въ раздумьи, но потомъ и ихъ откомандировалъ къ кимврамъ, т.-е. къ тѣмъ же сарматамъ. Развивая мысль Ломоносова о смѣшанномъ племенномъ составѣ историческихъ народовъ, Болтинъ придавалъ научное значеніе не „первоначальной породѣ“ ихъ составныхъ элементовъ, а новымъ образованіямъ, происходившимъ отъ ихъ смѣшенія и создавшимъ новые національные типы, которые и являются настоящими дѣятелями въ исторіи. Это дало Болтину смѣлость высказать своеобразную мысль, что хотя мы должны назвать своими праотцами и славянъ, смѣшавшихся съ русскими, но все заимствованное отъ нихъ „климатъ и время превратили въ русское, и едва ли осталась въ жилахъ нашихъ одна капля крови славянской“, и это случилось не съ одними славянами, но и со многими другими элементами, коихъ „имена и природы погрузились въ названіе и природу русскаго народа“, образовавшаго изъ себя новую историческую особь. Такая постановка дѣла отвязала мысль Болтина отъ генеалогическихъ басенъ и этнографическихъ гипотезъ и облегчила ему переходъ къ изученію культурно-историческихъ фактовъ, скрытыхъ въ надежныхъ памятникахъ. Возражая Леклерку, представлявшему русскихъ IX и X вв. кочевниками и первобытными лѣсными дикарями, Болтинъ

немногими крупными и выразительными чертами изобразилъ тогдашній уровень русской гражданственности въ небольшой, но яркой картинкѣ, которую пополнялъ въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій и въ которой доселѣ нечего поправить (I, стр. 76).

Такъ, переступая черезъ порогъ русской исторіи, Болтинъ зналъ, какъ и куда идти: хорошо выясненная точка отправленія и вѣрно намѣченная цѣль съ обѣихъ сторонъ освѣщали ему путь въ этой темной области знанія. Полемизируя съ своими противниками, онъ и прорепетировалъ съ ними всю русскую исторію, пересмотрѣлъ ея важнѣйшіе факты въ поперечномъ, какъ и въ продольномъ ея разрѣзѣ, останавливаясь на выдающихся эпохахъ или слѣдя за отдѣльными учрежденіями на всемъ пути ихъ развитія. Принятіе христіанства, политическій порядокъ удѣльныхъ вѣковъ, татарское иго, Грозный, смутное время и царствованіе Михаила, главные моменты русскаго законодательства съ ихъ памятниками, судьбы русскаго дворянства съ крѣпостнымъ правомъ и другими слившимися съ судьбой сословія учрежденіями, условія экономическаго быта народа—все это проходитъ передъ читателемъ въ постоянно мѣняющейся панорамѣ, освѣщаемой неперемѣнно то формулой закона историческаго процесса, то параллелью однородныхъ явленій западно-европейской исторіи, то сопоставленіемъ съ современнымъ автору состояніемъ Россіи; и среди этихъ монографическихъ изображеній авторъ, вслѣдъ за любопытными данными о населенности современной ему Россіи, въ легкомъ, но глубоко обдуманномъ сравнительно-историческомъ очеркѣ, доказывая Леклерку, что обширность Россіи не истощаетъ ея силъ, описываетъ образованіе и распространеніе русскаго государства въ связи съ колонизаціей страны и обрусѣніемъ встрѣчныхъ инородцевъ (II, 141).

Вооружая современнаго читателя наблюденіями надъ дѣйствіемъ историческихъ силъ и надъ ходомъ жизни древней Руси, Болтинъ подводилъ его къ XVIII вѣку, къ своему вре-

мени, и заставлялъ его сличать явленія своего вѣка какъ съ этимъ дѣйствіемъ, такъ и съ этимъ развитіемъ. Въ какомъ видѣ долженъ былъ представиться просвѣщенному читателю его вѣкъ при такомъ сопоставленіи? Подъ вліяніемъ мѣстныхъ физическихъ и историческихъ условій русскій народъ вышелъ довольно своеобразнымъ и менѣе похожимъ на другіе европейскіе народы, чѣмъ похожи они другъ на друга. Это естественно: „государства европейскія во многихъ чертахъ довольно сходны между собою; знавши о половинѣ Европы, можно судить о другой, примѣняясь къ первой; но о Россіи судить такимъ образомъ не можно, понеже она ни въ чемъ на нихъ не похожа“, хотя переживала одинаковыя съ ними затрудненія и положенія, имѣла сходныя „поведенія и дѣянія“. Она нажила себѣ свои нравы и обычаи, „качества сердца и души“, которыя, можетъ быть, не лучше, хоть и не хуже чужихъ, но свои и на чужіе не похожи. Не всѣ эти обычаи и нравы одинаково добры; но они помогли народу устроить общежитіе, которое тоже, если не лучше, то и не хуже, чѣмъ у другихъ, а качество народныхъ нравовъ и обычаевъ опредѣляется ихъ способностью соединять людей и устроять общежитіе. Въ самобытныхъ нравахъ и обычаяхъ выражается и ими поддерживается духовная энергія народа, даже его физическая крѣпость, они сообщаютъ ему нравственную физіономію. Но самобытность не обязываетъ къ неподвижности, и энергія не есть инерція. Условія жизни русскаго народа измѣнялись, новыя уничтожали или ослабляли дѣйствіе старыхъ; это и было причиною, „что нынѣшніе наши нравы со нравами нашихъ праотцевъ никакого сходства не имѣютъ“. Не должно измѣнять насиліемъ „народныя начала и образъ ихъ умствованія; удобнѣе законы сообразить нравамъ, нежели нравы законамъ; послѣдняго безъ насилія сдѣлать не можно“. Надобно очень хорошо знать сердце человѣческое, чтобы при исправленіи нравовъ не сдѣлать лишняго, поражая пороки, не ослабить добродѣтелей. Словомъ, нравы должны не срѣзываться хирургически, какъ мозоли, а

перерождаться физіологически, какъ обновляется вещество въ живомъ организмѣ. Вся эта столь извѣстная теперь историческая физіологія цѣликомъ прилагалась къ жизни русскаго общества для провѣрки нормальности ея отправленій. Древняя Русь выработала самобытные нравы и обычаи, полезные для общежитія, но страдала недостаткомъ просвѣщенія. Слѣдовало сохранить свои нравы и обычаи и заимствовать просвѣщеніе, знанія и искусства. Поступили наоборотъ: частію по винѣ закона, частію по увлеченіямъ общества, по принужденію или по легкомыслію, заимствовали не столько чужое просвѣщеніе, сколько чужіе нравы, притомъ, дурные, забывая свои добрые съ ихъ нравственными опорами, любовью къ отечеству, привязанностью къ вѣрѣ отцовъ. „И такъ, мы старое позабыли, а новаго не переняли, и, ставъ непохожими на себя, не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ быть желали".

Таково было послѣднее русское слово сравнительно-историческаго изученія русскаго прошедшаго въ XVIII в., и никто не сказалъ этого слова лучше Болтина. Вѣкъ русскаго просвѣщенія былъ осужденъ во имя просвѣщенія за то, что съ помощью этого просвѣщенія пытался стереть своеобразную физіономію народа и забыть свое прошлое. Но кто были эти мы, столь безнадежно осужденные? Это не могла быть современная Болтину Россія, которую онъ защищалъ съ такою любовью, съ такимъ знаніемъ и искусствомъ. Притомъ, именно Болтинымъ впервые высказана у насъ въ литературно-ученой обработкѣ мысль, что современность есть живой музей древностей, ходячая лѣтопись прошедшаго. Очевидно, это была та часть просвѣщеннаго русскаго общества, которая успѣла отрѣшиться отъ „народныхъ началъ и образа умствованія ихъ", созданныхъ русскою исторіей. Итакъ, во имя разума и просвѣщенія европейски-образованный человѣкъ осудилъ своихъ точно такъ же образованныхъ соотечественниковъ за то, что они отрицали отечественную старину и оставшуюся ей вѣрной современность, какъ неразумную и непросвѣщенную. Какъ могло это случиться? Очень просто:

эти соотечественники, скучая трудными источниками европейскаго просвѣщенія и черною работой, какой оно добывалось изъ нихъ, пили только его сладкія капли въ видѣ послѣднихъ словъ просвѣтительной литературы, въ которыхъ сказывалось ея презрѣніе не только къ русскому, но и ко всякому прошедшему, ея непониманіе законовъ и силъ не только русской, но и всякой исторіи. Болтинъ былъ слишкомъ просвѣщенный человѣкъ, чтобы довольствоваться послѣдними словами просвѣщенія, и слишкомъ умный человѣкъ, чтобы не вникнуть въ его источники и пріемы, которыми онъ и воспользовался для уясненія хода и смысла, какъ родного, такъ и чужого прошедшаго. Его правило было: „необходимо нужно, читая книги, а паче пишучи исторію, понимать чтомое". Притомъ, онъ черпалъ образованіе не изъ однихъ чуждыхъ источниковъ. Онъ отлично зналъ свое отечество и по своему домашнему воспитанію, и по многообразнымъ житейскимъ наблюденіямъ, и по усидчивымъ документальнымъ справкамъ. Двойнымъ свѣтомъ, туземнымъ и заимствованнымъ, онъ воспользовался не такъ, какъ тогда было въ обычаѣ на Руси—пользоваться тѣмъ и другимъ раздѣльно. Тогда одни употребляли только первый для того, чтобы не замѣчать втораго, а другимъ второй помогалъ только презирать первый. Болтинъ воспользовался туземнымъ просвѣщеніемъ, чтобы умѣть правильно употреблять заимствованное, а заимствованнымъ—чтобы лучше цѣнить туземное, и обоими вмѣстѣ—чтобы освѣтить родное прошлое сравнительно съ европейскимъ. Потому можно отвести ему особое мѣсто въ русской исторіографіи. И прежде, и послѣ него были русскіе историки Россіи, которые пытались взглянуть на нее европейскимъ историческимъ взглядомъ. Болтинъ побѣдилъ европейскаго историка Россіи, который хотѣлъ посмотрѣть на нее тѣмъ же взглядомъ; побѣдителю подобаетъ званіе русско-европейскаго историка, который и на исторію Европы первый попытался взглянуть русскимъ историческимъ взглядомъ.

Несмотря на успѣхи русской исторіографіи послѣ Болтина, его сочиненія доселѣ не утратили интереса. По нимъ все легче видѣть, какъ вопросы, давно возбужденные и не переставшіе занимать насъ, ставились и рѣшались сто лѣтъ назадъ лучшими русскими мыслителями того времени. Этимъ сравненіемъ наглядно вымѣряется пространство, пройденное русскою мыслью. Съ умомъ, привыкшимъ размышлять о строеніи и жизни человѣческихъ обществъ, Болтинъ сталъ передъ скуднымъ запасомъ едва разобранныхъ фактовъ нашей исторіи и передъ необозримою грудой совсѣмъ нетронутыхъ изученіемъ историческихъ памятниковъ. Своею трезвою, немного сухою мыслью, согрѣтою теплымъ патріотическимъ чувствомъ и вооруженною небрежнымъ, но острымъ словомъ, онъ пытался прослѣдить по этимъ памятникамъ протекшую жизнь своего отечества, сопоставляя ее на каждомъ шагу съ жизнью остальной Европы, — онъ первый попытался это сдѣлать и не безъ успѣха, стоившаго ошибокъ и большихъ усилій. Онъ не идеализировалъ древней Руси, не думалъ воскресить старину, воротить вчерашній день, подобно кн. Щербатову и другимъ просвѣщеннымъ старовѣрамъ своего времени; но онъ считалъ долгомъ гражданина изучить родную старину, потому что это изученіе вскрываетъ корни и уясняетъ смыслъ тѣхъ жизненныхъ началъ, которыя составляютъ силу современности. Это внушило ему простыя правила методики народнаго самопознанія: наблюдайте другихъ, чтобы лучше знать себя, помните, чѣмъ вы были, чтобы понять, чѣмъ вы стали, и пока не всмотритесь въ себя, не спѣшите походить на другихъ. Поставленные Болтинымъ вопросы стали послѣ него очередными задачами русской исторіографіи, а высказанныя имъ мысли незамѣтно проникли въ общество и въ литературу, оторвались отъ своего источника и безыменными каплями затерялись въ общественномъ сознаніи. У насъ нерѣдко повторяютъ, что впервые сказалъ Болтинъ, и очень рѣдко припоминаютъ, что Болтинъ первый сказалъ это.

Значеніе Преп. Сергія для русскаго народа и государства *).

Когда вмѣстѣ съ разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь въ ворота Сергіевой Лавры, иногда думаешь: почему въ этой обители нѣтъ и не было особаго наблюдателя, подобнаго древнерусскому лѣтописцу, который спокойнымъ неизмѣннымъ взглядомъ наблюдалъ и ровной безстрастной рукой записывалъ, „еже содѣяся въ Русской землѣ“, и дѣлалъ это одинаково изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, какъ будто это былъ одинъ и тотъ же человѣкъ, не умиравшій цѣлыя столѣтія? Такой безсмѣнный и не умирающій наблюдатель разсказалъ бы, какіе люди приходили въ теченіе 500 лѣтъ поклониться гробу Преподобнаго Сергія и съ какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во всѣ концы Русской земли. Между прочимъ онъ объяснилъ бы намъ, какъ это случилось, что составъ общества, непрерывною волной притекавшаго ко гробу Преподобнаго, въ теченіе пяти вѣковъ оставался неизмѣннымъ. Еще при жизни Преподобнаго, какъ разсказываетъ его жизнеописатель-современникъ, многое множество приходило къ нему изъ различныхъ странъ и городовъ, и въ числѣ приходившихъ были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, „на селѣ живущіе“. И въ наши дни люди всѣхъ классовъ русскаго общества притекаютъ ко гробу Преподобнаго со своими думами, мольбами и упованіями, государственные дѣятели приходятъ въ трудные переломы народной жизни, простые люди въ печальныя или радостныя минуты своего

*) Рѣчь на собраніи Московской Духовной Академіи въ память преп. Сергія. Напечатана въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, 1892 г., XI.

частнаго существованія. И этотъ притокъ не измѣнялся въ теченіе вѣковъ, несмотря на неоднократныя и глубокія перемѣны въ строѣ и настроеніи русскаго общества: старыя понятія изсякали, новыя пробивались или наплывали, а чувства и вѣрованія, которыя влекли сюда людей со всѣхъ концовъ Русской земли, бьютъ до сихъ поръ тѣмъ же свѣжимъ ключомъ, какъ били въ XIV в. Если бы возможно было воспроизвести писаніемъ все, что соединилось съ памятью Преподобнаго, что въ эти 500 лѣтъ было молчаливо передумано и перечувствовано предъ его гробомъ милліонами умовъ и сердецъ, это писаніе было бы полной глубокаго содержанія исторіей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Впрочемъ, если Преп. Сергій доселѣ остается для приходящихъ къ нему тѣмъ же, чѣмъ былъ для нихъ при своей жизни, то и теперь на ихъ лицахъ можно прочитать то же, что прочиталъ бы монастырскій наблюдатель на лицахъ своихъ современниковъ 400 или 500 лѣтъ назадъ. Достаточно взглянуть на первыя встрѣчныя лица изъ многаго множества, въ эти дни здѣсь тѣснящагося, чтобы понять, во имя чего поднялись съ своихъ мѣстъ эти десятки тысячъ, а сотни другихъ мысленно слѣдовали за ними. Да и каждый изъ насъ въ своей собственной душѣ найдетъ то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобнаго. У этого чувства уже нѣтъ исторіи, какъ для того, кто покоится въ этой гробницѣ, давно остановилось движеніе времени. Это чувство вотъ ужъ пять столѣтій одинаково загорается въ душѣ молящагося у этой гробницы, какъ солнечный лучъ въ продолженіе тысячелѣтій одинаково свѣтится въ каплѣ чистой воды. Спросите любого изъ этихъ простыхъ людей, съ посохомъ и котомкой пришедшихъ сюда издалека: когда жилъ Преподобный Сергій и что сдѣлалъ для Руси XIV вѣка, чѣмъ онъ *былъ* для своего времени? и рѣдкій изъ нихъ дастъ вамъ удовлетворительный отвѣтъ; но на вопросъ, что онъ *есть* для нихъ, далекихъ потомковъ людей XIV вѣка, и зачѣмъ они теперь пришли къ нему, каждый отвѣтитъ твердо и вразумительно.

Есть имена, которыя носили историческіе люди, жившіе въ извѣстное время, дѣлавшіе исторически-извѣстное жизненное дѣло, но имена, которыя уже утратили хронологическое значеніе, выступили изъ границъ времени, когда жили ихъ, носители. Это потому, что дѣло, сдѣланное такимъ человѣкомъ по своему значенію такъ далеко выходило за предѣлы своего вѣка, своимъ благотворнымъ дѣйствіемъ такъ глубоко захватило жизнь дальнѣйшихъ поколѣній, что съ лица, его сдѣлавшаго, въ сознаніи этихъ поколѣній постепенно спадало все временное и мѣстное, и оно изъ историческаго дѣятеля превратилось въ народную идею, а самое дѣло его изъ историческаго факта стало практической заповѣдью, завѣтомъ, тѣмъ, что мы привыкли называть идеаломъ. Такіе люди становятся для грядущихъ поколѣній не просто великими покойниками, а вѣчными ихъ спутниками, даже путеводителями, и цѣлые вѣка благоговѣйно твердятъ ихъ дорогія имена не столько для того, чтобы благодарно почтить ихъ память, сколько для того, чтобы самимъ не забыть правила, ими завѣщаннаго. Таково имя Преподобнаго Сергія: это не только назидательная, отрадная страница нашей исторіи, но и свѣтлая черта нашего нравственнаго народнаго содержанія.

Какой подвигъ такъ освятилъ это имя? Надобно припомнить время, когда подвизался Преподобный. Онъ родился, когда вымирали послѣдніе старики, увидѣвшіе свѣтъ около времени татарскаго разгрома Русской земли и когда уже трудно было найти людей, которые бы этотъ разгромъ помнили. Но во всѣхъ русскихъ нервахъ еще до боли живо было впечатлѣніе ужаса, произведеннаго этимъ всенароднымъ бѣдствіемъ и постоянно подновлявшагося многократными мѣстными нашествіями татаръ. Это было одно изъ тѣхъ народныхъ бѣдствій, которыя приносятъ не только матеріальное, но и нравственное разореніе, надолго повергая народъ въ мертвенное оцѣпенѣніе. Люди безпомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно от-

давались своему прискорбному положенію, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасомъ отцовъ, пережившихъ бурю, заражались дѣти, родившіяся послѣ нея. Мать пугала непокойнаго ребенка лихимъ татариномъ; услышавъ это злое слово, взрослые растерянно бросались бѣжать, сами не зная куда. Внѣшная случайная бѣда грозила превратиться во внутренній хроническій недугъ; паническій ужасъ одного поколѣнія могъ развиться въ народную робость, въ черту національнаго характера, и въ исторіи человѣчества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повѣствующая о томъ, какъ нападеніе азіатскаго монгола повело къ паденію великаго европейскаго народа.

Могла ли однако прибавиться такая страница? Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ великаго народа служитъ его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжко его униженіе, но пробьетъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянныя нравственныя силы и воплотитъ ихъ въ одномъ великомъ человѣкѣ или въ нѣсколькихъ великихъ людяхъ, которые и выведутъ его на покинутую имъ временно прямую историческую дорогу.

Русскіе люди, сражавшіеся и уцѣлѣвшіе въ бою на Сити, сошли въ могилу со своими сверстниками, безнадежно оглядываясь вокругъ, не займется ли гдѣ заря освобожденія. За ними послѣдовали ихъ дѣти, тревожно наблюдавшія, какъ многочисленные русскіе князья холопствовали передъ татарами и дрались другъ съ другомъ. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислушиваться къ необычнымъ дѣламъ въ Русской землѣ. Въ то время, какъ всѣ русскія окраины страдали отъ внѣшнихъ враговъ, маленькое срединное Московское княжество осталось безопаснымъ, и со всѣхъ краевъ Русской земли потянулись туда бояре и простые люди. Въ то же время московскіе князьки, братья Юрій и этотъ самый Иванъ Калита, смѣло, безъ оглядки и раздумья, пуская противъ враговъ всѣ доступныя средства, ставя въ игру все, что могли

поставить, вступили въ борьбу со старшими и сильнѣйшими князьями за первенство, за старшее Владимірское княженіе, и при содѣйствіи самой Орды отбили его у соперниковъ. Тогда же устроилось такъ, что и русскій митрополитъ, жившій во Владимірѣ, сталъ жить въ Москвѣ, придавъ этому городку значеніе церковной столицы Русской земли. И какъ только случилось все это, всѣ почувствовали, что татарскія опустошенія прекратились и наступила давно неиспытанная тишина въ Русской землѣ. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княженіе, когда ей впервые въ сто лѣтъ рабства удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Такъ къ половинѣ XIV в. подросло поколѣніе, выросшее подъ впечатлѣніемъ этой тишины, начавшее отвыкать отъ страха ордынскаго, отъ нервной дрожи отцовъ при мысли о татаринѣ. Недаромъ представителю этого поколѣнія, сыну великаго князя Ивана Калиты, Симеону современники дали прозваніе Гордаго. Это поколѣніе и почувствовало ободреніе, что скоро забрезжетъ свѣтъ. Въ это именно время, въ началѣ сороковыхъ годовъ XIV в., совершились три знаменательныя событія: изъ московскаго Богоявленскаго монастыря вызванъ былъ на церковно-административное поприще скрывавшійся тамъ скромный 40-лѣтній инокъ Алексій; тогда же одинъ 20-лѣтній искатель пустыни, будущій Преподобный Сергій, въ дремучемъ лѣсу—вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ—поставилъ маленькую деревянную келлію съ такой же церковію, а въ Устюгѣ у бѣднаго соборнаго причетника родился сынъ, будущій просвѣтитель Пермской земли св. Стефанъ. Ни одного изъ этихъ именъ нельзя произнести, не вспомнивъ двухъ остальныхъ. Эта присноблаженная троица яркимъ созвѣздіемъ блещетъ въ нашемъ XIV в., дѣлая его зарей политическаго и нравственнаго возрожденія Русской земли. Тѣсная дружба и взаимное уваженіе соединяли ихъ другъ съ другомъ. Митрополитъ Алексій навѣщалъ Сергія въ его обители и совѣтовался съ нимъ, желалъ имѣть его своимъ

преемникомъ. Припомнимъ задушевный разсказъ въ житіи Преподобнаго Сергія о проѣздѣ св. Стефана Пермскаго мимо Сергіева монастыря, когда оба друга на разстояніи 10 слишкомъ верстъ обмѣнялись братскими поклонами.

Всѣ три св. мужа, подвизаясь каждый на своемъ поприщѣ, дѣлали одно общее дѣло, которое простиралось далеко за предѣлы церковной жизни и широко захватывало политическое положеніе всего народа. Это дѣло—укрѣпленіе Русскаго государства, надъ созиданіемъ котораго по-своему трудились московскіе князья XIV в. Это дѣло было исполненіемъ завѣта, даннаго русской церковной іерархіи величайшимъ святителемъ древней Руси митрополитомъ Петромъ. Еще въ мрачное время татарскаго ига, когда ни откуда не проступалъ лучъ надежды, онъ, по преданію, пророчески благословилъ бѣдный тогда городокъ Москву, какъ будущую церковную и государственную столицу Русской земли. Духовными силами трехъ нашихъ св. мужей XIV в., воспринявшихъ этотъ завѣтъ святителя, Русская земля и пришла поработать надъ предвозвѣщенной судьбой этого города. Ни одинъ изъ нихъ не былъ кореннымъ москвичомъ. Но въ ихъ лицѣ сошлись для общаго дѣла три основныя части Русской земли: Алексій, сынъ черниговскаго боярина-переселенца, представлялъ старый кіевскій югъ, Стефанъ—новый финско-русскій сѣверъ, а Сергій, сынъ ростовскаго боярина-переселенца, великорусскую средину. Они приложили къ дѣлу могущественныя духовныя силы. Это были образованнѣйшіе русскіе люди своего вѣка; о нихъ древніе жизнеописатели замѣчаютъ, что одинъ „всю грамоту добрѣ умѣя“, другой „всяко писаніе ветхаго и новаго завѣта пройде“, третій даже „книги греческія извыче добрѣ“. Потому вѣдь и удалось московскимъ князьямъ такъ успѣшно собрать въ своихъ рукахъ матеріальныя, политическія силы русскаго народа, что имъ дружно содѣйствовали добровольно соединившіяся духовныя его силы.

Но въ общемъ дѣлѣ каждый изъ трехъ дѣятелей дѣ-

лалъ свою особую часть. Они не составляли общаго плана дѣйствій, не распредѣляли между собой призваній и подвиговъ и не могли этого сдѣлать, потому что были люди разныхъ поколѣній. Они хотѣли работать надъ самими собой, дѣлать дѣло собственнаго душевнаго спасенія. Дѣятельность каждаго текла своимъ особымъ русломъ, но текла въ одну сторону съ двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, въ видимой работѣ которыхъ вѣрующій умъ прозрѣваетъ міродержавную десницу Провидѣнія. Личный долгъ каждаго своимъ путемъ велъ всѣхъ троихъ къ одной общей цѣли. Происходя изъ родовитаго боярства, искони привыкшаго дѣлить съ князьями труды обороны и управленія страны, митрополитъ Алексій шелъ боевымъ политическимъ путемъ, былъ преемственно главнымъ совѣтникомъ трехъ великихъ князей московскихъ, руководилъ ихъ боярской думой, ѣздилъ въ орду ублажать хановъ, отмаливая ихъ отъ злыхъ замысловъ противъ Руси, воинствовалъ съ недругами Москвы всѣми средствами своего сана, каралъ церковнымъ отлученіемъ русскихъ князей, непослушныхъ московскому государю, поддерживая его первенство, съ неослабной энергіей отстаивая значеніе Москвы, какъ единственнаго церковнаго средоточія всей политически разбитой Русской земли. Уроженецъ г. Устюга, въ краю котораго новгородская и ростовская колонизація, сливаясь и вовлекая въ свой потокъ туземную Чудь, создавала изъ нея новую Русь, св. Стефанъ пошелъ съ христіанской проповѣдью въ Пермскую землю продолжать это дѣло обрусенія и просвѣщенія заволжскихъ инородцевъ. Такъ церковная іерархія благословила своимъ починомъ двѣ народныя цѣли, достиженіе которыхъ послужило основаніемъ самостоятельнаго политическаго существованія нашего народа: это—сосредоточеніе династически раздробленной государственной власти въ московскомъ княжескомъ домѣ и пріобщеніе восточноевропейскихъ и азіатскихъ инородцевъ къ Русской Церкви и народности посредствомъ христіанской проповѣди.

Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцевъ въ ограду христіанской Церкви, для этого самому русскому обществу должно было стать въ уровень столь высокихъ задачъ, приподнять и укрѣпить свои нравственныя силы, приниженныя вѣковымъ порабощеніемъ и унынiемъ. Этому третьему дѣлу, нравственному воспитанію народа, и посвятилъ свою жизнь Преподобный Сергій. То была внутренняя миссія, долженствовавшая служить подготовкой и обезпеченіемъ успѣховъ миссіи внѣшней, начатой пермскимъ просвѣтителемъ; Преподобный Сергій и вышелъ на свое дѣло значительно раньше св. Стефана. Разумѣется, онъ могъ примѣнять къ дѣлу средства нравственной дисциплины, ему доступныя и понятныя тому вѣку, а въ числѣ такихъ средствъ самымъ сильнымъ былъ живой примѣръ, наглядное осуществленіе нравственнаго правила. Онъ началъ съ самого себя и продолжительнымъ уединеніемъ, исполненнымъ трудовъ и лишеній среди дремучаго лѣса, приготовился быть руководителемъ другихъ пустынножителей. Жизнеописатель, самъ жившій въ братствѣ, воспитанномъ Сергіемъ, живыми чертами описываетъ, какъ оно воспитывалось, съ какой постепенностью и любовью къ человѣку, съ какимъ терпѣніемъ и знаніемъ души человѣческой. Мы всѣ читали и перечитывали эти страницы древняго житія, повѣствующія о томъ, какъ Сергій, начавъ править собиравшейся къ нему братіей, былъ для нея поваромъ, пекаремъ, мельникомъ, дровоколомъ, портнымъ, плотникомъ, какимъ угодно трудникомъ, служилъ ей, какъ рабъ купленный, по выраженію житія, ни на одинъ часъ не складывалъ рукъ для отдыха; какъ потомъ, ставъ настоятелемъ обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, онъ принималъ искавшихъ у него постриженія, не спускалъ глазъ съ каждаго новика, возводя его со степени на степень иноческаго искуса, указывалъ дѣло всякому по силамъ, ночью, дозоромъ ходилъ мимо келлій, легкимъ стукомъ въ дверь или окно напоминалъ празднословившимъ, что у монаха

есть лучшіе способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснѣть, „тихой и кроткой рѣчью“ вызывалъ въ нихъ раскаяніе безъ досады. Читая эти разсказы, видишь предъ собою практическую школу благонравія, въ которой сверхъ религіозно-иноческаго воспитанія главными житейскими науками были умѣнье отдавать всего себя на общее дѣло, навыкъ къ усиленному труду и привычка къ строгому порядку въ занятіяхъ, помыслахъ и чувствахъ. Наставникъ велъ ежедневную дробную терпѣливую работу надъ каждымъ отдѣльнымъ братомъ, надъ отдѣльными особенностями каждаго брата, приспособляя ихъ къ цѣлямъ всего братства. По послѣдующей самостоятельной дѣятельности учениковъ Преподобнаго Сергія видно, что подъ его воспитательнымъ руководствомъ лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, каждый оставался самъ собой и, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ сложнаго и стройнаго цѣлаго, какъ въ мозаической иконѣ различные по величинѣ и цвѣту камешки укладываются подъ рукой мастера въ гармоническое выразительное изображеніе. Наблюденіе и любовь къ людямъ дали умѣнье тихо и кротко настроивать душу человѣка и извлекать изъ нея, какъ изъ хорошаго инструмента, лучшія ея чувства,—то умѣнье, передъ которымъ не устоялъ самый упрямый русскій человѣкъ XIV вѣка, кн. Олегъ Ивановичъ рязанскій, когда по просьбѣ великаго князя московскаго Димитрія Ивановича, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, „старецъ чудный“ отговорилъ „суровѣйшаго“ рязанца отъ войны съ Москвой, умиливъ его тихими и кроткими рѣчами и благоувѣтливыми глаголами.

Такъ воспиталось дружное братство, производившее по современнымъ свидѣтельствамъ глубокое назидательное впечатлѣніе на мірянъ. Міръ приходилъ къ монастырю съ пытливымъ взглядомъ, какимъ онъ привыкъ смотрѣть на монашество, и если его не встрѣчали здѣсь словами *пріиди и виждь*, то потому, что такой зазывъ былъ противенъ Сер-

гіевой дисциплинѣ. Міръ смотрѣлъ на чинъ жизни въ монастырѣ Преподобнаго Сергія, и то, что онъ видѣлъ, бытъ и обстановка пустыннаго братства поучали его самымъ простымъ правиламъ, которыми крѣпко людское христіанское общежитіе. Въ монастырѣ все было бѣдно и скудно, или, какъ выразился разочарованно одинъ мужичокъ, пришедшій въ обитель Преподобнаго Сергія повидать прославленнаго величественнаго игумена, „все худостно, все нищетно, все сиротинско"; въ самой оградѣ монастыря первобытный лѣсъ шумѣлъ надъ кельями и осенью обсыпалъ ихъ кровли палыми листьями и иглами; вокругъ церкви торчали свѣжіе пни и валялись неубранные стволы срубленныхъ деревьевъ; въ деревянной церковкѣ за недостаткомъ свѣчъ пахло лучиной; въ обиходѣ братіи столько же недостатковъ, сколько заплатъ на сермяжной рясѣ игумена; чего ни хватись, всего нѣтъ, по выраженію жизнеописателя; случалось, вся братія по цѣлымъ днямъ сидѣла чуть не безъ куска хлѣба. Но всѣ дружны между собою и привѣтливы къ пришельцамъ, во всемъ слѣды порядка и размышленія, каждый дѣлаетъ свое дѣло, каждый работаетъ съ молитвой и всѣ молятся послѣ работы; во всѣхъ чуялся скрытый огонь, который безъ искръ и вспышекъ обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякаго, кто вступалъ въ эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Міръ видѣлъ все это и уходилъ ободренный и освѣженный, подобно тому, какъ мутная волна, прибивая къ прибрежной скалѣ, отлагаетъ отъ себя примѣсь, захваченную въ неопрятномъ мѣстѣ, и бѣжитъ далѣе свѣтлой и прозрачной струей. Надобно припомнить людей XIV вѣка, ихъ бытъ и обстановку, запасъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ средствъ, чтобы понять впечатлѣніе этого зрѣлища на набожныхъ наблюдателей. Намъ, страдающимъ избыткомъ нравственныхъ возбужденій и недостаткомъ нравственной воспріимчивости, трудно уже воспроизвести, слагавшееся изъ этихъ наблюденій настроеніе нравственной сосредоточенности и общественнаго братства, какое разносили по своимъ угламъ

изъ этой пустыни побывавшіе въ ней люди XIV в. Такихъ людей была капля въ морѣ православнаго русскаго населенія. Но вѣдь и въ тѣсто немного нужно вещества, вызывающаго въ немъ живительное броженіе. Нравственное вліяніе дѣйствуетъ не механически, а органически. На это указалъ Самъ Христосъ, сказавъ: *Царство Божіе подобно закваскѣ.* Украдкой западая въ массы, это вліяніе вызывало броженіе и незамѣтно измѣняло направленіе умовъ, перестраивало весь нравственный строй души русскаго человѣка XIV в. Отъ вѣковыхъ бѣдствій этотъ человѣкъ такъ оскудѣлъ нравственно, что не могъ не замѣчать въ своей жизни недостатка этихъ первыхъ основъ христіанскаго общежитія, но еще не настолько очерствѣлъ отъ этой скудости, чтобы не чувствовать потребности въ нихъ.

Пробужденіе этой потребности и было началомъ нравственнаго, а потомъ и политическаго возрожденія Русскаго народа. Пятьдесятъ лѣтъ дѣлалъ свое тихое дѣло Преподобный Сергій въ Радонежской пустынѣ; цѣлые полвѣка приходившіе къ нему люди вмѣстѣ съ водой изъ его источника черпали въ его пустынѣ утѣшеніе и ободреніе и, воротясь въ свой кругъ, по каплямъ дѣлились имъ съ другими. Никто тогда не считалъ гостей пустынника и тѣхъ, кого они дѣлали причастниками приносимой ими благодатной росы,— никто не думалъ считать этого, какъ человѣкъ, пробуждающійся съ ощущеніемъ здоровья, не думаетъ о своемъ пульсѣ. Но къ концу жизни Сергія едва ли вырывался изъ какой-либо православной груди на Руси скорбный вздохъ, который бы не облегчался молитвеннымъ призывомъ имени св. старца. Этими каплями нравственнаго вліянія и выращены были два факта, которые легли среди другихъ основъ нашего государственнаго и общественнаго зданія и которые оба связаны съ именемъ Преподобнаго Сергія. Одинъ изъ этихъ фактовъ—великое событіе, совершившееся при жизни Сергія, а другой—цѣлый сложный и продолжительный историческій процессъ, только начавшійся при его жизни.

Событіе состояло въ томъ, что народъ, привыкшій дрожать при одномъ имени татарина, собрался наконецъ съ духомъ, всталъ на поработителей и не только нашелъ въ себѣ мужество встать, но и пошелъ искать татарскихъ полчищъ въ открытой степи и тамъ повалился на враговъ несокрушимой стѣной, похоронивъ ихъ подъ своими многотысячными костями. Какъ могло это случиться? Откуда взялись, какъ воспитались люди отважившіеся на такое дѣло, о которомъ боялись и подумать ихъ дѣды? Глазъ историческаго знанія уже не въ состояніи разглядѣть хода этой подготовки великихъ борцовъ 1380 года; знаемъ только, что Преподобный Сергій благословилъ на этотъ подвигъ главнаго вождя русскаго ополченія, сказавъ: „иди на безбожниковъ смѣло, безъ колебанія, и побѣдишь“—и этотъ молодой вождь былъ человѣкъ поколѣнія, возмужавшаго на глазахъ Преподобнаго Сергія и вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ Донскимъ бившагося на Куликовомъ полѣ.

Чувство нравственной бодрости, духовной крѣпости, которое Преп. Сергій вдохнулъ въ русское общество, еще живѣе и полнѣе воспринималось русскимъ монашествомъ. Въ жизни русскихъ монастырей со времени Сергія начался замѣчательный переломъ: замѣтно оживилось стремленіе къ иночеству. Въ бѣдственный первый вѣкъ ига это стремленіе было очень слабо: въ сто лѣтъ 1240—1340 гг. возникло всего какихъ-нибудь десятка три новыхъ монастырей. Зато въ слѣдующее столѣтіе 1340—1440 гг., когда Русь начала отдыхать отъ внѣшнихъ бѣдствій и приходить въ себя, изъ куликовскаго поколѣнія и его ближайшихъ потомковъ вышли основатели до 150 новыхъ монастырей. Такимъ образомъ древнерусское монашество было точнымъ показателемъ нравственнаго состоянія своего мірскаго общества: стремленіе покидать міръ усиливалось не оттого, что въ міру скоплялись бѣдствія а по мѣрѣ того, какъ въ немъ возвышались нравственныя силы. Это значитъ, что русское монашество было отреченіемъ отъ міра во имя идеаловъ, ему непосиль-

ныхъ, а не отрицаніемъ міра во имя началъ, ему враждебныхъ. Впрочемъ, историческіе факты здѣсь говорятъ не болѣе того, что подсказываетъ самая идея православнаго иночества. Эта связь русскаго монастыря съ міромъ обнаружилась и въ другомъ признакѣ перелома, въ перемѣнѣ самаго направленія монастырской жизни со времени Преп. Сергія. До половины XIV в. почти всѣ монастыри на Руси возникали въ городахъ или подъ ихъ стѣнами; съ этого времени рѣшительный численный перевѣсъ получаютъ монастыри, возникавшіе вдали отъ городовъ, въ лѣсной глухой пустынѣ, ждавшей топора и сохи. Такъ къ основной цѣли монашества, въ борьбѣ съ недостатками духовной природы человѣка, присоединилась новая борьба съ неудобствами внѣшней природы; лучше сказать, эта вторая цѣль стала новымъ средствомъ для достиженія первой.

Преподобный Сергій со своею обителью и своими учениками былъ образцомъ и начинателемъ въ этомъ оживленіи монастырской жизни, „начальникомъ и учителемъ всѣмъ монастыремъ, иже въ Руси“, какъ называетъ его лѣтописецъ. Колоніи Сергіевской обители, монастыри, основанные учениками Преподобнаго или учениками его учениковъ, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новыхъ монастырей во второмъ вѣкѣ татарскаго ига, и почти всѣ эти колоніи были пустынные монастыри подобно своей митрополіи. Но, убѣгая отъ соблазновъ міра, основатели этихъ монастырей служили его насущнымъ нуждамъ. До половины XIV в. масса русскаго населенія, сбитая врагами въ междурѣчье Оки и верхней Волги, робко жалась здѣсь по немногимъ расчищеннымъ среди лѣса и болотъ полосамъ удобной земли. Татары и Литва запирали выходъ изъ этого треугольника на западъ, югъ и юговостокъ. Оставался открытымъ путь на сѣверъ и сѣверовостокъ за Волгу; но то былъ глухой непроходимый край, кой-гдѣ занятый дикарями финнами; русскому крестьянину съ семьей и бѣдными пожитками страшно было пуститься въ эти бездорожныя дебри.

„Много было тогда некрещеныхъ людей за Волгой“, т.-е. мало крещеныхъ, говоритъ старая лѣтопись одного заволжскаго монастыря о временахъ до Сергія. Монахъ-пустынникъ и пошелъ туда смѣлымъ развѣдчикомъ. Огромное большинство новыхъ монастырей съ половины XIV до конца XV в. возникло среди лѣсовъ костромскаго, ярославскаго и вологодскаго заволжья: этотъ волжско-двинскій водораздѣлъ сталъ сѣверной Ѳиваидой православнаго Востока. Старинные памятники исторіи Русской Церкви разсказываютъ, сколько силы духа проявлено было русскимъ монашествомъ въ этомъ мирномъ завоеваніи финскаго языческаго Заволжья для христіанской Церкви и русской народности. Многочисленные лѣсные монастыри становились здѣсь опорными пунктами крестьянской колонизаціи: монастырь сулжилъ для переселенца-хлѣбопашца и хозяйственнымъ руководителемъ, и ссудной кассой, и приходской церковью, и наконецъ пріютомъ подъ старость. Вокругъ монастырей осѣдало бродячее населеніе, какъ корнями деревьевъ сцѣпляется зыбучая песчаная почва. Ради спасенія души монахъ бѣжалъ изъ міра въ заволжскій лѣсъ, а мірянинъ цѣплялся за него и съ его помощью заводилъ въ этомъ лѣсу новый русскій міръ. Такъ создавалась верхне-волжская Великороссія дружными усиліями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, какой вдохнулъ въ русское общество Преподобный Сергій.

Напутствуемые благословеніемъ старца, шли борцы, одни на югъ за Оку на татаръ, другіе на сѣверъ за Волгу на борьбу съ лѣсомъ и болотомъ.

Время давно свѣяло эти дѣла съ народной памяти, какъ оно же глубоко заметало вѣковой пылью кости куликовскихъ бойцовъ. Но память святаго пустынножителя доселѣ паритъ въ народномъ сознаніи, какъ гробъ съ его нетлѣющими останками невредимо стоитъ на поверхности земли. Чѣмъ дорога народу эта память, что она говоритъ ему, его уму и сердцу? Современнымъ, засохшимъ въ абстракціяхъ и схемахъ, языкомъ трудно изобразить живыя, глубоко сокрытыя движенія вѣрующей народной души. Въ эту душу глубоко запало ка-

кое-то сильное и свѣтлое впечатлѣніе, произведенное когда-то однимъ человѣкомъ и произведенное неуловимыми, безшумными нравственными средствами, про которыя не знаешь, что и разсказать, какъ не находишь словъ для передачи иного свѣтлаго и ободряющаго, хотя молчаливаго взгляда. Виновникъ впечатлѣнія давно ушелъ, исчезла и обстановка его дѣятельности, оставивъ скудные остатки въ монастырской ризницѣ да источникъ, изведенный его молитвою, а впечатлѣніе все живетъ, переливаясь свѣжей струей изъ поколѣнія въ поколѣніе, и ни народныя бѣдствія, ни нравственные переломы въ обществѣ доселѣ не могли сгладить его. Первое смутное ощущеніе нравственнаго мужества, первый проблескъ духовнаго пробужденія—вотъ въ чемъ состояло это впечатлѣніе. Примѣромъ своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергій поднялъ упавшій духъ роднаго народа, пробудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, вдохнулъ вѣру въ свое будущее. Онъ вышелъ изъ насъ, былъ плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь изъ нашихъ была доступна. Такъ думали тогда всѣ на Руси и это мнѣніе раздѣлялъ православный Востокъ, подобно тому цареградскому епископу, который, по разсказу Сергіева жизнеописателя, пріѣхавъ въ Москву и слыша всюду толки о великомъ русскомъ подвижникѣ, съ удивленіемъ восклицалъ: *како можетъ въ сихъ странахъ таковъ свѣтильникъ явитися?* Преподобный Сергій своей жизнью, самой возможностью такой жизни далъ почувствовать заскорбѣвшему народу, что въ немъ еще не все доброе погасло и замерло; своимъ появленіемъ среди соотечественниковъ, сидѣвшихъ *во тьмѣ и сѣни смертнѣй,* онъ открылъ имъ глаза на самихъ себя, помогъ имъ заглянуть въ свой собственный внутренній мракъ и разглядѣть тамъ еще тлѣвшія искры того же огня, которымъ горѣлъ озарившій ихъ свѣточъ. Русскіе люди XIV вѣка признали это дѣйствіе чудомъ, потому что оживить и привести въ движеніе нравственное

чувство народа, поднять его духъ выше его привычнаго уровня—такое проявленіе духовнаго вліянія всегда признавалось чудеснымъ, творческимъ актомъ; таково оно и есть по своему существу и происхожденію, потому что его источникъ—вѣра. Человѣкъ, разъ вдохнувшій въ общество такую вѣру, давшій ему живо ощутить въ себѣ присутствіе нравственныхъ силъ, которыхъ оно въ себѣ не чаяло, становится для него носителемъ чудодѣйственной искры, способной зажечь и вызвать къ дѣйствію эти силы всегда, когда онѣ понадобятся, когда окажутся недостаточными наличныя обиходныя средства народной жизни. Впечатлѣніе людей XIV вѣка становилось вѣрованіемъ поколѣній, за ними слѣдовавшихъ. Отцы передавали воспринятое ими одушевленіе дѣтямъ, а они возводили его къ тому же источнику, изъ котораго впервые почерпнули его современники. Такъ духовное вліяніе Преподобнаго Сергія пережило его земное бытіе и перелилось въ его имя, которое изъ историческаго воспоминанія сдѣлалось вѣчно дѣятельнымъ нравственнымъ двигателемъ и вошло въ составъ духовнаго богатства народа. Это имя сохраняло силу непосредственнаго личнаго впечатлѣнія, какое производилъ Преподобный на современниковъ; эта сила длилась и тогда, когда стало тускнѣть историческое воспоминаніе, замѣняясь церковной *памятью*, которая превращала это впечатлѣніе въ привычное, поднимающее духъ настроеніе. Такъ теплота ощущается долго послѣ того какъ погаснетъ ея источникъ. Этимъ настроеніемъ народъ жилъ цѣлые вѣка; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядокъ. При имени Преподобнаго Сергія народъ вспоминаетъ свое нравственное возрожденіе, сдѣлавшее возможнымъ и возрожденіе политическое, и затверживаетъ правило, что политическая крѣпость прочна только тогда, когда держится на силѣ нравственной. Это возрожденіе и это правило—самые драгоцѣнные вклады Преподобнаго Сергія, не архивные или теоретическіе, а положенные въ живую душу народа, въ его нравственное со-

держаніе. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками дѣяній на общее благо, памятями дѣятелей, внесшихъ наибольшее количество добра въ свое общество. Съ этими памятниками и памятями срастается нравственное чувство народа; они—его питательная почва; въ нихъ его корни; оторвите его отъ нихъ—оно завянетъ, какъ скошенная трава. Они питаютъ не народное самомнѣніе, а мысль объ отвѣтственности потомковъ передъ великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобнаго Сергія, мы провѣряемъ самихъ себя, пересматриваемъ свой нравственный запасъ, завѣщанный намъ великими строителями нашего нравственнаго порядка, обновляемъ его, пополняя произведенныя въ немъ траты. Ворота Лавры Преподобнаго Сергія затворятся и лампады погаснутъ надъ его гробницей—только тогда, когда мы растратимъ этотъ запасъ безъ остатка, не пополняя его.

Два воспитанія *).

Даровитый актеръ игралъ въ пьесѣ дѣйствующее лицо, которое по волѣ автора много дѣйствовало и говорило, но по винѣ того же автора не умѣло достаточно выяснить смыслъ своихъ словъ и дѣйствій, осталось лицомъ безъ физіономіи. По окончаніи спектакля пріятель упрекнулъ актера въ томъ, чтъ онъ, зритель, въ его игрѣ не узналъ его героя.

— Да и нельзя было узнать,—отвѣчалъ актеръ,—потому что мой герой и не появлялся на сценѣ, а выходилъ я своею собственною, не загримированною персоной... Когда актеръ не понимаетъ, кого играетъ, онъ поневолѣ играетъ самого себя.

Въ подобномъ затруднительномъ положеніи могутъ очутиться и педагоги извѣстной школы. Сами по себѣ они могутъ быть разными людьми, такими и этакими. Но всѣ они должны понимать идею своей школы и понимать ее одинаково, чтобы знать, кого они воспитываютъ, т.-е. кого вырабатываютъ изъ своихъ воспитанниковъ соединенными усиліями. Соединенныя усилія могутъ не быть дружными дѣйствіями, и тогда изъ нихъ не выйдетъ цѣльнаго и складнаго дѣла. На сценѣ актеры играютъ каждый свою роль и каждый понимаетъ ее, разумѣется, по-своему, но всѣ они должны одинаково понимать пьесу, чтобы стройно сыграть ее. Воспитатели и учители должны знать, кого имъ нужно воспитать и выучить, знать не только тотъ педагогическій

*) Публичная лекція, читанная 1 февраля 1893 г. въ пользу Московскаго Комитета Грамотности. [Напечатано впервые въ *Русской Мысли*, 1893, III].

матеріалъ, который сидитъ или бѣгаетъ подъ ихъ руководствомъ, но и тотъ умственный и нравственный идеалъ, къ которому они обязаны приближать эти ввѣренныя имъ маленькія живыя будущности, смотрящія на нихъ полными смутныхъ ожиданій глазами. Воспитатель, который не знаетъ, кого онъ долженъ воспитать, воспитываетъ только самого себя, т.-е продолжаетъ собственное воспитаніе. Такая педагогія похожа на извѣстную дѣтскую игру, гдѣ у того, кто долженъ ловить всѣхъ, завязаны глаза, и онъ, съ методологическою растерянностью растопыривъ руки, самъ не знаетъ, кого поймаетъ, и, вѣроятнѣе всего, что не поймаетъ никого, потому что ловитъ только собственные призраки, т.-е. самого себя. Если наставникамъ неясна задача ихъ школы и одинъ не знаетъ, что дѣлаетъ другой, куда ведетъ свой классъ,—каждый будетъ выдѣлывать изъ своего класса то же, что нѣкогда выдѣлывали изъ него самого на классной скамьѣ, и никто изъ нихъ не будетъ знать, что выходитъ изъ ихъ питомцевъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, изъ нихъ ничего и не выходитъ, какъ не движется съ мѣста тѣло, влекомое въ разныя стороны. Но то несомнѣнно, что этими разносторонними влеченіями воспитательная программа будетъ разорвана на отдѣльные безсмысленные клочки, ибо въ программѣ, лишенной органической связи своихъ частей, столько же смысла, сколько поэзіи въ разсыпанномъ типографскомъ наборѣ лучшей пьесы Пушкина.

Идея школы слагается изъ извѣстной цѣли, къ которой направляются всѣ образовательныя средства, знанія, навыки, правила, и изъ прилаженныхъ къ этой цѣли пріемовъ, которыми эти средства проводятся въ воспитываемую среду. Каждый изъ наставниковъ-товарищей долженъ живо и цѣльно представить себѣ тотъ умственный и нравственный типъ, который схематически предначертанъ воспитательною программой и въ которомъ онъ призванъ осуществить какую-нибудь маленькую подробность, и каждый долженъ постоянно держать въ воображеніи этотъ мысленный мане-

кенъ, чтобъ его частичное дѣло гармонировало съ такими же частичными дѣлами другихъ наставниковъ, и дружныя усилія всего товарищества должны быть устремлены къ одной цѣли—сдѣлать каждаго воспитанника возможно точнымъ снимкомъ съ этого програмнаго образца.

Да это—обезличеніе, а не воспитаніе, подумаютъ нѣкоторые; это не школа, а казарма; изъ такой школы могутъ выходить нумера, а не люди, статистическія количества, а не нравственныя величины. Такое опасеніе иногда высказывается и какъ упрекъ тревожитъ нашихъ педагоговъ, но совершенно напрасно. Въ этомъ упрекѣ нѣтъ ничего для нихъ обиднаго. Во-первыхъ, боязнь школьнаго обезличенія учащагося юношества предполагаетъ въ учителяхъ достаточную педагогическую силу, которою не слѣдуетъ злоупотреблять, но которую не грѣшно имѣть. Во-вторыхъ, забывается одно обстоятельство: въ школѣ дѣти не родятся, а только учатся и воспитываются. Они туда приходятъ откуда-то уже готовыми, хотя еще не зрѣлыми организмами, и опять куда-то уходятъ. То, откуда приходятъ дѣти въ школу и гдѣ они родятся, называется *семьей*.

Мы довольно спокойно говоримъ о нашей семьѣ, сохраняемъ то же спокойствіе, когда заходитъ рѣчь и о нашей школѣ. Но мы всегда нѣсколько волнуемся, когда въ нашихъ бесѣдахъ встрѣчаются семья и школа. Мы чувствуемъ, что въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ у насъ есть какое-то недоразумѣніе, стоитъ какой-то вопросъ, котораго мы не въ силахъ разрѣшить и даже не умѣемъ хорошенько поставить. Что, кажется, можетъ быть яснѣе и проще отношенія между семьей и школой? Сама природа провела разграничительную черту между ними, раздѣлила работу человѣчества надъ самимъ собой между этими двумя величайшими питомниками человѣческаго ума и сердца. Оба эти учрежденія не могутъ замѣнить другъ друга, но могутъ помогать или вредить одно другому. У того и другого свое особое дѣло; но дѣла обоихъ такъ тѣсно связаны между собою, что одно учреж-

деніе помогаетъ или вредитъ другому уже тѣмъ, что свое дѣло дѣлаетъ хорошо или худо. Все это какъ будто просто и понятно само по себѣ, и, однако, нерѣдко слышатся недоумѣнія и споры какъ о сущности, такъ и о границахъ, о взаимномъ отношеніи педагогическихъ задачъ семьи и школы. Можно слышать такое разграниченіе этихъ задачъ: семьѣ принадлежитъ *воспитаніе*, школѣ—*обученіе*. Я не говорю, вѣрно ли это; я спрошу только, ясно ли это? Вѣдь, мы столько же обучаемъ, воспитывая, сколько воспитываемъ, обучая. Образованіе составляется изъ воспитанія и обученія; но эти составные образовательные процессы легче разграничиваются въ психологическомъ анализѣ, чѣмъ въ педагогической практикѣ. Учитель и воспитатель очень отчетливо и внятно говорятъ другъ съ другомъ о различіи задачъ и пріемовъ своихъ профессій, и, однако, ихъ общій питомецъ послѣ затруднится сказать, кто изъ нихъ его больше училъ или воспитывалъ. Въ чемъ дѣло? Очевидно, еще не всѣ стороны вопроса стали у насъ на виду и эти недосмотры родятъ недоразумѣнія.

Когда исчезаетъ изъ глазъ тропа, по которой мы шли, прежде всего мы оглядываемся назадъ, чтобы по направленію пройденнаго угадать, куда идти дальше. Двигаясь ощупью въ потемкахъ, мы видимъ передъ собою полосу свѣта, падающую на нашъ дальнѣйшій путь отъ кого-то сзади насъ. Эта проводница наша—исторія съ ея свѣточемъ, съ уроками и опытами, которые она отбираетъ у убѣгающаго отъ насъ прошедшаго. Въ исторіи нашего образованія были сдѣланы два поучительные опыта, въ которыхъ семья и школа были поставлены въ совершенно различныя и очень своеобразныя отношенія другъ къ другу и отъ которыхъ получились несходные результаты. Древняя Русь стремилась утвердить школу у домашняго очага и включить ея задачи въ число заботъ и обязанностей семьи; во второй половинѣ XVIII в. предпринята была попытка оторвать школу отъ семьи, даже сдѣлать первую соперницею послѣд-

ней. Можетъ быть, объ постановки дѣла и ихъ результаты помогутъ намъ разсмотрѣть во взаимномъ отношеніи этихъ учрежденій такія стороны, которыхъ мы не замѣчаемъ только потому, что недостаточно наблюдали ихъ въ дѣйствительности.

Я намѣренъ сопоставить двѣ испытанныя у насъ системы воспитанія съ цѣлью показать отношенія, какія устанавливались семьей и школой. При этомъ я имѣю въ виду только общеобразовательную школу, которую желательно чтобы проходили всѣ. Только такая школа, а не спеціальная ремесленная, можетъ служить продолженіемъ начальнаго воспитанія, какое обязана давать всякая семья. Разумѣется, я могу говорить только объ общемъ идеальномъ планѣ такого дальнѣйшаго воспитанія, какъ его чертили устроители и руководители народнаго образованія въ древней и новой Руси, а не какъ ихъ предначертанія осуществлялись въ воспитательной практикѣ. Чтобы понять духъ и планъ древнерусскаго воспитанія, надобно на минуту отрѣшиться отъ того, какъ мы теперь понимаемъ содержаніе и цѣли общаго образованія. По нашему привычному представленію, общее образованіе слагается изъ нѣкоторыхъ научныхъ знаній и житейскихъ правилъ,—изъ знаній, подготовляющихъ умъ къ пониманію жизни и къ усвоенію избраннаго или доставшагося житейскаго занятія, ремесла, и изъ правилъ, образующихъ сердце и волю, умѣнье жить съ людьми и дѣйствовать на всякомъ поприщѣ. Знанія касаются необъятнаго круга предметовъ, мірозданія, исторіи человѣчества, природы человѣческаго духа въ ея разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ, въ пріемахъ и процессахъ мышленія, въ исчисленіи и измѣреніи количественныхъ величинъ и отношеній, въ строеніи человѣческой рѣчи и въ художественныхъ произведеніяхъ человѣческаго слова. Не такъ многообразна образовательная работа, задаваемая сердцу и волѣ. Въ эстетическомъ чувствѣ еще нѣсколько возбуждается критическое чутье. За то чувство нравственное и религіозное

находитъ себѣ готовое питаніе только развѣ въ урокахъ закона Божія, притомъ разобщенныхъ съ другими предметами, преподаватели которыхъ опасаются касаться этого отдѣла образовательной программы, такъ что питательный матеріалъ, какой могутъ дать другіе предметы для удовлетворенія потребностей едва пробудившагося сердца и неокрѣпшей воли, воспитанникъ долженъ добывать и обрабатывать самъ, своими собственными неумѣлыми усиліями.

Въ древнерусскомъ воспитаніи все это было поставлено значительно иначе. Главное вниманіе педагогіи обращено было въ другую сторону, на житейскія правила, а не на научныя знанія. Кодексъ свѣдѣній, чувствъ и навыковъ, какіе считались необходимыми для усвоенія этихъ правилъ, составлялъ науку о „христіанскомъ жительствѣ“, о томъ, какъ подобаетъ жить христіанамъ. Этотъ кодексъ состоялъ изъ трехъ наукъ или *строеній*: то были строеніе *душевное*— ученіе о *долгѣ душевномъ* или дѣло спасенія души, строеніе *мірское*—наука о гражданскомъ общежитіи, и строеніе *домовное*—наука о хозяйственномъ домоводствѣ. Усвоеніе этихъ трехъ дисциплинъ и составляло задачу общаго образованія въ древней Руси. Школой душевнаго спасенія для мірянъ была приходская церковь съ ея священникомъ, духовнымъ отцомъ своихъ прихожанъ. Его преподавательскія средства— богослуженіе, исповѣдь, поученіе, примѣръ собственной жизни. Въ составъ его курса входили три части: богословіе—*како вѣровати*, политика—*како царя чтити*, правоученіе—*како чтити духовный чинъ и ученія его слушати, аки отъ Божіихъ устъ*. Эта школа была своего рода учительскою семинаріей. Ученіе, преподаваемое приходскимъ священникомъ, разносилось по домамъ старшими его духовными дѣтьми, домовладыками, отцами семействъ. Онъ не только дѣлалъ дѣло ихъ собственнаго душевнаго спасенія, но и училъ, какъ они, помогая ему, должны подготовлять къ этому и своихъ домашнихъ. Хозяинъ дома, отецъ семейства, былъ настоящій народный учитель въ древней Руси,

потому что семья была тогда народною школой или, точнѣе, народная школа заключалась въ семьѣ. Это было не простое естественное семейство, довольно сложный юридическій союзъ, чрезвычайно туго стянутый дружными вѣковыми усиліями церкви и государства. Домовладыка считалъ въ составѣ своей семьи, своего дома, не только свою жену и дѣтей, но и *домочадцевъ*, т.-е. жившихъ въ его домѣ младшихъ родственниковъ и слугъ, зависимыхъ отъ него людей, съ семействами тѣхъ и другихъ. Это было его домашнее царство, за которое онъ несъ закономъ установленную отвѣтственность предъ общественною властью: здѣсь онъ былъ не только мужъ и отецъ, но и прямо назывался *государемъ*. Этотъ домовый государь и былъ домашнимъ учителемъ, его домъ былъ его школой. Въ древнерусскихъ духовныхъ поученіяхъ очень выразительно опредѣлено его педагогическое назначеніе. Онъ обязанъ былъ беречь чистоту тѣлесную и душевную домашнихъ своихъ, во всемъ быть ихъ стражемъ, заботиться о нихъ, какъ о частяхъ своего духовнаго существа, потому что связанъ со всѣми ними одною вѣрой и долженъ вести къ Богу не себя одного, но многихъ. Трудъ воспитанія дома онъ дѣлилъ съ женой, своею непремѣнною совѣтницей и сотрудницей. Въ древнерусскихъ взглядахъ на жену можно найти очень тонкія черты, изображающія ея значеніе для мужа и дома. Она также государыня для дома, только при мужѣ неотвѣтственная передъ общественною властью. Мужъ распоряжается въ домѣ, жена держитъ порядокъ. Онъ тратитъ, чтобы пріобрѣсти; она пріобрѣтаетъ, сберегая, чего можно не тратить. Онъ работаетъ весь день среди чужихъ людей, чтобы отдохнуть дома; она хлопочетъ, задавая и наблюдая работу своихъ домашнихъ, и не угасаетъ свѣтильникъ ея всю ночь. Онъ кормитъ домъ; она одѣваетъ его. Онъ создаетъ себѣ достатокъ, вырабатывая необходимое для дома; она удѣляетъ бѣдному избытокъ, не расходуя лишняго. Мужъ такъ ведетъ дѣла въ обществѣ, чтобы была спокойна семья; жена

такъ ведетъ домъ, чтобы мужъ внѣ дома былъ спокоенъ за семью. Онъ направляетъ умъ жены, даетъ ей домашнюю указку; она настраиваетъ сердце мужа, внушаетъ ему общественный тактъ, и, находясь въ сонмищѣ, сидя среди знакомыхъ, онъ знаетъ, что говорить, понимаетъ, что дѣлать, помня свою поджидающую его домосѣдку. Дома мужъ— глава и государь своей жены; на людяхъ жена вѣнцомъ блеститъ на головѣ своего государя. Вы видите, древнерусская мысль не боялась и не скучала думать о женщинѣ и даже расположена была идеализировать образъ доброй жены. Кто знаетъ, можетъ быть, древнерусская женщина была такъ устроена психологически, что когда ей показывали идеалъ и говорили, что это ея портретъ, въ ней рождалось желаніе стать его оригиналомъ и отыскивалось умѣнье быть его хорошею копіей.

Такова была идеальная нравственная атмосфера, которою дышали и въ которой воспитывались дѣти по древнерусскому педагогическому плану. Объемъ воспитанія въ этой семейной школѣ ограничивался предметами вѣдѣнія и назиданія, какіе могли умѣститься въ стѣнахъ дома, быть наблюдаемы и усвояемы въ домашнемъ кругу. Весь міръ Божій въ этой школѣ сводился подъ домашній кровъ, и домъ становился малымъ образомъ вселенной: можетъ быть, поэтому на потолкѣ древнерусскаго зажиточнаго дома иногда и рисовали небесныя свѣтила, планетную систему, круги и бѣги небесные, какъ говорили древнерусскіе астрономы. Домохозяинъ обучалъ жену, дѣтей и домочадцевъ закону Божію и благонравію, или „божеству и вѣжеству и всякому благочинію“, какъ тогда выражали составныя части этого курса примѣнительно къ тремъ общеобразовательнымъ *строеніямъ*. Прежде всего, онъ, какъ педагогическій помощникъ священника, долженъ былъ преподать своему дому начатки того *строенія душевнаго*, которое онъ самъ усвоялъ у своего руководителя, пополняя подъ его руководствомъ уроки, полученные еще до женитьбы въ родительскомъ домѣ.

Затѣмъ слѣдовало *мірское строеніе*, „какъ жити православнымъ христіаномъ въ міру съ женами и съ дѣтьми и съ домочадцами и ихъ учити“. Доселѣ хозяинъ велъ дѣло воспитанія съ женой, своею старшею ученицей и сотрудницей. Далѣе въ *домовномъ строеніи* ихъ педагогическій трудъ раздѣлялся какъ бы на параллельныя отдѣленія: когда дѣти подростали, родители обучали ихъ „промыслу и рукодѣлію“, отецъ—сыновей, мать—дочерей, каковъ кому далъ Богъ смыслъ, „просугъ“. Выборъ и порядокъ изученія этихъ рукодѣлій или ремеслъ соображались съ возрастомъ и съ пониманіемъ дѣтей, какъ и съ общественнымъ положеніемъ родителей. Отцовское и дѣдовское преданіе и строгая раздѣльность общественныхъ состояній служили здѣсь руководящими началами. Въ наше время можетъ не понравиться такое подчиненіе судьбы подростающихъ поколѣній инерціи мысли отцовъ и застоявшемуся консерватизму ихъ общественнаго поведенія. Для объясненія и смягченія ихъ вины надобно припомнить, что въ древней Руси при отсутствіи публичнаго техническаго образованія отецъ поневолѣ обучалъ сына только тому, что самъ умѣлъ, или долженъ былъ отдавать сына другому мастеру, писать *ученическую запись*, нотаріальный контрактъ о выучкѣ, который ставилъ его сына въ положеніе близкое къ холопу, дворовому человѣку, между прочимъ, предоставлялъ мастеру—учителю право своего ученика „смирять, по винѣ смотря“. Зная только бытъ и нравы нынѣшнихъ мастерскихъ, можно живо почувствовать печальный смыслъ этихъ юридически-осторожныхъ словъ *смирять, по винѣ смотря*. Можетъ быть древнерусскій отецъ, по-своему сложно понимая житейскія пользы сына, и готовъ былъ на такое тяжелое условіе, но противъ него должно было мятежно возставать простое материнское чувство, непривычное къ сложнымъ комбинаціямъ и житейскимъ софизмамъ, но умѣвшее говорить, когда приходилось на много лѣтъ бросать родного ребенка въ чужой домъ, на произволъ чужой воли. Все это

могло быть или должно было бывать. За то безъ оговорокъ можно утверждать, что современное педагогическое чувство рѣшительно противъ одного изъ основныхъ пріемовъ древнерусской методики домашняго воспитанія. Это—извѣстный пріемъ, состоящій во внѣшнемъ дѣйствіи на умъ, волю и чувство посредствомъ производимаго битьемъ нервнаго ощущенія. *Любя сына, учащай ему раны, не жалѣй жезла; дщерь ли имаши, положи на ней грозу свою...* Впрочемъ, какъ скоро дѣло дошло до дочери, у меня не хватаетъ духа продолжать изложеніе тѣхъ изысканныхъ формулъ, въ которыхъ выражали этотъ пріемъ древнерусскія педагогическія руководства. Древнерусская педагогика, очевидно, много думала объ этомъ воспитательномъ средствѣ, лелѣяла его, возлагая на него преувеличенныя надежды, какъ на „злобы искоренителя и насадителя добродѣтелей". Едва ли кто изъ насъ по характеру полученнаго имъ воспитанія пойметъ эту вѣру въ чудодѣйственную силу педагогическаго *жезла*, т.-е простой глупой палки. Мы уже слишкомъ далеко отодвинулись отъ понятій и нравовъ, питавшихъ эту странную вѣру, чтобы понять ее, и намъ остается только благодарить исторію за свое непониманіе. Впрочемъ, для устраненія возможнаго недоразумѣнія здѣсь, кажется, нуженъ историческій комментарій. Читая эти изысканныя педагогическія наставленія, сводившіяся къ одному общему правилу, какъ дѣтей „страхомъ спасати, уча и наказуя", полезно помнить, что мы имѣемъ дѣло съ *планомъ*, а не съ *практикой* домашняго воспитанія. По жестокому педагогическому плану еще нельзя судить о суровости педагогіи, даже о жестокости самихъ начертателей плана. Планометрическая, начертательная педагогія доводитъ иной воспитательный принципъ или пріемъ до крайнихъ, практически невозможныхъ, а только метафизически мыслимыхъ послѣдствій не по жестокости сердца, а просто въ интересѣ логической послѣдовательности; но эти излишества такъ и остаются въ области метафизическаго мышленія, знаменуя силу мысли,

но не портя жизни. Дѣло въ томъ, что педагоги при составленіи педагогической программы только размышляютъ о дѣтяхъ, а при ея исполненіи еще и видятъ ихъ, т.-е. любятъ, потому что видѣть дѣтей и любить ихъ—это одно и то же, два неразлучные психологическіе акта. На такое объясненіе древнерусской теоріи педагогическаго жезла наводитъ одна обмолвка древнерусскихъ воспитательныхъ руководствъ, изъ которой видно, что они смотрѣли на тѣлесное наказаніе дѣтей, какъ на воспитательно-гигіеническую операцію, какъ бы дополнительное гимнастическое средство: „любя сына,—читаемъ мы тамъ,—учащай ему раны, ибо отъ жезла твоего онъ не умретъ, а еще здоровѣе станетъ“. Извѣстно, что любящая рука бьетъ не больно и, во всякомъ случаѣ, больнѣе бьетъ того, кому принадлежитъ, чѣмъ того, на кого поднимается.

Гораздо плодотворнѣе былъ другой пріемъ древнерусской педагогіи—живой примѣръ, наглядный образецъ. Древнерусская начальная общеобразовательная школа—это домъ, семья. Ребенокъ долженъ былъ воспитываться не столько уроками, которые онъ слушалъ, сколько тою нравственною атмосферой, которою онъ дышалъ. Это было не пятичасовое, а ежеминутное дѣйствіе, посредствомъ котораго дитя впитывало въ себя свѣдѣнія, взгляды, чувства, привычки. Какъ бы ни была неподатлива природа питомца, эта непрерывно капающая капля способна была продолбить какой-угодно педагогическій камень. На это и разсчитанъ былъ порядокъ домашней жизни, какъ его рисовали въ идеальной схемѣ древнерусскіе моралисты. Это была извѣстная среда обычая и обряда, вѣками сложенная плотная и чинная, массивная бытовая кладка. Все здѣсь было обдумано и испытано, выдержано, размѣрено и разграничено, каждая вещь положена на свое мѣсто, каждое слово логически опредѣлено и нравственно взвѣшено, каждый шагъ разученъ, какъ танцовальное па, каждый поступокъ предусмотрѣнъ и подсказанъ, подъ каждое чувство и помышленіе подведена

запретительная или поощрительная цитата изъ писанія или отеческаго преданія, всѣ эти шаги, помышленія и чувства расписаны по церковному календарю,—и человѣкъ, живой человѣкъ съ индивидуальною мыслью и волей, съ свободнымъ нравственнымъ чувствомъ, двигался по этому церковно-житейскому трафарету автоматическимъ манекеномъ или какъ движется шашка подъ рукой искуснаго игрока по разграфленной на клѣтки доскѣ. При такомъ общемъ направленіи жизни и при тогдашнихъ образовательныхъ средствахъ семьи воспитанію грозила опасность уклониться отъ указаннаго ему пути, погасить духъ обрядомъ, превратить заповѣди въ простыя привычки и такимъ образомъ выработать автоматическую совѣсть, нравственное чувство, дѣйствующее по памяти и навыку, выдержку, при которой знаютъ, какъ поступить, прежде чѣмъ подумаютъ, для чего и почему такъ поступаютъ.

Конечно, священникъ могъ ослаблять такое направленіе домашняго воспитанія. Вся семья ежегодно бывала у него *на духу*; здѣсь онъ могъ провѣрять и исправлять результаты воспитанія, указывать, какъ вносить живую душу въ механическую выправку совѣсти. Это былъ своего рода инспекторскій смотръ домашняго воспитанія, ибо весь приходъ составлялъ какъ бы одну школу, распадавшуюся на размѣщенные по домамъ параллельные классы, общимъ надзирателемъ и руководителемъ которыхъ былъ приходскій священникъ. И помимо исповѣди родителямъ внушалось „совѣтоватися съ нимъ часто о житіи полезномъ“, какъ учить и любить дѣтей своихъ Древнерусскихъ воспитателей трудно упрекнуть въ излишнемъ довѣріи къ природѣ человѣка, ея силамъ и влеченіямъ. Напротивъ, они направляли свои усилія къ тому, чтобы выбить изъ питомца *свою волю*, замѣнивъ ее послушаніемъ установленному порядку жизни. Очевидно, они разсчитывали свой планъ на слабѣйшія силы, брали за единицу измѣренія достижимыхъ успѣховъ худшій изъ возможныхъ субъектовъ. Это понятно: семейная школа

не могла выбирать воспитательный матеріалъ, потому что всѣ члены семьи имѣютъ одинаковое право существованія и одинаковую воспитательную цѣну и за всѣхъ одинаково отвѣчаетъ глава семьи. Въ этомъ существенная разница домашняго воспитанія отъ публичной школы: послѣдняя можетъ выбирать и равнодушно бросать отсталыхъ или негодныхъ; это своего рода учебный лагерь, для котораго одинъ солдатъ въ строю нужнѣе десятка паціентовъ въ повозкѣ „Краснаго Креста“.

Таковъ планъ воспитанія, какъ онъ развивался въ древнерусскихъ поученіяхъ и какъ былъ сведенъ въ общую программу въ *Домостроѣ* священника Сильвестра. А гдѣ же настоящая школа, публичное училище съ книгами и другими орудіями грамотности, книжнаго ученія? Домострой предполагаетъ присутствіе грамотныхъ людей въ составѣ древнерусской семьи, но не считаетъ этого необходимымъ и совсѣмъ умалчиваетъ о такой школѣ. Грамотность не входила въ составъ общеобязательнаго воспитанія, какъ необходимое образовательное средство; она причислялась къ техническимъ промысламъ и рукодѣліямъ, къ „механическимъ хитростямъ“, какъ выражались у насъ позднѣе, и нужна была только на нѣкоторыхъ житейскихъ поприщахъ, напримѣръ, для духовнаго и приказнаго чина. Такъ смотритъ на книжное ученіе и современный Домострою *Стоглавъ*: онъ предположилъ устроить по всѣмъ городамъ книжныя училища въ домахъ избранныхъ духовныхъ лицъ, которыя учили бы дѣтей духовенства и всѣхъ православныхъ христіанъ „грамотѣ и книжному письму и церковному пѣнію псалтырному и чтенію налойному“, чтобы эти ученики, пришедши въ возрастъ, достойны были священническаго чина. Здѣсь указаны и учебная программа, и спеціальное назначеніе этихъ училищъ. Нѣкогда древнѣйшій русскій лѣтописецъ, говоря о любви кн. Ярослава I къ книгамъ, написалъ превосходную страничку о душевной пользѣ книжнаго ученія, какъ источника мудрости. Позднѣе

даже въ азбукахъ проводилось строгое различіе между книжною и истинною мудростью: „не ищи, человѣче, мудрости, ищи кротости; аще обрящеши кротость, то и одолѣеши мудрость; не тотъ мудръ, кто много грамотѣ умѣетъ; тотъ мудръ, кто много добра творитъ“.

Эта-то некнижная мудрость древней Руси была поколеблена преобразовательнымъ движеніемъ XVII и XVIII вв. и изъ сферы общественныхъ отношеній и интересовъ отодвинута была въ тѣсные предѣлы домашней жизни или въ составъ личной нравственности. Старая домашняя школа съ своими *строеніями* стала архаическимъ украшеніемъ старомодной жизни. Возникли публичныя школы съ иноземными учителями, напечатаны грамматики, ариѳметики, геометріи; изданы законы объ обязательномъ обученіи духовенства и дворянства; грамотность, цыфирь и геометрія объявлены были необходимыми элементами общаго образованія; заморскія „механическія хитрости“ закрыли собою прежнюю приходскую и домашнюю науку душевнаго спасенія. Русская мысль, ошеломленная крутымъ переворотомъ, весь XVIII в. силилась придти въ себя и понять, что съ нею случилось. Толчокъ, ею полученный, такъ далеко отбросилъ ее отъ насиженныхъ предметовъ и представленій, что она долго не могла сообразить, гдѣ она очутилась. Чуть не въ одинъ вѣкъ перешли отъ *Домостроя* попа Сильвестра къ *Энциклопедіи* Дидро и Даламбера. Такой переходъ можно было сдѣлать только прыжками, а въ области мысли прыжки совершаются всегда насчетъ логики и самообладанія. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, русскіе преобразованные люди XVIII в., растерявшіеся отъ неожиданности и новизны своего положенія, чтобы найтись въ немъ, принялись обсуждать не столько сдѣланный ими пробѣгъ, сколько собственное смутное ощущеніе, изъ него вынесенное. Вмѣсто того, чтобы точно опредѣлить направленіе и протяженіе пройденнаго пути, они, измѣряя его степенью своей усталости, просто безъ всякихъ измѣреній рѣшили, что ушли

безконечно далеко, и тогда старая позиція, съ которой они сорвались такъ поспѣшно, представилась имъ въ туманной невозвратной дали. Мнѣнія раздвоились: одни радовались, что такъ далеко ушли впередъ; другіе жалѣли, что вслѣдствіе далекаго ухода стало невозможно вернуться назадъ. Но тѣ и другіе больше думали о томъ, что они такъ далеко ушли, чѣмъ спрашивали себя о томъ, куда пришли, и ни тѣ, ни другіе не могли отдать себѣ отчета въ томъ, какъ совершился этотъ акробатическій перелетъ. Отъ одного склада понятій перешли къ другому такъ порывисто и суетливо, что по пути растеряли и свои путевыя впечатлѣнія и чувствовали себя въ положеніи лунатика, который не понимаетъ, какъ онъ попалъ туда, гдѣ очнулся.

Очнувшись, наши просвѣщенные лунатики прошлаго вѣка очутились въ шумномъ водоворотѣ самыхъ важныхъ идей и вопросовъ, какіе когда-либо волновали образованное человѣчество. То было начало царствованія Екатерины II. Ощущеніе дневного свѣта было первымъ впечатлѣніемъ очнувшихся, свободный вздохъ—ихъ первымъ движеніемъ. Наиболѣе капитальныя произведенія европейскаго ума, которыми ознаменовался вѣкъ свободнаго просвѣщенія, почти уже всѣ лежали на столѣ образованнаго читателя. Идеи и вопросы, которыми авторы этихъ произведеній поразили читающій міръ, не были внезапнымъ откровеніемъ свыше, озарившимъ европейскую мысль. Они имѣли достаточную историческую подготовку, выработались изъ продолжительныхъ усилій европейскаго ума и сердца, подсказаны были застарѣлыми, наболѣвшими язвами европейскаго общежитія, запутавшагося въ собственныхъ противорѣчіяхъ. Несмотря на блескъ новизны, они очень послѣдовательно и органически выросли изъ европейскаго прошлаго, хотя не только пораженные ими читатели, но и сами авторы не всегда подозрѣвали глубоко сокрытые историческіе корни тезисовъ и проблеммъ, одинаково кружившихъ головы тѣмъ и другимъ. Но когда

эти творенія попали въ предѣлы великой восточно-европейской равнины, на эту культурную tabula rasa, какою она представлялась западно-европейскому и даже иному туземному просвѣщенному взгляду, эта смѣлая литература показалась здѣсь настоящимъ откровеніемъ свыше, своего рода новою легендарною *Голубиною книгой*, упавшею съ неба послѣ проливного дождя и дававшею простые и ясные отвѣты на всѣ мудреные міровые вопросы, какіе цѣлые вѣка мучили и сушили умъ и сердце человѣка. Въ этой литературѣ смѣло ставился и разрѣшался и вопросъ о воспитаніи. Новыя педагогическія воззрѣнія также имѣли тѣсную связь съ ходомъ европейскаго образованія, хотя иногда являлись нетерпѣливымъ и запальчивымъ его отрицаніемъ. Въ основѣ этихъ воззрѣній явственно сквозили высказанныя еще въ концѣ XVII в. идеи старика Локка. Европейской культурѣ рѣдко доводилось выносить такія насмѣшки надъ собой, какою была его книга о воспитаніи. Въ своихъ университетахъ и въ школахъ поменьше и пониже она цѣлые вѣка громоздила сложное и съ виду величественное зданіе школьной учености съ ея мудреными доктринами, диспутами, диссертаціями, теоріями, цитатами, комментаріями, а великій англійскій мыслитель, творецъ одной изъ самыхъ глубокихъ теорій познанія, въ легкой, совсѣмъ неученой книжкѣ повалилъ это громоздкое зданіе, возвѣстивъ, что молодому англійскому джентльмену все это излишне и непригодно, а нужны ему самыя простыя вещи, нетолстая и нетеплая одежда, простая пища, пріученныя къ холоду ноги, жесткая постель, свѣжій воздухъ, здравый разсудокъ, знаніе людей и природы, привычка молиться Богу утромъ и вечеромъ, правдивое сердце и тому подобныя принадлежности благовоспитаннаго и добродѣтельнаго человѣка. Казалось, стоило только немножко подумать, чтобы тотчасъ придумать всѣ эти умныя и понятныя вещи, до которыхъ однако лишь теперь додумалась европейская мысль умомъ одного изъ своихъ величайшихъ мыслителей.

Эти идеи и совѣты развивались писателями XVIII в., касавшимися вопроса о воспитаніи. Еще въ царствованіе Елизаветы русскій образованный учитель могъ прочитать у Дюкло въ его извѣстныхъ *Considérations sur les moeurs de ce siècle* замѣчательныя мысли: „У насъ много выучки, но мало воспитанія; изъ насъ образуютъ ученыхъ, всевозможныхъ художниковъ, но еще не надумались образовать людей, т.-е. воспитывать ихъ другъ для друга, полагать общее воспитаніе въ основу всякаго частнаго обученія". Задачи новаго воспитанія поставлены были прямо: здоровое и стройное развитіе физическихъ и духовныхъ силъ человѣка, вмѣсто безпорядочнаго многоученія, благовоспитанность, вмѣсто учености, нравственный тактъ и живое пониманіе дѣйствительности взамѣнъ устарѣлыхъ грамматикъ и риторикъ. Смѣлая педагогія!—подумаешь невольно: она шла увѣренными шагами къ тому, о чемъ только со вздохомъ мечтаютъ современные родители и воспитатели въ своихъ уединенныхъ размышленіяхъ. Кажется, такая смѣлость имѣла нѣкоторое отношеніе ко взгляду на духовную природу человѣка, сложившемуся въ прошломъ вѣкѣ и нашедшему себѣ блестящее философское выраженіе въ знаменитомъ *Трактатѣ объ ощущеніяхъ* Кондильяка (1754 г.). Продолжая и поправляя Локка, этотъ философъ предпринялъ прослѣдить зарожденіе и ростъ духовной жизни человѣка отъ простѣйшихъ чувственныхъ воспріятій до самыхъ сложныхъ операцій духа. Этотъ процессъ схематически изображенъ въ видѣ одухотворенной статуи съ готовыми дѣйствовать органами чувствъ, но еще безъ содержанія. Эта живая организованная пустота постепенно наполняется, соприкасаясь со внѣшнимъ міромъ, который возбуждаетъ ея дремлющія чувства. Изъ воспринимаемыхъ внѣшнихъ впечатлѣній образуются ощущенія и идеи, а послѣдовательнымъ сцѣпленіемъ тѣхъ и другихъ сплетаются всѣ духовныя состоянія и отправленія, изъ простѣйшаго акта выходитъ болѣе сложный, низшая способность производитъ высшую и

изъ этой постепенно самоосложняющейся работы чувствъ складывается вся жизнь человѣческаго духа. Ставъ около этой пробуждающейся отъ первобытной летаргіи статуи, педагогъ безъ труда могъ сообразить, какое употребленіе надлежало сдѣлать изъ вскрытой философомъ физіологіи духа. Педагогіи оставалось овладѣть функціями этого самоодушевляющагося психологическаго прибора, подставить ему цѣлесообразно подобранныя внѣшнія впечатлѣнія — и изъ статуи выходилъ готовый методологическій человѣкъ, какъ на заводѣ отливается бронзовое изображеніе по данной художникомъ модели. Можетъ быть, педагогія XVIII в. потому и была такъ смѣла, что Локкъ и Кондильякъ такъ наглядно раскрыли весь процессъ психологической отливки человѣка, а Локкъ, къ тому же, построилъ такую художественную педагогическую модель.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что умная и образованная женщина, вступившая на русскій престолъ въ 1762 году, поспѣшила подумать о воспитаніи юношества: кому же, прежде всего, и подумать о такомъ важномъ предметѣ, какъ не женщинѣ умной и образованной? Екатерина очень хорошо поняла сущность новыхъ педагогическихъ мнѣній, бродившихъ тогда на Западѣ и отражавшихся въ ея любимыхъ книгахъ. При спеціальномъ обученіи должно быть общее воспитаніе, подготовляющее къ гражданскому общежитію; это воспитаніе должно быть сосредоточено на разработкѣ нравственнаго чувства; это дѣло должно взять въ свои руки само государство. Такія мысли Екатерина высказала потомъ въ своемъ *Наказѣ*. Школы, которыя она нашла въ Россіи, могли только поддерживать ея помыслы и заботы объ устройствѣ новаго воспитанія. Нѣкогда Петръ Великій, сидя на новоспущенномъ кораблѣ со своими сотрудниками, размечтался вслухъ о томъ, какъ науки, покинувъ свою древнюю родину Грецію, обойдутъ міръ и, наконецъ, совьютъ себѣ прочное гнѣздо въ Россіи. Но пріюты, приготовленные имъ для пріема наукъ, послѣ его смерти, казалось,

перестали ждать такъ радушно приглашенныхъ имъ въ гости всемірныхъ странницъ. Въ университетѣ при академіи наукъ лекцій не читали, но студентовъ сѣкли. Въ морской академіи, устроенной для благороднаго шляхетства, училась такая бѣднота, которая за неимѣніемъ сапогъ не могла ходить въ классы. Новорожденный Московскій университетъ едва начиналъ дышать и еще весь жилъ въ своемъ будущемъ. Съ президентомъ Академіи Художествъ И. И. Бецкимъ, внимательно изучившимъ учебное дѣло за границей, Екатерина задумала цѣлую систему „воспитательныхъ училищъ“, которая должна была сѣтью покрыть всю Россію. Тому же Бецкому поручено было разработать и исполнить задуманный планъ. Онъ изложилъ общія начала новаго воспитанія въ докладѣ подъ заглавіемъ: *Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества.* Эту педагогическую теорію, созданную вѣкомъ и мало еще гдѣ испытанную на дѣлѣ, краткая надпись *Быть по сему* превратила въ простой законъ Россійской имперіи отъ 12 марта 1764 г. Эти общія начала потомъ переложены были въ статьи *Устава* сухопутнаго кадетскаго корпуса 1766 г. и подробно развиты въ приложенныхъ къ нему въ видѣ руководства *Разсужденіяхъ о установленіи* корпуса, и этотъ рядъ учено-педагогическихъ трактатовъ вмѣстѣ съ уставомъ объявленъ былъ „неподвижнымъ закономъ“ къ точному и непремѣнному исполненію. Казалось, никогда еще власть не подходила такъ близко къ ученой мысли, и впервые ученая мысль становилась властью.

Воспитательный планъ, проведенный въ этихъ и другихъ педагогическихъ трудахъ Бецкаго, самъ по себѣ довольно простъ. Усилія и средства, потраченныя со времени Петра I на обученіе наукамъ и художествамъ, принесли мало добрыхъ плодовъ. Причина не въ недостаткѣ способностей у народа, а въ выборѣ непрямыхъ путей къ цѣли. Многіе быстро и отлично успѣвали въ наукахъ, но еще быстрѣе погружались въ прежнее невѣжество, потому что не могли

или не умѣли ни продолжить, ни примѣнить пріобрѣтенныхъ знаній. Бѣда въ томъ, что изученію наукъ не сопутствовало „добродѣтельное воспитаніе“, безъ котораго ждать прочныхъ успѣховъ въ наукахъ—суетная надежда, ибо опытомъ дознано, что „одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина“ и не предохраняетъ отъ пороковъ, которые дѣлаютъ научные успѣхи безплодными и даже иногда вредными. Итакъ, „корень всему злу и добру — *воспитаніе*“. Прямой путь къ цѣли—создать воспитаніемъ, „такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей“, отъ которыхъ бы пошли въ безконечный рядъ дальнѣйшихъ поколѣній непрерывною нитью преданія правила истинной благовоспитанности. Имѣя въ виду эту великую цѣль, слѣдуетъ завести для дѣтей обоего пола не простыя школы, а *воспитательныя училища*, и принимать въ нихъ дѣтей не старше шестого года, когда въ дитяти пробуждается сознаніе: позднѣе становится уже неисправимъ *худой нравъ*, которымъ успѣло заразиться дитя. Припомнимъ, что живую статую Кондильяка педагогія должна захватить раньше, чѣмъ грѣшный внѣшній міръ успѣетъ начать надъ ней свою опасную воспитательную работу. Въ училищѣ питомецъ безысходно остается до 20 лѣтъ, не имѣя ни малѣйшаго общенія съ внѣшними людьми, даже съ ближайшими родственниками видаясь изрѣдка только въ училищѣ и то на глазахъ у начальства. Главное воспитательное средство—чтобы питомецъ „непрестанно взиралъ на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей“. Эти примѣры и наставленія воспитателей должны вселить въ него страхъ Божій, укрѣпить въ сердцѣ похвальныя склонности, привить навыки къ трудолюбію, благопристойности въ словахъ и поступкахъ, учтивости, сострадательности къ бѣднымъ и несчастнымъ, пріучить къ домостроительству, къ опрятности и чистотѣ. Таковы элементы добраго воспитанія, добродѣтели прямого гражданина, полезнаго члена общества. Что касается про-

свѣщенія разума науками и художествами, то выборъ ихъ надобно предоставить самому питомцу, его охотѣ; его душевныя склонности здѣсь важнѣе всѣхъ другихъ соображеній; неволей здѣсь ничего не добьешься. Но благовоспитанный гражданинъ долженъ быть и здоровымъ, живымъ человѣкомъ, съ крѣпкимъ сложеніемъ, бодрымъ духомъ и веселымъ нравомъ. Поэтому въ школѣ должны быть чистый воздухъ, здоровая пища, невинныя игры и забавы и не должно быть ничего, что нагоняетъ „скуку, задумчивость и прискорбіе".

Все это было ново и непривычно для многихъ въ прошломъ вѣкѣ и вмѣстѣ кажется все такъ легко и просто. Но простъ только планъ дѣла, а не самое дѣло. Процессъ оживленія статуи легче воспроизвести психологическимъ анализомъ, чѣмъ повторить педагогическимъ опытомъ. Ставилась трудная педагогическая проблемма: по мысли Бецкаго, задача педагогіи—въ юности научить тому, что должно дѣлать въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Но, вѣдь, для этого придется либо школьную юность продлить до зрѣлыхъ лѣтъ, либо зрѣлыя лѣта начать прежде минованія юности. Въ первомъ случаѣ питомецъ переростетъ свою школу, а во второмъ—школа обгонитъ его ростъ. Слѣдуетъ воздать должное нашимъ педагогамъ прошлаго вѣка, подобнымъ Бецкому: надобно было имѣть много любви къ людямъ, много вѣры въ свое дѣло, чтобы взяться за разрѣшеніе такой задачи съ надеждой на успѣхъ. Изъ всѣхъ педагогическихъ опытовъ, исполненныхъ Бецкимъ, наиболѣе обдуманнымъ является уставъ обновленнаго имъ сухопутнаго кадетскаго корпуса съ приложенными къ нему разсужденіями. Этотъ корпусъ долженъ былъ стать образцовымъ воспитательнымъ учрежденіемъ, приспособленнымъ къ общественному и государственному положенію русскаго дворянства. Посмотримъ, какъ здѣсь разрѣшалась педагогическая задача, такъ смѣло поставленная.

Затрудненіе являлось при первомъ же шагѣ. Новое во-

спитаніе строилось на естественности и непринужденности, а начиналось актомъ не совсѣмъ естественнымъ и довольно насильственнымъ: 5—6-ти лѣтній ребенокъ на цѣлыя 15 лѣтъ совершенно вырывался изъ семьи. Отдавая дѣтей въ корпусъ, родители обязывались подпиской до окончанія курса не требовать ихъ обратно „отнюдь ни подъ какимъ видомъ“ даже во временный отпускъ. Семья должна была знать свое дѣло, поставить въ школу пустую человѣкообразную статую съ здоровыми органами чувствъ и терпѣливо ждать, когда школа воротитъ ей здороваго человѣка съ полнымъ гуманнымъ содержаніемъ. Весь курсъ дѣлился на пять трехлѣтнихъ возрастовъ. Въ первомъ ребенка встрѣчала взамѣнъ натуральной педагогическая мать въ лицѣ воспитательницы. При комплектѣ возраста въ 120 человѣкъ у каждой воспитательницы было по 12 питомцевъ; весь возрастъ состоялъ изъ 10 педагогическихъ семей, только безъ отцовъ. Въ двухъ дальнѣйшихъ возрастахъ дѣти становились подъ руководство воспитателей, педагогическихъ отцовъ безъ матерей. Составъ семей становился сложнѣе и потому число ихъ уменьшалось: во второмъ возрастѣ ихъ полагалось 8 по 15 дѣтей въ каждой, въ третьемъ 6 по 20 дѣтей. Въ двухъ послѣднихъ возрастахъ дѣти превращались въ молодыхъ людей, и семейный строй воспитанія кончался, начиналась подготовка къ обществу и къ службѣ; въ пятомъ возрастѣ кадетъ по уставу долженъ былъ „зрѣло разсуждать, какое бы для себя избрать состояніе въ обществѣ на великомъ театрѣ свѣта“. При переходѣ въ четвертый возрастъ кадеты расходились на два отдѣленія: одни готовились къ военному званію, другіе къ гражданскому. Военные кадеты соединялись не въ семьи, а въ роты, отцы-воспитатели смѣнялись командирами, ротными капитанами, поручиками-инструкторами и вмѣстѣ воспитателями, прапорщиками-учителями наукъ. У гражданскихъ кадетовъ были свои руководители, общій инспекторъ для обоихъ возрастовъ и особые профессоры-воспитатели и преподаватели для того и другого возраста.

Въ образованіи кадетовъ уставъ строго различалъ воспитаніе и обученіе, разумѣя подъ первымъ нравственные и практическіе навыки, подъ вторымъ теоретическія познанія. Воспитанію отдавалось рѣшительное предпочтеніе передъ обученіемъ согласно съ главною цѣлью воспитательныхъ училищъ „не науки токмо и художества умножить въ народѣ, но и вкоренить въ нѣжныя сердца добронравіе и любовь къ трудамъ,—словомъ, новымъ воспитаніемъ новое бытіе намъ даровать и новый родъ подданныхъ произвести". Генералъ-директоръ корпуса дѣлилъ съ особымъ корпуснымъ полицеймейстеромъ спеціальную должность *цензора* или *наблюдателя нравовъ*, назначеніе которой „внушать добродѣтель благородному юношеству", а учебною частью завѣдывалъ особый директоръ наукъ. Воспитатель соединялъ въ себѣ двоякое значеніе дядьки и преподавателя наукъ; но гдѣ эти значенія раздѣлялись, учительская должность ставилась ниже воспитательской. Способности уставъ цѣнитъ ниже нравовъ и прямо требуетъ, чтобы „прилежаніе къ наукамъ было умѣренное". Уставъ назначаетъ для изученія довольно широкій кругъ наукъ, къ которымъ прибавляетъ еще 9 художествъ, въ томъ числѣ *изваяніе* и *дѣланіе статуй*. Но обученіе, какъ и весь воспитательный порядокъ въ корпусѣ, онъ рѣзко отличаетъ отъ обыкновеннаго школьнаго. Воспитаніе въ корпусѣ, по требованію руководства, должно быть больше практическое, чѣмъ теоретическое: юношество учится больше слухомъ и зрѣніемъ, чѣмъ затверживаніемъ уроковъ. Кадету предстоитъ исполнять, что онъ выучитъ, а не обучать другихъ; потому изгоняются изъ корпуса „всѣ метафизическія матеріи, выучиваніе наизусть,—словомъ, всѣ школьническія излишества". Въ росписи наукъ по уставу значатся логика и латинскій языкъ для желающихъ; но руководство сомнѣвается въ необходимости этихъ предметовъ, какъ и метафизики для кадетовъ. Изъ корпуса должны выходить не ученые, а воины-граждане. Поэтому научный арсеналъ давалъ только вспомогательныя средства

для выработки дѣятельныхъ привычекъ, необходимыхъ для такого житейскаго назначенія. Главныя задачи воспитанія—укрѣпить физическія силы, привить надлежащіе практическіе навыки и нравственныя наклонности. Корпусное руководство прямо предписываетъ „больше тѣло пріучать къ трудамъ, нежели принуждать разумъ къ размышленіямъ и соображеніямъ". Оно учитъ, что, прежде всего, надобно въ ребенкѣ „соорудить по правиламъ натуры и физики" крѣпкое и выносливое сложеніе, потомъ вкоренить въ душѣ его страхъ Божій, спокойствіе, самообладаніе, „изящныя мысли", вдохнуть ненависть ко всему противному чести и добродѣтели и затѣмъ практически пріучить юношу „объ людяхъ разсуждать и распознавать ихъ", научить его, „что есть человѣкъ въ обществѣ, чего требуетъ чинъ, мѣсто или то состояніе, въ какомъ онъ находиться будетъ, какъ жить съ родителями, наставниками и властителями", знать и усердно исполнять свой долгъ на всякомъ поприщѣ, проходя его „съ честью и съ общимъ удовольствіемъ". Поэтому уставъ въ учебной программѣ второго возраста рядомъ съ ариѳметикой и геометріей ставитъ особую науку—*учтивство и долгъ благопристойности*, а во главѣ программы четвертаго возраста *упражненіе истиннаго христіанина и честнаго человѣка*. Цѣлямъ воспитанія соотвѣтствовали и его пріемы. Вся методика слагалась изъ чисто-нравственныхъ средствъ. Главное изъ нихъ—добрый примѣръ воспитателей. Но примѣръ, нравственное вліяніе можетъ дѣйствовать только при встрѣчѣ съ желаніемъ подражать, съ нравственною воспріимчивостью. Чтобы вызвать ее, необходимы со стороны воспитателей любовь и ласка, со стороны питомцевъ довѣріе и почтеніе. Воспитатели больше внушаютъ, чѣмъ приказываютъ; склоняютъ и пріучаютъ, а не запугиваютъ и не принуждаютъ. Руководство порицаетъ строгій и повелительный взглядъ и голосъ, надутый видъ воспитателя, а уставъ запрещаетъ суровое обхожденіе съ дѣтьми и предписываетъ даже необходимую въ военномъ быту строгость соединять

съ пріятностью, „чтобъ не произвести въ юношахъ вредительныхъ воображеній страха“. Выговоры слѣдуетъ дѣлать дѣтямъ „безъ свирѣпства и злобы; *угрюмые педанты, свирѣпые школьные учителя* въ воспитатели не годятся; педантство, замѣчаетъ руководство, есть сущая пагуба воспитанію юношества. Бывшіе прежде въ практикѣ корпуса побои безусловно воспрещаются, потому что ими, по замѣчанію руководства, добродѣтели произвести невозможно: она дщерь кротости, любви и почтенія къ родителямъ, наставникамъ и знаемымъ. Уставъ вообще не допускаетъ тѣлесныхъ наказаній въ корпусѣ „отнюдь ни въ какомъ случаѣ“; кадеты не должны были ни испытывать, ни даже видѣть ни такихъ наказаній, ни другихъ примѣровъ строгости. Въ этомъ отношеніи русскій педагогъ превосходилъ даже самого Локка, который въ иныхъ случаяхъ разрѣшалъ побои. Самый видъ неволи не былъ терпимъ въ заведеніи; по уставу никому въ корпусѣ не позволялось ни подъ какимъ видомъ имѣть при себѣ крѣпостныхъ слугъ. Руководство предписываетъ составить для корпуса особый уставъ о наказаніяхъ на основаніи той главы *Esprit des lois* Монтескье, гдѣ главнымъ образомъ карательнымъ орудіемъ признается собственный стыдъ виновнаго. Никогда ни въ какомъ женскомъ воспитательномъ заведеніи педагогія не предписывала болѣе осторожнаго, заботливаго и деликатнаго обращенія съ сердцемъ и впечатлѣніемъ воспитываемаго существа, чѣмъ какое предписывалось въ этомъ сухопутномъ шляхетномъ питомникѣ русскихъ офицеровъ-гражданъ. И какъ вѣнецъ столь заботливыхъ и человѣколюбивыхъ педагогическихъ усилій, автору руководства грезится въ отдаленной житейской перспективѣ образъ подготовленнаго въ корпусѣ воина-гражданина, искуснаго въ политической экономіи и законахъ своего отечества, „такъ, чтобы генералъ, одержавъ побѣду, могъ рѣшить судное дѣло въ сенатѣ, распоряжать теченіе доходовъ, поправлять земледѣліе, исполнять должность генералъ-полицеймейстера, чтобъ изъ военной коллегіи

или другого правительственнаго учрежденія паки могъ ѣхать въ поле предводительствовать арміею и при назначеніи на сіи должности не было бы нужды разбирать время и особы". Очевидно, величавыя фигуры Сципіоновъ и Метелловъ мелькали при этомъ въ воображеніи русскаго педагога; можетъ быть, мелькнули бы и фигуры Воротынскихъ и Пожарскихъ, если бы недавняя московская старина была знакома ему также, какъ отдаленная римская.

Остановимся одну минуту на этомъ великолѣпномъ педагогическомъ построеніи. Въ основѣ его явственно выступаютъ двѣ великія теоремы вѣка, выражавшіяся терминами *человѣчество* и *добродѣтель*. Человѣчество представлялось полемъ дѣятельности для благовоспитаннаго сердца, добродѣтель—ея стимуломъ и содержаніемъ. Человѣчество, какъ его понимали въ XVIII вѣкѣ, конечно, не можетъ быть практическимъ полемъ какой-либо дѣятельности: это на половину историческая идея, на половину философское умозрѣніе; въ немъ больше воспоминаній и чаяній, чѣмъ практическихъ, уловимыхъ условій, вызывающихъ и направляющихъ какую-либо дѣятельность. Наши педагоги прошлаго вѣка, стараясь упростить и приблизить эту идею къ конкретному пониманію, реализировали ее въ понятіе *общества* или *отечества*, не исторической и географической Россіи, а отвлеченнаго, алгебраическаго отечества. Точно также и добродѣтель, философская добродѣтель XVIII вѣка—это академическое понятіе и много-много нравственный идеалъ. Это больше настроеніе, чѣмъ программа, не столько указка для воли, сколько способъ измѣренія температуры сердца. Моралисты прошлаго вѣка, которыхъ особенно любили наши педагоги, такъ и опредѣляли добродѣтель, какъ функцію сердца, а не воли, говоря, что это есть „чувство, умонаклоненіе къ добру, любовь къ человѣчеству". Она не задавала никакихъ исторически-нужныхъ и практически-разрѣшимыхъ задачъ, могла указывать направленіе дѣятельности, но не быть ея цѣлью. Это своего рода виѳлеемская звѣзда, кото-

рая вела волхвовъ, но вела не къ себѣ самой, не была концомъ пути, который указывала. Отвлеченная идея человѣчества мутила живое историческое чутье родины, а отъ холодной мысли о схематической добродѣтели застывала живая нравственная потребность простого добраго дѣла. Гуманный космополитъ созерцалъ небесную механику и не замѣчалъ исторіи и географіи, могъ съ размѣреннымъ вздохомъ скорбѣть о противорѣчіяхъ мірозданія, даже граціозно плакать стереотипными слезами о страданіяхъ человѣчества, и не утереть ни одной конкретной, неопрятной слезы, встрѣченной на улицѣ. Въ такомъ міросозерцаніи нравственное чувство разлагается въ формулы, мораль замѣняется кодексомъ правилъ, побужденія—принципами, какъ музыкальные мотивы разыгрываются въ механическія мускульныя движенія пальцевъ. Эти формулы, правила и принципы въ прошломъ вѣкѣ и пытались посредствомъ закрытаго школьнаго воспитанія разучить въ благовоспитанные навыки; но такъ какъ эти навыки прививались безъ самыхъ предметовъ, къ которымъ они относились, то они превращались въ безпредметныя чувствованія, въ простую гимнастику сердца. Оторванная отъ семьи воспитательная школа ставила себѣ задачей научить питомцевъ любить и почитать родителей и знаемыхъ, но научить любить ихъ безъ нихъ самихъ: для кадета Васильевскаго острова или для узницы Смольнаго монастыря родители и ближайшіе знаемые, братья и сестры, на которыхъ, прежде всего, пробуетъ свои силы маленькое дѣтское сердце, въ продолженіе многолѣтняго педагогическаго плѣна превращались въ печальныя тѣни, бродящія гдѣ-то въ полузабытой глуши Щигровскаго или Мокшанскаго уѣзда. Навыки въ обѣихъ системахъ воспитанія почти одни и тѣ же: это—привычка къ труду, смиренію, кротости, повиновенію, сострадательности, опрятности и чистотѣ и даже къ невысокому взгляду на книжную мудрость, научное знаніе, которое и Локкъ считалъ самою маловажною вещью въ воспитаніи. Могутъ подумать:

какъ? стало быть, наши педагоги надѣялись по правиламъ Монтэня, Локка и Руссо создать новую породу людей, непохожихъ ни на отцовъ, ни на матерей, и не догадывались, что въ этой репетиціи шестого дня міротворенія они реставрировали уже знакомыхъ намъ автоматовъ древней Руси, т.-е. только переодѣвали въ новенькое модное платьице старую педагогическую куклу попа Сильвестра? Нѣтъ, не совсѣмъ такъ и даже не слѣдуетъ такъ выражаться. Нравственные навыки, какіе вырабатывались обоими воспитаніями, были довольно сходны; но они прививались не къ одинаковымъ силамъ души человѣческой. Древнерусская педагогія *Домостроя* выбивала автоматическую *совѣсть*, а педагогія XVIII вѣка, говоря ея словами, сооружала по правиламъ натуры и физики автоматическое *сердце* съ безпредметною дѣятельностью, съ чувствомъ вѣчно дѣйствующимъ и ничѣмъ не питаемымъ. Въ древнерусской домашней дѣтской старались такъ направить человѣка, чтобъ онъ и съ завязанными глазами зналъ, куда идти, а питомецъ закрытой философской школы, еслибъ онъ удался, былъ бы похожъ на человѣка, который, вышедши изъ дому съ желаніемъ пройтись, не знаетъ, куда идти, и потому вертится вокругъ самого себя, не двигаясь съ мѣста.

Такое движеніе безъ цѣли, хотя и съ направленіемъ— не только историческая ненужность, но и психологическая невозможность, хотя въ тотъ вѣкъ вообще расположены были вводить механику даже туда, гдѣ, казалось бы, должны дѣйствовать иные законы движенія. Дидро однажды писалъ Екатеринѣ II о томъ, какъ легко побѣдить два затрудненія, мѣшающія устройству учебнаго дѣла въ Россіи—недостатокъ учебниковъ и отсутствіе подготовленныхъ преподавателей: стоитъ только заказать русскимъ академикамъ и иностраннымъ ученымъ необходимые учебники, потомъ перевести ихъ на русскій языкъ, и тогда по нимъ всякій грамотный русскій будетъ въ состояніи преподавать какую угодно науку. Значитъ, автоматъ-воспитанникъ посредствомъ авто-

мата-наставника! И Бецкій предвидѣлъ оба затрудненія и также надѣялся легко сладить съ ними; но его надежда не оправдалась, новую породу людей сотворить не удалось, и печальнымъ пророчествомъ звучитъ его замѣчаніе въ *Разсужденіяхъ*, что если, „по несчастію“, не найдутся дядьки и учители, искусные въ наукахъ и способные во всемъ служить примѣромъ для юношества, „тщетны будутъ всѣ предписанія и всѣ старанія о произведеніи благонравія и успѣховъ“. Теперь не время разсказывать, какъ случилось это несчастіе съ русскою педагогіей прошлаго вѣка, какъ неудовлетворительно была исполнена ея воспитательная программа: пришлось бы разсказывать о затрудненіяхъ и недоразумѣніяхъ, которыя могутъ показаться не столько прискорбными, сколько забавными, а въ серьезномъ дѣлѣ воспитанія ничто не должно казаться забавнымъ. Но эта неудача имѣла свое историческое оправданіе. Представимъ себѣ на минуту, что планъ Бецкаго удался, что изъ его воспитательнаго училища вышли кадетъ или институтка, выправленные вполнѣ по правиламъ его педагогики, усвоившіе себѣ добродѣтель, какъ автоматическій моціонъ нравственнаго чувства: съ своимъ сердцемъ, готовымъ обливаться кровью при видѣ каждаго цвѣтка, сорваннаго и брошеннаго на дорогѣ, что стали бы дѣлать, какъ почувствовали бы себя онъ и она въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, среди тогдашнихъ условій русской жизни? Это было бы еще не самое худшее, еслибъ изъ него вышелъ тоскующій говорунъ Чацкій, кончившій рѣшимостью искать по свѣту уголка, который бы пріютилъ его бездомное оскорбленное чувство. Гораздо хуже, еслибъ изъ нея вышелъ живой оригиналъ *Бѣдной Лизы* Карамзина, въ печальной судьбѣ которой только и было русскаго, историческаго, что тотъ прудъ, въ которомъ, по волѣ автора, утонуло это красивое изваяніе изысканой чувствительности.

Планъ школы Бецкаго не былъ соображенъ ни съ ея наличными педагогическими средствами, ни съ историче-

скимъ складомъ окружавшей ее дѣйствительности, и эта двойная несообразность, разстраивая школу, спасала общежитіе. Программа этой школы подкупаетъ своею задушевностью, вѣрой въ природу человѣка, любовью къ дѣтямъ и поучительна самыми своими ошибками. Она рисовала планъ теплицы воспитанія, педагогическаго зимняго сада среди сѣвернаго русскаго лѣса: это было излишество не по климату, культурная роскошь. Такъ и смотрѣли на школы Бецкаго опытные педагоги-современники, прямо сопоставляя ихъ съ затѣйливыми оранжереями въ тогдашнихъ помѣщичьихъ усадьбахъ. Идеи, на которыхъ онѣ были построены, не пропали безслѣдно, сослужили важную службу нашему образованію; но это было внѣ школы. Онѣ воспитательнѣе подѣйствовали на взрослыхъ, чѣмъ на дѣтей, заставивъ первыхъ позаботиться и подумать о послѣднихъ, о чемъ они не любили заботиться и думать. А вѣдь, одна изъ великихъ заслугъ педагогіи въ томъ, что она заставляетъ взрослыхъ думать о дѣтяхъ. Педагогія—не нянька, а утренній будильникъ: слово дано ей не для того, чтобы, укачивая чужого ребенка, усыплять свою мысль, а для того, чтобы будить чужую. Опытъ Бецкаго убѣдилъ, что въ дѣлѣ воспитанія школа не можетъ оторваться отъ семьи, какъ опытъ древней Руси показалъ, что школѣ трудно и небезопасно слиться съ семьей. Семья и школа—не сожительницы и не соперницы; это—сосѣдки и сотрудницы. Школа не можетъ замѣнить семьи, какъ и семья не можетъ обойтись безъ школы. У той и другой свое особое воспитательное дѣло. Въ воспитаніи различаются два дѣла: одно—развитіе и выправка индивидуальныхъ особенностей, личныхъ свойствъ и наклонностей человѣка, другое—выработка общаго типа, прививка тѣхъ общеобязательныхъ правилъ, понятій и интересовъ, изъ которыхъ слагается культура времени и которые дѣлаютъ разнохарактерныя личности способными къ дружному общежитію. Школа Бецкаго брала на себя оба эти дѣла и на первомъ даже настаивала съ особенною силой, какъ на

своей прямой и посильной задачѣ. Но эта школа потому и не сдѣлала своего дѣла, что бралась еще и за чужое. Школьный наставникъ въ каждой изъ сорока устремленныхъ на него паръ дѣтскихъ глазъ не можетъ прочитать тѣхъ маленькихъ чувствъ и помысловъ, отъ которыхъ она вчера вечеромъ, смотря въ учебную книжку, туманилась или загоралась, не можетъ уловить того уголка зрѣнія, подъ которымъ она привыкаетъ смотрѣть на людей и вещи; это могутъ подкараулить только отецъ и особенно мать. Подъ роднымъ кровомъ дитя получаетъ то, чего не можетъ дать школа; школа должна ему дать то, чего оно не находитъ дома. Дома оно привыкаетъ понимать и любить *своихъ*, въ школѣ пріучается жить съ *чужими* и, примѣняя къ нимъ привычку понимать и любить, выработанную на родныхъ объектахъ, учится превращать чужихъ въ своихъ *ближнихъ*. Школа Бецкаго поступала прямо наоборотъ: вырвавъ ребенка изъ родной среды, она на близкихъ чужихъ пріучала его любить покинутыхъ родныхъ. Это очень трудно, если только возможно. Но семья никогда не откажется отъ своего воспитательнаго дѣла, не захочетъ превратиться въ простую кустарную мастерскую, вырабатывающую педагогическое и рекрутское сырье для школы и казармы.

Зато въ педагогическихъ уставахъ и разсужденіяхъ Бецкаго впервые у насъ если не высказывается, то съ такою настойчивостью проводится правило, за которое одно отпустится ему тысяча его педагогическихъ грѣховъ, логическихъ промаховъ и психологическихъ недосмотровъ: это— требованіе, чтобы воспитатели относились къ дѣтямъ „съ кротостію, учтивствомъ и любовію“, всегда хранили при нихъ веселый видъ и въ нихъ поддерживали „бодрый духъ и веселый нравъ“. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ теперь не можетъ быть никакой педагогіи, никакой школы, а есть только казарма для малолѣтнихъ преступниковъ, даже не исправительная, а просто карательная.

Таковы выводы, какіе умѣю я извлечь изъ описанныхъ

воспитательныхъ опытовъ; выводы болѣе глубокіе подскажутъ вамъ ваша опытность и ваша любовь къ дѣтямъ. Но каковы бы ни были наши педагогическіе опыты и наблюденія, мы не откажемся отъ сейчасъ указаннаго правила Бецкаго: материнское чувство поддержитъ его даже тогда когда въ немъ поколеблется отцовская мысль. Въ *Домостроѣ* священника Сильвестра есть очень сильное мѣсто, гдѣ наставникъ убѣждаетъ дѣтей покоить родителей въ старости, не забывать труда отцова и матерняго, помнить, что они никогда и ничѣмъ не съумѣютъ заплатить своего дѣтскаго долга, потому что не могутъ родить своихъ родителей, никогда не испытаютъ для нихъ тѣхъ болей, какими они болѣли за своихъ дѣтей. Современные отцы и матери едва ли потребуютъ уплаты долга съ своихъ дѣтей въ такихъ выраженіяхъ; но, по крайней мѣрѣ, за мать теперь можно сказать современнымъ дѣтямъ: она готова была умереть за васъ, прежде чѣмъ вы рождались; вы обязаны жить для нея, пока она жива. Если дѣти сердцемъ усвоятъ себѣ смыслъ стараго домостроевскаго совѣта, сами собой явятся веселый видъ старшихъ, бодрый духъ и веселый нравъ младшихъ, а учитель и учительница помогутъ тѣмъ и другимъ, заронятъ въ дѣтскій умъ побольше здоровыхъ мыслей и знаній, въ сердце побольше бодрыхъ чувствъ, въ учебный ранецъ взамѣнъ истрепанныхъ учебниковъ побольше веселыхъ, благодарныхъ воспоминаній. Намъ нѣтъ нужды опасаться, что жизненный путь нашихъ дѣтей по выходѣ изъ школы будетъ скудно усыпанъ печалью. У нашей молодежи того и другаго пола много сердца, а было бы сердце—печали найдутся.

Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени *).

Полтораста лѣтъ прошло отъ рожденія Н. И. Новикова, и идетъ 77-й годъ со дня его смерти. Теперь осталось очень мало людей, которые могли бы его лично знать и помнить. Мы можемъ только вспоминать о немъ. Такимъ воспоминаніемъ позвольте на нѣсколько минутъ занять ваше благосклонное вниманіе. Ничего не скажу ни новаго, ни даже цѣльнаго, а только изъ общеизвѣстнаго о Новиковѣ напомню то, чѣмъ особенно можно и должно помянуть его.

Н. И. Новиковъ собственно не писатель, не ученый и даже не особенно образованный человѣкъ въ духѣ своего времени; по крайней мѣрѣ, самъ онъ не признавалъ себя ни тѣмъ, ни другимъ, ни этимъ, хотя онъ и писалъ, даже хорошо писалъ, и издалъ много цѣннаго научнаго матеріала, и своею дѣятельностью много лѣтъ привлекалъ къ себѣ сочувственное и почтительное вниманіе всего образованнаго русскаго общества. Настоящимъ своимъ дѣломъ онъ считалъ издательство; на типографію и книжную лавку положилъ онъ лучшія силы своего ума и сердца. Типографія, книжная лавка—это не просвѣщеніе, а только его орудія. Но именно, какъ издатель и книгопродавецъ, Новиковъ сослужилъ русскому просвѣщенію большую службу, своеобразную и неповторенную. Намъ теперь трудно представить себѣ типографскую и книгопродавческую дѣятельность, которою можно было бы сослужить такую службу. Правда, и въ наше

*) Читано съ сокращеніями въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 13 ноября 1894 г. [Напечатано впервые въ *Русской Мысли*, 1895, I].

время нелегкое и немаловажное дѣло дать въ руки простому читателю, не любителю и не ученому, полезную и пріятную книгу, попасть во вкусъ и потребности грамотнаго общества; въ малограмотныя времена Новикова это было во много разъ труднѣе и важнѣе, чѣмъ теперь. Но Новиковъ по-своему понималъ задачи печатнаго станка и повелъ свое дѣло такъ, что въ его лицѣ русскій издатель и книгопродавецъ сталъ общественною, народно-просвѣтительною силой, и постигшая Новикова катастрофа произвела на русское образованное общество такое потрясающее впечатлѣніе, какого, кажется, не производило паденіе ни одной изъ многочисленныхъ „случайныхъ“ звѣздъ, появлявшихся на русскомъ великосвѣтскомъ небосклонѣ прошлаго вѣка.

Я напередъ скажу, гдѣ причина такого небывалаго на Руси явленія, какъ могло получить такое значеніе скромное само по себѣ дѣло. Энтузіазмъ частныхъ людей къ дѣлу народнаго образованія, соединенный съ чуткимъ пониманіемъ его нуждъ и недостатковъ и съ расчетливымъ выборомъ средствъ ихъ удовлетворенія и устраненія,— вотъ что особенно вспоминаемъ мы, собравшись почтить воспоминаніемъ 150-ю годовщину рожденія Н. И. Новикова.

Вспоминая дѣятельность Новикова, я, прежде всего, долженъ говорить именно о нуждахъ и недостаткахъ современнаго ему русскаго просвѣщенія, т.-е. придать своему воспоминанію нѣсколько одностороннее направленіе, тѣневую окраску. Но тѣни сами собой отступаютъ назадъ передъ свѣтлыми чертами, такъ ярко отразившимися въ дѣятельности Новикова и его друзей, и мы получаемъ возможность видѣть русское общество того времени съ обѣихъ сторонъ, лицевой и оборотной.

При мысли о Новиковѣ невольно перебираешь въ памяти цѣлый рядъ явленій въ умственной и нравственной жизни русскаго общества съ самаго начала прошлаго вѣка,—такъ тѣсно связана была издательская дѣятельность Новикова съ ходомъ нашего просвѣщенія, особенно съ судьбою книги на

Руси, съ исторіей книжнаго чтенія. Мы привыкли въ своемъ представленіи соединять просвѣщеніе съ книгой, какъ съ однимъ изъ главныхъ его средствъ или пособій. Но въ исторіи нашего просвѣщенія былъ моментъ, когда средство начинало удаляться отъ своей цѣли, когда книга грозила вступить во вражду съ просвѣщеніемъ. Этотъ моментъ былъ дурнымъ перепутьемъ между двумя великими реформами, какія вынесло русское общество въ прошломъ вѣкѣ, между петровскою реформой порядковъ и екатерининскою реформой умовъ. Такой разладъ между средствомъ и цѣлью подготовленъ былъ нѣкоторыми туземными и заносными условіями, дѣйствовавшими на составъ и направленіе книжнаго чтенія, какимъ питалось тогдашнее грамотное общество на Руси.

Въ древней Руси читали много, но немногое и немногіе. Этимъ чтеніемъ съ строго-ограниченнымъ содержаніемъ и направленіемъ вырабатывались мастера-начетчики, которые знали свою литературу, свое божественное писаніе, какъ они ее называли, не хуже, чѣмъ Отче нашъ или святцы. Такіе начетчики не переводились у насъ во весь XVIII вѣкъ, не перевелись и донынѣ. Реформа Петра потребовала отъ высшихъ служащихъ классовъ новыхъ знаній, выходившихъ далеко за предѣлы древне-русскаго книжнаго кругозора, и заставила читать новыя книги преимущественно учебнаго характера. Такъ какъ читали для ученья, а учились по долгу службы, то эта литература разновозрастныхъ учебниковъ не могла стать популярной ни въ младшихъ, ни въ старшихъ возрастахъ, не могла привить читателямъ внутренней потребности въ ней, которая пережила бы ея внѣшнюю принудительность. Вѣдь, любознательность ея записныхъ потребителей поддерживалась болѣе всего экзаменной провѣркою и служебною отвѣтственностью съ энергическими послѣдствіями той и другой, и по мѣрѣ того, какъ со смертью Петра истощались эти дѣятельные питатели научнаго огня, гасла и самая любознательность и застаивались въ пыли на

полкахъ всѣ эти повелительно втиснутые Петромъ въ руки временно-обязанныхъ читателей Пуффендорфіи, Юсты Липсіи, Кугорны, Девигнолы (Виньола), Гюйгенсы, Боргсдорфы, Бухнеры съ ихъ руководствами исторіи, политики, артиллеріи, фортификаціи, съ книгами *мірозрѣнія* (космографія), *марсовыми, архитектурными, слюзными* и другими подобными.

Было бы, однако, несправедливо утверждать, что эта сухая учебная литература безслѣдно свѣивалась съ обязанныхъ учебною повинностью умовъ льготнымъ временемъ ближайшихъ преемниковъ и преемницъ Преобразователя. Немного прочныхъ знаній и отчетливыхъ понятій умѣли почерпнуть изъ нея обязательные ея читатели, а ихъ не обязанныя службой сестры не почерпали никакихъ, ибо и не читали ея. Но тѣхъ и другихъ она самымъ появленіемъ и видомъ своимъ приручала къ книгѣ гражданской печати, освобождала отъ древне-русскаго страха передъ ней, какъ передъ аптечною банкой, и, при всей скудости извлекаемаго изъ нея научнаго содержанія, все же мирила съ ней, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ на службѣ и въ общежитіи. И вотъ приблизительно съ половины царствованія Елизаветы Петровны на ниву русскаго просвѣщенія, все болѣе очищавшуюся отъ засаженныхъ Петромъ тощихъ цыфирныхъ и техническихъ порослей, палъ сначала рѣдкими каплями освѣжительный дождь амурныхъ пѣсенокъ, усердно сочинявшихся доморощенными стихотворцами съ легкой руки Сумарокова; по крайней мѣрѣ, современникъ Болотовъ въ своихъ запискахъ подъ 1752 г. разсказываетъ, что „самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе“, но такихъ пѣсенокъ было еще очень мало, и „онѣ были въ превеликую еще диковинку“, и потому молодыми барынями и дѣвицами „съ языка были не спускаемы“. А за пѣсенками полился потокъ назидательно-прѣсныхъ мѣщанскихъ трагедій и сантиментально-пикантныхъ романовъ, въ изобиліи изго-

товлявшихся на Западѣ. Колючая литература научнаго знанія смѣнилась произведеніями сердца и воображенія, щекотавшими элементарные инстинкты, которые не нуждаются ни въ подготовкѣ, ни въ поощреніи. Изъ холодной и сухой области научной мысли перескочивъ прямо въ распаренную наркотическую атмосферу вольнаго чувства и образа, свѣтски-образованные люди такъ живо почувствовали разницу между тою и другою средой, что наука и беллетристика, долженствующія идти объ руку одна съ другой къ одной цѣли—къ познанію жизни, въ сознаніи этихъ людей стали непримиримыми врагами, и эти люди рѣшили, что можно и должно вкушать сладкіе плоды ученія, отбрасывая его горькій корень. Одногодки Новиковъ и Фонвизинъ молодостью своей попали въ этотъ моментъ, и послѣдній увѣковѣчилъ его въ своемъ *Бригадирѣ* (1766 г.) короткимъ и выразительнымъ обмѣномъ мыслей между двумя образцовыми продуктами этого момента, Совѣтницей и Иванушкой:

— „Боже тебя сохрани,—говоритъ первая второму,—отъ того, чтобы голова твоя была наполнена чѣмъ инымъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ.

— „Madame! — отвѣчаетъ ей Иванушка, — вы говорите правду. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ“.

А какое направленіе преобладало въ этихъ романахъ, потреблявшихся русскими совѣтницами и Иванушками, видно изъ разсказа того же Фонвизина о томъ, какъ онъ, будучи еще студентомъ Московскаго университета, взамѣнъ гонорара за переводъ басенъ Гольберга получилъ отъ московскаго книгопродавца цѣлую кучу иностранныхъ книгъ „соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами“ и испортившихъ его воображеніе. Такія книги, очевидно, наиболѣе спрашивались тогдашнею свѣтскою молодежью. Людямъ, чувствовавшимъ потребность порядочности, надобно было подобно фонвизинскому Сорванцову, оговариваться въ обществѣ, что они не ставятъ своего невѣжества себѣ въ достоинство.

Живописецъ Новикова въ 1772 г. скорбитъ о томъ, что романы раскупаются вдесятеро больше наилучшихъ переводныхъ книгъ серьезнаго содержанія, да и было о чемъ скорбѣть. Хорошій романъ служитъ прекраснымъ пособіемъ для познанія жизни тому, кто въ немъ ищетъ и находитъ художественное объясненіе своихъ случайныхъ и хаотическихъ житейскихъ впечатлѣній; для такого читателя романъ—художественная иллюстрація дѣйствительности; безъ того и лучшій романъ—пустая игрушка воображенія, лубочная картинка, лишенная своей истолковательницы—подписи внизу. Нашихъ читателей и читательницъ романъ отучалъ отъ пониманія дѣйствительности, замѣняя имъ житейскіе опыты и наблюденія призраками, какъ дѣтямъ куклы замѣняютъ живыхъ людей; подобно пушкинской Татьянѣ, они „влюблялися въ обманы и Ричардсона, и Руссо“.

Подготовленный любовными пѣсенками вродѣ сумароковскихъ или николевскихъ, вкусъ романической публики быстро изощрялся, поддерживая возбуждаемость усталаго литературнаго аппетита. Начинали строго-добродѣтельнымъ семейнымъ романомъ во вкусѣ ричардсоновой *Памелы*, продолжали романомъ тоже довольно добродѣтельнымъ, вродѣ *Клариссы*, но уже съ участіемъ Ловеласа, а кончали ничѣмъ не прикрытыми приключеніями вродѣ тѣхъ эстамповъ, на которые жаловался Фонвизинъ. Самыя заглавія романовъ вторили изощрявшимся вкусамъ: *Россійскую Памелу или приключенія Маріи, добродѣтельной поселянки,* смѣняло *Геройство любви или изображеніе великодушнаго любовника*, а затѣмъ уже прямо слѣдовала *Генріетта или гусарское похищеніе*, въ трехъ частяхъ. Такъ народился у насъ значительно разросшійся потомъ классъ потребителей и особенно потребительницъ романа, идиллически мечтательный родъ петиметровъ и кокетокъ съ кисейными чувствами и „съ чепухою сладкихъ словъ“, какъ выразился нѣкогда Княжнинъ о выведенномъ имъ въ комедіи *Чудаки* подобномъ продуктѣ идилліи и романа. Жившіе въ Россіи иностранцы

съ удивленіемъ встрѣчали въ русскомъ большомъ свѣтѣ много дамъ и дѣвицъ, которыя говорили на четырехъ-пяти языкахъ, играли на разныхъ инструментахъ и отлично знакомы были съ произведеніями извѣстнѣйшихъ романистовъ Франціи, Англіи и Италіи. Въ этомъ знакомствѣ трудно искать любознательности, питавшей размышленіе. Къ этимъ дамамъ и дѣвицамъ шло воззваніе въ переведенной тогда идилліи мадамъ Дезульеръ:

Овечки! ни наукъ, ни правилъ вы не зная,
Паситесь въ тишинѣ: не нужно то для васъ.

Надобно сказать правду объ этой идиллической чувствительности: для массы сердецъ она служила только приправой чувственности, не смягчая чувства. Мамаша послѣ обычной утренней расправы на конюшнѣ съ крестьянами и крестьянками принималась за французскую любовную книжку и откровенно объясняла по-русски всѣ прелести любви и нѣжности прекраснаго пола своему тринадцатилѣтнему сыну (*Живописецъ* Новикова).

Среди самаго разлива этого чувственно-чувствительнаго чтенія стало проникать въ наше общество вліяніе просвѣтительной философіи. Можетъ быть, нигдѣ въ Европѣ эта философія такъ наглядно, какъ у насъ, не выказалась обѣими своими сторонами, лицевой и оборотной. Въ нашей разрѣженной культурѣ, какъ въ рѣшетѣ, соръ мысли какъ-то самъ собою отсѣивался отъ ея зерна. Послѣ 28 іюня 1762 г. у насъ было не мало умныхъ и благомыслящихъ людей, которые, становясь у дѣлъ, понимали, чѣмъ могутъ воспользоваться изъ содержанія этой философіи политика, право и общежитіе, и русское законодательство стало провозвѣстникомъ ея зиждительныхъ идей. Но популярную силу этой философіи составляли не столько планы построенія новаго порядка, сколько критика существующаго, приправленная насмѣшкой. Наша модно-образованная публика особенно понятливо воспринимала это критическое направленіе просвѣтительной философіи и не столько самую критику, сколько

ея приправу. Подобно ночнымъ мотылькамъ, которые ничего не видятъ при дневномъ свѣтѣ, непривычные къ размышленію умы слѣпо бросались на яркіе парадоксы тогдашнихъ èsprits forts и на нихъ сжигали послѣдніе остатки здраваго смысла, уцѣлѣвшіе отъ романовъ и идиллій. Развинченное ими вольное чувство, встрѣтившись съ вольною смѣющеюся мыслью, спѣшило устранить всѣ сдержки и преграды и, прежде всего, набросилось на простѣйшія нравственныя связи. Не щадить отца—вотъ прямая добродѣтель вѣка!—восклицаетъ Совѣтница въ *Бригадирѣ*, восхищенная скотскимъ взглядомъ Иванушки на семейныя отношенія. Въ лицѣ одного изъ героевъ *Чудаковъ*, разбогатѣвшаго самодура-дворянина изъ кузнецовъ Лентягина, Княжнинъ изобразилъ одного изъ этихъ вырощенныхъ новымъ духомъ времени и старыми нравами русскихъ вольнодумцевъ, у которыхъ протестующій философскій смѣхъ перерождался въ безразборчивое зубоскальство надо всѣмъ, а отрицаніе предразсудковъ—въ забвеніе приличій,—словомъ, изъ свободы мысли выходило озорство почуявшаго волю холопскаго темперамента. Тогда, по свидѣтельству Фонвизина, составлялись кружки молодежи, все философское упражненіе которыхъ состояло въ богохульствѣ и кощунствѣ. Потерявъ своего Бога, заурядный русскій вольтеріанецъ не просто уходилъ изъ Его храма, какъ человѣкъ, ставшій въ немъ лишнимъ, а подобно взбунтовавшемуся дворовому норовилъ передъ уходомъ набуянить, все перебить, исковеркать и перепачкать. Что еще прискорбнѣе, многими, если не большинствомъ нашихъ вольнодумцевъ, вольныя мысли почерпались не прямо изъ источниковъ,—это все-таки задавало бы нѣкоторую работу уму,—а хватались ими съ вѣтра, доходили до нихъ отдаленными сплетнями изъ вторыхъ-третьихъ рукъ: какой-нибудь молодой Фирлюфюшковъ (петиметръ въ комедіи Екатерины II *Именины госпожи Ворчалкиной*), воротясь изъ Парижа, проповѣдывалъ ихъ довѣрчивымъ зѣвакамъ-сверстникамъ, или старый высокочиновный грѣховод-

никъ зазывалъ молодежь къ себѣ на обѣды, чтобы сообщить ей послѣднія, самыя свѣжія полученныя изъ Парижа новости по части атеизма и матеріализма. Многимъ русскимъ вольтеріанцамъ Вольтеръ былъ извѣстенъ только по слухамъ, какъ проповѣдникъ безбожія, а изъ трактатовъ Руссо до нихъ дошло лишь то, что истинная мудрость—не знать никакихъ наукъ. Съ просвѣтительною философіей у насъ повторилось то же, что бывало съ сантиментально-назидательною беллетристикой: мать пушкинской Татьяны была отъ Ричардсона безъ ума.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но встарину княжна Алина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.

Такимъ образомъ, открывалось неожиданное и печальное зрѣлище: новыя идеи просвѣтительной философіи являлись оправданіемъ и укрѣпленіемъ стараго доморощеннаго невѣжества и нравственной косности. Обличительный вольтеровскій смѣхъ помогалъ прикрывать застарѣлыя русскія язвы, не исцѣляя ихъ. Доисторическія привычки и одичалыя понятія, которыя прежде припрятывались отъ глазъ закона или которыхъ стыдились передъ добрыми людьми, какъ стыдятся неубраннаго домашняго сора передъ гостями, теперь самодовольно выставлялись на показъ, какъ указаніе или требованіе природы. Новыя идеи нравились, какъ скандалы, подобно рисункамъ соблазнительнаго романа. Философскій смѣхъ освобождалъ нашего вольтеріанца отъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, эманципировалъ его духъ и плоть, дѣлалъ его недоступнымъ ни для какихъ страховъ, кромѣ полицейскаго, нечувствительнымъ ни къ какимъ угрызеніямъ, кромѣ физическихъ,—словомъ, этотъ смѣхъ становился для нашего вольнодумца тѣмъ же, чѣмъ была нѣкогда для западнаго европейца папская индульгенція, снимавшая съ че-

ловѣка всякій грѣхъ, всякую нравственную отвѣтственность; да этотъ смѣхъ и тамъ, кажется, былъ преемникомъ, едва ли даже не былъ *натуральнымъ сыномъ* этой самой индульгенціи.

При какомъ угодно мнѣніи о просвѣтительной философіи можно огорчаться такимъ ея употребленіемъ. Порошинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ подъ 1765 годомъ, какъ за нѣсколько лѣтъ до того къ одному московскому дворянину нанялся французъ учить его дѣтей французскому языку; послѣ оказалось, что этотъ французъ былъ вовсе не французъ, а чухонецъ, и обучилъ онъ дѣтей дворянина не французскому, а чухонскому языку. Нѣчто подобное тому, что испыталъ здѣсь французскій языкъ, случилось у насъ и съ французскою философіей: многіе наши вольтеріанцы поступили съ ней совсѣмъ по-чухонски, подъ фирмой ея идей выдавали свои собственныя темниковскія или судогодскія измышленія и недомыслія. Еще одинъ ветхозавѣтный мыслитель сказалъ, что и мудрое слово въ устахъ малоумнаго становится безуміемъ. Направленіе русскихъ умовъ, такимъ образомъ воспринимавшихъ просвѣтительное вліяніе, становилось уже не усвоеніемъ европейской цивилизаціи, а болѣзненнымъ разстройствомъ національнаго смысла, не подготовленнаго къ такому острому питанію. Привозныя лѣкарства только растравляли старые туземные недуги и приходилось лѣчить не только отъ болѣзней, но и отъ самаго лѣченія.

Такъ книга, эта разносчица просвѣщенія, стала ему помѣхой. Въ обѣихъ литературахъ, беллетристической и философской, ставшихъ у насъ наиболѣе ходячими, нашъ просвѣщенный свѣтъ особенно охотно и успѣшно черпалъ лишь чувства и идеи, мало пригодныя для частнаго, какъ и для общественнаго блага, только соблазнявшія сердце и умъ своею вольностью или недозволенностью. Въ то время строгіе судьи видѣли въ такомъ направленіи мысли и вкуса только недомысліе и безвкусіе, слѣпое увлеченіе, и надѣялись исправить грѣхъ, открыть слѣпцамъ глаза насмѣшкой. Слу-

чилось такъ, что въ одно время съ первою турецкою войной, съ борьбой противъ внѣшнихъ враговъ европейской цивилизаціи, русскіе писатели снарядили цѣлую экспедицію, противъ внутреннихъ недуговъ русскаго быта и просвѣщенія, и въ продолженіе 5—6 лѣтъ, пока русскія войска поражали турокъ и татаръ на морѣ и на сушѣ, русскіе сатирическіе журналы громили и доморощенные, и завозные пороки русскаго общества. Сама императрица съ нѣсколькими обличительными комедіями вступила волонтеромъ въ это патріотическое литературное ополченіе подъ прозрачнымъ вуалемъ всѣмъ знакомаго неизвѣстнаго. Тогда двадцатипятилѣтнимъ новобранцемъ выступилъ на литературно-издательскомъ поприщѣ и армейскій поручикъ въ отставкѣ Н. И. Новиковъ, и его журналы *Трутень*, *Живописецъ* и *Кошелекъ* по смѣлости и мѣткости своей сатиры стали рѣшительно впереди всей фаланги сатирическихъ изданій тѣхъ годовъ. Отъ журналовъ Новикова всего больнѣе досталось и зараженному французскимъ вліяніемъ модному русскому свѣту; *Кошелекъ* даже выступилъ спеціальнымъ партизаномъ противъ этого вліянія. Въ журналахъ Новикова встрѣчаемъ едва ли не самыя яркія изображенія типическихъ продуктовъ галломаніи, именно русской галломаніи, львовъ и львицъ тогдашняго большого свѣта, щеголей и щеголихъ или столь памятныхъ петиметровъ и кокетокъ съ ихъ кукольною выдѣлкой и невѣроятнымъ нравственнымъ одичаніемъ, съ ходульными каблучками, буклями въ видѣ крылышекъ горлицы и до облаковъ взбитыми прическами, съ разученно-нѣжною вскидкой взглядовъ, съ вѣчными разговорами о любви и съ ненавистью къ наукамъ, къ книгамъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ они находили, говоря ихъ языкомъ, „слогъ растеганный и мысли прыгающія“ и которыя они „фелитировали безъ всякой дистракціи“. Что же вышло изъ этихъ благородныхъ усилій русской сатиры? Есть основаніе опасаться, что она больше обогатила литературу, чѣмъ исправила нравы, научила добродѣтели только добродѣтельныхъ. Въ *Живописцѣ* есть статья

самого Новикова, передающая юмористическую бесѣду писателей въ разныхъ родахъ съ своими читателями. Между прочимъ, писателю комедій на его рѣчи о нравственно-исправительномъ дѣйствіи комедіи читатель отвѣчаетъ: „Знай, когда ты меня осмѣиваешь, тогда я тебя пересмѣхаю“. Нѣчто подобное, кажется, случилось и съ русскою сатирой прошлаго вѣка. Даже болѣе того: осмѣиваемый шутъ, увидѣвъ свой каррикатурный портретъ на сценѣ или въ сатирическомъ журналѣ, любовался имъ и хохоталъ не менѣе другихъ зрителей. Добрая половина столичнаго партера, апплодировавшаго комедіямъ Фонвизина, состояла изъ подлинниковъ или живыхъ иллюстрацій его художественныхъ каррикатуръ, по крайней мѣрѣ, видѣла въ нихъ портреты своей близкой родни. Какою сатирой можно было донять фонвизинскую княгиню Халдину, которая любила одѣваться при мужчинахъ, не находила ничего страннаго въ томъ, что всѣ ея дѣти уродились въ друзей ея мужа,—вѣдь, въ мужниныхъ же друзей, а не какихъ-либо иныхъ, поймите вы это,—и которая съ гордостью добродѣтели говорила: „мнѣ стыдно чего-нибудь стыдиться“? Обличеніе безсильно противъ людей, которые, по выраженію древне-русскаго лѣтописца, *ни Бога ся боятъ, ни человѣкъ ся стыдятъ*. Удары негодующей сатиры безболѣзненно падали на нашихъ великосвѣтскихъ щеголей и щеголихъ прошлаго вѣка, служа только возбудительнымъ массажемъ для ихъ износившихся въ праздной суетѣ или залежавшихся въ сантиментальной апатіи нервовъ. Болѣе щекотливые надувались сердито, но не исправлялись. Что касается собственно вольнодумства, какъ особаго направленія мыслей, сатирическіе журналы тѣхъ лѣтъ касались его лишь слегка, мимоходомъ, вѣроятно, потому, что оно не успѣло еще выдѣлиться въ такое направленіе изъ общаго хаоса распущенныхъ рѣчей и мыслей. Впрочемъ, послѣ, когда оно стало походить нѣсколько на особое міросозерцаніе, обличеніе и на него не оказало замѣтнаго дѣйствія.

Зло, съ которымъ боролась сатира, была не слабость, не простой порокъ, а нѣчто вродѣ порока сердца, т.-е. болѣзнь, порокъ просвѣщенія, а болѣзни лѣчатъ, не осмѣиваютъ. Ужъ если злоупотреблять медицинскимъ языкомъ, эту болѣзнь можно назвать анеміей общественнаго сознанія и нравственнаго чувства, соединенной съ неестественнымъ отношеніемъ къ окружающему. Общечеловѣческая культура, приносимая иноземнымъ вліяніемъ, воспринималась такъ, что не просвѣтляла, а потемняла пониманіе родной дѣйствительности; непониманіе ея смѣнялось равнодушіемъ къ ней, продолжалось пренебреженіемъ и завершалось ненавистью или презрѣніемъ. Люди считали несчастіемъ быть русскими и, подобно Иванушкѣ Фонвизина, утѣшались только мыслью, что хотя тѣла ихъ родились въ Россіи, но души принадлежали коронѣ французской.

Такое направленіе умовъ въ высшемъ обществѣ грозило немалыми опасностями. Еще въ древней Руси дворянство стало во главѣ русскаго общества, какъ органъ управленія и землевладѣльческій классъ. Петръ Великій хотѣлъ упрочить и расширить это руководящее значеніе сословія, сдѣлавъ его, по крайней мѣрѣ, верхній слой его, дворянство столичное, еще и проводникомъ западно-европейскаго просвѣщенія въ Россіи. Но что бы это былъ за руководящій классъ, который не понимаетъ руководимаго имъ общества и даже презираетъ его! Онъ самъ себя осуждалъ на упраздненіе, и тогда русское общество очутилось бы въ рукахъ провинціальныхъ Простаковыхъ и Скотининыхъ съ ихъ Митрофанами и Николашками, въ 18 лѣтъ едва одолѣвавшими азбуку (въ комедіи Екатерины II *О время!*).

Болѣзнь была тѣмъ серьезнѣе, что происходила не отъ каприза или увлеченія отдѣльныхъ лицъ, а отъ причинъ, которыя коренились въ исторически сложившемся положеніи всего класса. Иноземное вліяніе не встрѣчало надлежащей подкладки въ элементарномъ общемъ образованіи, которое давало бы умѣнье воспринимать потребное, отбрасывая лиш-

нее. Обязательная выучка дворянства совсѣмъ не давала такого образованія, а модное гувернерское воспитаніе во многомъ было даже хуже простого невѣжества. Новая книга, попадавшая въ руки взрослому просвѣщенному человѣку, служила ему не дополненіемъ, а замѣной учебника. Новыя идеи неслись поверхъ умовъ какими-то сухими туманами, застилая глаза и не освѣжая мысли, а только оставляя на ней сорный осадокъ въ видѣ пустыхъ фразъ, дурныхъ манеръ, непристойныхъ выходокъ противъ общепринятаго и т. п. Притомъ, съ освобожденіемъ отъ обязательной службы значительная часть дворянства поспѣшила избавиться отъ привычнаго, но надоѣвшаго дѣла, для котораго оно училось, но не умѣла найти, да и не искала никакого новаго общеполезнаго дѣла, стала праздной. Дѣловая цѣль образованія исчезла изъ глазъ, и книга стала только средствомъ пріятно наполнять пустоту празднаго и безцѣльнаго существованія. Этимъ опредѣлились направленіе умовъ и вкусовъ, выборъ чтенія и идей, характеръ воспитанія. Привычка учиться для службы не выработала въ сословіи внутренней потребности образованія, а отсутствіе сословнаго дѣла уничтожало и общественное побужденіе къ тому. Наконецъ, тогдашній классъ „просвѣщенныхъ людей“ составлялъ очень тонкій слой, который случайно взбитою пѣной вертѣлся на поверхности общества, едва касаясь его. Отдѣленный отъ народной массы привилегіями, нравами, понятіями, предубѣжденіями, не освѣжаемый притокомъ новыхъ силъ снизу, онъ замиралъ въ своихъ искусственныхъ, призрачныхъ интересахъ и никому ненужныхъ суетахъ. Не такими ли наблюденіями внушены были замѣчанія одного иностранца (Макартнея), бывшаго въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II и писавшаго, что русское дворянство самое необразованное въ Европѣ, что русскому правительству труднѣе будетъ цивилизовать своихъ дворянъ, чѣмъ крестьянъ, и что имъ лучше было бы не имѣть никакого образованія, чѣмъ имѣть такое, какое имъ дается, потому что оно не можетъ сдѣлать ихъ полезными для общества?

Правительство Екатерины II чувствовало эти недуги русскаго просвѣщенія и принимало мѣры противъ нихъ. Отсюда его настойчивая проповѣдь о необходимости воспитанія, которое нравственно переродило бы общество, его усиленныя заботы о закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, о созданіи „третьяго чина“, или средняго сословія, которое стало бы, какъ въ другихъ странахъ Европы, носителемъ научнаго образованія, питомникомъ просвѣщенія въ Россіи. И. И. Бецкій въ своихъ докладахъ императрицѣ указывалъ именно на отсутствіе у насъ воспріимчивой среды, питательной почвы, къ которой могло бы прикрѣпиться научное образованіе, говорилъ, что люди, пріобрѣтавшіе такое образованіе, скоро теряли его и возвращались въ прежнее невѣжество по недостатку спроса и практики для ихъ знаній.

Эти просвѣтительныя усилія правительства не были свободны отъ иллюзій и недоразумѣній. Спѣшили заводить закрытыя воспитательныя училища. А гдѣ же учителя и учебники, гдѣ книги для чтенія, которыя восполняли бы учебники и учительскіе уроки? Какъ, наконецъ, подготовить общество къ пріему перерожденныхъ въ новыхъ училищахъ питомцевъ, чтобъ они не тонули въ темной массѣ и не возвращались въ прежнее невѣжество?

Новиковъ прямо и смѣло пошелъ навстрѣчу этимъ усиліямъ и недоразумѣніямъ. Неизвѣстно, какъ складывался его взглядъ на свое дѣло. Новиковъ появился въ литературномъ мірѣ какъ-то вдругъ, исподтишка, безъ замѣтной подготовки. Сынъ достаточнаго, но не богатаго дворянина, 16 ти лѣтъ исключенный изъ дворянской гимназіи при Московскомъ университетѣ „за лѣность“, признававшій себя и въ старости невѣждой, не знающимъ никакихъ языковъ, послѣ 8 лѣтъ службы въ гвардіи онъ вышелъ въ отставку армейскимъ поручикомъ, а съ 1769 г., когда ему было 25 лѣтъ, послѣдовательно выступалъ съ тремя лучшими въ то время сатирическими журналами, привлекъ къ себѣ обширный кругъ читателей, сталъ извѣстнымъ литераторомъ и издателемъ, въ

то же время и послѣ выпустилъ рядъ ученыхъ изданій по русской исторіи и литературѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя, особенно *Древняя Россійская Вивліоѳика*, сборникъ разнообразныхъ памятниковъ по русской исторіи, изданный при содѣйствіи Екатерины II, доселѣ не потеряли своей ученой цѣны. Изъ впечатлѣній и размышленій, накопившихся въ продолженіе 10-ти-лѣтнихъ литературно-издательскихъ опытовъ въ Петербургѣ, у Новикова, повидимому, сложился ясный взглядъ на то, что ему слѣдуетъ дѣлать. Съ этимъ взглядомъ онъ въ 1779 г. переѣхалъ въ Москву, заарендовалъ на 10 лѣтъ университетскую типографію съ книжною лавкой и принялся за дѣло.

Въ 1792 году, разбитый постигшею его бѣдой, Новиковъ на допросѣ произвелъ на враждебнаго ему слѣдователя впечатлѣніе человѣка остраго, догадливаго, съ характеромъ смѣлымъ и дерзкимъ. Безспорно, Новиковъ былъ человѣкъ умный и рѣшительный. Труднѣе было замѣтить въ немъ еще одну черту, это—энтузіазмъ сдержанный и обдуманный. У него было два завѣтные предмета, на которыхъ онъ сосредоточивалъ свои помыслы, въ которыхъ видѣлъ свой долгъ, свое признаніе, это—служеніе отечеству и книга, какъ средство служить отечеству. Если въ первомъ сказывалась одна изъ лучшихъ историческихъ привычекъ стараго русскаго дворянства, поднимавшаяся въ лучшихъ людяхъ сословія на высоту нравственнаго долга, то во взглядѣ на книгу надобно видѣть личную доблесть Новикова. И до него бывали дворяне, посвящавшіе литературѣ свой служебный досугъ. Въ лицѣ Новикова неслужащій русскій дворянинъ едва ли не впервые выходилъ на службу отечеству съ перомъ и книгой, какъ его предки выходили съ конемъ и мечомъ. Къ книгѣ Новиковъ относился мало сказать—съ любовью, а съ какою-то вѣрой въ ея чудодѣйственную просвѣтительную силу. Истина, зародившаяся въ одной головѣ,—такъ вѣровалъ онъ,—посредствомъ книги родитъ столько же подобныхъ правомыслящихъ головъ, сколько у этой книги читателей. Поэтому

книгопечатаніе считалъ онъ наивеличайшимъ изобрѣтеніемъ человѣческаго разума.

На этой вѣрѣ въ могущество книги Новиковъ строилъ практично обдуманный планъ дѣйствій. Этотъ планъ былъ тѣсно связанъ со взглядомъ на недостатки и нужды русскаго просвѣщенія, какой просвѣчиваетъ въ изданіяхъ и во всей дѣятельности Новикова. Одинъ изъ главныхъ враговъ этого просвѣщенія—галломанія, не само французское просвѣщеніе, а его отраженіе въ массѣ русскихъ просвѣщенныхъ умовъ, то употребленіе, какое здѣсь изъ него дѣлали. „Благородные невѣжды", какъ называлъ Новиковъ русскихъ галломановъ, сходились съ простыми невѣждами старо-русскаго покроя въ убѣжденіи, что они достаточно все понимаютъ и безъ науки, что „и, не учась грамотѣ, можно быть грамотеемъ". Значитъ, вольномысліе не отъ ученія, а отъ невѣжества, и есть не болѣе, какъ легкомысліе. Всякій мыслящій человѣкъ,—такъ писалъ Новиковъ въ одномъ изъ своихъ журналовъ, — чувствуетъ состраданіе, взирая на простодушныхъ людей, которые беззащитно увлекаются надменными и остроумными мудрованіями, разрушающими основы человѣческаго общежитія, или гнушаются всѣмъ отечественнымъ, обольщаясь наружнымъ блескомъ иноземнаго. Истинное просвѣщеніе должно быть основано на совмѣстномъ развитіи разума и нравственнаго чувства, на согласованіи европейскаго образованія съ національною самобытностью. Въ составѣ воспитанія Новиковъ не отставлялъ разума на задній планъ, не ронялъ цѣны научнаго образованія, какъ это дѣлали иногда литературные и даже должностные педагоги того времени. Неосторожно было набрасывать тѣнь на разумъ въ обществѣ, гдѣ и безъ того многіе имъ тяготились, воздерживать отъ увлеченія науками, которыми и безъ того не занимались. Когда Сумароковъ въ рѣчи при открытіи Академіи художествъ восклицалъ: „возсіяли науки—и погибла естественная простота, а съ нею и чистота сердца", сколько госпожъ Простаковыхъ готовы были апплодировать этимъ желаннымъ

словамъ, такъ легко и просто разрѣшавшимъ всѣ ихъ материнскія муки съ своими Митрофанами! Вѣдь, Руссо у насъ потому особенно и былъ популяренъ, что своимъ трактатомъ о вредѣ наукъ оправдывалъ нашу неохоту учиться. Въ *Живописцѣ* Новиковъ насмѣшливо сопоставлялъ мудрость доморощенныхъ философовъ донаучной чистоты съ ученіемъ Руссо, говоря имъ: „онъ разумомъ, а вы невѣжествомъ доказываете, что науки безполезны“. Новикову принадлежитъ честь одного изъ первыхъ, кто заговорилъ у насъ о разграниченіи заимствуемаго и самобытнаго, о чертѣ, за которую не должно переступать иноземное вліяніе. Въ *Кошелькѣ* 1774 г. онъ возстаетъ противъ мнѣнія, что русскіе должны заимствовать у иноземцевъ все, даже характеръ, который у всякаго народа свой особый: не одной же Россіи отказано въ немъ и суждено скитаться по всѣмъ странамъ, побираясь обычаями у разныхъ народовъ, чтобъ изъ этой сборной культурной милостыни составить характеръ, никакому народу не свойственный, а идущій къ лицу только обезьянамъ.

Гдѣ же было найти у насъ опору истинному просвѣщенію? Такою опорой не могъ быть большой свѣтъ ничему не хотѣвшихъ учиться вольтеріанцевъ и модныхъ петиметровъ: здѣсь надобно было предоставить мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ. Екатерина съ Бецкимъ задумывала отнять у всего дворянства принадлежавшее ему съ Петра значеніе хранителя и проводника европейскаго научнаго образованія и передать это значеніе особому „среднему сословію“, подобному французской буржуазіи, сдѣлавъ его спеціальнымъ питомникомъ наукъ и художествъ. Но такого сословія не существовало въ Россіи, его еще надобно было созидать. Это была радикальная мѣра, хлопотливая и нѣсколько самонадѣянная. Въ ней сказался философскій XVIII вѣкъ, любившій кроить общество по своимъ идеямъ. Новиковъ думалъ, что удобнѣе кроить платье по плечу, чѣмъ выламывать плечо по платью. Онъ надѣялся обойтись наличными средствами, не ломая общества: вѣдь, легче издавать полез-

ныя книги для читателей изъ готовыхъ сословій, чѣмъ создавать особое сословіе для чтенія полезныхъ книгъ. Онъ разсчитывалъ не на средній родъ людей, котораго у насъ не было, а на средній кругъ читателей, и его расчетъ состоялъ въ томъ, чтобы изъ грамотнаго люда разныхъ сословій создать читающую публику. Въ этой средѣ онъ находилъ благопріятные задатки для успѣховъ просвѣщенія. Онъ самъ на себѣ испыталъ ея значеніе для литературы: его *Живописецъ* выдержалъ въ прошломъ вѣкѣ пять изданій. Новиковъ объяснялъ такой успѣхъ журнала тѣмъ, что онъ пришелся по вкусу мѣщанъ, ибо,—добавлялъ онъ,—у насъ тѣ только книги четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя этимъ простосердечнымъ людямъ по незнанію ими чужестранныхъ языковъ нравятся. Въ самомъ выборѣ чтенія здѣсь можно было найти болѣе просвѣщеннаго вкуса и любознательности: по словамъ Новикова, въ числѣ любимыхъ книгъ у мѣщанъ были *Синопсисъ*, учебникъ русской исторіи, *Совершенное воспитаніе дѣтей* и тому подобныя книги, не пользовавшіяся никакимъ уваженіемъ просвѣщенныхъ людей большого свѣта.

„Имѣй душу, имѣй сердце“, — проповѣдывала гуманная педагогика вѣка, а это была прекрасная проповѣдь при бездушной школьной выучкѣ и безсердечномъ вертопрашествѣ свѣтской мысли. Но мало сказать доброе правило,—надобно еще *сотворить* и *научить*, указать, какъ его исполнить, и подать примѣръ исполненія. И въ дѣлѣ просвѣщенія есть своя черновая часть. Сколько нужно понести пыли и грязи, чтобы вырастить хлѣбный злакъ? Современный сѣятель просвѣщенія, выходя на свою ниву, находитъ много готовыхъ вспомогательныхъ средствъ для своего дѣла: не говоря о широко распространенномъ сознаніи пользы ученія, о внутренней потребности образованія въ значительной части общества, объ обильномъ запасѣ учебной и образовательной литературы, достаточно вспомнить о довольно налаженномъ типографскомъ и книгопродавческомъ дѣлѣ. Правда, въ книж-

номъ дѣлѣ у насъ и теперь бываютъ прискорбныя недоразумѣнія: такъ, нерѣдко книга и читатель ищутъ другъ друга и не находятъ, какъ будто играютъ другъ съ другомъ въ жмурки съ завязанными глазами; порой появляются книги, которыхъ некому читать, и есть охотники чтенія, которымъ нечего читать. Во времена Новикова такихъ недоразумѣній было несравненно больше, а вспомогательныхъ средствъ просвѣщенія гораздо меньше, даже совсѣмъ мало. Въ единственной тогда университетской столицѣ просвѣщенія было всего двѣ книжныя лавки, годовой оборотъ которыхъ не превышалъ 10 тысячъ рублей; въ провинціи книга была рѣдкостью и продавалась втридорога, на что жаловался самъ Новиковъ; издательское дѣло велось такъ вяло, что не поспѣвало за спросомъ читателей простонародныхъ романовъ и повѣстей въ родѣ *Бовы Королевича* или *Еруслана Лазаревича*, и были отставные подьячіе, кормившіеся перепиской такихъ произведеній. Новиковъ видѣлъ, что надо начинать дѣло съ самаго начала, съ черновыхъ вспомогательныхъ средствъ просвѣщенія, и, надѣвъ рабочій передникъ, не побрезговалъ подойти къ типографской сажѣ и стать за пыльнымъ прилавкомъ книжной лавки. Въ обществѣ, гдѣ, по сознанію самого новиковскаго *Живописца*, даже званіе писателя считалось постыднымъ, надобно было имѣть немалую долю рѣшимости, чтобы стать типографщикомъ и книжнымъ торговцемъ и даже видѣть въ этихъ занятіяхъ свое патріотическое призваніе. У Новикова съ энергіей и предпріимчивостью соединялась та добросовѣстность мысли, которая побуждаетъ выбирать себѣ дѣло по наличнымъ силамъ, не преувеличивая своихъ силъ по внушеніямъ затѣйливаго самомнѣнія. Этимъ отчасти можно объяснить его нелюбовь дѣйствовать одиноко, безъ товарищей. Зато онъ глубоко вѣрилъ въ могущество совокупнаго труда и умѣлъ соединять людей для общей цѣли. Именно на поприщѣ народнаго образованія обнаружилъ онъ это умѣнье собирать раздробленныя силы въ большое дружное дѣло.

Московскій кружокъ Новикова — явленіе, не повторившееся въ исторіи русскаго просвѣщенія. Можно радоваться, что такой кружокъ составился именно въ Москвѣ, гдѣ особенно трудно было ожидать его появленія. Про эту столицу русскаго просвѣщенія, единственный тогда университетскій городъ въ Россіи, Сумароковъ, конечно, въ припадкѣ капризнаго раздраженія, писалъ, что тамъ всѣ улицы вымощены невѣжествомъ „аршина на три толщиной". Правда, это былъ тогда городъ разнообразныхъ крайностей. Въ его многочисленномъ дворянскомъ обществѣ съ довольно независимымъ, даже оппозиціоннымъ настроеніемъ, направляемымъ выброшенными изъ С.-Петербурга величіями, у которыхъ прошлое было лучше будущаго и которыя потому бранили настоящее,— въ обществѣ, гдѣ встрѣчались носители всѣхъ перебывавшихъ въ Россіи міросозерцаній отъ *Голубиной книги* до *Системы природы* Гольбаха и гдѣ на одномъ и томъ же пиру за минуэтомъ иногда слѣдовалъ доморощенный трепакъ, среди суетливаго бездѣлья и дарового довольства нашлось десятка два большею частью богатыхъ или зажиточныхъ и образованныхъ людей, которые рѣшились жертвовать своимъ досугомъ и своими средствами, чтобы содѣйствовать заботамъ правительства о народномъ просвѣщеніи. Нѣкоторые изъ этихъ людей стоятъ біографіи и всѣ—самаго теплаго воспоминанія. Изъ нихъ рядомъ съ Новиковымъ мнѣ бы хотѣлось поставить прежде другихъ И. В. Лопухина. Чтеніе его записокъ доставляетъ глубокое внутреннее удовлетвореніе: какъ будто что-то проясняется въ нашемъ XVIII вѣкѣ, когда всматриваешься въ этого человѣка, который самымъ появленіемъ своимъ обличаетъ присутствіе значительныхъ нравственныхъ силъ, таившихся въ русскомъ образованномъ обществѣ того времени. Съ умомъ прямымъ, немного жесткимъ и даже строптивымъ, но мягкосердечный и человѣколюбивый, съ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, отвѣчавшимъ мягкому и тонкому складу его продолговатаго лица, вѣчно сосредоточенный въ работѣ надъ самимъ собой, онъ упорнымъ упра-

женіемъ умѣлъ лучшія и рѣдкія движенія души человѣческой переработать въ простыя привычки или ежедневныя потребности своего сердца. Читая его записки, невольно улыбаешься надъ его усиліями увѣрить читателя, что его любовь подавать милостыню—не добродѣтель, а природная страсть, нѣчто вродѣ охоты, спорта; что съ дѣтства онъ привыкъ любоваться удовольствіемъ, какое доставлялъ другимъ, и для того нарочно проигрывалъ деньги крѣпостному мальчику, приставленному служить ему; что во время его судейской службы въ уголовной палатѣ, совѣстномъ судѣ и сенатѣ сдѣлать неправду или не возражать противъ нея было для него то же, что взять въ ротъ противное кушанье,—не добродѣтель, а случайность, капризъ природы, вродѣ цвѣта волосъ. Все это очень напоминаетъ красивую застѣнчивую женщину, которая краснѣетъ отъ устремленныхъ на нее пристальныхъ взглядовъ и старается скрыть свое лицо, стыдясь собственной красоты, какъ незаслуженнаго дара. Мы если не больше сочувствуемъ нашему высшему крѣпостническому обществу прошлаго вѣка, то лучше понимаемъ его, когда видимъ, что оно если не помогло, то и не помѣшало воспитаться въ его средѣ человѣку, который, оставаясь бариномъ и сторонникомъ крѣпостного права, сберегъ въ себѣ способность со слезами броситься въ ноги своему крѣпостному слугѣ, котораго онъ, больной, передъ причащеніемъ, въ припадкѣ вспыльчивости только что разбранилъ за неисправность. И въ то время не на каждомъ шагу встрѣчалась привычка во всякомъ Петрушкѣ искать человѣка и во всякомъ человѣкѣ находить ближняго. А по другую сторону Новикова надобно поставить И. Гр. Шварца, по выраженію Новикова, нѣмчика, съ которымъ онъ, поговоривъ разъ, на всю жизнь до самой его смерти сдѣлался неразлучнымъ. Откуда-то изъ Трансильваніи попавъ домашнимъ учителемъ въ Могилевъ, а оттуда въ Москву на профессорскую каѳедру въ университетѣ, Шварцъ полюбилъ пріютившую его чужбину, какъ не всегда любятъ и родину, и посвятилъ ей всѣ еще моло-

дыя силы своего ума, весь жаръ своего горячаго сердца. Восторженный и самоотверженный, педагогъ до тончайшей фибры своего существа, неугомонный энтузіастъ просвѣщенія, вѣчно горѣвшій, какъ неугасимый очагъ, и успѣвшій сжечь себя до тла въ 33 года жизни, Шварцъ будилъ высшее московское общество, гдѣ былъ желаннымъ гостемъ, безъ умолку толкуя въ знатныхъ и образованныхъ домахъ о необходимости составить общество для распространенія истиннаго просвѣщенія въ Россіи, будилъ и университетскую молодежь своими одушевленными мистическими лекціями о гармоніи наукъ въ изученіи таинствъ природы, о связи духа и матеріи, о союзѣ между Богомъ и человѣкомъ, о стремленіи къ свѣту и добру, къ познанію божества и внутренняго человѣка. А для изображенія Сем. Ив. Гамалѣи, правителя канцеляріи московскаго главнокомандующаго, у меня не найдется и словъ: хотѣлось бы видѣть такого человѣка, а не вспоминать о немъ. Я недоумѣваю, какимъ образомъ подъ мундиромъ канцелярскаго чиновника, и именно русской канцеляріи прошлаго вѣка, могъ уцѣлѣть человѣкъ первыхъ вѣковъ христіанства. Гамалѣя подобаетъ житіе, а не біографія или характеристика. Сомнѣваюсь, сердился ли онъ на кого-нибудь хоть разъ въ свою жизнь. Во всемъ мірѣ только съ однимъ существомъ онъ воевалъ непримиримо, это — съ своимъ собственнымъ, съ его пороками и страстями, и съ какими страстями!—съ нюханьемъ табаку, напримѣръ, и т. п. Когда ему предложили обычную въ то время награду за службу крѣпостными въ количествѣ 300 душъ, онъ отказался: ему-де не до чужихъ душъ, когда и съ своею собственной онъ не умѣетъ справиться. Слугѣ, укравшему у него 500 руб. и пойманному, онъ подарилъ украденныя деньги и самого его отпустилъ съ Богомъ на волю; но онъ не могъ простить себѣ ежегодной траты 15 р. на табакъ, которую считалъ похищеніемъ у бѣдныхъ, и постарался побѣдить столь преступную привычку, обративъ новое сбереженіе на милостыню. Блаженный въ лучшемъ смыслѣ этого слова, котораго со-

временники справедливо прозвали „Божьимъ человѣкомъ“! И другіе члены кружка были проникнуты тѣмъ же новиковскимъ или лопухинскимъ духомъ: это были лучшіе, образованнѣйшіе люди московскаго общества, князья Трубецкіе и Черкасскій, И. П. Тургеневъ и другіе, между которыми и Московскій университетъ имѣлъ своихъ представителей въ лицѣ куратора Хераскова и нѣсколькихъ профессоровъ. Среди ихъ этого товарищества просвѣщенія и благотворительности радушною хозяйкой на Покровкѣ и въ подмосковномъ Очаковѣ, самоотверженною пособницей и ободрительницей въ каждомъ дѣлѣ и затрудненіи кружка являлась царившая въ немъ энергическая княгиня Варв. Александр. Трубецкая, урожденная княжна Черкасская, одна изъ прекраснѣйшихъ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка, у которой ни духъ времени, ни свѣтское образованіе, ни таланты и вліяніе на окружающихъ не ослабили силы и непосредственности христіанскаго чувства. Надобно думать, что духъ и составъ кружка сообщали ему большую притягательную силу, если ревностнымъ сподвижникомъ его сталъ богачъ, скучавшій жизнью отъ пресыщенія ея благами, сынъ бывшаго недоброй памяти петербургскаго генералъ-полицеймейстера П. А. Татищевъ, своимъ значительнымъ вкладомъ давшій возможность осуществить завѣтную мечту Шварца объ основаніи просвѣтительнаго общества; а другой богачъ, сынъ верхотурскаго ямщика и уральскаго горнозаводчика, Г. М. Походяшинъ, тронутый рѣчью Новикова о помощи нуждающимся въ голодный 1787 г., разстроилъ свое огромное состояніе щедрыми пожертвованіями на дѣла просвѣщенія и благотворенія, но, умирая въ бѣдности, услаждалъ свои послѣднія минуты тѣмъ, что съ умиленіемъ смотрѣлъ на портретъ Новикова, какъ своего благодѣтеля, указавшаго ему истинный путь жизни.

Эта нравственная сила многимъ членамъ кружка далась не даромъ. Когда мы читаемъ признаніе Новикова, что онъ мучился сомнѣніями, находясь на распутіи между вольтері-

анствомъ и религіей и не имѣя краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать свое душевное спокойствіе, когда И. В. Лопухинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ онъ, бывъ усерднымъ читателемъ Вольтера и Руссо и задумавъ распространять въ рукописяхъ свой переводъ изъ восхитившей его *Системы природы* Гольбаха, вдругъ охваченъ былъ чувствомъ неописаннаго раскаянія, не могъ заснуть прежде, нежели сжегъ приготовленную къ пропагандѣ красивую тетрадку вмѣстѣ съ черновой, и успокоился вполнѣ только тогда, когда написалъ *Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями*,—когда мы читаемъ о подобныхъ пароксизмахъ совѣстливой мысли, можетъ быть, мы впервые застаемъ образованнаго русскаго человѣка въ минуту тяжкаго раздумья, какое ему не разъ пришлось и не разъ еще придется переживать впослѣдствіи. Это раздумье естественно рождалось изъ самаго положенія русскаго образованнаго человѣка. Запоздалый работникъ въ культурной мастерской, принужденный учиться у тѣхъ, кого долженъ былъ догонять, онъ уже въ продолженіе двухъ-трехъ поколѣній привыкъ обращаться къ западно-европейской мысли за совѣтомъ, къ общественному порядку, въ которомъ эта мысль вырабатывалась, за опытами и уроками. Но западно-европейскій разумъ, вырабатывавшій и эту мысль, и этотъ порядокъ, въ прошломъ вѣкѣ потянуло въ противоположныя стороны. Фонвизинъ рѣзкими чертами изобразилъ это раздвоеніе, когда писалъ изъ Франціи въ 1777 году, что тамъ, при невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, весьма нерѣдко глубокое невѣжество съ ужаснымъ суевѣріемъ, что одни воспитываются духовенствомъ въ сильномъ отвращеніи къ здравому разсудку, а другіе заражаются новою философіей, такъ что встрѣчаются почти только крайности,—или рабство, или нахальство разума. Въ борьбѣ, возникшей изъ этого раздвоенія, европейская мысль, постепенно разгораясь и разгорячаясь, приняла отрицательное направленіе, изъ свѣточа превратилась въ зажигательный

факелъ и рѣшительно пошла противъ служившаго ей очагомъ общественнаго порядка. Тогда русскій образованный человѣкъ, если онъ, притомъ, былъ еще и человѣкъ мыслящій, почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи: служившій ему образцомъ строй понятій, чувствъ, общественныхъ отношеній былъ осужденъ, какъ неразумный. Зданіе отечественной гражданственности, надъ которымъ онъ призванъ былъ трудиться, нельзя стало продолжать ни по старымъ образцамъ, ни по новымъ идеаламъ. Въ ожиданіи огромнаго крушенія, не надѣясь ничего найти на Западѣ для этой постройки, кромѣ раскаленной лавы да гнилыхъ развалинъ, онъ вынужденъ былъ искать доморощенныхъ средствъ. Но, видя вокругъ себя умы больше воспаленные, чѣмъ просвѣщенные новыми идеями, люди новиковскаго направленія рѣшили, что для улучшенія общественнаго порядка каждый отдѣльный человѣкъ, пока не касаясь его основаній, долженъ обратиться къ самому себѣ, сосредоточить работу на своей личности, на своемъ личномъ умственномъ и нравственномъ усовершенствованіи, чтобъ этой дробною мозаическою работой приготовить живой годный матеріалъ для будущаго общества. Такъ понималъ этихъ людей хорошо знакомый съ ними Карамзинъ: онъ называлъ ихъ христіанскими мистиками, пренебрегавшими школьною мудростью, но требовавшими отъ своихъ учениковъ истинныхъ добродѣтелей и не вмѣшивавшимися въ политику. Та же мысль о необходимости и достаточности личнаго усовершенствованія для подъема общественнаго порядка высказывалась и въ любимыхъ книгахъ этихъ людей, и въ ихъ собственныхъ признаніяхъ. „Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго, но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна“. Это говоритъ И. В. Лопухинъ въ своихъ запискахъ, настаивая на необходимости для человѣка морально переродиться, чтобы сродниться съ евангельскою нравственностью и стать въ христіанскія отношенія къ ближнимъ, къ обществу. А какъ эти люди считали возможнымъ достигнуть

такого перерожденія и чего отъ него ожидали, о томъ читайте въ книгѣ англійскаго моралиста Іоанна Масона о самопознаніи, переведенной членомъ кружка И. П. Тургеневымъ и кружку же посвященной. Эта книга учитъ, что чѣмъ лучше мы себя познаемъ, тѣмъ съ большею пользой занимаемъ то мѣсто въ жизни человѣческой, на какое мы поставлены Провидѣніемъ, и что успѣхи въ наукѣ познанія самого себя сопровождаются быстрымъ и счастливымъ измѣненіемъ нравовъ и мыслей человѣческихъ *). Могутъ сказать, что въ такомъ взглядѣ много оптимистическаго самообольщенія, что нравственный уровень обществъ такъ же мало зависитъ отъ совершенства отдѣльныхъ его членовъ, какъ мало поднимается температура окружающаго воздуха отъ подъема ртути въ термометрѣ, который держитъ теплая рука. Я и не вхожу въ разборъ этого взгляда, а хочу только отмѣтить моментъ, когда, по моему мнѣнію, образованный русскій человѣкъ впервые почувствовалъ затруднительность своего культурнаго положенія и какъ онъ пытался выйти изъ этого затрудненія. Опять скажутъ: люди новиковскаго кружка нашли такой выходъ, потому что были масоны, мартинисты, и ихъ христіанскія добродѣтели сильно омрачены этою сектантскою тѣнью. Можно сказать и такъ, можно и наоборотъ: они потому стали и масонами, что нашли такой выходъ изъ своего затрудненія, больше масонствовали, чѣмъ были масонами; они—воспользуемся ихъ же фигурнымъ языкомъ—вступили въ составъ „малаго избраннаго народа“ вольныхъ каменщиковъ только для того, чтобы самихъ себя переработать въ пригодные камни для мысленнаго храма Соломонова, т.-е. для будущаго идеальнаго русскаго общества. Что же касается ихъ добродѣтелей, то я не берусь судить, насколько нравственная доблесть Гамалѣя тускнѣла отъ того, что онъ прикрывалъ ее отъ недоброжелательныхъ

*) *Іоанна Масона:* «Познаніе самого себя», перевелъ съ нѣмецкаго І. Т. Москва, 1783 г., ч. 1, стр. 12; ч. 2, стр. 32.

людскихъ глазъ театральнымъ рубищемъ какого-то масонства. Но, когда я припоминаю, какъ отозвался о Новиковѣ архіепископъ московскій Платонъ, испытывавшій его въ законѣ Божіемъ по распоряженію императрицы и заявившій, что онъ молитъ Бога, чтобы не только въ его паствѣ, но и во всемъ мірѣ были такіе христіане, каковъ Новиковъ, у меня не хватаетъ рѣшимости искать пятенъ на христіанствѣ этого мистика: вѣдь, я не сумѣю быть православнѣе православнаго русскаго іерарха.

Вспоминая о Новиковѣ и его сотрудникахъ, я хотѣлъ напомнить характеръ свѣтскаго образованія въ Россіи ихъ времени, ихъ взгляды на недостатки и нужды этого образованія и на свойства истиннаго просвѣщенія, ихъ цѣли, планы и нравственныя средства. Но мнѣ едва ли необходимо подробно говорить о томъ, какъ они проводили свои взгляды, какія матеріальныя средства вводили въ свое дѣло, какія встрѣтили препятствія и чего добились: все это, кажется, достаточно извѣстно, и я могу ограничиться наиболѣе крупными чертами, не входя въ подробности.

Планъ дѣйствій, какъ онъ обнаружился въ предпріятіяхъ кружка и по частямъ былъ высказанъ въ запискахъ Лопухина и изданіяхъ Новикова, можно изложить въ такихъ чертахъ. Для успѣха правительственныхъ попеченій о народномъ просвѣщеніи необходимо содѣйствіе частныхъ лицъ, соединяющихъ свои силы и средства съ цѣлью споспѣшествовать воспитанію юношества въ полезныхъ обществу наукахъ и издавать книги, утверждающія корень чистой нравственности и добродѣтели. Для этого такія общества частныхъ людей на свои средства, во-первыхъ, устроятъ пробныя или образцовыя учебно-воспитательныя заведенія, во-вторыхъ, подготовляютъ надежныхъ учителей и воспитателей при помощи университета и, въ-третьихъ, разборчивымъ изданіемъ книгъ и журналовъ создаютъ самобытную, дѣльную печать для обширнаго круга читателей. Такими способами можно вывести русское просвѣщеніе изъ тѣснаго круга оторван-

ныхъ отъ народа „просвѣщенныхъ людей“, модно воспитаннаго высшаго дворянства, въ широкій міръ „простосердечныхъ мѣщанъ“, простого грамотнаго люда, и обдуманнымъ сочетаніемъ общечеловѣческихъ и національно-историческихъ элементовъ дать этому просвѣщенію самобытный складъ, который измѣнитъ духъ общества, господствующее направленіе умовъ. Что было осуществлено изъ этого плана, который самъ по себѣ есть уже немалая заслуга русскому просвѣщенію?

Арендуя у Московскаго университета типографію и книжную лавку, Новиковъ имѣлъ въ виду, прежде всего, потребности домашняго и школьнаго образованія. Онъ старался, во-первыхъ, составить достаточно обильный и легко доступный запасъ полезнаго и занимательнаго чтенія для обширнаго круга читателей, во-вторыхъ, войти въ общеніе съ университетомъ, чтобы воспользоваться его силами и средствами для приготовленія надежныхъ учителей. Разстроенную университетскую типографію онъ вскорѣ привелъ въ образцовый порядокъ и менѣе чѣмъ въ три года напечаталъ въ ней больше книгъ, чѣмъ сколько вышло изъ нея въ 24 года ея существованія до поступленія въ руки Новикова. Онъ издавалъ книги довольно разнообразнаго содержанія, особенно заботясь о печатаніи книгъ духовно-нравственныхъ и учебныхъ: въ числѣ 366 книгъ, отпечатанныхъ имъ до конца 1785 года, менѣе чѣмъ въ 7 лѣтъ аренды, насчитываемъ около сотни изданій перваго рода и болѣе 30 учебниковъ, разноязычныхъ букварей, словарей, грамматикъ и т. п.

Новиковъ нашелъ дѣятельную поддержку въ образовавшемся изъ его друзей по мысли Шварца *Дружескомъ ученомъ обществѣ*, которое при торжественномъ открытіи своемъ въ 1782 г. объявило одной изъ своихъ задачъ печатаніе и даровую раздачу учебныхъ книгъ по школамъ. Указъ 1783 г. о вольныхъ типографіихъ далъ возможность обществу завести двѣ собственныя типографіи на имя своихъ членовъ Новикова и Лопухина; потомъ, въ 1784 г., завелась

еще обширная компанейская типографія, когда изъ дружескаго кружка Новикова образовалось издательское товарищество на паяхъ подъ фирмой *Типографической компаніи*, со складочнымъ капиталомъ въ 57.500 руб. (болѣе 150,000 р. на наши деньги) и съ поступившимъ отъ Новикова запасомъ книгъ на 320,000 руб. по продажной цѣнѣ. При такихъ средствахъ Новиковъ превосходно устроилъ сбытъ книгъ, завелъ коммиссіонеровъ, вступилъ въ сношенія съ петербургскими книгопродавцами и вообще чрезвычайно оживилъ книжную торговлю въ Россіи. Случилось неслыханное дѣло: книжная лавка Новикова у Воскресенскихъ воротъ по спросу ея товара стала соперничать съ модными магазинами Кузнецкаго моста. Вмѣсто двухъ существовавшихъ въ Москвѣ книжныхъ лавокъ съ оборотомъ въ 10,000 руб., при Новиковѣ и подъ его вліяніемъ явилось ихъ здѣсь до 20, и книгъ продавали онѣ ежегодно тысячъ на 200 руб. Ежегодный доходъ „Типографической компаніи“, по показанію Новикова, простирался свыше 40,000 руб., доходя въ иные годы до 80,000 руб. О размѣрахъ предпріятія можно судить по тому, что послѣ закрытія компаніи въ 1791 г., когда все дѣло ея было разрушено, несмотря на обширный сбытъ изданныхъ ею книгъ, ихъ оставалось еще по каталожной цѣнѣ безъ малаго на 700,000 руб. (болѣе $1^1/_2$ милліона на наши деньги), не считая 25 т. экземпляровъ книгъ, сожженныхъ или переданныхъ въ духовную академію и университетъ.

Трудно смѣтить даже на глазъ, какіе успѣхи достигнуты были такими усиліями. Люди, близкіе къ тому времени и къ самому Новикову, утверждали, что онъ не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію; что, благодаря широкой организаціи сбыта и энергическому веденію дѣла, новиковская книга стала проникать въ самыя отдаленныя захолустья и скоро не только Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Если частный случай что-нибудь доказываетъ, я приведу библіографическую подробность изъ своего дѣтства: въ деревенской глуши, гдѣ

нецерковная книга была большою рѣдкостью, мнѣ попались двѣ изданныя Новиковымъ поэмы *Іосифъ* Битобэ и *Потерянный рай* Мильтона, и вмѣстѣ съ альманахомъ Карамзина *Аглаей* были въ числѣ первыхъ книгъ, мною прочитанныхъ. Новиковъ хотѣлъ сдѣлать чтеніе ежедневною потребностью грамотнаго человѣка и, кажется, въ значительной мѣрѣ достигъ этого. Число подписчиковъ *Москов. Вѣдомостей*, изданіе которыхъ онъ взялъ на себя вмѣстѣ съ арендой университетской типографіи, при немъ увеличилось всемеро (съ 600 до 4.000). При нихъ выходили прибавленія разнообразнаго содержанія: по литературѣ, сельскому хозяйству, натуральной исторіи, химіи и физикѣ, также листы для дѣтскаго чтенія. Не упоминаю о другихъ московскихъ періодическихъ изданіяхъ Новикова. Онъ былъ не только типографщикомъ и книгопродавцемъ, но и издателемъ, выбиралъ, что нужно печатать, заказывалъ работы переводчикамъ и сочинителямъ, небывалымъ гонораромъ оживилъ переводную и оригинальную письменность, отдавая предпочтеніе произведеніямъ научнымъ и духовно-нравственнымъ. Этимъ онъ внесъ въ текущую литературу того времени новую струю, шедшую противъ господствовавшаго направленія умовъ и литературныхъ вкусовъ тогдашняго свѣтскаго общества. Книжная лавка Новикова, откуда шла эта струя, получила своеобразный видъ, и въ ней бывали характерныя сцены: приходилъ покупатель, рылся въ книжныхъ новостяхъ, разложенныхъ на прилавкѣ, находилъ все изданія духовно-нравственнаго содержанія, которыхъ не хотѣлъ покупать, спрашивалъ, почему нѣтъ романовъ; Новиковъ отвѣчалъ, что переводчики что-то перестали носить ему такія сочиненія, и, набравъ связку книгъ, какія были на прилавкѣ, просилъ покупателя принять ихъ отъ него въ даръ. Послѣ самъ Новиковъ показывалъ слѣдователю объ усиленіи спроса на духовныя книги, а одинъ изъ учениковъ Новикова писалъ, что цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было имъ пущено противъ потока вольнодумческихъ сочиненій. Въ продолже-

ніе 10 арендныхъ лѣтъ издательская и книгопродавческая дѣятельность Новикова въ Москвѣ вносила въ русское общество новыя знанія, вкусы, впечатлѣнія, настраивала умы въ одномъ направленіи, изъ разнохарактерныхъ читателей складывала однородную читающую публику, и сквозь вызванную ею усиленную работу переводчиковъ, сочинителей, типографій, книжныхъ лавокъ, книгъ, журналовъ и возбужденныхъ ими толковъ стало пробиваться то, съ чѣмъ еще незнакомо было русское просвѣщенное общество: это — *общественное мнѣніе.* Я едва ли ошибусь, если отнесу его зарожденіе къ годамъ московской дѣятельности Новикова, къ этому *новиковскому десятилѣтію* (1779—1789). Типографщикъ, издатель, книгопродавецъ, журналистъ, историкъ литературы, школьный попечитель, филантропъ, Новиковъ на всѣхъ этихъ поприщахъ оставался однимъ и тѣмъ же—сѣятелемъ просвѣщенія.

Это новиковское десятилѣтіе — одна изъ лучшихъ эпохъ и въ исторіи Московскаго университета. Въ тотъ годъ, когда Новиковъ взялъ въ аренду университетскую типографію, этотъ университетъ доживалъ свое первое двадцатипятилѣтіе. Но онъ еще не успѣлъ докончить своего обзаведенія: были аудиторіи и каѳедры, профессора и студенты, были обстановка и личный составъ науки, но сама наука съ трудомъ пробивалась сквозь то и другое, не успѣла еще обжиться на новосельи. Число студентовъ въ иные годы не доходило и до сотни; иногда на всемъ юридическомъ, какъ и на всемъ медицинскомъ факультетѣ, оставалось по одному студенту и по одному профессору, который читалъ всѣ науки своего факультета; студенты занимались въ университетѣ не болѣе 100 дней въ году; родной рѣчи почти не слышно было съ каѳедръ; люди хорошаго общества еще побаивались пускать въ университетъ своихъ сыновей; благовоспитанность не всегда примѣчалась и порой какъ будто даже совсѣмъ отсутствовала. У Новикова литературная и издательская дѣятельность еще въ Петербургѣ неразрывно

соединилась съ педагогической и благотворительной: съ кружкомъ тамошнихъ друзей онъ основалъ два училища для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ и въ пользу этихъ школъ назначилъ выручку отъ издававшагося имъ журнала *Утренній Свѣтъ*. Московскій кружокъ по господствовавшему въ немъ направленію умовъ могъ только усилить и расширить дѣятельность, начатую Новиковымъ въ Петербургѣ. Главнымъ дѣльцомъ по воспитательной части сталъ, разумѣется, Шварцъ. Приготовленіе учителей было настоятельнѣйшею потребностью русскаго просвѣщенія. Ставъ профессоромъ въ 1779 г. и по порученію университета составляя учебники и проекты объ улучшеніи преподаванія, Шварцъ набралъ у своихъ друзей пожертвованій, присоединилъ къ нимъ 5,000 р. своихъ кровныхъ сбереженій и въ концѣ того же года открылъ при университетѣ *учительскую семинарію*, въ которой сталъ инспекторомъ и нач лъ преподавать педагогику. Такъ началась дѣятельность открывшагося позднѣе „Дружескаго ученаго общества“, которое чрезъ епархіальныхъ архіереевъ стало вызывать изъ духовно-учебныхъ заведеній лучшихъ учениковъ, чтобы приготовлять ихъ на свой счетъ къ учительскому поприщу въ университетской семинаріи. Черезъ 3 года въ этой семинаріи было уже до 30 стипендіатовъ, на содержаніе которыхъ общество давало по 100 р. на человѣка, купивъ, притомъ, домъ для ихъ помѣщенія; въ числѣ ихъ находились два будущіе с.-петербургскіе митрополита: Михаилъ и Серафимъ. Задумавъ переводить и издавать лучшія иностранныя сочиненія и желая заготовить себѣ хорошихъ переводчиковъ, въ которыхъ чувствовался крайній недостатокъ, „Дружеское общество“ по мысли Шварца въ 1782 г. учредило при университетѣ другую семинарію, *Переводческую Филологическую*, въ которую приняло 16 студентовъ; изъ нихъ шестеро переведенныхъ изъ духовныхъ семинарій содержались на средства уже извѣстнаго намъ Татищева, остальные — на счетъ другихъ членовъ кружка. Лучшихъ своихъ питомцевъ „Дружеское общество“ посылало

для довершенія образованія за-границу. Заботы общества распространялись на всѣхъ студентовъ: имъ подыскивали занятія, заказывали литературныя работы, переводы и статьи для изданій общества. Студенты, преимущественно питомцы общества, были сотрудниками и даже руководителями періодическихъ изданій Новикова *Вѣчерней Зари* 1782 г. и *Покоящагося Трудолюбца* 1784 г. Неугомонный педагогъ общества не ограничивался этимъ: ему хотѣлось снабдить выходящаго изъ университета студента возможно обильнѣйшимъ запасомъ надобнаго въ пути багажа. Сверхъ лекцій въ университетской аудиторіи объ эстетической критикѣ онъ читалъ еще у себя на дому приватный курсъ о видахъ познанія и особый курсъ „философской исторіи“ для семинаристовъ Общества, къ которымъ присоединялись и посторонніе слушатели „всякаго рода и званія“, по выраженію одного изъ нихъ, такъ что эти домашнія лекціи превращались сами собой въ публичные курсы. Ихъ цѣль обнаруживалась въ ихъ дѣйствіи: они противодѣйствовали вольнодумству. Въ этомъ направленіи, можетъ быть, наиболѣе сильное вліяніе имѣло на студентовъ устроенное Шварцемъ *Собраніе университетскихъ питомцевъ*. Это было если не первое, то, навѣрное, второе въ Россіи общество, составленное изъ учащейся молодежи *). Это студенческое общество имѣло цѣлью образованіе ума и вкуса своихъ членовъ, ихъ нравственное усовершенствованіе, упражненіе въ человѣколюбивыхъ подвигахъ. Студенты на засѣданіяхъ читали и обсуждали свои литературные опыты, произносили рѣчи на моральныя темы, задумывали изданія съ благотворительною цѣлью. Все это, конечно, было молодо, суетливо, немножко нервозно; молодежь больше чувствовала, чѣмъ познавала науку. Но по-тогдашнему и это развѣ было мало? Въ штатныхъ лампахъ

*) Первымъ можно считать Общество любителей русской словесности, составившееся изъ кадетовъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса еще въ 1730-хъ годахъ, когда тамъ учился Сумароковъ.

науки, прежде больше декорировавшихъ, чѣмъ освѣщавшихъ университетскія стѣны, что-то затеплилось: дайте срокъ—онѣ разгорятся. Среди студентовъ стали зарождаться нравственная товарищеская солидарность, наклонность къ размышленію, нѣкоторый навыкъ самонаблюденія и та способность загораться отъ идей, которая, какъ фонарь въ потьмахъ, предшествуетъ исканію истины. Трудно прослѣдить поприща, по которымъ разсыпались питомцы „Дружескаго общества", какъ трудно услѣдить, куда попадали книги, которыя оно разсѣивало. Извѣстно, что оно дало Московскому университету одного директора (т.-е. ректора) и пять профессоровъ.

Такъ кружокъ Новикова сталъ посредникомъ, чрезъ котораго завязалось тѣсное нравственное общеніе между московскимъ обществомъ и Московскимъ университетомъ. Эта связь не прервалась съ исчезновеніемъ связующаго звена, поддерживаемая взаимнымъ нравственнымъ тяготѣніемъ и обоюдными научными услугами. Общество дало университету нѣсколько профессоровъ, оживившихъ университетское преподаваніе. Университетъ, съ своей стороны, немного позднѣе воспиталъ въ своихъ аудиторіяхъ профессоровъ, оживившихъ общественную мысль и не разъ собиравшихъ московское общество на студенческихъ скамьяхъ. Нѣтъ нужды напоминать всѣмъ памятныя имена ихъ. Кажется, университетъ не остался въ долгу передъ обществомъ. Да и зачѣмъ имъ сводить счеты между собою? Вѣдь, они оба будутъ тѣмъ богаче, чѣмъ больше задолжаютъ другъ другу.

Недоросль Фонвизина*).

(Опытъ историческаго объясненія учебной пьесы).

Добрый дядя Стародумъ, въ усадьбѣ Простаковыхъ, заставъ свою благонравную племянницу Софью за чтеніемъ Фенелонова трактата о воспитаніи дѣвицъ, сказалъ ей:

— Хорошо. Я не знаю твоей книжки; однако, читай ее, читай! Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ.

Можно ли примѣнить такое сужденіе къ самому Недорослю? Современному воспитателю или воспитательницѣ трудно услѣдить за той струей впечатлѣній, какую вбираютъ въ себя ихъ воспитанники и воспитанницы, читая эту пьесу. Могутъ ли они съ довѣрчивостью дяди Стародума сказать этимъ впечатлительнымъ читателямъ, увидѣвъ у нихъ въ рукахъ Недоросля: „хорошо, читайте его, читайте; авторъ, который устами дяди Стародума высказываетъ такія прекрасныя житейскія правила, перомъ своимъ нравовъ развращать не можетъ“. Имѣй сердце, имѣй душу, и будешь человѣкъ во всякое время. Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица; прямую цѣну уму даетъ благонравіе. Главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе. Эти сентенціи повторяются уже болѣе ста лѣтъ со времени перваго представленія Недоросля и хотя имѣютъ видъ нравоученій, заимствованныхъ изъ дѣтской прописи, однако до сихъ поръ не наскучили, не стали приторными наперекоръ мѣткому наблюденію того же Стародума, что „всечас-

*) «Искусство и Наука» (1896).

ное употребленіе нѣкоторыхъ прекрасныхъ словъ такъ насъ съ ними знакомитъ, что, выговаривая ихъ, человѣкъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ". Но, кромѣ прекрасныхъ мыслей и чувствъ Стародума, Правдина, Софьи, поучающихъ прямо своимъ простымъ, всѣмъ открытымъ смысломъ, въ комедіи есть еще живыя лица съ своими страстями, интригами и пороками, которыя ставятъ ихъ въ сложныя, запутанныя положенія. Нравственный смыслъ этихъ драматическихъ лицъ и положеній не декламируется громко на сценѣ, даже не нашептывается изъ суфлерской будки, а остается за кулисами скрытымъ режиссеромъ, направляющимъ ходъ драмы, слова и поступки дѣйствующихъ лицъ. Можно ли ручаться, что глазъ воспріимчиваго молодого наблюдателя доберется до этого смысла разыгрываемыхъ передъ нимъ житейскихъ отношеній и это усиліе произведетъ на него надлежащее воспитательное дѣйствіе, доставитъ здоровую пищу его эстетическому ощущенію и нравственному чувству? Не слѣдуетъ ли стать подлѣ такого читателя или зрителя Недоросля съ осторожнымъ комментаріемъ, стать внятнымъ, но не навязчивымъ суфлеромъ?

Недоросль включается въ составъ учебной хрестоматіи русской литературы и не снятъ еще съ театральнаго репертуара. Его обыкновенно даютъ въ зимнее каникулярное время и, когда онъ появляется на афишѣ, взрослые говорятъ: это—спектакль для гимназистовъ и гимназистокъ. Но и сами взрослые охотно слѣдуютъ за своими подростками подъ благовиднымъ прикрытіемъ обязанности проводниковъ и не скучаютъ спектаклемъ, даже весело вторятъ шумному смѣху своихъ несовершеннолѣтнихъ сосѣдей и сосѣдокъ.

Можно безъ риска сказать, что Недоросль доселѣ не утратилъ значительной доли своей былой художественной власти ни надъ читателемъ, ни надъ зрителемъ, несмотря ни на свою наивную драматическую постройку, на каждомъ шагу обнаруживающую нитки, которыми сшита пьеса, ни на устарѣлый языкъ, ни на обветшавшія сценическія условно-

сти екатерининскаго театра, несмотря даже на разлитую въ пьесѣ душистую мораль оптимистовъ прошлаго вѣка. Эти недостатки покрываются особымъ вкусомъ, какой пріобрѣла комедія отъ времени и котораго не чувствовали въ ней современники Фонвизина. Эти послѣдніе узнавали въ ея дѣйствующихъ лицахъ своихъ добрыхъ или недобрыхъ знакомыхъ; сцена заставляла ихъ смѣяться, негодовать или огорчаться, представляя имъ въ художественномъ обобщеніи то, что въ конкретной грубости жизни они встрѣчали вокругъ себя и даже въ себѣ самихъ, что входило въ ихъ обстановку и строй ихъ жизни, даже въ ихъ собственное внутреннее существо, и чистосердечные зрители, вѣроятно, съ горестью повторяли про себя добродушное и умное восклицаніе Простакова-отца: „хороши мы!“ Мы живемъ въ другой обстановкѣ и въ другомъ житейскомъ складѣ; тѣ же пороки въ насъ обнаруживаются иначе. Теперь вокругъ себя мы не видимъ ни Простаковыхъ, ни Скотининыхъ, по крайней мѣрѣ—съ ихъ т о г д а ш н и м и обличіями и замашками; мы въ правѣ не узнавать себя въ этихъ непріятныхъ фигурахъ. Комедія убѣждаетъ насъ воочію, что такія чудовища могли существовать и нѣкогда существовали дѣйствительно, открываетъ намъ ихъ въ подлинномъ первобытномъ ихъ видѣ, и это открытіе заставляетъ насъ еще болѣе цѣнить художественную пьесу, которая ихъ увѣковѣчила. Въ нашихъ глазахъ пьеса утратила свѣжесть новизны и современности, зато пріобрѣла интересъ художественнаго памятника старины, показывающаго, какими понятіями и привычками удобрена та культурная почва, по которой мы ходимъ и злаками которой питаемся. Этого историческаго интереса не могли замѣчать въ комедіи современники ея автора: смотря ее, они не видѣли насъ, своихъ внуковъ; мы сквозь нее видимъ ихъ, своихъ дѣдовъ.

Что смѣшно въ Недорослѣ, и одно ли и то же смѣшитъ въ немъ разные возрасты? Молодежь больше всего смѣется, разумѣется, надъ Митрофаномъ, героемъ драмы, неистощи-

мымъ предметомъ смѣха, нарицательнымъ именемъ смѣшной несовершеннолѣтней глупости и учащагося невѣжества. Но да будетъ позволено немного заступиться за Митрофана: онъ слишкомъ засмѣянъ. Правда, онъ смѣшонъ, но не всегда и даже очень рѣдко, именно только въ лучшія минуты своей жизни, которыя находятъ на него очень нечасто. Въ комедіи онъ дѣлаетъ два дѣла: размышляетъ, чтобы выпутаться изъ затрудненій, въ которыя ставитъ его зоологическая любовь матери, и поступаетъ, выражая въ поступкахъ свои обычныя чувства. Забавны только его размышленія, а поступки—нисколько. По мысли автора, онъ дуракъ и долженъ разсуждать по-дурацки. Тутъ ничего смѣшного нѣтъ; грѣшно смѣяться надъ дуракомъ и, кто это дѣлаетъ, тотъ самъ становится достойнымъ предметомъ своего смѣха. Однако, на дѣлѣ Митрофанъ размышляетъ по-своему находчиво и умно, только—недобросовѣстно и потому иногда невпопадъ, размышляетъ не съ цѣлью узнать истину или найти прямой путь для своихъ поступковъ, а чтобы только вывернуться изъ одной непріятности, и потому тотчасъ попадаетъ въ другую, чѣмъ и наказываетъ самъ себя за софистическое коварство своей мысли. Это самонаказаніе и вызываетъ вполнѣ заслуженный смѣхъ. Онъ забавенъ, когда, объѣвшись наканунѣ и для избѣжанія непріятности учиться, онъ старается преувеличить размѣры и дурныя слѣдствія своего обжорства, даже подличаетъ передъ матерью, чтобы ее разжалобить; но, увертываясь отъ учителя, онъ подвергаетъ себя опасности попасть въ руки врача, который, разумѣется, посадитъ его на діету, и чтобы отклонить отъ себя эту новую напасть, сообразительно отвѣчаетъ на предложеніе испугавшейся его болѣзни матери послать за докторомъ: „Нѣтъ, нѣтъ, матушка, я ужъ лучше самъ выздоровлю“, и убѣгаетъ на голубятню. Онъ очень забавенъ со своей оригинальной теоріей грамматики, со своимъ очень бойко и сообразительно изобрѣтеннымъ ученіемъ о двери существительной и прилагательной, за каковое изобрѣтеніе умные взрослые люди, его экзаме-

новавшіе, торжественно, съ митрофановскимъ остроуміемъ, награждаютъ его званіемъ дурака. Но чувства и направляемые ими поступки Митрофана вовсе не смѣшны, а только гадки. Что смѣшного въ омерзительной жалости, какая проняла объѣвшагося 16-тилѣтняго шалопая—въ его тяжеломъ животномъ снѣ—при видѣ матери, уставшей колотить его отца? Ничего смѣшного нѣтъ и въ знаменитой сценѣ ученья Митрофана, въ этомъ безподобномъ, безотрадно печальномъ квартетѣ бѣдныхъ учителей, ничему научить не могущихъ,—мамаши, въ присутствіи учащагося сынка съ вязаніемъ въ рукахъ ругающейся надъ ученьемъ, и—разбираемаго охотой жениться сынка, въ присутствіи матери ругающагося надъ своими учителями?... Если современный педагогъ такъ не настроитъ своего класса, чтобы онъ не смѣялся при чтеніи этой сцены, значитъ, такой педагогъ плохо владѣетъ своимъ классомъ, а чтобы онъ былъ въ состояніи самъ раздѣлять такой смѣхъ, объ этомъ страшно и подумать. Для взрослыхъ Митрофанъ вовсе не смѣшонъ; по крайней мѣрѣ, надъ нимъ очень опасно смѣяться, ибо митрофановская порода мститъ своей плодовитостью. Взрослые, прежде чѣмъ потѣшаться надъ глупостью или пошлостью Митрофана, пусть изъ глубины ложи представятъ себѣ свою настоящую или будущую дѣтскую или взглянутъ на сидящихъ тутъ же, на переднихъ стульяхъ птенцовъ своихъ, и налетѣвшая улыбка мгновенно слетитъ съ легкомысленно-веселаго лица. Какъ Митрофанъ самъ себя наказываетъ за свои сообразительныя глупости заслуженными напастями, такъ и насмѣшливый современный зритель сценическаго Митрофана можетъ современемъ наказать себя за преждевременный смѣхъ не театральными, а настоящими, житейскими и очень горькими слезами. Повторяю, надобно осторожно смѣяться надъ Митрофаномъ, потому что Митрофаны мало смѣшны и притомъ очень мстительны, и мстятъ они неудержимой размножаемостью и неуловимой проницательностью своей породы, родственной насѣкомымъ или микробамъ.

Да я и не знаю, кто смѣшонъ въ Недорослѣ. Г. Простаковъ? Онъ только неумный, совершенно безпомощный бѣдняга, не безъ совѣстливой чуткости и прямоты юродиваго, но безъ капли воли и съ жалкимъ до слезъ избыткомъ трусости, заставляющей его малодушествовать даже передъ своимъ сыномъ. Тарасъ Скотининъ также мало комиченъ: въ человѣкѣ, который самъ себя характеризовалъ извѣстнымъ домашнимъ животнымъ, которому сама родная сестрица нѣжно сказала въ глаза, что хорошая свинья ему нужнѣе жены, для котораго свиной хлѣвъ замѣняетъ и храмъ наукъ, и домашній очагъ,—что комичнаго въ этомъ благородномъ россійскомъ дворянинѣ, который, изъ просвѣтительнаго соревнованія съ любимыми животными, доцивилизовался до четверенекъ? Не комична ли сама хозяйка дома, госпожа Простакова, урожденная Скотинина? Это лицо въ комедіи необыкновенно удачно задуманное психологически и превосходно выдержанное драматически: въ продолженіе всѣхъ пяти актовъ пьесы съ крѣпколобымъ, истинно-скотининскимъ терпѣніемъ ни разу она не смигнула съ той жестокой физіономіи, какую приказалъ ей держать безжалостный художникъ во все время неторопливаго сеанса, пока рисовалъ съ нея портретъ. Зато она и вдвойнѣ не комична: она глупа и труслива, т.-е. жалка—по мужу, какъ Простакова, безбожна и безчеловѣчна, т. е. отвратительна—по брату, какъ Скотинина. Она вовсе не располагаетъ къ смѣху; напротивъ, при одномъ видѣ этой возмутительной озорницы не только у ея забитаго мужа, но и у современнаго зрителя, огражденнаго отъ нея цѣлымъ столѣтіемъ, начинаетъ мутиться въ глазахъ, и колеблется вѣра въ человѣка, въ ближняго.

Въ комедіи есть группа фигуръ, предводительствуемая дядей Стародумомъ. Онѣ выдѣляются изъ комическаго персонала пьесы: это—благородные и просвѣщенные резонеры, академики добродѣтели. Онѣ не столько дѣйствующія лица драмы, сколько ея моральная обстановка: онѣ поставлены около дѣйствующихъ лицъ, чтобы своимъ свѣтлымъ контра-

стомъ рѣзче оттѣнить ихъ темныя физіономіи. Онѣ выполняютъ въ драмѣ назначеніе, похожее на то, какое имѣютъ въ фотографическомъ кабинетѣ ширмочки, горшки съ цвѣтами и прочіе приборы, предназначенные регулировать свѣтъ и перспективу. Таковы онѣ должны быть по тогдашней драматической теоріи; можетъ быть, таковы онѣ были и по плану автора комедіи, но не совсѣмъ такими представляются онѣ современному зрителю, не забывающему, что онъ видитъ передъ собой русское общество прошлаго вѣка. Правда— Стародумъ, Милонъ, Правдинъ, Софья не столько живыя лица, сколько моралистическіе манекены; но вѣдь и ихъ дѣйствительные подлинники были не живѣе своихъ драматическихъ снимковъ. Они наскоро затверживали и, запинаясь, читали окружающимъ новыя чувства и правила, которыя кой-какъ прилаживали къ своему внутреннему существу, какъ прилаживали заграничные парики къ своимъ щетинистымъ головамъ; но эти чувства и правила такъ же механически прилипали къ ихъ доморощеннымъ, природнымъ понятіямъ и привычкамъ, какъ тѣ парики къ ихъ головамъ. Они являлись ходячими, но еще безжизненными схемами новой хорошей морали, которую они надѣвали на себя, какъ маску. Нужны были время, усилія и опыты, чтобы пробудить органическую жизнь въ этихъ, пока мертвенныхъ, культурныхъ препаратахъ, чтобы эта моралистическая маска успѣла врасти въ ихъ тусклыя лица и стать ихъ живой нравственной физіономіей. Гдѣ, напримѣръ, было взять Фонвизину живую благовоспитанную племянницу Софью, когда такія племянницы всего лѣтъ за 15 до появленія Недоросля только еще проектировались дядюшкой Бецкимъ въ разныхъ педагогическихъ докладахъ и начертаніяхъ; когда учрежденныя съ этой цѣлью воспитательныя общества для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ по его заказу лѣпили еще первые пробные образчики новой благовоспитанности, а сами эти дѣвицы, столь заботливо задуманныя педагогически, подобно нашей Софьѣ, только еще садились за чтеніе Фене-

лоновыхъ и другихъ трактатовъ о своемъ собственномъ воспитаніи? Художникъ могъ творить только изъ матеріала, подготовленнаго педагогомъ, и Софья вышла у него свѣжеизготовленной куколкой благонравія, отъ которой вѣетъ еще сыростью педагогической мастерской. Такимъ образомъ, Фонвизинъ остался художникомъ и въ видимыхъ недостаткахъ своей комедіи не измѣнилъ художественной правдѣ, и въ самыхъ своихъ карикатурахъ онъ не могъ сдѣлать живыя лица изъ ходячихъ мертвецовъ или туманныхъ привидѣній; но изображенныя имъ свѣтлыя лица, не становясь живыми, остаются дѣйствительными лицами, изъ жизни взятыми явленіями.

Да и такъ ли они безжизненны, какъ привыкли представлять ихъ? Какъ новички въ своей роли, они еще нетвердо ступаютъ, сбиваются, повторяя уроки, едва затверженные изъ Лябрюйера, Дюкло, Наказа и другихъ тогдашнихъ учебниковъ публичной и приватной морали; но какъ новообращенные, они немного заносчивы и не въ мѣру усердны. Они еще сами не насмотрятся на свой новенькій нравственный уборъ, говорятъ такъ развязно, самоувѣренно и самодовольно, съ такимъ вкусомъ смакуютъ собственную академическую добродѣтель, что забываютъ, гдѣ они находятся, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и оттого иногда попадаютъ впросакъ, чѣмъ усиливаютъ комизмъ драмы. Стародумъ, толкующій госпожѣ Простаковой пользу географіи тѣмъ, что въ поѣздкѣ съ географіей знаешь, куда ѣдешь, право, не менѣе и не болѣе живое лицо, чѣмъ его собесѣдница, которая съ обычной своей рѣшительностью и довольно начитанно возражаетъ ему тонкимъ соображеніемъ, заимствованнымъ изъ одной повѣсти Вольтера: „Да извощики-то на что жъ? Это ихъ дѣло“. Умные, образованные люди такъ самодовольно потѣшаются надъ этимъ обществомъ грубыхъ или жалкихъ дикарей, у которыхъ они въ гостяхъ, даже надъ такими пѣтыми дураками, какими они считаютъ Митрофана и Тараса Скотинина,—что послѣдній обнаружилъ необычную ему зоркость,

когда спросилъ, указывая на одного изъ этихъ благородныхъ гостей, Софьина жениха: „Кто жъ изъ насъ смѣшонъ? Ха, ха, ха!“ Самъ почтенный дядя Стародумъ такъ игриво настроенъ, что при видѣ подравшихся въ кровь братца и сестрицы, къ которой въ домъ онъ только что пріѣхалъ, не могъ удержаться отъ смѣха и даже засвидѣтельствовалъ самой хозяйкѣ, что онъ отъ роду ничего смѣшнѣе не видывалъ, за что и былъ заслуженно оборванъ ея замѣчаніемъ, что это, сударь, вовсе и не смѣшно. Во всю первую сцену пятаго акта тотъ же честнымъ трудомъ разбогатѣвшій дядя Стародумъ и чиновникъ намѣстничества Правдинъ важно бесѣдуютъ о томъ, какъ беззаконно угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ, какое удовольствіе для государей владѣть свободными душами, какъ льстецы отвлекаютъ государей отъ стези истины и уловляютъ ихъ души въ свои сѣти, какъ государь можетъ сдѣлать людей добрыми: стоитъ только показать всѣмъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди и получить мѣсто на службѣ, и „тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ, и всякій хорошъ будетъ“. Эти добрые люди, разсуждавшіе на сценѣ передъ русской публикой о такихъ серьезныхъ предметахъ и изобрѣтавшіе такія легкія средства сдѣлать всѣхъ людей добрыми, сидѣли въ одной изъ наполненныхъ крѣпостными людьми усадебъ многочисленныхъ госпожъ Простаковыхъ, урожденныхъ Скотининыхъ, съ одной изъ которыхъ насилу могли справиться оба они, да и то съ употребленіемъ оружія офицера, проходившаго мимо со своей командой. Внимая этимъ собесѣдникамъ, точно слушаешь веселую сказку, уносившую ихъ изъ окружавшей ихъ дѣйствительности „за тридевять земель, за тридесятое царство“, куда заносила Митрофана обучавшая его „исторіямъ“ скотница Хавронья. Значитъ, лица комедіи, призванныя служить формулами и образцами добронравія, не лишены комической живости.

Все это—фальшивыя ноты не комедіи, а самой жизни, въ ней разыгранной. Эта комедія — безподобное зеркало.

Фонвизину въ ней какъ-то удалось стать прямо передъ русской дѣйствительностью, взглянуть на нее просто, непосредственно, въ упоръ, глазами, не вооруженными никакимъ стекломъ, взглядомъ, не преломленнымъ никакими точками зрѣнія, и воспроизвести ее съ безотчетностью художественнаго пониманія. Срисовывая, что наблюдалъ, онъ, какъ испытанный художникъ, не отказывался и отъ творчества; но на этотъ разъ и тамъ, гдѣ онъ надѣялся творить, онъ только копировалъ. Это произошло оттого, что на этотъ разъ поэтическій взглядъ автора сквозь то, что *казалось*, проникъ до того, что дѣйствительно происходило; простая, печальная правда жизни, прикрытая бьющими въ глаза миражами, подавила шаловливую фантазію, обыкновенно принимаемую за творчество, и вызвала къ дѣйствію высшую творческую силу зрѣнія, которая за видимыми для всѣхъ призрачными явленіями умѣетъ разглядѣть никѣмъ не замѣчаемую дѣйствительность. Стекло, которое достигаетъ до невидимыхъ простымъ глазомъ звѣздъ, сильнѣе того, которое отражаетъ занимающіе досужихъ зрителей блуждающіе огоньки.

Фонвизинъ взялъ героевъ *Недоросля* прямо изъ житейскаго омута, и взялъ, въ чемъ засталъ, безъ всякихъ культурныхъ покрытій, да такъ и поставилъ ихъ на сцену со всей неурядицей ихъ отношеній, со всѣмъ содомомъ ихъ неприбранныхъ инстинктовъ и интересовъ. Эти герои, выхваченные изъ общественнаго толока для забавы театральной публики, оказались вовсе не забавны, а просто нетерпимы ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ: авторъ взялъ ихъ на время для показа изъ-подъ полицейскаго надзора, куда и поспѣшилъ возвратить ихъ въ концѣ пьесы при содѣйствіи чиновника Правдина, который и принялъ ихъ въ казенную опеку съ ихъ деревнями. Эти незабавные люди, задумывая преступныя вещи, туда же мудрятъ и хитрятъ, но, какъ люди глупые и растерянные, къ тому же до самозабвенія злые, они сами вязнутъ и топятъ другъ друга въ грязи собственныхъ козней. На этомъ и построенъ комизмъ *Недо-*

росля. Глупость, коварство, злость, преступленіе вовсе не смѣшны сами по себѣ; смѣшно только глупое коварство, попавшееся въ собственныя сѣти, смѣшна злобная глупость, обманувшая сама себя и никому ни причинившая задуманнаго зла. Недоросль—комедія не лицъ, а положеній. Ея лица комичны, но не смѣшны, комичны, какъ роли, и вовсе не смѣшны, какъ люди. Они могутъ забавлять, когда видишь ихъ на сценѣ, но тревожатъ и огорчаютъ, когда встрѣчаешь внѣ театра, дома или въ обществѣ. Фонвизинъ заставилъ печально-дурныхъ и глупыхъ людей играть забавно-веселыя и часто умныя роли. Въ этомъ тонкомъ различеніи людей и ролей художественнное мастерство его Недоросля; въ немъ же источникъ того сильнаго впечатлѣнія, какое производитъ эта пьеса. Сила впечатлѣнія въ томъ, что оно составляется изъ двухъ противоположныхъ элементовъ: смѣхъ въ театрѣ смѣняется тяжелымъ раздумьемъ по выходѣ изъ него. Пока разыгрываются роли, зритель смѣется надъ положеніями себя перехитрившей и самое себя наказывающей злой глупости. Но вотъ кончилась игра, ушли актеры, и занавѣсъ опустился—кончился и смѣхъ. Прошли забавныя положенія злыхъ людей, но люди остались, и, изъ душнаго марева электрическаго свѣта вырвавшись на пронизывающую свѣжесть уличной мглы, зритель съ ущемленнымъ сердцемъ припоминаетъ, что эти люди остались и онъ ихъ встрѣтитъ вновь прежде, чѣмъ они попадутся въ новыя заслуженныя ими положенія, и онъ, зритель, запутается съ ними въ ихъ темныя дѣла, и они сумѣютъ наказать его за это раньше, чѣмъ успѣютъ сами наказать себя за свою же перехитрившую себя злую глупость.

Въ Недорослѣ показана зрителю зажиточная дворянская семья екатерининскаго времени въ невообразимо хаотическомъ состояніи. Всѣ понятія здѣсь опрокинуты вверхъ дномъ и исковерканы; всѣ чувства выворочены на изнанку; не осталось ни одного разумнаго и добросовѣстнаго отношенія; во всемъ гнетъ и произволъ, ложь и обманъ, и кру-

говое, поголовное непониманіе. Кто посильнѣе, гнететъ; кто послабѣе, лжетъ и обманываетъ, и ни тѣ, ни другіе не понимаютъ, для чего они гнетутъ, лгутъ и обманываютъ, и никто не хочетъ даже подумать, почему они этого не понимаютъ. Жена-хозяйка, вопреки закону и природѣ, гнететъ мужа, не будучи умнѣе его, и ворочаетъ всѣмъ, т. е. все переворачиваетъ вверхъ дномъ, будучи гораздо его нахальнѣе. Она одна въ домѣ лицо, всѣ прочіе—безличныя мѣстоименія, и когда ихъ спрашиваютъ, кто они, робко отвѣчаютъ: „я—женинъ мужъ, а я—сестринъ братъ, а я—матушкинъ сынъ“. Она ни въ грошъ не ставитъ мнѣніе мужа и, жалуясь на Господа, ругается, что мужъ на все смотритъ ея глазами. Она заказываетъ кафтанъ своему крѣпостному, который шить не умѣетъ, и бѣснуется, негодуя, почему онъ не шьетъ, какъ настоящій портной. Съ утра до вечера не даетъ покоя ни своему языку, ни рукамъ: то ругается, то дерется: „тѣмъ и домъ держится“, по ея словалъ. А держится онъ вотъ какъ. Она любитъ сына любовью собаки къ своимъ щенятамъ, какъ сама съ гордостью характеризуетъ свою любовь, поощряетъ въ сынѣ неуваженіе къ отцу, а сынъ, 16-тилѣтній дѣтина, платитъ матери за такую любовь грубостью скотины. Она позволяетъ сыну объѣдаться до желудочной тоски и увѣрена, что воспитываетъ его, какъ повелѣваетъ родительскій долгъ. Свято храня завѣтъ своего великаго батюшки воеводы Скотинина, умершаго съ голоду на сундукѣ съ деньгами и при напоминаніи объ ученіи дѣтей кричавшаго: „не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ“, вѣрная фамильнымъ традиціямъ дочь ненавидитъ науку до ярости, но безтолково учитъ сынка для службы и свѣта, твердя ему: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“, и въ то же время оправдываетъ его учебное отвращеніе неопрятнымъ намекомъ на полагаемую ею конечную цѣль образованія: „Не вѣкъ тебѣ, моему другу, учиться; ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ“. Самый дорогой изъ учителей Митрофана, нѣмецъ, кучеръ

Вральманъ, подрядившійся учить всѣмъ наукамъ, не учитъ ровно ничему и учить не можетъ, потому что самъ ничего не знаетъ, даже мѣшаетъ учить другимъ, оправдывая передъ матерью свою педагогику тѣмъ, что головушка у ея сынка гораздо слабѣе его брюха, а и оно не выдерживаетъ излишней набивки; и за это доступное материнско-простаковскому уму соображеніе Вральманъ—единственный человѣкъ въ домѣ, съ которымъ хозяйка обращается прилично, даже съ посильнымъ для нея респектомъ. Обобравъ все у своихъ крестьянъ, госпожа Простакова скорбно недоумѣваетъ, какъ это она уже ничего съ нихъ содрать не можетъ—такая бѣда! Она хвастается, что пріютила у себя сиротку-родственницу со средствами, и исподтишка обираетъ ее. Благодѣтельница хочетъ пристроить эту сиротку Софью за своего братца безъ ея спроса, и тотъ не прочь отъ этого не потому, что ему нравится „дѣвчонка“, а потому что въ ея деревенькахъ водятся отличныя свиньи, до которыхъ у него „смертная охота“. Она не хочетъ вѣрить, чтобы воскресъ страшный ей дядя Софьи, котораго она признала умершимъ только потому, что ужъ нѣсколько лѣтъ поминала его въ церкви за упокой, и рветъ и мечетъ, готова глаза выцарапать всякому, кто говоритъ ей, что онъ и не умиралъ. Но самодуръ-баба—страшная трусиха и подличаетъ передъ всякой силой, съ которой не надѣется справиться,—передъ богатымъ дядей Стародумомъ, желая устроить нечаянно разбогатѣвшую братнину невѣсту за своего сынка; но когда ей отказываютъ, она рѣшается обманомъ насильно обвѣнчать ее съ сыномъ, т. е. вовлечь въ свое безбожное беззаконіе самую церковь. Разсудокъ, совѣсть, честь, стыдъ, приличіе, страхъ Божій и человѣческій—всѣ основы и скрѣпы общественнаго порядка горятъ въ этомъ простаковско-скотининскомъ аду, гдѣ чортъ—сама хозяйка дома, какъ называетъ ее Стародумъ, и когда она, наконецъ, попалась, когда вся ея нечестивая паутина разорвана была метлой закона, она, бросившись на колѣни передъ его блюстителемъ, отпѣ-

ваетъ свою безобразную трагедію, хотя и не гамлетовскимъ, но тартюфовскимъ эпилогомъ въ своей урожденной редакціи: „Ахъ, я собачья дочь! Что я надѣлала!“ Но это была минутная растерянность, если не было притворство: [какъ только ее простили, она спохватилась, стала опять сама собой, и первою мыслію ея было перепороть на смерть всю дворню за свою неудачу, и, когда ей замѣтили, что тиранствовать никто не воленъ, она увѣковѣчила себя знаменитымъ возраженіемъ:

— Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что-жъ данъ намъ указъ о вольности дворянства?

Въ этомъ все дѣло. „Мастерица толковать указы“! повторимъ и мы вслѣдъ за Стародумомъ. Все дѣло въ послѣднихъ словахъ госпожи Простаковой; въ нихъ весь смыслъ драмы и вся драма въ нихъ же. Все остальное—ея сценическая или литературная обстановка, не болѣе; все, что предшествуетъ этимъ словамъ, ихъ—драматическій прологъ; все что слѣдуетъ за ними,—ихъ драматическій эпилогъ. Да, госпожа Простакова мастерица толковать указы. Она хотѣла сказать, что законъ оправдываетъ ея беззаконіе. Она сказала безсмыслицу, и въ этой безсмыслицѣ весь смыслъ Недоросля; безъ нея это была бы комедія безсмыслицъ. Надобно только въ словахъ госпожи Простаковой уничтожить знаки удивленія и вопросъ, переложить ея нѣсколько патетическую рѣчь, вызванную тревожнымъ состояніемъ толковательницы, на простой логическій языкъ, и тогда ясно обозначится ея неблагополучная логика. Указъ о вольности дворянства данъ на то, чтобы дворянинъ воленъ былъ сѣчь своихъ слугъ, когда захочетъ. Госпожа Простакова, какъ непосредственная, наивная дама, понимала юридическія положенія только въ конкретныхъ, практическихъ приложеніяхъ, каковымъ въ ея словахъ является право произвольнаго сѣченія крѣпостныхъ слугъ. Возводя эту подробность къ ея принципу, найдемъ, что указъ о вольности дворянства данъ былъ на

права дворянъ и ничего, кромѣ правъ, т. е. никакихъ обязанностей, на дворянъ не возлагалъ, по толкованію госпожи Простаковой. Права безъ обязанностей юридическая нелѣпость, какъ слѣдствіе безъ причины нелѣпость логическая; сословіе съ одними правами безъ обязанностей политическая невозможность, а невозможность существовать не можетъ. Госпожа Простакова возмнила русское дворянство такою невозможностью, т. е. взяла да и произнесла смертный приговоръ сословію, которое тогда вовсе не собиралось умирать и здравствуетъ доселѣ. Въ этомъ и состояла ея безсмыслица. Но дѣло въ томъ, что когда этотъ знаменитый указъ Петра III былъ изданъ, очень многіе изъ русскихъ дворянъ подняли руки на свое сословіе, поняли его такъ же, какъ поняла госпожа Простакова, происходившая [изъ „великаго и стариннаго“ рода Скотининыхъ, [какъ называетъ его самъ ея братъ, самъ Тарасъ Скотининъ. по его же увѣренію, „въ родѣ своемъ не послѣдній“. Я не могу понять, для чего Фонвизинъ допустилъ Стародума и Правдина въ бесѣдѣ со Скотининымъ трунить надъ стариной [рода Скотининыхъ [и искушать генеалогическую гордость простака Скотинина намекомъ, что пращуръ его, пожалуй, даже старше Адама, „созданъ хоть въ шестой же день, да [немного попрежде Адама“, что Софья потому и не пара Скотинину, что она дворянка: вѣдь сама комедія свидѣтельствуетъ, что Скотининъ имѣлъ деревню, крестьянъ, былъ сынъ воеводы, значитъ, былъ тоже дворянинъ, даже причислялся по табели о рангахъ къ „лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ“, а потому пращуръ его не могъ быть созданъ въ одно время съ четвероногими. Какъ это русскіе дворяне прошлаго вѣка спустили Фонвизину, который самъ былъ дворянинъ, такой неловкій намекъ? Можно сколько угодно шутить надъ юриспруденціей госпожи Простаковой, надъ умомъ г. Скотинина, но не надъ ихъ предками: шутка надъ скотининской генеалогіей, притомъ съ участіемъ библейскихъ сказаній, со стороны Стародума

и Правдина, т. е. Фонвизина, была опаснымъ, обоюдоострымъ оружіемъ; она напоминаетъ комизмъ Кутейкина, весь построенный на пародированіи библейскихъ терминовъ и текстовъ,—непріятный и ненадежный комическій пріемъ, едва ли кого забавить способный. Это надобно хорошенько растолковать молодежи, читающей Недоросля, и истолковать въ томъ смыслѣ, что здѣсь Фонвизинъ не шутилъ ни надъ предками, ни надъ текстами, а только по-своему обличалъ людей, злоупотребляющихъ тѣми и другими. Эту шутку можетъ извинить если не увлеченіе собственнымъ остроуміемъ, то негодованіе на то, что Скотинины слишкомъ мало оправдывали свое дворянское происхожденіе и подходили подъ жестокую оцѣнку того же Стародума, сказавшаго: „Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ, подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю“. Негодованіе комика вполнѣ понятно: онъ не могъ не понимать всей лжи и опасности взгляда, какой усвояли многіе дворяне его времени на указъ о вольности дворянства, понимая его, какъ онъ истолковывался въ школѣ простаковскаго правовѣдѣнія. Это толкованіе было ложно и опасно, грозило замутить юридическій смыслъ и погубить политическое положеніе руководящаго сословія русскаго общества. Дворянская вольность по указу 1762 г. многими понята была, какъ увольненіе сословія отъ всѣхъ спеціальныхъ сословныхъ обязанностей съ сохраненіемъ всѣхъ сословныхъ правъ. Это была роковая ошибка, вопіющее недоразумѣніе. Совокупность государственныхъ обязанностей, лежавшихъ на дворянствѣ, какъ сословіи, составляла то, что называлось его службой государству. Знаменитый манифестъ 18 февраля 1762 г. гласилъ, что дворяне, находящіеся на военной или гражданской службѣ, могутъ оную продолжать или выходить въ отставку по своему желанію, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями. Ни о какихъ новыхъ правахъ надъ крѣпостными, ни о какомъ сѣченіи слугъ законъ не говорилъ ни слова; напротивъ, прямо и настойчиво оговорены были нѣкоторыя обязанности, оставшіяся на

сословіи, между прочимъ, установленное Петромъ Великимъ обязательное обученіе: „чтобы никто не дерзалъ безъ ученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать подъ тяжкимъ нашимъ гнѣвомъ“. Въ заключеніе указа вѣжливо выражена надежда, что дворянство не будетъ уклоняться отъ службы, но съ ревностью въ оную вступать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилежностью обучать благопристойнымъ наукамъ, а, впрочемъ, тутъ же довольно сердито прибавлено, что тѣхъ дворянъ, которые не будутъ исполнять обѣихъ этихъ обязанностей, какъ людей нерадивыхъ о добрѣ общемъ, повелѣвается всѣмъ вѣрноподаннымъ „презирать и уничтожать“ и въ публичныхъ собраніяхъ не терпѣть. Какъ можно было еще сказать яснѣе этого, и гдѣ тутъ вольность, полное увольненіе отъ обязательной службы? Законъ отмѣнялъ, да и то съ ограниченіями, только обязательную срочность службы (не менѣе 25 лѣтъ), установленную указомъ 1736 года. Дворяне простаковскаго разумѣнія были введены въ заблужденіе тѣмъ, что законъ не предписывалъ прямо служить, что было не нужно, а только грозилъ карой за уклоненіе отъ службы, что было не излишне. Но вѣдь угроза закона наказаніемъ за поступокъ есть косвенное запрещеніе поступка. Это юридическая логика, требующая, чтобы угрожающее наказаніе вытекало изъ запрещаемаго поступка, какъ слѣдствіе вытекаетъ изъ своей причины. Указъ 18 февраля отмѣтилъ только слѣдствіе, а простаковскіе законовѣды подумали, что отмѣнена причина. Они впали въ ошибку, какую сдѣлали бы мы, если бы, прочитавъ предписаніе, что воры не должны быть терпимы въ обществѣ, подумали, что воровство дозволяется, но прислугѣ запрещается принимать воровъ въ домъ, когда они позвонятъ. Эти законовѣды слишкомъ буквально понимали не только слова, но и недомолвки закона, а законъ, желая говорить вѣжливо, торжественно объявляя, что онъ жалуетъ „всему россійскому благородному дворянству вольность и свободу“, говорилъ пріятнаго больше, чѣмъ думалъ сказать,

и старался возможно больше смягчить то, что было непріятно напоминать. Законъ говорилъ: будьте такъ добры, служите и учите своихъ дѣтей, а, впрочемъ, кто не станетъ дѣлать ни того, ни другого, тотъ будетъ изгнанъ изъ общества. Многіе въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка не поняли этой деликатной апелляціи закона къ общественной совѣсти, потому что получили недостаточно мягкое гражданское воспитаніе. Они привыкли къ простому, немного солдатскому языку петровскаго законодательства, которое любило говорить палками, плетями, висѣлицей да пулей, обѣщало преступнику ноздри распороть и на каторгу сослать, или даже весьма живота лишить и отсѣченіемъ головы казнить, или нещадно аркебузировать (разстрѣлять). Эти люди понимали долгъ, когда онъ вырѣзывался кровавыми подтеками на живой кожѣ, а не писался человѣческой рѣчью въ людской совѣсти. Такой реализмъ юридическаго мышленія и помѣшалъ мыслителямъ вникнуть въ смыслъ закона, который за нерадѣніе о добрѣ общемъ грозилъ, что нерадивые „нижѐ ко двору нашему пріѣздъ или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ“: ни палокъ, ни плетей, а только закрытіе придворныхъ и публичныхъ дверей! Вышло крупное юридическое недоразумѣніе. Тогдашняя сатира вскрыла его источникъ: это слишкомъ распущенный аппетитъ произвола. Она изобразила уѣзднаго дворянина, который такъ пишетъ сыну объ указѣ 18 февраля: „Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность; да чортъ ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность! Дали вольность, а ничего неможно своею [волею сдѣлать, нельзя у сосѣда и земли отнять“. Мысль этого законовѣда шла еще дальше простаковской, требовала не только увольнительнаго свидѣтельства отъ сословнаго долга, но и патента на сословную привилегію беззаконія.

Итакъ, значительная часть дворянства въ прошломъ столѣтіи не понимала исторически сложившагося положенія своего сословія и недоросль, фонвизинскій недоросль

Митрофанъ былъ жертвой этого непониманія. Комедія Фонвизина неразрывно связала оба эти слова, такъ что Митрофанъ сталъ именно нарицательнымъ, а недоросль собственнымъ: недоросль—синонимъ Митрофана, а Митрофанъ—синонимъ глупаго неуча и маменькина баловня. Недоросль Фонвизина — карикатура, но не столько сценическая, сколько бытовая: воспитаніе изуродовало его больше, чѣмъ пересмѣяла комедія. Историческимъ прототипомъ этой карикатуры было званіе, въ которомъ столь же мало смѣшного, какъ мало этого въ званіи гимназиста. На языкѣ древней Руси недоросль—подростокъ до 15 лѣтъ, дворянскій недоросль—подростокъ, „поспѣвавшій“ въ государеву ратную службу и становившійся новикомъ, „срослымъ человѣкомъ“, какъ скоро поспѣвалъ въ службу, т. е. достигалъ 15 лѣтъ. Званіе дворянскаго недоросля—это цѣлое государственное учрежденіе, цѣлая страница изъ исторіи русскаго права. Законодательство и правительство заботливо устрояли положеніе недорослей, что́ и понятно: это былъ подраставшій ратный запасъ. Въ главномъ военномъ управленіи, въ разрядномъ московскомъ приказѣ, вели ихъ списки съ обозначеніемъ лѣтъ каждаго, чтобы знать ежегодный призывный контингентъ; былъ установленъ порядокъ ихъ смотровъ и разборовъ, по которымъ поспѣвшихъ писали въ службу, въ какую кто годился, порядокъ надѣла ихъ старыми отцовскими или новыми помѣстьями и т. п. При такомъ порядкѣ недорослю, по достиженіи призывнаго возраста, было трудно, да и невыгодно долго залеживаться дома: помѣстное и денежное жалованье назначали, къ первымъ „новичнымъ“ окладамъ дѣлали придачи—только за дѣйствительную службу или доказанную служебную годность, „кто чего стоилъ“, а „избывая отъ службы“, можно было не только не получить новаго помѣстья, но и потерять отцовское. Бывали и въ XVII в. недоросли, „которые въ службу поспѣли, а службы не служили“ и на смотры не являлись, „огурялись“, какъ тогда говорили про такихъ неслуховъ.

Съ царствованія Петра Великаго это служебное „огурство“ дворянскихъ недорослей усиливается все болѣе по разнымъ причинамъ: служба въ новой регулярной арміи стала несравненно тяжелѣе прежней; притомъ законъ 20 января 1714 г. требовалъ отъ дворянскихъ дѣтей обязательнаго обученія для подготовки къ службѣ; съ другой стороны, помѣстное владѣніе стало наслѣдственнымъ, и надѣленіе новиковъ помѣстными окладами прекратилось. Такимъ образомъ тягости обязательной службы увеличивались въ одно время съ ослабленіемъ матеріальныхъ побужденій къ ней. „Лыняніе“ отъ школы и службы стало хроническимъ недугомъ дворянства, который не поддавался строгимъ указамъ Петра I и его преемницъ объ явкѣ недорослей на смотры съ угрозами кнутомъ, штрафами, „шельмованіемъ“, безповоротной отпиской имѣній въ казну за ослушаніе. Посошковъ увѣряетъ, что въ его время „многое множество“ дворянъ вѣки свои проживали, старѣли, въ деревняхъ живучи, а на службѣ и одною ногою не бывали. Дворяне пользовались доходами съ земель и крѣпостныхъ крестьянъ, пожалованныхъ сословію для службы, и, по мѣрѣ укрѣпленія тѣхъ и другихъ за сословіемъ, все усерднѣе уклонялись отъ службы. Въ этихъ уклоненіяхъ выражалось то же недобросовѣстное отношеніе къ сословному долгу, какое такъ грубо звучало въ словахъ, слышанныхъ тѣмъ же Посошковымъ отъ многихъ дворянъ: „Дай Богъ великому государю служить, а сабли бъ изъ ноженъ не вынимать“. Такое отношеніе къ сословнымъ обязанностямъ передъ государствомъ и обществомъ воспитывало въ дворянской средѣ „лежебоковъ“, о которыхъ Посошковъ ядовито замѣтилъ: „дома сосѣдямъ своимъ страшенъ, яко левъ, а на службѣ хуже козы“. Этотъ самый взглядъ на государственныя и гражданскія обязанности сословія и превратилъ дворянскаго недоросля, поспѣвавшаго на службу, въ грубаго и глупаго неуча и лѣнтяя, всячески избывавшаго отъ школы и службы.

Такой превращенный недоросль и есть фонвизинскій

Митрофанъ, очень устойчивый и живучій типъ въ русскомъ обществѣ, пережившій самое законодательство о недорослѣхъ, умѣвшій „взвесть“ не только дѣточекъ, по предсказанію его матери госпожи Простаковой, но и внучекъ, „временъ новѣйшихъ Митрофановъ“, какъ выразился Пушкинъ. Митрофану Фонвизина скоро 16 лѣтъ; но онъ еще состоитъ въ недорослѣхъ: по закону 1736 г. срокъ ученія (т. е. званіе) недоросля былъ продолженъ до 20 лѣтъ. Митрофанъ, по состоянію своихъ родителей, учится дома, а не въ школѣ: тотъ же законъ дозволялъ воспитываться дома недорослямъ со средствами. Митрофанъ учится уже года четыре и изъ рукъ вонъ плохо: по часослову едва бредетъ съ указкой въ рукѣ и то лишь подъ диктовку учителя, дьячка Кутейкина, по ариѳметикѣ „ничего перенялъ“ у отставного сержанта Цыфиркина, а „по-французски и всѣмъ наукамъ“ его совсѣмъ не учитъ и самъ учитель, дорого нанятой для обученія этимъ „всѣмъ наукамъ“ бывшій кучеръ, нѣмецъ Вральманъ. Но мать очень довольна и этимъ послѣднимъ учителемъ, который „ребенка не неволитъ“, и успѣхами своего „ребенка“, который, по ея словамъ, столько уже смыслитъ, что и самъ взведетъ дѣточекъ. У нея природное, фамильное скотининское отвращеніе отъ ученья: „безъ наукъ люди живутъ и жили“, внушительно заявляетъ она Стародуму, помня завѣтъ своего отца, сказавшаго: „не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ“. Но и она знаетъ, что „нынѣ вѣкъ другой“, и, труся его, съ суетливой досадой готовитъ сына „въ люди“: неученый поѣзжай-ка въ Петербургъ—скажутъ, дуракъ. Она балуетъ сына, „пока онъ еще въ недорослѣхъ“; но она боится службы, въ которую ему, „избави Боже“, лѣтъ черезъ десятокъ придется вступить. Требованія свѣта и службы навязывали этимъ людямъ ненавистную имъ науку, и они тѣмъ искреннѣе ее ненавидѣли. Въ этомъ и состояло одно изъ трагикомическихъ затрудненій, какія создавали себѣ эти люди непониманіемъ своего сословнаго положенія, надѣлавшимъ имъ столько Митрофа-

новъ; а въ положеніи сословія происходилъ переломъ, требовавшій полнаго къ себѣ вниманія.

Въ комедіи Фонвизина, сознательно или безсознательно для ея автора и первыхъ зрителей, нашли себѣ художественное выраженіе и эти затрудненія, и создававшее ихъ непониманіе перелома въ положеніи русскаго дворянства, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу этого сословія, а черезъ него и на все русское общество. Давно подготовляемый, этотъ переломъ наступилъ именно съ минуты изданія закона 18 февраля 1762 г. Много вѣковъ дворянство несло на себѣ тяжесть военной службы, защищая отечество отъ внѣшнихъ враговъ, образуя главную вооруженную силу страны. За это государство отдало въ его руки огромное количество земли, сдѣлало его землевладѣльческимъ классомъ, а въ XVII в. предоставило въ его распоряженіе на крѣпостномъ правѣ и крестьянское населеніе его земель. Это была большая жертва сословію: въ годъ перваго представленія Недоросля (1782) за дворянствомъ числилось болѣе половины (53%) всего крестьянскаго населенія въ старыхъ великороссійскихъ областяхъ государства,— болѣе половины того населенія, трудомъ котораго преимущественно питалось государственное и народное хозяйство Россіи. При Петрѣ I къ обязательной службѣ дворянства прибавилось, по закону 20 января 1714 г., еще обязательное обученіе, какъ подготовка къ такой службѣ. Такъ, дворянинъ становился государственнымъ, служилымъ человѣкомъ съ той минуты, какъ только дорасталъ до возможности взять учебную указку въ руки. По мысли Петра, дворянство должно было стать проводникомъ въ русское общество новаго образованія, научнаго знанія, которое заимствовалось съ Запада. Между тѣмъ воинская повинность была распространена и на другія сословія; поголовная военная служба дворянства послѣ Петра стала менѣе прежняго нужна государству: въ устроенной Петромъ регулярной арміи дворянство сохранило значеніе обученнаго офицерскаго запаса.

Тогда мирное образовательное назначеніе, предположенное для дворянства преобразователемъ, все настойчивѣе стало выступать впередъ. Готово было, ожидая дѣятелей, и благодатное, мирное поле, работая на которомъ дворянство могло сослужить отечеству новую службу, нисколько не меньше той, какую оно служило на ратномъ полѣ. Крѣпостные крестьяне бѣдствовали и разорялись, предоставленные въ отсутствіе помѣщиковъ произволу сборщиковъ податей, старостъ, управляющихъ, приказчиковъ, которыхъ само правительство уподобляло волкамъ. Помѣщикъ считался тогда естественнымъ покровителемъ и хозяйственнымъ опекуномъ своихъ крестьянъ, и его присутствіе среди нихъ разсматривалось, какъ благодѣяніе для нихъ. Потому и для государства дворянинъ въ деревнѣ сталъ не менѣе, если не болѣе нуженъ, чѣмъ въ казармѣ. Вотъ почему со смерти Петра постепенно облегчались лежавшія на дворянствѣ тягости по службѣ, но взамѣнъ того осложнялись его обязанности по землевладѣнію. Съ 1736 г. безсрочная военная служба дворянина ограничена 25-лѣтнимъ срокомъ, а въ 1762 г. дано служащимъ дворянамъ право отставки по ихъ усмотрѣнію. Зато на помѣщиковъ возложена отвѣтственность за податную исправность ихъ крестьянъ, а потомъ обязанность кормить ихъ въ неурожайные годы и ссужать сѣменами для посѣвовъ. Но и въ деревнѣ государству нуженъ былъ образованный, разумный и человѣколюбивый помѣщикъ. Потому правительство не допускало ни малѣйшаго ослабленія учебной повинности дворянства, угрозой отдавать неучей въ матросы безъ выслуги загоняло недорослей въ казенныя школы, устанавливало періодическіе экзамены для воспитывавшихся дома, какъ и въ школѣ, предоставляло значительныя преимущества по службѣ обученнымъ новикамъ. Самую обязанность дворянства служить стали разсматривать не только какъ средство комплектованія арміи и флота офицерскимъ дворянскимъ запасомъ, но и какъ образовательное средство для дворянина, которому военная служба сообщала

вмѣстѣ съ военной и извѣстную гражданскую выправку, знаніе свѣта, людскость, обтесывала Простаковыхъ и человѣкообразила Скотининыхъ, вколачивала въ тѣхъ и другихъ радѣніе „о пользѣ общей“, „знаніе политическихъ дѣлъ“, какъ выражался манифестъ 18 февраля 1762 года, и побуждала родителей заботиться о домашней подготовкѣ дѣтей къ казенной школѣ и службѣ, чтобъ они не явились въ столицу круглыми невѣждами съ опасностію стать посмѣшищемъ для товарищей. Такое значеніе службы живо чувствовала даже госпожа Простакова. Изъ-за чего она надрывается, хлопоча о выучкѣ своего сынка? Она соглашается съ мнѣніемъ Вральмана объ опасности набивать слабую головушку непосильной для нея ученой пищей. „Да что ты станешь дѣлать? горюетъ она: „ребенокъ, не выучась, поѣзжайка въ тотъ же Петербургъ—скажутъ, дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то я боюсь“. И фонвизинскій бригадиръ уговариваетъ свою жену записать ихъ Иванушку въ полкъ: „Пусть онъ, служа въ полку, ума набирается“. Надобно было побѣдить упорное отвращеніе отъ науки въ дворянскихъ дѣтяхъ, на которыхъ указъ императрицы Анны 1736 г. жаловался, что они предпочитаютъ вступать въ холопскую дворовую службу, чѣмъ служить государству, отъ наукъ убѣгаютъ и тѣмъ сами себя губятъ. Въ виду опасности одичанія неслужащаго дворянства правительство долго боялось не только отмѣнить, но и сократить обязательную службу сословія. На предложеніе комиссіи Миниха установить 25-лѣтній срокъ дворянской службы съ правомъ сокращать его на извѣстныхъ условіяхъ, сенатъ въ 1731 г. возражалъ тѣмъ соображеніемъ, что богатые дворяне, пользуясь этими условіями, никогда волею своею въ службу не пойдутъ, а будутъ дома жить „во всякой праздности и лѣности и безъ всякихъ добрыхъ наукъ и обхожденія“. Надобно было отучить русскихъ вральмановскихъ учениковъ отъ нелѣпаго мнѣнія ихъ учителя, выраженнаго имъ такъ простодушно: „Какъ будто бы россійскій дворянинъ ужъ и не

можетъ въ свѣтѣ авансировать безъ россійской грамоты!“ И вотъ въ 1762 г. правительство рѣшило, что упорство сломлено, и въ манифестѣ 18 февраля торжественно возвѣстило, что принудительной службой дворянства „истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ безпредѣльную къ намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ нашей ревность“. Но законодатель зналъ предѣлы этой „безпредѣльной вѣрности и отмѣнной ревности“ и потому заключилъ даруемую сословію „вольность и свободу“ въ извѣстныя условія, которыя сводились къ требованію, чтобы сословіе по доброй совѣсти продолжало дѣлать то, что оно дотолѣ дѣлало изъ-подъ палки. Значитъ, принудительную срочность 25-лѣтней службы законъ замѣнилъ ея нравственной обязательностію, изъ повинности, предписываемой закономъ, превратилъ ее въ требованіе государственной благопристойности или гражданскаго долга, неисполненіе котораго наказуется соотвѣтственной карой—изгнаніемъ изъ порядочнаго общества; такъ учебная повинность была подтверждена строго-на-строго.

Дальнѣйшая судьба сословія была предначертана законодательствомъ очень доброжелательно и довольно обдуманно. Дворянство выводили изъ столичныхъ казармъ и канцелярій въ провинцію для дѣятельности на новомъ поприщѣ. Закономъ 18 февраля ему облегчали служебную повинность настолько, чтобы она не мѣшала этой дѣятельности, какъ повинность, и удерживали ее настолько, чтобы она помогала этой дѣятельности, какъ образовательное средство. На этомъ провинціальномъ поприщѣ дворянству предстояла двоякая работа—въ деревнѣ и въ городѣ. Въ деревнѣ ему предстояло позаботиться о заброшенномъ классѣ, крестьянствѣ, большей половиной котораго оно владѣло на крѣпостномъ правѣ и которое составляло почти $^{9}/_{10}$ всего населенія государства,

которое вынесло на себѣ всѣ военныя и финансовыя тягости страшной реформы, по наряду ставило рекрутовъ для полтавскихъ и кунерсдорфскихъ полей, по запросу отдавало послѣднія деньги бироновскимъ податнымъ сборщикамъ и даже безъ запроса и наряда поставило такого рекрута науки, какъ Ломоносовъ. Дворянству предстояло своимъ знаніемъ и примѣромъ пріучить этотъ классъ къ трезвости, къ правильному труду, производительному употребленію своихъ силъ, къ бережливому пользованію дарами природы, умѣлому веденію хозяйства, къ сознанію своего гражданскаго долга, къ пониманію своихъ правъ и обязанностей. Этимъ благородное сословіе оправдало бы,—нѣтъ: искупило бы историческій грѣхъ обладанія крѣпостными душами. Такой грѣхъ обыкновенно создавался завоеваніемъ, а русское дворянство не завоевывало своихъ крестьянъ, и тѣмъ нужнѣе было ему доказать, что его власть не была нарушеніемъ исторической справедливости. Другое дѣло предстояло дворянству въ городѣ. Когда Недоросль впервые появился на сценѣ, въ полномъ ходу была реформа губернскихъ учрежденій, предоставлявшая дворянству преобладающее значеніе въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Какъ сословіе дисциплинированное и пріученное къ общественной дѣятельности самымъ свойствомъ своей обязательной службы, оно могло бы стать руководителемъ другихъ классовъ мѣстнаго общества, пріучая ихъ къ самодѣятельности и самообладанію, къ дружной совмѣстной работѣ, отъ которой они отвыкли, обособленные спеціальными сословными правами и обязанностями,—словомъ, могло бы образовать подготовленные кадры мѣстнаго самоуправленія, какъ прежде оно давало арміи подготовленный офицерскій запасъ.

Для той и другой дѣятельности, городской, какъ и деревенской, требовалась серьезная и осторожная подготовка, которой предстояло бороться съ большими затрудненіями. Прежде всего необходимо было запастись средствами, доставляемыми образованіемъ, наукой Дворянству предстояло на

себѣ самомъ показать другимъ классамъ общества, какія средства даетъ для общежитія образованіе, когда становится такой же потребностью въ духовномъ обиходѣ, какую составляетъ питаніе въ обиходѣ физическомъ, а не служитъ только скаковымъ препятствіемъ, черезъ которое перепрыгиваютъ для полученія большихъ чиновъ и доходныхъ мѣстъ, или средствомъ пріобрѣтенія великосвѣтскаго лоска, какъ косметическое подспорье парикмахерскаго прибора.

Можно было опасаться, сумѣетъ ли русское дворянство выбрать изъ бывшаго въ европейскомъ оборотѣ запаса знаній, идей, воззрѣній то, что было ему нужно для домашняго дѣла, а не то, чѣмъ можно было пріятно наполнить досужее бездѣлье. Опасеніе поддерживали вѣсти, шедшія изъ-за границы, о посланныхъ туда въ науку русскихъ молодыхъ людяхъ, которые охотнѣе посѣщали европейскія австеріи и „редуты“ (игорные дома), чѣмъ академіи и другія школы, и „срамотными поступками“ изумляли европейскую полицію. Грозила и другая опасность: въ новыя губернскія учрежденія дворянство могло принести свой старый привычный взглядъ на гражданскую службу, какъ на „кормленіе отъ дѣлъ“. Дворяне прошлаго вѣка относились къ этой службѣ съ пренебреженіемъ, однако не брезговали ею ради ея „наживочныхъ“ удобствъ и даже пользовались ею, какъ средствомъ уклоняться отъ военной службы. Посошковъ въ свое время горько сѣтовалъ на дворянъ „молодиковъ“, которые „живутъ у дѣлъ вмѣсто военнаго дѣла“, да учатся, „какъ бы имъ наживать и службы отлынять“.

Правительство начало заботиться объ учебной подготовкѣ дворянства къ гражданской службѣ раньше, чѣмъ снята была съ сословія срочная воинская повинность. По многопредметной программѣ открытаго въ 1731 г. шляхетнаго кадетскаго корпуса кадеты должны были обучаться, между прочимъ, риторикѣ, географіи, исторіи, геральдикѣ, юриспруденціи, морали. Образованные русскіе люди того времени, напримѣръ, Татищевъ (въ Разговорѣ о пользѣ наукъ

и училищъ и въ Духовной), настойчиво твердили, что всему русскому шляхетству послѣ исповѣданія вѣры прежде всего необходимо знаніе законовъ гражданскихъ и состоянія собственнаго отечества, русской географіи и исторіи. Разумѣется, при Екатеринѣ II „гражданское ученіе", которое воспитывало бы не столько ученыхъ, сколько гражданъ, стало еще выше въ предначертаніяхъ правительства. По плану Бецкаго изъ преобразованнаго шляхетнаго корпуса дворянскій недоросль долженъ былъ выходить воиномъ-гражданиномъ, знающимъ и военное, и гражданское дѣло, способнымъ вести дѣла и въ лагерѣ, и въ сенатѣ, короче, мужемъ одинаково пригоднымъ belli domique.

Это было бы великое дѣло, если бы планъ удался и изъ среды Иванушекъ и Митрофанушекъ пошли бы такіе разносторонне-пригодные мужи. Случилось такъ, что въ ту же осень, когда впервые сыгранъ былъ Недоросль, въ Петербургѣ совершились два важныя событія: составлена комиссія объ учрежденіи народныхъ школъ въ Россіи и открытъ памятникъ Петру Великому. Знаменательное совпаденіе! Если бы дворянство шло путемъ, какой указанъ былъ ему Петромъ I, ода того вѣка могла бы, пользуясь случаемъ, изобразить, какъ преобразователь, вышедши изъ своей петропавловской гробницы и „увидѣвъ себя на вольномъ воздухѣ"—выраженіе Екатерины II въ письмѣ къ Гримму по поводу открытія памятника—отверзаетъ свои давно сомкнутыя уста, чтобы сказать: Нынѣ отпущаеши. Но вышла не ода, а комедія, чтобы предостеречь сословіе отъ опасности не попасть на указанный ему путь. Недоросль даетъ такое предостереженіе въ рѣзкихъ, внушительныхъ формахъ, понятныхъ и публикѣ, непривычной къ комическимъ тонкостямъ; его понялъ даже братъ попавшейся госпожи Простаковой, самъ Тарасъ Скотининъ, сказавъ: „Да этакъ и всякій Скотининъ можетъ попасть подъ опеку". Въ усадьбѣ г-жи Простаковой прообразовательно, для примѣра разыграна дальнѣйшая судьба той части дворянства, которая

мыслила и понимала свое положеніе по-простаковски. Сословію предстояло приготовиться къ отвѣтственной и патріотической роли руководителя мѣстнаго управленія и общества, а г-жа Простакова говоритъ: „да что за радость и выучиться? Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность". Сословіе призывалось къ попечительной и человѣколюбивой дѣятельности въ крѣпостной деревнѣ, а г-жа Простакова, видя, что чиновникъ намѣстника отнялъ у нея власть буйствовать въ домѣ, въ комической тоскѣ восклицаетъ: „Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ?" Зато господамъ Простаковымъ и опека. Ништо имъ!

Въ Недорослѣ дурные люди стараго закала поставлены прямо противъ новыхъ идей, воплощенныхъ въ блѣдныя добродѣтельныя фигуры Стародума, Правдина и другихъ, которые пришли сказать тѣмъ людямъ, что времена измѣнились, что надобно воспитываться, мыслить и поступать не такъ, какъ они это привыкли дѣлать, что дворянину безчестно ничего не дѣлать, „когда есть ему столько дѣла, есть люди, которымъ помогать, есть отечество, которому служить". Но старые люди не хотѣли понять новыхъ требованій времени и своего положенія, и законъ готовъ наложить на нихъ свою тяжелую руку. На сценѣ представлено было то, что грозило въ дѣйствительности: комедія хотѣла дать строгій урокъ непонятливымъ людямъ, чтобы не стать для нихъ зловѣщимъ пророчествомъ.

Императрица Екатерина II *).

(1796—1896).

I.

Для Екатерины II наступила историческая давность. Это налагаетъ нѣкоторыя особыя обязательства на мысль, обращающуюся къ обсужденію ея дѣятельности, устанавливаетъ извѣстное отношеніе къ предмету, подсказываетъ точку зрѣнія.

Въ ея дѣятельности были промахи, даже крупныя ошибки, въ ея жизни остаются рѣзкія пятна. Но цѣлое столѣтіе легло между нами и ею. Трудно быть злопамятнымъ на такомъ разстояніи, и именно при мысли о наступленія второго столѣтія со дня смерти Екатерины II въ памяти ярче выступаетъ то, за что ее слѣдуетъ помнить, чѣмъ то, чего не хотѣлось бы вспоминать.

Царствованіе Екатерины II — это цѣлая эпоха нашей исторіи, а историческія эпохи обыкновенно не замыкаются въ предѣлы людского вѣка, не кончаются съ жизнью своихъ творцовъ. И время Екатерины II пережило ее самое, по крайней мѣрѣ, послѣ четырехлѣтняго перерыва было оффиціально воскрешено манифестомъ второго ея преемника, объявившаго, что онъ будетъ царствовать по законамъ и по сердцу своей бабки. Екатерину и по смерти ея восхваляли или порицали, какъ восхваляютъ или порицаютъ живого человѣка, стараясь поддержать или измѣнить его дѣятельность. И Екатерины II не миновалъ столь обычный и печальный видъ безсмертія—тревожить и ссорить людей и по смерти.

---

*) *Русская Мысль*, 1896, XI.

Ея имя служило мишенью для полемическаго прицѣла въ противниковъ или приверженцевъ ея политическаго направленія. Живые интересы и мнѣнія боролись на ея могилѣ. Уронить ея бюстъ или удержать на пьедесталѣ значило тогда дать то или другое направленіе жизни.

Столѣтняя давность, отдѣлившая насъ отъ Екатерины II, покрываетъ всѣ эти споры и вражды. Наши текущіе интересы не имѣютъ прямой связи съ екатерининскимъ временемъ. Екатерина II оставила послѣ себя учрежденія, планы, идеи, нравы, при ней воспитанные, и значительные долги. Долги уплачены, и другія раны, нанесенныя народному организму ея тяжелыми войнами и ея способомъ вести „свое маленькое хозяйство“, какъ она любила выражаться о своихъ финансахъ, давно зарубцовались и даже закрылись рубцами болѣе поздняго происхожденія. Изъ екатерининскихъ учрежденій одни дѣйствуютъ доселѣ въ старыхъ формахъ, но въ духѣ новыхъ потребностей и понятій, другія, какъ напримѣръ, мѣстныя судебныя учрежденія, отслужили свою службу и замѣнены новыми, совсѣмъ на нихъ непохожими ни по началамъ, ни по устройству; наконецъ, третьи по своему устройству оказались неудачными уже при самой Екатеринѣ, но ихъ начала были сбережены для лучшей обработки дальнѣйшими поколѣніями. Такова система закрытыхъ, оторванныхъ отъ семьи воспитательныхъ заведеній Бецкаго, замѣненная потомъ другимъ планомъ народнаго образованія, надъ которымъ работала Комиссія народныхъ училищъ: гуманныя идеи о воспитаніи, усвоенныя Екатериной и Бецкимъ, пригодились и потомъ, при другой системѣ, болѣе близкой къ современной педагогикѣ. Изъ предположеній или мечтаній Екатерины II одни, какъ напримѣръ, мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, были осуществлены послѣ нея такъ, какъ она и не мечтала и какъ не сумѣла бы осуществить, еслибъ на то рѣшилась, а другія были упразднены самою жизнью, какъ излишнія, какова была мысль о созданіи средняго рода людей въ смыслѣ западно-европей-

ской буржуазіи. Точно также и идеи юридическія, политическія и экономическія, проводившіяся въ указахъ и особенно въ Наказѣ и казавшіяся въ то время новыми и смѣлыми, или уже вошли въ плоть и кровь нашего сознанія и общежитія, или остались общими мѣстами, пригодными украшать досужія бесѣды взрослыхъ людей или служить темами для школьныхъ упражненій. Что касается нравовъ, воспитанныхъ вліятельными примѣрами и общимъ духомъ екатерининскаго времени, то они вообще признаны неудовлетворительными, хотя и пустили глубокіе корни въ обществѣ. Вопросы того времени для насъ простые факты: мы считаемся уже съ ихъ слѣдствіями и думаемъ не о томъ, что изъ нихъ выйдетъ, а о томъ, какъ быть съ тѣмъ, что уже вышло.

Значитъ, счеты потомства съ Екатериной II сведены. Для насъ она не можетъ быть ни знаменемъ, ни мишенью; для насъ она—только предметъ изученія. Сотая годовщина ея смерти располагаетъ не судить ея жизнь, а вспомнить ея время; оглянуться на свое прошлое, а не тревожить старыя могилы, и среди похвальныхъ словъ и обличительныхъ памфлетовъ осторожно пройти къ простымъ итогамъ давно окончившейся дѣятельности.

Не легко поставить мысль въ такое отношеніе къ царствованію Екатерины II. Старшіе изъ тѣхъ, кому теперь приходится вспоминать это царствованіе по поводу исполнившагося столѣтія со дня его окончанія, живо помнятъ еще поздніе отзвуки двухъ рѣзкихъ и непримиримо-противорѣчивыхъ сужденій о немъ, сложившихся еще при жизни Екатерины II и долго державшихся въ обществѣ послѣ нея. Одни говорили о томъ времени съ восторженнымъ одушевленіемъ или съ умиленнымъ замираніемъ сердца: блестящій вѣкъ, покрывшій Россію безсмертной, всесвѣтной славой ея властительницы, время героевъ и героическихъ дѣлъ, эпоха широкаго, небывалаго размаха русскихъ силъ, изумившаго и напугавшаго вселенную. Прислушиваясь къ этимъ отзву-

камъ, мы начинали понимать донельзя приподнятый тонъ изданнаго 6 лѣтъ спустя по смерти Екатерины II и читаннаго нами на школьной скамьѣ Историческаго похвальнаго слова Екатеринѣ Второй Карамзина, смущавшія незрѣлую мысль выраженія его о божественной кротости и добродѣтели, о священномъ духѣ монархини, эти сближенія съ божествомъ, казавшіяся намъ ораторскими излишествами. По мнѣнію другихъ, вся эта героическая эпопея была не что иное какъ театральная феерія, которую изъ-за кулисъ двигали славолюбіе, тщеславіе и самовластіе; великолѣпныя учрежденія заводились для того только, чтобы прослыть ихъ основательницей, а затѣмъ оставлялись въ пренебреженіи, безъ надлежащаго надзора и радѣнія объ ихъ развитіи и успѣхѣ; вся политика Екатерины была системой нарядныхъ фасадовъ съ неопрятными задворками, слѣдствіями которой были полная порча нравовъ въ высшихъ классахъ, угнетеніе и разореніе низшихъ, общее ослабленіе Россіи, что, наконецъ, тщеславіе доводило Екатерину, отъ природы умную женщину, до умопомраченія, дѣлавшаго ее игрушкой въ рукахъ ловкихъ и даже глупыхъ льстецовъ, умѣвшихъ пользоваться ея слабостями, и она не приказывала выталкивать изъ своего кабинета министра, въ глаза говорившаго ей, что она премудрѣе самого Господа Бога. Проходимъ молчаніемъ отзывы о нравственномъ характерѣ Екатерины, которыхъ нельзя читать безъ скорбнаго вздоха.

Оба взгляда поражаютъ и смущаютъ не только своей непримиримою противоположностью, но и своими особенностями. Такъ второй изъ нихъ вызываетъ удивленное недоумѣніе подборомъ своихъ сторонниковъ. Наиболѣе рѣзкое и цѣльное выраженіе его находимъ въ извѣстной запискѣ О поврежденіи нравовъ въ Россіи кн. Щербатова, служившаго при дворѣ Екатерины II, историографа и публициста, человѣка образованнаго и патріота съ твердыми убѣжденіями. Авторъ писалъ записку про себя, не для публики, незадолго до своей смерти, случившейся въ 1790 г., и со-

бралъ въ этомъ трудѣ свои воспоминанія, наблюденія и размышленія о нравственной жизни высшаго русскаго общества XVIII в., закончивъ нарисованную имъ мрачную картину словами: „плачевное состояніе, о коемъ токмо должно просить Бога, чтобъ лучшимъ царствованіемъ сіе зло истреблено было". Но вотъ что заслуживаетъ вниманія. Извѣстный дорожный сонъ Радищева, разсказанный въ Путешествіи изъ С.-Петербурга въ Москву 1790 г. въ главѣ Спасская Полѣсть — злая карикатура царствованія Екатерины II. Здѣсь, особенно во второй патетической части сна, гдѣ грезившій себя шахомъ, ханомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ авторъ, прозрѣвъ отъ прикосновенія къ его ослѣпленнымъ властью и лестью глазамъ странницы Прямовзоры, т.-е. истины, видитъ всю безсмыслицу своихъ дѣяній, казавшихся ему божественно-премудрыми, и общій тонъ картины и нѣкоторыя отдѣльныя черты живо напоминаютъ записку кн. Щербатова. Человѣкъ другого поколѣнія и образа мыслей, ультра-либералъ съ заграничнымъ университетскимъ образованіемъ, проникнутый самыми передовыми идеями вѣка и любившій отечество не меньше кн. Щербатова, понимавшій и признававшій величіе Петра I, сошелся во взглядѣ на переживаемое ими время со старымъ доморощеннымъ ультраконсерватизмомъ, всѣ сочувствія котораго тяготѣли къ допетровской старинѣ. Что еще замѣчательнѣе, къ этимъ „печальнымъ часовымъ у двухъ разныхъ дверей", какъ назвалъ кн. Щербатова и Радищева одинъ позднѣйшій писатель, присоединяется любимый внукъ Екатерины, ставшій потомъ вторымъ ея преемникомъ, котораго она еще въ пеленкахъ оторвала отъ семьи, чтобы воспитать его по своей педагогикѣ и въ своихъ идеяхъ: на положеніе дѣлъ въ государствѣ за послѣдніе годы жизни бабушки, которые онъ могъ наблюдать, онъ смотрѣлъ не свѣтлѣе кн. Щербатова и Радищева. „Въ нашихъ дѣлахъ, — писалъ онъ Кочубею за полгода до смерти Екатерины, — господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ: грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно,

порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду. Я всякій разъ страдаю, — признается онъ въ другомъ мѣстѣ письма, — когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша". Да и самъ Карамзинъ въ запискѣ О древней и новой Россіи, представленной императору Александру девятью годами позднѣе Похвальнаго слова, рядомъ съ блестящими сторонами царствованія Екатерины отмѣчаетъ и крупныя „пятна": порчу нравовъ въ палатахъ и хижинахъ, соблазнительный фаворитизмъ, недостатокъ правосудія, преобладаніе блеска надъ основательностью въ учрежденіяхъ, прибавляя къ этому, что въ послѣдніе годы Екатерины ее больше осуждали, нежели хвалили. Если припомнить при этомъ еще извѣстную замѣтку Пушкина объ XVIII вѣкѣ, писанную около 1820 г. по свѣжимъ преданіямъ, то и не упоминая о другихъ менѣе компетентныхъ сужденіяхъ, современныхъ или позднѣйшихъ, можно понять характерно-разнообразный составъ того, что мы назвали бы противоекатерининской оппозиціей.

И все же это были одинокіе голоса, которые были слышны очень немногимъ, за исключеніемъ развѣ книги Радищева, раздавались шопотомъ, про себя или въ тѣсномъ кругу, и потому не могли разстраивать хорового сужденія, такъ краснорѣчиво выраженнаго въ Похвальномъ словѣ Карамзина. И это сужденіе не совсѣмъ понятно и не столько по своему содержанію, сколько по своей возбужденности, по тому движенію чувства и воображенія, съ которымъ оно высказывалось. Это былъ не историческій приговоръ, выведенный остывшей мыслью изъ обдуманныхъ и провѣренныхъ воспоминаній о пережитомъ времени, а горячее непосредственное впечатлѣніе еще живой дѣйствительности, долго не замиравшей и по смерти лица, которое было ея душой. Такое впечатлѣніе было небывалымъ явленіемъ въ нашей исторіи: ни одно царствованіе, по крайней мѣрѣ въ XVIII вѣкѣ,

даже царствованіе Петра Великаго, не оставило послѣ себя такого энтузіастическаго впечатлѣнія въ обществѣ. Карамзинъ, конечно, выражалъ послѣдній, наиболѣе обобщенный результатъ, высшую сумму того, что восторженные современники видѣли въ дѣятельности Екатерины II, когда писалъ въ концѣ своего Похвальнаго слова, что Россія въ это дѣятельное царствованіе, „котораго главною цѣлью было народное просвѣщеніе, столь преобразилась, возвысилась духомъ, созрѣла умомъ, что отцы наши, если бъ они теперь воскресли, не узнали бы ея". Все это можно было сказать и о Петрѣ Великомъ, даже съ прибавленіемъ, что его главною цѣлью было еще и народное обогащеніе; люди времени Алексѣя Михайловича также не узнали бы своей старой московской всея Руси въ созданной его сыномъ Россійской имперіи съ С.-Петербургомъ, Кронштадтомъ, флотомъ, балтійскими провинціями, девятимилліоннымъ бюджетомъ, новыми школами и т. п. Однако даже въ обществѣ, захваченномъ реформой, не въ простонародной массѣ, незамѣтно такого общаго весело-умиленнаго отношенія къ памяти Петра, какое потомъ установилось къ Екатеринѣ II: слышны отдѣльные голоса, проникнутые набожнымъ благоговѣніемъ, да и то пополамъ съ жалобой на затрудненія и огорченія, какія приходилось испытывать преобразователю, а скоро, и именно въ царствованіе Екатерины II, послышались и рѣзкія порицанія его дѣла.

Это впечатлѣніе, независимо отъ своей исторической вѣрности, отъ точности, съ какою отражалась въ немъ дѣйствительность, само по себѣ становится любопытнымъ историческимъ фактомъ, характернымъ признакомъ общественной психологіи. Оно тѣмъ любопытнѣе, что царствованіе Екатерины II нельзя причислить къ спокойнымъ и легкимъ временамъ, о которыхъ люди вспоминаютъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Напротивъ, это была довольно тревожная и тяжелая для народа пора. Сравнительнымъ спокойствіемъ Россія пользовалась въ первыя пять лѣтъ царствованія, если не

считать серьезнымъ нарушеніемъ спокойствія крестьянскихъ бунтовъ, въ которыхъ по счету самой Екатерины въ первый годъ царствованія участвовало до 200 тысячъ крестьянъ и противъ которыхъ снаряжались настоящія военныя экспедиціи съ пушками. Затѣмъ — семилѣтній приступъ внѣшнихъ и внутреннихъ тревогъ (1768—1774 г.), начавшійся борьбою съ польскими конфедератами, къ которой вскорѣ присоединилась первая турецкая война, а внутри между тѣмъ—чума, московскій бунтъ и пугачевщина. Современники, напримѣръ кн. Щербатовъ, думали, что 1-я турецкая война обошлась Россіи дороже какой-либо прежде бывшей войны. Изъ офиціальныхъ источниковъ извѣстно, что только первые два года этой шестилѣтней войны стоили до 25 мил. рублей, что̀ почти равнялось годовому казенному доходу тѣхъ лѣтъ. Кагульскій бой былъ выигранъ 17-тысячнымъ русскимъ отрядомъ у 150-тысячной турецкой арміи. Но въ августѣ 1773 г. Екатерина говорила въ Совѣтѣ, что съ 1767 г., въ пять наборовъ, собрано уже со всей имперіи для пополненія арміи до 300 тыс. рекрутовъ. За миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи въ 1774 г. слѣдовало 12-лѣтнее затишье во внѣшней политикѣ: это было время усиленной внутренней дѣятельности правительства, эпоха законобѣсія (législomanie), какъ выражалась Екатерина, когда вводились новыя губернскія учрежденія; учреждены были комиссія народныхъ училищъ и ссудный банкъ, обнародованы Уставъ благочинія, жалованныя грамоты дворянству и городамъ, Уставъ народныхъ училищъ 1786 г. и другіе важные государственные акты. Почти повсемѣстнымъ голодомъ 1787 г. открылся второй приступъ тревогъ, не прекращавшійся до смерти Екатерины: вторая турецкая война, тяжелая не менѣе первой, и въ одно время съ нею война шведская, двѣ войны съ Польшей передъ вторымъ и третьимъ ея раздѣломъ, персидскій походъ, финансовый кризисъ, военныя приготовленія къ борьбѣ съ революціонной Франціей. Изъ 34 лѣтъ царствованія 17 лѣтъ борьбы внѣшней или внутренней на 17 лѣтъ отдыха! Неда-

ромъ преемникъ Екатерины въ циркулярѣ, разосланномъ къ европейскимъ дворамъ по вступленіи на престолъ, называлъ Россію „единственною въ свѣтѣ державой, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе". Значитъ, людямъ, пережившимъ сороколѣтіе съ 1756 года, съ начала Семилѣтней войны, оно представлялось временемъ непрерывнаго военнаго напряженія.

Правда, и результаты царствованія были очень внушительны. Екатерина любила подсчитывать ихъ, все чаще оглядываясь на свою дѣятельность по мѣрѣ ея развитія. Въ 1781 г. гр. Безбородко представилъ ей инвентарь ея дѣяній за 19 лѣтъ царствованія: оказалось, что устроено губерній по новому образцу 29, городовъ построено 144, конвенцій и трактатовъ заключено 30, побѣдъ одержано 78, замѣчательныхъ указовъ издано 88, указовъ для облегченія народа 123, итого 492 дѣла! Къ этому можно прибавить, что Екатерина отвоевала у Польши и Турціи земли съ населеніемъ до 7 мил. душъ обоего пола, такъ что число жителей ея имперіи съ 19 мил. въ 1762 году возросло къ 1796 году до 36 мил., армія съ 162,000 человѣкъ усилена до 312,000, флотъ, въ 1757 г. состоявшій изъ 21 линейнаго корабля и 6 фрегатовъ, въ 1790 г. считалъ въ своемъ составѣ 67 лин. кораблей и 40 фрегатовъ, сумма государственныхъ доходовъ съ 16 мил. руб. поднялась до 69 мил., т.-е. увеличилась болѣе чѣмъ вчетверо, успѣхи промышленности выразились въ умноженіи числа фабрикъ съ 500 до 2,000, успѣхи внѣшней торговли балтійской—въ увеличеніи ввоза и вывоза съ 9 до 44 мил. руб., черноморской, Екатериною и созданной, — съ 390,000 въ 1776 г. до 1.900,000 руб. въ 1796 г., ростъ внутренняго оборота обозначился выпускомъ монеты въ 34 года царствованія на 148 мил. руб., тогда какъ въ 62 предшествовавшіе года ея выпущено было только на 97 мил. Значеніе финансовыхъ успѣховъ Екатерины ослаблялось тѣмъ, что видное участіе въ нихъ имѣлъ питейный доходъ, который въ продолженіе царствованія увеличенъ былъ почти вшестеро и

къ концу его составлялъ почти третью часть всего бюджета доходовъ. Притомъ Екатерина оставила болѣе 200 мил. долга, что почти равнялось доходу послѣднихъ $3^1/_2$ лѣтъ царствованія.

Результаты царствованія, какъ ни были они важны, могли давать себя чувствовать медленно, по мѣрѣ своего обнаруженія, ощутительнѣе младшимъ поколѣніямъ, воспринимавшимъ уже сложившееся впечатлѣніе царствованія, чѣмъ старшимъ, въ которыхъ оно складывалось; во всякомъ случаѣ эти результаты могли скорѣе питать, чѣмъ зародить это впечатлѣніе. Сами по себѣ они могли вызвать удивленіе, даже благоговѣніе, какое питали къ Петру I, но не восторженное обаяніе.

Въ памяти людей, сто лѣтъ назадъ оплакивавшихъ смерть Екатерины, прежде всего выступали изъ прожитой дали явленія, особенно сильно поразившія въ свое время ихъ воображеніе и чувство, Ларга, Кагулъ, Чесма, Рымникъ, побѣдныя празднества, слезы, пролитыя при чтеніи Наказа, коммиссія 1767 года, торжественныя собранія и рѣчи намѣстниковъ и дворянскихъ предводителей при открытіи губернскихъ учрежденій, блестящія оды, придворные маскарады, на которыхъ въ десяткахъ дворцовыхъ комнатъ толпилось 8,540 масокъ, путешествіе императрицы въ Крымъ со встрѣчавшими ее на пути иллюминаціями на 50 верстъ въ окружности, съ волшебными дворцами и садами, въ одну ночь созданными. Не одни Таврическіе сады, но и цѣлыя Новороссіи выростали изъ-подъ земли, цѣлые флоты всплывали изъ-подъ невѣдомыхъ черноморскихъ волнъ въ немногіе годы; „монархиня повелѣла — и гласъ ея, какъ лира Амфіонова творитъ новые грады, если не великолѣпіемъ, то своею пользою украшенные“ (Карамзинъ). Недаромъ екатерининская Россія нѣкоторымъ иностранцамъ-современникамъ представлялась волшебною страной (pays de féerie). Воспоминанія объ этихъ явленіяхъ, пережитыхъ на протяженіи 34 лѣтъ, соединяясь въ быстро двигавшуюся ослѣпительную панораму,

собирали разсѣянныя ощущенія, ими вызванныя, въ цѣльное и сильное впечатлѣніе. Большинство тогда еще не знало закулисной механики всѣхъ этихъ семирамидиныхъ чудесъ, да если бъ и знало, еще неизвѣстно, стало ли бы думать о нихъ иначе: впечатлѣніе любимой пьесы не ослабляется знаніемъ того, какъ, съ какими усиліями и жертвами она разучивается и ставится. Въ запискахъ современниковъ Екатерины, ее пережившихъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе одна черта. Они знаютъ и трезво описываютъ темныя стороны тогдашней правительственной дѣятельности и общественной жизни: небрежность и злоупотребленія администраціи, неподготовленность и недобросовѣстность судей, праздность и грубость дворянства, его нелады съ крестьянами, пустоту общежитія, общее невѣжество. Но когда они отрывались отъ этихъ вседневныхъ печально-привычныхъ явленій своего быта и пытались, обыкновенно по поводу смерти Екатерины, бросить общій взглядъ на ея вѣкъ, отдать себѣ отчетъ въ его значеніи, ихъ мысль какъ бы невольно, съ незамѣчаемой ею послѣдовательностью, переносилась въ другой высшій порядокъ представленій, и тогда они начинали говорить о всесвѣтной славѣ Екатерины, о міровой роли Россіи, о національномъ достоинствѣ и народной гордости, объ общемъ подъемѣ русскаго духа, и при этомъ рѣчь ихъ приподнималась и впадала въ тонъ торжественныхъ одъ екатерининскаго времени. Они высказывали этотъ взглядъ безъ доказательствъ, не какъ свое личное сужденіе, а какъ установившееся общепринятое мнѣніе, которое некому оспаривать и не для чего доказывать. Очевидно, здѣсь читатель мемуаровъ имѣетъ дѣло не съ исторической критикой, а съ общественною психологіей, не съ размышленіемъ, а съ настроеніемъ. Люди судили о своемъ времени не по фактамъ окружавшей ихъ дѣйствительности, а по своимъ чувствамъ, навѣяннымъ какими-то вліяніями, шедшими поверхъ этой дѣйствительности. Они какъ будто испытали или узнали что-то такое новое, что мало подняло уровень ихъ быта, но

высоко приподняло ихъ самосознаніе или самодовольство, и довольные этимъ знаніемъ и самими собой, они смотрѣли на свой низменный бытъ свысока, со снисходительнымъ равнодушіемъ. Ихъ чувства и понятія стали выше ихъ нравовъ и привычекъ; они просто выросли изъ своего быта, какъ дѣти выростаютъ изъ давно сшитаго платья. Можно даже думать, что самый пессимизмъ людей, мрачно смотрѣвшихъ на царствованіе Екатерины, черпалъ долю своей силы въ этомъ общемъ духовномъ подъемѣ, происшедшемъ въ это же царствованіе, и безъ того не былъ бы столь взыскателенъ. Если это такъ, то Екатеринѣ пришлось испытать пріятное и почетное неудобство, какое испытываетъ хорошій преподаватель, который чѣмъ успѣшнѣе преподаетъ, тѣмъ болѣе усиливаетъ требовательность учениковъ и помогаетъ имъ замѣчать еще непобѣжденные недостатки своего преподаванія.

Впечатлѣніе—совмѣстное дѣло обѣихъ сторонъ, и источника вліянія, и среды, его воспринимающей. Побѣды и торжества, законы и учрежденія, блескомъ которыхъ была окружена Екатерина, конечно, должны были сильно дѣйствовать на умы. Но въ этомъ окруженіи и сама власть принимала позу, въ какую она не становилась прежде, являлась передъ обществомъ съ другою физіономіей, съ непривычными манерами, словами и идеями. Эта новая постановка власти усиливала и дѣйствіе самой ея обстановки, создавала настроеніе, безъ котораго всѣ эти побѣды и торжества, законы и учрежденія не произвели бы на общество такого сильнаго впечатлѣнія. Съ этой стороны впечатлѣніе царствованія Екатерины — очень важный моментъ въ исторіи не только нашего общественнаго сознанія, но и государственнаго порядка.

Нѣкоторыя свойства характера Екатерины II и особенности ея политическаго воспитанія имѣли первостепенное значеніе въ этой новой постановкѣ власти, какъ и въ образованіи впечатлѣнія, произведеннаго царствованіемъ.

II.

Достойно вниманія, что люди, близко наблюдавшіе Екатерину II, принимаясь разбирать ея характеръ, обыкновенно начинали съ ея ума. Правда, въ умѣ не отказывали ей даже ея недруги, кромѣ ея мужа, который, впрочемъ, и не считался компетентнымъ экспертомъ въ такомъ дѣлѣ. Однако это не была самая яркая черта характера Екатерины: она не поражала ни глубиной, ни блескомъ своего ума. Конечно, такому умнику, какъ ея ставленникъ король польскій Станиславъ Понятовскій, который не могъ шагу ступить безъ того, чтобы не сказать красиваго словца и не сдѣлать глупости, умъ Екатерины II долженъ былъ казаться необъятной величиной. „Тамъ очень умны, т а м ъ, — писалъ онъ про Екатерину г-жѣ Жоффренъ, — но ужъ очень гоняются за умомъ“. Послѣднее—напраслина на Екатерину и сказано по привычкѣ судить о другихъ по себѣ: кто гоняется за тѣмъ, чѣмъ уже владѣетъ? Екатерина была просто умна и ничего болѣе, если только это — малость. У нея былъ умъ не особенно тонкій и глубокій, за то гибкій и осторожный, сообразительный, у м н ы й умъ, который зналъ свое мѣсто и время и не кололъ глазъ другимъ. Екатерина умѣла быть умна кстати и въ мѣру. Она, которой со всѣхъ сторонъ напѣвали въ уши о ея великомъ умѣ, такъ простодушно признавалась доктору Циммерману на верху своей славы, что знала весьма много людей несравненно умнѣе ея. У нея вообще не было никакой выдающейся способности, одного господствующаго таланта, который бы давилъ всѣ остальныя силы, нарушая равновѣсіе духа. Но у нея былъ одинъ счастливый даръ, производившій наиболѣе сильное впечатлѣніе: памятливость, наблюдательность, догадливость, чутье положенія, умѣнье быстро схватить и обобщить всѣ наличныя данныя, чтобы вò-время принять рѣшеніе, выбрать тонъ, въ случаѣ надобности благоразумная мораль и умѣренно согрѣтое чувство— всѣ эти мелкія пружины, изъ дѣятельности которыхъ сла-

гается ежедневная житейская работа ума, Екатерина умѣла приводить въ движеніе легко и ежеминутно, когда бы это ни понадобилось, безъ замѣтнаго для зрителя усилія. Эта всегдашняя готовность къ мобилизаціи сообщала Екатеринѣ чрезвычайную живость безъ увлеченія. Она всегда была въ полномъ сборѣ, въ обладаніи всѣхъ своихъ силъ. Странническая молодость Екатерины, ранняя привычка жить среди чужихъ людей много содѣйствовала этой, говоря языкомъ старыхъ учебниковъ психологіи, постоянной самособранности. Отсюда же ея находчивость въ неожиданныхъ затрудненіяхъ: ее трудно было застать врасплохъ и при умѣньи собираться съ мыслями она быстро соображала, чего отъ нея требуетъ минута. Та же привычка жить не дома, сталкиваться съ чужими людьми, въ которыхъ она нуждалась больше, чѣмъ они въ ней, вмѣстѣ съ чутьемъ среды и положенія рано развила въ Екатеринѣ наблюдательность, соединенную съ уживчивостью: я могу приноровляться ко всякимъ характерамъ, говорила она Храповицкому, уживусь, какъ Алкивіадъ, и въ Спартѣ, и въ Аѳинахъ. Наблюдательность—на это дѣло больше охотниковъ, чѣмъ мастеровъ. Екатерина достигла большого искусства въ этомъ дѣлѣ и выработала на то свои пріемы. Она охотнѣе наблюдала людей, чѣмъ вещи, разсчитывая, что чрезъ знающихъ людей лучше узнаетъ вещи, чѣмъ собственнымъ изученіемъ. Наперекоръ общей наклонности замѣчать чужія слабости, чтобъ ими пользоваться, Екатерина думала, что если нуждаешься въ другихъ, то полезнѣе изучать ихъ сильныя стороны, на которыя надежнѣе можно опереться. И она вслушивалась и всматривалась во всякаго чѣмъ-нибудь выдающагося человѣка, изучала его мышленіе, знанія, взгляды на людей и вещи. Въ обращеніи она не старалась блистать разговоромъ, чтобы не мѣшать высказываться собесѣднику. За то въ ней удивлялись искусству слушать, долго и терпѣливо выслушивать всякаго, о чемъ бы кто ни говорилъ съ ней; притомъ собесѣдника своего она изучала больше самаго предмета бесѣды, хотя тому

казалось наоборотъ. Такъ вмѣстѣ съ знаніемъ людей Екатерина выработала себѣ и лучшее средство пріобрѣтать ихъ— вниманіе къ человѣку, умѣнье входить въ его положеніе и настроеніе, угадывать его нужды, заднія мысли и невысказанныя желанія: вò-время давъ собесѣднику почувствовать, что и онъ самъ, и его слова поняты въ наилучшемъ для него смыслѣ, она овладѣвала его довѣріемъ. Въ этомъ заключалась тайна неотразимаго вліянія, какое, по словамъ испытавшей его на себѣ княгини Дашковой, Екатерина умѣла своимъ восхитительнымъ обращеніемъ производить на тѣхъ, кому хотѣла нравиться. Привычка слушать могла даже превращаться у нея въ автоматическую манеру: слушая знакомую возвышенно-скучную трескотню какого-нибудь Бецкаго, она сохраняла видъ вниманія, думая совсѣмъ о другомъ. И она хорошо знала людей, съ которыми ей приходилось вести дѣла, отъ своей горничной Марьи Саввишны Перекусихиной до короля Фридриха II Великаго. Эти свойства помогли ей выработать пригодныя средства дѣйствія въ средѣ, гдѣ ей пришлось дѣйствовать.

„Като (Cathos, какъ звали Екатерину въ обществѣ Вольтера) лучше видѣть издали“, писала Екатерина Гримму въ 1778 г., прося его отговорить 80-лѣтняго фернейскаго пустынника отъ непосильной для его лѣтъ поѣздки въ С.-Петербургъ. Люди, близко видавшіе ее, находили въ ней не мало слабостей. Ее упрекали въ славолюбіи, „въ самолюбіи до безконечности“, въ тщеславіи, любви къ лести. Можетъ быть, корни этихъ слабостей лежали въ самомъ ея характерѣ; но, несомнѣнно, въ ихъ развитіи и формахъ обнаруженія принимала участіе ея политическая судьба. Честолюбіе и слава суть потаенныя пружины, которыя приводятъ въ движеніе государей, сказалъ однажды Фридрихъ II русскому послу, говоря о Екатеринѣ. Но Екатеринѣ необходимо было пользоваться этими пружинами по разсчетамъ безопасности. Слава была для нея средствомъ упрочить за собой пріобрѣтенное положеніе. Эта необходимость, возбуждая самолюбіе, удержи-

вала отъ ослѣпленнаго самомнѣнія. Екатерина знала, что самомнѣніе, принимающее притязанія за таланты, лучшее средство стать смѣшнымъ, а она больше всего боялась стать предметомъ смѣха или состраданія, что было и небезопасно въ ея положеніи. У нея было осмотрительное, даже мнительное самолюбіе, заставлявшее ее соображать замыслы и притязанія со средствами оправдать ихъ. Она признавала необходимымъ имѣть такія оправдательныя средства, но была настолько увѣрена въ себѣ, что надѣялась всегда найти ихъ, когда того потребуетъ положеніе. Чтобы быть чѣмъ-нибудь на этомъ свѣтѣ, пишетъ она, припоминая размышленія своего дѣтства, надобно имѣть нужныя для того качества; заглянемъка хорошенько внутрь себя, имѣются ли у насъ такія качества, а если ихъ нѣтъ, то разовьемъ ихъ. При такой осмотрительности, находчивая и рѣшительная въ мелкихъ случаяхъ, она имѣла привычку колебаться передъ крупными дѣлами, взвѣшивать вѣроятности успѣха и неудачи, совѣтоваться, вывѣдывать мнѣнія.

Въ этой мнительности, при постоянной заботѣ о мнѣніи свѣта, кажется, надобно искать и корня ея слабости къ лести. Трудно подумать, чтобы при своей трезвой, положительной натурѣ, чуждавшейся всего мечтательнаго и платоническаго, Екатерина могла любить лесть просто за доставляемое ею чувство самодовольства и при своемъ самолюбіи не оскорбляться обиднымъ мнѣніемъ, какое льстецъ имѣетъ о своей жертвѣ. Но пробиваясь на просторъ изъ тѣсной доли, она смолоду научилась знать цѣну людскому мнѣнію и ее всегда страшно занималъ вопросъ, что о ней думаютъ, какое производитъ она впечатлѣніе. Одобрительные отзывы были для нея что̀ аплодисменты для дебютанта, возбуждали и поддерживали ея силы, ея вѣру въ себя. Достигнувъ власти, она видѣла въ такихъ отзывахъ признаніе своихъ добрыхъ намѣреній и силъ исполнить ихъ и считала своею обязанностью быть благодарной. Когда уволенный отъ должности Державинъ въ 1789 г. поднесъ Екатеринѣ чрезъ секретаря ея Храповиц-

каго вмѣстѣ съ прошеніемъ и свою Фелицу, съ какимъ удовольствіемъ прочитала она секретарю стихи изъ этой оды:

Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить,

и сказала Храповицкому: on peut lui trouver une place. Ея недостатокъ былъ въ томъ, что наемное усердіе клакеровъ она нерѣдко принимала за выраженіе чувствъ увлеченной и благодарной публики. Но она обижалась лестью, когда подозрѣвала въ ней неискренность. Вольтеръ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ, но не самый ловкій изъ ея льстецовъ, не разъ получалъ отъ нея почтительные и нѣжные щелчки— за неловкость, а не за усердіе. Со временемъ панегирики вошли въ составъ придворнаго и правительственнаго этикета: Екатеринѣ жужжали въ уши ея эпопею иноземные послы и сановники на куртагахъ и табельныхъ торжествахъ, директоръ кадетскаго корпуса Бецкій на кадетскихъ представленіяхъ Чесменскаго боя, директоръ театра Елагинъ на публичныхъ спектакляхъ съ куплетами о Кагулѣ или Морейской экспедиціи, генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій въ сенатскихъ докладахъ и финансовыхъ отчетахъ. Екатерина привычнымъ слухомъ внимала всему этому пѣснопѣнію, какъ выраженію обязательнаго усердія по долгу службы и присяги, и только когда пѣвцы славы начинали ужъ слишкомъ больно рѣзать ухо фальцетомъ отъ избытка усердія, обращалась къ окружающимъ со стыдливой оговоркой: il me loue tant, qu'enfin il me gâtera. Она любила почтительное отношеніе къ себѣ, и когда императоръ Іосифъ II, въ которомъ она видѣла только немощь физическую и духовную, въ 1780 г. пріѣхалъ къ ней на поклонъ въ Могилевъ, то сталъ и человѣкомъ очень образованнымъ, и „головой самой основательной, самой глубокой, самой просвѣщенной, какую я знаю“, хотя она и подшучивала язвительно надъ панихидой, отслуженной имъ въ Петербургѣ за упокой души Вольтера— изъ уваженія къ его набожной ученицѣ. Но когда И. И. Шу-

валовъ, возвратясь изъ Италіи, сообщилъ ей, что тамъ художники дѣлаютъ ея профиль по бюстамъ или медалямъ Александра Македонскаго и вполнѣ довольны получаемымъ сходствомъ, она шутила надъ этимъ съ видимымъ самодовольствомъ. Не видать также, чтобъ она сердилась на своего заграничнаго корреспондента Гримма, который въ шутливомъ письмѣ приписалъ ей на 52-мъ году жизни „наружность матери амуровъ“. Но тому же Гримму она признавалась, что на нее благотворно дѣйствовали не похвалы, а злословіе, побуждавшее ее отмстить ему, дѣлами доказать его лживость.

Съ лѣтами, когда европейскія знаменитости стали величать ее самой дивною женщиной всѣхъ временъ, привычка къ удачѣ сдѣлала ее нѣсколько самонадѣянной и очень обидчивой. Она раздражалась не только порицаніемъ ея дѣйствій, но и мнѣніями, съ которыми была несогласна. Это нерѣдко вводило ее впросакъ и въ противорѣчіе съ собой. Это былъ смѣлый шагъ съ ея стороны — во французскомъ переводѣ представить вниманію французскаго общества свой Наказъ, наполненный выписками изъ книгъ, и безъ того хорошо тамъ извѣстныхъ. Но французскихъ экономистовъ съ Тюрго во главѣ за то, что они осмѣлились разбирать Наказъ и даже прислать ей этотъ разборъ, она обозвала дураками, сектой вредной для государства. Она не могла простить Рейналю его отзыва, что ей ничего не удается, и называла его ничего не стоющимъ писателемъ. Даже свой вкусъ она считала обязательнымъ для другихъ и за это разъ была наказана своимъ главнымъ кухмистеромъ Барманомъ. Екатерина любила архитектуру, живопись, театръ, скульптуру, но музыки не понимала и откровенно признавалась, что для нея это—шумъ и больше ничего. Веселая и смѣшливая, сама признававшая веселость наиболѣе сильной стороной своего характера, она допускала исключеніе только для комической оперы, и выписанный изъ Италіи маэстро Паизіелло веселилъ ее на ея эрмитажномъ театрѣ оперой Le philosophe ri-

dicule, гдѣ, по ея словамъ, морила ее до упаду арія, въ которой положенъ на музыку кашель. Она заставляла посѣщать эту оперу даже Св. Синодъ, который, по ея словамъ, „также смѣялся до слезъ вмѣстѣ съ нами“. Она вообще любила веселый репертуаръ и разъ за обѣдомъ спросила Бармана, нравится ли ему Die schöne Wienerin, фарсъ, особенно ее увлекавшій. Да Богъ знаетъ, оно какъ-то грубо, отвѣчалъ простодушно несообразительный кухмистеръ. Екатерина вспыхнула и едва ли удачно поправила положеніе, замѣтивъ въ тонѣ той же schöne Wienerin: я желала бы, чтобы у моего главнаго кухмистера былъ такой же тонкій вкусъ (разумѣется, кухонный), какъ тонки его понятія.

Впрочемъ, бюсты Александра Македонскаго не усыпляли въ ней ея истинной силы—энергіи. Принявъ рѣшеніе послѣ нѣкоторыхъ колебаній, она дѣйствовала уже безъ раздумья, и тогда все на свѣтѣ въ ея глазахъ становилось прекраснымъ, и положеніе имперіи, и дѣла сотрудниковъ, и ея собственныя дѣла, все благоденствовало, пѣло и плясало. Во время первой турецкой войны, когда на Западѣ трубили уже объ истощеніи Россіи, Екатерина писала Вольтеру, что у нея въ имперіи нигдѣ ни въ чемъ нѣтъ недостатка, нѣтъ крестьянина, который бы не ѣлъ курицы, когда хотѣлъ, вездѣ поютъ благодарственные молебны, пляшутъ и веселятся, а когда въ 1769 г. русскія дѣла шли совсѣмъ плохо и недоброжелатели Екатерины потирали руки отъ удовольствія, пророча ей скорое паденіе, она писала подругѣ своей матери Бьельке: „Пойдемъ бодро впередъ!—поговорка, съ которою я провела одинаково и хорошіе, и худые годы, и вотъ прожила цѣлыхъ 40 лѣтъ, и что значитъ настоящая бѣда въ сравненіи съ прошлыми?“ Бодрость была однимъ изъ самыхъ счастливыхъ свойствъ характера Екатерины, и она старалась сообщать ее своимъ сотрудникамъ въ самыхъ простыхъ формахъ. Когда австрійцы, во все время первой турецкой войны грозившіе Россіи заступиться за турокъ, завершили свое заступничество тѣмъ, что отняли у своихъ кліентовъ Буко-

вину, съ какимъ самодовольствомъ писала она кн. Репнину, что цесарцы непремѣнно поссорятся съ турками и будутъ побиты, а она — руки въ боки, фертомъ будетъ сидѣть да смотрѣть на это, повторяя: вотъ такъ удружили! Екатерина не выносила унынія: „для людей моего характера, признавалась она, ничего нѣтъ въ мірѣ мучительнѣе сомнѣнія“. Притомъ унынiе вождя разстраиваетъ команду, и Екатеринѣ подчасъ приходилось поступать подобно людямъ, надъ которыми они съ Гриммомъ шутили въ своей перепискѣ, которые поютъ ночью на улицѣ, чтобы показать, что они не трусы, а еще болѣе изъ боязни, какъ бы не струсить. Только разъ, когда получено было извѣстiе, что турки объявили войну (вторую), замѣчена была ея минутная робость, и она съ упавшимъ духомъ начала было говорить объ измѣнчивости счастья, о непрочности славы и успѣховъ, но скоро пришла въ себя, съ веселымъ видомъ вышла къ придворнымъ и всѣмъ вдохнула увѣренность въ успѣхѣ. Такъ разсказываетъ очевидецъ. Въ этихъ случаяхъ Екатерину выручало ея испытанное самообладанiе, выработанное ею еще въ тѣ времена, когда въ незавидномъ положенiи брошенной жены, оскорбляемая мужемъ какъ жена и какъ женщина, и въ возможномъ будущемъ съ клобукомъ русской инокини на своей вольтерьянской головѣ, она наединѣ обливалась слезами, но тотчасъ вытирала глаза и какъ ни въ чемъ не бывало, съ веселымъ лицомъ выходила въ общество. Недаромъ она хвалилась, что никогда въ жизни не падала въ обморокъ. Очень рѣдко, и то лишь въ первые шаткiе годы царствованiя, видали ее задумчивой. До позднихъ лѣтъ, на седьмомъ десяткѣ, въ добрые, какъ и въ худые дни, она встрѣчала являвшихся по утрамъ статсъ-секретарей со своей всегдашней, всѣмъ знакомой улыбкой, сидя на стулѣ, за маленькимъ выгибнымъ столикомъ въ бѣломъ гродетуровомъ капотѣ и бѣломъ флеровомъ немножко на бекрень чепцѣ на довольно густыхъ еще волосахъ, со свѣжимъ лицомъ и съ полнымъ ртомъ зубовъ (одного верхняго недоставало), въ

очкахъ, если вошедшій заставалъ ее за чтеніемъ, въ отвѣтъ на низкій поклонъ ласково, съ своимъ характернымъ поворотомъ головы подъ прямымъ угломъ, протягивала руку и, указывая на стулъ противъ себя, своимъ протяжнымъ и нѣсколько мужскимъ голосомъ говорила: садитесь.

Живость безъ возбужденности требовала работы, и современники удивлялись трудолюбію Екатерины. Она хотѣла все знать, за всѣмъ слѣдить сама. Находя, что человѣкъ только тогда счастливъ, когда занятъ, она любила, чтобы ее тормошили, и признавалась, что отъ природы любитъ суетиться и чѣмъ болѣе работаетъ, тѣмъ бываетъ веселѣе. Постоянная работа стала ея привычкой и спасала ее отъ скуки, которой она такъ боялась. Занятія шли у нея въ строго размѣренномъ порядкѣ, однообразно повторявшеюся изо дня въ день чередой, но, по ея словамъ, въ это однообразіе входило столько дѣла, что ни минуты не оставалось на скуку. Когда наступали важныя внѣшнія или внутреннія дѣла, она обнаруживала усиленную дѣятельность, по ея выраженію, суетилась, не двигаясь съ мѣста, работала, какъ оселъ, съ 6 часовъ утра до 10 вечера, до подушки, „да и во снѣ приходитъ на мысль все, что надо было бы сказать, написать или сдѣлать“. Самъ Фридрихъ II дивился этой неутомимости и съ нѣкоторой досадой спрашивалъ русскаго посла: „Неужели императрица въ самомъ дѣлѣ такъ много занимается, какъ говорятъ? Мнѣ сказывали, что она работаетъ больше меня“.

Въ молодости она много работала надъ своимъ образованіемъ и рано запаслась разнообразными свѣдѣніями. Свою начитанность она объясняла житейскими неудачами, доставившими ей для того много досуга. Въ шутливой эпитафіи самой себѣ, написанной въ 1778 году, она признается, что 18 лѣтъ скуки и уединенія (т.-е. замужства—1744—1762 гг.) заставили ее прочитать множество книгъ. Пріобрѣтенный запасъ она старалась пополнять и на престолѣ. Она хотѣла стоять въ уровень съ умственнымъ и художественнымъ движеніемъ вѣка. С.-Петербургскій Эрмитажъ съ своими карти-

нами, ложами Рафаэля, тысячами гравюръ, камеевъ—монументальный свидѣтель ея заботъ о собираніи художественныхъ богатствъ, а въ самомъ Петербургѣ и его окрестностяхъ, особенно въ Царскомъ Селѣ, сохранились еще многія сооруженія работавшихъ по ея заказамъ иностранныхъ мастеровъ Тромбара, Кваренги, Камерона, Клериссо, не говоря уже о Фальконетѣ, а также и о русскихъ художникахъ Чевакинскомъ, Баженовѣ и многихъ другихъ. Изъ Плутарха, Тацита и другихъ древнихъ писателей, прочитанныхъ ею во французскихъ переводахъ, изъ романовъ, драмъ, оперъ, разныхъ исторій она запаслась множествомъ политическихъ и нравственныхъ примѣровъ, изреченій, анекдотовъ, остротъ, поговорокъ, разнообразныхъ мелкихъ свѣдѣній, которыми она поддерживала гостинную causerie на своихъ вечерахъ и украшала свою обширную переписку. Въ научномъ и литературномъ движеніи Запада она хотѣла участвовать не одними щедрыми подарками, пенсіями, покупками по пожалованному ей тамъ званію Царскосельской Минервы, но и прямымъ знакомствомъ съ ученою литературой, какъ образованный человѣкъ своего времени. При свиданіи въ Могилевѣ Екатерина самодовольно удивилась, замѣтивъ, что Эпохи Бюффона еще не попадались Іосифу II подъ руки. Сама она прочитала эту книгу съ увлеченіемъ и признавалась, что Бюффонъ своимъ твореніемъ прибавилъ ей мозгу. Она штудируетъ исторію астрономіи Бальи, торопитъ свою Академію Наукъ опредѣленіемъ широты и долготы городовъ С.-Петербургской губерніи, изучаетъ Гиббона, англійскаго законовѣда Блекстона, обрабатываетъ русскія лѣтописи, чтобы составить исторію Россіи для своихъ внуковъ, и даже погружается въ сравнительное языковѣдѣніе, чему опять помогло одно домашнее горе. Лѣтомъ 1784 г. умеръ Ланской. Екатерина, называвшая его своимъ воспитанникомъ, была безутѣшна, опасно занемогла сама, оправилась, но замкнулась въ своемъ кабинетѣ, не могла ни ѣсть, ни спать, не выносила лица человѣческаго. Почуявъ бѣду, прискакалъ изъ Крыма другой

воспитанникъ Потемкинъ и вмѣстѣ съ Θ. Орловымъ осторожно пробрался къ Екатеринѣ. Она расплакалась, за ней заревѣли оба утѣшителя и — „я почувствовала облегченіе“, добавляетъ она, описывая эту сцену. Она хотѣла утопить свое горе въ усиленномъ чтеніи и принялась за присланное ей незадолго передъ тѣмъ многотомное филологическое сочиненіе in-quarto французскаго ученаго Куръ-де-Жебеленя Monde primitif. Она увлеклась мыслью автора о первобытномъ коренномъ языкѣ, праотцѣ всѣхъ позднѣйшихъ, обложилась всевозможнымн лексиконами, какіе могла собрать, и принялась составлять сравнительный словарь всѣхъ языковъ, положивъ въ основу его русскій, собирая для него матеріалы, тормошила филологическими запросами и порученіями своихъ пословъ при иностранныхъ дворахъ, губернаторовъ, даже восточныхъ патріарховъ и самого маркиза Лафайета. Эти словарныя хлопоты кончились тѣмъ, что работа со всѣми собранными матеріалами была передана академику Палласу, который къ 1787 г. и приготовилъ первый томъ изданія подъ заглавіемъ Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы.

Наиболѣе сильное дѣйствіе на политическое образованіе Екатерины оказало ея столь извѣстное знакомство съ тогдашнею литературой просвѣщенія, съ Монтескье и Беккаріа, которыми она такъ усердно воспользовалась для своего Наказа, и особенно съ Вольтеромъ, котораго она благоговѣйно называла своимъ учителемъ и которому писала, что желала бы знать наизусть каждую страницу его Опыта всеобщей исторіи; по смерти его она выражала желаніе, чтобъ его изучали, затверживали наизусть, и писала, что изученіе его образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и писателей, разовьетъ сто тысячъ талантовъ. Вольтеру она была благодарна и за то, что онъ, по ея словамъ принцу де-Линю, ввелъ ее въ моду. Но къ другимъ литературнымъ корифеямъ она потомъ охладѣла и жаловалась тому же принцу, что они навели на

нее скуку и не поняли ея. Она не любила людей, натертыхъ чужимъ умомъ и знаніемъ, какъ говорила она, повторяя выраженіе своей пріятельницы госпожи Жофренъ. Но сама она была такъ воспріимчива, такъ быстро схватывала и усвояла чужую идею, что присвояла ее себѣ, а въ источникѣ видѣла только ея развитіе или же развивала ее по-своему. Отсюда ея наклонность подражать и пародировать. Прочитала она въ нѣмецкомъ переводѣ драматическія хроники Шекспира—и у нея явился свой Рюрикъ, „историческое представленіе, подражаніе Шакеспиру“. Изъ внимательнаго изученія политической литературы она едва ли вынесла какой-либо опредѣленный цѣльный планъ нормальнаго государственнаго устройства. Въ упомянутой эпитафіи она называетъ себя женщиной съ добрымъ сердцемъ и республиканскою душой, — именно съ душой, а не съ образомъ мыслей, соотвѣтствующимъ такому политическому порядку. Какъ всѣ люди, больше наблюдавшіе, чѣмъ размышлявшіе, она не исчерпывала усвояемой идеи до дна, до глубины ея корней, а овладѣвала ею лишь настолько, чтобъ ее можно было растолковать другимъ безъ особенныхъ усилій и развить въ понятныя всѣмъ послѣдствія. О Блекстонѣ, который былъ для нея обильнымъ источникомъ юридическихъ свѣдѣній и законодательныхъ идей, она писала, что ничего не беретъ изъ его сочиненій прямо, цѣликомъ, а только вытягиваетъ оттуда нить, которую разматываетъ по-своему. Но это изученіе пріучило ея мысль размышлять о такихъ трудныхъ предметахъ, какъ государственное устройство, происхожденіе и составъ общества, отношеніе лица къ обществу, дало направленіе и освѣщеніе ея случайнымъ политическимъ наблюденіямъ, уяснило ей основныя понятія права и общежитія, тѣ политическія аксіомы, безъ которыхъ нельзя понимать общественной жизни и еще менѣе можно руководить ею. Такъ какъ въ тогдашнихъ теоріяхъ политика неразрывно связывалась съ гражданскою моралью, то политическія понятія Екатерины окрасились тѣмъ нѣсколько туманнымъ благодуш-

нымъ свободомыслiемъ, которое усвояется именно добрымъ сердцемъ больше, чѣмъ сознаніемъ, и не облекается въ какія-либо практически пригодныя учрежденія или законы, а выражается больше въ пріемахъ и духѣ управленія, растворяется въ чувство общаго доброжелательства къ человѣку и человѣчеству, въ желаніе имъ счастья и свободы отъ всякаго гнета и заблужденія. Это и были тѣ „мои принципіи“, которые потомъ подробно и систематически изложены были въ Наказѣ и на которые она указывала Коммиссіи объ Уложеніи, какъ на основаніе новаго законодательства, ею предпринятаго. Она начала обдумывать ихъ еще до воцаренія, руководимая какимъ-то внутреннимъ голосомъ, который, какъ она признается въ своихъ мемуарахъ, ежеминутно внушалъ ей, что рано или поздно она достигнетъ русскаго престола. Сохранилось нѣсколько записочекъ, въ которыхъ она набрасывала мысли, мимолетно набѣгавшія среди чтенія и вызванныхъ имъ размышленій. „Я желаю только добра странѣ, куда Богъ меня привелъ, писала она: слава страны составляетъ мою собственную, — вотъ мой принципъ; была бы я очень счастлива, еслибъ мои идеи могли этому способствовать“. Эти идеи относились и къ внѣшней, и къ внутренней политикѣ. Обширной имперіи, нуждающейся въ населеніи, необходимъ миръ. Въ этомъ отношеніи едва ли полезно обращать нашихъ инородцевъ въ христіанство: многоженство лучше содѣйствуетъ умноженію населенія. „Власть безъ народнаго довѣрія ничего не значитъ для того, кто хочетъ быть любимымъ и славнымъ“. Для этого стоитъ только принять въ основаніе дѣйствій народное благо и правосудіе. „Хочу общей цѣли — сдѣлать счастливыми, а не каприза, ни странностей, ни жестокости“. Средства дѣйствія—правда и разумъ, который, будьте увѣрены, возьметъ верхъ въ глазахъ толпы. Правосудію и христіанской религіи противно рабство. Всѣ люди родятся свободными. „Хочу повиновенія законамъ, а не рабовъ“. Но разомъ освободить русскихъ крестьянъ нельзя: этимъ не пріобрѣтешь любви землевла-

дѣльцевъ, исполненныхъ упорства и предразсудковъ. Но есть легкій способъ: постановить освобождать крестьянъ при продажѣ имѣній,—и вотъ черезъ сто лѣтъ народъ свободный. „Свобода, душа всѣхъ вещей, безъ тебя все мертво". Необходимы новые законы. Единственное средство узнать, хорошъ или нѣтъ новый законъ—распустить о немъ слухъ на рынкѣ и велѣть доносить, что про него говорятъ. „Но кто вамъ донесетъ о послѣдствіяхъ въ будущемъ?" Необходимо отмѣнить варварскій обычай пытки, ненавистную конфискацію имущества виновныхъ, чрезвычайныя судныя коммиссіи, особенно секретныя, къ которымъ, „мнѣ кажется, всю мою жизнь буду чувствовать отвращеніе". Однако главное дѣло не въ законахъ. „Снисхожденіе, примирительный духъ государя сдѣлаютъ болѣе чѣмъ милліоны законовъ, а политическая свобода дастъ душу всему. Часто лучше внушать преобразованія, чѣмъ ихъ предписывать". „Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены, писала Екатерина въ 1765 г. въ наставленіи своему сыну и потомкамъ: изволь мѣриться на сей аршинъ; а если кто изъ васъ, мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ съ уничтоженіемъ, такъ ему болѣе въ свѣтѣ и особливо въ россійскомъ счастья желать, нежели пророчествовать можно". Съ лѣтами, подъ вѣяніемъ житейскаго опыта, ея мысль нѣсколько остыла и возвратила свою природную трезвость, даже съ оттѣнкомъ какого-то шутливаго пессимизма. Tout se mange dans ce monde-ci, — сказала она однажды Храповицкому, увидѣвъ, какъ галки и вороны клевали червей, выползшихъ изъ земли послѣ дождя. Все-то на свѣтѣ ѣстъ другъ друга, — и подъ вліяніемъ этого наблюденія она писала, что только посредственныя головы могутъ увлекаться мечтой о вѣчномъ мирѣ. Юношескія идеи не были брошены, но получили болѣе тѣсное примѣненіе, были переведены изъ политики въ литературу. „Я вполнѣ понимаю ваши великія начала—говорила она своему гостю Дидро въ 1774 году, — только съ ними хорошо писать книги, но плохо дѣйствовать. Вы имѣете дѣло

съ бумагой, которая все терпитъ, а я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые почувствительнѣе и пощекотливѣе бумаги". Поблекла и юношеская вѣра въ силу правды и разума. „Родъ человѣческій вообще склоненъ къ неразумію и несправедливости, писала Екатерина доктору Циммерману: еслибъ онъ слушался разума и справедливости, то въ насъ (государяхъ) не было бы нужды". Прежде разумъ и правда казались ей необходимыми и достаточными опорами власти, желающей быть благотворной и сильной, а теперь сама власть представлялась ей печально-необходимою заплатой на прорѣхахъ человѣческой природы, образуемыхъ недостаткомъ этихъ благодѣтельныхъ силъ.

III.

Таковы личныя средства, принесенныя на престолъ Екатериной. Они состояли въ гибкости и энергіи характера, „въ волюшкѣ, по ея выраженію, противъ которой не устоитъ никакое препятствіе", въ житейскомъ опытѣ, сообщавшемъ ей тотъ „закалъ души", которымъ она такъ гордится въ своихъ запискахъ, въ чутьѣ среды и умѣньи къ ней примѣняться, въ значительной выработкѣ политическаго мышленія и въ обильномъ запасѣ гуманныхъ политическихъ идей, не вполнѣ ясныхъ и соглашенныхъ между собою, едва выходившихъ изъ расплавленнаго состоянія, не успѣвшихъ еще отлиться въ твердыя убѣжденія и много-много кристаллизовавшихся въ добрыя намѣренія. Но она знала по опыту и записала въ одной изъ записочекъ, что „недостаточно быть просвѣщеннымъ и имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнить ихъ". Надобны еще обдуманные пріемы дѣйствія, подходящіе исполнители, подготовленные умы и слаженные интересы.

„У меня много постоянства и великое уваженіе къ истинѣ", наставительно писала однажды Екатерина датскому королю Христіану VII. Отклоняя отъ себя излишнія похвалы, она

любила приписывать свои успѣхи сотрудникамъ и счастью: „повѣрьте, говорила она принцу де-Линю, я только что счастлива, и если мною нѣсколько довольны, то это потому, что я нѣсколько постоянна и одинакова въ своихъ привычкахъ". Но кн. Щербатовъ упрекаетъ ее въ такой измѣнчивости, „что рѣдко и одинъ мѣсяцъ одинаковая у ней система въ разсужденіи правленія бываетъ". Должно быть, этотъ упрекъ относится больше къ ея пріемамъ дѣйствія. Въ этомъ отношеніи она не была особенно строга. Ссылаясь на примѣръ донъ-Базиліо въ Севильскомъ цирюльникѣ, она писала: „и у меня есть кой-какія маленькія правила, которыя я прилагаю съ извѣстнымъ разнообразіемъ". Она думала, что каждый принимаетъ тонъ и складъ своего положенія и что для успѣха въ этомъ мірѣ иногда необходимо разнообразить свою походку. Держась извѣстныхъ принциповъ, она не считала необходимымъ возводить въ неподвижную систему пріемы дѣйствія, сообразуемые съ вѣчно мѣняющимися минутами. Сопоставляя представительныя французскія собранія при Калоннѣ и Неккерѣ съ своею коммиссіей 1767 г., она писала: „Мое собраніе депутатовъ вышло удачнымъ, потому что я сказала имъ: знайте, вотъ каковы мои начала; теперь выскажите свои жалобы; гдѣ башмакъ жметъ вамъ ногу? Мы постараемся это поправить; у меня нѣтъ системы, я желаю только общаго блага". Оставаясь вѣрной разъ поставленнымъ задачамъ, она не держалась педантически однообразныхъ пріемовъ дѣйствія, умозрительно разсчитанныхъ и не согласованныхъ съ наличными условіями дѣла. Она вообще не принадлежала къ числу людей, готовыхъ во имя порядка ввести анархію, и не хотѣла своему правовѣрію старообрядчески жертвовать самою вѣрой. Такой выборъ пріемовъ показываетъ, что изъ политической философіи путемъ ея изученія Екатерина извлекла больше политики, чѣмъ философіи. Этотъ выборъ облегчался умѣньемъ Екатерины смотрѣть въ глаза дѣйствительности прямо и просто и даже находить въ своемъ юморѣ утѣшеніе при видѣ неустранимыхъ золъ.

„Меня обворовываютъ точно такъ же, какъ и другихъ, но это хорошій знакъ и показываетъ, что есть что воровать“, писала она г-жѣ Бьельке въ 1775 г. Притомъ, слабо чувствуя на себѣ давленіе мѣстныхъ обычаевъ и преданій, какъ пришедшая изъ другого міра, она была свободнѣе въ выборѣ способовъ дѣйствія и установкѣ своихъ отношеній и ей было легче, чѣмъ Маріи Терезіи или Георгу III, подшучивать надъ китайскими людьми, которые, по ея довольно наглядному уподобленію, всегда сидятъ по уши въ своихъ обычаяхъ и преданіяхъ и не могутъ высморкаться, не справляясь съ ними.

Она не отказывалась отъ такой же свободы дѣйствія и въ своихъ отношеніяхъ къ сотрудникамъ. Она цѣнила ихъ заслуги: это было однимъ изъ основныхъ ея правилъ. „Кто не уважаетъ заслуги, писала она въ одной изъ раннихъ своихъ записокъ, тотъ самъ ихъ не имѣетъ; кто не старается отыскать заслугу и не открываетъ ея, тотъ недостоинъ и неспособенъ царствовать“. Къ такому энергическому признанію заслуги обязывало Екатерину и особенное значеніе людей съ заслугами для того порядка, какой она считала необходимымъ для Россіи и въ ней поддерживала. Какъ самодержавная императрица, она думала, что ходъ дѣлъ въ государствѣ зависитъ не столько отъ его устройства, сколько отъ его управителей. Негодуя на дурное веденіе дѣлъ въ современной ей Англіи при конституціи, считавшейся лучшею въ Европѣ, она писала: „вотъ что значатъ мальчишки; но прежде дѣла шли иначе: стало быть, не формы, а дѣятели виноваты“. Однако не видно, чтобъ Екатерина усиленно искала талантовъ. „Когда мнѣ въ молодости, признавалась она, случалось встрѣтить умнаго человѣка, во мнѣ тотчасъ рождалось горячее желаніе видѣть его употребленнымъ ко благу страны“. Но съ лѣтами она стала относиться къ этому хладнокровнѣе и даже считала возможнымъ обойтись безъ поисковъ за дарованіями, хотя и любила и умѣла пользоваться попадавшимися подъ руку. Она не боялась и не чуждалась людей даровитыхъ, но считала неспособныхъ болѣе

удобными сотрудниками. „Богъ намъ свидѣтель, что мы, круглые невѣжды, не имѣемъ никакой особенной склонности къ дуракамъ на высокимъ мѣстахъ“. Но, думала она, нельзя же отыскивать людей по картинкѣ, по своему фасону или идеалу, да и нѣтъ нужды въ такихъ поискахъ. Нужные люди всегда наидутся, когда понадобятся. „Всякая страна способна доставлять людей, необходимыхъ для дѣла. Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые мнѣ служили и большею частью служили хорошо“. Екатерина относилась къ способнымъ людямъ точно такъ же, какъ къ собственнымъ способностямъ: нѣтъ такихъ людей вокругъ,— надо ихъ сдѣлать изъ тѣхъ, какіе есть. Значитъ, дѣло не въ томъ, чтобъ искать людей, а въ томъ, чтобъ умѣть пользоваться тѣми, кто подъ рукою, и искусство править—въ томъ, „чтобы со всякими людьми заставлять дѣла идти какъ можно лучше“. Можетъ быть, такой взглядъ былъ лишь обобщеніемъ счастливой случайности: Екатеринѣ посчастливилось при вступленіи на престолъ среди всякихъ людей найти подъ рукой такихъ, съ которыми можно было вести дѣла хорошо. Однако въ началѣ царствованія она однажды жаловалась французскому послу Бретёйлю на неспособность своихъ министровъ, прибавивъ, что, къ счастью, молодые люди подаютъ ей утѣшительныя надежды. Она начала царствовать съ людьми елисаветинской школы, т.-е. съ самоучками, съ Бестужевымъ-Рюминымъ, Шаховскимъ, Шуваловымъ, Воронцовыми, Паниными, Голицыными, Румянцевымъ, Чернышевыми. Она нуждалась въ нихъ, они ей усердно служили, нѣкоторые очень много для нея сдѣлали; она ихъ цѣнила, но не любила, втихомолку подсмѣивалась надъ ними и постепенно почти со всѣми разошлась. Она считала полезнымъ обновлять правительственный персоналъ и любила новыхъ людей, которыхъ ставила подлѣ старыхъ или на ихъ мѣсто, чтобы, по ея словамъ, мѣшать ржавчинѣ останавливать колеса и пришпоривать бездарности. Можетъ быть, за эту наклонность мѣнять людей и приписывали ей правило, выражавшееся ею въ

извѣстной поговоркѣ о выжатомъ лимонѣ. Она хотѣла имѣть своихъ людей, образовать свою школу изъ новыхъ талантовъ, ею открытыхъ. „Я не боюсь чужихъ достоинствъ, говорила она, напротивъ, желала бы имѣть вокругъ себя однихъ героевъ и все на свѣтѣ употребляла, чтобы сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ видѣла малѣйшее къ тому призваніе“. Но ей не легко было найти такихъ людей вокругъ себя. Вельможи, ее окружавшіе, страдали не однимъ только тѣмъ недостаткомъ, что, по свидѣтельству статсъ-секретаря Грибовскаго, за немногими исключеніями не умѣли правильно писать по-русски. Среди нихъ скорѣе можно было найти пріятныхъ собесѣдниковъ въ родѣ оберъ-шталмейстера Л. Нарышкина или гр. А. Строганова, чѣмъ дѣльцовъ. Въ этомъ кругу мѣркой способности къ дѣламъ служила еще старая поговорка, слышанная Н. Панинымъ „у престола государева отъ людей его окружающихъ“, и записанная имъ въ одномъ докладѣ Екатеринѣ: „была бы милость, всякаго на все станетъ“. Но Екатеринѣ уже нельзя было руководиться этою поговоркой въ выборѣ своихъ сотрудниковъ. Люди съ крупными умственными и нравственными достоинствами, образованные и любившіе горячо свое отечество, но скромные и прямые, подобные учителю математики при в. князѣ Павлѣ Порошину, какъ-то плохо уживались при ея дворѣ, хотя въ инструкціи генералъ-прокурору она и обѣщала опытами показать, что у двора честные люди живутъ благополучно. Оставалось выбирать изъ пособниковъ въ переворотѣ 28 іюня или изъ людей, указанныхъ Румянцевымъ, Салтыковымъ, Панинымъ, Потемкинымъ. Между ними оказывались люди дѣловитые и не безъ дарованій, чаще съ притязаніями вмѣсто дарованій, съ честолюбіемъ и воображеніемъ, рѣшительно превозмогавшими ихъ силы и всякую дѣйствительность, бойкіе и смѣлые игроки въ судьбу, легко перекраивавшіе карту Европы, составлявшіе планы разрушенія существующихъ государствъ и возстановленія когда-то существовавшихъ, чертившіе будущія границы Россійской имперіи съ 6 столицами (С.-Пе-

тербургъ, Москва, Берлинъ, Вѣна, Константинополь, Астрахань—по проекту Пл. Зубова). Екатерина была очень довѣрчива и пристрастна къ своимъ избранникамъ, преувеличивала ихъ способности и свои надежды на нихъ, ошибалась въ первыхъ и обманывалась въ послѣднихъ; но она пользовалась не только ихъ силами, но и самыми слабостями, возбуждала ихъ служебную ревность и соревнованіе другъ съ другомъ и со старыми дѣльцами, умѣряла соперничество, не допуская его до открытой вражды. Осторожный и лѣнивый Н. Панинъ съ одной стороны напѣвалъ ей одно, отважный и тоже лѣнивый Гр. Орловъ съ другой—другое, противоположное, а она, по ея выраженію, курцъ-галопомъ выступала между обоими вѣчно враждовавшими другъ съ другомъ совѣтниками и, несмотря на ихъ вражду, „дѣла шли и шли большимъ ходомъ“. Однимъ пріемомъ она еще болѣе усиливала исполнительную ревность своихъ сотрудниковъ. Въ отношеніи къ нимъ ей чаще удавалось принятое ею правило въ проведеніи реформъ: лучше подсказывать, чѣмъ приказывать. Хорошо изучивъ людей, она знала, кому какое дѣло поручить можно, и такъ осторожно внушала намѣченному исполнителю свою мысль, что онъ принималъ ее за свою собственную и тѣмъ съ большимъ рвеніемъ исполнялъ ее. Поощряемые милостивымъ вниманіемъ и возбуждаемые взаимнымъ соперничествомъ, наперерывъ одинъ передъ другимъ стараясь отличиться, эти люди, выхваченные наверхъ часто житейской случайностью съ довольно глубокаго низа, внесли въ ходъ дѣлъ большое оживленіе, производили много шума и движенія, сдѣлали не мало и полезнаго, но при этомъ тратили страшно много средствъ. Они, конечно, произвели впечатлѣніе на современниковъ: разсказы объ екатерининскихъ орлахъ долго не умолкали въ русскомъ обществѣ, и Карамзинъ только съ ораторскимъ преувеличеніемъ резюмировалъ эти разсказы, когда говорилъ въ своемъ Похвальномъ словѣ, что „только во время Екатерины видѣли мы волшебныя превращенія нѣжныхъ сибаритовъ въ суровыхъ чадъ

Лакедемона, видѣли тысячи россійскихъ Альцибіадовъ". Но надежды, возложенныя на молодежь въ началѣ царствованія, едва ли были оправданы; иначе, вел. князь Александръ въ упомянутомъ письмѣ къ Кочубею не написалъ бы о людяхъ, занимавшихъ высшія мѣста въ 1796 году, что онъ не желалъ бы имѣть ихъ у себя и лакеями. Суворовъ въ счетъ идти не можетъ: этотъ удивительный талантъ сложился и проявлялся такъ независимо и своеобразно, казался такою счастливой случайностью, что его трудно отнести къ которой-либо школѣ, елисаветинской или екатерининской.

Впрочемъ, недостатокъ хорошихъ дѣльцовъ не былъ самымъ большимъ затрудненіемъ, съ которымъ приходилось бороться Екатеринѣ. Гораздо труднѣе было сладить съ программой дѣятельности, продиктованной положеніемъ Екатерины и настроеніемъ русскаго общества по вступленіи ея на престолъ. Это была очень сложная и запутанная программа. Екатерина взяла свою власть, а не получила ея. Власть благопріобрѣтенная всегда имѣетъ характеръ векселя, по которому ждутъ уплаты, а по настроенію русскаго общества Екатеринѣ предстояло оправдать разнообразныя и несогласныя ожиданія. Новое правительство, созданное общественнымъ движеніемъ противъ прежняго, конечно, должно было дѣйствовать наперекоръ ему. Прежнее правительство вооружило противъ себя общество пренебреженіемъ къ національнымъ интересамъ; новое правительство обязывалось дѣйствовать въ національномъ духѣ. Произволъ прежняго правительства вызвалъ сильное возбужденіе во всемъ обществѣ, даже въ простомъ народѣ, и, по словамъ манифеста 6 іюля 1762 г., ни оставалось никого, „кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ государя". Роптали на новое иго нѣмецкое, когда прусскій посолъ Гольцъ правилъ Россіей, а русскій императоръ, по словамъ прусскаго короля Фридриха II, служилъ Пруссіи, какъ ея министръ. Не успѣли перемереть люди, пережившіе бироновщину, и ужъ опять нѣмцы; когда же этому будетъ конецъ?

Пора русскую православную вѣру и русскую народную честь прочно оградить отъ такихъ испытаній. Новое правительство должно было разумно-либеральнымъ образомъ дѣйствій разсѣять впечатлѣніе испытаннаго самовластія, сдержать развязавшіеся языки и успокоить общество какими-либо гарантіями порядка и приличія. Впереди негодовавшаго общества стояла гвардія, привилегированное самонадѣянное и довольно распущенное войско, сдѣлавшее уже нѣсколько государственныхъ переворотовъ, поставившее нѣсколько правительствъ— и его принялись облекать „въ обряды неудобь носимые", т.-е. въ прусскіе мундиры, муштровать по-прусски, обзывали янычарами, унижали передъ голштинскимъ сбродомъ и собирались гнать за границу на войну съ Даніей за какую-то тамъ Голштинію. Кромѣ полковыхъ, казарменныхъ интересовъ, у этой гвардіи были еще интересы сословные, деревенскіе. По своему составу она была тогда еще дворянскимъ войскомъ: въ ней служилъ цвѣтъ сословія, ея настроеніе быстро распространялось по дворянскимъ сельскимъ усадьбамъ. У дворянства въ это время возникали свои заботы. Оно было, наконецъ, уволено в ъ ч и с т у ю: закономъ 18 февраля 1762 г. его служба изъ государственной повинности превращена была въ простое требованіе гражданскаго долга. Но съ обязательною службой тѣсно связано было, какъ слѣдствіе съ причиной, владѣніе крѣпостными людьми. Сословіе смутно почувствовало приближеніе кризиса въ своемъ положеніи и зарожденіе тревожнаго вопроса: что же станется съ ихъ имѣніями, державшимися на крѣпостномъ трудѣ? Что станутъ дѣлать они сами, вольные дворяне, безъ службы? Еще живѣе почувствовали крестьяне, что съ отмѣною обязательной службы ихъ господъ въ крѣпостномъ правѣ вѣсы общественной правды наклонились въ одну сторону: со времени изданія закона 18 февраля усиливаются крестьянскія волненія.

Передъ этими столь разнообразно взволнованными умами стала Екатерина съ своей революціонной по происхожденію

властью и съ своими либеральными идеями. Эти умы были уже нѣсколько подготовлены, если не прямо къ этимъ новымъ идеямъ, то вообще къ новизнамъ въ мышленіи, какъ и въ жизни. Подготовка началась съ самой половины того вѣка. Во-первыхъ, Семилѣтняя война дала русскимъ офицерамъ-дворянамъ не одни лавры, но и хозяйственные уроки. Участникъ войны Болотовъ увѣряетъ въ своихъ запискахъ, что все лучшее служившее тогда въ арміи россійское дворянство, насмотрѣвшись въ нѣмецкихъ земляхъ всей тамошней экономіи и порядковъ и получивъ потомъ въ силу благодѣтельнаго манифеста о вольности увольненіе отъ военной службы, „въ состояніи было всю свою прежнюю весьма недостаточную деревенскую экономію привести въ несравненно лучшее состояніе“. Притомъ, съ того же времени въ русскомъ обществѣ пробуждаются литературные и эстетическіе вкусы, развивается охота къ чтенію, къ романамъ, романсамъ, музыкѣ, къ занятіямъ, питающимъ чувства, а чувства—предтечи идей. А въ крестьянской средѣ бродили уже и самыя идеи: на другой годъ царствованія Екатерины въ народѣ пущенъ былъ подложный указъ императрицы съ обвиненіемъ дворянства въ томъ, что оно весьма пренебрегаетъ законъ Божій и „государственныя правы“.

Такъ предъ Екатериной встрѣчались, сталкивались и пересѣкались довольно разностороннія, даже противоположныя теченія, интересы и настроенія: оскорбленное чувство національнаго достоинства, „великое роптаніе на образъ правленія послѣднихъ годовъ“, гвардейскія притязанія, дворянскіе помыслы о новыхъ поприщахъ дѣятельности и страхи за старыя права, крестьянскія ожиданія, наконецъ, ея собственныя идеи и мечты, благопріятныя для однихъ и тревожныя для другихъ, но непривычныя для всѣхъ умовъ. Екатеринѣ предстояло дѣйствовать популярно, либерально и осторожно и въ преобразовательномъ, и въ охранительномъ направленіи, щадить одни сословные интересы и охранять другіе, имъ враждебные, но самой стоять выше тѣхъ и другихъ, ставя

впереди всѣхъ интересы всенародные, согласно съ основнымъ правиломъ, неоднократно ею высказаннымъ: „Боже избави играть печальную роль вождя партіи,—напротивъ, слѣдуетъ постоянно стараться пріобрѣсти расположеніе всѣхъ подданныхъ“. Сверхъ всего этого необходимо было предупреждать попытки недовольныхъ въ гвардіи повторить соблазнительное по успѣху дѣло 28 іюня во имя другого лица, пресѣкать „дешперальные и безразсудные coups“, какъ она выражалась. Очевидно, программа Екатерины была довольно сложна и несвободна отъ противорѣчій. Она попыталась примирить ихъ по указаніямъ своего опыта и наблюденія и по соображеніямъ своей гибкой мысли. Находя невозможнымъ ни согласить столь различныхъ задачъ, ни пожертвовать однѣми въ пользу другихъ, она раздѣлила ихъ, т.-е. каждую задачу проводила въ особой сферѣ правительственной дѣятельности. Данъ былъ большой ходъ внѣшней политикѣ посредствомъ усиленнаго дѣйствія на нее національныхъ чувствъ и интересовъ. Чтобы занять праздное дворянство и опредѣлить его новое положеніе въ государствѣ и обществѣ, предпринята была широкая реформа областного управленія и суда. Наконецъ, отведена была своя область и новымъ идеямъ: на нихъ строилась проектированная система русскаго законодательства, онѣ проводились, какъ принципы, въ отдѣльныхъ узаконеніяхъ, вводились въ ежедневный оборотъ мнѣній, какъ стимулы умовъ и нравственные регулятивы общежитія, были допущены въ литературу и даже въ школу, какъ образовательное средство и какъ архитектурное украшеніе правительственнаго производства. Но при законодательной, литературной и педагогической пропагандѣ новыхъ идей Екатерина не трогала исторически сложившихся основъ русскаго государственнаго строя, предоставляя самимъ идеямъ вѣка перерабатывать порядки мѣста. Такъ распланировалось исполненіе программы.

Екатеринѣ нужны были громкія дѣла, крупные, для всѣхъ очевидные успѣхи, чтобъ оправдать свое воцареніе и заслу-

жить любовь подданныхъ, для пріобрѣтенія которой она, по ея признанію, ничѣмъ не пренебрегала. Внѣшняя политика представлялась для того наиболѣе удобнымъ полемъ дѣйствія при внутреннихъ средствахъ Россіи и при томъ положеніи, какое она заняла въ Европѣ по окончаніи Семилѣтней войны. Екатерина старалась поднять и укрѣпить его съ двухъ сторонъ, настраивая умы и импонируя на кабинеты. Корифеи европейской мысли, съ которыми она вела такія дружескія сношенія, располагали общественное мнѣніе Европы въ пользу Россіи, распространяя о ней благопріятныя свѣдѣнія, разбивая предубѣжденія. Но иностранные дипломаты уже въ самомъ началѣ царствованія жаловались на гордый и высокомѣрный тонъ Екатерины во внѣшнихъ дѣлахъ, который нравился ея подданнымъ. „У меня лучшая армія въ цѣломъ мірѣ, говорила она Бретейлю въ 1763 году: у меня есть деньги, а чрезъ нѣсколько лѣтъ у меня будетъ много денегъ“. Опираясь на эти средства, Екатерина смѣло приступила къ рѣшенію обоихъ стоявшихъ на очереди вопросовъ внѣшней политики, давнихъ и трудныхъ вопросовъ, изъ которыхъ одинъ состоялъ въ необходимости продвинуть южную границу Россіи до Чернаго моря, а другой—въ воссоединеніи Западной Руси. Извѣстно, какъ вела Екатерина оба эти главныя дѣла своей внѣшней политики.

Можно различно судить, и судили различно о пріемахъ и результатахъ этой политики; но впечатлѣніе, произведенное ею на русское общество, едва ли подлежитъ спору. С. Т. Аксаковъ помнилъ изъ своего дѣтства, какъ въ его семьѣ плакали при вѣсти о смерти Екатерины и говорили, что въ ея царствованіе сосѣди насъ не обижали и наши солдаты при ней побѣждали всѣхъ и прославились. Это былъ слабый отзвукъ, доносившійся до пріуральской глуши отъ шумныхъ внѣшнихъ дѣлъ Екатерины. Людямъ, стоявшимъ подъ болѣе близкимъ дѣйствіемъ ея военныхъ и дипломатическихъ успѣховъ, результатомъ ихъ представлялся небывалый подъемъ международнаго значенія Россіи. Успѣхи, до-

стигнутые внѣшнею политикой Петра I, почувствовались въ Россіи довольно скромно. Даже ближайшіе сотрудники Петра и то считали уже громаднымъ успѣхомъ, что они, русскіе люди, теперь „въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены“, какъ выразился канцлеръ Головкинъ въ привѣтственной рѣчи Петру по поводу заключенія Ништадтскаго мира. Великая Сѣверная война, которою Россія завоевала себѣ мѣсто въ семьѣ европейскихъ державъ, самой продолжительностью и тяжестью своей ослабляла впечатлѣніе своихъ успѣховъ. „Петръ, выводя народъ свой изъ невѣжества, ставилъ уже за великое и то, чтобъ уравнять оный державамъ второго класса“, и потому первымъ предметомъ своей политики почиталъ какое-нибудь пріобрѣтеніе въ Германіи, подготовлялъ присоединеніе Голштиніи къ Россіи, чтобы имѣть голосъ въ европейскомъ концертѣ не въ качествѣ русскаго царя, а по положенію голштинскаго члена германскаго корпуса. О собственномъ абсолютномъ вѣсѣ Россіи онъ еще не помышлялъ. Его взгляда держалось русское правительство и послѣ него, несмотря на очевидный ростъ силы и вліянія Россіи. Такъ изображалъ международное положеніе Россіи со времени Петра I до Екатерины II руководитель ея внѣшней политики Н. Панинъ, хорошо знавшій политическую исторію Европы своего вѣка. Международная улица Россіи попрежнему оставалась тѣсна, ограничиваясь шведскими и польскими тревогами да турецко-татарскими опасностями: Швеція помышляла объ отместкѣ и начиналась недалеко за Петербургомъ; Польша стояла на Днѣпрѣ; ни одного русскаго корабля не было на Черномъ морѣ; по сѣверному побережью его господствовали турки и татары, отнимая у Россіи южную степь и грозя ей разбойничьими набѣгами. Тяжелое чувство учениковъ, во всемъ отставшихъ отъ своихъ западныхъ учителей, еще болѣе удручало національный духъ. Прошло 34 года царствованія Екатерины—и Польши не существовало, южная степь превратилась въ Новороссію, Крымъ сталъ русскою областью, между Днѣпромъ и Днѣ-

стромъ не осталось и пяди турецкой земли, контръ-адмиралъ Ушаковъ съ черноморскимъ флотомъ, въ 1791 г. дравшійся съ турками недалеко отъ Константинополя, 7 лѣтъ спустя вошелъ въ Босфоръ защитникомъ Турціи, а въ Швеціи только душевно-нездоровые люди, въ родѣ короля Густава IV, продолжали думать объ отместкѣ. Международный горизонтъ Россіи раздвинулся дальше ея новыхъ предѣловъ, и за ними открылись ослѣпительныя перспективы, какія со времени Петра I едва ли представлялись самому воспаленному русскому глазу: взятіе Константинополя, освобожденіе христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, разрушеніе Турціи, возстановленіе Византійской имперіи. Держава второго класса стала считаться первою военною державой въ Европѣ и даже по признанію англичанъ „морскимъ государствомъ очень почтеннымъ“; самъ Фридрихъ II въ 1770 году называлъ ее страшнымъ могуществомъ, отъ котораго чрезъ полвѣка будетъ трепетать вся Европа, а кн. Безбородко въ концѣ своей дипломатической карьеры говорилъ молодымъ русскимъ дипломатамъ: „не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ безъ позволенія нашего выпалить не смѣла“. Самаго неповоротливаго воображенія не могли не тронуть такіе ослѣпительные успѣхи. Но впечатлѣніе внѣшней политики заимствовало значительную долю своей силы отъ общественнаго возбужденія, вызваннаго ходомъ внутреннихъ дѣлъ.

IV.

Политическія идеи, усвоенныя Екатериной, по источникамъ своимъ были послѣднимъ словомъ западно-европейской политической мысли, плодомъ работы многихъ сильныхъ умовъ надъ вопросами о происхожденіи и законахъ развитія государствъ и объ ихъ нормальномъ устройствѣ. Результаты этой работы не были еще руководящими началами политической жизни народовъ, по крайней мѣрѣ, на евро-

нейскомъ материкѣ, оставались идеалами передовыхъ умовъ, дожидаясь своего мѣста въ кодексахъ. Даже въ томъ видѣ, какъ они изложены въ Наказѣ Екатерины, они представляли, говоря словами Карамзина, рядъ „высочайшихъ умозрѣній“, и сколько надобно было усилій, чтобъ эту „тончайшую метафизику преобразить въ уставъ гражданскій, всѣмъ понятный!“ Эти идеи, еще нигдѣ практически не испытанныя въ своей совокупности, Екатерина хотѣла примѣнить къ устройству своего государства, переработать ихъ въ статьи новаго русскаго уложенія. Этотъ замыселъ могъ показаться плодомъ „воспламененнаго воображенія“, какое приписывалъ Екатеринѣ Фридрихъ II. И однако Екатерина признавала такой опытъ возможнымъ въ Россіи, отставшей отъ Европы во всѣхъ отношеніяхъ, имѣвшей, какъ писалъ тогда одинъ англійскій посолъ изъ Петербурга, право на названіе образованнаго народа, одинаковое съ Тибетскимъ государствомъ. У Екатерины были на то свои соображенія. Она, во-первыхъ, тогда еще крѣпко вѣровала въ силу разума: будьте увѣрены, писала она въ одной изъ своихъ раннихъ замѣтокъ, что разумъ возьметъ верхъ въ глазахъ толпы. Потомъ, она считала себя съ своими идеями особенно способной и расположенной дѣйствовать въ странѣ, мало тронутой культурными вліяніями и менѣе другихъ зараженной историческими предразсудками. „Я люблю страны еще невоздѣланныя, писала она: вѣрьте мнѣ, это лучшія страны. Я годна только въ Россіи; въ другихъ странахъ уже не найдешь священной природы: все столько же искажено, сколько чопорно“. Россія представлялась ей благодарнымъ полемъ для просвѣтительной работы. „Я должна отдать справедливость своему народу, писала она Вольтеру: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя“. Этими аксіомами и были идеи, которыя она задумала положить въ основаніе новаго русскаго законодательства. Да, наконецъ, и Россія — все же страна не совсѣмъ уже чужая Европѣ, и

Екатерина строила свой преобразовательный планъ на силлогизмѣ, въ сжатомъ видѣ изложенномъ въ началѣ I главы ея Наказа: Россія есть европейская держава; Петръ I вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ такія удобства, какихъ и самъ не ожидалъ. Заключеніе слѣдовало само собой: аксіомы, представляющія послѣдній и лучшій плодъ европейской мысли, найдутъ въ этомъ народѣ такія же удобства.

Но главнымъ средствомъ дѣйствія и надежнымъ ручательствомъ за успѣхъ была въ рукахъ Екатерины власть, которую она носила, та русская верховная власть, которую еще славянскій публицистъ XVII в. Юрій Крижаничъ сравнивалъ съ жезломъ Моисеевымъ, способнымъ выбить воду изъ камня, и силу которой Екатерина выражала по-своему въ письмѣ къ Гримму, когда говорила о своихъ начинаніяхъ, что все это еще пока на бумагѣ и въ воображеніи: „но не полагайтесь на это: все это вырастетъ какъ грибы, когда менѣе всего будутъ ожидать того“. Екатерина поняла, что въ просвѣтительномъ движеніи эта власть можетъ и должна стать въ другое отношеніе къ обществу, не похожее на то, какое существовало между обѣими этими силами на Западѣ. Тамъ общество черезъ литературу поучало правительства; здѣсь правительство должно было направлять и литературу, и общество. У васъ, писала Екатерина Вольтеру, низшіе научаютъ, и высшимъ легко пользоваться этимъ наставленіемъ; у насъ, наоборотъ. Но, можетъ быть, придворные разсказы и собственныя наблюденія, собранныя ею въ Россіи еще до воцаренія, а вѣроятно, и чутье положенія, какъ скоро она вошла во всю обстановку власти, внушили ей, что эта власть въ своей прежней постановкѣ, съ тѣми средствами и пріемами, какими она доселѣ пользовалась, не въ состояніи взять на себя такого руководства. Здѣсь будетъ не лишнимъ припомнить нѣчто изъ прошлаго русской государственной власти.

Древняя Русь въ своихъ политическихъ вѣрованіяхъ,

понятіяхъ, общественныхъ отношеніяхъ—во всемъ складѣ своего быта выработала очень обильный матеріалъ верховной власти,—не идеалъ, а именно матеріалъ, которому московскіе государи по своимъ личнымъ особенностямъ и по условіямъ своего положенія придавали различныя формы или физіономіи: царь Іоаннъ Грозный—одну, царь Алексѣй—другую. Но во всякихъ рукахъ древне-русская государственная власть пользовалась почти одинаковыми средствами дѣйствія на волю подвластныхъ: за исключеніемъ церковной проповѣди о власти отъ Бога,—проповѣди, обращавшейся къ совѣсти вѣрующаго, то были простѣйшія средства политической педагогики, стимулы, обращенные къ элементарнымъ инстинктамъ человѣка и первичнымъ связямъ общежитія; къ стимуламъ второго рода относились, напримѣръ, отвѣтственность родственниковъ за преступника, наказаніе его жены и дѣтей конфискаціей его имущества. Петръ Великій не выработалъ новаго типа власти, но переработалъ старую власть, давъ ей новыя средства дѣйствія, научное знаніе, небывалую энергію, поставивъ ей новыя задачи и расширивъ ея предѣлы особенно на счетъ церковной власти. Важно то, что Петръ пытался измѣнить самое обращеніе власти къ подданнымъ. Древне-русская государственная власть обращалась къ своимъ подданнымъ если не всегда какъ властелинъ къ рабамъ-домочадцамъ, то какъ строгій отецъ къ дѣтямъ-малолѣткамъ, приказывая исполнять не разсуждая или дозволяя разсуждать только о способѣ исполненія, а не о смыслѣ и надобности исполняемаго. Петръ сохранилъ за властью прежнюю строгую физіономію, но нѣсколько смягчилъ ея обращеніе, тонъ рѣчи: онъ едва ли не первый въ своихъ указахъ заговорилъ съ народомъ о самыхъ основахъ государственнаго порядка, о добрѣ общемъ, о пользѣ народной, объ обязанностяхъ, „долженствахъ“ государя. Въ повелителѣ сказался правитель; изъ-за грознаго указа блеснулъ примиряющій принципъ; въ голосѣ домовладыки послышалось признаніе зрѣлости домочадцевъ. Власть

обращалась не съ однѣми угрозами къ неисправному или непослушному подданному, но и съ довѣріемъ къ здравому смыслу народа, призывала его не только исполнять волю государя, но и разсуждать о необходимости ея исполненія для государства, о побужденіяхъ, ею руководящихъ, а это уже призывъ къ нѣкоторому участію въ государственныхъ дѣлахъ, подготовка къ политической самодѣятельности, своего рода политическое воспитаніе. Петръ расширилъ, зато и заработалъ свою власть, оправдавъ ея расширенные предѣлы, увѣнчавъ ее громадными успѣхами, стараясь уяснить ее народу не только какъ свое право, но и какъ его насущную потребность. Онъ и перешелъ въ народную память, какъ небывалый образъ „царя, который даромъ хлѣба не ѣлъ, пуще всякаго мужика работалъ“. Но этотъ образъ, долженствовавшій стать образцомъ, долго оставался одинокимъ, безъ подражателей. Ближайшіе преемники и преемницы Петра не стѣснили доставшейся имъ власти, но не были въ состояніи оправдать ее, не понимали ни ея средствъ, ни задачъ, злоупотребляли первыми и забывали послѣднія; нѣкоторые, удерживая за собою эту власть, охотно слагали съ себя бремя правленія, лишь бы имъ оставили свободу предаваться своимъ удовольствіямъ. Скоро нѣмцы, по выраженію Винскаго, забившіеся подобно однодневной мошкѣ въ мельчайшіе изгибы русскаго государственнаго тѣла, стали окружать и его голову. Бироновщина пронеслась надъ народомъ запоздалой татарщиной. С.-Петербургъ изъ русской столицы, построенной Преобразователемъ на отвоеванной чужой землѣ, превращался въ иностранную и враждебную колонію на Русской землѣ. Въ одѣ Ломоносова на воцареніе Екатерины II Петръ Великій встаетъ изъ гроба и, обозрѣвая дѣла, приключившіяся въ Россіи съ его смерти до этого воцаренія, гнѣвно восклицаетъ:

На то ль воздвигъ я градъ священный,
Дабы врагами населенный
Россіянамъ ужасенъ былъ?

Власть изъ источника закона стала превращаться въ его замѣну, т.-е. въ самовластіе, а частыя смѣны на престолѣ, которыхъ въ 17 лѣтъ со смерти Петра I случилось пять и въ большинствѣ не по какому-либо закону или естественному порядку, а по обстоятельствамъ, мало понятнымъ народу, имѣли видъ политическихъ приключеній и сообщали смѣнявшимся правительствамъ характеръ случайностей. Все это при тогдашнемъ значеніи власти въ Россіи производило разрушительное дѣйствіе на общественный порядокъ. Мощь государства, повидимому, возрастала и ширилась, но личность принижалась и мельчала, такъ что некому было надлежащимъ образомъ оцѣнить и прочувствовать государственные успѣхи. Общественная жизнь въ руководящихъ кругахъ становилась вялой и распущенной. Придворныя интриги замѣняли политику, великосвѣтскіе скандалы составляли новости дня. Умственные интересы гасли въ жаждѣ милостей и увеселеній. Наиболѣе ощутительные успѣхи культуры и общежитія, отмѣченные современниками, обозначились при Екатеринѣ I усиленною выпиской дорогихъ уборовъ изъ-за границы, при Аннѣ — появленіемъ бургонскаго и шампанскаго на знатныхъ столахъ, при Елисаветѣ—учащеніемъ разводовъ, введеніемъ англійскаго пива женою канцлера графиней Анной Карловной Воронцовой, англійскихъ контрадансовъ двумя великосвѣтскими русскими барышнями, гостившими въ Лондонѣ, и торжествомъ „весьма особливой философіи“, о которой писали въ заграничныя газеты изъ Москвы по случаю бывшихъ здѣсь пожаровъ въ 1754 г. во время пребыванія здѣсь двора,—философіи, „которая меньше нежели гдѣ индѣ сіи приключенія чувствительными дѣлаетъ, ибо не примѣчается, чтобы оныя хотя малую отмѣну производили въ склонности жителей къ веселью: всякой день говорится только о комедіяхъ, комическихъ операхъ, интермеццахъ, балахъ и тому подобныхъ забавахъ“. Строгимъ наблюдателямъ казалось, что Россія не являла и признаковъ просвѣщенія. Великосвѣтское общество презирало все русское,

науками пренебрегало и даже канцлеръ гр. Воронцовъ, по самой должности своей имѣвшій ближайшее отношеніе къ просвѣщенной Европѣ, въ началѣ царствованія Екатерины съ негодованіемъ писалъ о своей образованной и любознательной племянницѣ Е. Р. Дашковой, что она „имѣетъ нравъ развращенный и тщеславный, больше въ наукахъ и пустотѣ время свое проводитъ".

Подобными же чертами и люди екатерининскаго времени любили изображать управленіе и высшее русское общество 1725—1762 годовъ, стоявшее у престола, дававшее власти наибольшее количество сановныхъ слугъ, служившее образцомъ для массы. Н. Панинъ въ представленномъ Екатеринѣ проектѣ императорскаго совѣта прямо уподоблялъ правительственный порядокъ той эпохи „варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало". Въ воспоминаніяхъ о той эпохѣ только царствованіе императрицы Елисаветы осталось свѣтлою полосой, благодаря памяти ея отца, ея добросердечію и набожности и нѣкоторымъ полезнымъ законамъ. Ее любили въ память отца при жизни и гораздо болѣе жалѣли о ней по смерти, — печальная услуга, оказанная ея памяти племянникомъ-преемникомъ. Но это впечатлѣніе относилось больше къ лицу, чѣмъ къ порядку. Старыя бѣдствія устранялись, но новыя блага чувствовались слабо. Временщики злые исчезли, но временщики не переводились. Общество было довольно покоемъ, но порядокъ ветшалъ и портился, не подновляемый и не довершаемый. Дѣламъ предоставляли идти, какъ они заведены были Петромъ Великимъ, мало думая о новыхъ потребностяхъ и условіяхъ. Часы заводились, но не провѣрялись.

Власть безъ яснаго сознанія своихъ задачъ и предѣловъ и съ поколебленнымъ авторитетомъ, съ оскудѣвшими матеріальными и нравственными средствами, общественное мнѣніе, питавшееся анекдотами и пересудами, безъ чувства личнаго и національнаго достоинства, весь порядокъ, держав-

шійся страхомъ и произволомъ и направляемый, по выраженію Н. Панина, „болѣе силою персонъ, нежели властью мѣстъ государственныхъ“, при крайне низкомъ уровнѣ гражданскаго чувства и сознанія общаго интереса, безъ любви къ отечеству,—въ такихъ чертахъ можно представлять себѣ, по разсказамъ людей екатерининскаго времени, наслѣдство, доставшееся Екатеринѣ II отъ эпохи временщиковъ и случайныхъ правительствъ.

Люди второй половины XVIII вѣка, такъ гордившіеся своимъ превосходствомъ предъ отцами въ образованіи и общежитіи, естественно наклонны были лучше помнить темныя, чѣмъ свѣтлыя стороны ближайшаго къ нимъ прошлаго. Эта наклонность могла быть сама по себѣ только благопріятна для Екатерины: о первыхъ шагахъ ея по воцареніи должны были судить по сравненію ея съ ближайшими предшественниками. Въ этомъ отношеніи чего стòило одно царствованіе Петра III! Послѣ него надобно было умѣть царствовать непопулярно. Но Екатеринѣ нельзя было пользоваться властью по-прежнему. Прежде власть привыкла искать самыхъ надежныхъ опоръ порядка въ силѣ и угрозѣ, наиболѣе дѣйствительныхъ народно-исправительныхъ средствъ—въ наказаніяхъ. Екатеринѣ надобно было искать такихъ опоръ и средствъ совсѣмъ въ другомъ порядкѣ вліяній, обратиться къ другимъ народно-воспитательнымъ пріемамъ, болѣе тонкимъ, чѣмъ кнутъ и ссылка, и болѣе справедливымъ, чѣмъ конфискація. По своему происхожденію и воспитанію, по своей судьбѣ, по своему образу мыслей, наконецъ, она была слишкомъ нова для Россіи, чтобы сразу войти въ привычную туземную, исторически-пробитую колею. Она сама это сознавала и въ первый годъ царствованія признавалась французскому послу Бретейлю, что ей нужны годы и годы, чтобъ ея подданные привыкли къ ней. Притомъ ей нужно было слишкомъ многое оправдать въ своемъ положеніи, чтобы предупредить попытки повторить противъ нея соблазнительное дѣло 28 іюня. Властью, такъ пріобрѣтенной, какъ она

была пріобрѣтена, нельзя было пользоваться втихомолку. Но было недостаточно и привычной бесѣды съ народомъ въ области уголовнаго права. Предстояло объясниться съ обществомъ прямо, на-чистоту, и даже ввести такое объясненіе въ обычный порядокъ управленія, чтобы привести политику „въ пристойную знатность предъ публикою", какъ внушалъ Н. Панинъ. Словомъ, надобно было обратиться къ умамъ и сердцамъ, а не къ инстинктамъ. Въ цѣпи отношеній, связующихъ власть съ обществомъ, не было одного важнаго звена, которое Петръ I пытался вставить, но которое послѣ него не было закрѣплено и выпало. Это звено—народное убѣжденіе, совмѣстное дѣло власти и общества, слагающееся съ одной стороны изъ сознанія общаго блага, съ другой—изъ умѣнья внушить это сознаніе и увѣрить въ своей рѣшимости и способности удовлетворить потребностямъ, составляющимъ общее благо. Екатерина понимала, какъ важно для успѣха правительственныхъ мѣръ согласить съ ними народное разумѣніе. Объясняя Вольтеру нѣкоторыя статьи своего Наказа, она писала, что единственное средство для законодателя заставить всѣхъ слушаться голоса разума, это—убѣдить, что его требованія совпадаютъ съ основаніями общественнаго спокойствія, въ которомъ всѣ нуждаются и польза котораго всякому понятна. Продолжая попытку Петра, Екатерина въ эту сторону прежде всего направила свои усилія. Но обращаясь къ разуму народа, Екатерина будила въ немъ и чувства, которыя способны были еще сильнѣе склонять умы на сторону законодателя.

Такъ предпринята была Екатериной достопамятная кампанія, цѣлью которой было завоевать народное довѣріе и сочувствіе. Эта кампанія велась выходами, поѣздками, разговорами, учащеннымъ присутствіемъ на засѣданіяхъ сената, болѣе всего указами и манифестами. Начиная съ манифестовъ 28 іюня и 6 іюля 1762 г. о воцареніи, при всякомъ удобномъ случаѣ,—въ указахъ о взяточничествѣ, о раздѣленіи сената на департаменты, въ манифестѣ о заговорщикахъ,

въ рескриптахъ русскимъ посламъ и губернаторамъ, даже въ частныхъ бесѣдахъ, — настойчиво заявлялось о происхожденіи новаго правительства, о его намѣреніяхъ и заботахъ, о томъ, какъ оно понимаетъ свои задачи и свое отношеніе къ народу. Прежде всего предстояло выяснить источники пріобрѣтенной власти. Новое правительство было горячо привѣтствовано общественнымъ мнѣніемъ,—и общественное мнѣніе было провозглашено законнымъ политическимъ факторомъ, органомъ народнаго голоса, его привѣтствіе, скрѣпленное присягой, формальнымъ актомъ народнаго избранія. Манифестъ 28 іюня гласилъ, что императрица принуждена была вступить на престолъ, побуждаемая опасностями, какими грозило всѣмъ вѣрноподданнымъ минувшее царствованіе, „а особливо видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ явное и нелицемѣрное“, потому престолъ принятъ „по всеобщему и единогласному нашихъ вѣрныхъ подданныхъ желанію и прошенію“, какъ было прибавлено въ рескриптѣ о восшествіи на престолъ русскому послу въ Берлинѣ для сообщенія тамошнему двору. Бецкій простодушно думалъ, что 28 іюня совершился привычный гвардейскій переворотъ, которому онъ самъ содѣйствовалъ, подговаривая гвардейцевъ и разбрасывая деньги въ народъ, и потому считалъ себя главнымъ его виновникомъ. Разъ, вторгнувшись къ Екатеринѣ, онъ на колѣняхъ умолялъ ее сказать, кому она считаетъ себя обязанной своимъ воцареніемъ. „Богу и избранію моихъ подданныхъ“, былъ отвѣтъ, который повергъ Бецкаго въ совершенное отчаяніе, такъ что онъ началъ было снимать съ себя александровскую ленту, считая себя недостойнымъ этого знака отличія при такомъ непризнаніи его заслугъ. Такъ какъ перемѣна на престолѣ произведена была, по словамъ манифеста, для избавленія отечества отъ опасностей, какими грозило прежнее царствованіе, отъ потрясенія православной вѣры, уничтоженія русской славы и чести, испроверженія внутреннихъ порядковъ и даже „отъ неизбѣжной почти опасности имперіи сей разрушенія“, какъ

выразился въ одномъ документѣ сенаторъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, то на медаляхъ въ память коронаціи Екатерины была сдѣлана надпись: „За спасеніе вѣры и отечества". Церковные проповѣдники, особенно архіепископъ новгородскій Димитрій Сѣченовъ, первый членъ св. синода, еще смѣлѣе и восторженнѣе провозглашали Екатерину защитницей вѣры, благочестія и отечества, возстановительницей чести и достоинства своихъ подданныхъ, „всѣхъ скорбей и печалей нашихъ окончаніемъ", и признавали событіе 28 іюня дѣломъ Божіимъ, чуднымъ строеніемъ не человѣческаго ума и силы, но Божіихъ несказанныхъ судебъ и Его премудраго совѣта. „Будутъ чудо сіе восклицать проповѣдники, говорилъ въ коронаціонномъ словѣ архіепископъ Димитрій: напишутъ въ книгахъ историки, прочтутъ съ охотою ученые, послушаютъ въ сладость некнижные, будутъ и послѣдніе роды повѣствовать чадамъ своимъ и прославлять величія Божія". Екатерина, разумѣется, охотно усвоила взглядъ церковныхъ проповѣдниковъ на дѣло 28 іюня и думала увѣковѣчить его въ законодательствѣ, какъ достопамятный историческій фактъ: въ сохранившемся собственноручномъ черновомъ проектѣ манифеста о престолонаслѣдіи она писала, что чудный промыслъ Всевышняго „вручилъ намъ самодержавство сей имперіи образомъ человѣческимъ предвѣдѣніемъ непостижимымъ".

На восторженныя привѣтствія Екатерина отвѣчала рѣшительнымъ осужденіемъ павшаго правительства и заявленіемъ широкой программы и совершенно новаго направленія начавшагося царствованія. Въ манифестахъ и указахъ читали о вредѣ самовластія и гибельныхъ слѣдствіяхъ, какія отъ самовольнаго, необузданнаго и никакому человѣческому суду не подлежащаго властителя произойти могутъ. Съ высоты престола предъ Богомъ цѣлому свѣту сказывалось, „что отъ руки Божіей пріяли всероссійскій престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширеніе славы Его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ", заявлялось правило неоспо-

римое, что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ поставленныхъ надъ нимъ начальниковъ и правителей, возвѣщалось искреннее и нелицемѣрное желаніе прямымъ дѣломъ доказать, „сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ“, и наиторжественнѣйше обѣщались императорскимъ словомъ государственныя учрежденія прочныя, на законахъ основанныя, и выражалось упованіе предохранить этимъ цѣлость имперіи и самодержавной власти, „бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству вывести изъ унынія и оскорбленія“. И все это съ увѣреніями въ ежедневномъ материнскомъ „о добрѣ общемъ“ попеченіи. Власть была достигнута переворотомъ не во имя права, не лицомъ династіи, неправильно устраненнымъ, какъ при воцареніи Елисаветы,—была захватомъ, а не возвратомъ права. Казалось бы, такой актъ нуждался въ оправданіи, съ нимъ надобно было какъ-нибудь примирить общество. Екатерина не дѣлаетъ ни того, ни другого: оправдывать пріобрѣтенную власть значило бы напрашиваться на сомнѣніе въ правильности ея пріобрѣтенія; стараться примирить съ ней общество значило бы заискивать у противниковъ, выпрашивать у нихъ то, что уже было взято, наводить на мысль о ненужности случившагося, въ томъ и другомъ случаѣ ронять авторитетъ власти.

Наказъ былъ систематическимъ изложеніемъ началъ, которыя заявлялись въ манифестахъ и указахъ первыхъ лѣтъ, приступомъ къ исполненію наиторжественнѣйшаго обѣщанія, даннаго въ манифестѣ 6 іюля 1862 года, установить государственныя учрежденія, въ которыхъ управленіе шло бы по точнымъ и постояннымъ законамъ. Многое въ немъ по новизнѣ предметовъ могло показаться большинству читателей невразумительнымъ, иное неожиданнымъ. Самъ авторъ

предвидѣлъ, что нѣкоторые, прочитавъ Наказъ, скажутъ: не всякъ его пойметъ. Непривычнымъ къ политическому размышленію умамъ не легко было усвоить и объединить четыре опредѣленія политической свободы, одно отрицательное и три положительныхъ. Государственная вольность по Наказу 1) не въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все, что кому угодно, 2) состоитъ въ возможности дѣлать то, чего каждому надлежитъ хотѣть, и въ отсутствіи принужденія дѣлать то, чего хотѣть не должно; 3) она есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ, и 4) есть спокойствіе духа въ гражданинѣ, происходящее отъ увѣренности въ своей безопасности. Русскіе умы впервые призывались разсуждать о государственной вольности, о вѣротерпимости, о вредѣ пытки, объ ограниченіи конфискацій, о равенствѣ гражданъ, о самомъ понятіи гражданина, —о предметахъ, о которыхъ разсуждать дотолѣ не считалось дѣломъ простыхъ людей, — а тѣ, чье это было дѣло, разсуждали о томъ очень мало. Всего болѣе должны были поразить русскаго читателя тѣ статьи Наказа, гдѣ власть опредѣляетъ самое себя, свое назначеніе и отношеніе къ подданнымъ. Слова сами по себѣ не могутъ составлять преступленія по оскорбленію Величества; въ самодержавіи благополучіе правленія состоитъ отчасти въ кроткомъ и снисходительномъ правленіи; великое несчастіе для государства, когда никто не смѣетъ свободно высказывать своего мнѣнія; есть случаи, гдѣ власть должна ограничивать себя предѣлами, ею же самою себѣ положенными; лучше, чтобы государь только ободрялъ, и одни законы угрожали; самодержавство разрушается, когда государь свои мечты ставитъ выше законовъ; льстецы твердятъ владыкамъ, что народы для нихъ сотворены, „но мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны“.

„Никогда еще монархи не говорили съ подданными такимъ плѣнительнымъ, трогательнымъ языкомъ“, восклицалъ

Карамзинъ въ своемъ Похвальномъ словѣ, воспроизводя впечатлѣніе первыхъ русскихъ читателей Наказа. И сама власть, кажется, никогда еще не принимала въ Россіи такого облика и не становилась въ такое отношеніе къ обществу, какъ въ екатерининскихъ указахъ первыхъ лѣтъ и въ этомъ Наказѣ. Она привыкла только требовать жертвъ отъ народа; теперь она за славу себѣ вмѣняла жертвовать собой для народа. Общее благо, прежде поглощаемое властью, теперь въ ней олицетворялось. Она непосредственно обращалась къ народу или съ признаніями въ принимаемыхъ на себя обязанностяхъ, или съ проповѣдью новыхъ руководящихъ ею началъ и понятій. Ея указы—чаще изложеніе основаній общежитія, уроки политическаго благонравія или обличеніе чиновничьихъ и общественныхъ пороковъ, чѣмъ повелительные законы: они—говоря тогдашнимъ языкомъ—больше просвѣщаютъ умы и наклоняютъ волю къ добру, чѣмъ предписываютъ дѣйствія или устанавливаютъ отношенія. Общее благо состоитъ въ томъ-то и томъ-то, у насъ то и это не въ порядкѣ, я денно-ночно пекусь объ общемъ благѣ, каждый гражданинъ да разумѣетъ, какъ подобаетъ ему поступать въ видахъ общаго блага, — таковъ смыслъ и тонъ этихъ указовъ и манифестовъ. О полицейскихъ предостереженіяхъ, о взысканіяхъ за неисполненіе упоминается какъ бы мимоходомъ, неохотно; разумъ и совѣсть призываются на мѣсто судьи и судебнаго пристава. Законодатель обращался къ подданнымъ не какъ къ будущимъ преступникамъ, а какъ къ настоящимъ гражданамъ и какъ бы говорилъ имъ: государство въ васъ самихъ и въ вашихъ домахъ, а не въ казармахъ или канцеляріяхъ, въ вашихъ мысляхъ, чувствахъ и отношеніяхъ. Предполагалось перевоспитать государевыхъ холоповъ въ гражданъ государства и въ воспитательныхъ урокахъ съ ними обходились уже какъ съ благовоспитанными гражданами. Потому знать мнѣніе „публики“ считалось полезнымъ для правительства: въ 1766 г. Екатерина приказала сенату обсудить, не лучше ли новое положеніе о дворян-

скихъ банкахъ напечатать въ видѣ проекта за полгода до введенія его въ дѣйствіе, чтобы желающіе могли сообщить поправки и дополненія, даже не подписывая своихъ именъ.

Когда люди, мнѣніемъ которыхъ мы дорожимъ, отказываютъ намъ въ достоинствахъ, которыя у насъ есть, мы обыкновенно падаемъ духомъ, какъ будто потеряли ихъ, а когда приписываютъ намъ достоинства, какихъ мы въ себѣ не подозрѣвали, мы ободряемся и стараемся пріобрѣсти ихъ. Когда съ людьми, привыкшими къ рабьему уничиженію передъ властью, эта власть заговорила какъ съ гражданами, какъ съ народомъ свободнымъ, въ нихъ какъ бы въ оправданіе оказанной имъ чести стали вскрываться чувства и понятія, дотолѣ прятавшіяся или дремавшія. Началось это сверху, съ ближайшаго окруженія власти, и, расширяясь, разрослось въ устойчивое общественное настроеніе. Когда сенатъ благодарилъ императрицу Елисавету за отмѣну внутреннихъ таможенъ, она отвѣчала, что за удовольствіе поставлять себѣ будетъ „авантажи своихъ подданныхъ собственнымъ своимъ предпочитать“. Итакъ, собственные авантажи торжественно отдѣлены отъ государственныхъ или народныхъ. Согласно съ такимъ раздѣленіемъ, Елисавета подъ конецъ жизни, а послѣ нея и Петръ III усиленно копили деньги и казенные доходы удерживали у себя, ничего или почти ничего не отпуская на государственныя нужды, такъ что рѣдко кто изъ служащихъ получалъ жалованье. Когда у нихъ просили денегъ на государственныя потребности, они сердились и отвѣчали: „доставайте, гдѣ знаете, а эти прибереженныя деньги — наши“. Во время пожара въ Лефортовскихъ палатахъ въ 1754 г. вытаскивали и поставленные тамъ сундуки императрицы Елисаветы съ серебряною монетой; у многихъ изъ нихъ не оказалось дна и пришлось штыками отгонять народъ, хватавшій разсыпанныя по землѣ деньги. Въ первые дни царствованія Екатерины II, когда ей доложили о крайней нуждѣ въ деньгахъ и о томъ, что русская армія въ Пруссіи уже 8 мѣсяцевъ не получала жа-

лованья, императрица въ полномъ собраніи сената объявила, что, принадлежа сама государству, она считаетъ и все ей принадлежащее собственностью государства, и чтобы впредь не было никакого различія между интересомъ государственнымъ и ея собственнымъ, и приказала выдать изъ своихъ комнатныхъ денегъ, сколько было надобно на государственныя нужды. У всѣхъ сенаторовъ выступили на глазахъ слезы; все собраніе встало и въ одинъ голосъ благодарило императрицу за такой великодушный образъ мыслей. Такъ разсказывала сама Екатерина. Сенатъ, какъ главный органъ власти и руководитель управленія, первый долженъ былъ воспринять и сообщить подвѣдомственнымъ мѣстамъ новое направленіе: возставая противъ пытки, ему приказывала Екатерина преступниковъ обращать къ чистому признанію больше милосердіемъ и увѣщаніемъ, нежели строгостію и истязаніемъ, вести дѣла безъ отягощенія народнаго, безъ новыхъ налоговъ, покрывая новые расходы „другими благопристойнѣйшими способами“; генералъ-прокурору сената въ секретнѣйшемъ наставленіи ставилось на видъ, что въ высшемъ управленіи „одна лишь форма канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ и интересъ государственный страждетъ“, а губернаторамъ настойчиво предписывалось утѣсненныхъ людей защищать. Простые люди, до которыхъ не доходили такія предписанія или которымъ не все было понятно въ манифестахъ, постигали духъ и направленіе новаго правительства по слухамъ объ ограниченіи пытки и конфискацій, по распоряженіямъ противъ монополій и взяточничества, по указамъ о свободѣ торговли и удешевленіи соли, о производствѣ подушной переписи безъ разорительныхъ воинскихъ командъ, по отмѣнѣ задержекъ на городскихъ заставахъ и другихъ мелкихъ стѣсненій, устраненіе которыхъ, однако, значительно облегчало общежитіе и давало всѣмъ чувствовать, что башмакъ меньше прежняго жметъ ногу.

„Всѣ души успокоились, всѣ лица оживились“, говоритъ

Карамзинъ, воспроизводя настроеніе, постепенно складывавшееся въ обществѣ изъ всѣхъ этихъ столь непривычныхъ впечатлѣній, какія оно тогда переживало. Это настроеніе восторженно выражалось при народныхъ встрѣчахъ Екатерины, особенно во время ея путешествія по Волгѣ въ 1767 г. Екатерина писала съ дороги, что даже „иноплеменниковъ", т.-е. дипломатическій корпусъ, ее сопровождавшій, не разъ прошибали слезы при видѣ народной радости, съ какой ее встрѣчали, а въ Костромѣ гр. Чернышевъ весь парадный обѣдъ проплакалъ, растроганный „благочиннымъ и ласковымъ обхожденіемъ" мѣстнаго дворянства, что въ Казани готовы были постелить себя вмѣсто ковра подъ ея ноги, а въ одномъ мѣстѣ въ церкви мужики принялись свѣчи подавать, прося поставить ихъ передъ матушкой царицей: это—простонародный волжскій отвѣтъ парижскимъ философамъ, величавшимъ Екатерину Царскосельской Минервой. Чтеніе Наказа въ коммиссіи 1767 г. депутаты слушали съ восхищеніемъ, многіе плакали, особенно отъ словъ 520-й статьи: „Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какій народъ больше справедливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ на земли; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено, — несчастіе, до котораго я дожить не желаю". Плакали при встрѣчахъ императрицы, при чтеніи ея манифестовъ и Наказа, плакали за парадными обѣдами въ ея присутствіи, плакали отъ радости при мысли, что бироновское прошлое уже не вернется; никогда, кажется, не было пролито въ Россіи столько радостныхъ политическихъ слезъ, какъ въ первые годы царствованія Екатерины II.

Въ этихъ слезахъ было много серьезнаго: сквозь нихъ проступалъ новый взглядъ общества на власть и на свое отношеніе къ ней. Изъ грозной силы, готовой только карать, о которой страшно было говорить и думать, власть превращалась въ благодѣтельное, попечительное существо, о которомъ не могли наговориться, которымъ не умѣли нахвалиться. Эта политическая чувствительность постепенно при-

поднимала людей, наполняя ихъ смутнымъ ощущеніемъ наступающаго благополучія. Эта приподнятость особенно выразительно сказалась въ коммиссіи 1767 г. Собрано было со всего государства свыше 550 представителей самыхъ разнообразныхъ вѣръ, нарѣчій, племенъ, состояній, умоначертаній, отъ высокообразованнаго представителя св. синода митрополита новгородскаго Димитрія до депутата служилыхъ мещеряковъ Исетской провинціи муллы Абдуллы мурзы Тавышева и до самоѣдовъ - язычниковъ, которые, какъ имъ ни толковали въ коммиссіи, никакъ не могли понять, что такое законъ и для чего это людямъ понадобились законы,—всероссійская этнографическая выставка, представлявшая своимъ составомъ живые образчики едва ли не всѣхъ пройденныхъ человѣчествомъ ступеней культуры. Депутаты призваны были съ своими мѣстными „нуждами и недостатками“ для труднаго и кропотливаго дѣла — составленія кодекса законовъ, соглашенныхъ съ этими нуждами и недостатками. Вступая въ коммиссію, депутаты присягали по однообразной формулѣ, клятвенно обѣщаясь начать и окончить великое дѣло „въ правилахъ богоугодныхъ, человѣколюбіе вселяющихъ и добронравіе къ сохраненію блаженства и спокойствія рода человѣческаго“. На первомъ же шагу депутатъ переносился съ своими низменными мѣстными нуждами въ область высокихъ идеаловъ человѣчества. При открытіи коммиссіи вице-канцлеръ въ рѣчи отъ имени императрицы призывалъ депутатовъ воспользоваться случаемъ прославить себя и свой вѣкъ и пріобрѣсти благодарность будущихъ вѣковъ, порадѣть объ общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго и своихъ любезныхъ согражданъ. „Отъ васъ ожидаютъ примѣра всѣ подсолнечные народы, говорилъ онъ: очи всѣхъ на васъ обращены“. А недѣли черезъ двѣ маршалъ коммиссіи Бибиковъ поднялъ тонъ еще октавою выше, въ рѣчи самой Екатеринѣ говорилъ уже, что „во всеобщемъ благополучіи мы первенствуемъ“, и, поднося ей отъ коммиссіи титулъ матери отечества, прибавлялъ, что весь родъ человѣческій дол-

женствовалъ бы предстать здѣсь и принести ей титулъ матери народовъ. Позднѣе подобныя фразы стали стереотипами, замѣнявшими чувства; тогда онѣ впервые отливались изъ наличныхъ чувствъ или вливали такія чувства въ раскрытыя сердца. Точно подхваченные воздушнымъ шаромъ, депутаты съ своими руководителями отрывались отъ своихъ родныхъ уѣздныхъ и даже россійскихъ видовъ, и съ захватывающей духъ высоты имъ открывались необъятно-широкіе кругозоры, виднѣлись будущіе вѣка, народы, весь родъ человѣческій. Все это немного ходульно и театрально, но во всемъ этомъ выражалась простая любовь къ отечеству и сказывалась непривычка выражать просто внушаемыя ею чувства національнаго достоинства и патріотической гордости, по новизнѣ ли самыхъ этихъ чувствъ, или по недостатку случаевъ выражать ихъ. Да, наконецъ, театральная маршировка все же пріучаетъ неумѣющихъ хорошенько ходить къ приличной походкѣ.

Но гордость отечествомъ обязываетъ быть достойнымъ его сыномъ; безъ того она — бахвальство и ничего болѣе. Надобно быть справедливыми къ людямъ екатерининскаго времени: они остерегліись одной опасности, какою грозитъ народная гордость, не поддались искушенію приподняться на цыпочки, чтобы прибавить себѣ росту. Подъемъ духа сопровождался у нихъ возбужденіемъ умовъ, которое помѣшало имъ принять самомнѣніе за національное самосознаніе. Почувствовавъ важное значеніе своего отечества, они спѣшили хорошенько осмотрѣть себя, чтобы видѣть, приготовлены ли они къ выступленію на большую сцену. Они умѣли замѣтить и имѣли добросовѣстность сознаться, что не могутъ еще появиться въ европейскомъ свѣтѣ такъ, какъ того требуетъ достоинство ихъ отечества; что величіе и могущество имперіи, о чемъ Екатерина твердила иностранцамъ, опираются собственно на силы народной массы, а они, образованные и руководящіе классы, обязанные выражать разумъ своего народа, еще не въ состояніи стать достойными его вырази-

телями. Въ этомъ сознаніи источникъ той горячей энергіи, съ какою заговорила при Екатеринѣ журнальная и театральная сатира, повидимому такъ мало подходившая къ блеску и успѣхамъ той эпохи. Самообличеніе было прямымъ слѣдствіемъ разумно направленнаго патріотическаго чувства: изъ любви къ отечеству обличали себя, недостойныхъ сыновъ его. Эта сатира не подняла замѣтно уровня жизни: частные и общественные недостатки и пороки остались на своихъ мѣстахъ; но они были обличены и сознаны, т.-е. стали менѣе заразительны, а это подавало надежду, что дѣти не все унаслѣдуютъ отъ своихъ неисправимыхъ отцовъ. За то мысль необычайно оживилась, особенно благодаря „свободоязычію“, простору, какой давала ей въ литературѣ Екатерина, сама принимавшая дѣятельное участіе въ этомъ литературномъ движеніи. Обличая отечественные недуги, мыслящіе люди того времени много передумали и притомъ о такихъ предметахъ, что самая наклонность размышлять о нихъ есть уже признакъ значительнаго подъема умовъ. Въ этомъ помогло имъ, конечно, вліяніе просвѣтительной литературы. Изъ записокъ Порошина и Винскаго видимъ, что въ людяхъ образованныхъ и даже полуобразованныхъ это вліяніе возбуждало интересъ къ политикѣ и морали, къ изученію устройства государствъ и состава людскихъ обществъ. Порошинъ, преподаватель математики при вел. кн. Павлѣ, разговаривалъ съ своимъ ученикомъ о сочиненіяхъ Монтескье и Гельвеція, о необходимости читать ихъ для просвѣщенія разума, приготовлялъ для вел. князя книгу Государственный механизмъ, въ которой „хотѣлъ показать разныя части, коими движется государство, изъяснить, напримѣръ, сколько надобенъ солдатъ, сколько земледѣлецъ, сколько купецъ и проч. и какою кто долею споспѣшествуетъ всеобщему благоденствію, что не можетъ государство быть никоимъ образомъ благополучно, когда одинъ какой чинъ процвѣтаетъ, а прочіе въ пренебреженіи“. Надобно много и много жалѣть, что одному изъ образованнѣйшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ

людей XVIII в. не удалось написать задуманнаго имъ сочи ненія, которое могло бы послужить прекраснымъ показате лемъ роста русской политической мысли въ томъ вѣкѣ. Образованнымъ людямъ екатерининскаго времени и принадлежитъ заслуга возбужденія цѣлаго ряда важныхъ вопросовъ, надъ которыми много работала мысль дальнѣйшихъ поколѣній: объ отношеніи Россіи къ Западной Европѣ, объ отношеніи новой Россіи къ древней, объ изученіи національнаго характера, о согласованіи національнаго съ общечеловѣческимъ, самобытнаго народнаго развитія съ необходимостью подражать опередившимъ народамъ. Подъ вліяніемъ непривычной работы мысли надъ вопросами морали, политики и общежитія законодательный и литературный языкъ получилъ философско-моралистическую окраску, запестрѣлъ отвлеченной терминологіей академическаго краснорѣчія, выражающей нравственныя основы и связи общежитія. Пошли въ ходъ слова: добронравіе или благонравіе, человѣчество, человѣколюбіе, попеченіе о благѣ общемъ, блаженство общее и частное, отечество, граждане или сограждане, чувствительность, чувствованія человѣческаго сердца, добродѣтельныя души и т. п. Такимъ языкомъ блеститъ и изданный 8 апрѣля 1782 г. Уставъ Благочинія или Полицейскій, гдѣ въ „правилахъ добронравія“ читаемъ такія статьи закона: „не чини ближнему, чего самъ терпѣть не хочешь; въ добромъ помогите другъ другу, веди слѣпого, дай кровлю не имѣющему, напой жаждущаго“, въ „правилахъ обязательствъ общественныхъ“ изображено: „мужъ да прилѣпится къ своей женѣ въ согласіи и любви, уважая, защищая и извиняя ея недостатки, облегчая ея немощи“, а въ числѣ требуемыхъ отъ опредѣленнаго къ благочинію начальства поставлены здравый разсудокъ, человѣколюбіе и усердіе къ общему добру. Особенно любимыми стали слова: общество и родъ человѣческій. Въ 1768 г. гр. Разумовскій, благодаря Ека-

терину отъ имени сената, присутственныхъ мѣстъ и всего народа за пробное привитіе оспы себѣ и сыну для примѣра подданнымъ, говорилъ даже о „родѣ человѣческомъ обоего пола“, а по Учрежденію для управленія губерній 1775 г. земскій исправникъ обязанъ отправлять свою должность „съ доброхотствомъ и человѣколюбіемъ къ народу“ и въ случаѣ эпидеміи стараться „о излѣченіи и сохраненіи человѣческаго рода“. Въ памятникахъ XVII вѣка, когда русскій народъ былъ разбитъ на множество мелкихъ служилыхъ и тяглыхъ разрядовъ, или чиновъ, съ особыми обязанностями, безъ общихъ дѣлъ и интересовъ, изрѣдка мелькаетъ выраженіе общество христіанское, ибо религія оставалась наиболѣе крѣпкой нравственной связью общежитія. При Екатеринѣ встрѣчаемъ уже „россійское общество“; сенатъ въ докладѣ императрицѣ говоритъ объ „обществѣ всѣхъ вѣрноподданныхъ“; въ жалованныхъ грамотахъ 1785 г. установляются термины: дворянское общество, общество градское, а въ депутатскихъ наказахъ 1767 года находимъ даже ходатайство „о выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда“, какъ всесословной земской корпораціей. Такъ идея солидарности постепенно охватывала общественные слои, между которыми прежде не чувствовалось единенія. Въ этомъ новомъ языкѣ нѣтъ недостатка въ красивыхъ словахъ и неясныхъ понятіяхъ. Хорошія слова, ставъ ходячими, въ непривычномъ обществѣ скоро изнашиваются, теряютъ смыслъ, такъ что, произнося ихъ, „человѣкъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ“, какъ говорилъ Стародумъ въ Недорослѣ. Такія слова не оказывали прямого дѣйствія на нравы и поступки, на подъемъ жизни, но, украшая рѣчь, пріучали мысль къ опрятности, заставляли ее держаться выше эгоизма и инстинкта, произволъ личнаго пониманія подчиняли требованіямъ общественнаго приличія. Съ этой стороны можно придавать народно-воспитательное значеніе указу 19 февраля 1786 года, предписавшему во всѣхъ дѣловыхъ обращеніяхъ лицъ къ власти замѣнять слово

рабъ словомъ подданный. Хорошія слова часто подобно костылямъ поддерживаютъ слабѣющія мысли. Ужъ на что пылокъ былъ въ защитѣ сословныхъ преимуществъ дворянскій депутатъ въ коммиссіи 1767 г. кн. М. М. Щербатовъ, для котораго сословное неравенство было своего рода политическимъ догматомъ, но и онъ въ коммиссіи оговаривался, что крѣпостные „суть равное намъ созданіе“, только „разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними“. Наказъ Екатерины иногда ссылается въ своихъ положеніяхъ на законъ христіанскій и законъ естественный. Возражая на требованіе ограниченія пытки и тѣлеснаго наказанія для однихъ только дворянъ, депутаты отъ городовъ, опираясь на тѣ же законы, священный и естественный, которые „весьма не терпятъ лицепріятій“, доказывали, что „воръ всегда воръ, подлый ли онъ, или благородный“, и послѣдняго, какъ человѣка просвѣщеннаго и знающаго законы, слѣдуетъ наказывать даже строже, чѣмъ простолюдина, который часто совершаетъ преступленіе по нуждѣ или невѣдѣнію. Да притомъ, прибавляли эти депутаты, по-своему становясь на точку зрѣнія демократической монархіи,—въ Россіи отъ вѣка монархическое, а не аристократическое правленіе, и „какъ подлый, такъ и благородный — всѣ равно подданнѣйшіе рабы всемилостивѣйшей государыни“. Модныя слова подсказывали новыя идеи, а идеи внушали дѣла, по крайней мѣрѣ проекты дѣлъ. Однимъ изъ такихъ словъ было тогда просвѣщеніе, о которомъ твердили и манифесты, и журналы. Въ то время, когда свои и чужіе наблюдатели увѣряли, что русское дворянство считаетъ невѣжество своимъ сословнымъ правомъ (Винскій), что цивилизовать его труднѣе, чѣмъ даже крестьянъ (Макартней), изъ среды этого культурно-безнадежнаго класса посланы были въ ту же коммиссію требованія, чтобы при церквахъ учреждены были школы для крестьянскихъ дѣтей, „дабы знаніемъ закона хотя мало поправить нравы ихъ“ (наказы копорскаго и ямбургскаго дворянства); чтобы церковные причты обучали крестьянскихъ

мужеска пола дѣтей, „отъ чего впредь уповательно подлый народъ просвѣщенный разумъ имѣть будетъ“ (наказъ крапивенскаго дворянства). Въ 1764 г. архангелогородскій гражданинъ В. Крестининъ, опредѣленный магистратомъ наблюдать за начальнымъ обученіемъ и потомъ издавшій рядъ дѣльныхъ историческихъ сочиненій о своей двинской родинѣ, представилъ сенату даже проектъ обязательнаго обученія съ хорошо обдуманнымъ планомъ малыхъ школъ, въ которыхъ бы обучались всякаго чина и обоего пола дѣти въ городѣ всѣ безъ исключенія.

Это пробужденіе умовъ по призыву власти—едва ли не самый важный моментъ въ ростѣ впечатлѣнія, какое оставило послѣ себя царствованіе Екатерины. По крайней мѣрѣ въ Фелицѣ особеннымъ движеніемъ отличаются извѣстные стихи:

... Ты народу смѣло
О всемъ и въявь и подъ рукой
И знать и мыслить позволяешь.

Люди бываютъ особенно довольны и счастливы, когда ихъ признаютъ умными и способными разсуждать о самыхъ важныхъ предметахъ, и искренно признательны къ тѣмъ, кто имъ доставилъ такое счастье. А теперь власть не только позволяла, но и предписывала народу обо всемъ знать и мыслить и способность разсуждать о самыхъ важныхъ предметахъ ставила въ число общественныхъ обязанностей гражданина. Депутаты, призванные манифестомъ 14 декабря 1766 года, должны были и привезти съ собой наказы отъ своихъ избирателей съ изложеніемъ мѣстныхъ „общественныхъ нуждъ и отягощеній“ и потомъ принять участіе въ трудахъ комиссіи по составленію проекта новаго Уложенія. Такимъ образомъ на мѣстныя общества возлагалась тяжелая задача не только обсудить свое положеніе, свои интересы и потребности, но и согласить ихъ съ положеніемъ и интересами всего государства, подняться на точку зрѣнія высшей политики и даже „пройти со вниманіемъ теченіе минувшихъ

временъ и рачительно разыскать всѣ причины, вредившія общему благоденствію и силѣ законовъ", какъ писалъ въ своемъ циркулярѣ по поводу манифеста 14 декабря правитель Малороссіи Румянцевъ. Словомъ, представители народа призывались къ участію не въ управленіи, а въ самомъ устроеніи государственнаго порядка на новыхъ началахъ. Никогда еще въ нашей исторіи на народное представительство не возлагалось столь важное дѣло. Правда, вызывали въ коммиссію Уложенія выборныхъ отъ дворянства при Петрѣ II, выборныхъ отъ дворянства и купечества при Елисаветѣ; но въ первомъ случаѣ работа коммиссіи состояла только въ пополненіи стараго Уложенія 1649 года, а во второмъ выборные призывались, какъ и въ 1648 году, для слушанія уже готоваго проекта Уложенія, составленнаго правительственной комиссіей, а не для прямого участія въ его составленіи.

Извѣстно, почему коммиссія 1767 г. не составила проекта новаго Уложенія и что въ ней вскрылось. Депутатскіе наказы жаловались на отсутствіе или непрочность первичныхъ основъ общежитія и требовали, напримѣръ, чтобы военные не били купечества и платили за забранные у него товары. Потомъ вскрылась непримиримая рознь сословныхъ интересовъ: требовали исключительныхъ привилегій, сословныхъ монополій и только въ одномъ печальномъ желаніи разные классы общества дружно сошлись съ дворянствомъ—въ желаніи имѣть крѣпостныхъ. Однако, поверхъ всей этой неурядицы противорѣчивыхъ понятій, взаимныхъ сословныхъ недоразумѣній, неслаженныхъ или враждебныхъ интересовъ, дѣлавшихъ невозможнымъ составленіе стройнаго, справедливаго и для всѣхъ безобиднаго уложенія, откуда-то шло теченіе, которое несло сѣмена будущаго лучшаго порядка: оно проявлялось въ требованіяхъ изданія закона „къ приведенію разнаго званія народа въ содружество", всесословнаго участія въ мѣстномъ управленіи, учрежденія „краткихъ словесныхъ судовъ", вѣротерпимости, учрежденія академій, универ-

ситетовъ, гимназій, городскихъ и сельскихъ школъ и т. п. Это теченіе шло изъ общаго возбужденія умовъ, начавшагося вмѣстѣ съ царствованіемъ. Коммиссія усилила его. Не всѣ депутаты были люди „способнѣйшіе и чистыя совѣсти“, какъ требовалъ законъ. Но они встрѣтились въ коммиссіи съ представителями высшихъ правительственныхъ учрежденій и полтора года сидѣли плечо съ плечомъ, присмотрѣлись другъ къ другу и сблизились, обмѣнялись мыслями, напряженно обсуждая важнѣйшіе вопросы общенароднаго блага и государственнаго благоустройства, памятуя призывъ со стороны власти при открытіи коммиссіи: „слава ваша въ вашихъ рукахъ“. Вмѣстѣ съ этимъ призывомъ депутаты разнесли по всей Россіи аксіомы, усвоенныя изъ Наказа, и впечатлѣнія, вынесенныя изъ этой совмѣстной работы. Оставалось дать подходящее дѣло гражданскому чувству, столь живо возбужденному, и политическому сознанію, столь заботливо подготовленному. Но когда черезъ нѣсколько бурныхъ лѣтъ, исполненныхъ внѣшними и внутренними тревогами, въ 1775 г. издано было Учрежденіе для управленія губерній, призывавшее именно къ такому дѣлу, послѣдовалъ откликъ, не соотвѣтствовавшій ни пробужденной энергіи, ни возбужденнымъ ожиданіямъ.

Тогда и послѣ винили въ этомъ извѣстные недостатки губернскихъ учрежденій, „изящныхъ на бумагѣ, но худо примѣненныхъ къ обстоятельствамъ Россіи“, по выраженію Карамзина. Но въ этихъ учрежденіяхъ блеснули двѣ идеи, которыя должны были привлечь къ себѣ самое сочувственное отношеніе общества: это—участіе выборныхъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ, а въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, напримѣръ, въ Приказѣ общественнаго призрѣнія, совмѣстное участіе выборныхъ отъ трехъ сословій, дворянства, городского и свободнаго сельскаго населенія. Это послѣднее учрежденіе обѣщало быть особенно благотворнымъ. Уже давно, приблизительно съ половины XVII в., свободные классы русскаго общества, встрѣчавшіеся для совмѣстной дѣятельности на

земскихъ соборахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, начали расходиться, раздѣленные сословными правами и обязанностями, сословными интересами и предразсудками, и дѣйствовать одиноко, замыкаясь каждый въ своемъ сословномъ кругу. Теперь власть призывала общество возобновить эту прерванную совмѣстную дѣятельность на благодарномъ поприщѣ народнаго образованія и общественнаго призрѣнія, въ особомъ всесословномъ учрежденіи, которое вмѣстѣ съ Совѣстнымъ судомъ, подобно ему составленнымъ, Учрежденіе называетъ „двумя источниками, на вѣки льющими благодѣянія несчастнымъ и бѣдствующимъ въ родѣ человѣческомъ и сопрягающими милость и судъ воедино“, и вслѣдъ затѣмъ взываетъ: „какъ можно, чтобъ сердца подданныхъ, въ коихъ не угасли сродная жалость и любовь къ ближнему, чувствами своими не были тутъ сподобны величайшему монаршему человѣколюбію!“ Однако, сердца подданныхъ, отвѣчая чувствами своими человѣколюбію законодательницы, отнеслись къ ея призыву небрежно, а по мѣстамъ и неопрятно: уѣздные дворяне иногда совсѣмъ не являлись на съѣзды для выборовъ, такъ что предводитель оставался одинъ, напрасно посылая нарочныхъ за подгородными помѣщиками, и долженъ былъ прибѣгать къ заочнымъ назначеніямъ; выборы производились нерѣдко съ явнымъ пристрастіемъ и наглой несправедливостью, по выраженію современника Болотова; люди благонамѣренные и образованные или устранялись отъ собраній, или были заглушаемы „благородной чернью“ грубаго и малограмотнаго деревенскаго дворянства, наполнявшаго собранія, и эти собранія оставили въ наблюдателяхъ то общее впечатлѣніе, что тамъ „кромѣ нелѣпостей, ссоръ и споровъ о пустякахъ никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо“.

Новыя учрежденія, давъ дворянству господствующее положеніе въ мѣстномъ обществѣ и управленіи, чрезвычайно подняли духъ дворянства, но мало улучшили самое управленіе. Это похоже на какую-то загадку; но она разрѣшается

нѣкоторыми особенностями екатерининскаго дворянскаго общества, представляющими немалый народно-психологическій интересъ.

Въ ростѣ общественнаго настроенія, какое складывалось въ царствованіе Екатерины II, преимущественно въ дворянской средѣ, былъ тревожный моментъ, о которомъ потомъ не любили вспоминать люди екатерининскаго вѣка и который потому сгладился въ воспоминаніяхъ ихъ ближайшихъ потомковъ. Этотъ моментъ падаетъ на время между изданіемъ манифеста 1762 года о вольности дворянской и прекращеніемъ пугачевскаго мятежа въ 1774 г. Съ отмѣной обязательной службы, привязывавшей дворянство къ столицамъ, начался или усилился отливъ дворянъ въ деревню, но этотъ отливъ задерживался крестьянскими волненіями, побѣгами и связанными съ ними разбоями, дѣлавшими жизнь дворянина въ деревнѣ очень небезопасной. Между тѣмъ отмѣна обязательной службы сословія отнимала основное политическое оправданіе у крѣпостного права, и обѣ стороны скоро почувствовали это, каждая по-своему: среди дворянъ это чувство выразилось въ опасеніи, какъ бы вмѣстѣ со службой не сняли съ нихъ и власти надъ крѣпостными, а среди крѣпостныхъ — въ ожиданіи, что справедливость требуетъ и съ нихъ снять крѣпостную неволю, какъ сняли съ дворянъ неволю служебную. Коммиссія объ Уложеніи усилила опасеніе однихъ и ожиданіе другихъ. Въ народъ проникали смутные слухи, что въ Наказѣ императрицы сказано нѣчто и въ пользу „рабовъ“. Пошли толки о перемѣнѣ законовъ, о возможности крестьянамъ выхлопотать кой-какія выгоды; появился фальшивый манифестъ за подписью Екатерины, въ которомъ читали, что „весьма наше дворянство пренебрегаетъ Божій законъ и государственныя правы, правду всю изринули и изъ Россіи вонъ выгнали, что россійскій народъ осиротѣлъ“. Эти толки и заставили сенатъ запретить распространеніе Наказа въ обществѣ. По распущеніи коммиссіи среди гвардейскихъ офицеровъ шли недо-

вольные толки объ униженіи дворянства, о вольности крестьянъ и холопей, объ ихъ непослушаніи господамъ: „какъ дадутъ крестьянамъ вольность, кто станетъ жить въ деревняхъ? Мужики всѣхъ перебьютъ: и такъ нынѣ бьютъ до смерти и рѣжутъ“. И само правительство задавало себѣ вопросъ: что дѣлать съ этимъ освобожденнымъ отъ службы служилымъ сословіемъ, чѣмъ занять его съ пользой для государства? Гр. Бестужевъ-Рюминъ еще въ 1763 г. въ коммиссіи о дворянствѣ предлагалъ занять сословіе дѣятельнымъ участіемъ въ мѣстномъ управленіи, образовавъ изъ него мѣстныя сословныя корпораціи, чтобы дворяне не пришли въ „древнюю лѣность“. Того же участія и корпоративнаго устройства потребовало и само дворянство въ коммиссіи 1767 года. Ему было дано то и другое. Но какъ оно поняло предоставленное ему право? Оно увидѣло въ немъ не новый видъ государственнаго служенія в с е г о дворянства взамѣнъ прежней обязательной службы, а недостававшее ему хозяйственное удобство каждаго отдѣльнаго дворянина. На выборныхъ капитановъ - исправниковъ, уѣздныхъ судей и засѣдателей нижнихъ земскихъ и верхнихъ земскихъ судовъ оно посмотрѣло какъ на своихъ отвѣтственныхъ уполномоченныхъ, обязанныхъ охранять интересы каждаго дворянина въ присутственныхъ мѣстахъ и спокойствіе въ деревняхъ, т.-е. перенесло на нихъ привычное понятіе о своихъ приказчикахъ и управляющихъ, которые должны отвѣчать предъ ними, господами, но за которыхъ они не отвѣчаютъ передъ государствомъ. Такой взглядъ проглядываетъ въ дворянскихъ наказахъ депутатамъ коммиссіи, такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ сенаторъ и бывшій канцлеръ гр. Бестужевъ-Рюминъ: по его проекту выборные дворянскіе ландраты должны были стать для избравшаго ихъ общества „во всемъ опекунами и ходатаями по судебнымъ земскимъ мѣстамъ въ причиняемыхъ дворянамъ утѣсненіяхъ и обидахъ“.

Введеніе губернскихъ учрежденій только укрѣпляло такой взглядъ дворянства на свое новое положеніе. Уже цѣлыхъ

10 лѣтъ до манифеста объ этихъ учрежденіяхъ сословіе находилось въ возбужденномъ состояніи: современники говорятъ, что манифестъ 19 сентября 1765 года о государственномъ межеваніи произвелъ во всемъ государствѣ великое потрясеніе умовъ и всѣхъ деревенскихъ владѣльцевъ заставилъ непривычно много мыслить и хлопотать о своихъ земельныхъ имуществахъ; всѣ сельскіе умы были поглощены этимъ дѣломъ и не было конца разговорамъ о немъ. Владѣльцамъ вѣковыхъ дѣдовскихъ гнѣздъ впервые пришлось подумать и привести себѣ на память, какъ, на какомъ основаніи и въ какихъ предѣлахъ они владѣютъ ими. Скачка безъ памяти по сосѣдямъ, переговоры и споры, растерянные поиски забытыхъ или затерявшихся документовъ, справки въ межевыхъ канцеляріяхъ и конторахъ, хлопоты, какъ бы урвать казенной землицы при общемъ ея расхищеніи, взятки землемѣрамъ, плутни и захваты, ссоры и драки на межѣ, распросы про невиданные и диковинные астролябію и румбы, смѣхъ и горе,—надобно читать разсказы Болотова про всю эту межевую суету и землевладѣльческую горячку, чтобы живо представить себѣ и юридическую безпомощность сословія, и весь хаосъ дворянскаго землевладѣнія, и скромный уровень общественнаго порядка. Эти люди, еще недавно встряхнутые ужасами чумы и пугачевщины, теперь призывались къ участію въ мѣстномъ управленіи. Новыя намѣстничества открывались одно за другимъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, поддерживая возбужденіе умовъ, такъ что большую часть царствованія дворянство жило ускореннымъ темпомъ. Къ торжественному открытію изъ усадебныхъ угловъ съѣзжались въ губернскій или намѣстническій городъ всѣ дворяне губерніи съ семействами, только что приходившіе въ себя отъ пережитыхъ встрясокъ. Эти люди, среди праздной и малополезной для государства жизни представлявшіе изъ себя „картину феодальныхъ вѣковъ Европы“, по выраженію Карамзина, едва не забывшіе отношеній гражданина къ государству, въ торжественномъ собраніи сословія слушали рѣчь, въ которой намѣстникъ со

ступеней трона подъ портретомъ императрицы обращался къ собравшимся, какъ къ правящей корпораціи, читали и толковали новое Учрежденіе, въ которомъ видѣли исполненіе обѣщаній первыхъ манифестовъ и желаній, заявленныхъ въ ихъ собственныхъ наказахъ 1767 г., баллотировали своихъ предводителей, судей и засѣдателей, обѣдали у намѣстника, знакомились другъ съ другомъ, присутствовали на балахъ, маскарадахъ и спектакляхъ, нарочно для нихъ устроенныхъ, и съ наставительнымъ шепотомъ указывали своимъ семьямъ на изящныхъ чиновныхъ кавалеровъ, привезенныхъ намѣстникомъ изъ столицы, съ французскимъ языкомъ, модными словами и манерами. Утомленные баллотировками, празднествами и новыми знакомствами, они возвращались въ свои крѣпостныя усадьбы съ убѣжденіемъ, что присутствовали при водвореніи крѣпкаго порядка, котораго не поколеблетъ уже никакая пугачевщина и въ которомъ, что всего важнѣе, не осталось мѣста для пугавшихъ ихъ воображеніе помысловъ объ осуществленіи крестьянской „вольности мечты“ и что теперь ихъ усадебный сонъ вполнѣ огражденъ отъ тревогъ выборными предводителями и исправниками. Любопытно, что эта увѣренность сообщилась отчасти и крѣпостному населенію. Впечатлѣнія, привезенныя съ открытія, обновлялись чрезъ каждое трехлѣтіе на періодическихъ дворянскихъ собраніяхъ, которыя, укрѣпляя въ дворянствѣ сознаніе своихъ великихъ государственныхъ правъ, особенно съ изданія жалованной грамоты 1785 г., вмѣстѣ съ тѣмъ пріучали его къ людскости и „благочинному обхожденію“. Люди, привыкшіе въ своихъ крѣпостныхъ деревняхъ чувствовать себя единственными единицами, на дворянскихъ собраніяхъ, среди горячки бѣлыхъ шаровъ и выборныхъ должностей, смѣнившей горячку межевыхъ обходовъ и дешевыхъ земельныхъ покупокъ, учились впервые думать о предѣлахъ своей личности и понимать себѣ равныхъ, цѣнить общественное мнѣніе и сторониться передъ встрѣчнымъ со своими деревенскими замашками. Всѣ эти впечатлѣнія, раз-

ростаясь и сливаясь, образовали среди дворянъ настроеніе, покоившееся на мысли, что они, благочинные граждане благоустроеннаго общества, преимущественно передъ прочими сословіями призваны проводить на своихъ собраніяхъ благія намѣренія власти, внушенныя высокими идеями вѣка. Что же касается до ежедневныхъ подробностей мѣстнаго управленія, то это—дѣло дворянскихъ уполномоченныхъ, которыхъ въ томъ и не стѣсняли, пока тѣ не касались личныхъ дѣлъ каждаго избирателя. Если дѣла шли несогласно съ требованіями „правды, человѣколюбія и общаго блаженства“, на которыхъ строился законъ, это считалось въ порядкѣ вещей, потому что этимъ требованіямъ придавалось не столько практическое, сколько народно-воспитательное значеніе согласно съ Наказомъ, который гласилъ, что для успѣха лучшихъ законовъ необходимо „умы людскіе къ тому пріуготовить“. Разсуждали, что прежде надобно облагородить умъ и сердце людей, а потомъ улучшить ихъ жизнь, сперва выучить человѣка плавать, а потомъ пускать его въ воду. Въ умоначертаніи людей екатерининскаго времени произошелъ тотъ оборотъ мысли, какой наблюдаемъ въ человѣкѣ съ возбужденнымъ воображеніемъ и съ незанятымъ умомъ: дѣловыя идеи незамѣтно перерождаются въ досужія грезы, а когда люди грезятъ о счастьѣ съ мыслью о его невозможности, они мирятся съ его отсутствіемъ. Только такимъ оборотомъ мысли и можно объяснить психологію екатерининскаго вольтерьянца, у котораго свободолюбивыя мечты такъ мирно уживались съ крѣпостною дѣйствительностью. Такъ и случилось, что возбужденіе умовъ, подъемъ общественнаго духа не подняли замѣтно уровня общественнаго порядка.

Это раздвоенное настроеніе прошло самою рѣзкою чертой, сказать прямѣе—самымъ глубокимъ рубцомъ по нравственной физіономіи екатерининскаго общества и было послѣднимъ моментомъ въ образованіи впечатлѣнія, вынесеннаго имъ изъ царствованія Екатерины II. Начавшись восторженной политическою чувствительностью, оно въ своемъ послѣдователь-

номъ ростѣ поднялось до патріотическаго чувства національнаго достоинства, перешло потомъ въ умственное возбужденіе, выразившееся въ наклонности къ политическому размышленію, и завершилось пробужденіемъ гражданскаго чувства, которое, проснувшись, такъ и осталось нервнымъ движеніемъ, не успѣвъ переработаться въ житейское дѣло. Однако и нравственныя пріобрѣтенія были очень важны: современники Екатерины и ихъ ближайшіе потомки были увѣрены, что при Екатеринѣ показались первыя искры національнаго самолюбія, просвѣщеннаго патріотизма, что при ней родились вкусъ, общественное мнѣніе, первыя понятія о чести, о личной свободѣ, о власти законовъ, что русскіе при ней, какъ бы по собственному внушенію, стремились сравняться съ народами, опередившими ихъ на много вѣковъ (Вигель).

V.

„Да посрамитъ небо всѣхъ тѣхъ, кто берется управлять народами, не имѣя въ виду истиннаго блага государства“, писала Екатерина. Ея совсѣмъ не мечтательный умъ ласкала мечта стать преобразовательницей своего государства и воспитательницей своего народа, сѣять добро на землѣ, которое переживало бы сѣятеля, и неделикатно было бы не вѣрить искренности ея признанія, что ей нравится „та слава, которая не только въ настоящемъ производитъ добро, но и въ будущемъ создаетъ безчисленныя поколѣнія добрыхъ“. Она принесла на русскій престолъ два средства дѣйствія: умъ, исполненный философско-политическихъ идей вѣка, располагавшихъ ее къ тому, что она называла своею *легисломаніей*, и характеръ, способный сдерживать философскія увлеченія, выработанный среди житейской толкотни, болѣе общеніемъ съ живыми людьми, чѣмъ уединенною работой надъ самой собой. Она начинала свою дѣятельность съ убѣжденіемъ въ силѣ разума, долженствующаго управлять народами, и съ вѣрой въ разумъ народа, которымъ ей пришлось упра-

влять. Она нашла подъ своею державною рукой страну съ вліятельнымъ внѣшнимъ положеніемъ и неблагоустроеннымъ внутреннимъ порядкомъ, государство съ обильными матеріальными средствами и съ разстроенными нравственными силами, не соглашенными и враждебными интересами. Читая, наблюдая и размышляя, она рѣшила, что дѣйствующіе въ Россіи законы мало соотвѣтствуютъ положенію государства, не поднимали, а понижали его благосостояніе и извели множество народа, что самъ Петръ I не зналъ, какіе законы надобны его государству, и что такая своеобразная страна, какъ Россія, не воздѣланная и не искаженная исторіей, нуждается не въ пересмотрѣ, а въ коренной перестройкѣ законодательства на новыхъ началахъ, что здѣсь все надобно передѣлывать заново. Это была мысль скорѣе академическаго, чѣмъ политическаго ума. Не одна Екатерина смотрѣла на Россію какъ на бѣлый листъ бумаги, еще не исчерченный исторіей, и она была не послѣдняя, кто такъ смотрѣлъ на эту страну. Но такой взглядъ значительно исправлялся другимъ соображеніемъ Екатерины, что надежнѣе самихъ законовъ образъ дѣйствій власти, направляемый снисхожденіемъ и примирительнымъ духомъ государя. Опытъ и ближайшее знакомство со страной, особенно коммиссія 1767 г., показавшая Екатеринѣ, „съ кѣмъ дѣло имѣемъ“, убѣдили ее, что и у Россіи есть свое прошлое, по крайней мѣрѣ есть свои историческія привычки и предразсудки, съ которыми надобно считаться. Она увидѣла, что безъ глубокихъ потрясеній невозможно провести коренныхъ реформъ, какихъ потребовала бы система законодательства на усвоенныхъ ею началахъ, и на совѣтъ Дидро передѣлать весь государственный и общественный порядокъ въ Россіи по этимъ началамъ, посмотрѣла какъ на мечту философа, имѣющаго дѣла съ книгами, а не съ живыми людьми. Тогда она сократила свою программу, сознавая, что не можетъ взять на себя всѣхъ задачъ русской власти, что то, что можно, далеко не все, что нужно: „что̀ бы я ни дѣлала для Россіи, писала она, это будетъ

только капля въ морѣ". Но, утѣшала она себя, „послѣ меня будутъ слѣдовать моимъ началамъ" и докончатъ недодѣланное. „Когда добрый попечитель убѣждается въ несбыточности плановъ сдѣлать зависящихъ отъ него людей счастливыми, создавъ имъ лучшее положеніе, онъ старается по крайней мѣрѣ сдѣлать ихъ болѣе довольными ихъ прежнимъ положеніемъ, внушивъ имъ лучшія мысли и чувства. Видя невозможность перестроить русскую жизнь новыми законами и учрежденіями, Екатерина хотѣла лучше настроить русскую мысль новыми идеями и стремленіями, предоставивъ ей самой перестраивать жизнь. Не рѣшившись стать радикальной преобразовательницей государства, она хотѣла остаться воспитательницей народа. Потому, не трогая основъ существующаго порядка, она стала дѣйствовать на умы. Власть, оставаясь военно-полицейскимъ стражемъ внѣшней безопасности и внутренняго благочинія, въ ея рукахъ стала еще проповѣдницей свободы и просвѣщенія. Екатерина не стѣснила пространства власти, но смягчила ея дѣйствіе, принявъ въ руководство эти принципы, и тѣмъ сдѣлала менѣе ощутительной ея безпредѣльность, ибо руководящіе принципы власти казались ея предѣлами. Екатерина не дала народу свободы и просвѣщенія, потому что такія вещи не даются пожалованіемъ, а пріобрѣтаются развитіемъ и сознаніемъ, зарабатываются собственнымъ трудомъ, а не получаются даромъ, какъ милостыня. Но она дала умамъ почувствовать цѣну этихъ благъ, если не какъ основъ общественнаго порядка, то по крайней мѣрѣ какъ удобствъ частнаго, личнаго существованія. Это чувство было тѣмъ ободрительнѣе, что еще не ослаблялось тогда пониманіемъ жертвъ и усилій, какими пріобрѣтаются эти блага, а тѣснота сферы, отведенной для ихъ дѣйствія, не замѣчалась, узкость башмака не чувствовалась въ обаяніи „безсмертной славы, какую она пріобрѣла во всемъ свѣтѣ", говоря словами Болотова. Эта слава была новымъ впечатлѣніемъ для русскаго общества, и въ ней тайна популярности Екатерины. Въ ея всесвѣтной

славѣ русское общество впервые почувствовало свою международную силу, она открыла ему его самого: Екатериною восторгались, какъ мы восторгаемся артистомъ, открывающимъ и вызывающимъ въ насъ самимъ намъ дотолѣ невѣдомыя силы и ощущенія; она нравилась потому, что чрезъ нее стали нравиться самимъ себѣ. Съ Петра едва смѣя считать себя людьми и еще не считая себя настоящими европейцами, русскіе при Екатеринѣ почувствовали себя не только людьми, но и чуть не первыми людьми въ Европѣ. За это не ставили ей въ счетъ ни ошибокъ ея внѣшней политики, ни неудобствъ внутренняго положенія, ни поступковъ съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ или Новиковымъ, не достойныхъ ни ея ума, ни сана, ни пріемовъ „маленькаго хозяйства“, въ которомъ, по тогдашнимъ разсказамъ, платилось 500 руб. за пять огурцовъ для любимца и выходило угля для щипцовъ придворнаго парикмахера на 15,000 р. въ годъ. Общее настроеніе сглаживало эти неровности, вслѣдствіе которыхъ имперія послѣднихъ лѣтъ царствованія представляла по закону, по общему впечатлѣнію стройное и величественное зданіе, а вблизи, въ подробностяхъ—хаосъ, неурядицу, картину съ размашистыми и небрежными мазками, разсчитанными на дальняго зрителя.

Западное вліяніе и церковный расколъ въ Россіи XVII в.*)

(Историко-психологическій очеркъ.)

I.

Въ число задачъ русской исторіографіи и, прибавимъ, русской народной психологіи, ждущихъ разрѣшенія, можно поставить и вопросъ о впечатлѣніи, какое выносилъ русскій человѣкъ изъ перваго знакомства съ западно-европейскою культурой. Интересъ этого вопроса понятенъ самъ собою: отъ перваго впечатлѣнія въ значительной степени зависѣли и первоначальное отношеніе русскаго человѣка къ этой культурѣ, его взглядъ на ея пользу и опасности, цѣли, какія онъ ставилъ себѣ, усвояя ее, и самые пріемы ея усвоенія.

Требуется особенная осторожность въ изученіи этого впечатлѣнія, какъ и въ изученіи всѣхъ явленій народной или общественной психологіи. Здѣсь изучающему слишкомъ легко подложить подъ изучаемое явленіе свое собственное впечатлѣніе, выносимое изъ изученія, вложить въ людей давно минувшаго времени свои собственныя чувства и мысли, т.-е. самому себѣ отвести глаза отъ предмета. Чтобы избѣгнуть такого самообольщенія, чтобы точно воспроизвести и правильно понять впечатлѣніе, какое воспринималъ русскій человѣкъ при первой встрѣчѣ съ западною культурой, надобно хорошо сообразить, такъ сказать, составъ психической среды, воспринимавшей это впечатлѣніе, способъ воспріятія и степень воспріимчивости.

*) „Вопросы философіи и психологіи“ (1897). кн 36.

Вопросъ сложнѣе, чѣмъ онъ можетъ показаться, и осложнили его обстоятельства и ходъ самаго дѣла.

Приблизительно съ XVI вѣка, какъ принято думать, русское общество стало входить въ прямое соприкосновеніе съ жизнью Западной Европы. Сначала слабое по дѣйствію и ограниченное по размѣрамъ, это западное вліяніе постепенно усиливалось и расширялось, захватывая все новыя сферы русской народной жизни, проникая все глубже въ составъ русскаго общества. Такъ дѣло идетъ и до сихъ поръ. Идетъ четвертый вѣкъ этого вліянія, а мы еще не отдали себѣ полнаго отчета въ его результатахъ и едва ли въ состояніи точно опредѣлить размѣры, до которыхъ оно способно расшириться или въ которыхъ должно замкнуться.

Если бы въ лицѣ русскаго человѣка XVI или XVII в. встрѣчался съ западно-европейской цивилизаціей простой дикарь, мы имѣли бы дѣло съ явленіемъ, представляющимъ общій культурно-историческій интересъ, который можно выразить вопросомъ: какъ вообще дѣйствуетъ на дикаря соприкосновеніе съ цивилизаціей? Но русскій, поднимаясь навстрѣчу западно-европейскому вліянію, несъ въ себѣ свою довольно давнюю культуру, отличавшуюся нѣкоторыми своеобразными особенностями, можетъ-быть не имѣющими большого значенія въ общей исторіи человѣчества, но не лишенными методологическаго интереса для историка, который обязанъ не только подсчитывать успѣхи человѣческаго развитія, но и наблюдать природу и дѣйствіе историческихъ силъ, создающихъ эти успѣхи, слѣдовательно наблюдать всевозможные житейскіе склады, этими силами созидаемые. Въ составъ русской культуры XVI—XVII в. входили не одни антропологическіе инстинкты, но также и свои политическіе и общественные порядки и идеи, успѣвшіе плотно отложиться въ быту и духѣ народа и составляющіе народную психологію. Западно-европейское вліяніе, падая въ эту историческую среду, преломлялось не только общими, такъ сказать, прирожденными свойствами души человѣческой, но и мѣстными

исторически-сложившимися особенностями національнаго характера.

Итакъ, сѣмена западно-европейской культуры въ Россіи тѣхъ вѣковъ падали на почву, которую давно уже нельзя было назвать нетронутой цѣлиной. Когда русскій человѣкъ XVI в. обращался къ Западной Европѣ за ея научными знаніями и житейскими удобствами, въ немъ, въ его сознаніи и жизни, встрѣчались двѣ родственныя культуры, обѣ европейскія,—одна восточная, другая западная. Чѣмъ менѣе похожи другъ на друга или чѣмъ болѣе чужды одинъ другому два соприкасающіеся культурные склада, тѣмъ легче наблюдать перемѣны, производимыя однимъ изъ нихъ, вліяющимъ, въ другомъ, воспринимающемъ его вліяніе. Культуры русская и западно-европейская были въ ту пору очень несоизмѣримыя величины, не только неодинаковые уровни развитія, но и различныя міросозерцанія, разные способы развитія и различныя пониманія смысла и цѣлей бытія. Но вытекающее отсюда удобство для изученія слѣдствій встрѣчи обѣихъ культуръ ослабляется однимъ немаловажнымъ затрудненіемъ. Въ сравнительное измѣреніе уровня той и другой, конечно, нѣтъ нужды вносить какую-либо патріотическую мѣрку. Надобно быть большимъ патріотомъ, чтобы любить самые недостатки родной старины, но вовсе не нужно перестать быть имъ, чтобы замѣтить и понять эти недостатки. Поэтому ничто не обязываетъ утверждать, чтобы древняя Русь воспріяла и разработала, постигла и провела въ свою жизнь все лучшее, что выработалъ православный Востокъ въ области вѣрованія, мышленія и общежитія. Древняя Русь не стояла на высотѣ православія, хотя и не переставала стремиться стать на нее. Русскіе церковные историки, наименѣе расположенные къ строгой оцѣнкѣ религіозно-нравственныхъ успѣховъ древней Руси, признаютъ, что христіанскіе идеалы осуществлялись медленно и не всегда понятливо, что древнерусская мысль не только не продолжила, но и не усвоила въ достаточной мѣрѣ работы православнаго Востока даже

въ ближайшихъ къ церковной жизни областяхъ знанія, въ которыхъ онъ наиболѣе поработалъ, что приверженность русскихъ къ своей вѣрѣ соединялась съ очень слабыми о ней познаніями, что ихъ религіозное чувство получило очень одностороннее направленіе, выражавшееся въ излишней привязанности къ обрядовой сторонѣ вѣры, что крайности, до которыхъ простиралась эта привязанность, породили много вредныхъ послѣдствій какъ въ области вѣры, такъ и въ области нравственности, что, при отдѣльныхъ примѣрахъ истиннаго благочестія, въ большинствѣ господствовало благочестіе внѣшнее, фарисейское, что подъ христіанскою внѣшностью скрывались и дѣйствовали понятія, чувства и привычки совсѣмъ нехристіанскія, уцѣлѣвшія отъ языческой старины или навѣянныя вѣками половецкихъ набѣговъ и татарскаго владычества.

Но не менѣе важно то, что древняя Русь очень смутно сознавала и слабо чувствовала эти свои недостатки. Совсѣмъ напротивъ. Пять столѣтій стояла она подъ непосредственнымъ вліяніемъ православнаго Востока и такъ сроднилась съ нимъ, что все оттуда заимствованное привыкла считать своимъ доморощеннымъ, а все доморощенное—истинно-православнымъ. Со времени флорентійской уніи и паденія Византіи сталъ даже меркнуть въ ея глазахъ свѣтъ православнаго Востока, и въ ней, частью подъ обаяніемъ успѣховъ московской политики, все глубже укоренялась мысль, что она, православная Русь, уже не ученица, а преемница Византіи, не только обладательница, но и единственная въ мірѣ хранительница христіанской истины. Къ половинѣ XVII в. эта мысль выросла въ крѣпкое и широко распространенное убѣжденіе, и въ сознаніи значительнаго большинства русскаго церковнаго общества идея вселенской Церкви замкнулась въ географическіе предѣлы одной изъ церквей помѣстныхъ, и Москва стала третьимъ и послѣднимъ Римомъ. Съ другой стороны, полемика противъ латинянъ, начатая въ Греціи и потомъ перенесенная на Русь, принялась здѣсь

такъ успѣшно, поселила въ русскомъ православномъ обществѣ такую нелюбовь, чтобы не сказать болѣе, къ католицизму, что она, кажется, меньше боялась утратить что-нибудь изъ православія, чѣмъ заимствовать что-либо изъ латинства.

Всѣ эти особенности древне-русскаго общества, возвышая научный интересъ вопроса, вмѣстѣ съ тѣмъ осложняютъ его составъ и затрудняютъ его разрѣшеніе. Изучающему первые моменты западнаго вліянія въ Россіи приходится имѣть дѣло съ довольно запутаннымъ узломъ культурно-историческихъ и народно-психологическихъ условій, вѣрованій и обычаевъ, преданій и привычекъ, влеченій и опасеній, предразсудковъ и недоразумѣній. Къ половинѣ XVII в. общество московской Руси укрѣпилось въ сознаніи своей политической и церковной самостоятельности, даже своего политическаго и церковнаго одиночества. На православномъ Востокѣ оно уже не видѣло высшаго авторитета, который бы могъ наблюдать и провѣрять русскую религіозную мысль и жизнь; на европейскомъ Западѣ, который все еще представлялся русскому обществу преимущественно латинскимъ, оно не находило друзей, на которыхъ можно было бы положиться. Между тѣмъ къ померкавшему Востоку его привязывали лучшія его преданія и святыни, а къ еретическому Западу его влекла все живѣе ощущавшаяся потребность научныхъ и техническихъ знаній, политическихъ связей и житейскихъ удобствъ. Самобытный третій Римъ чувствовалъ свою матеріальную и духовную зависимость и отъ второго, и отъ перваго. Русскій человѣкъ очутился между двумя мірами, не довѣряя одному, пугаясь другого и нуждаясь въ обоихъ. Тамъ и здѣсь надобно было устанавливать новыя отношенія, разборчиво различать людей и вещи, покидать рутину и прокладывать новые пути. Возникалъ цѣлый рядъ непривычныхъ и тревожныхъ вопросовъ: отъ чего отставать и чего держаться или искать, что нужно заимствовать и чего нельзя и не нужно, какъ заимствовать, у кого и черезъ кого, и какъ заимствованное прилаживать къ доморощенному? Подъ пере-

крестнымъ дѣйствіемъ этихъ вопросовъ и вызванныхъ ими сомнѣній, колебаній, недоумѣній проникало въ русское общество западное вліяніе, и этими разносторонними влеченіями усиливается историческій и психологическій интересъ первыхъ впечатлѣній, какія производило здѣсь это вліяніе.

Въ первое время, именно московскіе люди второй половины XVI и начала XVII вѣка, отнеслись къ дѣлу спокойно и осторожно, хотѣли воспользоваться житейски-полезными знаніями Запада и нравственно-безвредными удобствами, имъ придуманными, выписывали изъ-за границы на царскую службу врачей, суконныхъ мастеровъ, рудознатцевъ, которые умѣютъ находить руду серебряную и золотую, часовщиковъ, пушкарей и другихъ мастеровыхъ людей. Въ 1617 г. московское купечество на запросъ правительства высказалось, что полезно поощрять иноземцевъ къ устройству заводовъ и всякихъ промысловъ въ Россіи, потому что оттого будетъ заработокъ русскимъ людямъ, которые, увидѣвъ у иноземцевъ мастерство или промыселъ, ему научатся и сами за него ухватятся. Находили возможнымъ посылать за границу на Западъ молодыхъ людей „для науки разныхъ языковъ и грамотамъ", только съ условіемъ—беречь накрѣпко, чтобъ они не оставили своей вѣры и своихъ обычаевъ. Но когда царь Борисъ задумалъ вызвать ученыхъ изъ за-границы и основать школы для обученія русскихъ разнымъ языкамъ, духовенство этому воспротивилось, говоря, что обширная страна ихъ едина по религіи, языку и нравамъ: будетъ много языковъ—встанетъ смута въ землѣ. Мысль руководящихъ людей тогдашняго общества, очевидно, занимали и въ сознаніи ихъ, повидимому, уже выяснялись границы, въ какихъ безопасно допустить иноземное вліяніе. Эти границы указывались потребностями, вызвавшими самое вліяніе. Тяжелымъ опытомъ эти люди извѣдали, что ухищренія западнаго знанія и искусства, всѣ эти „новомышленныя непріятельскія хитрости" легко могутъ быть направлены противъ Россіи и не только въ военное, но и въ мирное время: на боевомъ

полѣ приходилось считаться съ военною техникой Запада, на рынкахъ—съ его капиталами, мастерствами, усовершенствованными орудіями производства и отважной предпріимчивостью. Чтобы не стать жертвой этого многознающаго и дѣятельнаго міра, надобно было обороняться отъ него его же оружіемъ, техническимъ знаніемъ и предпріимчивостью. Ближайшее знакомство съ этимъ міромъ и задало дѣловымъ русскимъ людямъ XVI и XVII вв. множество непривычныхъ имъ вопросовъ: то были все вопросы практическаго свойства: вывозить ли пеньку и ленъ за границу, въ дѣлѣ или въ сыромъ видѣ, черезъ какіе порты, гдѣ и какъ строить горные заводы, какъ вести заграничную торговлю,—разрозненными ли капиталами или компаніями, можно ли допустить иноземцевъ до разработки рудниковъ въ Россіи и на какихъ условіяхъ можно открыть иноземнымъ купцамъ дорогу въ Персію по Волгѣ, какъ обучить русскихъ людей ратному иноземному строю и т. п. Какую связь имѣли такіе вопросы съ вѣрованіями и нравственными понятіями народа и какимъ образомъ успѣхи военной техники и народно-хозяйственнаго производства могли касаться православнаго богословія и церковнаго устава? Потому въ первое время у насъ принимали западныя новости, военныя и промышленныя, можетъ быть, морщась, какъ морщится больной, принимая горькое лѣкарство, безъ удовольствія, но и безъ особенной тревоги, признавая ихъ полезными или даже необходимыми. Тогда думали, что дальше этихъ техническихъ новостей дѣло не пойдетъ и не должно идти, и были еще далеки отъ опасенія, что эти заимствованія могутъ повредить чистотѣ и цѣльности родного міросозерцанія и быта. Русь давно имѣла кое-какія сношенія съ Западной Европой и кое-что знала про нее, преимущественно дурное. Со словъ нашихъ учителей-грековъ и частію по собственнымъ наблюденіямъ у насъ знали, что тамъ молятся, думаютъ и живутъ не такъ, какъ на Руси, усердно порицали папу, а потомъ и Лютера съ Кальвиномъ за самочиненіе и ереси, но не присматривались особенно

внимательно къ людямъ Западной Европы и мало занимались ихъ бытомъ, понятіями и нравами, думая, что это—ихъ домашнее дѣло, насъ не касается и намъ никогда не понадобится. На западнаго техника смотрѣли просто какъ на поставщика надобнаго знанія, мастерства, продукта, а разсматривая товаръ на прилавкѣ, кто станетъ спрашивать, какъ вѣруетъ и живетъ дома его продавецъ или производитель, лишь бы товаръ былъ добротенъ? Любопытствовали узнать иноземныя хитрости, а не самихъ хитрецовъ, и это любопытство увлекало умы даже въ область таинственныхъ знаній сомнительнаго качества, если они обѣщали матеріальныя выгоды: въ Москву, вѣроятно, доходили слухи о соблазнительной наукѣ дѣлать золото, и въ 1623 и 1626 гг. въ министерство иностранныхъ дѣлъ (Посольскій приказъ), вѣроятно, по его запросу служилый голландецъ Фандергинъ подалъ какой-то переводъ „о архимиской мудрости и о золотомъ дѣлѣ и о иныхъ дѣлахъ“, а потомъ письмо или записку „о высшей философской алхимѣи“, какъ записано въ старой описи дѣлъ приказа. Зато и неправославнымъ иноземцамъ, особенно католикамъ, не позволяли близко заглядывать въ туземный религіозный и нравственный бытъ и ревниво охраняли его отъ всякаго сторонняго прикосновенія, позволяли пріѣзжимъ нѣмецкимъ людямъ учиться русской грамотѣ у церковныхъ дьячковъ, но накрѣпко приказывали въ православныя церкви „некрещенныхъ нѣмцевъ“ не пускать, а нечаянно зашедшихъ немедленно выводили вонъ и подметали полъ за ними.

II.

Такъ первый вопросъ, возбужденный западнымъ вліяніемъ, былъ рѣшенъ, повидимому, обдуманно и основательно. Вопросъ былъ таковъ: въ какое отношеніе поставить практически-полезные и душевно-безвредные плоды чужой культуры къ корнямъ своей собственной, къ основамъ и устоямъ роднаго, вѣками выношеннаго міросозерцанія и быта? Было

рѣшено, что можно и должно строго обособить одно отъ другого, какъ предметы совершенно различныхъ порядковъ, не имѣющіе ничего между собою общаго и не мѣшающіе другъ другу. Это было соображеніе политики или народной педагогіи, привыкшихъ разсматривать людей и вещи съ точки зрѣнія общаго блага и общественнаго порядка, во имя которыхъ онѣ оберегаютъ цѣльность и самобытность основъ народной жизни, чтобы не встала смута въ странѣ, на что указывало духовенство, возражая царю Борису. Но общественная психологія не столь разборчива, чтобы строго различать, что можно заимствовать и что должно развиваться самобытно, изъ основъ и средствами народной жизни. Большинство поступаетъ по непосредственнымъ влеченіямъ и соображеніямъ личнаго усмотрѣнія, не задумываясь надъ дѣйствіемъ тѣхъ и другихъ на общее благо и общественный порядокъ. Допустимъ, что техническіе плоды чужой культуры могутъ не касаться и не должны касаться духовныхъ основъ, корней культуры туземной; но можно ли удержать людей отъ желанія познакомиться съ корнями чужой культуры, заимствуя ея плоды?

Техническія знанія и изобрѣтенія, житейскія удобства и приспособленія, которыя находили возможнымъ и нужнымъ перенимать у иноземцевъ, тамъ, на Западѣ, росли вмѣстѣ съ другими успѣхами мысли и вкуса, вырабатывались продолжительными духовными усиліями отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ и такъ тѣсно связались съ понятіями, нравами, отношеніями, со всѣмъ складомъ западно-европейской жизни, что ихъ трудно было выдѣлить и оторвать отъ того культурнаго состава, съ которымъ они срослись такъ органически. Отъ русскихъ людей того времени, еще не привыкшихъ размышлять своей незрѣлою мыслью объ основахъ и элементахъ людскихъ обществъ, нельзя требовать того, что много позднѣе не всегда удавалось и болѣе привычнымъ къ такому размышленію ихъ потомкамъ,—требовать, чтобы они, признавъ превосходство иностранцевъ и

необходимость у нихъ учиться, заимствовать, умѣли отличить въ заимствованіи нужное отъ излишняго и точно разграничивать національное и общечеловѣческое. Поэтому нѣтъ ничего неожиданнаго въ извѣстіяхъ, идущихъ отъ царствованія Бориса, что уже тогда стало замѣтно пристрастіе русскихъ къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ. Дѣло доходило даже до брадобритія, и Авраамій Палицынъ, говоря о „нововводимыхъ дѣлахъ“ того времени, съ негодованіемъ прибавляетъ: „старіи мужи брады своя постризаху, во юноши примѣняхуся“. Тревожно звучитъ разсказъ современника о томъ, какъ ревнители родной старины обращались къ патріарху Іову съ упрекомъ, зачѣмъ онъ молчитъ, видя такіе соблазны. Совѣсть Іова уязвлялась этими рѣчами, точно стрѣлами, но онъ не рѣшался говорить противъ новшествъ царю, который „ереси арменствѣй и латинствѣй послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть“, и „видя сѣмена лукавствія, сѣемыя въ винограде Христовомъ, дѣлатель изнемогъ и только къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую обливалъ слезами“. Мысль о возможности отдѣлить плоды отъ корней не удавалась. Немного послѣ кн. И. Хворостининъ углубился еще далѣе все по тому же направленію къ корнямъ. Служа въ молодости при дворѣ перваго самозванца, онъ сблизился съ поляками, выучился по-латыни, началъ читать латинскія книги, заразился католицизмомъ и даже вольнодумствомъ, „въ вѣрѣ пошатался и православную вѣру хулилъ и постовъ и христіанскаго обычая не хранилъ“. Иноземное вліяніе поставило его во враждебное отношеніе къ отечеству, и онъ хотѣлъ отъѣхать въ Римъ или въ Литву, въ „книжкахъ“ своихъ, какъ и въ разговорахъ съ друзьями, выражалъ тоску по чужбинѣ и презрѣніе къ московскимъ людямъ и порядкамъ, говорилъ, что „на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жити не съ кѣмъ“.

Возбужденное состояніе русскаго общества не прекращалось и послѣ смуты: противоположныя теченія, встрѣчаясь, поддерживали въ немъ броженіе. Съ одной стороны, росли средства иноземнаго вліянія и сфера его расширялась. При-

ливъ иноземцевъ, ратныхъ, мастеровыхъ и промышленныхъ людей усилился. На Яузѣ возникла Новая Нѣмецкая слобода, подмосковный форпостъ Западной Европы. Англичане до 1649 г. свободно и безпошлинно торговали и имѣли складочные дворы по всѣмъ русскимъ городамъ, гдѣ хотѣли, держа въ своихъ рукахъ внѣшнюю и отчасти внутреннюю торговлю страны. Иностранные капиталисты получали выгодныя многолѣтнія концессіи на устройство желѣзныхъ и другихъ заводовъ, отдававшія въ распоряженіе иноземцевъ тысячи рабочаго народа. Нанимали на царскую службу цѣлые полки „вольныхъ нѣмцевъ“ и свои полки отдавали иноземнымъ офицерамъ для обученія иноземному строю и „огненному бою“. Сдѣлали еще шагъ впередъ: вмѣстѣ съ военной и промышленной техникой Западной Европы начали заимствовать и западно-европейскій комфортъ, житейскія удобства и увеселенія, обстановку западно-европейской жизни, а вслѣдъ за тѣмъ—новый шагъ — стали думать объ усвоеніи и тѣхъ вкусовъ и понятій, которыми она была создана и безъ которыхъ она сама, эта обстановка, безвкусна и непонятна. Въ одно время съ заимствованіемъ иноземныхъ военныхъ хитростей и увеселительныхъ вымысловъ въ высшихъ московскихъ кругахъ пробуждается умственная любознательность, интересъ къ научному образованію, наклонность къ размышленію о такихъ предметахъ, которые не входили въ обычный кругозоръ древне-русскаго человѣка, въ кругъ его ежедневныхъ насущныхъ потребностей. Бояре и богатые купцы въ Москвѣ начали строить каменныя палаты на мѣсто плохихъ деревянныхъ хоромъ, стѣны обивать „золотыми кожами“, золочеными росписными обоями бельгійской работы, въ болѣзняхъ обращаться къ нѣмецкимъ врачамъ. При московскомъ дворѣ составляется кружокъ вліятельныхъ любителей западно-европейскаго комфорта и даже образованія. Одинъ изъ нихъ, ласковый и веселый бояринъ Никита Ив. Романовъ, дядя царя Алексѣя Михайловича, другъ и любимецъ иноземцевъ, былъ большой любитель нѣмецкой музыки, держалъ у себя

всякаго рода музыкальные инструменты, одѣлъ своихъ людей въ ливрею по иностранному образцу, а по другому извѣстію себѣ самому сшилъ платье иноземнаго покроя для охотничьихъ поѣздокъ, несмотря на упреки патріарха, который, наконецъ, радѣя о душевномъ спасеніи добраго боярина, выпросилъ себѣ на время подъ благовиднымъ предлогомъ опасные костюмы и изрѣзалъ ихъ въ куски. Это—тотъ самый Романовъ, англійскій ботикъ котораго, найденный Петромъ Великимъ въ измайловскомъ амбарѣ дѣдушки, сталъ родоначальникомъ русскаго флота. Другой бояринъ, Б. И. Морозовъ, воспитатель Алексѣя Михайловича, ввелъ ту же новизну во дворецъ государевъ, одѣлъ своего питомца и состоявшихъ при немъ сверстниковъ его въ нѣмецкое платье, ввелъ даже въ учебную программу царевича пріемъ наглядnаго обученія, знакомя его съ нѣкоторыми предметами посредствомъ нѣмецкихъ гравированныхъ картинокъ. Третій придворный, Ѳ. М. Ртищевъ, среди поднявшихся толковъ о необходимости школьнаго образованія, вызвалъ въ основанный имъ подъ Москвой монастырь нѣсколько десятковъ ученыхъ малорусскихъ монаховъ „ради россійскаго рода просвѣщенія, свободныхъ мудростей ученія“ и посылалъ къ нимъ московскую приказную молодежь учиться языкамъ, грамматикѣ славянской, греческой и латинской, „даже до риторики и философіи“. Возникъ спросъ на книги, по которымъ можно было бы безъ усиленной подготовки познакомиться съ западно-европейскою политикой и наукой, — и кіевскіе ученые съ переводчиками Посольскаго приказа составляли, переводили и издавали космографіи, лексиконы, грамматики, разнаго рода энциклопедическіе сборники.

Такъ съ каждымъ шагомъ все смѣлѣе ступали по пути, на который такъ робко вступили. Повторилось или продолжалось то, что было при царѣ Борисѣ, только въ большихъ размѣрахъ и съ меньшимъ раздумьемъ. Простое любопытство смѣнилось научною любознательностью; что сперва считалось увлеченіемъ нетерпѣливыхъ и легкомысленныхъ головъ, было

потомъ признано уступкою необходимости или даже требованіемъ времени. Первоначально заимствуя западно-европейскую военную и промышленную технику и даже домашнюю обстановку, комфортъ, въ ихъ готовыхъ произведеніяхъ, сдѣланныхъ чужими руками, наши предки думали, что имъ не понадобится усвоять чужія понятія и чувства, не придется отказываться отъ своихъ. Въ этомъ состояла ихъ простодушная ошибка, въ которую впадаютъ всѣ мнительные и запоздалые подражатели. Обращаясь за содѣйствіемъ къ иноземцамъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ матеріальныхъ потребностей, нанимая ихъ мастеровъ и покупая у нихъ военныя и промышленныя усовершенствованія, они не допытывались, какими средствами западно-европейскій умъ добился такихъ техническихъ успѣховъ и какой взглядъ на мірозданіе, на человѣка и на задачи его бытія направлялъ эти усилія. Пушки, ружья, корабли, машины, мастерства, даже обученіе этимъ хитростямъ — все это было признано безразличнымъ и безвреднымъ въ нравственно-религіозномъ отношеніи. Потомъ и часы, обои, картины, кареты, немного позднѣе и театральныя зрѣлища, музыкальные „страменты, органы и фіоли“, даже нѣмецкіе кафтаны отнесены были къ разряду если не вполнѣ безразличныхъ, то дозволительныхъ и—при осторожномъ обращеніи съ ними—безопасныхъ предметовъ: вѣдь и церковный уставъ въ извѣстныхъ случаяхъ допускаетъ нѣкоторыя отступленія отъ каноническихъ требованій въ подробностяхъ ежедневнаго обихода. Зато въ завѣтной области вѣрованій, понятій и чувствъ, гдѣ господствуютъ высшіе руководящіе интересы жизни, рѣшено было не уступать иноземному вліянію ни одной пяди. И однако въ Москвѣ XVII вѣка, бросаясь на заморскія новинки, житейскія удобства и изящныя развлеченія, стали понемногу и смутно чувствовать тѣ духовные интересы и усилія, которыми они были созданы, и полюбили эти интересы и усилія, прежде чѣмъ уяснили ихъ отношеніе къ доморощеннымъ понятіямъ и правиламъ жизни — полюбили ихъ сперва тоже какъ жи-

тейское развлеченіе, какъ пріятный и еще неиспытанный моціонъ засидѣвшейся мысли. Такъ нечувствительно измѣнялось отношеніе русскаго общества, по крайней мѣрѣ, лучшихъ его руководителей, къ Западной Европѣ. Прежде на нее смотрѣли, какъ на мастерскую военныхъ и другихъ издѣлій, которыя можно купить, не спрашивая, какъ они дѣлаются. Теперь сталъ устанавливаться взглядъ на нее, какъ на школу, въ которой можно научиться не только мастерствамъ, но и наукамъ, даже до риторики и философіи, можно поучиться, какъ жить и мыслить. А скоро четвертый и самый даровитый сотрудникъ царя Алексѣя въ преобразовательномъ направленіи Аѳ. Л. Ординъ-Нащокинъ сталъ настойчиво твердить, что „доброму не стыдно навыкать и со стороны“ и что необходимыя перемѣны и нововведенія надобно дѣлать „съ примѣра сторонніхъ чужихъ земель“. Такое направленіе однако не помѣшало ему кончить свою блестящую административную и дипломатическую дѣятельность иночествомъ. Были далеки отъ мысли измѣнять благочестивой родной старинѣ. Уступая западному вліянію, раздѣльную черту между дозволеннымъ чужимъ и неприкосновеннымъ своимъ отодвинули еще нѣсколько вглубь своего быта, чуть не до церковной ограды и домашняго очага, но не хотѣли отступать дальше. Царь Алексѣй и его сверстники, люди обзаводившіеся семьями около половины XVII вѣка, даже нѣкоторые изъ ихъ воспитателей, людей старшаго поколѣнія, не менѣе предковъ дорожа своею православною стариной, останавливались на той мысли, что можно щеголять въ нѣмецкой каретѣ, даже въ нѣмецкомъ кафтанѣ, учиться „свободнымъ мудростямъ“, смотрѣть на иноземную потѣху, „комедійное дѣйство“, и при этомъ сохранить въ неприкосновенной цѣлости тѣ понятія и чувства, какія необходимы, чтобы съ набожнымъ страхомъ и каноническимъ отвращеніемъ выплевывать молоко, нечаянно попавшее въ ротъ въ среду или пятницу.

Надобно впрочемъ оговориться, что такъ думали сравни-

тельно немногіе люди, лучшіе руководители русскаго общества, болѣе другихъ размышлявшіе, умѣвшіе различать вещи и ихъ отношенія, яснѣе многихъ понимавшіе задачи своего времени и нужды своего отечества. Огромное большинство общества было менѣе разборчиво и болѣе пугливо. Здѣсь по мѣрѣ успѣховъ западнаго вліянія росла тревога. Почвой для нея служило воспитанное вѣковымъ преданіемъ національное и религіозное недовѣріе къ латинскому западу. Недавнія печальныя испытанія прекрасно разработали эту почву для новаго посѣва. Смутное время самозванщины и лихолѣтья углубили и расширили это недовѣріе въ непереходимую бездну. На перваго самозванца, какъ скоро онъ былъ разоблаченъ, у насъ взглянули какъ на лукаваго латинскаго агента, приложившагося „къ вѣчнымъ врагомъ христіанскимъ, къ латинскимъ ученикомъ“ и давшаго имъ письменное обязательство всю Русь привлечь подъ благословеніе папы, „дяди антихристова“, какъ выразился Авраамій Палицынъ въ своемъ Сказаніи. Это недовѣріе закрѣплено было вскорѣ по возвращеніи патріарха Филарета изъ польскаго плѣна постановленіемъ московскаго церковнаго собора 1620 г. перекрещивать не только католиковъ, уніатовъ и протестантовъ, обращавшихся въ православіе, но и православныхъ бѣлоруссовъ, крещеныхъ не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе. Религіозную подозрительность къ инославнымъ чужеземцамъ это постановленіе превратило въ канонизованную нетерпимость; ее поддерживали не единичные примѣры увлеченій въ родѣ залатинившагося кн. Хворостинина или того русскаго купца, съ которымъ Олеарій бесѣдовалъ въ 1634 г. въ Нарвѣ и который привелъ своего протестантскаго собесѣдника въ такой восторгъ разсужденіями о постѣ и иконахъ. Много толковали про этотъ латинскій и люторскій міръ, такой умный и ученый, у котораго такъ многому надобно было учиться; для знакомства съ этимъ міромъ издавали „книги глаголемыя козмографіи, сложенныя отъ древнихъ философъ, преведенныя съ римскаго языка“, а въ этихъ

космографіяхъ читали про тотъ міръ, что въ землѣ Гишпанской „вѣры ово папежская, ина же люторская, благочестіе же изсякло, человѣцы же мудры и дохтуроваты дѣломъ и звѣздочетіемъ“, что „королевство Францужское преже сего бывало и крещено отъ св. апостолъ, нынѣ же отъ благочестія и отъ вѣры христіанскія заблудилися въ злую вѣру латинскую и люторскую“, что „земля Германія крещена была отъ св. апостола Павла, нынѣ отъ вѣры заблудилися въ нѣмецкую разную ересь, человѣцы же ласковы и смирны и слабы ко піанству и къ покою тѣлесному“ и т. п. Зато о своемъ отечествѣ тамъ читали, что „царство Россійское даже и доднесь стоитъ въ православной вѣрѣ неподвижно, вѣра же благочестивая и Божія церкви святымъ пѣніемъ изрядно цвѣтящеся, и во всей Европіи подобной той земли и чудніе нѣтъ и всякою лѣпотою пречудніе не обрѣтаются, свѣтяшеся благочестіемъ, а человѣцы подобіемъ сановиты, брадаты и платьемъ одѣны“ и проч. Такъ началось у насъ это сопоставленіе Россіи и Западной Европы, какъ двухъ міровъ, рѣзко различающихся основами своей жизни и своимъ историческимъ назначеніемъ,—то сопоставленіе, которое потомъ стало особою категоріей русскаго мышленія и, смотря по точкѣ зрѣнія и настроенію мыслителей, то усыпляло русскую мысль чувствомъ національнаго самодовольства, то угнетало ее пессимистическимъ унынiемъ. Можетъ-быть, не столько отзвукъ стараго недовѣрія къ еретическому Западу, сколько новый приступъ религіозной опасливости, навѣянной недавними впечатлѣніями, сказывается въ извѣстіяхъ западныхъ иностранцевъ XVII в. о брезгливости, съ какою относились къ нимъ русскіе, не дозволяя имъ дотрогиваться руками до своихъ образовъ и приглашая священника съ кадиломъ снова освятить образа въ томъ помѣщеніи, гдѣ останавливались иноземные путешественники (Олеарій).

Впрочемъ, какъ бы ни были велики опасенія, возбужденныя успѣхами западнаго вліянія, они не разрослись бы въ народное движеніе, еслибы это вліяніе оставалось въ предѣ-

лахъ политической жизни, хотя бы даже коснулось и внѣшней житейской обстановки. Въ русскомъ обществѣ могли сѣтовать на обидную зависимость отъ нѣмцевъ, на ущербъ, причиняемый ими національной самобытности. Но національная самобытность — само по себѣ довольно тонкое и отвлеченное представленіе, слишкомъ далекое отъ простыхъ конкретныхъ интересовъ, и непривычной къ такимъ отвлеченнымъ предметамъ мысли трудно было овладѣть имъ во всей полнотѣ его содержанія, а при первой попыткѣ вникнуть въ него гораздо яснѣе представляются удобства такой самобытности, чѣмъ опасности отъ ея утраты. Другое дѣло, когда запало въ умы подозрѣніе, не посягаетъ ли иноземное вліяніе на жизнь нравственно - религіозную, не прокрадывается ли оно за ограду Церкви. Въ этой завѣтной области затрогивались наиболѣе дорогіе жизненные интересы, доступные самому простому разумѣнію, возникали всѣмъ одинаково ощутительныя опасности, грозила общая конечная гибель, и тревога должна была превратиться въ страшный испугъ, въ народное смятеніе.

Этотъ испугъ подготовлялся нѣкоторыми особыми наблюденіями и впечатлѣніями. Во-первыхъ, изъ Смутнаго времени степенные и мыслящіе люди русскаго общества вынесли сильное недовѣріе къ нравственной устойчивости этого общества. Наблюдатели, писавшіе о томъ времени, разсказываютъ, что даже иноземцы, раздиравшіе тогда Русскую землю, дивились розни русскихъ людей, ихъ ожесточенію другъ противъ друга, легкомыслію, съ какимъ они, поддаваясь насмѣшкамъ иноземцевъ, смѣялись надъ обрядами и правилами своей Церкви. Одинъ изъ такихъ наблюдателей дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, составившій въ началѣ царствованія Михаила записки о своемъ времени, писатель съ идеями и принципами, объясняетъ несчастія, пережитыя тогда русскими людьми, ихъ измѣной родной старинѣ, отчего они начали вертѣться точно колесо, горько жалуется на отсутствіе въ русскомъ обществѣ мужественной крѣпости, на неспособность его дружнымъ отпоромъ помѣшать какому-нибудь произвольному или

необдуманному нововведенію. „У насъ, писалъ онъ, другъ къ другу не было дружескаго довѣрія; каждый спиной къ другому поворачивался: одни на востокъ смотрятъ, другіе на западъ“.

Послѣ смуты та же неустойчивость обнаруживалась въ легкости, съ какою кружило головы людямъ западное вліяніе. Когда въ обществѣ возникаетъ стремленіе, отвѣчающее насущной потребности, оно овладѣваетъ людьми, какъ мода или эпидемія, и чѣмъ менѣе устойчиво общество, тѣмъ сильнѣе волнуетъ это стремленіе чувства и воображеніе наиболѣе воспріимчивыхъ людей и вызываетъ болѣзненное увлеченіе или рискованныя предпріятія. Суетливо толковали объ усиленіи внѣшней обороны страны, о пушкахъ, объ иноземномъ ратномъ строѣ, и вотъ въ 1629 году тверской попъ Несторъ подалъ царю челобитную съ извѣщеніемъ о великомъ дѣлѣ, какого Богъ не открывалъ еще никому изъ прежде жившихъ людей ни у насъ, ни въ другихъ государствахъ, но которое Онъ открылъ ему, попу Нестору, на славу государю и на избавленіе нашей огорченной землѣ, на страхъ и удивленіе ея супостатамъ: обѣщалъ онъ состроить дешево государю походный городокъ, въ которомъ ратные люди могутъ защищаться, какъ въ настоящемъ неподвижномъ городѣ. Напрасно упрашивали его бояре сдѣлать модель или чертежъ придуманнаго имъ подвижного редута, чтобы показать его государю. Попъ объявилъ, что, не видавъ государевыхъ очей, ничего не скажетъ, потому что боярамъ не вѣритъ. Его сослали въ Казань и три года продержали тамъ въ монастырѣ, въ цѣпяхъ, „за то, что сказываетъ за собою великое дѣло, а дѣла не объявляетъ и дѣлаетъ это какъ будто для смуты, не въ своемъ разумѣ“.

Вся же сія начало болѣзнемъ (Матѳ. 24, 8). Такъ могли думать мыслящіе и мнительные люди при видѣ такихъ болѣзненныхъ явленій и имъ живо вспоминались слова Писанія о томъ, каковы будутъ человѣцы въ послѣднія дни, когда настанутъ времена люта, когда будутъ

внимать духовомъ лестчымъ и ученіемъ бѣсовскимъ. Пробуждалась и усиленно напрягалась другая особенность въ настроеніи древне-русскаго человѣка, наклонность къ эсхатологическимъ гаданіямъ и страхамъ. Всякій разъ, когда онъ чувствовалъ глубокій переломъ своей жизни и ему предстояло круто поворачивать въ сторону, за этимъ поворотомъ ему чудились эти страшныя послѣднія времена. Въ 1644 году пріѣхалъ въ Москву датскій королевичъ Вальдемаръ, предназначенный въ женихи царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ. Устроены были пренія о вѣрѣ московскихъ богослововъ съ пасторомъ Фельгаберомъ, состоявшимъ при королевичѣ. „Лютый попъ королевичевъ“ не разъ ставилъ въ большое затрудненіе своей эрудиціей и діалектикой московскихъ совопросниковъ, при чемъ кололъ имъ глаза отсутствіемъ у нихъ школъ и академій, ихъ незнаніемъ языковъ, тѣмъ, что „они ничего не разумѣютъ въ книгахъ“. Старый ключарь Успенскаго собора, многоначитанный о. Иванъ Насѣдка, отвѣчалъ на это протестантскому богослову. „Насъ, овецъ Христовыхъ, не премудряйте софистеками своими, намъ нынѣ неколи философства вашего слушать: уже бо кончина вѣку пріиде, и судъ Господень при дверѣхъ, и всѣмъ время воздаянія есть готово комуждо и по дѣломъ его“ *). Поворотъ отъ стараго вѣрованія, отъ простодушной, доморощенной начитанности къ школьно-ученому богословствованію показался московскому богослову запоздалымъ и потому ненужнымъ дѣломъ.

Неувѣренность въ нравственно-религіозной устойчивости общества укрѣпляла въ руководителяхъ его убѣжденіе въ необходимости строгой церковной дисциплины умовъ и въ опасности всякихъ измѣненій церковнаго порядка, могущихъ взволновать и безъ того зыбкіе умы, а мысль о послѣднихъ временахъ неизбѣжно вызывала ожиданіе антихриста. Когда люди, такъ пугливо настроенные, замѣтили, что и церковный

*) А. Голубцова: Пренія о вѣрѣ, стр. 248.

порядокъ подвергается ломкѣ, они увидѣли въ этомъ знаменіе пришествія антихристова, связали церковныя перемѣны съ другими новизнами, шедшими съ латинскаго Запада, и, недолго думая, по унаслѣдованной отъ отцовъ ассоціаціи представленій, рѣшили, что всѣмъ этимъ тайно орудуетъ знакомая злокозненная рука „дяди антихристова“, римскаго папы, уготовляющаго путь въ Россію своему племяннику. Подъ дѣйствіемъ такого сочетанія представленій и чувства и возникъ расколъ.

III.

Отношеніе русскаго раскола къ западному вліянію въ Россіи XVII в. и составляетъ главное содержаніе настоящей статьи. Расколъ—очень крупный фактъ въ исторіи русской Церкви и имѣлъ свои чисто-церковныя причины, изучаемыя церковными историками и канонистами. Мы не касаемся этой церковно-исторической и канонической его стороны, если только можно назвать стороной основное содержаніе факта. Эта сторона дѣла прекрасно изучена цѣлымъ рядомъ изслѣдователей-спеціалистовъ и имѣетъ довольно значительную литературу. Нѣтъ надобности напоминать сочиненія, подписанныя почтенными именами митрополита Макарія, Щапова, Мельникова, гг. Субботина, Голубинскаго, Гиббенета, Каптерева и другихъ: труды ихъ достаточно извѣстны. Хорошо извѣстно, какъ около половины XVII в. начались въ русской Церкви реформы, какую тревогу произвело въ русскомъ церковномъ обществѣ предпринятое церковною властью исправленіе церковнаго обряда и текста богослужебныхъ книгъ, какъ эта тревога осложнилась дѣломъ патріарха Никона, какъ былъ созванъ и чѣмъ кончился московскій церковный соборъ 1666 — 7 годовъ, какъ старообрядчество стало обществомъ, формально отколовшимся отъ русской православной Церкви. Но расколъ—не только церковно - историческій фактъ, но и народно - психологическое явленіе, не только церковный мятежъ или религіозное

недоразумѣніе, но и народное настроеніе. Съ этой народно-психологической стороны его могутъ изучать и люди, которые не признаютъ себя компетентными знатоками церковной исторіи и церковнаго права. Этой народно-психологической своей стороной расколъ и соприкасался очень тѣсно съ западнымъ вліяніемъ, какъ оно дѣйствовало въ Россіи XVII в.

Выясняя это соприкосновеніе, мы коснемся явленій тоже церковно-историческихъ и большею частью тоже довольно извѣстныхъ, но рѣже разсматриваемыхъ съ народно-психологической стороны.

Такія, повидимому разнородныя и далекія другъ отъ друга движенія, какъ западное вліяніе въ Россіи и русскій церковный расколъ, встрѣтились при посредствѣ одного недоразумѣнія. Призраки, какъ извѣстно, нерѣдко принимаются за дѣйствительныя явленія и производятъ дѣйствительныя, не призрачныя слѣдствія. Ближайшею причиной движенія во имя стараго обряда была тревога, вызванная въ русскомъ церковномъ обществѣ новшествами, какія начались въ русской Церкви около половины XVII вѣка при патріархѣ Іосифѣ и продолжались при его преемникѣ патріархѣ Никонѣ. Многіе испугались при мысли, что и эти церковныя новшества идутъ изъ одного источника съ военными и другими новинами, какія тогда проводились или только допускались свѣтскою властью, что и русской Церкви грозитъ опасность отъ латинства, вліяніе котораго по нуждамъ государства или по прихотямъ слабыхъ людей было допущено въ мірское общество. Въ этомъ и состояло недоразумѣніе, которое привело западное вліяніе въ прямое соприкосновеніе съ старообрядческими страхами русскаго церковнаго общества. Церковныя новшества совсѣмъ не были дѣломъ этого вліянія, даже были именно противъ него и направлены, служили подготовительными средствами для борьбы съ тѣми гибельными слѣдствіями, какихъ опасались отъ него для русской церковной жизни. Произошло это такимъ образомъ.

Два глубокія впечатлѣнія вынесла Московская Русь изъ событій конца XVI и начала XVII в. Во-первыхъ, значительная часть русскаго православнаго народа была отторгнута отъ русской православной Церкви и загнана посредствомъ уніи подъ власть римскаго папы. Во-вторыхъ, сама Московская Русь, преемница православной Византіи, едва не попала подъ ту же власть, когда подъ направленными изъ Рима польскими ударами гибла ея политическая самостоятельность. Изъ обоихъ этихъ впечатлѣній въ русскомъ православномъ обществѣ скоро сложилось представленіе о страшномъ напорѣ, какой задуманъ и готовится латинскимъ Западомъ на православный Востокъ. Успѣхи католической лиги въ первый періодъ Тридцатилѣтней войны, какъ бы ни были скудны и смутны доходившія до Москвы вѣсти изъ Германіи, могли только поддерживать и усиливать это опасеніе. Да и самъ протестантскій герой этой войны, король Густавъ-Адольфъ, прямо указывалъ царю Михаилу на великую опасность, какою грозилъ католическій папско-габсбургско-польскій союзъ не только протестантству, но и греческой вѣрѣ, называлъ свое войско передовою стѣною Русскаго царства и вразумлялъ московское правительство, какъ необходимо сосѣдямъ загорѣвшагося дома носить воду и тушить пожаръ, чтобы свое уберечь. Опасеніе увеличивалось усиленнымъ наплывомъ въ Москву того же Запада, хотя преимущественно люторскаго, не папежскаго, но все же еретическаго. Въ виду поднимавшейся грозы, русское церковное общество насторожилось, начало собираться съ силами и прибираться, готовясь къ борьбѣ и внимательнѣе присматриваясь къ своимъ недостаткамъ. Острымъ проявленіемъ этой религіозной опасливости было постановленіе московскаго церковнаго собора 1620 г. перекрещивать обращавшихся въ православіе католиковъ, уніатовъ, протестантовъ, даже православныхъ бѣлоруссовъ-обливанцевъ. Плодотворнѣе могло быть пробужденіе потребности осмотрѣться, замѣтить и исправить свои недостатки. Къ этому порядку явленій

можно отнести извѣстіе Олеарія о томъ, что въ его время, т.-е. около половины XVII вѣка, русскіе стали строже прежняго соблюдать праздники, что патріархъ запретилъ открывать въ праздничные дни лавки, мастерскія и питейныя заведенія, особенно въ часы церковной службы. Онъ же разсказываетъ о поднятомъ церковною властью преслѣдованіи инструментальной музыки, подъ которую по улицамъ и кабакамъ распѣвали непристойныя пѣсни: патріархъ запретилъ это, приказалъ даже произвести въ Москвѣ обыскъ по домамъ и отобрать найденные музыкальные инструменты, которые потомъ вывезены были на пяти возахъ за Москву-рѣку и сожжены. Въ виду господства церковной обрядности въ древней Руси можно было бы думать, что въ древнерусскомъ храмѣ царили строгое благочиніе и полное благоговѣніе. Такъ было далеко не вездѣ и не всегда. Современнаго молящагося съ его привычкой сосредоточенно настраиваться и созерцательно углубляться въ себя подъ стройные звуки церковнаго чтенія и пѣнія, при торжественномъ безмолвіи предстоящихъ, смутили бы многія довольно обычныя явленія, допускавшіяся тогда при церковной службѣ: среди молящихся шныряли и шумѣли ребята, бродили сборщики съ тарелками, ползали по полу и пищали калѣки, кривлялись юродивые, кричали кликуши, перекорялись богадѣленные старцы и старицы, въ церкви слышались говоръ, смѣхъ, аффектированные вздохи святошъ, „власы растящихъ и босыхъ ходящихъ“. Между тѣмъ на клиросахъ шли свои безпорядки: для ускоренія службы ее отправляли голосовъ въ пять—въ шесть разомъ, одни читали, другіе пѣли, діаконъ говорилъ эктиньи, священникъ возгласы — все это вмѣстѣ, одновременно, такъ что ничего нельзя было разобрать, особенно при тогдашней манерѣ пѣть, растягивая слова до безсмыслія, „съ рыканіемъ неподобнымъ“. Теперь начали исправлять эти недостатки, прося совѣта и указаній у восточныхъ патріарховъ, и въ февралѣ 1651 г. соборъ русскихъ архіереевъ постановилъ пѣть въ церквахъ чинно, безмятежно

и единогласно и читать въ одинъ голосъ, тихо и неспѣшно.

Въ учащенныхъ сношеніяхъ съ восточными патріархами по поводу исправленія домашнихъ церковныхъ порядковъ сказалась другая еще болѣе важная потребность, почувствовавшаяся при подготовкѣ къ борьбѣ съ латинскимъ Западомъ—потребность сблизиться съ настоящимъ, дѣйствительнымъ православнымъ Востокомъ. У насъ благоговѣйно чтили и лучше знали Востокъ идеальный, библейскій, міръ чудесъ и евангельскихъ сказаній, откуда шло ученіе апостоловъ, св. отецъ и седми вселенскихъ соборовъ. О дѣйствительномъ Востокѣ у насъ говорили, что тамъ „вѣра православная испроказилась махметовой прелестью безбожныхъ агарянъ", о восточныхъ христіанахъ судили преимущественно по тѣмъ пришельцамъ изъ Греціи, которые иногда подъ самозванно присвоенными названіями митрополитовъ и епископовъ то и дѣло проѣзжали черезъ Путивль въ Москву попросить здѣсь милостыни и поторговать святынями и разрѣшительными отъ грѣховъ грамотами. Изъ своихъ хожденій по святымъ мѣстамъ Востока двевнерусскій паломникъ приносилъ больше чудесныхъ разсказовъ и священныхъ воспоминаній, чѣмъ наблюденій надъ людьми и порядками, какіе ему тамъ встрѣчались. Теперь понадобился и дѣйствительный, наличный православный Востокъ: хотѣли лучше узнать его и стать къ нему ближе, чтобы найти тамъ вспомогательныя средства и союзниковъ для борьбы съ общимъ врагомъ. Все чаще появлялись въ Москвѣ восточные іерархи съ просьбами и предложеніями; все чаще обращались изъ Москвы на Востокъ къ греческимъ іерархамъ съ запросами по церковнымъ нуждамъ и недоумѣніямъ.

Это сближеніе съ православнымъ Востокомъ сопровождалось значительными и много обѣщавшими успѣхами русскаго религіознаго самосознанія. Во-первыхъ, началъ расширяться или проясняться взглядъ русскаго церковнаго общества на свое положеніе. Внѣшнія бѣдствія, постигавшія Россію и Византію, уединяли русскую Церковь, ослабляя духовное

общеніе ея съ церквами православнаго Востока. Это уединеніе помутило въ русскомъ церковномъ обществѣ идею Церкви вселенской, подставивъ подъ нее мысль о Церкви русской, какъ единственной православной, замѣнившей собою Церковь вселенскую. Тогда авторитетъ вселенскаго христіанскаго преданія сталъ закрываться авторитетомъ мѣстной русской церковной старины и грозила опасность—признать мѣстное національное вѣропониманіе мѣриломъ христіанской истины. Это опасное недоразумѣніе и устранялось пробудившеюся потребностью въ болѣе живомъ общеніи и дружномъ совмѣстномъ дѣйствіи съ другими православными обществами. Изъ Москвы просили, съ Востока присылали въ Москву полемическіе трактаты противъ католиковъ, греческія „библѣи супротивъ латинъ“; въ Москву старались залучить ученыхъ грековъ, которые могли бы переводить книги съ греческаго языка на славянскій „на латинскія ереси“. Съ другой стороны, навстрѣчу московскимъ поискамъ за свѣтомъ на Востокѣ оттуда шли внушенія самой Москвѣ стать источникомъ свѣта для всего православнаго Востока. Этотъ порабощенный и бѣдный Востокъ невольно обращалъ взоры на столицу единственнаго независимаго православнаго государства, которое могло объединить и направлять силы православія въ борьбѣ съ его противниками и сосредоточить въ себѣ необходимыя для того духовно-образовательныя средства, стать питомникомъ и разсадникомъ духовнаго просвѣщенія для всего православнаго міра, основать высшее духовное училище для всего православнаго Востока и завести греческую типографію. И вотъ, приблизительно съ конца XVI в., восточные іерархи отъ времени до времени указывали московскому правительству на то, какъ у нихъ, на Востокѣ, источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія, какъ у нихъ оскудѣло духовное просвѣщеніе; святоотеческія творенія, печатаемыя въ нѣмецкихъ и латинскихъ типографіяхъ, портятся врагами православія, а грекамъ турки, по наговорамъ нѣмцевъ, не позволяютъ печа-

тать въ Царьградѣ греческія книги, потому какъ было бы благопотребно и радостно всѣмъ святѣйшимъ патріархамъ и митрополитамъ и прочимъ христіанамъ и какъ недруги вѣры нашей посрамились бы, если бы державный царь повелѣлъ устроить у себя въ Москвѣ греческую типографію и греческое училище, въ которомъ греческій учитель училъ бы русскихъ людей „философства и богословія греческаго языку и по русскому“, и какая великая будетъ доброта и польза на обѣ стороны, когда многія книги греческія будутъ переведены на русскій языкъ, а греки освободятся отъ лукавства еретиковъ, не нуждаясь въ испорченныхъ римскихъ и люторскихъ изданіяхъ, а пользуясь въ изобиліи православными книгами, напечатанными прямо, подлинно и благочестиво, изъ училища же выдутъ ученики, умѣющіе „противлятися съ еретиками и отвѣты давать обо всякомъ вопросѣ“. Эта высокая миссія должна была и пугать, и радовать: пугать—трудностью и опасностью непривычнаго дѣла, радовать — мыслью, что вотъ самъ византійскій Востокъ, павшій второй Римъ, зоветъ Москву себѣ на смѣну—стать третьимъ. Начали наконецъ готовиться къ открытію у себя новаго источника мудрости взамѣнъ изсякавшаго на Востокѣ и по обычаю всѣхъ запоздавшихъ людей заторопились, засуетились съ греческой школой, съ наукой, усиленно искали греческихъ учителей и въ Константинополѣ, и въ Іерусалимѣ, какъ послѣ искали гувернеровъ въ Лейпцигѣ и въ Парижѣ. Въ 1632 г. пріѣхалъ въ Москву протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ: его уговорили остаться въ Москвѣ, чтобы переводить греческія книги на славянскій языкъ и „учити на учительномъ дворѣ малыхъ робятъ греческому языку и грамотѣ“. Въ 1649 г. прибылъ въ Москву въ свитѣ іерусалимскаго патріарха приставшій къ нему въ Кіевѣ неизвѣстный ему скиталецъ грекъ Арсеній. Онъ зналъ много языковъ, его оставили въ Москвѣ повидимому для тѣхъ же надобностей, какъ и вышеупомянутаго протосингела Іосифа. Вскорѣ вызваны были въ Москву кіевскіе ученые

Епифаній Славинецкій съ товарищами, между прочимъ, также „ради наученія славяно-россійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію“, а ближній постельничій царя Ѳ. М. Ртищевъ, выполняя давнюю просьбу Петра Могилы устроить въ Москвѣ особую обитель, подобную кіевскому Братскому монастырю, гдѣ бы старцы этого монастыря учили русское юношество грамотѣ греческой и славянской, вызвалъ въ построенный имъ подъ москвой Андреевскій монастырь до 30 ученыхъ старцевъ съ юга. Такъ въ Москвѣ появилось значительное число учителей „свободныхъ мудростей“. Добровольно или по властному приглашенію того же Ртищева, который и самъ принялся учиться у кіевлянъ греческой грамотѣ, шла къ нимъ въ науку и московская молодежь. Устроилась и греко-латинская школа, которой управлялъ упомянутый грекъ Арсеній. Съ другой стороны, о необходимости и душевной пользѣ школьныхъ наукъ велась у насъ настойчивая проповѣдь въ учительныхъ и учебныхъ книгахъ, печатавшихся въ Москвѣ по благословенію церковной власти, особенно въ Славянской грамматикѣ, изданной въ 1648 г. Въ этихъ книгахъ, въ предисловіяхъ или послѣсловіяхъ, читали, что для того, чтобы обученіе грамотѣ послужило не къ посрамленію учениковъ, а къ просвѣщенію ихъ разума, необходимо напередъ самимъ учителямъ научиться различать ять съ естемъ и не писать одного вмѣсто другого, что грамматическое любомудріе смыслу сердецъ нашихъ просвѣтительно и безъ него „кто и мняся вѣдѣти, ничтоже вѣсть“, что грамматика—„руководитель неблазненъ во всякое благочестіе, вождь къ боговидному смотрѣнію и предивному и неприступному богословію, блаженныя и всечестнѣйшія философіи открытіе и всеродное проразумѣніе“,—словомъ, это „блаженная и святая книга“. И этого еще мало: въ предисловіи къ грамматикѣ 1648 г. написано, что знаменитые отцы Церкви и учители благочестія Василій Великій, Григорій Богословъ и многіе другіе прилежно изучали не только грамматику, но и риторику, софистику, философію,

землемѣріе, астрономію, ариѳметику и вообще всю еллинскую мудрость, ради которой покидали родину, чтобы на чужбинѣ учиться у знаменитыхъ языческихъ ученыхъ: „сицевъ образъ любомудрія и намъ оставиша искати“, говоритъ въ заключеніе своего ученаго трактата о пользѣ школьныхъ наукъ неизвѣстный сочинитель предисловія въ изданной въ Москвѣ Славянской грамматикѣ 1648 г. Дѣло, какъ видимъ, заходило ужъ очень далеко: та е л л и н с к а я мудрость, мимо которой, какъ великаго душевреднаго соблазна, боязливо чураясь и крестясь, пробѣгалъ благочестивый древне-русскій грамотей,—эта самая еллинская мудрость теперь провозглашалась если не источникомъ, то необходимымъ пособіемъ христіанскаго любомудрія и благочестія, и признаніе этой мудрости въ качествѣ такового пособія вмѣнялось въ обязанность, какъ завѣтъ знаменитыхъ отцовъ Церкви и учителей благочестія—Василія Великаго, Григорія Богослова и многихъ другихъ.

Такъ шли дѣла, но не такъ складывались впечатлѣнія: первыя шли по правиламъ исторической логики, а вторыя складывались по менѣе урегулированнымъ предпріятіямъ народной психологіи. Поэтому мѣры русской церковной іерархіи, вызванныя внутреннимъ ростомъ русской Церкви и направленныя къ огражденію ея отъ латинскаго, западнаго вліянія, значительной части русскаго церковнаго общества показались дѣломъ личнаго произвола отдѣльныхъ іерарховъ, задумавшихъ олатынить русскую Церковь. Отмѣтимъ нѣкоторые моменты этого психологическаго недоразумѣнія, представляющіеся наиболѣе важными.

IV.

Среди порывовъ и сомнѣній, то боязливо всматриваясь впередъ, то съ сожалѣніемъ оглядываясь назадъ, засидѣвшаяся на Требникѣ и Святцахъ русская мысль робкими шагами подходила къ заповѣднымъ дверямъ школьнаго на-

учнаго образованія, готовясь вступить въ область чуждаго ей дотолѣ міросозерцанія, и чувствовала себя въ положеніи пловца, который, впервые вступивъ на корабль, съ сожалѣніемъ оглядывается на покидаемый родной берегъ, собравшись пуститься въ невѣдомое и ненадежное море. Сначала русская мысль рѣшалась на это, уступая нуждамъ государства, подъ гнетомъ внѣшнихъ національныхъ опасностей, безъ внутреннаго влеченія, неувѣренная въ нравственной безопасности начинаемаго пути: въ обиходѣ личнаго нравственнаго существованія, въ запасѣ средствъ христіанской душеполезности русскій человѣкъ не находилъ мѣста для этихъ новыхъ знаній и понятій. Онъ шелъ въ новую науку, какъ въ солдаты, покорно, но скрѣпя сердце, зная, что это нужно царю, но не увѣренный, угодно ли это Богу.

Стоитъ отмѣтить этотъ моментъ въ исторіи нашей духовной жизни: онъ наводитъ на одно предположеніе. Можетъ-быть, именно этотъ моментъ сообщилъ одну особенность всему дальнѣйшему ходу нашего образованія, придалъ, какъ бы сказать, нѣкоторую нерѣшительность научной поступи русскаго ума, сказывавшуюся въ припадкахъ недовѣрія къ образованію. Послѣ мы встрѣчаемъ поразительные примѣры самоотверженнаго подвижничества русскаго ума, беззавѣтной любви его къ просвѣщенію, благоговѣйнаго уваженія къ наукѣ. Но въ массѣ обыкновенныхъ, заурядныхъ умовъ, даже очень просвѣщенныхъ и здравомыслящихъ, пристальное наблюденіе часто,—по крайней мѣрѣ, чаще, чѣмъ желательно,—открываетъ едва замѣтную темную полоску научнаго скептицизма или маленькую складку—не скажу равнодушія или антипатіи къ научному знанію, а скорѣе грусти объ ограниченности и тщетѣ пытливаго человѣческаго разумѣнія. Не есть ли это научное уныніе запоздалый, оторвавшійся отъ своего источника и нѣсколько переродившійся отзывъ вкусового ощущенія отъ науки, отвѣданной поневолѣ, безъ внутренняго къ ней влеченія, безъ жажды знанія, когда

въ школу вербовали и наряжали, какъ вербовали и наряжали въ заводившіеся тогда „полки иноземнаго строя“.

Одинъ изъ припадковъ этого умственнаго унынія или научнаго скептицизма, если не самый ранній изъ нихъ, встрѣчаемъ въ дѣлѣ, относящемся къ 1650 году, ко времени усиленнаго прилива въ Москву ученыхъ людей. Этотъ эпизодъ изъ исторіи русскаго образованія былъ уже не разъ разсказанъ въ нашей литературѣ; но онъ исполненъ такого живого культурно-психологическаго интереса, что не будетъ лишнимъ еще разъ повторить его кстати. Онъ имѣетъ близкое отношеніе къ сдѣланному въ московскихъ изданіяхъ быстрому переходу отъ матеріальной государственной полезности еллинской, т.-е. западной науки, къ ея церковной душеспасительности. Едва московскіе люди отвѣдали плодовъ этой науки, какъ ими уже начинаетъ овладѣвать тяжелое раздумье, безопасна ли эта наука, не повредитъ ли она чистотѣ вѣры и нравовъ. Это раздумье должно было усилиться и превратиться въ тревогу, когда сами руководители церковнаго общества стали провозглашать еллинскую мудрость вспомогательнымъ средствомъ душевнаго спасенія. Въ дѣлѣ 1650 г. выступаетъ все учащаяся московская молодежь. Самое видное лицо здѣсь Лучка Голосовъ, впослѣдствіи думный дьякъ (статсъ-секретарь) Посольскаго приказа Лукьянъ Тимоѳеевичъ, одинъ изъ сильныхъ консервативныхъ противниковъ западника канцлера А. Л. Ордина-Нащокина. Теперь онъ, по властному приглашенію Ѳ. М. Ртищева, ходитъ въ Андреевскій монастырь къ кіевскимъ старцамъ учиться по-латыни. Онъ противъ этой кіевской науки, считалъ ее опасной для вѣры, хотя впослѣдствіи и воспользовался ею, переложивъ недурными виршами церковныя пѣснопѣнія Страстной седмицы. Его образъ мыслей раздѣляли и его товарищи Степанъ Олябьевъ, Ив. Засѣцкій и дьячекъ Благовѣщенскаго собора Костка Ивановъ. Ихъ очень заботили эти кіевскіе ученые съ ихъ сомнительной наукой, которыхъ жаловали вліятельнѣйшіе люди при дворѣ, бояринъ Б. И. Морозовъ

и Ѳ. М. Ртищевъ, и, собираясь интимнымъ кружкомъ, они шептались о томъ, какія мѣры принять противъ грозившей опасности. Они разсчитывали на содѣйствіе царскаго духовника, протопопа Благовѣщенскаго собора Стефана Вонифатьева: онъ да протоіерей другаго московскаго собора Ив. Нероновъ—это были столпы благочестія и свѣтила доморощенной, не кіевской учености въ тогдашнемъ московскомъ духовенствѣ. „Вотъ учится у кіевлянъ, — толковали они, — Ѳ. Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть". Олябьевъ разсказывалъ про себя: „какъ былъ на Москвѣ старецъ Арсеній греченинъ, онъ, Степанъ, хотѣлъ было у него поучиться по-латыни, а какъ того старца сослали на Соловки, онъ и учиться пересталъ и азбуку изодралъ, потому что его родимцы да Лучка Голосовъ съ Засѣцкимъ начали уговаривать его: перестань учиться по-латыни, дурно это, а какое дурно, того не сказали". Этотъ старецъ Арсеній, пріѣхавшій въ Москву съ іерусалимскимъ патріархомъ, какъ оказалось по московскимъ справкамъ, учась въ Римѣ, переходилъ въ католицизмъ, по слухамъ даже принималъ въ Турціи басурманскую вѣру, по отзыву самого іерусалимскаго патріарха былъ способенъ на всякое злое бездѣліе и сосланъ былъ въ Соловки на испытаніе, по благополучномъ окончаніи котораго воротился въ Москву, пріобрѣлъ особое довѣріе патр. Никона и, къ удивленію многихъ сталъ книжнымъ справщикомъ и учителемъ заведенной тогда греко-латинской школы, переписывалъ и переводилъ на русскій языкъ греческія книги: все это даетъ живо понять, изъ какихъ впечатлѣній складывалось въ московскомъ обществѣ отношеніе къ пріѣзжимъ учителямъ и ихъ наукѣ. Отговаривая Олябьева отъ латыни, Лучка Голосовъ зналъ, какое въ ней дурно. Латинскій языкъ, — говорилъ онъ, — незнакомъ, знать его не для чего и многія въ немъ ереси. „Скажи своему протопопу (Ст. Вонифатьеву),— внушалъ онъ дьячку Косткѣ,—что я у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочу, старцы они не добрые, я въ нихъ добра

не позналъ и добраго ученья у нихъ нѣтъ; теперь я угождаю Ѳ. Ртищеву, боясь его, а впредь учиться никакъ не хочу, да и кто по-латыни ни учился, тотъ съ праваго пути совратился".—Заботили нашихъ собесѣдниковъ два другихъ молодыхъ человѣка, Зеркальниковъ и Озеровъ, которые также учились въ Москвѣ по-латыни, только безъ ихъ раздумья, но не довольствуясь тѣмъ, хотѣли ѣхать доучиваться въ самый Кіевъ и со слезами умоляли своего духовника отпустить ихъ туда. Дьячекъ Костка упрашивалъ этого духовника: не отпускай ихъ Бога ради, Богъ на твоей душѣ того взыщетъ. Но все тотъ же Ѳ. Ртищевъ выхлопоталъ имъ проѣзжую грамоту, и они-таки уѣхали доучиваться у кіевскихъ старцевъ по-латыни. — Да и о томъ вспомяни протопопу, — продолжалъ Лучка внушать Косткѣ, — какъ бы ихъ до Кіева не допустить и воротить назадъ, а то какъ выучатся они въ Кіевѣ, да вернутся въ Москву, будутъ отъ нихъ великія хлопоты; и такъ ужъ они всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана и Степана (Неронова и Вонифатьева) и другихъ, говорятъ про нихъ: враки они вракаютъ, слушать у нихъ нечего и себѣ имени не дѣлаютъ, учатъ просто, сами ничего не знаютъ, чему учатъ.

Чего опасались эти робкіе молодые поборники праваго пути? Какое „еретичество" подозрѣвали они въ греческой грамотѣ и въ какую сторону могла совратить латынь съ праваго пути? Сколько-нибудь внятно у собесѣдниковъ высказалась одна тревожная мысль; ихъ заботило одно важное нравственное неудобство, которымъ грозило научное образованіе, принесенное новыми учителями: знакомство съ новою наукой возбуждало въ русской учащейся молодежи и именно въ учившейся искренно, безъ раздумья, ученое самомнѣніе и заносчивую критику всѣми признанныхъ доморощенныхъ авторитетовъ. Скептики вродѣ нашихъ собесѣдниковъ думали, что сѣмя этого порока лежало въ новой наукѣ, въ самой ея природѣ, тогда какъ его надобно было искать

въ положеніи дѣла, и порокъ, какъ плевелъ, выросталъ изъ почвы, недостаточно подготовленной къ посѣву. Научное образованіе приносилось въ Россію со стороны, а не вырабатывалось самобытными умственными усиліями общества, не являлось плодомъ самобытно пробужденной умственной дѣятельности, а навязывалось государствомъ, какъ одно изъ средствъ защиты и укрѣпленія существующаго порядка. Гдѣ запасъ образовательныхъ средствъ накопляется постепенно собственными усиліями общества, тамъ усвоеніе его ложится на подрастающія поколѣнія, какъ наслѣдственная натуральная повинность, какъ естественная обязанность дѣтей продолжать дѣло отцовъ, и потому помогаетъ имъ дружно шагать въ ногу со старшими, поддерживая и улучшая существующій порядокъ. Гдѣ, напротивъ, оно является извнѣ падающимъ на головы налогомъ, какъ было у насъ въ XVII вѣкѣ, тамъ лица, которымъ прежде другихъ приходится или удается усвоять его, становятся въ исключительное положеніе, невольно выдѣляются изъ общаго строя. Младшіе, обладая тѣмъ, чего не имѣютъ отцы, чувствуютъ свое превосходство передъ старшими, а зная, что оно пріобрѣтено тяготой, какой не несли отцы, требуютъ отъ старшихъ благодарнаго признанія своего превосходства. Новыя знанія и понятія становятся отличіемъ и исключеніемъ. Какъ отличіе, они питаютъ гордость въ ихъ носителяхъ, а какъ исключеніе, ставятъ ихъ въ оппозицію существующему порядку, который они призваны поддерживать и укрѣплять своими новыми знаніями и понятіями. Гордость немногихъ раздражаетъ всѣхъ противъ ихъ притязаній, а это раздраженіе заставляетъ первыхъ отчуждаться отъ окружающихъ и изъ блюстителей и друзей порядка превращаетъ ихъ въ его критиковъ и недруговъ. Такимъ образомъ, достиженіе цѣли заимствуемаго образованія затрудняется: количество умственныхъ силъ въ обществѣ увеличивается, но нравственная жизнь его отъ недостатка единодушія разлаживается. Со временемъ опытъ однихъ и снисходительное терпѣніе

другихъ могутъ сгладить этотъ разладъ и при дальнѣйшей смѣнѣ поколѣній даже превратить его въ новое движеніе, способное обновить и сплотить все общество; но въ первую пору скорѣе замѣчаются и сильнѣе чувствуются его опасныя, разрушительныя проявленія. Въ протестахъ противъ увлеченія западнымъ вліяніемъ, раздающихся съ половины XVII вѣка, и слышится тревожная боязнь этого разлада съ его опасными слѣдствіями.

Опасеніе осложнялось свойствомъ тогдашняго мышленія. Тогда по непривычкѣ къ анализу, къ отчетливому раздѣленію предметовъ любили размышлять не отдѣльными идеями, а цѣлыми группами ассоціированныхъ идей, какъ бы сказать, семействами такъ или иначе породнившихся представленій. Замѣчая признаки заносчиваго самомнѣнія въ учащейся молодежи, припоминали слова Писанія: все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть (I Іоан. 2, 16). Гордость житейская, порождаемая новою наукой, по родству и ее вовлекала въ дурное сообщество, въ какомъ сама состояла, въ область міра сего, и возбуждала подозрѣніе, что кто любитъ эту науку міра сего, нѣсть любве Отчи въ немъ. Древнерусской мысли, привыкшей къ такой методикѣ, трудно было освоиться со взглядомъ московской Грамматики 1648 г. на еллинскую мудрость, какъ на завѣщанное свв. отцами Церкви вспомогательное средство боговѣдѣнія и благочестія. Но раздумье о душеполезности новой науки смѣнилось рѣшительнымъ и испуганнымъ убѣжденіемъ въ ея душевредности, какъ скоро въ русскихъ умахъ, привыкшихъ къ такому нечленораздѣльному мышленію, утвердилась мысль, что самая эта наука, столь охотно пріемлемая и настойчиво проводимая свѣтскими и церковными руководителями русскаго общества, есть только одна изъ латинскихъ козней и даже самая опасная кознь, направленная на всесовершенное испроверженіе русскаго благочестія. Эта наука шла съ латинскаго Запада, а этотъ

Западъ Русь издавна привыкла считать настоящимъ царствомъ міра сего, гдѣ живутъ, по нашимъ космографіямъ XVII вѣка, людіе величавы и горды и оманчивы и на бранехъ храбры, піютъ же зѣло много, къ похотемъ тѣлеснымъ и ко всякимъ сластемъ слабы, и вся творятъ по своей воли, ко ученію искательны и къ мудростямъ и ко всякимъ наукамъ тщательны, отъ благочестія же заблудилися, вѣру же имутъ различныхъ ересей. Съ этой точки зрѣнія истолковывалась вся обстановка, въ какой являлось въ Москвѣ новое образованіе. Первыми проводниками его были пріѣзжіе кіевляне и греки. Но при указанной особенности тогдашняго мышленія съ именемъ кіевлянина соединялось въ Москвѣ представленіе объ „юнитѣ“, уніатѣ, и еще помнили указъ 1627 г., запрещавшій держать въ церквахъ и частныхъ домахъ какія бы то ни было книги литовской печати, какъ подозрительныя въ религіозномъ отношеніи. Люди малоразборчивые, какъ извѣстные намъ московскіе собесѣдники 1650 года, прямо обзывали еретиками находившихся тогда въ Москвѣ кіевскихъ ученыхъ старцевъ: и бояринъ Б. И. Морозовъ, шептались они между собой, держитъ отца духовнаго только „для прилики людской“, а кіевлянъ началъ жаловать,—явное дѣло, туда же уклонился, къ такимъ же ересямъ. Къ грекамъ, къ ихъ богословскому правомыслію, въ Москвѣ давно уже питали недовѣріе, смѣшанное съ состраданіемъ къ ихъ жалкому положенію. Московскіе оппоненты западнорусскаго богослова Лаврентія Зизанія, препираясь съ нимъ въ 1627 г. по поводу его Катихизиса, говорили ему: „мы новыхъ греческихъ книгъ не пріемлемъ, потому что греки нынѣ живутъ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными, и по своихъ воляхъ печатати имъ книгъ своихъ не умѣть, и для того вводятъ иныя вѣры въ переводы (изданія) греческаго языка, что хотятъ“. И въ Москвѣ были извѣстны наблюденія, подобныя тѣмъ, какія поразили другого западнорусскаго богослова того времени—Мелетія Смотрицкаго, во время его поѣздки по греческому Востоку: онъ находилъ

тамъ вездѣ невѣжество, крайній упадокъ православія и нравственности, слѣды латинства не только между мірянами, но и между православными іерархами.

Итакъ, латинскій Западъ, полонивъ православный греческій Востокъ, слалъ свою науку на русскій Сѣверъ, послѣдній оплотъ православія: въ такомъ видѣ представлялось положеніе дѣла многимъ русскимъ людямъ около половины XVII в. При незнакомствѣ съ содержаніемъ этой западной науки, на Руси имѣли кое-какое понятіе о ея духѣ и направленіи, даже объ ея происхожденіи. Въ переводныхъ космографіяхъ читали, что изначала каждому народу дана своя «хитрость», которой онъ по своимъ наклонностямъ прилежалъ сердцемъ: еллинамъ—премногое творчествіе, философство и риторское витійство, персамъ же и вавилонянамъ—звѣздословіе и небесный бѣгъ, египтянамъ—геометрія, еже есть землемѣріе. Однако, всѣ эти народы осуетились помыслами и вмѣсто того, чтобы прославить благого «хитреца» Бога, безумно поклонились твари и жертвы ей принесли. Впрочемъ, многіе изъ философовъ были воздержники и чистое житіе имѣли, всячески удаляясь женолюбія и винопитія, и многимъ изъ нихъ человѣколюбивый Богъ попустилъ среди ихъ изысканій и истины коснуться, и назывались они философами и смотревѣдцами. Нѣкоторые изъ нихъ и сказали, что философія или любомудріе состоитъ изъ семи мудростей, въ числѣ которыхъ рядомъ съ діалектикой, что есть препинательное толкованіе, коимъ изыскуется истина, значится и «софистикія», открывающая едва постижимое человѣческому естеству, и то только людямъ, которые разумомъ зѣло остры и многоучены. Эти всѣ мудрости, составляя одну общую «еллинскую мудрость», отъ древнихъ философовъ и премудрыхъ богословцевъ перешли въ западныя страны Европіи, третьей части земли, части сына Ноева Афета, гдѣ люди зѣло премудры и всякой хитрости умѣтельны, и завели они различныя училища, изъ коихъ знатнѣйшее въ землѣ Галліи вечерней, во градѣ

нѣкоемъ Парисѣ латинскомъ языкомъ именуется академія, сирѣчь *соборное* училище, въ немъ же ученіе всѣхъ ремествъ, грамматики, философіи и звѣдочетій различныхъ. Нѣкогда по наущенію папы римскаго школъ монастыри (школьмейстеры), сирѣчь учители разныхъ ремествъ, возстали противъ государя своего, и вышло на королевское убивство 80 тыс. однихъ штудентовъ, сирѣчь учениковъ, и «вси вкупѣ избіены быша во единъ часъ». Прежде всѣ эти западныя страны, Италія, Испанія, Германія и иныя нѣмецкія страны, истое крещеніе пріяли и всѣ одинаково содержали православную вѣру многія лѣта, нынѣ же, по наущенію діаволю, разсѣялись въ различныя ереси, пріявъ учителей по своимъ слабостямъ, и каждый изъ нихъ свое мудрствовалъ, какъ хотѣлъ, и по этимъ учителямъ они вѣры свои называть стали: одни зовутся папежниками, другіе—люторями, третьи—колвинцами и гусатями, отъ нѣкіихъ еретикъ Колвина и Яна Гуса и отъ Филиппа нѣкоего, рекомаго Мелентора (Меланхтона), и многіе народы совратились слабости ради, отеческія преданія и церковныя пѣнія и посты перемѣнили; только россійскія страны содержатъ прежнее православіе, отъ грековъ пріятое.

Такъ представляли себѣ русскіе книжники XVII в. происхожденіе и характеръ западной науки. Своеволіе и пытливость, не знающая своихъ границъ, признаны были ея отличительными свойствами. Эти свойства очень претили древне русскому уму, воспитанному въ смиреномудріи, въ недовѣріи къ собственнымъ силамъ, въ мысли объ Откровеніи, какъ руководителѣ, указывающемъ и цѣли, и предѣлы человѣческаго разумѣнія. Какъ отрицательныя черты, эти свойства неизмѣнно входили въ древне-русскія изображенія нормальнаго, свыше просвѣщаемаго пониманія. Поэтому боязливое чувство овладѣвало древне-русскимъ человѣкомъ XVI или XVII в. при мысли о риторской и философской мудрости: все это — дѣло грѣшнаго ума, не руководимаго Откровеніемъ, предоставленнаго самому себѣ, на волю вѣт-

ра заблужденій и самонадѣяннаго. Богомерзостенъ предъ Богомъ всякъ любяй геометрію, — читаемъ въ одномъ древне русскомъ поученіи,—а се душевніи грѣси учитися геометріи и еллинскимъ книгамъ; проклинаю прелесть тѣхъ иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости, высочайшаго себе не изыскуй, глубочайшаго себе не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи. Подобныя аформистическія наставленія вносились даже въ школьныя прописи, по которымъ дѣти учились писать. «Не ищи, человѣче, мудрости,— читаемъ тамъ, —ищи кротости: аще обрящеши кротость, то и одолѣеши мудрость; не тотъ мудръ, кто много грамотѣ умѣетъ, а тотъ мудръ, кто много добра творитъ». Аще кто тя воспроситъ,—поучаетъ ученика одна пропись,—вѣси ли всю философію, ты же ему противо того отвѣщай: учился буквамъ, еллинскихъ же борзостей не текохъ, риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ, философію ниже очима видѣхъ; учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бо мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ». Невѣжество не только извинялось, но и оправдывалось, даже возводилось въ доблесть, становилось предметомъ гордости, своего рода долгомъ: «аще неученъ словомъ, но не разумомъ,—писалъ о себѣ древнерусскій книжникъ — неученъ діалектикѣ, риторикѣ и и философіи, но разумъ Христовъ въ себѣ имамъ». Потому къ семи древнимъ мудростямъ философіи, въ видѣ нравственно-религіознаго регулятора ихъ, прибавлена была осьмая: «превысшая философія именуется путь ко спасенію, еже отбѣгнути всѣхъ мірскихъ похотей и прилѣпитися единому Богу и во плоти ангеламъ сожительствовати, еже общею рѣчію зовома память смертная, ея же многи вожделѣша, мало же сподобишася получити».

Такъ сложилась знаменательная антитеза, вошедшая характернымъ элементомъ въ міросозерцаніе значительной

части русскаго общества: пытливый и своевольный разумъ, пытающійся святотатственно проникнуть въ заповѣдныя тайны бытія и мірозданія и передѣлать по-своему то и другое, противопоставленъ былъ разуму, плѣненному въ послушаніе вѣры и руководимому Откровеніемъ; при этомъ было признано, что первый есть духъ западной латинской науки и жизни, а второй составляетъ душу восточнаго грекороссійскаго православія; первому усвоенъ былъ характеръ хищный и разрушительный, завоевательный и душегубительный, въ противоположность характеру второго—примирительному и самоотверженному, благодатно-зиждительному и душеспасительному. Такая постановка дана была борьбой съ западнымъ вліяніемъ къ Россіи XVII в. вѣчному вопросу о взаимномъ отношеніи разума и вѣры: два братски-родственные міра, западный и восточный, были поссорены; два пониманія, обращенныя на совершенно различные предметы и долженствующія поддерживать другъ друга, поставлены были въ отношеніе взаимнаго отрицанія, какъ непримиримые принципы двухъ враждебныхъ историческихъ міровъ; двѣ благотворнѣйшія силы человѣческаго духа, вѣра и разумъ, самой природою своей предназначеныя къ дружному союзничеству и на союзѣ которыхъ держится гармонія и полнота духовной жизни, превратились въ противостороннія житейскія направленія, въ несходныя и несоизмѣримыя міровоззрѣнія, даже болѣе того, были признаны какими-то враждебными стихіями свѣта и тьмы, вѣчно борющимися, но одинаково ожесточенными и грозными началами добра и зла, дѣлающими человѣка разорванною жертвой своей борьбы,—дальній отзвукъ старой дуалистической сказки, придуманной для педагогическаго застращиванія дѣтскаго воображенія міросозерцаніемъ болѣе мечтавшаго, чѣмъ размышлявшаго языческаго Востока.

Эта антитеза сыграла видную и печальную роль въ драмѣ старообрядчества, послужила наиболѣе понятнымъ и внушительнымъ девизомъ на его знамени. Вѣра и разумъ, наука и

Откровеніе—это группы слишкомъ отвлеченныхъ понятій, чтобы стать живыми стимулами дѣятельности для простого русскаго человѣка XVII вѣка: онѣ требуютъ напряженной вдумчивости, мало говорятъ чувству, еще меньше воображенію, зато такъ нетруденъ выборъ между враждебнымъ, еретическимъ Западомъ и роднымъ, правовѣрнымъ Востокомъ. Таковъ методъ наивнаго мышленія: противную идею, опасное начало оно облекаетъ въ конкретный, наглядный образъ житейскаго врага, чтобы возбудить надлежащую энергію для борьбы съ нимъ, подобно тому, какъ въ Патерикѣ Печерскомъ бѣсъ является древнему кіевскому иноку въ образѣ ляха. Понятія, чувства и отношенія надобно перерядить въ куклы, чтобы сдѣлать доступными дѣтскому пониманію. Именно въ старообрядческой письменности встрѣчаемъ едва ли не самое раннее и рѣзкое выраженіе этой принципіальной противоположности между Западомъ и Востокомъ. Съ какимъ негодованіемъ пишетъ діаконъ Ѳедоръ, одинъ изъ первыхъ расколоучителей, о соблазнѣ, идущемъ съ Запада, объ этой «пестрой антихристовой прелести»: «скверные поляки, нѣмцы и прочіе безбожные языки яко благодѣтели пріемлются и честію веліею почитаются,—сплелись западные съ восточными». Въ мирномъ международномъ сближеніи старообрядцу чудилась опасная встрѣча двухъ враждебныхъ историческихъ міровъ, въ которыхъ онъ подозрѣвалъ противоположные склады быта, непримиримые житейскіе принципы. Въ малоизвѣстномъ старообрядческомъ житіи пустынника Кирилла, подвизавшагося въ Олонецкомъ краю на рѣкѣ Сунѣ, на островѣ Виданскомъ, потомъ захваченнаго и унесеннаго первою волной старообрядческаго движенія (умеръ на Выгу въ 1688 г.), есть любопытное мѣсто, гдѣ еще прямѣе выражена та же мысль. Разсказывая о томъ, какъ со вступленіемъ на новгородскую каѳедру (въ 1664 г.) митрополита Питирима, «мужа гнѣва и ярости полнаго и новостей любителя усерднаго», усилились въ той епархіи гоненія на раскольниковъ,

какъ разыгрался «пламень мучительства», краснорѣчивый жизнеописатель патетически восклицаетъ: «О немилостиваго лiянiя крови дражайшихъ чадъ твоихъ, Сiоне! не къ тому проповѣдашеся *восточный* законъ благодатный, но *западный* ратный, всюду бо мучительства мечь играше, вся темницы во градѣхъ и въ селѣхъ наполнишася христiанъ,— проповѣдницы западныхъ новинъ яростiю, а не кротостiю дышаху, бiенiемъ и ранами, а не ученiемъ увѣщаваху». Ужъ какъ нескупа была до-никоновская Русь на бiенiе и раны, какъ на средство самоусовершенствованiя, а когда понадобилось пріобщить никоніанъ къ западному ратному духу, это воспитательное средство безраздѣльно уступлено было латинскому Западу.

Такъ изъ свѣжихъ еще историческихъ воспоминанiй, изъ тревожныхъ наблюденiй и непровѣренныхъ впечатлѣнiй, изъ недодуманныхъ соображенiй и вѣроисповѣдныхъ предубѣжденiй, изъ научныхъ хлопотъ и раздумiй, кристаллизовавшихся вокругъ фантастическаго представленiя о папѣ римскомъ, центральномъ пугалѣ встревоженнаго воображенiя, сложилось народно-психологическое настроенiе, которое можно назвать *латинобоязнью*. Церковныя новшества патрiарха Никона, бывшiя усиленнымъ продолженiемъ до него начатаго обновленiя русской церковной жизни, могли только поддержать и усилить это настроенiе. Эти новшества подходили подъ готовую категорiю тогдашняго мышленiя, приходились какъ разъ по мѣркѣ, какую тогда любили прикладывать къ новымъ явленiямъ люди, ждавшiе съ часу на часу, что приняты будутъ правительствомъ иностранные обычаи. Въ порывистой энергiи Никона, въ крутости его характера, въ торжественной пышности, съ какою онъ являлся предъ народомъ, съ самой обстановкѣ, какою онъ окружалъ свои нововведенiя, этимъ людямъ чуялся тотъ самый «западный ратный духъ», котораго они такъ боялись. Каждая подробность, намекавшая на связь съ латинствомъ, неосторожное слово, простое совпаденiе

подхватывались подозрительною молвой, истолковывались въ желаемомъ смыслѣ и перерабатывались въ мятежную сплетню. Предпринявъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, Никонъ поручилъ это опасное дѣло старцамъ ученымъ Епифанію Славинецкому и греку Арсенію, т. е. пріѣзжему «нехаю» изъ Кіева да бродягѣ перекресту, бывшему католику, папежнику, и даже, по слухамъ, басурману, недавно возвращенному изъ соловецкаго исправительнаго подначала, «ссыльному чернцу темныхъ римскихъ отступленій, его же Никонъ яко свою утробу почте, и ихъ же самъ недомыслися, сему навершити попусти», какъ говоритъ о немъ вышеупомянутое житіе Кирилла, подвизавшагося на Виданскомъ островѣ рѣки Суны. Нельзя было не воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ для говора, что православная русская совѣсть отдается на волю Богъ вѣсть какихъ пришельцевъ, и самъ благочестивый московскій протопопъ Иванъ Нероновъ писалъ царю: «Охъ, увы! молимъ тя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай: не видно въ нихъ ни единой добродѣтели, крестнаго знаменія истиннаго на лицѣ вообразить не хотятъ, сложенію перстовъ неподобно противятся и на колѣни поклониться Господу покоя ради не желаютъ». Рѣшивъ исправлять богослужебныя книги не по однимъ славянскимъ, но и по древнимъ греческимъ спискамъ, Никонъ послалъ за такими греческими книгами на Востокъ старца Арсенія Суханова, и тотъ же дьяконъ Ѳедоръ, воспроизводя тогдашніе московскіе толки, писалъ, что Арсеній, по заказу Никона, накупилъ ему на многія тысячи рублей прокаженныхъ греко-латинскихъ книгъ, печатанныхъ латинцами въ Римѣ, Парижѣ и Венеціи, а врагъ Божій Арсеній грекъ тѣ еретическія книги переводилъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ сотворили во всей Русской землѣ и пагубы навели противными книгами и чужими догматами нововводными. Послѣ, по оставленіи патріаршества, расчищая путь раскольничьей сплетнѣ

о католическомъ источникѣ своихъ новшествъ, Никонъ самъ напросился на свое сопоставленіе съ папой римскимъ, сказавъ въ запальчивости одному изъ своихъ враговъ: «папу за доброе отчего не почитать? тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служитъ». Бисеръ былъ брошенъ несвоевременно и неумѣстно.

Впрочемъ, не латинобоязнь, не эта раскольничья сказка о католическомъ происхожденіи никоновскихъ новшествъ была рѣшительнымъ народно-психологическомъ моментомъ въ происхожденіи раскола, рѣшившимъ его отпаденіе отъ православной русской Церкви. Никонъ преобразовывалъ церковный обрядъ. Слѣпые или озлобленные люди обозвали этотъ преобразованный обрядъ латинскимъ и самого преобразователя прозвали «папежскимъ ревнителемъ». Возставая противъ якобы-латинскихъ новшествъ Никона, говорили въ свое оправданіе, что эти новшества—*латинскія*, а на самомъ дѣлѣ возставали противъ нихъ потому, что они—*новшества*. Рѣшался вопросъ не о латинизаціи православной греко-россійской Церкви, а о народно-психологическомъ значеніи церковнаго обряда.

V.

Въ изложенныхъ очеркахъ шла рѣчь о томъ, какъ, съ какими колебаніями и сомнѣніями русское общество XVII в. сближалось съ западной Европой и привыкало къ ея культурѣ, заимствуя у нея и житейскія удобства, даже кое-какія научныя познанія вмѣстѣ съ техническими военными и промышленными средствами, какъ потомъ началъ овладѣвать этимъ обществомъ страхъ предъ западнымъ вліяніемъ по мѣрѣ того, какъ росло подозрѣніе, что это еретическое вліяніе есть скрытая пружина и церковныхъ нововведеній, тогда же начавшихся. Теперь остается прослѣдить послѣдній моментъ изучаемаго процесса,—видѣть, какъ русское церковное общество, поднимаясь на борьбу противъ

воображаемаго латинскаго антихристова нашествія, боролось собственно съ самимъ собою, съ своимъ собственнымъ религіознымъ закоснѣніемъ, и та часть его, которая не умѣла преодолѣть своей косности и послѣдовать за общимъ движеніемъ русской Церкви, оторвалась отъ нея, замерла на старомъ міросозерцаніи и образовала расколъ старообрядчества.

Обозначимъ точнѣе нашу задачу. Въ происхожденіи раскола надобно различать два момента: *нравственно-психологическій*—переворотъ въ каждомъ отдѣльномъ старообрядцѣ, отдѣлявшемся отъ Церкви, и *церковно-каноническій*—образованіе особаго сектантскаго общества изъ отдѣлившихся. Мы имѣемъ въ виду только первый изъ этихъ моментовъ.

Первые старообрядцы возстали противъ церковныхъ новшествъ своего времени во имя родной православной старины, которую будто бы разрушали эти новшества, по ихъ мнѣнію внушенныя или навѣянныя еретическимъ латинскимъ вліяніемъ. Потому эти нововведенія они обозвали ученіемъ и преданіемъ *латинскимъ*, совокупность ихъ *новой* латинской *вѣрой*, не входя въ подобающее разумное и обстоятельное разбирательство того, дѣйствительно ли таковъ источникъ преобразовательнаго движенія въ русской Церкви, противъ котораго они возставали. Въ патологическомъ состояніи мало заботятся о логикѣ, а латинобоязнь была патологическимъ симптомомъ русскаго религіознаго настроенія въ то время. Менѣе понятенъ другой мотивъ старообрядческой противоцерковной оппозиціи: усмотрѣли новую вѣру въ томъ, въ чемъ не было никакой вѣры. Церковныя новшества, встревожившія старообрядческую совѣсть, касались церковнаго обряда и текста богослужебныхъ книгъ, и только изысканнымъ мудрованіемъ можно было превратить ихъ въ вопросы вѣроученія. Дѣло шло о единогласномъ пѣніи и чтеніи въ церкви, о введеніи кіевскаго партеснаго распѣва, о стилѣ иконописанія, о количествѣ земныхъ поклоновъ въ извѣстныя минуты богослуженія, о количествѣ просфоръ

при совершеніи литургіи, о хожденіи *посолонъ* въ извѣстныхъ священнодѣйствіяхъ, о двоеніи или троеніи возгласа *аллилуія* въ извѣстномъ молитвословіи, о способѣ перстосложенія для крестнаго знаменія, объ образѣ написанія св. имени *Іисусъ*, о томъ, какъ читать въ пасхальномъ тропарѣ; *бѣяше* или же *былъ еси* и т. п. И однако въ вопросы символики, грамматики и даже простой орѳографіи вовлекали догматику и въ троеніи *аллилуія* видѣли ересь противъ таинства Св. Троицы. Какъ стало возможнымъ такое смѣшеніе понятій, такое потемнѣніе религіозной мысли въ обществѣ, доживавшемъ седьмое столѣтіе своей христіанской жизни? Конечно, это могло случиться только вслѣдствіе непомѣрно преувеличеннаго значенія церковнаго обряда въ древнерусскомъ обществѣ. Обрядовое направленіе древнерусской религіозной жизни прежде всего и приходитъ на мысль, когда пытаемся объяснить происхожденіе и характеръ русскаго старообрядчества.

Однако обрядность—не то же, что старообрядчество: это—настроенія, сродныя по происхожденію и похожія другъ на друга по формамъ обнаруженія, но совершенно различныя и даже непримиримыя по характеру. Обрядность, какъ настроеніе, есть такая психическая конструкція, при которой всякое внутреннее движеніе просится и вырывается наружу, требуетъ и ищетъ выраженія, какого бы то ни было, это все равно, лишь бы оно гармонировало съ душевнымъ движеніемъ. Старообрядчество есть привычка выражать извѣстныя душевныя состоянія только въ извѣстныхъ формахъ, завѣщанныхъ преданіемъ и хорошо разученныхъ памятью. Человѣкъ съ обрядовымъ расположеніемъ въ минуту молитвеннаго одушевленія чувствуетъ потребность перекреститься и безъ раздумья перекрестится однимъ перстомъ, если не владѣетъ остальными; старообрядецъ въ подобномъ случаѣ задумается и скорѣе упуститъ налетѣвшую минуту, не умѣя задержать ее непривычнымъ жестомъ. Душевный складъ перваго рода похожъ на живую подвижную физіо-

номію, которая, какъ говорится, играетъ, выражая на разные лады одно и то же настроеніе и тѣмъ отличаясь отъ дрессированной наружности, тоже выразительной, но неподвижной, съ однообразной жестикуляціей, съ неизмѣннымъ, застывшимъ выраженіемъ, напоминающимъ l'homme qui rit. Въ примѣненіи къ религіозной жизни обрядность—это темпераментъ религіознаго чувства, старообрядчество—его манера.

Но жестъ, вызванный чувствомъ, отъ частаго повторенія превращается въ привычку и становится манерой, которую можно воспроизвести независимо отъ чувства. Такъ и церковная обрядность можетъ выродиться въ старообрядчество. Когда и какъ происходитъ такое вырожденіе? Съ богословской точки зрѣнія отвѣтъ на это очень простъ: это происходитъ, когда обрядовая форма остается безъ содержанія, когда — пользуемся выраженіемъ Щапова — не стараются „проникать въ самыя спасительныя истины церковно-богослужебныхъ обрядовъ“,—словомъ, когда говорятъ *Господи, Господи*, но приближаются къ Господу одними устами, сердце же далеко отъ Него. На эту утрату внутренняго смысла и живительнаго дѣйствія церковнаго обряда, какъ на корень старообрядчества, указывалъ въ свое время и Епифаній Славинецкій, когда съ риторической изысканностью писалъ о русскихъ людяхъ, что еще до патріарха Никона „мысленный камень невѣжества на умѣ многихъ лежалъ и закрывалъ отъ нихъ мысленный таинственныхъ священнодѣйствъ кладязь и препятствовалъ словеснымъ овцамъ Христовымъ чистаго извѣстнаго священнодѣйствительныхъ знаменованій вѣдѣнія водою напоеннымъ быти“. Съ потерей этого чистаго вѣдѣнія таинственныхъ священнодѣйствъ церковный обрядъ теряетъ значеніе символа вѣроученія и становится чѣмъ-то похожимъ на языческій талисманъ или волшебное заклинаніе: совершаемый автоматически, безъ участія сознанія, онъ признается и дѣйствующимъ механически, помимо воли и воспріимчивости того, на кого дѣйствуетъ.

Но кромѣ богословскаго, т.-е. символическаго своего

значенія, церковный обрядъ имѣетъ еще свою исторію и свою психологію. Съ этой историко-психологической точки зрѣнія, дѣло представляется значительно сложнѣе. Съ этой стороны недостаточно обозначить послѣдній моментъ вырожденія обрядности, превращеніе ея въ безсознательное безсмысленное волхвованіе: необходимо прослѣдить весь процессъ порчи съ его мотивами и симптомами. Этотъ процессъ слагался не только изъ потемнѣнія религіознаго сознанія, но и изъ постепеннаго замиранія религіознаго чувства. Здѣсь будетъ нелишнимъ высказать нѣсколько мыслей объ отношеніи церковнаго обряда къ религіозному чувству, положенныхъ въ основаніе дальнѣйшаго разсужденія.

Надобно различать, да едва ли кто и станетъ смѣшивать, богословское пониманіе догмата и нравственно-религіозное чувство долга, заповѣди, вытекающей изъ догмата. Это различіе сводится къ неодинаковымъ способамъ усвоенія истины сознаніемъ, разумомъ, и волей, житейской практикой. Для сознанія достаточно извѣстнаго усилія мысли и памяти, чтобы понять и запомнить истину. Но этого очень мало, чтобы сдѣлать истину руководительницей воли, направительницей жизни цѣлыхъ обществъ. Для этого нужно облечь истину въ извѣстныя формы, обряды, разработать въ дисциплину, въ систему общедоступныхъ и общеобязательныхъ правилъ съ уставнымъ порядкомъ ихъ разучиванія и исполненія, создать цѣлое устройство, которое непрерывнымъ потокомъ надлежащихъ впечатлѣній и внушеній приводило бы наши мысли въ извѣстный порядокъ, наши чувства въ извѣстное настроеніе, долбило бы и размягчало нашу грубую природу и такимъ образомъ посредствомъ непрерывнаго упражненія и навыка превращало бы требованія истины въ насущную нравственную потребность, въ непроизвольное влеченіе воли. Сколько прекрасныхъ истинъ, озарявшихъ умъ человѣческій и способныхъ освѣтить и согрѣть людское общежитіе, погибло безслѣдно для него только потому, что онѣ не успѣли во-время облечься въ такое устрой-

ство и посредствомъ его не были достаточно разучены людьми! Такъ не въ одной религіи,—такъ и во всемъ, во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ нравственнаго, эстетическаго, соціальнаго, даже матеріальнаго порядка. Какой угодно великолѣпный музыкальный мотивъ не произведетъ на насъ надлежащаго художественнаго впечатлѣнія въ томъ простомъ схематическомъ видѣ, въ какомъ онъ родится въ художественномъ воображеніи композитора: его надобно разработать, положить на инструментъ или на цѣлый оркестръ, повторить на десятокъ ладовъ и варіацій и разыграть передъ цѣлымъ собраніемъ, гдѣ маленькій восторгъ каждаго слушателя эпидемически заразитъ его сосѣдей справа и слѣва и изъ этихъ маленькихъ личныхъ восторговъ составится громадное общее впечатлѣніе, которое каждый унесетъ къ себѣ домой и много дней будетъ имъ обороняться отъ невзгодъ и пошлостей ежедневной жизни. Люди, слышавшіе нагорную проповѣдь Христа, давно умерли и унесли съ собой пережитое ими впечатлѣніе; но и мы переживаемъ долю этого впечатлѣнія, благодаря тому, что текстъ этой проповѣди внесенъ въ чинъ нашего богослуженія. Обрядъ или текстъ—это своего рода приборъ, въ которомъ отпечатлѣлся и застылъ нравственный моментъ, когда-то вызвавшій въ людяхъ добрыя дѣла и чувства. Этихъ людей давно нѣтъ и моментъ не повторился; но помощію обряда или текста, въ который онъ скрылся отъ людского забвенія, мы по мѣрѣ желанія воспроизводимъ его и по степени своего нравственнаго развитія переживаемъ его дѣйствіе. Изъ такихъ обрядовъ, обычаевъ, условныхъ отношеній и приличій, преданій и изреченій, въ которыя разновременно въ продолженіе вѣковъ отливались капля по каплѣ мысли и чувства, улучшавшія жизнь людей или призывавшія къ ея улучшенію, постепенно путемъ колебаній, борьбы и крови складывалось обиходное содержаніе людского общежитія, сплетались его простѣйшія ежедневныя связи. Трудно предвидѣть, каковъ будетъ человѣкъ черезъ тысячу лѣтъ; но отнимите у совре-

меннаго человѣка этотъ медленно и трудно нажитой скарбъ обрядовъ, обычаевъ, всякихъ условностей,—и онъ растеряется, утратитъ все свое житейское умѣнье, не будетъ знать, какъ обойтись съ ближнимъ, и принужденъ будетъ все начинать сызнова, подобно Сизифу повторительно втаскивать на гору бремя своего существованія.

Итакъ, церковный обрядъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ выразитель религіознаго мотива или момента и какъ хранитель того и другого, посредствомъ котораго ихъ можно воспроизводить. Въ обоихъ отношеніяхъ онъ служилъ вспомогательнымъ средствомъ вѣроученія. Люди, творившіе этотъ обрядъ, самымъ процессомъ этого творчества невольно углублялись въ смыслъ того, что хотѣли запечатлѣть этимъ обрядомъ, подобно тому какъ писатель, взявъ въ руку перо, чтобъ изложить задуманную мысль, чувствуетъ потребность еще разъ и глубже вдуматься въ нее, чтобы найти ей наиболѣе подходящее выраженіе, Люди, получавшіе готовый обрядъ, вмѣстѣ съ нимъ наслѣдовали и запечатлѣнное въ немъ религіозно-нравственное достояніе, выработанное его творцами. Мы поймемъ важность этого охранительнаго или передаточнаго значенія обряда, припомнивъ, что для народныхъ христіанскихъ массъ онъ долго служилъ наиболѣе доступнымъ религіозно-воспитательнымъ средствомъ. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе въ исторіи русскаго церковнаго обряда.

Новыя церковныя общества православнаго Востока, въ томъ числѣ и русское, не участвовали въ созданіи своего богослужебнаго чина или участвовали въ немъ лишь внесеніемъ малозначительныхъ подробностей и измѣненій. Они приняли этотъ чинъ отъ старшихъ обществъ, непосредственныхъ преемниковъ древнихъ христіанскихъ общинъ. Древніе христіане, создававшіе христіанское богослуженіе, были люди съ напряженнымъ религіознымъ чувствомъ и созерцательнымъ направленіемъ религіозной мысли. Выходя изъ своихъ священныхъ подземелій по окончаніи вечерней

общественной молитвы и глядя на заходящее солнце, они видѣли въ его горизонтальныхъ лучахъ невечерній свѣтъ тріипостаснаго Божества и пѣли *Свѣте тихій*. Евангельское воспоминаніе, новая догматическая идея, возвѣщенная въ поученіи или посланіи учителя или собора, новая мученическая гробница, появлявшаяся въ нишахъ священнаго подземелья, особенное настроеніе, овладѣвавшее обществомъ по какому-либо случаю—все это оставляло по себѣ слѣдъ въ церковномъ обрядѣ, богослужебномъ пѣснопѣніи, иконописномъ изображеніи. Такъ въ богослуженіи тѣхъ христіанъ отливалась ихъ собственная религіозная жизнь, все ихъ міросозерцаніе; совершая его, они воспроизводили въ звукахъ и наглядныхъ образахъ свои собственныя вѣрованія и чаянія, свои воспоминанія и настроенія, исповѣдническіе подвиги и поученія своихъ старшихъ братій и отцовъ—на свѣжихъ или незабытыхъ еще могилахъ тѣхъ и другихъ. Да и богослужебная форма была для нихъ не столько обрядомъ, символомъ, сколько простой дѣйствительной обстановкой ихъ религіозной жизни, требованіемъ или необходимостью ихъ положенія: при обхожденіи гробовъ мучениковъ и учителей съ благоговѣйнымъ поминальнымъ привѣтствіемъ въ темныхъ переходахъ катакомбы пресвитеру по необходимости предшествовалъ діаконъ со свѣтильникомъ въ рукѣ.

Среди новыхъ народовъ восточной Европы, всѣхъ этихъ болгаръ, сербовъ, русскихъ варяговъ, полянъ, сѣверянъ, христіанство вошло въ новый міръ, совершенно чуждый тому, гдѣ оно родилось и первонально распространялось. Эти народы уже не застали христіанства апостольскаго и святоотеческаго, и самыя страны, гдѣ они окончательно основались ко времени принятія христіанства, не были поприщемъ дѣятельности апостоловъ и св. отцовъ. Древняя Русь помнила эту свою географическую и историческую отдаленность отъ первоначальной родины христіанства, и ея писатели, обсуждая судьбы своего отечества, не разъ останавливались мыслію на томъ, что оно позднѣе другихъ

странъ пріяло св. крещеніе и что здѣсь апостолы не учили и Христосъ не походилъ своими земными стопами. И Византія, которой пришлось стать устроительницей церковнаго общества на Руси, эта Византія X и XI вѣковъ была не вполнѣ удовлетворительной проводницей и истолкователь-ницей духа первобытнаго христіанства: въ ней самой духъ изнемогалъ подъ бременемъ формы, церемоніи, политическихъ несчастій и нравственной апатіи. Однажды, бесѣдуя съ членомъ московской боярской думы И. Н. Берсеневымъ-Беклемишевымъ, Максимъ Грекъ, задѣтый за живое неучтивымъ упрекомъ собесѣдника въ томъ, что онъ, Максимъ, человѣкъ разумный, вызванный со Св. Горы (Аѳона) для учительства, мало пользы приноситъ, не учитъ, какъ имъ, русскимъ, жить и государство свое строить, обиженно отвѣчалъ: у васъ есть книги и правила, можете и сами устроиться. Самъ Максимъ поступалъ не такъ, какъ говорилъ, много и хорошо, даже самоотверженно училъ, честно отблагодарилъ за русское гостепріимство. Но его предки X и XI вв., насаждая христіанство на Руси, поступили какъ будто по Максимову отвѣту: устроили церковную іерархію, богослуженіе и церковную дисциплину, дали книги и правила и предоставили новообращеннымъ самимъ строить свою религіозную жизнь, проникать въ духъ новой вѣры, черпая изъ новоустроенныхъ „мысленныхъ кладязей воду чистаго священнодѣйствительныхъ знаменованій вѣдѣнія“, по выраженію Е. Славинецкаго.

На новой, непривычной почвѣ, представляющей такую нетронутую умственную и нравственную цѣлину, церковный обрядъ, понятно, получилъ особенное значеніе, какого онъ не имѣлъ на родинѣ. Тамъ имъ запечатлѣвалось готовое вѣрованіе, живымъ словомъ и непрерывнымъ преданіемъ перелитое въ души прямо изъ первоначальнаго источника, выношенное и выстраданное, овладѣвшее всѣмъ существомъ вѣрующаго. Тамъ отъ вѣры шли къ обряду, духъ воплощали въ литургическомъ образѣ, въ символѣ. Здѣсь, напротивъ,

приходилось чрезъ обрядъ проникать неумѣлой мыслью въ смыслъ слова Божія, въ образѣ грубымъ сердцемъ искать духа. Въ первую и долгую пору христіанской жизни Руси церковный обрядъ оставался для новопросвѣщенной паствы наиболѣе доступнымъ источникомъ религіозныхъ впечатлѣній. Такимъ образомъ церковный обрядъ получалъ значеніе пропедевтическаго средства богопознанія и въ этомъ значеніи становился какъ бы рядомъ съ основными источниками вѣроученія. Безспорно, богословски правъ, кто съ оттѣнкомъ грусти или сожалѣнія говоритъ о преобладаніи обрядности, формализма въ церковной жизни и религіозномъ сознаніи древней Руси. Но школьнику необходимо выучить буквы и склады, чтобы прочитать и понять печатную книгу, которую Гуттенбергъ набралъ на типографскомъ станкѣ тѣми же буквами и складами, умѣя уже читать всякую книгу. У новыхъ церковныхъ обществъ не было другого менѣе механическаго способа изученія азбуки христіанства.

Древнерусскіе памятники сохранили характерныя указанія на ходъ изученія этой обрядовой азбуки въ древней Руси. Прежде всего христіанскій храмъ дѣйствовалъ на внѣшнія чувства, поражалъ благолѣпіемъ обстановки, освѣщеніемъ, иконами, позолотой, торжественностью служенія. По сказанію нашей древней лѣтописи, послы кн. Владиміра, введенные въ цареградскій храмъ во время службы, не знали, какъ признавались послѣ, гдѣ они, на землѣ или на небѣ. При простотѣ построекъ и домашней обстановки того времени человѣкъ не видѣлъ вокругъ себя ничего, по величественности и красотѣ похожаго на то, что онъ встрѣчалъ въ церкви. Потомъ и мысль стала вовлекаться въ церковный обрядъ и при обсужденіи недоумѣнныхъ случаевъ обрядовой практики обнаружила не мало мелочной, но напряженной, дѣтски-пугливой казуистики. Тревожно волновались умы вопросами, когда поститься и что ѣсть въ тотъ или другой день поста, можно ли ѣсть удавленину, можно ли служить литургію

на одной просфорѣ или служить въ одеждѣ, въ которую вшитъ платъ женскій, и т. п. Гораздо сознательнѣе и явственнѣе выразилась тенденція этой обрядовой казуистики въ возбужденіи мысли о сохраненіи или возстановленіи первобытной чистоты церковнаго обряда, о недопущеніи въ него произвольныхъ примѣсей и измѣненій. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ волновавшій псковское церковное общество въ XV в. вопросъ о томъ, дважды или трижды слѣдуетъ повторять возгласъ *аллилуіа* въ извѣстномъ пѣснопѣніи. Неважный по существу, этотъ вопросъ характеренъ по способу, какимъ пытались рѣшить его: наспорившись дома, справлялись у грековъ, какъ надобно разумѣть „божественную тайну аллилуіи“, нарочно для того путешествовали на Востокъ. Припѣву придано было догматическое значеніе, какъ формулѣ таинства Св. Троицы. Признавая церковный обрядъ хранителемъ религіозной истины, естественно заботились объ охранѣ его первобытной чистоты, чтобы не помутить познанія заключенной въ немъ истины, и для провѣрки обращались туда, гдѣ сложился самый обрядъ. Въ этомъ спорѣ можно видѣть зародышъ или единичный проблескъ извѣстнаго воззрѣнія, что ни одна іота въ священномъ текстѣ, ни одна подробность въ церковномъ обрядѣ не можетъ быть измѣнена безъ ущерба для вѣры и безъ опасности для спасенія души. Но вообще тогда еще не настаивали на неизмѣнномъ однообразіи обряда и текста, лишь бы тотъ и другой употреблялся осмысленно, допускали исправленіе переводнаго текста и даже сугубую аллилуію, какъ символъ двухъ естествъ во Христа. Поправку еще отличали отъ передѣлки, и потому отъ этого мнѣнія не выходило никакой бѣды; отъ него еще далеко было до старообрядческаго культа мертвой буквы: и филологи дорожатъ каждой буквой древняго текста, чтобы понять точный смыслъ его. Съ какого же момента почитаніе старины, стараго текста или обряда становится старообрядчествомъ?

Старообрядцамъ усвоено это названіе въ условномъ, т.-е. неточномъ смыслѣ. Еслибы они стояли за древній христіанскій обрядъ, какъ вспомогательное средство познанія истиннаго христіанскаго духа, и искали этого духа, стараясь мыслію и сердцемъ проникнуться имъ, они были бы истинно православными христіанами, а не стали бы сектантами. Но они рѣшили, что истинно-православная старина— это то, что древняя, т.-е. до-никоновская, православная Русь признавала таковою, что слѣдовательно истинно-старый обрядъ—это русская церковная обрядность, сложившаяся до Никона и закрѣпленная богослужебными изданіями, вышедшими при патр. Іосифѣ, предшественникѣ Никона, что только эта старина истинно-православна и есть критерій православной истины, только эти обряды дреѣле-благочестивы и душеспасительны, а потому канонически-неизмѣнны и неприкосновенны, всѣ же прочіе сутъ еретическіе и душевредные. Рѣшивъ такъ, они остановились на мысли, что больше нечего искать въ обрядѣ, что старый обрядъ, былъ бы онъ только истинно таковъ, уже самъ сдѣлаетъ свое дѣло, когда потребуется, произведетъ надлежащее дѣйствіе. Значитъ, два признака составляютъ отличительный характеръ старообрядчества, какъ секты или особаго религіознаго направленія: признаніе помѣстной церковной старины коррективомъ пониманія христіанской истины вопреки авторитету вселенской Церкви, какъ такого корректива, и признаніе неизмѣнности, своего рода канонизація этой мѣстной церковной обрядности, какъ имѣющей внутреннюю спасительную силу, вопреки настоящему значенію церковнаго обряда, который самъ по себѣ, независимо отъ нравственно-религіознаго расположенія того, кто его совершаетъ или воспринимаетъ его дѣйствіе, не можетъ быть ни душеспасителенъ, ни душевреденъ. Напомнимъ нѣкоторыя извѣстныя историческія обстоятельства, помогающія выяснить вопросъ о томъ, какъ русская религіозная мысль вступила на опасный путь, который многихъ привелъ къ столь важнымъ заблужденіямъ.

До XV в. русская Церковь оставалась послушной дочерью Византіи, своей митрополіи, которая ставила ей митрополитовъ, давала церковные законы, устанавливала весь чинъ ея церковной жизни. Авторитетъ греческаго православія стоялъ у насъ незыблемо многіе вѣка. Но съ XV в. онъ началъ колебаться съ обѣихъ сторонъ, и съ греческой, и съ русской, и болѣе всего пошатнуло его принятіе греками флорентійской уніи. За византійскую іерархію съ такимъ довѣріемъ держались у насъ въ борьбѣ съ латинскимъ Западомъ, а она, эта іерархія, сама отдалась латинскому папѣ, головой выдала ему восточное православіе, насажденное апостолами, утвержденное св. отцами и седмію вселенскими соборами, подослала въ Москву злокозненнаго врага, сатанина сына митрополита Исидора съ латинскимъ крыжемъ, и еслибъ не великій князь московскій и всея Руси Василій Васильевичъ, обличившій діавольскаго прелестника, олатынилъ бы онъ русскую Церковь, исказилъ бы наше древнее благочестіе, насажденное св. княземъ Владиміромъ. Вскорѣ Царьградъ попалъ въ руки поганыхъ сыроядцевъ, агарянскихъ внуковъ. На Руси, уже привыкшей посматривать на грековъ свысока и подозрительно, въ этомъ несчастіи Царьграда увидѣли кару Божію за то, что онъ покинулъ православіе и соединился съ латиной: такъ поняли на Руси смыслъ этого событія. Померкъ тогда въ глазахъ Руси свѣтъ православнаго Востока. Старыя свѣтила благочестія подернулись мракомъ. Одинокой почувствовала себя православная Русь во всемъ поднебесномъ мірѣ. Митрополиты ея перестали ставиться въ Царьградѣ, перестали ѣздить туда и принимать участіе въ засѣданіяхъ тамошняго патріаршаго собора. Фактически русская митрополія стала независимой отъ цареградскаго патріарха. Сношенія со всѣми восточными патріархами были затруднены турецкимъ игомъ. Каноническое общеніе русской Церкви съ восточными слабѣло все болѣе. Идея вселенской Церкви стала мутиться въ русскихъ умахъ, и рѣдкій обмѣнъ случайными грамотами

слабо ее поддерживалъ. Однако въ этомъ чувствѣ церковнаго одиночества было и нѣчто отрадное. Міровыя катастрофы невольно заставляли Русь противопоставлять себя другимъ православнымъ странамъ. Въ одинъ и тотъ же вѣкъ всѣ православныя царства попали въ руки невѣрныхъ за измѣну православію, а Москва стала свободна: значитъ, одна она оставалась вѣрна ему. Это сопоставленіе наполняло русскихъ мыслителей того времени величавыми помыслами о судьбахъ Россіи. Отечество получало въ ихъ глазахъ новое высокое значеніе. Они гордились своей Русской землей, о которой даже пріѣзжіе съ православнаго Востока ученые книжники писали тогда, что она недавно вышла изъ мрака идолослуженія, а уже превзошла благочестіемъ многія страны, издавна пріявшія просвѣщеніе. Она—послѣднее и единственное въ мірѣ убѣжище правой вѣры, истиннаго благочестія. Міръ погрузится въ безысходный мракъ, когда погаснетъ свѣтъ русскаго благочестія. Такъ провозглашена была извѣстная историческая теорія трехъ Римовъ: „два Рима пали, третій, Москва, стоитъ, а четвертому не бывать,—такъ писалъ вел. кн. Василію, отцу Грознаго, русскій инокъ Филоѳей, одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ этой теоріи, — соборная Церковь наша въ твоемъ державномъ царствѣ одна теперь паче солнца сіяетъ благочестіемъ во всей поднебесной; во всей землѣ одинъ ты христіанскій царь; подобаетъ все это держать со страхомъ Божіимъ“.

Однако послѣдующія поколѣнія держали все это безъ особеннаго смиренія, внушаемаго страхомъ Божіимъ. Эта теорія вмѣстѣ съ затмѣніемъ идеи вселенской Церкви привела русское церковное общество къ двумъ послѣдствіямъ, мало споспѣшествовавшимъ его нравственно-религіозному преуспѣянію. Во первыхъ, стала меркнуть мысль о вселенскомъ религіозномъ сознаніи, какъ средствѣ провѣрки мѣстнаго пониманія христіанской истины; да при тогдашнемъ политическомъ положеніи православнаго міра трудно было

и найти каноническій органъ, который могъ бы быть авторитетнымъ выразителемъ этого сознанія. Во-вторыхъ, русское церковное общество стало проникаться національнымъ самомнѣніемъ и самодовольствомъ, которое помогло ему найти неудачный суррогатъ вселенскаго критерія истины.

Старообрядцы называли себя „остальцами древлерусскаго благочестія“, отъ православныхъ праотцевъ унаслѣдовавшими вѣру, нравы, воззрѣнія. Истинно-древнее благочестіе, по ихъ мнѣнію, цвѣло въ Россіи отъ равноапостольнаго князя Владиміра до патріарха московскаго Іосифа включительно. У нихъ находимъ наиболѣе полное и яркое выраженіе взгляда на церковное состояніе Россіи, воспринятаго ими отъ русскихъ людей XVI и первой половины XVII в. Семенъ Денисовъ принадлежалъ уже ко второму поколѣнію старообрядцевъ: онъ родился около того времени, когда жгли протопопа Аввакума, дьякона Ѳедора и другихъ начинателей раскола (ок. 1683 г.) Онъ много учился, зналъ и русскіе лѣтописи, и польскія хроники, хорошо владѣлъ перомъ, еще въ молодости изучился грамматической и риторской хитрости, умѣлъ право писати и добрѣ глаголати и съ любымъ изъ древнихъ и новыхъ русскихъ грамотѣевъ могъ потягаться въ искусствѣ плетенія словесъ. Въ началѣ XVIII в. онъ написалъ большое историческое сочиненіе: *Виноградъ россійскій* или *Исторію о страдальцахъ*, за древнее благочестіе страдавшихъ. Старообрядческій мартирологъ открывается умилительною картиной нравственно-религіознаго благоденствія дониконовской Руси. Ужъ конечно не петровская Россія дала краски для этой картины: въ ней сосредоточены церковно-патріотическія помышленія и чувствованія гораздо болѣе ранняго времени, притомъ выношенныя не однимъ вѣкомъ. Прочитаемъ это начало въ легкомъ переложеніи, по возможности сокращая словообильнаго автора.

Предивный и всесладчайшій виноградъ (садъ) Россійской земли—коль предобрѣ его всепредобрый Богъ яко

другой рай насадилъ! сколь всеблагодатно всепрекраснымъ оплотомъ спасительныхъ законовъ оградилъ! какъ широко и крѣпко корни благочестія углубилъ! Всѣ концы, всѣ предѣлы россійскіе имъ всепрекрасно исполнены. Воззришь ли на сѣнь его пречудную; она покрыла горы, вознеслась надъ холмами. Посмотришь ли на вѣтви его предивныя; точно благодатные кедры возвышались, словно добровонные кипарасы благоухали. Взглянешь ли на всекрасные грозды всепрекраснаго благочестія: они такъ богато раскинулись, что на югѣ достигали до Каспійскаго моря и до Чернаго, на востокѣ до хинскихъ или китайскихъ границъ, на западѣ до моря Варяжскаго въ Лифляндіи и Эстляндіи, на сѣверѣ до Бѣлаго моря, къ полунощи (сѣверо-востоку) до моря великаго Ледовитаго и до рѣки великой Оби. Была Россійская земля и предѣлами и благочестіемъ весьма изобильна, и пространствомъ и православіемъ зѣло пребогата, расширилась отъ моря до моря, отъ рѣкъ до концовъ вселенной. Съ тѣхъ поръ какъ великій и всехрабрый князь Владиміръ преславно привлекъ изъ Греціи всѣ доброты православія, всѣ красоты Церкви, всѣ христіанскія благолѣпія, всекрасные догматы, всесвѣтлые законы, спасительныя преданія, предобрые уставы, преподобные чины и красные обычаи христіанскіе, архіепископовъ, епископовъ и весь причетъ церковный,—преславная Россія столь пресвѣтло простерла свѣтъ многосіяннаго православія во всѣ свои части, что всѣ предѣлы своего обдержанія, преблистательно просвѣтивъ, къ невечернему солнцу Христу обратила и такъ всепребогато пресвѣтлыми догматами облистала, что не было города, гдѣ бы не сіялъ свѣтъ благочестія, не было села, которое не озарялось бы лучомъ православія, не было деревни, гдѣ бы не блистало сіяніе благовѣрія, и какъ это великое и великопротяженное небо украшается пресвѣтлыми звѣздами, точно многоцѣннымъ каменіемъ, такъ и широко простершаяся Россія всепрекрасными обителями, всеблаголѣпными храмами столь предивно была украшена, столь всебогато усажена,

что и была, и заслуживала вторымъ небомъ нарицаться. И при этомъ вся она исполнена была единымъ благочестіемъ, царствовало въ ней пречудное согласіе пресвѣтлаго православія, и не между своими только, но и съ древлевосточной св. Церковію, отъ которой всепрекрасно озарилась она свѣтомъ православія, всепрекрасно соединяли ее златотканныя связи согласія, тамъ и здѣсь тѣ же догматы, та же вѣра, тѣ же законы и уставы святые—и на Востокѣ и въ Россіи, и въ Сіонѣ и въ Россіи, и въ древлегреческой и въ россійской Церкви, по апостольскому слову: *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе.* Не зѣло прилежала Россія къ словеснымъ наукамъ академитовъ, не изощрялась въ высокоумныхъ мудроплетеніяхъ софистическихъ, зато благоревностно и неблазненно содержала здравую вѣру, простое благочестіе и столь твердо и непоколебимо, что въ такое долгое время никому не попустила замутить россійское благовѣріе непотребными новшествами, но соблюдала въ чистотѣ отъ всякаго плевелоученія ниву пресвѣтлаго православія, всегда метая въ небесныя житницы всеобильные колосья преочищенной пшеницы. Нѣтъ въ ней города, гдѣ бы не было святаго, въ нетлѣнныхъ мощахъ почивающаго, но есть города, гдѣ они многоцѣлебно покоятся по два, по три, по десяти и болѣе; они соединяютъ земное съ небеснымъ, россійскихъ людей съ самимъ Христомъ—единое стадо ангеловъ и человѣковъ, дивный и предивный міръ, всепрекрасное соединеніе, общеніе воистину превожделѣнное, исполненное славы преестественной, которой не только земные люди, но и ангелы небесные всепрелюбезно наслаждались, всесладкую эту пѣснь воспѣвая: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ.*

Эта детальная апоѳеоза дониконовской Руси нельзя сказать чтобъ отличалась скромностью политической или религіозной; но по основной мысли она согласна со взглядомъ на древнерусское благочестіе, высказаннымъ въ немногихъ словахъ самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ на цер-

ковномъ соборѣ 1667 г. С. Денисовъ выразилъ только церковно-патріотическіе помыслы и чувства, которыми питалось сознаніе русскаго церковнаго общества съ половины XV до половины XVII. в. Легко понять, на какой высокій самоувѣренный тонъ оно настроивалось. Основнымъ мотивомъ этого настроенія была мысль, что русская помѣстная Церковь обладаетъ всей полнотой христіанскаго вселенскаго сознанія и только она одна ею обладаетъ, что православная Русь, оставшись единственной въ мірѣ и полной обладательницей христіанской истины, чистаго православія, есть потому вполнѣ себѣ довлѣющая Церковь, ибо русское церковное общество уже восприняло все, что нужно для спасенія вѣрующаго, и ему больше нечему учиться, нечего и не у кого больше заимствовать въ дѣлахъ вѣры, а остается только бережно хранить воспринятое вселенское сокровище. Изъ этой мысли посредствомъ нѣкоторой перестановки понятій національное самомнѣніе вывело заключеніе, что христіанство, которымъ обладаетъ Русь, со всѣми его мѣстными особенностями и даже съ туземною степенью его пониманія, есть единственное въ мірѣ истинное христіанство, что другого чистаго православія, кромѣ русскаго, нѣтъ и быть не можетъ. Какъ скоро христіанская истина была признана національной монополіей, мѣстное религіозное пониманіе должно было стать мѣриломъ самой христіанской истины; идея вселенской Церкви замкнулась въ тѣсные географическіе предѣлы одной изъ церквей помѣстныхъ, и вселенское религіозное сознаніе заключено было въ узкій кругозоръ людей извѣстнаго мѣста и времени. Такъ потерянъ былъ истинный критерій религіознаго пониманія, какимъ служитъ для помѣстныхъ церквей религіозное сознаніе вселенской Церкви, авторитетомъ которой исправляются мѣстныя церковныя заблужденія. Какъ скоро мѣстное религіозное сознаніе было признано мѣриломъ христіанской истины, руководствомъ для самого мѣстнаго сознанія стала мѣстная церковная старина. Русскимъ церковнымъ обществомъ было

признано правило, что подобаетъ молиться и вѣровать, какъ молились и вѣровали отцы и дѣды, „православные праотцы“, а внукамъ ничего не остается болѣе, какъ хранить безъ размышленія и измѣненія отцовское и дѣдовское преданіе: это правило впослѣдствіи съ своею обычною грубоватою рѣзкостью выразилъ протопопъ Аввакумъ: „до насъ положено—лежи оно такъ во вѣки вѣковъ“. Но это преданіе есть не болѣе какъ остановившееся и застывшее мѣстное пониманіе; признать его мѣриломъ истины значило отказаться отъ всякаго движенія религіозной мысли, отвергнуть всякую возможность исправленія ошибокъ и недостатковъ религіознаго пониманія.

Изъ этого правила логически-послѣдовательною нитью развивались другія слѣдствія, отнимавшія у русскаго церковнаго общества средства самоисправленія и даже самыя побужденія къ нему. Весь мѣстный церковный порядокъ, сложившійся къ извѣстному времени, былъ какъ бы канонизованъ, признанъ неприкосновенною святыней со всею его обрядностью, даже съ установившимся отношеніемъ къ обряду. А это отношеніе, даже независимо отъ археологической чистоты и правильности самаго обряда, было весьма неудовлетворительно. Церковный обрядъ—только одно изъ вспомогательныхъ средствъ для возбужденія и поддержанія религіознаго чувства. Его религіозно—воспитательное дѣйствіе поддерживается въ массѣ другими вспомогательными средствами: школой, живою проповѣдью, популярной церковной литературой. Но эти средства въ XV и XVI в. почти-что бездѣйствовали. Народныя сбереженія, которыя могли пригодиться для поднятія уровня народнаго образованія, всѣ ушли на тяжелую внѣшнюю борьбу, какую вело въ тѣ вѣка государство, были брошены на татарскія и литовскія границы, а богатые духовные землевладѣльцы, іерархи и монастыри, поскупились, и церковно-образовательныя училища, предположенныя отцами Стоглаваго собора, устроены не были. По мѣрѣ того какъ національное самомнѣніе

поднимало обрядъ на неподобающую ему высоту неприкосновенной святыни, падало его пониманіе, а вмѣстѣ съ нимъ и церковно-воспитательное дѣйствіе обряда: его и не стали бы неподобающе возвышать, если бы какъ слѣдуетъ понимали его значеніе и дѣйствіе, какъ общедоступнаго средства проникновенія въ духъ христіанства. Масса такъ и осталась съ однимъ своимъ старымъ обрядомъ, свято-неприкосновеннымъ и непонятнымъ. Этой канонизаціей обряда и созданъ былъ церковно-психологическій кризисъ, который, осложнившись латинобоязнью, разрѣшился расколомъ.

VI.

Трудно повѣрить, чтобы первые расколоучители, люди начитанные и привычные къ перу и книгѣ, слѣдовательно привычные и къ размышленію,—чтобъ эти люди могли рѣшиться на такое большое дѣло, на церковный расколъ, изъ-за спорнаго текста или безразличнаго въ религіозномъ отношеніи обряда. Въ древнія времена христіанства подобныя движенія вызывались спорами объ основныхъ истинахъ вѣроученія, о догматахъ. Правда, и въ писаніяхъ старыхъ учителей старообрядчества, даже у такого ученаго человѣка, какъ Семенъ Денисовъ, старые обряды то и дѣло называются „древлецерковными благочестивыми догматами“, „древлецерковнымъ спасительнымъ благочестіемъ“. Но отъ доморощенныхъ русскихъ богослововъ того времени трудно ожидать и требовать точной богословской терминологіи, и мы едва ли въ правѣ обижать ихъ предположеніемъ, что они придавали совершенно одинаковое догматическое значеніе и таинству Св. Троицы, и двумъ дополнительнымъ просфорамъ, шестой и седьмой, которыя Никонъ отмѣнилъ на проскомидіи. Однако историческій и психологическій интересъ такого явленія, какъ старообрядческій взглядъ на церковный обрядъ, побуждаетъ внимательно разобрать, насколько въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ старообряд-

ческихъ писателей виновато злоупотребленіе богословскимъ языкомъ и насколько тому виной недостатокъ богословскаго пониманія.

Особый характеръ придало начальному старообрядческому движенію то обстоятельство, что это движеніе шло изъ городовъ и монастырей, тогдашнихъ центровъ книжнаго образованія. Сельское населеніе оставалось спокойно и даже равнодушно къ никоновскимъ новшествамъ, пока среди него не появлялся изъ сосѣдняго города или монастыря проповѣдникъ, который, поднявъ руку съ двуперстно-сложеннымъ крестнымъ знаменіемъ, принимался убѣждать сельскихъ простецовъ, чтобы они непоколебимо стояли за древлецерковное благочестіе противъ новинъ Никона патріарха, предтечи антихристова. Обыкновенно это были монахи, церковнослужители, нерѣдко купцы, рѣже приказные,—все начетчики, которые, хорошо затвердивъ подходящіе тексты и аргументы, повторяли ихъ предъ собравшейся толпой, плѣняя ее въ послушаніе своей вѣрѣ не столько книжною ученостью и аргументаціей, сколько настойчивымъ тономъ непреклоннаго вѣрованія, признаками подвижническаго отреченія отъ земныхъ благъ на изможденномъ лицѣ и въ худомъ одѣяніи, а также слухами о дивныхъ формахъ ихъ домашняго или келейнаго „богораднаго жестокаго житія“, чѣмъ, напримѣръ, поражалъ умы знаменитый въ свое время вязниковскій расколоучитель Капитонъ. Первые и лучшіе исторіографы старообрядчества С. Денисовъ и И. Филипповъ выводятъ сонмы такихъ мѣстныхъ проповѣдниковъ со всѣми пріемами ихъ проповѣди. Никоновы новшества, расходясь по областямъ, прежде всего становились извѣстны городскимъ обывателямъ, и тогда „весь градъ подобно морю обуреваему неукротимо волновашеся“. Если въ немъ обрѣтались ревнители древне-церковнаго благочестія „предоболіи твердые адаманты“, они увѣщевали согражданъ крѣпко за отеческіе святые догматы стоять даже до самой смерти. То же повторялось и въ монастыряхъ. Начинались преслѣдованія

ослушниковъ церковной власти. Тогда ревнители старой вѣры, иноки и міряне, разбѣгались по окрестнымъ селамъ и иногда, бродя многолюдствомъ, нелѣностно о древнемъ благочестіи всеблагодатное простирали слово, со умиленіемъ и слезами поучали, съ рыданіемъ молили простыхъ людей крѣпко стоять за древнее благочестіе, никоновыхъ новшествъ опасно беречься, отъ Церкви удаляться, у священниковъ не причащаться и въ дома ихъ не пускать; люди же, видя богорадное житіе проповѣдника и его крѣпкое о благочестіи стояніе, ученіе его сладко принимали и отъ никоновыхъ новинъ удалялись. Упомянутый уже Кириллъ, подвизавшійся въ построенной имъ олонецкой пустынѣ на р. Сунѣ, простой селянинъ по происхожденію, спокойно хозяйничалъ себѣ на своей мельницѣ, на расчищенныхъ или прикупленныхъ нивахъ и пожняхъ, на благоустроенномъ скотномъ дворѣ, не тревожась созванными Никономъ церковными соборами объ исправленіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Но пришелъ въ пустыню изъ г. Олонца посадскій скотопромышленникъ Пуллоевъ, купилъ у Кирилла скота для торговли и, взявъ книгу Ефрема Сирина, просвѣтилъ хозяина насчетъ начавшагося отступленія Россіи отъ православія. Такъ повѣствуетъ неизданное житіе Кирилла. Распропагандировавъ простодушнаго пустынника, поселивъ смуту и уныніе въ его мирной пустынѣ, этотъ Пуллоевъ „мужъ благъ и писаній вѣдущій“, ходилъ по олонецкимъ селамъ съ проповѣдью древняго благочестія, составилъ сборище послѣдователей и гдѣ-то въ горахъ устроилъ огромную „гарь“, „огнемъ скончавшеся за древлецерковное благочестіе съ тысящею христіанскаго народа“, какъ разсказываетъ о томъ И. Филипповъ въ своей *Исторіи Выговской пустыни*. Въ томъ же житіи Кирилла находимъ характерное указаніе на городскихъ начетчиковъ, какъ главныхъ сѣятелей старообрядческой смуты, и на первоначальное равнодушіе сельскаго люда къ начинавшемуся церковному броженію. Собравшись бѣжать изъ своей пустыни отъ угро-

жавшихъ древлецерковному благочестію опасностей, Кириллъ раздумался и говорилъ самъ себѣ: „А мы бѣдные что сотворимъ? еще у меня во обители стали и люди неединомысленны, не вси внимаша о ученіи древняго благочестія, что *градскихъ* и *грамотныхъ* людей не обрѣталося, но все *простые* и *поселяне* и не внимаша сему ученію и не вразумляшася сему, ни во что же сего полагаша, видя обитель свою всякими изобиліями обагощающуюся, и умъ клоняшеся къ житейскимъ вещамъ, а не ко страданію за древлецерковное благочестіе".

Въ средѣ этихъ городскихъ и монастырскихъ начетчиковъ и сложилось своеобразное отношеніе къ церковному обряду. Они твердо знали весь церковный порядокъ, святцы и уставъ; молитва Іисусова не сходила у нихъ съ языка; въ дополненіе къ общественному богослуженію согласно съ Домостроемъ они ежедневно справляли домашнее или келейное правило, прочитывали часы, вечерню и павечерницу, каноны, кондаки и икосы; но это благочестивое занятіе, не питаемое совокупностью нравственныхъ стремленій, не поднимало уровня религіознаго настроенія, изъ потребности превращалось въ простую привычку безъ особаго духовнаго воздѣйствія, какъ обычная подробность ежедневнаго житейскаго обихода. Но переставъ быть средствомъ возбужденія и поддержанія религіознаго чувства, церковный текстъ или обрядъ сталъ предметомъ богословскаго мудрованія, тѣмъ болѣе изысканнаго, чѣмъ менѣе было оно основано на экзегетическомъ и церковно-археологическомъ изученіи. Мудрили не на основаніи изученія, а руководясь тѣмъ, что называли „естественнымъ разумомъ", т.-е. личнымъ усмотрѣніемъ, чистымъ произволомъ. Авторъ этого выраженія чернецъ Савватій, въ мірѣ государевъ дьячишко Сенька Васильевъ, какъ онъ себя называетъ въ челобитной царю 1662 года,—типическій образчикъ этого самодѣльнаго мудрованія. Онъ воюетъ въ своей челобитной съ никоновыми справщиками за искаженіе ими богослужебныхъ текстовъ. Эти справщики напечатали въ одномъ

церковномъ пѣснопѣніи *Отче Слове*, не раздѣливъ этихъ наименованій лицъ Св. Троицы ни союзомъ *и*, ни запятой—ересь; „Сына Божія со Отцемъ во едино лице смазываютъ", упрекаетъ справщиковъ Савватій. Въ другомъ пѣснопѣніи напечатали о Христѣ: „на престолѣ *былъ еси*" вмѣсто *бѣяше*— хула на Христа, какъ будто Онъ иногда былъ на престолѣ а иногда нѣтъ, по толкованію того же грамотѣя. Или составители Соловецкой челобитной 1667 г. нашли въ напечатанныхъ изданіяхъ слова *Душе истины* вмѣсто *истинный*— хула на Духа Святаго, двѣ буквы *ныи* да *иже* у Него отняли, не хотятъ *истиннымъ* Его именовать, сотворили Его какъ бы только причастникомъ истины. Въ каждомъ текстѣ, во всякомъ обрядѣ искали таинственнаго догматическаго знаменованія, скрытой силы благодати. *Различали* обрядъ и догматъ въ представленіи, но не *раздѣляли* ихъ въ дѣйствіи и соединяли одно съ другимъ не нравственно-религіозной, а такой механической связью, что малѣйшее даже безсознательное упущеніе, невольная мелкая неточность въ чтеніи текста, въ исполненіи обряда лишала тотъ и другой скрытой въ нихъ благодатной силы и создавала ересь. Сугубая *аллилуія* съ третьимъ припѣвомъ *Слава Тебе, Боже* служила для старообрядцевъ формулой догмата Св. Троицы; кто говоритъ *аллилуія* трижды съ четвертымъ припѣвомъ, тотъ еретикъ, потому что четверитъ Троицу. Священникъ неправильнымъ крестнымъ знаменіемъ освятитъ воду въ купели при крещеніи—крещеніе не въ крещеніе, какъ будто и не было его. Такую аргументацію развивалъ на допросѣ предъ митрополитомъ крутицкимъ Павломъ одинъ нижегородскій расколоучитель Авраамій, прямо заявляя, что имъ русскимъ іерархамъ, должно искать иного крещенія, другими словами, что они некрещеные язычники, потому что крещены въ водѣ, освященной крестнымъ знаменіемъ, ими же осужденнымъ. А съ другой стороны, священнодѣйствіе, совершеннное неправильно или неправомыслящими людьми, пріобщало пріемлющихъ его къ грѣху неправомыслія, хотя

бы пріятіе его было вынуждено силой. Эта видимая непослѣдовательность вытекла изъ того же взгляда на священнодѣйствіе, какъ на волшебный актъ, дѣйствующій механически: совершаемый неправильно, онъ, однако, не бездѣйствуетъ, не очищаетъ, но оскверняетъ, раздражая грозную силу, напрасно имъ тревожимую. На такое отношеніе къ церковному дѣйствію и обряду разсчитаны были даже нѣкоторые пріемы обращенія старообрядцевъ къ православію, впрочемъ, не заслуживающіе сочувствія. На рѣшительное заявленіе попа Лазаря и дьякона Ѳедора, что они не перестанутъ исповѣдывать Св. Троицу двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ и обличать нововводителей, допрашивавшіе ихъ архіереи—такъ по крайней мѣрѣ разсказываетъ С. Денисовъ—дѣлали жестокое возраженіе; „а если мы отсѣчемъ у васъ правыя руки, какъ вы будете двумя перстами креститься? если вырѣжемъ языки, какъ станете обличать насъ?“ И отсѣкали, и вырѣзывали. Упрямые старообрядцы всячески укрывались отъ слѣдователей, трепеща при мысли, что имъ силой раскроютъ уста и вольютъ причастіе, освященное по новому обряду, заставятъ ѣсть просфоры, печатанныя двучастнымъ, а не трисоставнымъ древлеправославнымъ крестомъ. Отъ такого взгляда на церковный обрядъ и священнодѣйствіе остался одинъ и некрупный шагъ до смѣшенія того и другого съ языческимъ наговоромъ или заклинаніемъ. Такъ забота о чистотѣ текста и обряда перерождалась въ безпомощное поклоненіе буквѣ и формѣ, слѣды котораго появляются задолго до противоникоповскаго „новокнижнаго мятежа“. Еще въ началѣ того вѣка, возставая на архимандрита Діонисія за исправленіе Требника, противники его говорили, что „едина точка всему богословію смущаетъ, единымъ словомъ азбучнымъ ересь вводится“, а московскіе богословы, споривше съ Л. Зизаніемъ въ 1627 году, повторили это положеніе даже въ усиленной формѣ: „единою буквою азбучною ересь вводится“. Боязнь подпасть подъ святоотеческую и соборную клятву за вольную или невольную

погрѣшность превращала благоговѣніе къ святынѣ при недостаточномъ ея пониманіи въ суевѣрный страхъ. Когда Максимъ Грекъ, исправляя богослужебный текстъ, велѣлъ русскому писцу зачеркнуть нѣсколько строчекъ, того „поимала дрожь великая и ужасъ напалъ“ на него, какъ это онъ загладитъ великій догматъ премудрый. Еще образнѣе выразилъ этотъ страхъ протопопъ Аввакумъ въ своей автобіографіи. Какъ только вышло въ 1653 г. первое новшество патр. Никона о сокращеніи земныхъ поклоновъ въ великій постъ и о троеперстіи, „мы, разсказываетъ Аввакумъ про себя и своихъ друзей, собравшись, задумались: видимъ, зима хочетъ быть, сердце озябло и ноги задрожали“.

Этотъ страхъ сковывалъ религіозное чувство, затруднялъ развитіе и проявленіе задушевной набожности, сердечной теплоты вѣры. Одну изъ благотворнѣйшихъ, творческихъ способностей человѣка, способность подниматься духомъ подъ дѣйствіемъ формы, обряда, образа, звука, дѣлающую матеріальный міръ вспомогательнымъ средствомъ духовнаго развитія, такое пугливое поклоненіе буквѣ и формѣ превращало въ какое то волшебство, въ магическую силу, заключенную въ самомъ обрядѣ, буквѣ, образѣ, звукѣ и механически дѣйствующую на духъ помимо воли и сознанія. Люди съ такимъ фетишистскимъ почитаніемъ обрядности даже чисто духовныя представленія понимали только въ чувственной формѣ, въ міръ своихъ вѣрованій вносили привычную грубоватость своихъ житейскихъ ухватокъ и ощущеній. Въ связи съ этой матеріализаціей духа, съ этимъ угнетеніемъ его механикой можно объяснить замѣтную у первыхъ старообрядцевъ черствость религіознаго чувства и, какъ бы сказать, неумѣренную вещественность ихъ религіозныхъ представленій. Епифаній Соловецкій, сподвижникъ Кирилла въ его Виданской пустынѣ, сожженный потомъ въ Пустозерскѣ вмѣстѣ съ Аввакумомъ и другими вождями старообрядчества, былъ человѣкъ не безкнижный, хотя родился въ деревнѣ и признавался въ своей автобіо-

графіи, начатой по просьбѣ его духовнаго сына Аввакума, что онъ „граматики и философіи не учился и не желаетъ сего и не ищетъ“. Борьба съ бѣсами въ уединенной кельѣ была тяжкимъ подвигомъ его жизни, который онъ описываетъ особенно старательно. Бѣсъ былъ его личный врагъ, одинаково зримый и осязаемый во снѣ, какъ и на яву. Бѣсы преслѣдовали его днемъ и ночью, давили его, не давали спать, строили ему всякія козни; онъ ихъ ловилъ и билъ безъ милосердія, до истощенія своихъ силъ. Построилъ онъ себѣ келійцу малую о пяти стѣнкахъ для безмолвія, и уходя дня на два на мельницу, отдалъ ее подъ охрану Богородицѣ, сказавъ: „ну, свѣтъ мой Христосъ, и Ты, Богородица, береги келійцу мою и твою“. Возвращается на третій день—анъ стоитъ его келья вся обгорѣлая. Сталъ на мѣстѣ старецъ точно вкопанный, заплакалъ отъ великой печали и принялся вопить: „Пресвятая Владычице моя Богородица! зачѣмъ презрѣла бѣдное мое моленіе и приказа моего не послушала?“ Разъ наяву вскочилъ бѣсъ къ нему въ келью и такъ его стиснулъ, что ни дышать, ни пищать—только смерть. Еле-еле пропищалъ къ Николаю Чудотворцу о помощи. Бѣсъ скрылся. Опять съ укоризной къ Богородицѣ, зачѣмъ не бережетъ его, бѣднаго, и по молитвѣ заснувъ, видитъ: Богородица въ рукахъ мнетъ бѣса, его мучителя, и потомъ отдаетъ его ему, Епифанію, уже мертваго. Епифаній съ радостью беретъ и принимается мучить своего злодѣя, наконецъ, швыряетъ его за окошко; тотъ ожилъ, вскочилъ на ноги, точно пьяный, и шатаясь побрелъ прочь отъ кельи. И этотъ борецъ бѣсовъ, почти не замѣчавшій границы между міромъ зримымъ и созерцаемымъ, училъ: „почитай крестъ Христовъ, яко самого Христа; и поклоняйся ему, яко самому Христу *или* яко образу Христову“—это было для него все равно.

При такомъ непосредственномъ реализмѣ созерцанія авторитетъ церковной старины и сила привычки сообщали религіозному міросозерцанію, составившемуся изъ предразсудковъ и недоразумѣній, такую убѣжденность, которая

трудно поддавалась какому-либо стороннему давленію. Эта пассивная неподвижность особенно рѣзко проявлялась во время испытаній, о чемъ такъ любитъ разсказывать С. Денисовъ въ своемъ старообрядческомъ мартирологѣ. На допросахъ и первостепенная боярыня Морозова, и дворецкій боярина Салтыкова на всѣ убѣжденія, увѣщанія и угрозы отвѣчали почти одно и то же: къ новинамъ Никона никогда не дерзнемъ пристать, ибо отъ благочестивыхъ родителей въ благочестіи воспитывались, измлада навыкли св. Писанію, съ пеленокъ обучались Божіимъ законамъ—отъ нихъ не отвержемся, не загладимъ Писанія, коимъ древлеправославно воспитала насъ Церковь, заново переучиваться, новымн водиться законами никогда не рѣшимся, не солжемъ Богу и благочестію, страшась отеческихъ запрещеній и древлецерковной клятвы. Твердость исповѣданія облегчалась простотой исповѣдуемаго символа, не вызывавшаго ни колебаній богословскаго сознанія, ни напряженія религіознаго чувства: истово молиться значитъ право вѣровать, а согрѣшишь—покаешься. Когда власти спрашивали упрямыхъ ослушниковъ, за что же они стоятъ, въ чемъ ихъ старая вѣра, тѣ отвѣчали: стоимъ за древлецерковное благочестіе, за то, чтобы двумя перстами православно креститься, трисоставному кресту отцепреданно поклоняться, сугубое аллилуія во псалмоглаголаніи глаголати и прочіе законы и догматы всеговѣйно содержать по старопечатнымъ книгамъ,— и ведомые за городъ на сожженіе среди многолюдной толпы плачущихъ зрителей, они, высоко поднявъ руку съ двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ, громко восклицали: за сіе благочестіе стражду, за древлецерковное православіе умираю и васъ, благочестивые, молю крѣпко стоять въ древнемъ благочестіи. Только недоразумѣніями вѣка возможно объяснить, зачѣмъ преувеличивали вину и силу старообрядства столь тяжкими карами. Тѣ же мотивы, но нѣсколько своеобразнѣе и отчетливѣе, выражалъ одинъ старообрядецъ необычнаго происхожденія. Къ числу вязниковскихъ лѣс-

ныхъ подвижниковъ принадлежалъ и Вавила, лютеранинъ, переселившійся въ Россію еще при царѣ Михаилѣ. По словамъ С. Денисова, онъ прошелъ всѣ науки, много лѣтъ учился въ славной парижской академіи, зналъ много языковъ, обучился изрядно и славянскому. Въ Россіи онъ принялъ православіе, постригся въ монахи, при Никонѣ сталъ за старую вѣру, былъ пойманъ за пропаганду и на увѣщаніе власти отвѣчалъ: „Скажу тебѣ, судья, прямо и ясно: разъ увѣровавъ, разъ обѣщавшись, не сломлю своихъ обѣтовъ, не пріиму новоправленнаго вашего благочестія, наводящаго на меня отеческія клятвы и Божіе негодованіе, ибо и самое имя новости нетвердость основанія обличаетъ: все новое не есть древнее, если же не древнее, то и преданіемъ называться не можетъ, а есть вымыселъ, человѣческими хитростями изобрѣтенный“. Протестантская діалектика пригодилась для защиты старообрядства.

Никоновы новшества касались только текста и обряда. Правда, они исходили изъ высокой идеи вселенской Церкви, имѣли цѣлью возстановить полное даже наружное церковное согласіе Россіи съ православнымъ Востокомъ. Но эта идея была слишкомъ высока для старообрядчески-настроенныхъ русскихъ людей XVII в. Они привыкли считать вселенской каѳолической Церковью православное христіанство давнихъ вѣковъ и признавали себя въ полномъ съ нимъ единомыслiи, а подъ вселенской Церковью Никона разумѣли собственно современныхъ грековъ и не придавали особенной цѣны церковному согласію съ ними. Однако эти люди почувствовали, что реформа Никона, посягая на старую форму, вносила въ церковную жизнь и новыя понятія, новое мышленіе, непривычный способъ вѣрованія, который при старообрядческомъ взглядѣ на неразрывную связь обряда съ вѣроученіемъ колебалъ самыя устойчивыя представленія, поддерживавшія старообрядческое религіозное міросозерцаніе. Новый обрядъ—стало быть, новый догматъ,

т.-е. ересь. Новое крестное знаменіе—стало быть, они, православная Русь, единственные въ мірѣ истинные христіане, доселѣ ни молиться, ни вѣровать право не умѣли и крещены неправильно, т.-е. должны сызнова всему переучиваться, стало-быть, и русская Церковь, третій и послѣдній Римъ, всеблагодатный Христовъ садъ, говоря словами С. Денисова, износила не всепресладкіе плоды небеснаго саждения, а терновые прегорькіе овощи злобы и грѣховнаго житія, и сонмы русскихъ угодниковъ и чудотворцевъ, въ нетлѣнныхъ мощахъ почивающихъ, вотще чудотворили, ибо тоже неправо вѣровали и молились, но—„аще быша неправо вѣровали, не быша угодили Богу“. Такъ цѣпью умозаключеній доходили до послѣдняго вывода, что неправа не старая, а „новоправленная“ никонова вѣра и она грозитъ „помрачить древлесвѣтлый русскій Сіонъ тьмою новшественныхъ мраковъ“. Но самый ужасъ ожидаемаго церковнаго крушенія заставлялъ изыскивать и напрягать всѣ оставшіяся средства отпора грозившей опасности, силу вѣрованія и суевѣрія, оскорбленное чувство церковной гордости, національные предразсудки и самодѣльную богословскую діалективу. По раннимъ произведеніямъ старообрядческой письменности разсѣяны яркія черты этой діалектики религіознаго испуга. Старыя книги новолюбцы опорочили и святыхъ, которые по тѣмъ книгамъ служили и Богу угодили, дураками сдѣлали (выраженіе чернеца Савватія). Не осталось священной книги, ни одной церковной службы, ни псалма, ни канона безъ измѣненій, безъ приложеній и отложеній; все,—весь чинъ и уставъ и самое пѣніе церковное—перепортили съ пріѣзжими нехаями по своему плотскому разуму, всѣ свои новоправленныя, истѣе же сказать—«новотравленныя», книги наполнили своими «неотеризмами», латинскими догматствованіями, польскими припѣваніями, папежскими обычаями, всю православную вѣру испревратили такъ богопротивно своею глупой грамматикой да новыми греческими книгами, растлѣнно

печатанными въ латинскихъ странахъ, что какъ будто и нѣтъ уже православія въ русскомъ царствѣ. Новые учители учатъ насъ новой и неслыханной вѣрѣ, точно мы мордва или черемиса, Бога не знающая. Придется, пожалуй, намъ креститься вторично, а святыхъ угодниковъ и чудотворцевъ вонъ изъ церкви повыкидать. Увы!—какое безчестіе, какой великороссійскій срамъ! При кончинѣ вѣка, проживъ шестьсотъ слишкомъ лѣтъ по крещеніи, россіяне новой вѣрѣ учатся, ихъ архіереи и священники, точно язычники, учатся благословлять и служить по-новому, міряне учатся креститься и молиться, словно варвары иностранные, не знающіе ни Бога, ни закона. И такъ ужъ иноземцы смѣются надъ нами, глядя на наше смятеніе отъ новыхъ ученій, и говорятъ: видно, вы и христіанской-то вѣры по сіе время не знали.

И по этимъ литературнымъ отзвукамъ движенія можно чувствовать степень паники, распространенной старообрядческою проповѣдью по городамъ и селамъ многолюдными процессіями, сопровождавшими на казнь упрямыхъ ослушниковъ, и ихъ предсмертными воззваніями къ народу. Испугъ скорѣе всякой эпидеміи заражаетъ массы. Всякій городъ, каждая обитель, село каждое наполнялось смущеніемъ,—пишетъ С. Денисовъ,—прямѣе сказать, всякая душа, сердце всякое прониклось несносною печалью, вездѣ всенародный шумъ и говоръ. Нѣкоторые возбужали свое воображеніе до болѣзненнаго ожиданія стихійной катастрофы за отступленіе отъ благочестія. Если я перекрещусь троеперстнымъ знаменіемъ—говорилъ на допросѣ архіереямъ пошехонскій дворянинъ Токмачевъ,—думаю, что и небо поразитъ меня страшнымъ громомъ, и земля разступится и заживо поглотитъ меня. Людьми овладѣвало мужество отчаянія, рѣшимость безъ воли, и они шли на все, какъ люди, разбѣжавшіеся подъ гору и безсильные остановиться предъ пропастью. Эта самоотверженность безъ самообладанія, наиболѣе обычный видъ фанатизма массъ, всего труд-

нѣе поддается дѣйствію благоразумія. Во время разгрома вязниковскихъ скитовъ уличены были въ противленіи Церкви двѣ монахини и одна мірянка-дѣвица. Сперва ихъ уговаривали лаской—не послушались; стали грозить — тоже безъ успѣха. Не помогли и пытки. Приговорили сжечь несчастныхъ, но предъ самымъ срубомъ еще разъ попытались подѣйствовать на нихъ ласковымъ увѣтомъ; „послушайтесь насъ въ одномъ—ходите въ нашу церковь, а креститесь, какъ вамъ угодно, держитесь хоть своего двуперстія, только ходите въ церковь и мы съ радостью оставимъ васъ въ покоѣ“. Одна инокиня поколебалась и остановилась, но спутницы взяли ее за руки и повели въ срубъ. Власти не противились. При входѣ въ срубъ у одной свалился съ ноги башмакъ; она сняла и другой и оба выбросила за срубъ со словами: „не подабаетъ имъ горѣть здѣсь безъ толку“. Однажды въ числѣ приведенныхъ на казнь сожженія 14 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, оказалась 9-лѣтняя дѣвочка, которая сидѣла и въ тюрьмѣ вмѣстѣ со старшими. Всѣмъ стало жаль ея и архіерейскіе пристава, распоряжавшіеся казнью, велѣли ее задержать. Срубъ, куда ввели старшихъ, уже горѣлъ. Дѣвочка рвалась къ своимъ, не обращая вниманія на ласки и уговоры окружающихъ: мы де возьмемъ тебя къ себѣ вмѣсто дочери. Державшіе, желая попугать непослушную, выпустили ее, сказавъ: не слушаешься—такъ ступай въ огонь, только смотри, не закрывай глазъ. Перекрестившись три раза, дѣвочка бросилась въ пламень и сгорѣла, „вседобрый и дивный образъ ревности земнообитателямъ оставивъ“, прибавляетъ въ заключеніе жестокій авторъ *Винограда*.

Вольное мученичество, само напрашивающееся на страданіе, — одинъ изъ заразительныхъ видовъ паническаго изувѣрства. У нашихъ старообрядцевъ XVII в. оно соединялось съ безотчетнымъ, суевѣрнымъ страхомъ передъ церковной новизной, какъ передъ смертнымъ грѣхомъ или нечистой силой. Въ одномъ разсказѣ протопопа Аввакума

ярко выраженъ этотъ страхъ, создававшій такую воспріимчивую почву для старообрядческой пропаганды и овладѣвавшій даже людьми, хорошенько не понимавшими, въ чемъ дѣло. У Аввакума былъ сынъ духовный, юродивый и подвижникъ „крѣпкому подвигу“, котораго онъ самъ дивился: молился онъ до „перетуги великой“, въ ночь по тысячѣ земныхъ поклоновъ „отбрасывалъ“, зиму и лѣто ходилъ босой въ одной рубашкѣ, въ такомъ видѣ зимой 5 лѣтъ безпрестанно мерзъ на морозѣ, такъ что ступни твердѣли и въ избѣ стучали по полу, какъ деревяшки. Но когда было нужно, онъ одѣвался и держалъ себя въ порядкѣ. У него былъ новопечатный Псалтырь, по которому онъ, вѣроятно, правилъ келейное правило, ничего въ немъ не замѣчая дурного. Аввакумъ растолковалъ ему, что такое новыя книги. Въ ужасѣ схватилъ онъ никоніанскую книгу и бросилъ въ печь, проклиная всякую новизну: „зѣло у него во Христа вѣра горяча была“, добавляетъ повѣствователь. Но эта горячность поддерживалась плохою пищей, питалась инерціей, запущенностью религіознаго чувства, закоснѣніемъ, застоялостью религіознаго сознанія. Эти недостатки и были основными мотивами старообрядческаго противленія никоновымъ новшествамъ. И религіозное чувство, конечно, развивается, какъ все на свѣтѣ, изъ суевѣрнаго страха передъ грознымъ божествомъ, перерабатываясь въ кроткій страхъ Божій, какъ постоянное благочестивое настроеніе. Наше старообрядчество XVII в. остановилось на томъ моментѣ этого развитія, когда богопочитаніе, облеченное въ сложную и строго обязательную систему обрядовъ и правилъ благоповеденія, требовавшихъ прежде всего воздержанія и труда тѣлеснаго, стало въ простонародномъ пониманіи и обиходѣ мастерствомъ, умѣньемъ молиться, чтобы успѣшнѣе вымолить желаемое. Такое утилитарно-техническое и дисциплинарное направленіе религіозности оказывало извѣстное воспитательное дѣйствіе, размягчало невоздѣланное чувство, сдерживало

необузданную волю, даже вызывало надлежащія нравственныя расположенія и стремленія. Побьется человѣкъ головой о землю, по наглядному выраженію протопопа Аввакума объ усердной молитвѣ, отбросаетъ по тысячу поклоновъ,—и придетъ желанное настроеніе, установится надлежащее нравственное равновѣсіе, „а иное и заплачется“, по словамъ того же старообрядца: сядетъ утомленный на полу и часа три проплачетъ. Такимъ разсчитаннымъ физическимъ трудомъ вырабатывалось религіозное чувство. Переложенное на количества, оно стало подлежать учету и капитализаціи, даже отчужденію. Одинъ соловецкій подвижникъ, умирая, признался на духу, что келейнаго правила, въ составъ котораго входило положенное еженощное число земныхъ поклоновъ, у него заготовлено на 30 лѣтъ впередъ. При такомъ скопидомствѣ душевнаго спасенія считали возможнымъ благотворительно или въ отплату за услуги класть поклоны за другихъ. При такой выработкѣ религіозное чувство пробуждалось только внѣшними и притомъ привычными возбужденіями, съ которыми оно ассоціировалось, проявлялось минутными вспышками, *по случаю*, а не создавало постояннаго внутренняго настроенія, извѣстнымъ образомъ направляющаго помыслы, влеченія и дѣйствія. Процессъ молитвы вызывалъ потребность молиться, а не наоборотъ. Эта зависимость внутреннихъ движеній отъ внѣшнихъ дѣйствій и образовъ и была самымъ важнымъ психологическимъ моментомъ старообрядчества. Въ этомъ моментѣ крылась большая опасность — соблазнъ подумать, что въ самомъ церковномъ обрядѣ заключена та спасающая сила, которая принадлежитъ пробуждаемому имъ религіозному чувству, и что эта сила можетъ и должна проявляться всегда, когда понадобится,—даже при отсутствіи самаго чувства, лишь бы былъ совершенъ обрядъ,—слѣдовательно можетъ дѣйствовать механически. Отъ церковнаго обряда, какъ и отъ всякаго священнодѣйствія, ожидали и требовали усиленнаго напряженія благодати, постояннаго чудо-

творенія. Богъ—старый чудотворецъ,—писалъ протопопъ Аввакумъ съ своей обычной развязностью языка,—отъ небытія въ бытіе приводитъ: на то Онъ и Богъ. Религіозно-воспитательная цѣль богослужебнаго порядка и церковнаго обряда—сдѣлать привычными чувства и стремленія, ими возбуждаемыя, превратить счастливыя минутныя настроенія въ постоянную настроенность, въ добрыя привычки и потребности. Достиженіе этой цѣли устраняетъ указанную опасность, превращая зависимость внутреннихъ движеній отъ внѣшнихъ дѣйствій въ простую, съ обѣихъ сторонъ равносильную связь религіозно-нравственныхъ впечатлѣній и движеній.

Старообрядчество не избѣгнуло этой опасности. Люди такъ складно уложили свои вѣрованія и чувства въ привычныя обрядовыя рамки, связали свои лучшія нравственныя настроенія съ тѣмъ или другимъ количествомъ поклоновъ, признали эти рамки и количества древлеправославными, отцепреданными, неизмѣнными—и на томъ успокоились. Но вотъ церковная власть передвинула рамки, измѣнила количества,—и люди растерялись, не знали, какъ вѣровать и молиться, и желаемое настроеніе не приходило. Стали кричать: двумя перстами крестясь, чудотворцы спасались и намъ такъ предали,—хотя чудотворцы ничего такого не предали и спасались бы даже вовсе безъ перстовъ. Обрядъ—орудіе благочестія; люди, привыкшіе молиться по формѣ и буквѣ, а не духомъ и истиною, по нравственной рутинности не умѣли сладить съ новыми орудіями. Невозможностью оправдывать неумѣнье—довольно обычная психологическая стратагема слабосилія. Испуганно заговорили: невозможно спасеніе, Церковь объюродила отъ новыхъ „лукавыхъ догматовъ“, лишилась благодати, возлюбивъ богоотметное римское мудрованіе. Расколоучители на допросахъ говорили властямъ: „ненавидитъ насъ и гонитъ нынѣшняя ваша Церковь, но древняя святая и православная Церковь и любитъ всежелательно, и пріемлетъ всесладостно“. Намъ

теперь трудно понять, какъ это люди XVII вѣка, простые міряне, религіозная жизнь которыхъ питалась церковію и которые съ благоговѣйнымъ страхомъ чтили церковные законы, наперекоръ всякимъ законамъ такъ самовольно и своенравно произносили судъ и осужденіе надъ воспитавшей ихъ Церковью. Но тогда прибѣгали къ средству, которое все объясняло и оправдывало, къ своей любимой эсхатологіи, къ призраку конечнаго отступленія, всеобщаго крушенія. Въ тотъ вѣкъ во всѣхъ людскихъ ошибкахъ и несчастіяхъ былъ виновать прежде всего діаволъ. Выпросилъ себѣ у Бога свѣтлую Россію сатана,—писалъ протопопъ Аввакумъ,—и конечнѣ воцарился всякимъ нечестіемъ надъ всею вселенной, яко Августъ,—вторилъ ему діаконъ Ѳедоръ. Почуявъ „духъ антихристовъ“, принялись вопреки Писанію разсчитывать времена и лѣта, которыя Господь положилъ въ своей власти, и по знаменіямъ разсчитали „настатіе антихристово“. Люди, которые до Никона самовольно твердили, что все благочестіе собралось въ единое русское царство, теперь въ отчаяніи повторяли, что здѣсь „въ едину державу нечестія всѣ три Рима совокупишась“, и пошла по русскимъ городамъ и весямъ шумная проповѣдь, что „настоитъ міра сего князь“, приспѣло время страданія, плача, а не благодушія, подобаетъ неослабно страдать и бѣжать отъ зараженной Церкви, чтобы не осквернiться и не погибнуть. Очень хорошо знали, что внѣ корабля Церкви съ его кормчими, іерархіей, невозможно спасеніе, но такъ испугались воображаемаго крушенія, что рѣшились бросить корабль, предпочли заблаговременно кинуться съ палубы въ воду, чтобы утонуть въ водѣ, а не на палубѣ, какъ немного позднѣе, при св. Димитріи ростовскомъ, во времена обязательнаго брадобритія, ревнители своеобразно понимаемаго „образа Божія въ человѣкѣ“ готовы были жертвовать головой, чтобы спасти бороду. Психологія массъ превозмогла церковный канонъ и даже здравый разсудокъ.

Исторически-поучительно, какъ это случилось, что кормчіе просмотрѣли или допустили такое направленіе душъ, ввѣренныхъ ихъ кормилу.

VII.

Въ началѣ очерка, поставивъ его цѣлью выяснить первое впечатлѣніе, произведенное западнымъ вліяніемъ на русское общество, мы пытались описать въ общихъ чертахъ культурный составъ среды, на которую это вліяніе падало. Слѣдя за тѣмъ, какъ это вліяніе дѣйствовало и подъ какимъ угломъ преломлялось въ этой средѣ, мы постепенно пришли къ русскому церковному расколу, который былъ полнымъ отрицаніемъ этого вліянія. Изъ всего изложеннаго выше можно, кажется, заключить, что къ такому результату привели не столько излишества вліянія, сколько недостатки среды, его воспринимавшей.

Первоначально западное вліяніе несло къ намъ не всю западно-европейскую культуру въ полномъ ея составѣ, а только тѣ ея элементы, которые мы тогда хотѣли и могли воспринять, въ которыхъ нуждалось наше государство. Государство прежде всего спѣшило заимствовать оттуда то, что видимо или прямо могло сдѣлать его сильнымъ и богатымъ. Вліяніе началось въ XVI в. простымъ заимствованіемъ съ Запада именно матеріальныхъ средствъ, практически-полезныхъ и душевно-безвредныхъ плодовъ чужой культуры, преимущественно военно-промышленной техники. Послѣ Смуты оно продолжалось попытками самимъ выучиться у иноземцевъ производить нужныя средства, а для того перенять преимущественно прикладныя знанія западной науки, ремесла, мастерства съ фабриками и заводами, строевой уставъ, вооруженіе, также нѣкоторыя свѣдѣнія по географіи, исторіи, политикѣ, надобныя для дипломатическихъ сношеній. Можно сказать, что съ этой минуты механическое заимствованіе плодовъ западной куль-

туры получило характеръ культурнаго *вліянія*, приблизилось если не къ самымъ силамъ и факторамъ, то къ орудіямъ западно-европейской культуры.

Трудно угадать, какъ подѣйствовало бы это вліяніе, если-бы оно началось не въ XVI или XVII в., а столѣтіемъ или двумя ранѣе. Одно можно сказать, что въ половинѣ XVII в. русское церковное общество стало уже далеко не тѣмъ, чѣмъ оно было въ половинѣ XV вѣка, въ эпоху паденія Византіи. Это несчастіе помогло ему признать свою Церковь единственною представительницей, даже послѣднимъ остаткомъ вселенской Церкви. Это вселенское самомнѣніе стало опорой новаго взгляда на отечественную церковную старину, какъ на критерій пониманія христіанской истины. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныя историческія событія XVI и XVII в. западной и московской Руси превратили давнюю богословско-полемическую вражду съ латинствомъ въ національно-религіозный страхъ передъ всѣмъ, что идетъ съ латинскаго Запада. Эти новыя идеи и чувства всего болѣе и настраивали русское общество старообрядчески, возбуждая его противъ западныхъ новшествъ. Замкнутая жизнь вмѣстѣ съ недостаткомъ образовательныхъ средствъ содѣйствовала накопленію въ русскомъ церковномъ быту мѣстныхъ особенностей, а преувеличенный авторитетъ мѣстной церковной старины сообщилъ этимъ особенностямъ неподобающее значеніе неприкосновенной святыни.

Между тѣмъ стремленіе государства сблизиться съ западною Европой для удовлетворенія своихъ нуждъ встрѣтилось съ преобразовательными потребностями русской Церкви. Оба эти дѣла, государственное и церковное, было различны по происхожденію и по цѣлямъ и соприкасались только слѣдствіями перваго изъ нихъ, тѣмъ, что нѣкоторые, увлекаясь западнымъ вліяніемъ, вмѣстѣ съ полезнымъ перенимали и лишнее или преждевременное, что пока не было нужно государству и тревожило Церковь, чужіе нравы и обычаи, увеселенія, вѣрованія. Эти соблазны и религіозныя

опасности, какія приносило съ собою западное вліяніе, насторожили вниманіе русскаго церковнаго общества, а въ его руководителяхъ пробудили потребность собраться съ силами, осмотрѣться и подкрѣпиться содѣйствіемъ другихъ православныхъ обществъ и для того ближе сойтись съ единовѣрнымъ Востокомъ, чтобы дружно стать противъ общаго врага. Такъ въ лучшихъ русскихъ умахъ около половины XVII в. оживилась замиравшая мысль о вселенской Церкви, проявившаяся у Никона страстною и нетерпѣливою преобразовательною дѣятельностью. И самая эта мысль, и обстоятельства ея пробужденія, и способы ея осуществленія вызвали страшную тревогу въ русскомъ церковномъ обществѣ. Идея вселенской Церкви выводила его изъ спокойнаго религіознаго самодовольства, разрушала его церковное самомнѣніе; порывистое и раздраженное гоненіе привычныхъ и освященныхъ родною стариной обрядовъ оскорбляло національное самолюбіе. Обѣ преобразовательныя дѣятельности, и государственная, и церковная, начались почти одновременно, видимо обращены были въ одну сторону, на Западъ, и велись по обоюдному согласію государства и Церкви, отчасти даже одинаковыми средствами, тѣми же школьными латинскими мудростями и чрезъ тѣхъ же латинствующихъ грековъ и западноруссовъ. Для людей болѣе мнительныхъ, чѣмъ мыслящихъ, этого было достаточно, чтобы и въ противолатинскихъ церковныхъ новшествахъ заподозрить дѣйствіе латинскаго Запада, направленное къ разрушенію восточнаго православія. Церковныя новшества, какъ новшества, оказались не подъ силу закоснѣвшему въ обрядѣ религіозному чувству, а какъ латинскія козни, испугали запуганную апокалипсическими страхами совѣсть, и люди, не обладавшіе умственною гибкостью и нравственною силой, не умѣвшіе одуматься и переломить свою религіозную инерцію, свои привычки и предразсудки, не выдержали кризиса и отдѣлились отъ своей Церкви, отвергая всякія новины, всякое общеніе съ Западомъ. Такимъ

образомъ расколъ былъ своего рода подборомъ людей, искусомъ совѣстей. Въ этомъ смыслѣ правъ Аввакумъ, сказавъ о старообрядческой смутѣ, что нужны и соблазны, чтобы выдѣлились избранные, т.-е. въ данномъ случаѣ наиболѣе закоснѣлые и неподвижные.

Западное вліяніе не было прямой причиной церковнаго раскола, но пробужденная имъ латинобоязнь послужила важнымъ коэффиціентомъ, усилившимъ народно-психологическое дѣйствіе прямыхъ церковныхъ его причинъ. Эта латинобоязнь дала общепонятное и желанное оправданіе косному и робкому формализму религіознаго чувства, затронутому церковными новшествами, неумѣнью приподнять религіозную мысль до уровня требованій времени, превратила это неумѣнье въ оппозицію, сообщила этой косности энергію, самоувѣренность и обаяніе исповѣдническаго подвига,— словомъ, изъ слабости сдѣлала силу.

Съ другой стороны, расколъ, на характеръ и направленіе котораго такъ подѣйствовало западное вліяніе, оказалъ еще болѣе сильное дѣйствіе на дальнѣйшее направленіе самаго этого вліянія. Церковная смута заставила руководителей русскаго общества глубже вникнуть въ отношеніе Россіи къ западной Европѣ и отчетливѣе поставить вопросъ о западномъ вліяніи. Расколъ выводилъ и государственныя, и церковныя новшества изъ одного еретическаго латинскаго источника, грозящаго чистотѣ православія. Теперь старались рѣзче отдѣлить дѣло Церкви отъ дѣла государства и показать, что ни то, ни другое дѣло не имѣетъ никакой связи ни съ латинствомъ, ни съ какимъ-либо другимъ западнымъ исповѣданіемъ. Именно рѣшено было держаться западнаго вліянія, только въ строго очерченныхъ предѣлахъ, тѣснѣе сблизиться съ „политичными“ народами безъ различія вѣроисповѣданій, усвоять ихъ науку, „мастерства и хитрости“, но только годныя для государства и не касающіяся вѣры и нравственности. Согласно съ этимъ рѣшеніемъ помирились и даже подружились съ вѣковымъ своимъ врагомъ, съ

католической Польшей, перенимали обычаи польскаго двора, учились языкамъ польскому и латинскому, переводили свѣтскія польскія книги, но мастеровъ охотнѣе принимали изъ протестантскихъ странъ и обращались съ ними терпимѣе, чѣмъ съ католиками. Не прошло безслѣдно и составившееся въ XVII в. и такъ охотно воспринятое старообрядцами принципіальное противоположеніе ратнаго западнаго духа благодатному восточному закону. Когда между учениками Епифанія Славинецкаго и Симеона Полоцкаго поднялся споръ о сравнительной пользѣ и безопасности „еллино-греческаго и латинскаго языка и ученія", изъ этого вышелъ вопросъ не о двухъ культурахъ, не о выборѣ между двумя вліяніями, западнымъ латинскимъ и восточнымъ греческимъ,—это былъ вопросъ уже рѣшенный,—а только о двухъ богословскихъ направленіяхъ, греческомъ свято-отеческомъ и латинскомъ схоластическомъ. Споръ кончился тѣмъ, что уцѣлѣли оба языка, одинъ въ богословіи, другой въ политикѣ: непримиримыя культурныя направленія превратились въ сосѣднія сферы жизни. Скоро и латинскій языкъ отошелъ въ область богословскаго образованія: пришелъ правитель, который на историческій вопросъ, которому изъ обоихъ языковъ господствовать въ политическомъ развитіи русскаго общества, отвѣчалъ: ни тому, ни другому,—и заговорилъ по-нѣмецки и по-голландски. При царѣ Ѳеодорѣ и въ правленіе царевны Софіи польское вліяніе породило новые церковные соблазны, „въ вѣрѣ колебаніе" отъ чтенія на польскомъ языкѣ „книгъ римскихъ, люторскихъ и кальвинскихъ", хлѣбопоклонническую ересь, глубоко взволновавшую московское общество. Но правительство не повернуло назадъ; напротивъ, въ правленіе Софіи, по свидѣтельству современника кн. Куракина, возобновилось обученіе языкамъ латинскому и греческому, „также и политесъ возстановлена была съ манеру польскаго и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и въ уборахъ, и въ столахъ",—но и только. Что касается нравственно-религіозной жизни, то для огра-

жденія истины восточнаго православія отъ „западнаго зломысленнаго мудрованія“ принята была небывалая мѣра: открыто было высшее духовно-учебное заведеніе, которое, служа разсадникомъ богословскаго образованія въ строго-православномъ духѣ, должно было стать и блюстителемъ чистоты православія въ Россіи съ правомъ слѣдить и преслѣдовать всякое отступленіе отъ него или посягательство на его чистоту. Руководителями этой академіи стали греки, а православные ученые изъ Малороссіи, откуда пришли первые насадители школьной науки въ Москвѣ, безъ удостовѣренія совсѣмъ не допускались къ учительству въ академіи, хотя бы письменно засвидѣтельствовали правду восточнаго православія. Расколъ своимъ протестомъ противъ западнаго вліянія не вызвалъ реакціи противъ него, не заставилъ устраниться отъ него, а помогъ дѣлу принять такое направленіе, что прежняя безотчетная брезгливая робость передъ „нѣмцемъ“, вызывавшая правительственный запретъ соприкасаться съ нимъ въ общежитіи, смѣнилась желаніемъ спокойно и обдуманно выяснить точки безопаснаго съ нимъ соприкосновенія: этотъ нѣмецъ становился въ православныхъ глазахъ тѣмъ менѣе опаснымъ и противнымъ, чѣмъ ожесточеннѣе выставляли его таковымъ люди, отдѣлявшіеся отъ православной Церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ расколъ побудилъ рѣзче разграничить въ вопросѣ о западномъ вліяніи отношеніе къ нему Церкви и государства и этимъ точнѣе обозначить предѣлы или сферу вліянія. Это должно было успокоить много смущенныхъ совѣстей, которыя колебались между Церковью и расколомъ именно потому, что не понимали хорошенько обоихъ отношеній и опасались излишняго расширенія этой сферы. Между тѣмъ событія подвигали дѣло въ томъ же направленіи. Послѣ московскаго собора 1667 г., соловецкаго „стоянія за старую вѣру“ и московскаго раскольническаго безпорядка 1682 г., придавшихъ старообрядческому движенію характеръ не только церковнаго раскола, но и открытаго государственнаго мя-

тежа, послѣ того какъ малорусскіе ученые громко провозгласили главной причиной раскола невѣжество раскольниковъ, ихъ незнакомство съ наукой, а великорусское церковное общество согласилось съ этимъ объясненіемъ,—судьба западнаго вліянія была обезпечена: въ концѣ вѣка дѣло шло уже не о томъ, быть или не быть этому вліянію, а только о томъ, гдѣ ему быть и куда его не пускать.

Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ. *)

I.

Мы привыкли представлять себѣ Петра Великаго болѣе дѣльцомъ, чѣмъ мыслителемъ. Такимъ обыкновенно видали его и современники. Жизнь Петра такъ сложилась, что давала ему мало досуга заранѣе и неторопливо обдумывать планъ дѣйствій, а темпераментъ мало внушалъ и охоты къ тому. Спѣшность дѣлъ, неумѣнье, иногда и невозможность выжидать, подвижность ума, необычайно быстрая наблюдательность—все это пріучило Петра задумывать безъ раздумья, безъ колебанія рѣшаться, обдумывать дѣло среди самаго дѣла и, чутко угадывая требованія минуты, на ходу соображать средства исполненія. Въ дѣятельности Петра всѣ эти моменты, такъ отчетливо различаемые досужимъ размышленіемъ и какъ бы разсыпающіеся при раздумьи, шли дружно вмѣстѣ, точно вырастая одинъ изъ другого, съ органически-жизненной нераздѣлимостью и послѣдовительностью. Петръ является передъ наблюдателемъ въ вѣчномъ потокѣ разнообразныхъ дѣлъ, въ постояннномъ дѣловомъ общеніи со множествомъ людей, среди непрерывной смѣны впечатлѣній и предпріятій; всего труднѣе вообразить его наединѣ съ самимъ собою, въ уединенномъ кабинетѣ, а не въ людной и шумной мастерской.

Это не значитъ, что у Петра не было тѣхъ общихъ руководящихъ понятій, изъ которыхъ составляется образъ мыслей человѣка; только у Петра этотъ образъ мыслей выражался

*) „Журналъ для всѣхъ", издававшійся В. С. Миролюбовымъ. 1901.

нѣсколько по-своему, не какъ подробно обдуманный планъ дѣйствій или запасъ готовыхъ отвѣтовъ на всевозможные запросы жизни, а являлся случайной импровизаціей, мгновенной вспышкой постоянно возбужденной мысли, ежеминутно готовой отвѣчать на всякій запросъ жизни при первой съ нимъ встрѣчѣ. Мысль его вырабатывалась на мелкихъ подробностяхъ, текущихъ вопросахъ практической дѣятельности, мастеровой, военной, правительственной. Онъ не имѣлъ ни досуга, ни привычки къ систематическому размышленію объ отвлеченныхъ предметахъ, а воспитаніе не развило въ немъ и наклонности къ этому. Но когда среди текущихъ дѣлъ ему встрѣчался такой предметъ, онъ своей прямой и здоровой мыслью составлялъ о немъ сужденіе такъ же легко и просто, какъ его зоркій глазъ схватывалъ структуру и назначеніе впервые встрѣченной машины. Но у него всегда были наготовѣ двѣ основы его образа мыслей и дѣйствій, прочно заложенныя еще въ ранніе годы подъ неуловимыми для насъ вліяніями: это—неослабное чувство долга и вѣчно напряженная мысль объ общемъ благѣ отечества, въ служеніи которому и состоитъ этотъ долгъ. На этихъ основахъ держался и его взглядъ на свою царскую власть, совсѣмъ непривычный древнерусскому обществу, но бывшій начальнымъ, исходнымъ моментомъ его дѣятельности и вмѣстѣ основнымъ ея регуляторомъ. Въ этомъ отношеніи древнерусское политическое сознаніе испытало въ лицѣ Петра Великаго крутой переломъ, рѣшительный кризисъ.

Ближайшіе предшественники Петра, московскіе цари новой династіи, родоначальникъ которой сѣлъ на московскій престолъ не по отцовскому завѣщанію, а по всенародному избранію, конечно, не могли видѣть въ управляемомъ ими государствѣ только свою вотчину, какъ смотрѣли на него государи прежней династіи. Та династія построила государство изъ своего частнаго удѣла и могла думать, что государство для нея существуетъ, а не она для государства, подобно тому, какъ домъ существуетъ для хозяина, а не наоборотъ. Изби-

рательное происхожденіе новой династіи не допускало такого удѣльнаго взгляда на государство, составлявшаго основу политическаго сознанія государей Калитина племени. Соборное избраніе дало царямъ новаго дома новое основаніе и новый характеръ ихъ власти. Земскій соборъ просилъ Михаила на царство, а не Михаилъ просилъ царство у земскаго собора. Слѣдовательно, царь необходимъ для государства, и, хотя государство существуетъ не для государя, но безъ него оно существовать не можетъ. Идеей власти, какъ основы государственнаго порядка, суммой полномочій, вытекающихъ изъ этого источника, исчерпывалось все политическое содержаніе понятія о государѣ. Власть исполняетъ свое назначеніе, если только не бездѣйствуетъ, независимо отъ качества дѣйствія. Назначеніе власти править, а править значитъ приказывать и взыскивать. Какъ исполнить указъ—это дѣло исполнителей, которые и отвѣчаютъ передъ властью за исполненіе. Царь можетъ спросить совѣта у ближайшихъ исполнителей, своихъ совѣтниковъ, даже у совѣтныхъ людей всей земли, у земскаго собора. Это его добрая воля и много-много требованіе правительственнаго обычая или политическаго приличія Дать совѣтъ, подать мнѣніе о дѣлѣ, когда его спрашиваютъ,—это не политическое право боярской думы или земскаго собора, а ихъ вѣрноподданическая обязанность. Такъ понимали и такъ практиковали свою власть первые цари новой династіи; по крайней мѣрѣ, такъ понималъ и практиковалъ ее второй изъ нихъ, царь Алексѣй, который даже не повторилъ тѣхъ неопредѣленныхъ, никогда не обнародованныхъ и ничѣмъ политически не обезпеченныхъ обязательствъ, на которыхъ цѣловалъ крестъ боярамъ,—только боярамъ, а не земскому собору,—его отецъ. И съ 1613 по 1682 годъ никогда ни въ боярской думѣ, ни на земскомъ соборѣ не возникало вопроса о предѣлахъ верховной власти, потому что всѣ политическія отношенія устанавливались на основѣ, положенной избирательнымъ соборомъ 1613 г. Сами просили на царство—сами давайте и средства царствовать;

такова основная нота въ грамотахъ новоизбраннаго царя Михаила къ собору.

Конечно, и по происхожденію новаго царственнаго дома, и по общему значенію власти въ христіанскомъ обществѣ, христіанская мысль и въ составѣ московскаго самодержавія XVII в. могла найти идею долга царя, какъ блюстителя общенароднаго блага и идею, если не юридической, то нравственной его отвѣтственности не только передъ Богомъ, но и передъ землей; а здравый смыслъ указывалъ, что власть не можетъ быть сама себѣ ни цѣлью, ни оправданіемъ и становится непонятной, какъ скоро перестаетъ исполнять свое назначеніе—служить народному благу. Все это, вѣроятно, чувствовали и московскіе цари XVII вѣка, особенно такой благодушный и набожный носитель власти, какъ царь Алексѣй Михайловичъ. Но они слабо давали чувствовать все это своимъ подданнымъ, окруженные въ своемъ дворцѣ тяжелой церемоніальной пышностью, при тогдашнихъ, сказать мягко, суровыхъ нравахъ и пріемахъ управленія, являясь передъ народомъ земными богами въ неземномъ величіи какихъ-то царей ассирійскихъ. Тотъ же благожелательный царь Алексѣй, можетъ быть, и сознавалъ одностороннюю постановку своей власти; но у него недоставало силъ пробиться сквозь накопившуюся вѣками и плотно окутавшую его толщу условныхъ понятій и обрядностей, чтобы вразумительно показать народу и другую, оборотную сторону власти. Это и лишало московскихъ государей XVII вѣка того нравственно-воспитательнаго вліянія на управляемое общество, которое составляетъ лучшее назначеніе и высшее качество власти. Своимъ образомъ правленія, чувствами, какія они внушали управляемымъ, они значительно дисциплинировали ихъ поведеніе, сообщали имъ нѣкоторую наружную выдержку, но слабо смягчали ихъ нравы и еще слабѣе проясняли ихъ политическія и общественныя понятія.

Въ дѣятельности Петра Великаго впервые ярко проявились именно эти народно-воспитательныя свойства власти,

едва замѣтно мерцавшія и часто совсѣмъ погасавшія въ его предшественникахъ. Трудно сказать, подъ какими сторонними вліяніями или какимъ внутреннимъ процессомъ мысли удалось Петру перевернуть въ себѣ политическое сознаніе московскаго государя изнанкой на лицо; только онъ въ составѣ верховной власти всего яснѣе понялъ и особенно живо почувствовалъ „долженства“, обязанности царя, которыя сводятся, по его словамъ, къ „двумъ необходимымъ дѣламъ правленія“: къ распорядку, внутреннему благоустройству, и оборонѣ, внѣшней безопасности государства. Въ этомъ и состоитъ благо отечества, общее благо родной земли, русскаго народа или государства—понятія, которыя Петръ едва ли не первый у насъ усвоилъ и выражалъ со всею ясностію первичныхъ, простѣйшихъ основъ общественнаго порядка. Самодержавіе—средство для достиженія этихъ цѣлей. Нигдѣ и никогда не покидала Петра мысль объ отечествѣ; въ радостныя и скорбныя минуты она ободряла его и направляла его дѣйствія, и о своей обязанности служить отечеству, чѣмъ только можно, онъ говорилъ просто, безъ пафоса, какъ о дѣлѣ серіозномъ, но естественномъ и необходимомъ. Въ 1704 г. русскія войска взяли Нарву, смывъ позоръ перваго пораженія. На радостяхъ Петръ говорилъ находившемуся въ походѣ сыну Алексѣю, какъ необходимо ему, наслѣднику, для обезпеченія торжества надъ врагомъ слѣдовать примѣру отца, не бояться ни труда, ни опасностей. „Ты долженъ любить все, что служитъ ко благу и чести отечества, не щадить трудовъ для общаго блага; а если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ,—я не признаю тебя своимъ сыномъ“. Впослѣдствіи, когда возникла опасность исполнить эту угрозу, Петръ писалъ царевичу: „За мое отечество и людей моихъ я живота своего не жалѣлъ и не жалѣю; какъ могу тебя непотребнаго пожалѣть? Ты ненавидишь дѣла мои, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю“. Однажды какой-то знатный господинъ улыбнулся, видя, съ какимъ усердіемъ Петръ, любя дубъ, какъ корабельное дерево,

сажалъ желуди по петергофской дорогѣ: „Глупый человѣкъ, сказалъ ему Петръ, замѣтивъ его улыбку и догадавшись о ея значеніи:—ты думаешь, не дожить мнѣ до матерыхъ дубовъ? Да я вѣдь не для себя тружусь, а для будущей пользы государства“. Въ концѣ жизни, больнымъ отправившись въ дурную погоду осматривать работы на Ладожскомъ каналѣ и усиливъ болѣзнь этой поѣздкой, онъ говорилъ лейбъ-медику Блюментросту: „Болѣзнь упряма,—природа знаетъ свое дѣло; но и намъ надлежитъ пещись о пользѣ государства, пока силы есть“. Соотвѣтственно характеру власти измѣнилась и ея обстановка: вмѣсто кремлевскихъ палатъ, пышныхъ придворныхъ обрядовъ и нарядовъ—плохой домикъ въ Преображенскомъ и маленькіе дворцы въ новой столицѣ; простенькій экипажъ, въ которомъ, по замѣчанію очевидца, не всякій купецъ рѣшился бы показаться на столичной улицѣ; на самомъ простой кафтанъ изъ русскаго сукна, нерѣдко стоптанные башмаки со штопанными чулками,—все платье, по выраженію князя Щербатова, писателя Екатерининa вѣка, „было такъ просто, что и бѣднѣйшій человѣкъ нынѣ того носить не станетъ“.

Жить для пользы и славы государства и отечества, не жалѣть здоровья и самой жизни для общаго блага—такое сочетаніе понятій было не вполнѣ ясно для обычнаго сознанія древнерусскаго человѣка и мало привычно для его обиходной житейской практики. Онъ понималъ служеніе государству и обществу, какъ службу по назначенію правительства или по мірскому выбору, смотрѣлъ на это, какъ на повинность или какъ на средство для устройства личнаго и семейнаго благополучія. Онъ зналъ, что слово Божіе заповѣдуетъ любить ближняго, какъ самого себя, полагать душу свою за *други своя*. Но подъ ближними онъ разумѣлъ прежде всего своихъ семейныхъ и родныхъ, какъ самыхъ близкихъ изъ ближнихъ; а *другами своими* считалъ, пожалуй, и всѣхъ людей, но только какъ отдѣльныхъ людей, а не какъ общества, въ которыя они соединены. Въ минуты всенароднаго бѣдствія,

когда опасность грозила всѣмъ и каждому, онъ понималъ обязанность и могъ чувствовать въ себѣ готовность умереть за отечество, потому что, защищая всѣхъ, онъ защищалъ и самого себя, какъ каждый изъ всѣхъ, защищая себя, защищалъ и его. Онъ понималъ общее благо, какъ частный интересъ каждаго, а не какъ общій интересъ, которому должно жертвовать частнымъ интересомъ каждаго. А Петръ именно и не понималъ частнаго интереса, не совпадающаго съ общимъ, не понималъ возможности замкнуться въ кругу частныхъ, домашнихъ дѣлъ. „Что вы дѣлаете дома? съ недоумѣніемъ спрашивалъ онъ иногда окружающихъ: я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть“, т.-е. безъ дѣла общественнаго, государственнаго. „Горько намъ! онъ нашихъ нуждъ не знаетъ“, жаловались на него въ отвѣтъ на это люди, утомленные его служебными требованіями, постоянно отрывавшими ихъ отъ домашнихъ дѣлъ:—„какъ бы присмотрѣлъ онъ хорошенько за своимъ домомъ да увидѣлъ, что либо дровъ нехватаетъ, либо другого чего, такъ бы и узналъ, что мы дома дѣлаемъ“. Вотъ это трудное для древнерусскаго ума понятіе объ общемъ благѣ и усиливался выяснить ему своимъ примѣромъ, своимъ взглядомъ на власть и ея отношеніе къ народу и государству Петръ Великій.

II.

Этотъ взглядъ служилъ общей основой законодательства Петра и выражался всенародно въ указахъ и уставахъ, какъ руководящее правило его дѣятельности. Но особенно любилъ Петръ высказывать свои взгляды и руководящія идеи въ откровенной бесѣдѣ съ приближенными, въ компаніи своихъ „друзей“, какъ онъ называлъ ихъ. Ближайшіе исполнители должны были знать прежде и лучше другихъ, съ какимъ распорядителемъ имѣютъ дѣло, и чего онъ отъ нихъ ждетъ и требуетъ. То была столь памятная въ нашей исторіи компанія сотрудниковъ, которыхъ подобралъ себѣ преобра-

зователь,—довольно пестрое общество, въ составъ котораго входили и русскіе и иноземцы, люди знатные и худородные, даже безродные, очень умные и даровитые и самые обыкновенные, но преданные и исполнительные. Многіе изъ нихъ, даже большинство и притомъ самые видные и заслуженные дѣльцы, были многолѣтніе и ближайшіе сотрудники Петра: кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій, кн. М. М. Голицынъ, Тих. Стрешневъ, кн. Я. Ѳ. Долгорукій, кн. Меншиковъ, графы Головинъ, Шереметевъ, П. Толстой, Брюсъ, Апраксинъ. Съ ними онъ начиналъ свое дѣло; они шли за нимъ до послѣднихъ лѣтъ шведской войны, иные пережили Ништадтскій миръ и самого преобразователя. Другіе, какъ гр. Ягужинскій, бар. Шафировъ, бар. Остерманъ, Волынскій, Татищевъ, Неплюевъ, Минихъ, постепенно вступали въ рѣдѣвшіе ряды на мѣсто раньше выбывшихъ кн. Б. Голицына, гр. Ѳ. А. Головина, Шеина, Лефорта, Гордона. Петръ набиралъ нужныхъ ему людей всюду, не разбирая званія и происхожденія, и они сошлись къ нему съ разныхъ сторонъ и изъ всевозможныхъ состояній: кто пришелъ юнгой на португальскомъ кораблѣ, какъ генералъ-полицеймейстеръ новой столицы Девіеръ, кто пасъ свиней въ Литвѣ, какъ разсказывали про перваго генералъ-прокурора сената Ягужинскаго, кто былъ сидѣльцемъ въ лавочкѣ, какъ вице-канцлеръ Шафировъ, кто изъ русскихъ дворовыхъ людей, какъ архангельскій вице-губернаторъ, изобрѣтатель гербовой бумаги, Курбатовъ, кто, какъ Остерманъ, былъ сынъ вестфальскаго пастора; и всѣ эти люди, вмѣстѣ съ кн. Меншиковымъ, когда-то, какъ гласила молва, торговавшимъ пирогами по московскимъ улицамъ, встрѣчались въ обществѣ Петра съ остатками русской боярской знати. Иноземцы и люди новые изъ русскихъ, понимая дѣло Петра или нѣтъ, дѣлали его, не входя въ его оцѣнку, по мѣрѣ силъ и усердія, по личной преданности преобразователю или по разсчету. Изъ родовитыхъ людей большинство не сочувствовало ни ему самому, ни его дѣлу. Они были тоже люди преобразовательнаго направленія, только

не такого, какое далъ реформѣ Петръ. Они желали, чтобы реформа шла такъ, какъ повели было ее цари Алексѣй, Ѳедоръ и царевна Софья, когда, по выраженію кн. Б. Куракина, Петрова свояка, „политесъ возставлена была въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и въ уборахъ, и въ столахъ“, съ науками греческаго и латинскаго языка, съ риторикой и священной философіей, съ учеными кіевскими старцами. Вмѣсто того они видѣли политесъ съ манеру голландскаго, матросскаго, съ нешляхетскими науками— артиллеріей, навтикой, фортификаціей, съ заграничными инженерами, механиками да съ безграмотнымъ и безроднымъ Меншиковымъ, который всѣми ими, родословными боярами, командуетъ, которому даже самъ фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ вынужденъ искательно писать: „Какъ прежде всякую милость получалъ черезъ тебя, такъ и нынѣ у тебя милости прошу“.

Нелегко было сладить столь разнохарактерный наборъ въ дружную компанію для общей дѣятельности. Петру досталась трудная задача не только подыскивать годныхъ людей для исполненія своихъ предпріятій, но и воспитывать самихъ исполнителей. Неплюевъ впослѣдствіи говорилъ Екатеринѣ II: „Мы, Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огонь и воду“. Но въ этой суровой школѣ примѣнялись не одни только суровые воспитательные пріемы. Посредствомъ ранняго и прямого общенія Петръ пріобрѣлъ большое умѣнье распознавать людей даже по одной наружности, рѣдко ошибался въ выборѣ, вѣрно угадывалъ, кто на что годенъ. Но за исключеніемъ иностранцевъ, да и то не всѣхъ, люди, подобранные имъ для своего дѣла, не становились на указанныя имъ мѣста готовыми дѣльцами. Это былъ добротный, но сырой матеріалъ, нуждавшійся въ тщательной обработкѣ. Подобно своему вождю они учились на ходу, среди самаго дѣла. Имъ нужно было все показать, растолковать наглядным опытомъ, собственнымъ примѣромъ, за всякимъ при-

смотрѣть, каждаго провѣрить, иного ободрить, другому дать хорошую острастку, чтобъ не дремалъ, а смотрѣлъ въ оба.

Притомъ Петру нужно было приручать ихъ къ себѣ, стать къ нимъ въ простыя и прямыя отношенія, чтобы личной къ нимъ близостью вовлечь въ эти отношенія ихъ нравственное чувство, по крайней мѣрѣ, чувство нѣкоторой стыдливости хотя бы только передъ нимъ однимъ, и такимъ образомъ получить возможность дѣйствовать не только на ощущеніе офиціальнаго страха должностного холопа, но и на совѣсть, какъ нелишнюю подпорку гражданскаго долга или, по крайней мѣрѣ, общественнаго приличія. Въ этомъ отношеніи, что касается долга и приличія, большинство русскихъ сотрудниковъ Петра вышло изъ стараго русскаго быта съ большими недочетами, а въ западно-европейской культурѣ, при первомъ знакомствѣ съ нею, имъ больше всего пришлась по вкусу ея послѣдняя прикладная часть, что ласкала чувства и возбуждала аппетиты. Изъ этой встрѣчи старыхъ пороковъ съ новыми соблазнами вышла такая нравственная неурядица, которая заставляла многихъ неразборчивыхъ людей думать, что реформа несетъ только крушеніе добрыхъ старыхъ обычаевъ и ничего лучшаго принести не можетъ. Эта неурядица особенно ярко проявлялась въ злоупотребленіяхъ по службѣ. Своякъ Петра кн. Б. Куракинъ въ запискахъ о первыхъ годахъ его царствованія разсказываетъ, что послѣ семилѣтняго правленія царевны Софьи, веденнаго „во всякомъ порядкѣ и правосудіи“, когда „торжествовало довольство народное“, наступило „непорядочное“ правленіе царицы Натальи Кирилловны; и тогда началось „мздоимство великое и кража государственная, что донынѣ (писано въ 1727 г.) продолжается съ умноженіемъ, а вывести сію язву трудно“. Петръ жестоко и безуспѣшно боролся съ этой язвой. Многіе изъ видныхъ дѣльцовъ съ Меншиковымъ впереди были за это подъ судомъ и наказаны денежными взысканіями. Сибирскій губернаторъ кн. Гагаринъ повѣшенъ, петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ пытанъ и публично высѣченъ кнутомъ, два сена-

тора тоже подвергнуты публичному наказанію, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ снятъ съ плахи и отправленъ въ ссылку, одинъ слѣдователь по дѣламъ о казнокрадствѣ разстрѣлянъ. Про самого кн. Я. Долгорукова, сенатора, считавшагося примѣромъ неподкупности, Петръ говорилъ, что и кн. Яковъ Ѳедоровичъ „не безъ причины“. Петръ ожесточался, видя, какъ вокругъ него играютъ въ законъ, по его выраженію, словно въ карты, и со всѣхъ сторонъ подкапываются „подъ фортецію правды“. Есть извѣстіе, что однажды въ Сенатѣ, выведенный изъ терпѣнія этой повальной недобросовѣстностью, онъ хотѣлъ издать указъ вѣшать всякаго чиновника, укравшаго хоть настолько, сколько нужно на покупку веревки. Тогда блюститель закона, „око государево“, генералъ-прокуроръ Ягужинскій всталъ и сказалъ: „Развѣ, ваше величество, хотите царствовать одинъ, безъ слугъ и безъ подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, только одинъ больше и примѣтнѣе другого“. Человѣкъ снисходительный, доброжелательный и довѣрчивый, Петръ въ такой средѣ сталъ проникаться недовѣріемъ къ людямъ и пріобрѣлъ наклонность думать, что ихъ можно обуздывать только „жесточью“. Онъ не разъ повторялъ Давидово слово, что всякъ человѣкъ есть ложь, приговаривая: „Правды въ людяхъ мало, а коварства много“. Такой взглядъ отразился и на его законодательствѣ, столь щедромъ на жестокія угрозы. Впрочемъ, дурныхъ людей не передѣлаешь. Разъ въ кунсткамерѣ онъ говорилъ своему лейбъ-медику Арескину: „Я велѣлъ губернаторамъ собирать монстры (уродовъ) и присылать къ тебѣ; прикажи заготовить шкафы. Если бы я захотѣлъ присылать къ тебѣ монстры человѣческіе не по виду тѣлесъ, а по уродливымъ нравамъ, у тебя бы мѣста для нихъ не хватило; пускай шляются они во всенародной кунсткамерѣ: между людьми они болѣе примѣтны“.

Петръ самъ сознавалъ, какъ трудно очистить столь испорченную атмосферу одной грозой закона, какъ бы суровъ онъ ни былъ, и вынужденъ былъ нерѣдко прибѣгать къ

болѣе прямымъ и короткимъ способамъ дѣйствія. Въ письмѣ къ непобѣдимому упрямцу сыну онъ писалъ: „Сколько разъ я тебя бранивалъ, и не только бранилъ, но и бивалъ!“ То же „отеческое наказаніе“, какъ названъ въ манифестѣ объ отрѣшеніи царевича отъ престолонаслѣдія такой способъ исправленія въ отличіе отъ „ласки и укоризненнаго выговора“, Петръ примѣнялъ и къ своимъ сподвижникамъ. Нерасторопнымъ губернаторамъ, которые въ веденіи своихъ дѣлъ „зѣло раку послѣдуютъ“, онъ назначалъ послѣдній срокъ съ угрозой, что потомъ станетъ уже „не словомъ, но руками съ оными поступать“. Въ этой ручной политической педагогикѣ нерѣдко появлялась въ рукахъ Петра его знаменитая дубинка, о которой такъ долго помнили и такъ много разсказывали по личному опыту или со словъ испытавшихъ ее на себѣ отцовъ русскіе люди XVIII в. Петръ признавалъ въ ней большія педагогическія способности и считалъ ее своей неизмѣнной помощницей въ дѣлѣ политическаго воспитанія своихъ сотрудниковъ, хотя зналъ, какъ трудна ея задача при неподатливости наличнаго воспитательнаго матеріала. Воротясь изъ Сената, вѣроятно, послѣ крупнаго объясненія съ сенаторами, и гладя увивавшуюся около него любимую свою собачку Лизету, онъ говорилъ: „Когда бы упрямцы такъ же слушались меня въ добромъ дѣлѣ, какъ послушна мнѣ Лизета, я не гладилъ бы ихъ дубиною; собачка догадливѣе ихъ, слушается и безъ побой, а въ тѣхъ заматерѣлое упрямство“. Это упрямство, какъ спица въ глазу, не давало покоя Петру. Занимаясь въ токарной и довольный своей работой, онъ спросилъ своего токаря Нартова: „Каково я точу?“—Хорошо, ваше величество!—„Такъ-то, Андрей, кости я точу долотомъ изрядно, а вотъ упрямцевъ обточить дубиной не могу“.

Съ царской дубинкой близко знакомъ былъ и свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, даже, пожалуй, ближе другихъ сподвижниковъ Петра. Этотъ даровитый дѣлецъ занималъ совершенно исключительное положеніе въ кругу сотрудниковъ преобра-

зователя. Человѣкъ темнаго происхожденія, „породы самой низкой, ниже шляхетства“, по выраженію кн. Б. Куракина, едва умѣвшій расписаться въ полученіи жалованья и нарисовать свое имя и фамилію, почти сверстникъ Петра, сотоварищъ его воинскихъ потѣхъ въ Преображенскомъ и корабельныхъ занятій на голландскихъ верфяхъ,—Меншиковъ, по отзыву того же Куракина, въ милости у царя „до такого градуса взошелъ, что все государство правилъ, почитай, и былъ такой сильный фаворитъ, что развѣ въ римскихъ гисторіяхъ находятъ“. Онъ отлично зналъ царя, быстро схватывалъ его мысли, исполнялъ самыя разнообразныя порученія, даже по инженерной части, которой совсѣмъ не понималъ, былъ чѣмъ-то въ родѣ главнаго начальника его штаба, успѣшно, иногда съ блескомъ командовалъ въ бояхъ. Смѣлый, ловкій и самоувѣренный, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ царя и безпримѣрными полномочіями, отмѣнялъ распоряженія его фельдмаршаловъ, не боялся противорѣчить ему самому и оказалъ Петру услуги, которыхъ онъ никогда не забывалъ. Но никто изъ сотрудниковъ не огорчалъ его больше, чѣмъ этотъ „мейнъ липсте фринтъ“ (мой любимый другъ) или „мейнъ герцбрудеръ“ (мой сердечный братъ), какъ называлъ его Петръ въ письмахъ къ нему. Данилычъ любилъ деньги, и ему нужно было много денегъ. Сохранились счета, по которымъ съ конца 1709 по 1711 годъ онъ издержалъ лично на себя 45 тыс. рублей, т.-е. около 400 тыс. на наши деньги. И онъ не стѣснялся въ средствахъ добывать деньги, какъ показываютъ извѣстія о его многочисленныхъ злоупотребленіяхъ: бѣдный преображенскій сержантъ впослѣдствіи имѣлъ состояніе, которое современники опредѣляли въ 150 тыс. рубл. поземельнаго дохода (около 1.300.000 на наши деньги), не считая драгоцѣнныхъ каменьевъ на $1^1/_2$ мил. руб. (около 13 мил.) и многомилліонныхъ вкладовъ въ заграничныхъ банкахъ. Петръ не былъ скупъ для заслуженнаго любимца; но такое богатство едва ли могло составиться изъ однѣхъ царскихъ щедротъ да изъ барышей

бѣломорской компаніи моржеваго промысла, въ которой князь состоялъ пайщикомъ. „Зѣло прошу, писалъ ему Петръ въ 1711 г. по поводу его мелкихъ хищеній въ Польшѣ,—зѣло прошу, чтобы вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредита". Меншиковъ и старался исполнить эту просьбу царя, только ужъ слишкомъ буквально: избѣгалъ „малыхъ прибытковъ", предпочитая имъ большіе. Черезъ нѣсколько лѣтъ слѣдственная комиссія по дѣлу о злоупотребленіяхъ князя сдѣлала на него начетъ болѣе 1 милліона рублей (около 10 мил. на наши деньги). Петръ сложилъ значительную часть этого начета. Но такая нечистота на руку выводила его изъ терпѣнія. Царь предостерегалъ князя: „Не забывай, кто ты былъ, и изъ чего сдѣлалъ я тебя тѣмъ, каковъ ты теперь". Въ концѣ своей жизни, прощая ему новыя вскрывшіяся хищенія, онъ говорилъ всегдашней его заступницѣ, императрицѣ: „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ родила его мать, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой; если не исправится, быть ему безъ головы". Кромѣ заслугъ, чистосердечнаго раскаянія и ходатайства Екатерины, въ такихъ случаяхъ выручала Меншикова изъ бѣды и царская дубинка, покрывавшая забвеніемъ грѣхъ наказаннаго. Но и царская дубинка о двухъ концахъ: исправляя грѣшника однимъ концомъ, она другимъ роняла его во мнѣніи общества. Петру нужны были дѣльцы съ авторитетомъ, которыхъ бы уважали и слушались подчиненные; а какое уваженіе могъ внушать битый царемъ начальникъ? Петръ надѣялся устранить это деморализующее дѣйствіе своей исправительной дубинки, дѣлая изъ нея строгокелейное употребленіе въ своей токарной. Нартовъ разсказываетъ, что онъ часто видалъ, какъ здѣсь государь знатныхъ чиновъ людей потчевалъ за вины дубинкою, какъ они послѣ того съ веселымъ видомъ выходили въ другія комнаты и въ тотъ же день приглашаемы были къ государеву столу, чтобы посторонніе ничего не замѣтили. Не всякій виноватый удостоивался дубинки: она была знакомъ извѣстной

близости, довѣрія къ наказуемому. Потому испытавшіе такое наказаніе вспоминали о немъ безъ горечи, какъ о милости, даже когда считали себя наказанными незаслуженно. А. П. Волынскій послѣ разсказывалъ, какъ во время персидскаго похода, на Каспійскомъ морѣ Петръ, по наговорамъ недруговъ, прибилъ его, бывшаго тогда астраханскимъ губернаторомъ, тростью, замѣнявшей дубинку въ ея отсутствіи, и только императрица „до большихъ побой милостиво довести не изволила“. „Но, добавлялъ разсказчикъ,—государь изволилъ наказать меня, какъ милостивый отецъ сына, своею ручкою, и назавтра самъ всемилостивѣйше изволилъ въ томъ обмыслиться, что вины моей въ томъ не было, милосердуя раскаялся и паки изволилъ меня принять въ прежнюю свою высокую милость“. Петръ наказывалъ такъ лишь тѣхъ, кѣмъ дорожилъ и кого надѣялся исправить этимъ средствомъ. На докладъ объ одномъ корыстномъ поступкѣ все того же Меншикова, Петръ отвѣчалъ: „Вина не малая, да прежнія заслуги больше ея“, подвергъ князя денежному взысканію, а въ токарной прибилъ его дубиной при одномъ Нартовѣ и выпроводилъ со словами: „Въ послѣдній разъ, смотри, Александръ, берегись!“

Но когда добросовѣстный дѣлецъ ошибался, дѣлалъ невольный промахъ и ждалъ грозы, Петръ спѣшилъ утѣшить его, какъ утѣшаютъ въ несчастіи, умаляя неудачу. Въ 1705 г. Б. Шереметевъ испортилъ порученную ему стратегическую операцію въ Курляндіи противъ Левенгаупта и былъ въ отчаяніи. Петръ взглянулъ на дѣло просто, какъ на „нѣкоторый несчастливый случай“, и писалъ фельдмаршалу: „Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть, понеже всегдашняя удача многихъ людей ввела въ пагубу, но забывать и паче людей ободривать“.

III.

Петръ не успѣлъ стряхнуть съ себя дочиста древнерусскаго человѣка съ его нравами и понятіями даже тогда,

когда воевалъ съ ними. Это сказывалось не только въ отеческой расправѣ съ людьми знатныхъ чиновъ, но и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ надеждѣ искоренить заблужденія въ народѣ, выгоняя кнутомъ бѣсовъ изъ ложнобѣснующихся,—„хвостъ де кнута длиннѣе хвоста бѣсовскаго“, или въ способѣ лѣченія зубовъ у жены своего камердинера Полубоярова. Камердинеръ жаловался Петру, что жена съ нимъ неласкова, ссылаясь на зубную боль.—„Хорошо, я полѣчу ее“. Считая себя достаточно опытнымъ въ оперативной хирургіи, Петръ взялъ зубоврачебный приборъ и зашелъ къ камердинершѣ въ отсутствіе мужа. „У тебя, слышалъ я, зубъ болитъ?“—Нѣтъ, государь, я здорова.—„Неправда, ты трусишь“. Та, оробѣвъ, признала у себя болѣзнь, и Петръ выдернулъ у нея здоровый зубъ, сказавъ: „Помни, что жена да боится своего мужа, иначе будетъ безъ зубовъ“.—„Вылѣчилъ“! съ усмѣшкой замѣтилъ онъ мужу, воротившись во дворецъ.

При умѣньи Петра обращаться съ людьми, когда нужно, властно или запросто, по-царски или по-отечески, келейныя поученія вмѣстѣ съ продолжительнымъ общеніемъ въ трудахъ, горяхъ и радостяхъ устанавливали извѣстную близость отношеній между нимъ и его сотрудниками; а участливая простота, съ какою онъ входилъ въ частныя дѣла близкихъ людей, придавала этой близости отпечатокъ задушевной короткости. Послѣ дневныхъ трудовъ, въ досужіе вечерніе часы, когда Петръ по обыкновенію или уѣзжалъ въ гости, или у себя принималъ гостей, онъ бывалъ веселъ, обходителенъ, разговорчивъ, любилъ и вокругъ себя видѣть веселыхъ собесѣдниковъ, слышать непринужденную, умную бесѣду и терпѣть не могъ ничего, что разстраивало такую бесѣду, никакого ехидства, выходокъ, колкостей, а тѣмъ паче ссоръ и брани; провинившагося тотчасъ наказывали, заставляли пить штрафъ—опорожнить бокала три вина или одного орла (большой ковшъ), чтобъ „лишняго не вралъ и не задиралъ“. П. Толстой долго помнилъ, какъ онъ разъ при-

нужденъ былъ выпить штрафъ за то, что принялся черезчуръ неосторожно расхваливать Италію. Ему и въ другой разъ пришлось пить штрафъ, только уже за излишнюю осторожность. Нѣкогда, въ 1682 г., какъ агентъ царевны Софьи и Ивана Милославскаго, онъ сильно замѣшался въ стрѣлецкій бунтъ и едва удержалъ голову на плечахъ, но во-время покаялся, получилъ прощеніе, умомъ и заслугами вошелъ въ милость и сталъ виднымъ дѣльцомъ, которымъ Петръ очень дорожилъ. Однажды, на пирушкѣ у корабельныхъ мастеровъ, подгулявъ и разблагодушествовавшись, гости принялись запросто выкладывать царю, что у каждаго лежало на днѣ души. Толстой, незамѣтно уклонившійся отъ стакановъ, сѣлъ у камелька, задремалъ, точно во хмѣлю, опустилъ голову и даже снялъ парикъ, а между тѣмъ, покачиваясь, внимательно прислушивался къ откровенной болтовнѣ собесѣдниковъ царя. Петръ, по привычкѣ ходившій взадъ и впередъ по комнатѣ, замѣтилъ уловку хитреца и, указывая на него присутствующимъ, сказалъ: „Смотрите, повисла голова—какъ бы съ плечъ не свалилась“.—Не бойтесь, ваше величество, отвѣчалъ вдругъ очнувшійся Толстой:—она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда.—„А! такъ онъ только притворился пьянымъ, продолжалъ Петръ:—поднесите-ка ему стакана три добраго флина (грѣтаго пива съ коньякомъ и лимоннымъ сокомъ), такъ онъ поравняется съ нами и такъ же будетъ трещать по-сорочьи“. И, ударяя его ладонью по плѣши, продолжалъ: „Голова, голова! кабы не такъ умна ты была, давно бъ я отрубить тебя велѣлъ“. Щекотливыхъ предметовъ, конечно, избѣгали, хотя господствовавшая въ обществѣ Петра непринужденность располагала неосторожныхъ или черезчуръ прямодушныхъ людей высказывать все, что приходило на умъ. Флотскаго лейтенанта Мишукова Петръ очень любилъ и цѣнилъ за знаніе морского дѣла, и ему первому изъ русскихъ довѣрилъ цѣлый фрегатъ. Разъ,—это было еще до дѣла царевича Алексѣя,—на пиру въ Кронштадѣ, сидя за столомъ возлѣ государя, Мишуковъ, уже

порядочно выпившій, задумался и вдругъ заплакалъ. Удивленный государь съ участіемъ спросилъ, что съ нимъ. Мишуковъ откровенно и во всеуслышаніе объяснилъ причину своихъ слезъ: мѣсто, гдѣ сидятъ они, новая столица, около него построенная, балтійскій флотъ, множество русскихъ моряковъ, наконецъ, самъ онъ, лейтенантъ Мишуковъ, командиръ фрегата, чувствующій, глубоко чувствующій на себѣ милости государя,—все это созданіе его государевыхъ рукъ; какъ вспомнилъ онъ все это, да подумалъ, что здоровье его, государя, все слабѣетъ, такъ и не могъ удержаться отъ слезъ. „На кого ты насъ покинешь?“ добавилъ онъ.—Какъ на кого? возразилъ Петръ: у меня есть наслѣдникъ-царевичъ.—„Охъ, да вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ“. Петру понравилась звучавшая горькой правдой откровенность моряка; но грубоватость выраженія и неумѣстность неосторожнаго признанія подлежали взысканію. „Дуракъ! замѣтилъ ему Петръ съ усмѣшкой, треснувъ его по головѣ:—этого при всѣхъ не говорятъ“.

Участники этихъ досужихъ товарищескихъ бесѣдъ увѣряютъ, что самодержавный государь тогда какъ бы исчезалъ въ веселомъ гостѣ или радушномъ хозяинѣ, хотя мы, зная разсказы про вспыльчивость Петра, скорѣе расположены думать, что благодушные его собесѣдники должны были чувствовать себя подобно путешественникамъ, любующимся видами съ вершины Везувія, въ ежеминутномъ ожиданіи пепла и лавы. Случались, особенно въ молодости, и грозныя вспышки. Въ 1698 г. на пиру у Лефорта Петръ едва не закололъ шпагой генерала Шеина, вспыливъ на него за торговлю офицерскими мѣстами въ своемъ полку. Лефортъ, удержавшій раздраженнаго царя, поплатился за это раной. Однако, несмотря на подобные случаи, видно, что гости на этихъ собраніяхъ все-таки чувствовали себя весело и непринужденно; корабельные мастера и флотскіе офицеры, подбадриваемые радушнымъ потчеваніемъ изъ рукъ развеселившагося Петра, запросто съ нимъ обнимались, клялись ему въ

своей любви и усердіи, за что получали соотвѣтственныя выраженія признательности. Частное, не офиціальное обхожденіе съ Петромъ облегчалось одной новостью, заведенной еще во время потѣхъ въ Преображенскомъ и вмѣстѣ со всѣми потѣхами превратившейся незамѣтно въ прямое дѣло. Вѣрный рано усвоенному правилу, что руководитель долженъ прежде и лучше руководимыхъ знать дѣло, въ которомъ онъ ими руководитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желая показать собственнымъ примѣромъ, какъ надо служить,—Петръ, заводя регулярную армію и флотъ, самъ проходилъ сухопутную и морскую службу съ низшихъ чиновъ: былъ барабанщикомъ въ ротѣ Лефорта, бомбардиромъ и капитаномъ, дослужился до генералъ-лейтенанта и даже до полнаго генерала. При этомъ онъ позволялъ производить себя въ высшіе чины не иначе, какъ за дѣйствительныя заслуги, за участіе въ дѣлахъ. Производство въ эти чины было правомъ потѣшнаго короля, князя-кесаря Ѳ. Ю. Ромодановскаго. Современники описываютъ торжественное пожалованіе Петра въ вице-адмиралы за морскую побѣду при Гангудѣ въ 1714 г., гдѣ онъ въ чинѣ контръ-адмирала командовалъ авангардомъ и взялъ въ плѣнъ командира шведской эскадры Эреншильда съ его фрегатомъ и нѣсколькими галерами. Среди полнаго собранія Сената возсѣдалъ на тронѣ князь-кесарь. Позванъ былъ контръ-адмиралъ, отъ котораго князь-кесарь принялъ письменный рапортъ о побѣдѣ. Рапортъ былъ прочитанъ всему Сенату. Слѣдовали устные вопросы побѣдителю и другимъ участникамъ побѣды. Затѣмъ сенаторы держали совѣтъ. Въ заключеніе контръ-адмиралъ, „въ разсужденіи вѣрно оказанныя и храбрыя службы отечеству“, единогласно провозглашенъ вице-адмираломъ. Однажды на просьбу нѣсколькихъ военныхъ о повышеніи ихъ чинами Петръ не шутя отвѣчалъ: „Постараюсь, только какъ заблагоразсудитъ князь-кесарь. Видите, я и о себѣ просить не смѣю, хотя отечеству съ вами послужилъ вѣрно; надо выбрать удобный часъ, чтобъ его величество не прогнѣвать; но что ни будетъ, я за

васъ ходатай, хоть и разсердится. Помолимся прежде Богу,— авось, дѣло сладится". Стороннему наблюдателю все это могло показаться пародіей, шуткой, если не шутовствомъ. Петръ любилъ мѣшать шутку съ серіознымъ, дѣло съ бездѣльемъ; только у него обыкновенно выходило при этомъ такъ, что бездѣлье превращалось въ дѣло, а не наоборотъ. У него вѣдь и регулярная армія незамѣтно выросла изъ шуточныхъ полковъ, въ которые онъ игралъ въ Преображенскомъ и Семеновскомъ. Нося армейскіе и флотскіе чины, онъ дѣйствительно служилъ, точно исполнялъ служебныя обязанности и пользовался служебными правами, получалъ и расписывался въ полученіи присвоеннаго чину жалованья, при чемъ говаривалъ: „Эти деньги мои собственныя; я ихъ заслужилъ и могу употреблять, какъ хочу; но съ государственными доходами надо поступать осторожно: въ нихъ я долженъ дать отчетъ Богу". Службой Петра по арміи и флоту съ ея кесарскимъ чинопроизводствомъ создавалась форма обращенія, упрощавшая и облегчавшая отношенія царя къ окружающимъ. Въ застольной компаніи, въ частныхъ, внѣслужебныхъ дѣлахъ, обращались къ сослуживцу, товарищу по полку или фрегату, „басу" (корабельному мастеру) или капитану Петру Михайлову, какъ звался царь по морской службѣ. Становилась возможна довѣрчивая близость безъ панибратства. Дисциплина не колебалась, напротивъ, получала опору во внушительномъ примѣрѣ: опасно было шутить службой, когда ею не шутилъ самъ Петръ Михайловъ.

Въ своихъ воинскихъ инструкціяхъ Петръ предписывалъ капитану съ солдатами „братства не имѣть", не брататься: это повело бы къ поблажкѣ, распущенности. Обращеніе самого Петра съ окружающими не могло повести къ такой опасности: въ немъ было слишкомъ много царя для того. Близость къ нему упрощала обхожденіе съ нимъ, могла многому научить добросовѣстнаго и понятливаго человѣка; но она не баловала, а обязывала, увеличивала отвѣтствен-

ность приближеннаго. Онъ высоко цѣнилъ талантъ и заслугу и много грѣховъ прощалъ даровитымъ и заслуженнымъ сотрудникамъ. Но ни за какіе таланты и заслуги не ослаблялъ онъ требованій долга; напротивъ, чѣмъ выше цѣнилъ онъ дѣльца, тѣмъ взыскательнѣе былъ къ нему и тѣмъ довѣрчивѣе полагался на него, требуя не только точнаго исполненія своихъ распоряженій, но, гдѣ нужно, и дѣйствій на свой страхъ, по собственному соображенію и почину, строго предписывая, чтобы въ донесеніяхъ ему отнюдь не было привычнаго *какъ изволишь*. Никого изъ своихъ сотрудниковъ не уважалъ онъ больше эрестферскаго и гумельсгофскаго побѣдителя шведовъ, Б. Шереметева, встрѣчалъ и провожалъ его, по выраженію очевидца, не какъ подданнаго, а какъ гостя-героя; но и тотъ несъ на себѣ всю тяжесть служебнаго долга. Предписавъ осторожному и медлительному, къ тому же не совсѣмъ здоровому фельдмаршалу ускоренный маршъ въ 1704 г., Петръ не даетъ ему покоя своими письмами, настойчиво требуя: „Иди днемъ и ночью, а если такъ не учинишь, не изволь на меня впредь пенять“. Сотрудники Петра хорошо понимали смыслъ такого предостереженія. Потомъ, когда Шереметевъ, не зная, что дѣлать за неимѣніемъ инструкцій, отвѣчалъ на запросъ царя, что согласно указу никуда идти не смѣетъ, Петръ съ укоризненной ироніей писалъ ему, что онъ похожъ на слугу, который, видя, что хозяинъ его тонетъ, не рѣшается его спасать, пока не справится, прописано ли у него въ наемномъ контрактѣ вытаскивать изъ воды утопающаго хозяина. Къ другимъ генераламъ въ случаѣ ихъ неисправности Петръ обращался уже безъ всякой ироніи, съ суровой прямотой. Въ 1705 г., задумавъ нападеніе на Ригу, онъ запретилъ пропускать туда Двиной товары. Кн. Репнинъ по недоразумѣнію пропустилъ лѣсъ и получилъ отъ Петра письмо съ такими словами: „Негг, сегодня получилъ я вѣдомость о вашемъ толь худомъ поступкѣ, за что можешъ шеею заплатить; впредь же, аще единая щепа пройдетъ, ей Богомъ клянусь, безъ головы будешь“.

Зато и умѣлъ Петръ цѣнить своихъ сподвижниковъ. Онъ уважалъ въ нихъ столько же таланты и заслуги, сколько и нравственныя качества, особенно преданность, и это уваженіе считалъ одною изъ первѣйшихъ обязанностей государя. За своимъ обѣденнымъ столомъ онъ пивалъ тостъ „за здравіе тѣхъ, кто любитъ Бога, меня и отечество“ и сыну вмѣнялъ въ непремѣнную обязанность любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они свои или чужіе. Кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій, страшный начальникъ тайной полиціи, „князь-кесарь“ въ шуточной компанейской іерархіи, „собою видомъ какъ монстра, нравомъ злой тиранъ“, по отзыву современниковъ, или просто „звѣрь“, какъ величалъ его самъ Петръ въ минуты недовольства имъ, не отличался особенно выдающимися способностями, только „любилъ пить непрестанно и другихъ поить да ругаться“; но онъ былъ преданъ Петру, какъ никто другой, и за то пользовался его безмѣрнымъ довѣріемъ и наравнѣ съ фельдмаршаломъ Б. П. Шереметевымъ имѣлъ право входить въ кабинетъ Петра безъ доклада— преимущество, которое не всегда имѣлъ даже самъ „полудержавный властелинъ“ Меншиковъ. Уваженіе къ заслугамъ своихъ сотрудниковъ иногда получало у Петра задушевно-теплое выраженіе. Разъ, въ разговорѣ съ лучшими своими генералами. Шереметевымъ, М. Голицынымъ и Репнинымъ, о славныхъ полководцахъ Франціи, онъ съ одушевленіемъ сказалъ: „Слава Богу, дожилъ я до своихъ Тюренновъ, только вотъ Сюллія у себя еще не вижу“. Генералы поклонились и поцѣловали у царя руку, а онъ поцѣловалъ ихъ въ лобъ. Своихъ сподвижниковъ Петръ не забывалъ и на чужбинѣ. Въ 1717 г., осматривая укрѣпленія Намюра въ обществѣ офицеровъ, отличившихся въ войнѣ за испанское наслѣдство, Петръ былъ чрезвычайно доволенъ ихъ бесѣдой, самъ разсказывалъ имъ объ осадахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ, и съ сіяющимъ отъ радости лицомъ сказалъ коменданту: „Словно я нахожусь теперь въ отечествѣ среди своихъ друзей и офицеровъ“. Вспомнивъ разъ о покойномъ

Шереметевѣ († 1719 г.), Петръ вздохнувъ, съ грустнымъ предчувствіемъ сказалъ окружающимъ: „Нѣтъ уже Борисъ Петровича, скоро не будетъ и насъ; но его храбрость и вѣрная служба не умрутъ и всегда будутъ памятны въ Россіи". Незадолго до своей смерти онъ мечталъ соорудить памятники своимъ покойнымъ военнымъ сподвижникамъ—Лефорту, Шеину, Гордону, Шереметеву, говоря про нихъ: „Сіи мужи—вѣрностію и заслугами вѣчные въ Россіи монументы". Ему хотѣлось поставить эти памятники въ Александро-Невскомъ монастырѣ подъ сѣнію древняго святого князя, невскаго героя. Рисунки памятниковъ были уже отправлены въ Римъ къ лучшимъ скульпторамъ; но за смертію императора дѣло не состоялось.

IV.

Воспитывая себѣ дѣльцовъ самымъ обхожденіемъ съ ними, требованіями служебной дисциплины, собственнымъ примѣромъ, наконецъ, уваженіемъ къ таланту и заслугѣ, Петръ хотѣлъ, чтобы его сотрудники ясно видѣли, во имя чего онъ требуетъ отъ нихъ такихъ усилій, и хорошо понимали какъ его самого, такъ и дѣло, которое вели по его указаніямъ,—хотя бы только понимали, если ужъ не могли въ душѣ сочувствовать ни ему самому, ни его дѣлу. Да и самое это дѣло было настолько серіозно само по себѣ и такъ чувствительно всѣхъ задѣвало, что поневолѣ заставляло надъ нимъ задумываться. „Трехвременная жестокая школа", какъ называлъ Петръ длившуюся три школьныхъ семилѣтія шведскую войну, пріучала всѣхъ проходившихъ ее учениковъ, какъ и самого учителя, ни на минуту не выпускать изъ виду тяжелыхъ задачъ, какія она ставила на очередь, отдавать себѣ отчетъ въ ходѣ дѣлъ, подсчитывать добытые успѣхи, запоминать и соображать полученные уроки и допущенныя ошибки. Въ досужіе часы, иногда и за пиршественнымъ столомъ, въ возбужденномъ и приподнятомъ настроеніи

по случаю какого-нибудь радостнаго событія, въ обществѣ Петра и завязывались бесѣды о такихъ предметахъ, къ какимъ рѣдко обращаются въ минуты отдыха много занятые люди. Современники записали почти только монологи самого царя, который обыкновенно и заводилъ эти разговоры. Но едва ли гдѣ еще можно найти болѣе явственное выраженіе того, о чемъ хотѣлъ Петръ заставить думать и какъ настроить свое общество. Содержаніе бесѣдъ было довольно разнообразно: говорили о Библіи, о мощахъ, о безбожникахъ, о народныхъ суевѣріяхъ, Карлѣ XII, о заграничныхъ порядкахъ. Иногда среди собесѣдниковъ заходила рѣчь и о предметахъ болѣе имъ близкихъ, практическихъ, о началѣ и значеніи того дѣла, которое они дѣлали, о планахъ будущаго, о томъ, что имъ предстоитъ еще сдѣлать. Тутъ-то и сказывалась въ Петрѣ та скрытая духовная сила, которая поддерживала его дѣятельность и обаянію которой волей-неволей подчинялись его сотрудники. Видимъ, какъ война и возбуждаемая ею реформа поднимала ихъ, напрягала ихъ мысль, воспитывала ихъ политическое сознаніе.

Петръ, особенно къ концу царствованія, очень интересовался прошлымъ своего отечества, заботился о собираніи и сохраненіи историческихъ памятниковъ, говорилъ ученому Ѳеофану Прокоповичу: „Когда же мы увидимъ полную исторію Россіи?“, неоднократно заказывалъ написать общедоступное руководство по русской исторіи. Изрѣдка мимоходомъ вспоминалъ онъ въ бесѣдахъ, какъ начиналась его дѣятельность, и разъ въ этихъ воспоминаніяхъ мелькнула древняя русская лѣтопись. Казалось бы, какое участіе могла принять въ его дѣятельности эта лѣтопись? Но въ дѣловомъ умѣ Петра каждое пріобрѣтаемое знаніе, каждое набѣгающее впечатлѣніе получало практическую обработку.

Онъ начиналъ эту дѣятельность подъ гнетомъ двухъ наблюденій, вынесенныхъ имъ изъ знакомства съ положеніемъ Россіи, какъ только онъ началъ понимать его. Онъ видѣлъ, что Россія лишена тѣхъ средствъ внѣшней силы

и внутренняго благосостоянія, какія даютъ просвѣщенной Европѣ знаніе и искусство; видѣлъ также, что шведы и турки съ татарами лишали ее самой возможности заимствовать эти средства, отрѣзавъ ее отъ европейскихъ морей: „Разумнымъ очамъ, какъ онъ писалъ сыну, къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли". Вывести Россію изъ этого двойного затрудненія, пробиться къ европейскому морю и установить непосредственное общеніе съ образованнымъ міромъ, сдернуть съ русскихъ глазъ наброшенную на нихъ непріятелемъ завѣсу, мѣшающую имъ видѣть то, что имъ хочется видѣть,—это была первая, хорошо выясненная и твердо поставленная цѣль Петра.

Однажды, въ присутствіи гр. Шереметева и генералъ-адмирала Апраксина, Петръ разсказывалъ, что въ ранней молодости онъ читалъ лѣтопись Нестора и оттуда узналъ, какъ Олегъ посылалъ на судахъ войско подъ Царьградъ. Съ этихъ поръ запало въ немъ желаніе сдѣлать то же противъ враговъ христіанства, вѣроломныхъ турокъ, и отмстить имъ за обиды, какія они вмѣстѣ съ татарами наносили Россіи. Эта мысль окрѣпла въ немъ, когда во время поѣздки въ Воронежъ въ 1694 году, за годъ до перваго азовскаго похода, обозрѣвая теченіе Дона, онъ увидѣлъ, что этой рѣкой, взявъ Азовъ, можно выйти въ Черное море, и рѣшилъ завести въ пригодномъ мѣстѣ кораблестроеніе. Точно также первое посѣщеніе города Архангельска породило въ немъ охоту завести и тамъ строеніе судовъ для торговли и морскихъ промысловъ. „И вотъ теперь, продолжалъ онъ, когда при помощи Божіей у насъ есть Кронштадтъ и Петербургъ, а вашей храбростью завоеваны Рига, Ревель и другіе приморскіе города,—строящимися у насъ кораблями мы можемъ защищаться отъ шведовъ и другихъ морскихъ державъ. Вотъ почему, друзья мои, полезно государю путешествовать по своей землѣ и замѣчать, что можетъ служить къ пользѣ и славѣ государства". Въ концѣ жизни, осматривая работы на

Ладожскомъ каналѣ и довольный ихъ ходомъ, онъ говорилъ строителямъ: „Видимъ, какъ Невой ходятъ къ намъ суда изъ Европы; а когда кончимъ вотъ этотъ каналъ, увидимъ, какъ нашей Волгой придутъ торговать въ Петербургъ и азіаты“. Планъ канализаціи Россіи былъ одною изъ раннихъ и блестящихъ идей Петра, когда это дѣло было еще новостью и на Западѣ. Онъ мечталъ, пользуясь рѣчной сѣтью Россіи, соединить всѣ моря, примыкающія къ русской равнинѣ, и такимъ образомъ сдѣлать Россію торговой и культурной посредницей между двумя мірами, Западомъ и Востокомъ, Европой и Азіей. Вышневолоцкая система, замѣчательная по остроумному подбору вошедшихъ въ нее рѣкъ и озеръ, осталась единственнымъ законченнымъ при Петрѣ опытомъ осуществленія задуманнаго грандіознаго плана. Онъ смотрѣлъ еще дальше, за предѣлы русской равнины, за Каспій, куда посылалъ экспедицію князя Бековича-Черкасскаго, между прочимъ, съ цѣлью развѣдать и описать сухой и водный, особенно водный путь въ Индію; за нѣсколько дней до смерти вспомнилъ онъ давнюю свою мысль объ отысканіи дороги въ Китай и Индію Ледовитымъ океаномъ. Уже страдая предсмертными припадками, онъ спѣшилъ написать инструкцію Камчатской экспедиціи Беринга, которая должна была разслѣдовать, не соединяется ли Азія на сѣверо-востокѣ съ Америкой,—вопросъ, на который давно уже и настойчиво обращалъ вниманіе Петра Лейбницъ. Передавая документъ Апраксину, онъ говорилъ: „Нездоровье заставило меня сидѣть дома; на-дняхъ я вспомнилъ, о чемъ думалъ давно, но чему другія дѣла мѣшали,—о дорогѣ въ Китай и Индію. Въ послѣднюю поѣздку мою за границу ученые люди тамъ говорили мнѣ, что найти эту дорогу возможно. Но будемъ ли мы счастливѣе англичанъ и голландцевъ? Распорядись за меня, Ѳедоръ Матвѣевичъ, все исполнить по пунктамъ, какъ написано въ этой инструкціи“.

Чтобы быть умѣлой посредницей между Азіей и Европой, Россіи, естественно, надлежало не только знать первую

но и обладать знаніями и искусствами послѣдней. На бесѣдахъ, разумѣется, заходила рѣчь и объ отношеніи къ Европѣ, къ иноземцамъ, приходившимъ оттуда въ Россію. Этотъ вопросъ давно, чуть не весь XVII вѣкъ, занималъ русское общество. Петра съ первыхъ лѣтъ царствованія по низверженіи Софьи сильно осуждали за привязанность къ иноземнымъ обычаямъ и къ самимъ иноземцамъ. Въ Москвѣ и Нѣмецкой Слободѣ много было толковъ о почестяхъ, съ какими Петръ въ 1699 г. хоронилъ Гордона и Лефорта. Онъ ежедневно навѣщалъ больного Гордона, оказавшаго ему большія услуги въ азовскихъ походахъ и во второй стрѣлецкій мятежъ 1697 г., самъ закрылъ глаза покойнику и поцѣловалъ его въ лобъ; при погребеніи, бросивъ землю на опущенный въ могилу гробъ, Петръ сказалъ предстоящимъ: „Я даю ему только горсть земли, а онъ мнѣ далъ цѣлое пространство съ Азовомъ“. Еще съ большей горестью хоронилъ Петръ Лефорта: самъ шелъ за его гробомъ, обливался слезами, слушая надгробную проповѣдь реформатскаго пастора, восхвалявшаго заслуги покойнаго адмирала, и прощался съ нимъ въ послѣдній разъ съ сокрушеніемъ, вызвавшимъ крайнее удивленіе присутствовавшихъ иностранцевъ; а на похоронномъ обѣдѣ сдѣлалъ цѣлую сцену русскимъ боярамъ. Они не особенно скорбѣли о смерти царскаго любимца, и нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь минутной отлучкой царя, пока накрывали поминальный столъ, спѣшили убраться изъ дома, но на крыльцѣ наткнулись на возвращавшагося Петра. Онъ разсердился и, воротивъ ихъ въ залъ, привѣтствовалъ рѣчью, въ которой говорилъ, что понимаетъ ихъ побѣгъ, что они боятся выдать себя, не надѣясь выдержать за столомъ притворную печаль. „Какіе ненавистники! Но я научу васъ почитать достойныхъ людей. Вѣрность Франца Яковлевича пребудетъ въ сердцѣ моемъ, доколѣ я живъ, и по смерти понесу ее съ собою въ могилу!“ Но Гордонъ и Лефортъ были исключительные иностранцы: Петръ цѣнилъ ихъ за преданность и заслуги, какъ потомъ

цѣнилъ Остермана за таланты и знанія. Съ Лефортомъ онъ былъ связанъ еще личной дружбой и преувеличивалъ достоинства „дебошана французскаго“, какъ назвалъ его кн. Б. Куракинъ; готовъ былъ даже признать его начинателемъ своей военной реформы. „Онъ началъ, а мы довершили“, говаривалъ о немъ Петръ впослѣдствіи (зато и пошелъ въ народѣ слухъ, что Петръ былъ сынъ „Лаферта да нѣмки беззаконной“, подкинутый царицѣ Натальѣ). Но къ иностранцамъ вообще Петръ относился разборчиво и безъ увлеченія. Въ первые годы дѣятельности, заводя новыя дѣла военныя и промышленныя, онъ не могъ обойтись безъ нихъ, какъ инструкторовъ, свѣдущихъ людей, какихъ не находилъ между своими; но при первой возможности старался замѣнять ихъ русскими. Уже въ манифестѣ 1705 г. онъ прямо признается, что дорого стоившими наемными офицерами „желаемаго не возмогли достигнуть“, и предписываетъ болѣе строгія условія пріема ихъ на русскую службу. Паткуль сидѣлъ въ крѣпости за растрату денегъ, назначенныхъ на русское войско; а съ наемнымъ австрійскимъ фельдмаршаломъ Огильви, человѣкомъ дѣловитымъ, но „дерзновенникомъ и досадителемъ“, какъ называлъ его Петръ, онъ кончилъ тѣмъ, что приказалъ его арестовать и потомъ „съ непріязнью“ отослать обратно.

Столь же расчетливо было отношеніе Петра и къ иноземнымъ обычаямъ, какъ оно сказывалось въ бесѣдахъ. Разъ, при шутливомъ столкновеніи съ княземъ-кесаремъ изъ-за длиннаго бешмета, въ какомъ Ромодановскій пріѣхалъ въ Преображенское, Петръ сказалъ, обращаясь къ присутствовавшимъ гвардейцамъ и знатнымъ господамъ: „Длинное платье мѣшало проворству рукъ и ногъ стрѣльцовъ; они не могли ни работать хорошо ружьемъ, ни маршировать. Для того-то велѣлъ я Лефорту пообрѣзать сперва зипуны и зарукавья, а потомъ сдѣлать новые мундиры по европейскому обычаю. Старая одежда больше похожа на татарскую, чѣмъ на сродную намъ легкую славянскую; не годится

являться на службу въ спальномъ платьѣ". Петру же приписывали и обращенныя къ боярамъ слова о брадобритіи, отвѣчающія обычному тону его рѣчи и образу мыслей: „Наши старики по невѣжеству думаютъ, что безъ бороды не войдутъ въ царство небесное, хотя оно отверсто для всѣхъ честныхъ людей, съ бородами ли они или безъ бородъ, съ париками или плѣшивые". Петръ видѣлъ только дѣло приличія, удобства или суевѣрія въ томъ, чему старорусское общество придавало значеніе религіозно-національнаго вопроса, и ополчался не столько противъ самыхъ обычаевъ русской старины, сколько противъ суевѣрныхъ представленій, съ ними соединенныхъ, и упрямства, съ какимъ ихъ отстаивали.

Это старорусское общество, такъ ожесточенно обвинявшее Петра въ замѣнѣ добрыхъ старыхъ обычаевъ дурными новыми, считало его беззавѣтнымъ западникомъ, который предпочитаетъ все западно-европейское русскому не потому, что оно лучше русскаго, а потому, что оно не русское, а западно-европейское. Ему приписывали увлеченія, столь мало сродныя его разсудительному характеру. По случаю учрежденія въ Петербургѣ ассамблей, очередныхъ увеселительныхъ собраній въ знатныхъ домахъ, кто-то при государѣ сталъ расхваливать парижскіе обычаи и манеры свѣтскаго обхожденія. Петръ, видавшій Парижъ, возразилъ: „Хорошо перенимать у французовъ науки и художества, и я бы хотѣлъ видѣть это у себя; а въ прочемъ Парижъ воняетъ". Онъ зналъ, что хорошо въ Европѣ, но никогда не обольщался ею, и то хорошее, что удалось перенять оттуда, считалъ не ея благосклоннымъ даромъ, а милостью Провидѣнія. Въ одной собственноручной программѣ празднованія годовщины Ништадтскаго мира онъ предписывалъ возможно сильнѣе выразить мысль, что иностранцы всячески старались не допустить насъ до свѣта разума, да проглядѣли, точно въ глазахъ у нихъ помутилось,—и онъ признавалъ это чудомъ Божіимъ, содѣяннымъ для русскаго народа. „Сіе пространно развести надлежитъ, гласила программа,—и чтобъ сенсу (смыслу) было

довольно". Преданіе донесло отзвукъ одной бесѣды Петра съ приближенными объ отношеніи Россіи къ Западной Европѣ, когда онъ будто бы сказалъ: „Европа нужна намъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы можемъ повернуться къ ней задомъ".

Въ чемъ сущность реформы, что она сдѣлала и что ей предстоитъ еще сдѣлать? Эти вопросы все болѣе занимали Петра по мѣрѣ того, какъ облегчалась тяжесть шведской войны. Военныя опасности всего болѣе ускоряли движеніе реформы. Потому главное ея дѣло было военное, „чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли и прежде незнамые въ свѣтѣ нынѣ почитаемы стали", какъ писалъ Петръ сыну въ 1715 г. А что дальше? На одной бесѣдѣ, живо рисующей отношенія Петра къ сотрудникамъ и сотрудниковъ другъ къ другу, на этотъ вопросъ пришлось отвѣчать кн. Я. Ѳ. Долгорукому, правдивѣйшему законовѣду своего времени, нерѣдко смѣло споришему съ Петромъ въ Сенатѣ. За эти споры Петръ иногда досадовалъ на Долгорукаго, но всегда уважалъ его. Разъ, воротившись изъ Сената, онъ говорилъ про князя: „Кн. Яковъ въ Сенатѣ прямой мнѣ помощникъ: онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо". Въ 1717 г. блеснула, наконецъ, надежда на скорое окончаніе тяжелой войны, чего Петръ желалъ нетерпѣливо: въ Голландіи открылись предварительные переговоры о мирѣ съ Швеціей, и былъ назначенъ конгрессъ на Аландскихъ островахъ. Въ этомъ году разъ, сидя за столомъ, на пиру со многими знатными людьми, Петръ разговорился о своемъ отцѣ, о его дѣлахъ въ Польшѣ, о затрудненіяхъ, какія надѣлалъ ему патріархъ Никонъ; Мусинъ-Пушкинъ принялся выхвалять сына и унижать отца, говоря, что царь Алексѣй самъ мало что дѣлалъ, а больше Морозовъ съ другими великими министрами; все дѣло въ министрахъ: каковы министры у государя, таковы и его дѣла. Государя раздосадовали эти рѣчи; онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ Мусину-Пушкину: „Въ твоемъ порицаніи

дѣлъ моего отца и въ похвалѣ моимъ больше брани на меня, чѣмъ я могу стерпѣть". Потомъ, подошедши къ кн. Я. Ѳ. Долгорукому и ставъ за его стуломъ, говорилъ ему: „Вотъ ты больше всѣхъ меня бранишь и такъ больно досаждаешь мнѣ своими спорами, что я часто едва не теряю терпѣнія; а какъ разсужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь и правду говоришь, за что я внутренно тебѣ благодаренъ. А теперь я спрошу тебя, какъ ты думаешь о дѣлахъ отца моего и моихъ, и увѣренъ, что ты нелицемѣрно скажешь мнѣ правду". Долгорукій отвѣчалъ: „Изволь, государь, присѣсть, а я подумаю". Петръ сѣлъ подлѣ него, а тотъ по привычкѣ сталъ разглаживать свои длинные усы. Всѣ на него смотрѣли и ждали, что онъ скажетъ. Помолчавъ немного, князь началъ такъ:

„На вопросъ твой нельзя отвѣтить коротко, потому что у тебя съ отцомъ дѣла разныя: въ одномъ ты больше заслуживаешь хвалы и благодарности, въ другомъ—твой отецъ. Три главныя дѣла у царей: первое—внутренняя расправа и правосудіе; это ваше главное дѣло. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о томъ не было, и потому въ этомъ отецъ твой больше тебя сдѣлалъ. Но когда ты займешься этимъ, можетъ быть, и больше отцова сдѣлаешь. Да и пора ужъ тебѣ о томъ подумать. Другое дѣло—военное. Этимъ дѣломъ отецъ твой много хвалы заслужилъ и великую пользу государству принесъ, устройствомъ регулярныхъ войскъ тебѣ путь показалъ, но послѣ него неразумные люди всѣ его начинанія разстроили, такъ что ты почти все вновь начиналъ и въ лучшее состояніе привелъ. Однако, хоть и много я о томъ думалъ, но еще не знаю, кому изъ васъ въ этомъ дѣлѣ предпочтеніе отдать: конецъ твоей войны прямо намъ это покажетъ. Третье дѣло—устройство флота, внѣшніе союзы, отношенія къ иностраннымъ государствамъ. Въ этомъ ты гораздо больше пользы государству принесъ и себѣ чести заслужилъ, нежели твой отецъ, съ чѣмъ, надѣюсь, и самъ согласишься. А что

говорятъ, якобы каковы министры у государей, таковы и дѣла ихъ, такъ я думаю о томъ совсѣмъ напротивъ, что мудрые государи умѣютъ и умныхъ совѣтниковъ выбирать и вѣрность ихъ наблюдать. Потому у мудраго государя не можетъ быть глупыхъ министровъ, ибо онъ можетъ о достоинствѣ каждаго разсудить и правые совѣты отличить". Петръ выслушалъ все терпѣливо и, расцѣловавъ Долгорукаго, сказалъ: „Благій рабе вѣрный, въ малѣ былъ еси мнѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю". Меншикову и другимъ сіе весьма было прискорбно,—такъ заканчиваетъ свой разсказъ Татищевъ,—и они всѣми мѣрами усиливались озлобить его государю, но ничего не успѣли".

Скоро представился и удобный къ тому случай. Въ 1718 г. слѣдственное дѣло о царевичѣ вскрыло предосудительныя сношенія съ нимъ одного изъ князей Долгорукихъ и дерзкія слова его о царѣ. Бѣда потерять доброе имя грозила фамиліи. Но энергическое оправдательное письмо старшаго въ родѣ князя Якова къ Петру, уваженное царемъ, помогло провинившемуся избавиться отъ розыска, а фамиліи отъ безчестья носить званіе „злодѣйскаго рода".

Петра занимало не соперничество съ отцомъ, не счеты съ прошедшимъ, а результаты настоящаго, оцѣнка своей дѣятельности. Онъ одобрилъ все, сказанное на пиру княземъ Яковомъ, согласился, что на ближайшей очереди реформы стало устройство внутренней расправы, обезпеченіе правосудія. Отдавая предпочтеніе въ этомъ дѣлѣ отцу, князь Долгорукій имѣлъ въ виду его законодательство, особенно Уложеніе. Какъ практическій законовѣдъ, онъ лучше многихъ понималъ и значеніе этого памятника для своего времени, и его устарѣлость во многомъ для настоящаго. Но и Петръ не хуже Долгорукаго сознавалъ это и самъ возбудилъ вопросъ объ этомъ задолго до бесѣды 1717 г., еще въ 1700 г. приказавъ пересмотрѣть и пополнить Уложеніе новоизданными узаконеніями, а потомъ въ 1718 г., вскорѣ послѣ описанной бесѣды, предписалъ свести русское Уложеніе со шведскимъ.

Но ему не удалось это дѣло, какъ не удавалось оно и послѣ него цѣлое столѣтіе. Князь Долгорукій не договаривалъ, говорилъ не все, что по мысли Петра было нужно. Законодательство—только часть предстоявшаго дѣла. Пересмотръ Уложенія заставилъ обратиться къ шведскому законодательству въ надеждѣ найти тамъ готовыя нормы, выработанныя наукой и опытомъ европейскаго народа. Такъ было и во всемъ: для удовлетворенія домашнихъ нуждъ спѣшили воспользоваться произведеніями знанія и опыта европейскихъ народовъ, готовыми плодами чужой работы. Но не все же брать готовые плоды чужого знанія и опыта, теоріи и техники, того, что Петръ называлъ „науками и искусствами". Это значило бы вѣчно жить чужимъ умомъ, „подобно молодой птицѣ въ ротъ смотрѣть", по выраженію Петра. Необходимо пересадить самые корни на свою почву, чтобы они дома производили свои плоды, овладѣть источниками и средствами духовной и матеріальной силы европейскихъ народовъ. Это была всегдашняя мысль Петра, основная и плодотворнѣйшая мысль его реформы. Она нигдѣ и никогда не выходила у него изъ головы. Осматривая „вонючій" Парижъ, онъ думалъ о томъ, какъ бы видѣть у себя такой же разцвѣтъ наукъ и искусствъ; разсматривая проектъ своей Академіи Наукъ, онъ при Блументростѣ, Брюссѣ и Остерманѣ говоритъ Нартову, составлявшему проектъ Академіи Художествъ: „Надлежитъ притомъ быть департаменту художествъ, а паче механическому; желаніе мое насадить въ столицѣ сей рукомесліе, науки и художества вообще".

Война мѣшала рѣшительному приступу къ исполненію этой мысли. Да и самая эта война была предпринята съ цѣлью открыть прямые и свободные пути къ тѣмъ же источникамъ и средствамъ. Мысль эта росла въ умѣ Петра по мѣрѣ того, какъ передъ его глазами начиналъ свѣтиться желанный конецъ войны. Передавая Апраксину въ началѣ января 1725 г. инструкцію Камчатской экспедиціи, написанную уже слабѣющей рукой, онъ признался, что это его

давняя мысль, что „оградя отечество безопасностію отъ непріятеля, надлежитъ стараться находить славу государству чрезъ искусство и науки“. Безпокойно заботясь о будущемъ, нерѣдко говоря о своихъ недугахъ и возможности скорой смерти, Петръ едва ли надѣялся прожить двѣ жизни, чтобы по окончаніи войны исполнить и это второе свое великое дѣло. Но онъ вѣрилъ, что оно будетъ сдѣлано, если не имъ, то его преемниками, и эту вѣру высказалъ какъ въ словахъ—если только они были сказаны—о нѣсколькихъ десяткахъ лѣтъ русской нужды въ западной Европѣ, такъ и по другому случаю. Въ 1724 г. лейбъ-медикъ Блументростъ просилъ отправлявшагося по порученію Петра въ Швецію Татищева подыскивать тамъ ученыхъ для Академіи Наукъ, открытіе которой онъ подготовлялъ, какъ будущій ея президентъ. „Напрасно ищете сѣмянъ, возразилъ Татищевъ, когда самой почвы для посѣва еще не приготовлено“. Вслушавшись въ этотъ разговоръ, Петръ, по мысли котораго учреждалась Академія, отвѣчалъ Татищеву такою притчей. Нѣкій дворянинъ хотѣлъ у себя въ деревнѣ мельницу построить, а воды у него не было. Тогда, видя обильныя водой озера и болота у сосѣдей, онъ началъ съ ихъ согласія каналъ въ свою деревню копать и матеріалъ для мельницы заготовлять, и хотя при жизни не успѣлъ этого къ концу привести, но дѣти, жалѣя отцовыхъ издержекъ, поневолѣ продолжали и доканчивали дѣло отца. Эта крѣпкая вѣра поддерживалась въ Петрѣ и со стороны, такимъ славнымъ ученымъ, какъ Лейбницъ, давно предлагавшій ему и учрежденіе высшей ученой коллегіи въ С.-Петербургѣ съ многосложными научными и практическими задачами, и изслѣдованіе границъ между Азіей и Америкой, и широкіе планы водворенія наукъ и художествъ въ Россіи, съ раскинутой по всей странѣ сѣтью академій, университетовъ, гимназій и, главное, съ надеждой на полный успѣхъ этого дѣла. На взглядъ Лейбница это не бѣда, что здѣсь недоставало ни научныхъ преданій и навыковъ, ни учебныхъ пособій и

вспомогательныхъ учрежденій, что Россія въ этомъ отношеніи бѣлый листъ бумаги, по выраженію философа, или непочатое поле, гдѣ надо все заводить вновь. Это даже лучше, потому что, заводя все вновь, можно избѣгнуть недостатковъ и ошибокъ, какихъ надѣлала Европа, потому что при возведеніи новаго зданія скорѣе можно достигнуть совершенства, чѣмъ при исправленіи и перестройкѣ стараго.

V.

Трудно сказать, кѣмъ была внушена или какъ возникла въ умѣ Петра мысль о круговоротѣ наукъ, тѣсно связанная съ его просвѣтительными помыслами. Мысль эта высказана въ припискѣ къ черновому письму, которое Лейбницъ писалъ Петру въ 1712 году; но въ письмѣ, посланномъ къ царю, эта приписка опущена. „Провидѣніе, писалъ философъ въ этой припискѣ,—повидимому, хочетъ, чтобы наука обошла кругомъ весь земной шаръ и теперь перешла въ Скиѳію, и потому избрало Ваше Величество орудіемъ, такъ какъ Вы можете и изъ Европы и изъ Азіи взять лучшее и усовершенствовать то, что сдѣлано въ обѣихъ частяхъ свѣта". Можетъ быть, эту мысль Лейбницъ высказывалъ Петру въ личной бесѣдѣ съ нимъ. Нѣчто, похожее на ту же мысль, какъ бы вскользь высказано и въ одномъ сочиненіи славянскаго патріота Юрія Крижанича: послѣ многихъ народовъ древняго и новаго міра, поработавшихъ на поприщѣ наукъ, очередь дошла наконецъ и до славянъ. Но это сочиненіе, писанное въ Сибири, при царѣ Алексѣѣ, едва ли было извѣстно Петру.

Какъ бы то ни было, въ одной превосходной бесѣдѣ съ сотрудниками Петръ изложилъ ту же мысль по-своему, кстати воспользовавшись ею, чтобы дать почувствовать нѣкоторымъ изъ собесѣдниковъ, что ему слышенъ идущій вокругъ него шопотъ не о пользѣ, даже не о безполезности наукъ, а о прямомъ вредѣ ихъ. Въ 1714 году, празднуя спускъ воен-

наго корабля въ Петербургѣ, царь былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и за столомъ на палубѣ, среди приглашеннаго на пиръ высшаго общества, много говорилъ объ успѣшномъ ходѣ русскаго кораблестроенія. Между прочимъ онъ обратился съ цѣлой рѣчью прямо къ сидѣвшимъ около него старымъ боярамъ, которые видѣли мало проку въ опытности и знаніяхъ, пріобрѣтенныхъ русскими министрами и генералами, искренно преданными реформѣ. Надобно имѣть въ виду, что рѣчь изложена бывшимъ на торжествѣ нѣмцемъ, брауншвейгскимъ резидентомъ Веберомъ, который всего мѣсяца два какъ пріѣхалъ въ Петербургъ и едва ли былъ въ состояніи уловить и точно передать ея оттѣнки, хотя и называетъ ее самой глубокомысленной и остроумной изъ всѣхъ рѣчей, имъ слышанныхъ отъ царя. Читая его изложеніе, легко замѣтить, что нѣкоторымъ мыслямъ царя онъ далъ свою окраску и свое толкованіе,

„Кому изъ васъ, братцы мои, хоть бы во снѣ снилось лѣтъ 30 тому назадъ, такъ началъ царь,—что мы съ вами здѣсь, у Остзейскаго моря, будемъ плотничать и въ одеждѣ нѣмцевъ, въ завоеванной у нихъ же нашими трудами и мужествомъ странѣ построимъ городъ, въ которомъ вы живете, что мы доживемъ до того, что увидимъ такихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ русской крови, такихъ сыновъ, побывавшихъ въ чужихъ странахъ и возвратившихся домой столь смышленными, что увидимъ у себя такое множество иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ такъ уважать чужестранные государи? Историки полагаютъ колыбель всѣхъ знаній въ Греціи, откуда по превратности временъ они были изгнаны, перешли въ Италію, а потомъ распространились было и по всѣмъ австрійскимъ землямъ, но невѣжествомъ нашихъ предковъ были пріостановлены и не проникли далѣе Польши; а поляки, равно какъ и всѣ нѣмцы, пребывали въ такомъ же непроходимомъ мракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребываемъ доселѣ, и только непомѣрными

трудами правителей своихъ открыли глаза и усвоили себѣ прежнія греческія искусства, науки и образъ жизни. Теперь очередь приходитъ до насъ, если только вы поддержите меня въ моихъ важныхъ предпріятіяхъ, будете слушаться безъ всякихъ отговорокъ и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло. Это передвиженіе наукъ я приравниваю къ обращенію крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и сдается мнѣ, что современемъ онѣ оставятъ теперешнее свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, продержатся нѣсколько вѣковъ у насъ и затѣмъ снова возвратятся въ истинное отечество свое—въ Грецію. Покамѣстъ совѣтую вамъ помнить латинскую поговорку: Ora et laЬora (молись и трудись), и твердо надѣяться, что, можетъ быть, еще на нашемъ вѣку вы пристыдите другія образованныя страны и вознесете на высшую степень славу русскаго имени".

— „Да, да, правда!" отвѣчали царю старые бояре, въ глубокомъ молчаніи слушавшіе его слова, и заявивъ ему, что они готовы и будутъ дѣлать все, что онъ имъ повелитъ, снова обѣими руками ухватились за любезные имъ стаканы, предоставляя царю разсудить въ глубинѣ его собственныхъ помышленій, насколько успѣлъ онъ убѣдить ихъ и насколько могъ надѣяться достигнуть конечной цѣли своихъ великихъ предпріятій.

Разсказчикъ придалъ этой бесѣдѣ ироническій эпилогъ. Петръ огорчился бы, даже, пожалуй, сказалъ бы боярамъ другую, менѣе возвышенную и ласковую рѣчь, если бы замѣтилъ, что они отнеслись къ его словамъ такъ безучастно, себѣ на умѣ, какъ это представилъ иноземецъ. Ему извѣстно было, какъ судили объ его реформѣ въ Россіи и за границей, и эти сужденія болѣзненно отзывались въ его душѣ. Онъ зналъ, что тамъ и здѣсь очень многіе видѣли въ его реформѣ насильственное дѣло, которое онъ могъ вести, только пользуясь своей неограниченной и жестокой властью и привычкой народа слѣпо ей повиноваться. Стало быть, онъ

не европейскій государь, а азіатскій деспотъ, повелѣвающій рабами, а не гражданами. Такой взглядъ оскорбляетъ его, какъ незаслуженная обида. Онъ столько сдѣлалъ, чтобы придать своей власти характеръ долга, а не произвола; думалъ, что на его дѣятельность иначе нельзя смотрѣть, какъ на служеніе общему благу народа, а не какъ на тиранію. Онъ такъ старательно устранялъ все унизительное для человѣческаго достоинства въ отношеніяхъ подданнаго къ государю, еще въ самомъ началѣ столѣтія запретилъ писаться уменьшительными именами; падать передъ царемъ на колѣни, зимою снимать шапки передъ дворцомъ, разсуждая такъ объ этомъ: „Къ чему уничижать званіе, безобразить достоинство человѣческое? Менѣе низости, больше усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—таковъ почетъ, подобающій царю“. Онъ устроилъ столько госпиталей, богадѣленъ и училищъ, „народъ свой во многихъ воинскихъ и гражданскихъ наукахъ обучилъ“, въ Воинскихъ статьяхъ запретилъ бить солдата, писалъ наставленіе всѣмъ принадлежащимъ къ русскому войску, „каковой ни есть вѣры или народа они суть, между собою христіанскую любовь имѣть“, внушалъ „съ противниками церкви съ кротостью и разумомъ поступать по Апостолу, а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ“, говорилъ, что Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ,—и онъ первый на Руси сталъ это писать и говорить,—а его считали жестокимъ тираномъ, азіатскимъ деспотомъ. Объ этомъ не разъ заводилъ онъ рѣчь съ приближенными и говорилъ съ жаромъ, съ порывистой откровенностью: „Знаю, что меня считаютъ тираномъ. Иностранцы говорятъ, что я повелѣваю рабами. Это неправда: не знаютъ всѣхъ обстоятельствъ. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ; эти указы содержатъ въ себѣ пользу, а не вредъ государству. Надобно знать, какъ управлять народомъ. Англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Честный и разумный

человѣкъ, усмотрѣвшій что-либо вредное или придумавшій что полезное, можетъ говорить мнѣ прямо безъ боязни. Вы сами тому свидѣтели. Полезное я радъ слушать и отъ послѣдняго подданнаго. Доступъ ко мнѣ свободенъ, лишь бы не отнимали у меня времени бездѣльемъ. Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Невѣжество и упрямство всегда ополчались на меня съ той поры, какъ задумалъ я ввести полезныя перемѣны и исправить грубые нравы. Вотъ кто настоящіе тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямыхъ, смягчая дубовыя сердца, не жестокосердствую, переодѣвая подданныхъ въ новое платье, заводя порядокъ въ войскѣ и въ гражданствѣ и пріучая къ людскости, не тиранствую, когда правосудіе осуждаетъ злодѣя на смерть. Пускай злость клевещетъ: совѣсть моя чиста. Богъ мнѣ судья! Неправые толки въ свѣтѣ разноситъ вѣтеръ".

VI.

Защищая царя отъ обвиненія въ жестокости, любимый токарь его Нартовъ пишетъ: „Ахъ, если бы многіе знали то, что извѣстно намъ, дивились бы снисхожденію его. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы онъ отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего монарха". Эта „архива" уже разбирается и все яснѣе обнаруживаетъ, по какой раскаленной почвѣ шелъ Петръ, ведя реформу со своими сотрудниками. Все вокругъ него роптало на него, и этотъ ропотъ, начинаясь во дворцѣ, въ семьѣ царя, широко расходится оттуда по всей Руси, по всѣмъ классамъ общества, проникая вглубь народной массы. Сынъ жаловался, что отецъ окруженъ злыми людьми, самъ очень жестокъ, не жалѣетъ человѣческой крови, желалъ смерти отцу, и духовникъ прощалъ ему это грѣшное желаніе. Сестра царевна Марья плакалась на безконечную войну, на великія подати, на разореніе народ-

ное, и „ея милостивое сердце снѣдала печаль отъ воздыханій народныхъ“. Ростовскій архіерей Досиѳей, лишенный сана по дѣлу о бывшей царицѣ Евдокіи, говорилъ на соборѣ архіереямъ: „Посмотрите, что у всѣхъ на сердцахъ; извольте пустить уши въ народъ, что въ народѣ говорятъ“· А въ народѣ говорили про царя, что онъ врагъ народа, оморокъ мірской, подкидышъ, антихристъ, и Богъ знаетъ, чего не говорили про него. Роптавшіе жили надеждою, авось, либо царь скоро умретъ, либо народъ поднимется на него; самъ царевичъ признался, что готовъ былъ пристать къ заговору противъ отца. Петръ слышалъ этотъ ропотъ, зналъ толки и козни, противъ него направленные, и говорилъ: „Страдаю, а все за отечество; желаю ему полезнаго, но враги пакости мнѣ дѣлаютъ демонскія“. Онъ зналъ также, что было и на что роптать: народныя тягости все увеличивались, десятки тысяч рабочихъ гибли отъ голода и болѣзней на работахъ въ Петербургѣ, Кронштотѣ, на Ладожскомъ каналѣ, войска терпѣли великую нужду, все дорожало, торговля падала. По цѣлымъ недѣлямъ Петръ ходилъ мрачный, открывая все новыя злоупотребленія и неудачи. Онъ понималъ, что донельзя, до боли напрягаетъ народныя силы, но раздумье не замедляло дѣла; никого не щадя, всего менѣе себя, онъ все шелъ къ своей цѣли, видя въ ней народное благо: такъ хирургъ, скрѣпя сердце, подвергаетъ мучительной операціи своего паціента, чтобы спасти его жизнь. Зато, по окончаніи шведской войны, первое, о чемъ заговорилъ Петръ съ сенаторами, просившими его принять титулъ императора, это— „стараться о пользѣ общей, отъ чего народъ получитъ облегченіе“. Узнавая людей и вещи, какъ они есть, привыкнувъ къ дробной, детальной работѣ надъ крупными дѣлами, за всѣмъ слѣдя самъ и всѣхъ уча собственнымъ примѣромъ, онъ выработалъ въ себѣ вмѣстѣ съ быстрымъ глазомѣромъ тонкое чутье естественной, дѣйствительной связи вещей и отношеній, живое, практическое пониманіе того, какъ дѣлаются дѣла на свѣтѣ, какими силами и съ какими усиліями

поворачивается тяжелое колесо исторіи, то поднимая, то опуская судьбы человѣческія. Оттого неудача не приводила его въ унынie, а удача не внушала самонадѣянности. Это, когда нужно, ободряло, а порой отрезвляло и сотрудниковъ. Разсказывали, что послѣ пораженія подъ Нарвой онъ говорилъ: „Знаю, что шведы еще будутъ бить насъ; пусть бьютъ; но они выучатъ и насъ бить ихъ самихъ; когда же ученье обходится безъ потерь и огорченій?“ Онъ не обольщался ни успѣхами, ни надеждами. Въ послѣдніе годы жизни, лѣчась олонецкими цѣлебными водами, онъ говорилъ своему лейбъ-медику: „Врачую тѣло свое водами, а подданныхъ примѣрами; въ томъ и другомъ исцѣленіе вижу медленное; все рѣшитъ время“. Онъ ясно видѣлъ всѣ трудности своего положенія, въ которомъ изъ 13 правителей 12 опустили бы руки, и въ самую тяжелую пору своей жизни, во время слѣдствія надъ царевичемъ, описывалъ судьбу Толстому съ сострадательной изобразительностію сторонняго наблюдателя: „Едва ли кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я. Отъ сестры (Софьи) былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахинѣ (первой женѣ) несносенъ: она была глупа. Сынъ меня ненавидитъ: онъ упрямъ“. Но Петръ поступалъ въ политикѣ, какъ на морѣ. Вся его бурная дѣятельность какъ въ миніатюрѣ изобразилась въ одномъ эпизодѣ изъ его морской службы. Въ іюлѣ 1714 г., за нѣсколько дней до побѣды при Гангудѣ, крейсируя съ своей эскадрой между Гельсингфорсомъ и Аландскими островами, онъ былъ въ темную ночь застигнутъ страшною бурей. Всѣ пришли въ отчаяніе, не зная, гдѣ берегъ. Петръ съ нѣсколькими матросами бросился въ шлюпку, не слушая офицеровъ, которые на колѣняхъ умоляли его не подвергать себя такой опасности; самъ взялся за руль, въ борьбѣ съ волнами, встряхнулъ опускавшихъ руки гребцовъ грознымъ окрикомъ: „Чего боитесь? Царя везете! Съ нами Богъ!“, благополучно достигъ берега, развелъ огонь, чтобы показать путь эскадрѣ, согрѣлъ сбитнемъ полумертвыхъ гребцовъ, а

самъ, весь мокрый, легъ и, покрывшись парусиной, заснулъ у костра подъ деревомъ.

Неослабное чувство долга, мысль, что этотъ долгъ— неуклонно служить общему благу государства и народа, беззавѣтное мужество, съ какимъ подобаетъ это служеніе,— таковы основныя правила той школы, проводившей своихъ учениковъ сквозь огонь и воду, о которой говорилъ Неплюевъ Екатеринѣ II. Эта школа способна была воспитывать не одинъ страхъ грозной власти, но и обаяніе нравственнаго величія. Разсказы современниковъ даютъ только смутно почувствовать, какъ это дѣлалось; а дѣлалось, кажется, довольно просто, какъ бы само собой, дѣйствіемъ неуловимыхъ впечатлѣній. Неплюевъ разсказываетъ, какъ онъ съ товарищами въ 1720 г., по окончаніи заграничной выучки, держалъ экзаменъ передъ самимъ царемъ, въ полномъ собраніи адмиралтейской коллегіи. Неплюевъ ждалъ представленія царю, какъ страшнаго суда. Когда дошла до него очередь на экзаменѣ, Петръ самъ подошелъ къ нему и спросилъ: „Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?“ Тотъ отвѣчалъ, что старался по всей возможности, но не можетъ похвалиться, что всему научился, и говоря это, сталъ на колѣни. „Трудиться надобно“, сказалъ на это царь, и оборотивъ къ нему ладонью правую руку, прибавилъ: „Видишь братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все для того—показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость видѣть себѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству. Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, только не робѣй; что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи“. Царь остался доволенъ отвѣтами Неплюева и потомъ, ближе узнавъ его на корабельныхъ постройкахъ, отзывался о немъ: „Въ этомъ маломъ путь будетъ“. Петръ замѣтилъ дипломатическія способности въ 27-лѣтнемъ поручикѣ галернаго флота и въ слѣдующемъ же году прямо назначилъ его на трудный постъ резидента въ Константинополѣ. При отпускѣ въ Турцію Петръ поднялъ упавшаго ему въ ноги со

слезами Неплюева и сказалъ: „Не кланяйся, братецъ! я вамъ отъ Бога приставникъ, и должность моя смотрѣть, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Будешь хорошо служить, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь, а буде худо, такъ и истецъ, ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобы злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрой и правдой; вначалѣ Богъ, а по Немъ и я долженъ буду не оставить. Прости, братецъ! прибавилъ царь, поцѣловавъ Неплюева въ лобъ:— приведетъ ли Богъ свидѣться?“ Они уже не свидѣлись. Этотъ умный и неподкупный, но суровый и даже жесткій служака, получивъ въ Константинополѣ вѣсть о смерти Петра, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: „Ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе мнѣ и грѣшно бы было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ насъ узнавать, что и мы люди“. Послѣ, переживъ шесть царствованій и доживъ до седьмого, онъ по отзыву его друга Голикова, не переставалъ хранить безпредѣльное почитаніе къ памяти Петра Великаго и имя его не иначе произносилъ, какъ священное, и почти всегда со слезами.

Впечатлѣніе, какое производилъ Петръ на окружающихъ своимъ обращеніемъ, своими ежедневными сужденіями о текущихъ дѣлахъ, взглядомъ на свою власть и на свое отношеніе къ подданнымъ, замыслами и заботами о будущемъ своего народа, самыми затрудненіями и опасностями, съ которыми ему приходилось бороться,—всей своею дѣятельностью и всѣмъ своимъ образомъ мыслей, трудно передать выразительнѣе того, какъ передалъ его Нартовъ. „Мы бывшіе сего великаго государя слуги, воздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки жестокосердію его, котораго въ немъ не было. Когда бы многіе знали, что претерпѣвалъ, что сносилъ и какими уязвляемъ былъ горестями, то ужаснулись бы, колико снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ и прощалъ преступленія, не заслуживающія милосердія; и

хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако, духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ для того, что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него".

Нартовъ, подобно Неплюеву, какъ близкій человѣкъ, стоялъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петра. Но дѣятельность преобразователя такъ захватывала общее вниманіе, ея побужденія были такъ открыты и такъ нравственно убѣдительны, что ея впечатлѣніе изъ тѣснаго круга приближенныхъ пробивалось вглубь общества, заставляло даже простыя и грѣшныя, но не предубѣжденныя души понимать и чувствовать, чему она учила, и бояться царя, по удачному выраженію Ѳеофана Прокоповича, не только за гнѣвъ его, но и за совѣсть. Петру едва ли приходилось слышать о себѣ сужденія, подобныя высказанному Нартовымъ: онъ не любилъ этого. Но его должно было глубоко утѣшить предсмертное письмо нѣкоего Ивана Кокошкина, полученное имъ въ 1714 г. и сохранившееся въ его бумагахъ. Лежа на смертномъ одрѣ, этотъ Кокошкинъ страшится предстать предъ лицомъ Божіимъ, не принесши чистаго покаянія пресвѣтлому монарху, покуда еще грѣшная душа съ тѣломъ не разлучилась, и не получивъ прощенія въ своихъ грѣхахъ по службѣ: состоялъ онъ при рекрутскихъ наборахъ въ Твери и отъ тѣхъ рекрутскихъ наборовъ бралъ себѣ взятки, кто что приносилъ; да онъ же Иванъ Кокошкинъ ему, государю, виновенъ,—оговореннаго въ воровствѣ человѣка отдалъ въ рекруты за своихъ крестьянъ. Великая награда государю стать заочно предсмертнымъ судьею совѣсти своего подданнаго. Петръ Великій полностію заслужилъ эту награду.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ	1— 23.
С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель.	24— 35.
Памяти С. М. Соловьева	35— 56.
Рѣчь въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 6 іюня 1880 г. въ день открытія памятника Пушкину	57— 66.
Евгеній Онѣгинъ и его предки	67— 89.
Содѣйствіе Церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка.	90—116.
Грусть. Памяти М. Ю. Лермонтова	117—139.
Добрые люди древней Руси	140—162.
И. Н. Болтинъ	163—198.
Значеніе Преп. Сергія для русскаго народа и государства.	199—215.
Два воспитанія	216—247.
Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени .	248—278.
Недоросль Фонвизина	279—311.
Императрица Екатерина II	312—385.
Западное вліяніе и церковный расколъ въ Россіи XVII в.	386—470.
Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ . .	471—514.

Сочиненія Василія Осиповича Ключевскаго,

вышедшія изъ печати и намѣченныя къ печатанію въ ближайшемъ будущемъ (на особомъ вкладномъ листѣ — перечень изданій, находящихся въ продажѣ).

Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ.

Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ.

Боярская дума древней Руси.

Курсъ русской исторіи.

Единственный подлинный текстъ. Въ пяти отдѣльныхъ частяхъ. Часть пятая имѣетъ выдти въ 1913 г.

Краткое пособіе по русской исторіи.

Статьи.

Первый сборникъ: «Опыты и изслѣдованія». Второй: «Очерки и рѣчи». (Третій будетъ заключать критическія статьи и приложенія ко всѣмъ тремъ сборникамъ изъ неизданныхъ рукописей).

Особые курсы.

Исторія сословій въ Россіи. Методологія. Терминологія и др.

Складъ изданій проф. В. Ключевскаго

(Москва, Житная, с. д.),

сообщаетъ по первому требованію подробный перечень изданій, вышедшихъ изъ печати ко дню запроса, а равно условія продажи ихъ.

Цѣна 60 руб.

На корешкѣ каждаго экземпляра долженъ быть авторскій штемпель.

2019373361